

АНТОННИИ КЛЕОПАТРА

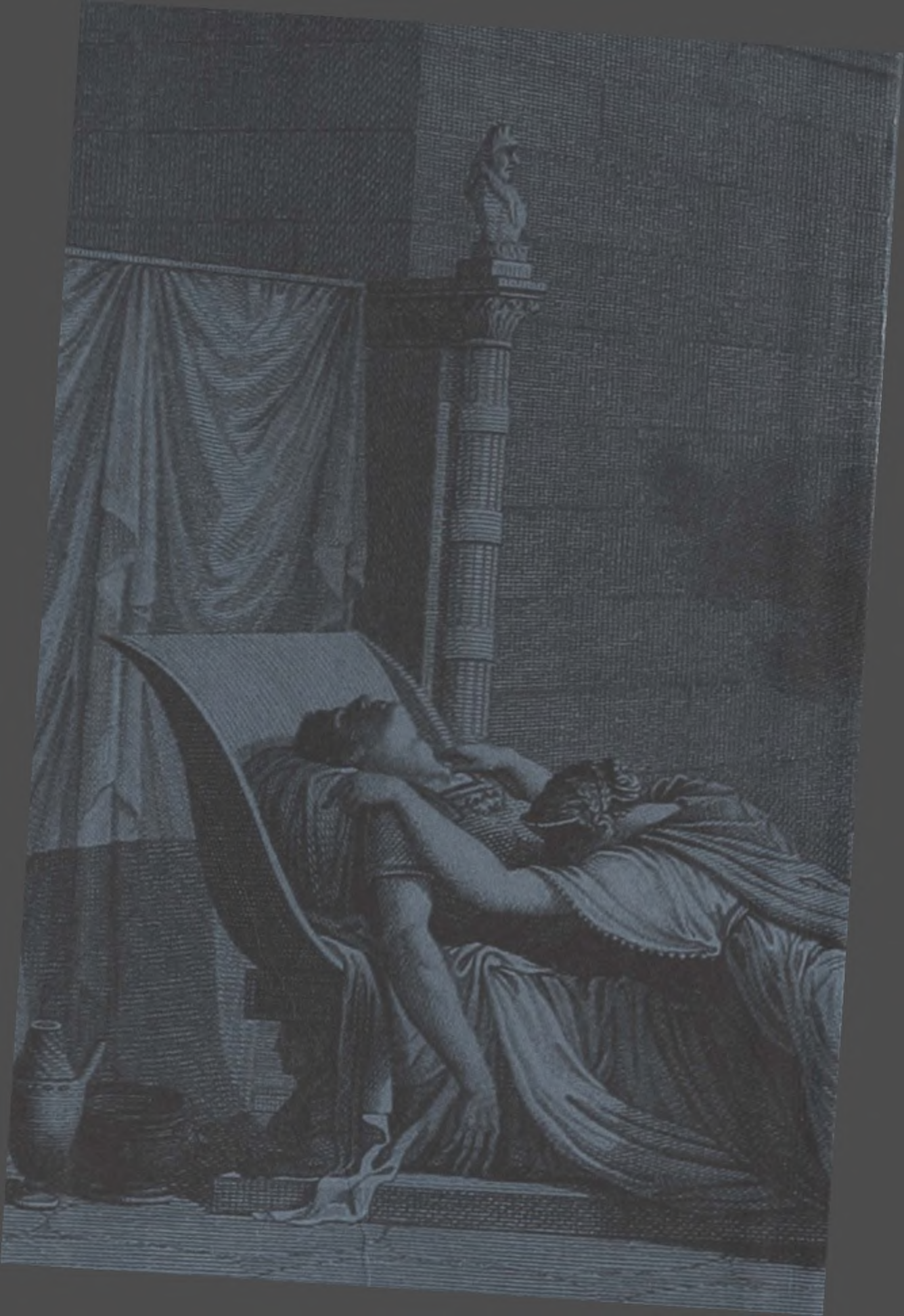
Грандиозная захватывающая сага...
Трагическая развязка в умелых руках Маккалоу
не менее потрясающа оттого, что предрешена
и известна заранее.

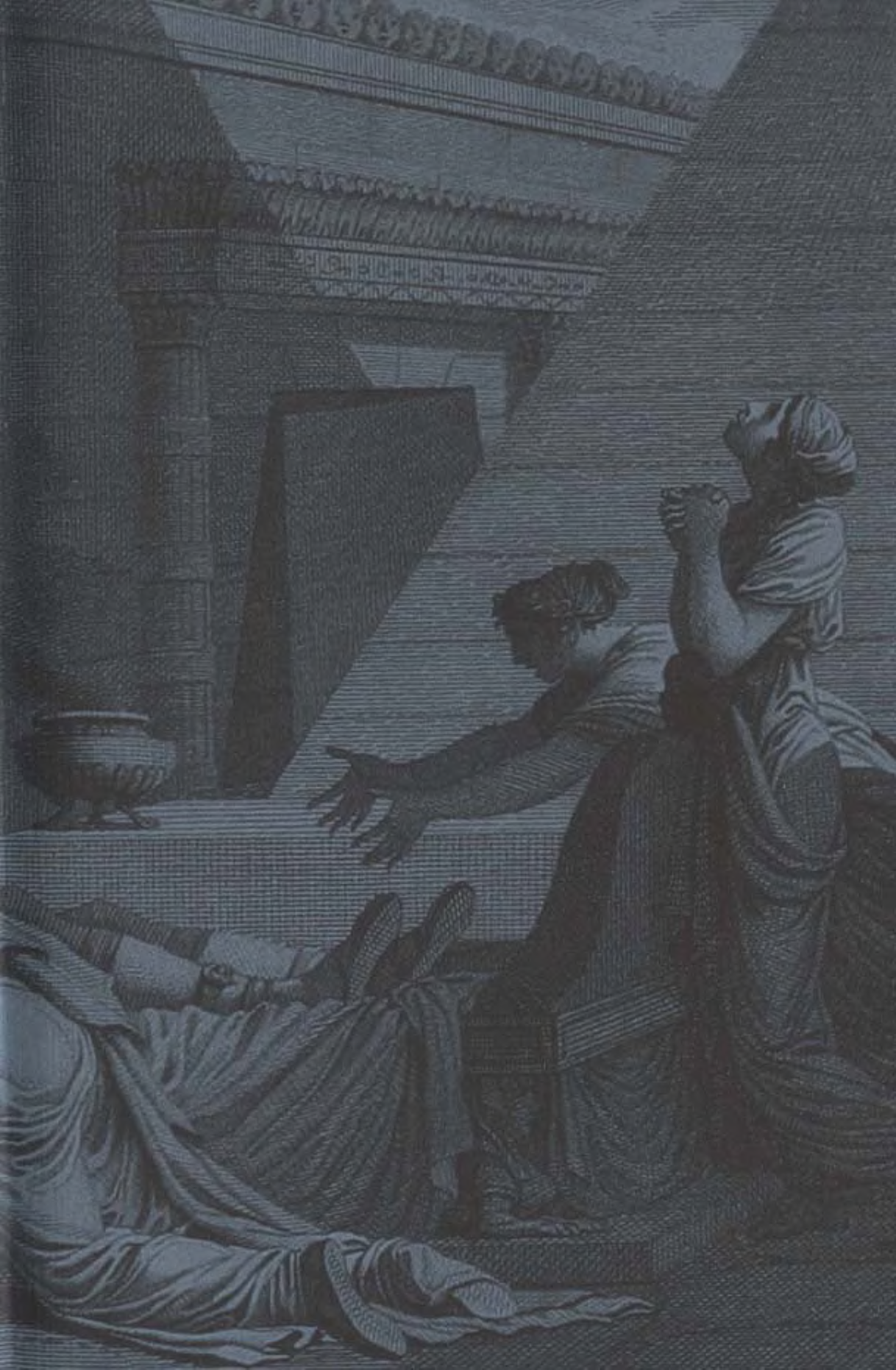
Publishers Weekly

КОЛИН МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

the big book

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВЛАДЫКИ РИМА

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В РИМЕ

БИТВА ЗА РИМ

ФАВОРИТЫ ФОРТУНЫ

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЗАРЯ

ЦЕЗАРЬ, ИЛИ ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

ПАДЕНИЕ ТИТАНА,
ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

КОЛИН
МАККАЛОУ

АНТОНИЙ
И
КЛЕОПАТРА

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М 15

Colleen McCullough
ANTONY AND CLEOPATRA
Copyright © Colleen McCullough, 2007
This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Антонины Костровой

Иллюстрации Колин Маккалоу

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

ISBN 978-5-389-18288-2

© А. П. Кострова, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Непотопляемому Энтони Читаму
с любовью и огромным уважением*

Список карт и иллюстраций

Карты

Восток Антония	14–15
Александрия после Александрийской войны	45
Запад Октавиана	137
Марш Антония к Фрааспе	371
Ближние провинции	399
Египет Клеопатры	509
Кампания 31 г. до Р. Х. Битва при Акции	604

Иллюстрации

Марк Антоний	10
Гай Юлий Цезарь Октавиан	122
Октавия	252
Ливия Друзилла	252
Клеопатра	352
Марк Випсаний Агриппа	546
Цезарь Август	702

I
АНТОНИЙ
НА
ВОСТОКЕ

41 г. до Р. Х. — 40 г. до Р. Х.

ANTONY

MARCUS ANTONIUS

1

Квинт Деллий не был военным человеком, и участвовать в битвах ему не доводилось. У него был другой конек: он умел дать совет начальникам, да так тонко, что у них складывалось впечатление, будто это они все придумали.

После сражения у Филипп, где Октавиан и Антоний разбили войска Брута и Кассия, а сам Деллий ничем не отличился, но и не вызвал неудовольствия у своих командиров, он решил примкнуть к Марку Антонию и поехать с ним на Восток.

В Риме оставаться было нельзя, и Деллий, поразмыслив, понял это. Там все сводилось к выбору, на чью сторону встать во всеобщей судорожной борьбе между теми, кто вознамерился контролировать Рим... — нет, будь честен, Деллий! — править Римом. После того как Брут, Кассий и прочие убили диктатора, все подумали, что Марк Антоний, близкий родственник Цезаря, наследует его имя, состояние и миллионы его клиентов. Но что сделал Цезарь? Написал завещание, по которому все оставил своему восемнадцатилетнему внучатому племяннику Гаю Октавию! Антония он даже не упомянул в документе, — от этого удара Антоний, уверенный, что именно он получит высокие красные башмаки Цезаря, так и не оправился. Но не в характере Антония быть вторым на финише. Поначалу юноша, которого теперь все называли Октавианом, не беспокоил его. Антоний был в расцвете сил, знаменитый военачальник, глава крупной фракции в сенате, а Октавиан — болезненный юноша, и казалось, что раздавить его так же легко, как жука. Но так же легко не получилось, и Антоний не знал, как поступить с хитрым смазливый мальчишкой, обладающим умом и мудростью семидесятилетнего старца. Большинство римлян подозревали, что Антоний, имевший дурную славу транжиры и нуждавшийся в деньгах Цезаря, чтобы рас-

платиться с долгами, принимал участие в заговоре, и его поведение после убийства Цезаря только укрепило эти подозрения. Он не делал попыток наказать заговорщиков, напротив, он их оправдал. Но Октавиан, очень любивший Цезаря, постепенно подрывал авторитет Антония и в конце концов заставил его объявить убийц вне закона. Как он это сделал? Склонил бóльшую часть легионов Антония на свою сторону, завоевал любовь римского народа и украл тридцать тысяч талантов из военной казны Цезаря, причем так виртуозно, что никому, даже Антонию, не удалось доказать, что вором был Октавиан. Поскольку у Октавиана оказались и солдаты, и деньги, у Антония не оставалось выбора, ему пришлось считаться с Октавианом. В это время Брут и Кассий стали претендовать на власть. Союзники поневоле, Антоний и Октавиан повели свои легионы в Македонию и встретили войска Брута и Кассия у города Филиппы. Это была важная победа для Антония и Октавиана, но она не решила их главной проблемы: кто в конце концов будет Первым человеком в Риме, некоронованным царем, поддерживающим иллюзии, что Рим — это республика, которой управляют сенат и несколько народных собраний. Вместе сенат и народ Рима: *senatus populusque Romanus*, *SPQR*.

Как обычно, мысли Деллия вернулись к Антонию. Да, у Филипп одержана победа. Но у Антония нет жизнеспособной стратегии, как потеснить Октавиана. Антоний — это стихия, он сильный, импульсивный, вспыльчивый и абсолютно недальновидный. Он обладает огромным личным обаянием, привлекая людей своими чисто мужскими качествами: храбростью, геркулесовым сложением, заслуженной репутацией потрясающего любовника, умом, которого хватает, чтобы произносить громовые речи в сенате. Его слабости простительны, поскольку свойственны всем настоящим мужчинам: приверженность плотским утехам и безрассудная расточительность.

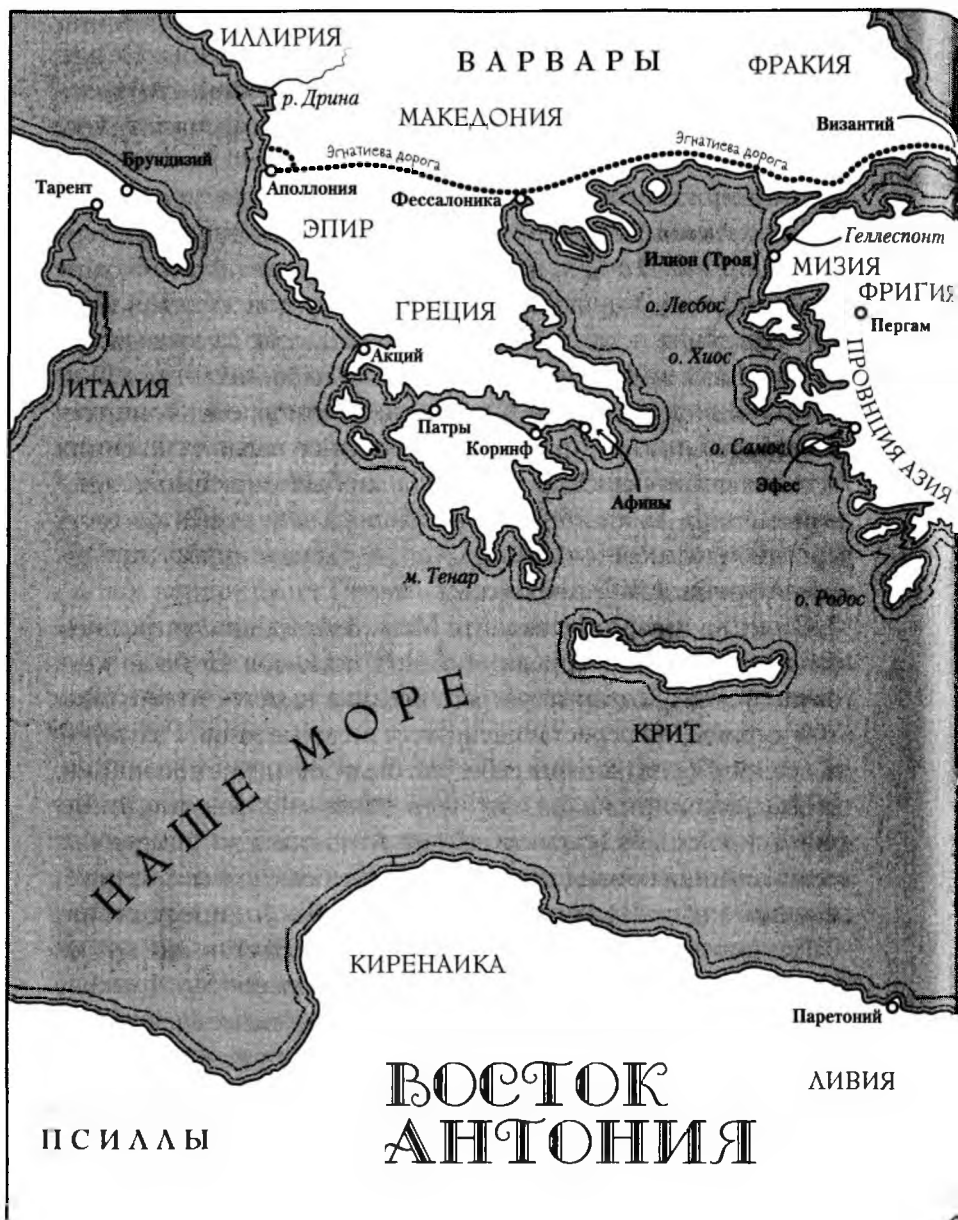
Антоний решил проблему следующим образом: предложил Октавиану разделить между ними Римский мир, бросив поддачку Марку Лепиду, верховному понтифику и главе большой фракции в сенате. Шестьдесят лет постоянных гражданских

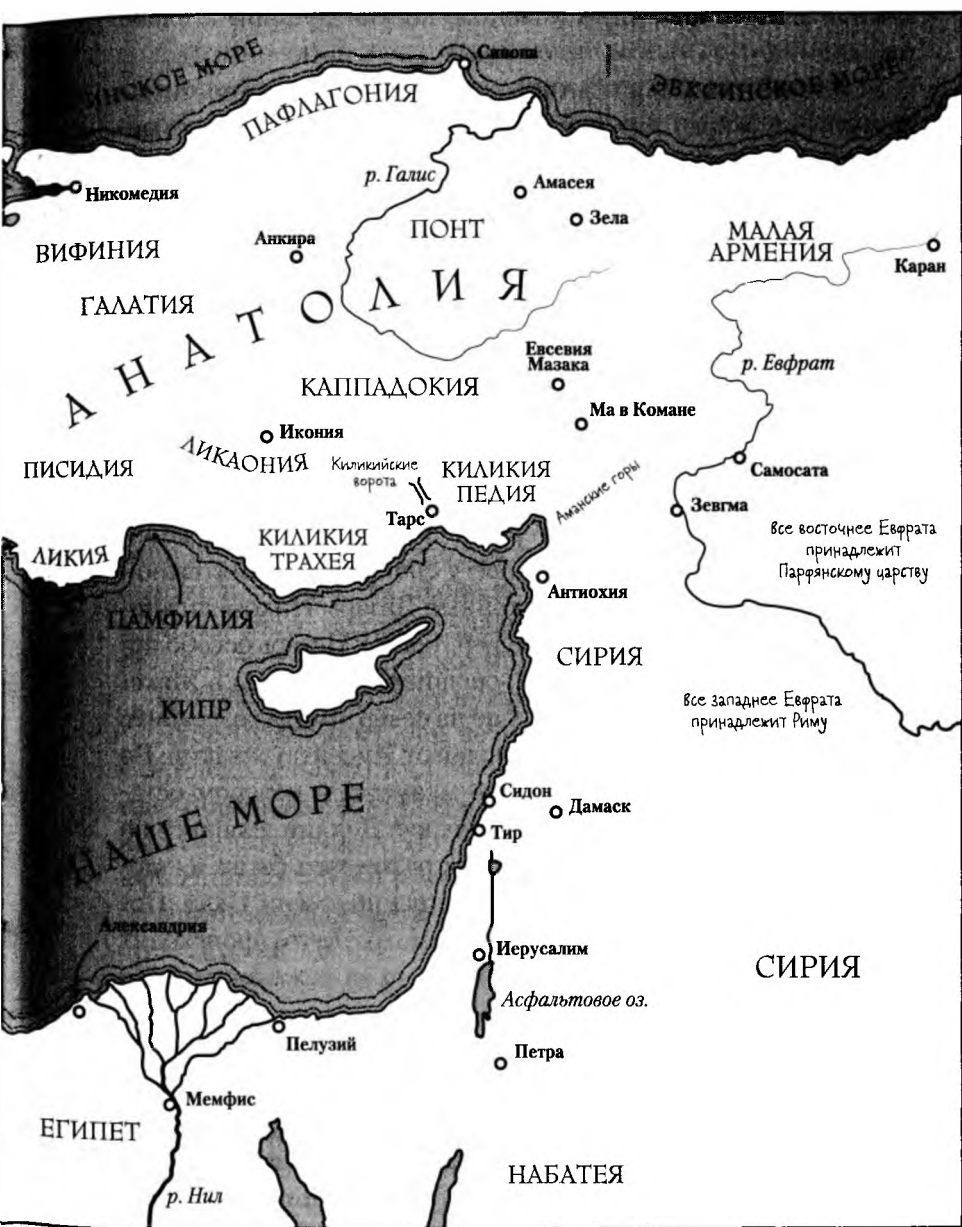
войн обессилили Рим, чей народ, как и народ Италии, стонал от низких доходов, нехватки хлеба и растущего убеждения, что правящая верхушка — некомпетентна и продажна. Не желая видеть, как меркнет его слава, Антоний решил, что он заберет львиную долю себе, а остатки отдаст этому шакалу Октавиану.

Итак, после Филипп победители поделили провинции в пользу Антония. Октавиан получил самые незавидные территории: Рим, Италию и большие острова Сицилию, Сардинию и Корсику, где выращивали пшеницу для жителей Италии, уже давно неспособных прокормить себя самостоятельно. Это была весьма характерная для Антония тактика: Рим и Италия видели только Октавиана, и одновременно повсеместно усиленно распространялись слухи о великих подвигах Антония в заморских краях. Октавиан был мишенью для недовольства, а Антоний пожинал лавры вдали от центра государства. Что касается Лепида, ему досталась другая житница — Африка, сущее захолустье.

Стоит ли говорить о том, что Марк Антоний получил львиную долю! Не только провинций, но и легионов. Не было у него лишь денег, которые он рассчитывал выжать из Востока, этой курицы, не перестающей нести золотые яйца. Разумеется, все три Галлии он взял себе. Это были западные провинции, но Цезарь усмирил их, и они были достаточно богатые, чтобы финансировать будущие кампании Антония. Его доверенные военачальники командовали многочисленными галльскими легионами, так что Галлия могла обойтись без его присутствия.

Цезаря убили за три дня до похода на Восток, где он намеревался завоевать сказочно богатое и грозное Парфянское царство, чтобы с помощью добытых трофеев вновь поставить Рим на ноги. Он планировал отсутствовать пять лет и все продумал с присущей ему легендарной гениальностью. А теперь, когда Цезарь мертв, это Марк Антоний победит парфян и вновь поставит Рим на ноги. Антоний детально изучил планы Цезаря, демонстрирующие блестящий ум старика, и решил, что может усовершенствовать их. К такому выводу его во многом подвигли товарищи, которые пошли с ним на Восток. Все

они были подхалимы и отлично знали, как подыграть такой важной птице, как Марк Антоний, неравнодушной к славе и лести.

К сожалению, Квинт Деллий пока не имел возможности давать советы Марку Антонию, хотя и его совет был бы лестью, бальзамом для самолюбия Антония. Итак, пустившись в путь по Эгнатиевой дороге на злобной, раздражительной лошадке, испытывая боль в намятых яйцах и свисающих без опоры ногах, Квинт Деллий ждал своего шанса, который все еще не представился к тому времени, как Антоний пересек границу Азии и остановился в Никомедии, столице его провинции Вифинии.

Каким-то образом все властители и цари — клиенты Рима на Востоке учуяли, что великий Марк Антоний направится в Никомедию, и поспешили туда, заняв лучшие гостиницы или раскинув роскошные лагеря на окраине города, расположенного в красивом месте на берегу спокойной безмятежной бухты, которое очень любил покойный Цезарь. Никомедия по-прежнему выглядела процветающей, так как Цезарь освободил ее от налогов, а Брут и Кассий, спешившие на запад в Македонию, не рискнули пойти дальше на север, чтобы разграбить ее так, как они грабили сотни городов от Иудеи до Фракии. Во дворце из розового и пурпурного мрамора, в котором остановился Антоний, для легатов, таких как Деллий, нашлось по крохотной комнатке, где Деллий смог разместить багаж и старшего из своих слуг, вольноотпущенника по имени Икар. Покончив с этим, Деллий отправился посмотреть, что происходит вокруг, и обдумать, как заполучить место на ложе достаточно близко к Антонию, чтобы принять участие в беседе Великого человека за обедом.

Смертельно бледные, с бьющимися сердцами, цари толпились в залах, трясаясь от страха, потому что они поддерживали Брута и Кассия. Прибыл даже старый царь Галатии Дейотар, старший по возрасту и по годам службы, в сопровождении двух из своих многочисленных сыновей, его любимцев по мнению Деллия. Попликола, близкий друг Антония, представил

ему Дейотара, но потом растерялся: слишком много лиц и мало лет службы на Востоке, чтобы узнать их всех.

Скромно улыбаясь, Деллий ходил между группами людей в заморских одеяниях, и глаза его поблескивали при виде особенно большого изумруда или расшитых золотом головных уборов. Конечно, он хорошо знал греческий и смог побеседовать с этими самодержцами стран и народов. Его улыбка становилась шире при мысли, что, несмотря на изумруды и золото, все явились сюда засвидетельствовать почтение Риму, их полновластному господину. Риму, у которого не было царя, чьи старшие магистраты носили простую белую тогу с пурпурной каймой, а железное кольцо иных сенаторов ценилось выше золота. Железное кольцо означало, что члены римской семьи в течение пятисот лет периодически занимали государственные посты. Эта мысль заставила бедного Деллия спрятать свое золотое сенаторское кольцо в складках тоги. Ни один Деллий еще не становился консулом, ни один Деллий не прославился хотя бы сотню лет назад, не говоря уже о пяти. У Цезаря было железное кольцо, а у Антония нет. Антонии — не столь древний род. И кольцо Цезаря перешло к Октавиану.

Воздуха, воздуха! Ему нужен свежий воздух!

Дворец был построен вокруг огромного сада перистилия, в середине которого, в длинном неглубоком бассейне, бил фонтан. Фонтан из чисто-белого парфянского мрамора, украшенный скульптурными изображениями тритонов и дельфинов, не был реалистично расписан, — большая редкость. Тот, кто создал это замечательное творение, был мастером. Знаток искусства, Деллий так быстро устремился к фонтану, что не заметил, что кто-то уже опередил его и сидит, опустив голову, на широком краю бассейна. Когда Деллий приблизился, человек поднял голову. Теперь встречи нельзя было избежать.

Это оказался иностранец, знатный, ибо на нем была дорогая одежда из златотканого тирского пурпура. На голове с сальными черными кудрями, вьющимися как змеи, красовалась шапочка из золотой парчи. Деллий видел много восточных людей и знал, что кудри сальны не от грязи. Их смазывали душистыми маслами. Большинство царей-просителей были

греками, чьи предки жили на Востоке веками. Но этот человек был иного происхождения, и Деллий сразу это понял, потому что в Риме жило много людей, похожих на него. Конечно, не наряжавшихся в тирский пурпур и золото, а предпочитавших домотканые одежды темных цветов. Он не мог ошибиться. Тот, кто сидел на краю фонтана, был евреем.

— Можно присоединиться? — спросил Деллий на греческом, сопровождая вопрос обворожительной улыбкой.

Такая же обворожительная улыбка появилась на лице незнакомца с массивным двойным подбородком. Жестом руки с ухоженными ногтями он пригласил Деллия присесть, сверкнув кольцами.

— Пожалуйста. Я — Ирод из Иудеи.

— А я — Квинт Деллий, римский легат.

— Я не мог вынести столпотворения в помещении, — объяснил Ирод, опустив уголки толстых губ. — Тьфу! Некоторые из этих неблагодарных не мылись с тех пор, как повитуха вытерла их грязной тряпкой.

— Ты сказал — Ирод. Не царь, не царевич?

— У меня должен быть титул! Моим отцом был Антипатр, идумейский царевич, который был правой рукой еврейского царя Гиркана. Потом приспешники претендента на трон убили его. Отца очень любили римляне, включая Цезаря. Но я расправился с его убийцей, — довольно произнес Ирод. — Я видел, как он умирал, валяясь на вонючих трупах моллюсков в Тире.

— Смерть не для еврея, — заметил Деллий со знанием дела.

Он внимательнее присмотрелся к Ироду, пораженный уродством этого человека. Ирод был очень похож на Мецената, близкого друга Октавиана, хотя их предки происходили из совершенно разных мест. Оба они напоминали лягушек. У Ирода были глаза навывкате, но не голубые, как у Мецената, а тусклого цвета черного обсидиана.

— Насколько я помню, — продолжал Деллий, — весь юг Сирии встал на сторону Кассия.

— Включая евреев. И я лично признателен этому человеку, несмотря на то что Рим Антония считает его предателем. Он разрешил мне прикончить убийцу моего отца.

— Кассий был воином, — грустно промолвил Деллий. — Если бы и Брут был воином, сражение у Филипп могло бы закончиться совсем по-другому.

— Птицы щебечут, что у Антония тоже был неумелый партнер.

— Странно, до чего громко могут щебетать птицы, — ухмыльнулся Деллий. — Так что привело тебя к Марку Антонию, Ирод?

— Ты, наверное, заметил пятерых убого одетых воробьев среди стаи ярких фазанов там, внутри?

— Нет. Все выглядели для меня как яркие фазаны.

— О, они там, мои пять воробьев из синедриона! Демонстрируют свою исключительность, стоя от остальных как можно дальше.

— Это значит, что они торчат в углу, за колонной.

— Правильно, — кивнул Ирод, — но, когда появится Антоний, они выступят вперед, стая и бия себя в грудь.

— Ты еще не сказал мне, почему ты здесь.

— На самом деле там больше пяти воробьев. Я, как сокол, слежу за ними. Они намерены увидеть триумвира Марка Антония и изложить ему свое дело.

— Какое дело?

— Что я плету интриги против законных наследников и что мне, иноверцу, удалось настолько втереться в доверие к царю Гиркану и его семье, что меня считают женихом дочери царицы Александры. Это кратко. Чтобы выслушать полную версию, понадобятся годы.

Деллий удивленно прищурил хитрые карие глаза:

— Иноверец? Кажется, ты сказал, что ты еврей.

— Не по закону Моисея. Мой отец женился на набатейской царевне Кипре. Арабке. А поскольку евреи считаются евреями по материнской линии, дети моего отца стали иноверцами.

— Тогда чего ты надеешься добиться здесь, Ирод?

— Всего, если мне разрешат сделать то, что необходимо. Евреям нужна твердая рука — спроси любого римского наместника Сирии с тех пор, как Помпей Великий сделал Сирию про-

винцией. Я намерен быть царем евреев, нравится им это или нет. И стану им, если женюсь на царевне из династии Хасмонеев, ведущей свой род от Иуды Маккавея. Наши дети будут евреями, а я намерен иметь много детей.

— Значит, ты здесь, чтобы защищать себя? — спросил Деллий.

— Да. Делегация синедриона потребует, чтобы меня и всех членов моей семьи выслали под страхом смерти. Сами они не могут это сделать без разрешения Рима.

— Да, трудная задача, если принять во внимание поддержку Кассия! — весело воскликнул Деллий. — Антонию надо будет выбирать между двумя фракциями, которые поддерживали не того человека.

— Но мой отец поддерживал Юлия Цезаря, — возразил Ирод. — Мне только надо убедить Марка Антония, что, если мне разрешат жить в Иудее, я всегда буду на стороне Рима. Он был в Сирии несколько лет назад, когда Габиний служил там наместником, так что Антоний знает, какой беспокойный народ евреи. Но вспомнит ли он, что мой отец помогал Цезарю?

— Хм, — промычал Деллий, щурясь на радугу водяных брызг, бьющих изо рта дельфина. — Почему Марк Антоний должен помнить об этом, если совсем недавно ты был человеком Кассия? Догадываюсь, как и твой отец до своей смерти.

— Я неплохой адвокат и смогу защитить себя.

— При условии, что тебе дадут шанс.

Деллий поднялся, тепло пожал руку Ирода.

— Желаю тебе успеха, Ирод из Иудеи. Если я сумею помочь тебе, то помогу.

— Я буду очень благодарен.

— Ерунда! — засмеялся Деллий, уходя. — Нет у тебя таких денег.

Марк Антоний был на удивление трезв с тех пор, как отправился на Восток, однако шестьдесят человек в его окружении ожидали, что Никомедия увидит сибарита Антония. По этой же причине, узнав о его появлении по соседству, из Византия поспешила труппа музыкантов и танцовщиц, поскольку

ку от Испании до Вавилонии каждый член Общества актеров — поклонников Диониса знал имя Марка Антония. К всеобщему изумлению, Антоний отпустил музыкантов, наградив их золотом, и продолжал оставаться трезвым, хотя и с тоскливым выражением на красиво-безобразном лице.

— Ничего не поделаешь, Попликола, — вздохнув, сказал он своему лучшему другу. — Ты видел, сколько царей стояло вдоль дороги, когда мы въезжали? Сколько их устремилось в залы, как только распорядитель открыл двери? Все они здесь, чтобы опередив остальных, урвать что-нибудь у Рима — и у меня. Но я не поддамся. Я выбрал Восток не как свою вотчину, чтобы забрать богатства, которые имеются здесь в таком изобилии. Я буду судить от имени Рима с ясной головой и со спокойным желудком. Луций, ты помнишь, как возмущился Цицерон, когда меня вырвало прямо на твою тогу на ростере? — засмеялся Антоний. — Сначала дело, Антоний, дело! — обратился он к себе самому. — Они провозгласили меня новым Дионисом, но они скоро увидят, что на это время я — суровый старый Сатурн. — В коричнево-рыжих глазах, слишком маленьких и близко посаженных, чтобы понравиться портретисту, блеснул озорной огонек. — Новый Дионис! Бог вина и наслаждений. Должен сказать, мне нравится это сравнение. Лучшее, что они сделали для Цезаря, — провозгласили его просто богом.

Зная Антония с детства, Попликола не сказал, что просто бог выше бога того или сего. Его главной заботой было следить за Марком, чтобы он не утратил дееспособности, поэтому он с облегчением выслушал речь Антония. Таков был Антоний. Он мог вдруг прервать порой длившиеся месяцами попойки, особенно когда брало верх чувство самосохранения. Как это произошло сейчас. И Антоний был прав. Нашествие властителей влекло неприятности и тяжелую работу, поэтому ему надо было узнать их всех и решить, какие правители сохранят свои троны, а какие — потеряют. Другими словами, какие правители лучше для Рима.

Учитывая все это, у Деллия появилась слабая надежда, что в Никомедии он достигнет своей цели и станет ближе к Анто-

нию. И тут в дело вмешалась Фортуна: началось все с того, что обед перенесли на вечер. И когда взгляд Антония скользил по шестидесяти римлянам, входившим в столовую, по непонятной причине он остановился на Квинте Деллии. Что-то в нем нравилось великому человеку, хотя Антоний не мог определить, что именно. Может быть, Квинт Деллий умел успокаивать, проливая бальзам своего красноречия на самые неприятные темы.

— Стой, Деллий! — рявкнул Антоний. — Присоединяйся ко мне и Попликоле!

Братья Децидии Саксы, Барбат и несколько других ошетились, но никто не промолвил ни слова, когда обрадованный Деллий сбросил на пол тогу и сел на край ложа, образующего низ буквы «U». Пока слуга поднимал тогу и складывал ее — трудная работа! — другой слуга снял с Деллия обувь и омыл ему ноги. Деллий не допустил ошибки и не сел на *locus consularis*. Туда сядет Антоний, а Попликола займет середину. Деллию отводится дальний конец ложа, наименее почетное место, но какой взлет для него! Он чувствовал, как все присутствующие сверлят его взглядами, пытаясь догадаться, что он сделал такого, чтобы заслужить это продвижение.

Блюда были изысканными, хоть и не совсем в римском вкусе: слишком много баранины, отварной рыбы, странные приправы, незнакомые соусы. Однако присутствовал слуга, ответственный за перец, со ступкой и пестиком. А стоило римскому гурману щелчком пальцев потребовать щепотку свежемолотого перца, все становилось съедобным, даже германская вареная говядина. Было вдоволь самосского вина, хотя и разбавленного водой. Как только Деллий увидел, что Антоний пьет его с водой, он сделал то же самое.

Сначала Антоний молчал, но, когда унесли основные блюда и подали сласти, он громко рыгнул, похлопал по своему плоскому животу и довольно вздохнул.

— Деллий, что ты думаешь об этом сборище царей и цариц? — приветливо спросил он.

— Очень странные люди, Марк Антоний, особенно для того, кто никогда не был на Востоке.

— Странные? Ага, странные, согласен! Хитрые, как помойные крысы, у них больше лиц, чем у Януса, и кинжалы такие острые, что ты и не почувствуешь, как они окажутся у тебя между ребер. Удивительно, что они поддержали Брута и Кассия против меня.

— Не так уж удивительно, — промолвил Попликола, который очень любил сладкое и наслаждался засахаренным в меду кунжутом. — Они допустили ту же ошибку с Цезарем, поддержав Помпея Магна. Ты вел кампании на Западе, как и Цезарь. Они не знали тебя. Брут был никем, но Гай Кассий был овеян мистической славой. Он избежал смерти с Крассом у Карр, потом очень хорошо управлял Сирией в преклонном возрасте тридцати лет. О Кассии ходили легенды.

— Я согласен, — сказал Деллий. — Их мир ограничен восточным концом Нашего моря. Что происходит в обеих Испаниях и Галлиях на западном конце — им неизвестно.

— Правильно. — Антоний скривился при виде сладких блюд на низком столе перед ложем. — Попликола, вымой лицо! Я не знаю, как ты можешь переваривать эту медовую кашу.

Попликола отодвинулся, а Антоний взглянул на Деллия с выражением, которое говорило, что он понимает многое из того, что Деллий надеялся утаить: бедность, статус «нового человека», чрезмерные амбиции.

— Привлек ли кто-то из этих помойных крыс твое внимание, Деллий?

— Один, Марк Антоний. Еврей по имени Ирод.

— Ага! Роза среди пяти сорняков.

— Он уподобил себя птице — сокол среди пяти воробьев.

Антоний утробно засмеялся.

— Ну, при наличии Дейотара, Ариобарзана и Фарнака не думаю, что у меня хватит времени оказать внимание полудюжине задиристых евреев. Неудивительно, что пять сорняков ненавидят нашу розу Ирода.

— Почему? — спросил Деллий, принимая заинтересованный вид.

— Во-первых, его регалии. Евреи не одеваются в золото и тирский пурпур — это против их законов. Никаких царских

украшений, никаких изображений, а свое золото они хранят в Большом храме. Красс ограбил Большой храм, взяв оттуда две тысячи талантов золота, прежде чем отправиться завоевывать Парфянское царство. Евреи прокляли его, и он умер постыдной смертью. Затем пришел Помпей Магн, прося золота, потом Цезарь, потом Кассий. Они надеются, что я так не сделаю, хотя знают наверняка, что я так и поступлю. Как Цезарь, я потребую у них сумму, равную той, какую просил Кассий.

Деллий нахмурился.

— Я не... э-э...

— Цезарь потребовал сумму, равную той, какую они дали Помпею.

— О, понимаю! Прости мое невежество.

— Мы все здесь, чтобы учиться, Квинт Деллий, и ты поразительно быстро учишься. Поэтому расскажи мне об этих евреях. Чего хотят сорняки и чего хочет роза Ирод?

— Сорняки хотят изгнать Ирода под страхом смерти, — ответил Деллий, отказавшись от птичьей метафоры. Если Антонию больше нравится собственная, то и Деллию тоже. — Ирод хочет, чтобы римским декретом ему было разрешено свободно жить в Иудее.

— А кто принесет больше пользы Риму?

— Ирод, — ответил Деллий, не раздумывая. — Он может не быть евреем, согласно их законам, но он хочет править ими, женившись на какой-то царевне благородных кровей. Если это ему удастся, я думаю, у Рима будет преданный союзник.

— Деллий, Деллий! Неужели ты считаешь, что Ирод способен на преданность?

Лицо Деллия, похожего на фавна, озарилось лукавой усмешкой.

— Конечно, если это будет в его интересах. А поскольку он знает, что народ, которым он хочет править, ненавидит его настолько, что готов убить при малейшей возможности, Рим всегда будет больше отвечать его интересам, чем евреям. Пока Рим его союзник, он защищен от всего, кроме яда и засады. И я не думаю, что он станет есть или пить, не дав слуге пред-

варительно все попробовать, да и шагу не ступит без охраны из неевреев, которым станет очень щедро платить.

— Спасибо, Деллий!

Попликола втиснулся между ними.

— Одну проблему уже решил, да, Антоний?

— С помощью Деллия. Убери все! — громко крикнул Антоний слуге. — Где Луцилий? Мне нужен Луцилий!

Наутро пять членов еврейского синедриона оказались первыми в списке просителей, озвученном глашатаем Марка Антония. Антоний был одет в тогу с пурпурной каймой, в руке он держал простой жезл из слоновой кости — знак его высоких полномочий. Это была импозантная фигура. Рядом с ним находился его любимый секретарь Луцилий, раньше служивший Бруту. Двенадцать ликторов в малиновых туниках стояли по обе стороны от его курульного кресла слоновой кости. Топорики в пучках прутьев были опущены. Антоний с ликторами расположился на возвышении, чтобы толпившиеся в зале просители хорошо их видели.

Глава делегации синедриона начал свою речь на хорошем греческом, но так цветисто и извилисто, что ему потребовалось много времени, чтобы сообщить, кто они и что заставило их проделать столь далекий путь и искать встречи с триумвиром Марком Антонием.

— О, заткнись! — вдруг рявкнул Антоний. — Заткнись и возвращайся домой! — Он выхватил у Луцилия свиток, развернул его и свирепо потряс им. — Этот документ нашли среди бумаг Гая Кассия после Филипп. Здесь говорится, что только Антипатру, опекуну так называемого царя Гиркана, и его сыновьям Фазаелю и Ироду удалось собрать золото для Кассия. Евреи не дали ничего, кроме кубка с ядом для Антипатра. Оставляя в стороне тот факт, что золото было предназначено для неправого дела, мне ясно, что евреи значительно больше любят золото, чем Рим. Когда я приду в Иудею, что изменится? Да ничего! В Ироде я вижу человека, готового платить Риму дань и налоги, которые идут — напоминаю вам — на под-

держание мира и благополучия ваших государств! Когда вы отдавали золото Кассию, вы просто финансировали его армию и флот! Кассий был изменником, он взял то, что по праву принадлежит Риму! Ага, ты трясешься от страха, Дейотар? Поделом тебе!

«А я и забыл, — думал Деллий, слушая Антония, — как резко он умеет выражаться. Он использует евреев, чтобы дать знать им всем, что милосердия от него они не дождутся».

Антоний вернулся к теме.

— От имени сената и народа Рима я постановил: Ирод, его брат Фазаель и вся его семья могут жить на любой территории, принадлежащей Риму, включая Иудею. Я не могу помешать Гиркану называть себя царем среди своего народа, но в глазах Рима он не более чем этнарх. Иудея не является единым государством. Это пять небольших областей, расположенных вокруг южной части Сирии. И она останется пятью небольшими областями. Гиркан может править Иерусалимом, Газарой и Иерихоном. Фазаель, сын Антипатра, будет тетрархом Сепфориса. Ирод, сын Антипатра, будет тетрархом Амата. И предупреждаю! Если в южной части Сирии случится какая-нибудь заварушка, я раздавлю евреев, как яичную скорлупу!

«Я сделал это, я сделал это! — мысленно воскликнул Деллий, готовый взорваться от счастья. — Антоний послушал меня!»

Ирод ждал у фонтана, но лицо его было белым, осунувшимся, он не светился от счастья, как надеялся Деллий. В чем дело? Что могло случиться? Ведь он приехал бедняком, лишенным гражданства, а уедет тетрархом.

— Ты недоволен? — удивился Деллий. — Ты победил, Ирод, и тебе даже не пришлось защищаться.

— Почему Антоний возвысил и моего брата? — вдруг резко спросил Ирод, обращаясь в пространство. — Он уравнил нас! Как я могу жениться на Мариамне, когда Фазаель не только равен мне, но и выше меня? Это Фазаель женится на ней!

— Спокойно, спокойно, — тихо сказал Деллий. — Это все в будущем, Ирод. А сейчас радуйся решению Антония, ведь

ты получил больше, чем надеялся. Он на твоей стороне, пяти воробьям только что подрезали крылья.

— Да-да, я понимаю, Деллий, но этот Марк Антоний умный! Он хочет того, чего хотят все дальновидные римляне, — равновесия. Оставить меня одного наравне с Гирканом — это решение не римлянина. Фазаель и я на одной чаше, Гиркан — на другой. О, Марк Антоний, ты умен! Цезарь был гением, а тебя считали болваном. Но я увидел второго Цезаря.

Деллий смотрел, как, тяжело ступая, удаляется Ирод. Мозг его усиленно работал. «Между кратким разговором за обедом и сегодняшней аудиенцией Марк Антоний провел кое-какие разыскания. Вот почему он позвал Луцилия! Какие же плуты они с Октавианом! Прикидывались, будто сожгли все бумаги Брута и Кассия! Как и Ирод, я считал Антония образованным болваном. Но он не такой, не такой! — думал пораженный Деллий. — Он хитрый и умный. Он приберет к рукам все на Востоке, возвысив одного, унизив другого, пока цари-клиенты и сатрапы не станут целиком принадлежать ему. Не Риму — ему. Он отослал Октавиана в Италию с таким трудным заданием, что оно сломает слабого и болезненного юношу, но, если Октавиан не сломается, Антоний будет готов».

2

Когда Антоний покинул столицу Вифинии, все просители, кроме Ирода и пяти членов синедриона, сопровождали его, продолжая уверять в своей верности новым правителям Рима, не переставая жаловаться, что Брут и Кассий обманывали их, ввали, принуждали, ай-ай-ай, заставляли силой!

Утомившись от восточных стенаний и причитаний, Антоний не сделал того, что делали Помпей Великий, Цезарь и остальные, — не пригласил наиболее важных из них отобедать с ним и составить ему компанию в дороге. Нет, Марк Антоний попросту не замечал их на протяжении всего пути от Никомедии

до Анкиры, единственного более менее крупного города в Галатии.

Здесь, среди холмистых, покрытых сочной травой просторов с лучшими пастбищами к востоку от Галлии, он волей-неволей вынужден был остановиться во дворце Дейотара и держаться с ним любезно. Из четырех дней, проведенных там, три были явно лишними, но за это время Антоний сообщил Дейотару, что тот пока сохранит свое царство. Его второму любимому сыну, Дейотару Филадельфу, был дарован дикий край, горная Пафлагония (которая никому не была нужна), в то время как первый и самый любимый сын Кастор не получил ничего, и старый царь, острота ума которого притупилась с годами, не мог придумать, как разрешить эту ситуацию. Для всех римлян, сопровождавших Антония, это значило, что Галатию в конечном счете ждут кардинальные перемены, которые не будут выгодны никому из потомков Дейотара. Чтобы получить информацию о Галатии, Антоний поговорил с секретарем старого царя, знатным галатийцем Аминтой, молодым, образованным, деятельным и проницательным человеком.

— По крайней мере, — весело сказал Антоний, когда колонна римлян двинулась в Каппадокию, — мы избавились от значительной части наших прихлебателей! Этот плаксивый идиот Кастор приволок даже человека, который обрезает ему ногти на ногах. Поразительно, что такой воин, как Дейотар, произвел на свет такого безупречного гомика.

Он говорил это Деллию, который теперь ехал на послушной чалой лошади, а своенравную лошадку отдал Икару, которому прежде приходилось идти пешком.

— Еще отвалился Фарнак и его двор, — напомнил Деллий.

— Фу! Ему не стоило приезжать. — Губы Антония презрительно скривились. — Он в подметки не годится отцу, а деду и подавно.

— Ты имеешь в виду великого Митридата?

— А есть другой? Вот был человек, Деллий, который почти побил Рим. Грозный.

— Помпей Магн легко победил его.

— Чушь! Это Лукулл победил его. А Помпей Магн воспользовался плодами его труда. Обычно он так и делал, этот Магн. Но его тщеславие в конце концов вышло ему боком. Он уверовал в собственное величие. Смешно подумать, чтобы кто-нибудь, римлянин он или нет, вообразил, что сможет победить Цезаря.

— Ты мог бы легко победить Цезаря, Антоний, — без тени низкопоклонства сказал Деллий.

— Я? Нет, даже если бы все боги сражались на моей стороне. Цезарь был единственный в своем роде, и совсем не позорно это признать. Он провел более пятидесяти сражений и ни одного не проиграл. О, я побил бы Магна, если бы он был жив, или Лукулла, или даже Гая Мария. Но Цезаря? Сам Александр Великий сдался бы ему.

В голосе, высоком теноре, удивительном для такого крупного человека, не было негодования. Да и сожаления тоже, подумал Деллий. Для Антония характерен был римский образ мысли: поскольку он не поднял руки на Цезаря, он может спать спокойно. Организовать заговор — это не преступление, даже если в результате этого заговора совершается убийство.

С песнями на марше два легиона и кавалерия Антония вступили в изрезанную ущельями страну великой красной реки Галис, невообразимой красоты: красные скалы, острые грани утесов, ровная земля по обоим берегам широкого потока, лениво несущего свои воды, пока снег еще не растаял на высоких вершинах. Антоний пошел в Сирию по суше, потому что плавание по зимнему морю слишком опасно. К тому же Антоний предпочел остаться со своими людьми, чтобы увериться, что они любят его больше Кассия, которому раньше служили. Погода стояла холодная, но мороз чувствовался, только когда поднимался ветер, а на дне ущелий ветра почти не было. Несмотря на цвет, вода оказалась пригодной как для людей, так и для животных. Центральная Анатолия не была густо населена.

Город Евсевия Мазака располагался у подножия Аргея, огромного вулкана, белого от снега, как обычная гора, ибо никто за всю историю не помнил, чтобы он извергался. Голубой

город, небольшой и обедневший; с незапамятных времен его грабили все кому не лень, потому что его цари были слабы и слишком скупы, чтобы держать армию.

Именно здесь Антоний понял, как трудно будет выжать из Востока еще золота и сокровищ. Брут и Кассий забрали все, что упустил Великий Митридат. От этой мысли у Антония очень испортилось настроение, и он с Попликолой, братьями Децидиями и Деллием отправился в Команы, город жрецов богини Ма, недалеко от Евсевии Мазакки. Пусть этот маразматик царь Каппадокии и его ничего не смыслящий сынок живут в своем пустом дворце! Возможно, в Команах он найдет запасы золота, припрятанного под обычной каменной плитой. Жрецы бросают царей на произвол судьбы, когда речь идет о защите сокровищ.

Ма — воплощение богини Кубабы Кибелы, Великой Матери, которая правила всеми богами, мужскими и женскими, с тех времен, как люди впервые стали рассказывать свою историю, сидя у костров. Давным-давно она утратила власть везде, кроме таких центров, как две Команы — одна здесь, в Каппадокии, другая на севере, в Понте, — да еще Пессинунт неподалеку от того места, где Александр Великий разрубил мечом Гордиев узел. Каждая из этих трех территорий управлялась как независимое государство, чей царь был одновременно верховным жрецом, и каждое государство имело естественные границы.

Без военного эскорта, в сопровождении четырех друзей и слуг Антоний въехал в небольшую, симпатичную деревушку в Команах Каппадокийских, отметив с одобрением ее дорогие дома, сады, обещающие изобилие цветов будущей весной, внушительный храм Ма, возвышающийся на вершине небольшого холма, окруженного березовой рощей, с тополями по обеим сторонам мощеной дороги, ведущей прямо к земному дому богини Ма. Сбоку от него стоял дворец. Как и у храма, его дорические колонны были синего цвета с ярко-красными основаниями и капителями, стены позади колонн темно-синие, края крытой дранкой крыши обведены золотом.

Молодой человек лет двадцати ждал их перед дворцом, одетый в несколько слоев зеленой кисеи, с круглой золотой шапочкой на бритой голове.

— Марк Антоний, — представился Антоний, спешиваясь со своего серого в яблоках государственного коня и бросая поводья одному из троих слуг, которых он привел с собой.

— Добро пожаловать, господин Антоний, — приветствовал молодой человек, низко кланяясь.

— Достаточно просто — Антоний. У нас в Риме господ нет. Как тебя зовут, бритоголовый?

— Архелай Сисен. Я — царь, верховный жрец богини Ма.

— Не слишком молод для царя, а?

— Лучше быть слишком молодым, чем слишком старым, Марк Антоний. Войди в мой дом.

Визит начался с осторожного словесного пикирования, в котором царь Архелай Сисен, даже более юный, чем Октавиан, не уступал Антонию, и тот, будучи по натуре человеком дружелюбным, был восхищен молодым царем. Антоний не возражал бы и против общества Октавиана, не сделайся тот наследником Цезаря.

Но, несмотря на красоту зданий и пейзажа, ласкавшего римский глаз, одного часа оказалось вполне достаточно, чтобы понять: каким бы богатством ни обладала некогда богиня Ма в Команах, его уже не осталось. Поскольку между ними и столицей Каппадокии лежало всего пятьдесят миль, друзья Антония готовы были отправиться в путь на рассвете следующего дня, чтобы соединиться с легионами и продолжить поход.

— Тебя не оскорбит, если моя мать будет присутствовать на обеде? — почтительно спросил жрец-царь. — И мои младшие братья?

— Чем больше народу, тем веселее, — ответил Антоний, не забывая о хороших манерах.

Он уже получил ответы на самые насущные вопросы, но стоило узнать, что за семья произвела на свет этого умного, не по годам мудрого, бесстрашного парня.

Архелай Сисен и его братья были красивы, остроумны, хорошо знали греческую литературу и философию и даже немало разбирались в математике.

Но все отошло на второй план, как только в комнату вошла Глафира. В соответствии с обычаем она стала жрицей Великой Матери в тринадцать лет, но, в отличие от остальных достигших половой зрелости девственниц, которые должны были расстелить коврик в храме и предложить свою девственность первому пришедшему, кому они понравятся, Глафира была царской крови и сама выбирала себе партнера, где хотела. Первым был римский сенатор, который стал отцом Архелая, даже не зная об этом. Ей было всего четырнадцать лет, когда она родила мальчика. Отцом следующего сына стал царь Ольвии, потомок Тевкра, знаменитого стрелка из лука, сражавшегося вместе со своим братом Аяксом у Трои. Отцом третьего сына был неизвестный красавец, сопровождавший стадо быков в караване из Мидии. После этого Глафира сказала «хватит» и посвятила жизнь воспитанию мальчиков. Ей уже исполнилось тридцать четыре года, но выглядела она на двадцать четыре.

Попликола недоумевал, что побудило ее появиться, ведь почетный гость известен как отъявленный бабник, но у Глафиры была причина. Которая не имела ничего общего с вожделем. Принадлежавшая раньше Великой Матери, она давно поборолa вожделем как нечто унижительное. Нет, она хотела для своих сыновей большего, чем крохотное жреческое царство. Она хотела получить значительную часть Анатолии, и, если молва о Марке Антонии верна, это был ее шанс.

Антоний громко втянул в себя воздух. Какая красавица! Высокая, гибкая, с длинными ногами и великолепной грудью, а лицом не уступит Елене: чувственные алые губы, безупречная кожа, подобная лепестку розы, светящиеся глаза, обрамленные густыми темными ресницами, и абсолютно прямые льняные волосы, спускающиеся по спине, словно лист кованого позолоченного серебра. Она не надела драгоценностей, может быть, потому что их у нее не было. Ее голубое, греческого покроя платье было из чистой шерсти, без рисунка.

Попликолу и Деллия так быстро смахнули с ложа, что они едва успели вскочить на ноги. Огромная рука уже похлопывала по освободившемуся месту, где они только что сидели.

— Сюда, со мной, великолепное создание. Как тебя зовут?

— Глафира, — ответила она, скинув фетровые комнатные туфли и ожидая, пока слуга наденет ей на ноги теплые носки.

Затем она устроилась на ложе, но достаточно далеко от Антония, чтобы избежать его объятий. «Слухи определенно обоснованны. Если судить по его приветствию, он не принадлежит к утонченным любовникам. Великолепное создание, ну и ну! Он думает о женщинах как о вещах, но я, — решила Глафира, — должна постараться сделаться более ценной принадлежностью, чем его лошадь, его секретарь или его ночной горшок. И если он станет моим любовником, я принесу жертву богине, чтобы она послала мне девочку. Дочь Антония может выйти замуж за царя парфян — какой союз! Хорошо, что нас учили, как сосать их члены вагиной и делать это лучше, чем проститутки делают это ртом! Он станет моим рабом».

Итак, Антоний остался в Команах до конца зимы, и когда в начале марта он наконец отправился в Киликию и Тарс, то взял Глафиру с собой. Его десять тысяч пехотинцев не имели ничего против неожиданного отпуска. Каппадокия была страной женщин, чьих мужчин убили на поле боя или обратили в рабство. Поскольку эти легионеры умели обрабатывать землю так же хорошо, как воевать, они обрадовались перерыву. Цезарь первый на вербовал их по ту сторону реки Пад в Итальянской Галлии, и, если не считать высоких гор, сельское хозяйство Каппадокии не очень отличалось от того, к которому они привыкли. После себя они оставили несколько тысяч сыновей и дочерей в материнских утробах, надлежащим образом подготовленную и засеянную к весне землю и много тысяч благодарных женщин.

Они шли по хорошей римской дороге между двумя вздымающимися хребтами, углубляясь в обширные благоухающие леса с соснами, лиственницами, елями, пихтами, сопровождаемые постоянным шумом ревущей воды. Но на перевале у Ки-

килийских ворот дорога стала такой крутой, что через каждые пять шагов были сделаны ступеньки. Спускаться вниз было так же приятно, как есть мед с горы Гимет, но если бы им пришлось подниматься вверх, то душистый воздух был бы испорчен отборной латинской бранью. Поскольку снег теперь таял быстро, воды в реке Кидн кипели словно в огромном котле. Но после Киликийских ворот дорога стала легче и ночи теплее. И они быстро дошли до берега Нашего моря.

Тарс, расположенный у реки Кидн, около двадцати миль вглубь материка, появился перед ними неожиданно. Как и Афины, Эфес, Пергам и Антиохия, этот город напоминался почти всем знатым римлянам даже после кратковременного визита. Очень богатый город, настоящая жемчужина. Но это осталось в прошлом. Кассий наложил на Тарс такой огромный штраф, что, даже расплавив все произведения искусства из золота или серебра независимо от их ценности, жители Тарса были вынуждены постепенно продавать простой народ в рабство, начав с людей самого низкого происхождения. К тому времени, как Кассий, устав ждать всю требуемую сумму, отбыл, прихватив пятьсот золотых талантов, которые Тарс едва смог наскрести, в городе с полумиллионным населением осталось всего несколько тысяч свободных людей. Но их богатство было уже не вернуть.

— Клянусь всеми богами, я ненавижу Кассия! — воскликнул Антоний, его надежды обогатиться таяли с каждым днем. — Если он так поступил с Тарсом, что же тогда он сделал с Сирией?

— Выше нос, Антоний, — сказал Деллий. — Не все потеряно.

К этому времени он уже заменил Попликолу как главный источник информации для Антония, чего он и добивался. Пусть Попликола радуется тому, что остается близким другом Антония! Он, Квинт Деллий, согласен быть человеком, чьи советы Антоний ценит. И как раз в этот тяжелый момент у него нашелся полезный совет.

— Тарс большой город, центр торговли киликийцев, но, когда Кассий показался на горизонте, вся Киликия Педия отмежевалась от Тарса. Киликия Педия богата и плодородна, но ни

одному римскому наместнику не удавалось обложить ее данью. Регионом управляют разбойники и изменники-арабы, которые забирают значительно больше, чем когда-либо брал Кассий. Почему бы тебе не послать войска в Киликию Педию и посмотреть, что удастся найти? Ты можешь оставаться здесь. Пусть командует Барбат.

Антоний знал, что совет хороший. Пусть его войско кормят киликийцы, а не бедный Тарс, особенно если предстоит грабить разбойничьи крепости.

— Разумный совет, и я намерен ему последовать, — сказал Антоний, — но этого будет недостаточно. Теперь я понимаю, почему Цезарь хотел завоевать парфян: по эту сторону Месопотамии никаких богатств не осталось. О, будь проклят Октавиан! Он украл военную казну Цезаря, этот маленький червяк! Пока я был в Вифинии, во всех письмах из Италии говорилось, что он умирает в Брундизии, что он не проедет и десяти миль по Аппиевой дороге. А что я узнаю здесь, в Тарсе? Да, он кашлял и задыхался весь путь до Рима, а теперь он занят тем, что подлизывается к представителям легионов. Реквизирует все общественные земли во всех местах, поддерживавших Брута и Кассия, а в перерывах подставляет задницу этой обезьяне Агриппе.

«Надо сделать так, чтобы он перестал говорить об Октавиане, — подумал Деллий, — иначе он забудет о трезвости и потребует неразбавленного вина. Эта змеиная сучка Глафира не помогает — слишком старается для сыночков». Пощелкав языком в знак сочувствия, он вернул Антония к вопросу о том, где добыть деньги на разоренном Востоке.

— Антоний, есть альтернатива парфянам.

— Антиохия? Тир, Сидон? Кассий их уже ободрал.

— Да, но он не дошел до Египта. — Последнее слово Деллий произнес медовым голосом. — Египет может купить и продать Рим. Все, кто когда-либо слышал рассказы Марка Красса, знают об этом. Кассий направлялся в Египет, когда Брут вызвал его в Сарды. Да, он взял четыре египетских легиона, но, увы, в Сирии. Царицу Клеопатру нельзя в этом обвинять, но ведь она и тебе с Октавианом не послала помощи. Я ду-

маю, ее бездействие можно оценить в десять тысяч талантов штрафа.

Антоний усмехнулся:

— Хм! Мечты, Деллий.

— Нет, определено нет. Египет сказочно богат.

Слушая вполуха, Антоний внимательно читал письмо своей жены Фульвии. В письме она жаловалась на вероломства Октавиана и описывала в откровенных выражениях шаткость его положения. Сейчас самое время, писала она своим неразборчивым подчерком, поднять против него Италию и Рим! Луций такого же мнения: он начинает набирать легионы. Чушь, подумал Антоний, который слишком хорошо знал своего брата Луция и не считал его способным даже отложить десять костяшек на счетах. Луций возглавит революцию? Нет, он лишь набирает людей для своего большого брата Марка. Правда, в этом году Луций стал консулом, но вместе с Ватией, который и будет выполнять всю работу. О женщины! Почему Фульвия не захотела посвятить себя воспитанию детей? Дети от Клодия уже выросли и стали самостоятельными, но у нее еще остался сын от Куриона и два сына от Антония.

Конечно, к этому времени Антоний уже знал, что ему придется отложить парфянский поход по меньшей мере на год. Не только из-за нехватки финансов, но и из-за необходимости следить за Октавианом. Его наиболее опытные военачальники Поллион, Кален и надежный старый Вентидий вынуждены были оставаться на Западе с большей частью своих легионов, чтобы не спускать глаз с Октавиана. В письмах они умоляли Антония употребить влияние и приструнить Секста Помпея, который бороздил водные просторы и, как настоящий пират, забирал себе пшеницу, предназначенную для Рима. Терпеть Секста Помпея не входило в их соглашение, вторил Октавиан. Разве Марк Антоний не помнит, как после Филипп они двое разделили обязанности между тремя триумвирами?

«Да, я помню, — мрачно подумал Антоний. — После победы у Филипп я ясно, как в магическом хрустальном шаре, увидел, что на Западе нет такого места, где я мог бы просла-

виться и затмить Цезаря. Чтобы превзойти Цезаря, мне надо сломить парфян».

Свиток Фульвии упал на столешницу и свернулся.

— Ты действительно считаешь, что Египет может дать столько денег? — подняв голову, спросил Антоний.

— Конечно! — горячо ответил Деллий. — Подумай об этом, Антоний! Золото из Нубии, океанский жемчуг с острова Тап-робана, драгоценные камни с Аравийского полуострова, слоновая кость с мыса Горн в Африке, специи из Индии и Эфиопии, монополия на производство бумаги, а пшеницы больше, чем народ может съесть. Государственный доход Египта шесть тысяч талантов золота в год, а личный доход правителя — еще шесть тысяч!

— Ты хорошо поработал над домашним заданием, — усмехнулся Антоний.

— С большим удовольствием, чем в бытность мою школьником.

Антоний встал и прошел к окну, выходящему на площадь, где между деревьями виднелись мачты кораблей, устремленные в безоблачное небо. Но он не видел всего этого. Взгляд его был обращен внутрь. Он вспомнил худенькое маленькое существо, которое Цезарь поместил в мраморную виллу по ту сторону Тибра. «Как возмущалась Клеопатра, когда ей не позволили поселиться в Риме! Не перед Цезарем — он не потерпел бы истерики, — а за его спиной. Все друзья Цезаря по очереди пытались объяснить ей, что она, помазанная царица, не может войти в Рим по религиозным соображениям. Но это ее не останавливало. Она продолжала жаловаться. Она была худая как палка и вряд ли пополнила с тех пор, как вернулась домой после смерти Цезаря. О, как радовался Цицерон, когда пошли слухи, что ее корабль затонул в Нашем море! И как он расстроился, узнав, что слухи оказались ложными. Выяснилось, это должно было волновать его меньше всего. Напрасно он выступил в сенате против меня! Это было равносильно самоубийству! После того как его казнили, Фульвия проткнула пером его язык, прежде чем я выставил его голову на ростре. Фульвия! Вот женщина! Меня никогда не интересовала Клео-

патра, я ни разу не посещал ни ее приемы, ни ее знаменитые обеды — слишком заумные, слишком много ученых, поэтов и историков. И все эти божества с головами зверей в комнате, где она молилась! Признаться, я никогда не понимал Цезаря, его любовь к Клеопатре — самая большая загадка».

— Очень хорошо, Квинт Деллий, — громко сказал Антоний. — Я прикажу царице Египта предстать передо мной в Тарсе и ответить на вопрос, почему она помогала Кассию. Ты сам доставишь ей требование явиться.

«Замечательно!» — подумал Деллий, отправляясь на следующий день по дороге, ведущей сначала к Антиохии, затем на юг, вдоль побережья, до Пелузия. Он потребовал, чтобы ему обеспечили сопровождение, и Антоний вынужден был дать ему небольшой отряд и два эскадрона кавалерии в качестве охраны. Увы, никакого паланкина! Слишком медленно для нетерпеливого Антония, который дал ему всего месяц на весь путь в тысячу миль от Тарса до Александрии. А это означало, что Деллий должен был торопиться. В конце концов, он не знал, сколько времени уйдет на то, чтобы убедить царицу подчиниться требованию Антония и появиться перед его трибуналом в Тарсе.

3

Подперев рукой подбородок, Клеопатра смотрела на Цезариона, склонившегося над восковыми табличками. Справа от него стоял преподаватель Сосиген. Правда, ее сын не нуждался в нем. Цезарион редко бывал не прав и никогда не делал ошибок. Свинцовым грузом горе сдавило ей грудь, она с трудом сглотнула. Смотреть на Цезариона было все равно что смотреть на Цезаря, на которого был так похож ее сын. Высокий, красивый, золотоволосый; нос длинный, с горбинкой, губы полные, насмешливые, с чуть заметными складочками в уголках. «О Цезарь, Цезарь! Как я жила

без тебя? И они сожгли тебя, эти дикари римляне! Когда придет мое время, рядом со мной в могиле не будет Цезаря, чтобы вместе воскреснуть и войти в царство мертвых. Они положили твой прах в горшок и построили круглое мраморное уродство, в которое поместили этот горшок. Твой друг Гай Матий выбрал эпитафию „ПРИШЕЛ. УВИДЕЛ. ПОБЕДИЛ“, высеченную в золоте на полированном черном камне. Но я никогда не видела твою могилу, да и не хочу. Со мной осталось только огромное горе, не покидающее меня. Даже если мне удастся уснуть, горе приходит ко мне во сне. Даже когда я смотрю на нашего сына, горе тут как тут, смеется над моими стремлениями. Почему я никогда не думаю о счастливых временах? Может быть, мыслями о потере я заполняю пустоту сегодняшнего дня? С тех пор как эти самоуверенные римляне убили тебя, мой мир — это прах, который никогда не смешается с твоим. Думай об этом, Клеопатра, и плачь».

Бед было много. Первая и худшая — Нил не разливался. Три года подряд дающая жизнь вода не орошала поля, чтобы напитать землю и дать прорасти семенам. Люди голодали. Затем пришла чума, медленно поднялась вверх по Нилу от порогов до Мемфиса и начала Дельты, затем до рукавов и каналов Дельты и, наконец, до Александрии.

«И всегда, — думала Клеопатра, — я принимала неправильные решения, царица Мидас на золотом троне, которая не понимала, пока не стало поздно, что люди не могут питаться золотом. Ни за какие золотые горы я не сумела убедить сирийцев и арабов пойти в низовья Нила и забрать кувшины с зерном, ждущие на каждой пристани. Зерно оставалось там, пока не сгнило, а потом не хватило людей, чтобы оросить поля ручную, чтобы получить урожай. Я думала о трех миллионах жителей Александрии и решила, что только один миллион из них может прокормиться, поэтому издала приказ, лишаящий евреев и метиков гражданства. Этот приказ запрещал им покупать зерно в зернохранилищах, только граждане имели такое право. О эти бунты! И все напрасно. Чума пришла в Александрию и убила два миллиона, невзирая на гражданство. Греки и македонцы, люди, ради которых я отказала евреям и мети-

кам, умерли. После чумы осталось много зерна — хватит и евреям, и метикам, и грекам, и македонцам. Я вернула им гражданство, но теперь они меня ненавидят. Я все решаю неправильно. Без Цезаря, который руководил мной, я оказалась плохой правительницей.

Меньше чем через два месяца моему сыну исполнится шесть лет, а я не беременна. У него нет сестры, на которой он мог бы жениться, и нет брата, который занял бы его место, если с ним что-то случится. Столько ночей любви с Цезарем в Риме, а я не забеременела. Исида прокляла меня».

В комнату торопливо вошел Аполлодор, звеня золотой цепью государственного чиновника.

— Моя госпожа, срочное письмо от Пифодора из Тралл.

Клеопатра подняла голову, нахмурилась:

— От Пифодора? Чего он хочет?

— Не золота, во всяком случае, — с усмешкой сказал Цезарион, подняв голову от табличек. — Он самый богатый в провинции Азия.

— Займись арифметикой, мальчик! — велел ему Сосиген.

Клеопатра встала с кресла и прошла к открытой части стены, где было светлее. Внимательно проверила зеленую восковую печать — миниатюрный храм в середине и по краям слова ПИФО и ТРАЛЛЫ. Да, кажется, никто не вскрывал. Она сломала печать и развернула свиток, написанный собственноручно, чтобы писарь не узнал его содержания. Слишком небрежно.

Фараон и царица, дочь Амона-Ра!

Пишет тебе человек, который всегда любил бога Юлия Цезаря и с уважением относился к его преданности тебе. Хотя я знаю, что у тебя есть информаторы, которые сообщают тебе обо всем, что происходит в Риме и в Римской империи, я сомневаюсь, что кто-то из них стоит так высоко, чтобы быть доверенным лицом Марка Антония. Конечно, тебе известно, что в ноябре Антоний приехал из Филипп в Никомедию и что многие цари, царевичи и этнархи встретили его там. Фактически он ничего не сделал, чтобы изменить положение

дел на Востоке, но приказал немедленно заплатить ему двадцать тысяч талантов серебра. Размеры этой дани потрясли всех нас.

Посетив Галатию и Каппадокию, он прибыл в Тарс. Я сопровождал его с двумя тысячами талантов серебра, которые нам, этнархам провинции Азия, удалось наскрести. Он спросил, где остальные восемнадцать тысяч. Я думаю, мне удалось убедить его, что такой суммы не собрать, но его ответ мы заранее знали: уплатить ему дань за девять лет вперед, и тогда он нас простит. Словно мы уже отложили на черный день десятилетнюю дань! Но они не слушают, эти римские наместники.

Я умоляю простить меня, великая царица, за то, что нагружаю тебя нашими проблемами, но не поэтому я тайно пишу тебе сам. Хочу предупредить, что через несколько дней к тебе пожалует некий Квинт Деллий, честолюбивый, хитрый человек, втершийся в доверие к Марку Антонию. Все его советы нацелены на то, чтобы наполнить военную казну Антония, ибо Антоний жаждет сделать то, чего не успел Цезарь, — победить парфян. Киликия Педия прочесана из конца в конец, разбойников выбили из их крепостей, а арабов-налетчиков прогнали обратно за Аманские горы. Мероприятие выгодное, но недостаточно, поэтому Деллий посоветовал вызвать тебя в Тарс и потребовать от тебя штраф в десять тысяч талантов золота за поддержку Кассия.

Я ничем не могу помочь тебе, дорогая царица, разве только предупредить, что Деллий сейчас на пути к тебе. Может, получив предупреждение, ты успеешь придумать, как сорвать планы Деллия и его хозяина.

Клеопатра вернула свиток Аполлодору и застыла, закусив губу и закрыв глаза. Квинт Деллий? Имя незнакомое, следовательно, он не из тех, кто пользуется большим влиянием в Риме и посещал ее приемы, даже самые многолюдные. Клеопатра никогда не забывала ни имен, ни лиц. Наверное, кто-то из Веттиев, какой-нибудь незнатный всадник, льстивый и смазливый, именно такой тип может понравиться грубияну вроде Марка Антония. О, этого она помнила! Большой и дородный,

мускулы как у Геркулеса, плечи широкие, как горы, лицо некрасивое, крючковатый нос почти касается вздернутого подбородка, нависая над небольшим толстогубым ртом. Женщины при виде его падали в обморок, потому что, по слухам, у него огромный пенис — что за причина терять сознание! Мужчины любили его за грубовато-добродушную манеру, за уверенность в себе. Но Цезарь, чьим близким родственником он был, постепенно разочаровался в нем — вот, наверное, главная причина, почему Антоний редко посещал ее. Когда его оставили править Италией, он на Римском форуме зарубил восемьсот граждан — такого преступления Цезарь не мог ему простить. Затем он попытался подлизаться к солдатам Цезаря и закончил тем, что спровоцировал мятеж. И этим навсегда отвратил Цезаря от себя.

Судя по сообщениям ее агентов, многие думали, что Антоний принимал участие в заговоре против Цезаря, но сама Клеопатра не была в этом убеждена. В нескольких письмах, которые Антоний прислал ей, он объяснял, что у него не было выбора, ему оставалось лишь закрыть глаза на преступление, отказаться от мести и простить убийц. В этих письмах Антоний уверял ее, что, как только Рим успокоится, он представит Цезариона сенату как одного из главных наследников Цезаря. Для женщины, убитой горем, его слова были бальзамом. Она хотела верить им! О нет, он не говорил, что Цезарион должен быть признан римским наследником Цезаря! Обещал лишь, что право Цезариона на трон Египта будет подтверждено сенатом. Если этого не произойдет, у ее сына возникнут те же проблемы, что преследовали ее отца, под которым трон постоянно шатался, поскольку Рим то и дело предъявлял свои права на Египет. Да и у нее не было уверенности в этом вопросе, пока в ее жизни не появился Цезарь. Теперь Цезарь ушел, а его племянник Гай Октавий забрал огромную власть, хоть был всего-навсего восемнадцатилетним юнцом. Спокойно, хитро, быстро. Сначала она думала о молодом Октавиане как о возможном отце ее будущих детей, но он отверг ее в коротком письме, которое она до сих пор помнила наизусть.

Марк Антоний, с его рыжими глазами и курчавыми рыжими волосами, не более похож на Цезаря, чем Геркулес на Аполлона. Теперь он положил глаз на Египет, но не для того, чтобы обхаживать фараона. Он всего лишь хотел наполнить свою военную казну египетским золотом. Что ж, этого никогда не будет. Никогда!

— Цезарион, тебе пора на свежий воздух, — вдруг сказала она. — Сосиген, ты мне нужен. Аполлодор, найди Каэма и приведи его ко мне. Время совета.

Когда Клеопатра говорила таким тоном, никто не прекословил, и меньше всего ее сын, который сразу же вышел, свистнув щенка-крысолова по кличке Фидон.

— Прочти это, — велела Клеопатра, сунув свиток Каэму, когда совет собрался. — Все прочтите.

— Если Антоний приведет свои легионы, он сможет разграбить Александрию и Мемфис, — сказал Сосиген, передавая свиток Аполлодору. — После чумы ни у кого не хватит духу противостоять ему. К тому же у нас недостаточно людей, чтобы оказать сопротивление. Многие золотые статуи будут расплавлены.

Каэм был верховным жрецом Птаха, бога-создателя. Он принимал участие в жизни Клеопатры с тех пор, как ей исполнилось десять лет. На нем было белоснежное льняное одеяние, покрывавшее его смуглое крепкое тело от сосков до середины лодыжек. Его грудь украшали цепи, кресты, медальоны и нагрудная пластина, свидетельствующая о его высоком положении.

— Антоний ничего не расплавит, — твердо вымолвил он. — Ты, Клеопатра, поедешь в Тарс и встретишься с ним там.

— Как рабыня? Как мышь? Как побитая собака?

— Нет, как могущественная правительница. Как фараон Хатшепсут, столь великая, что ее преемник уничтожил ее картуши. Вооруженная всеми уловками и хитростью твоих предков. Поскольку Птолемей Сотер был незаконнорожденным сводным братом Александра Великого, в твоих венах течет кровь многих богов. Не только Исиды, Хатхор и Мут, но и Амо-

на-Ра с обеих сторон — по линии фараонов и по линии Александра Великого, который был сыном Амона-Ра и тоже богом.

— Я понимаю, куда клонит Каэм, — задумчиво произнес Сосиген. — Этот Марк Антоний не Цезарь, поэтому его можно одурачить. Ты внушишь ему благоговейный страх, и он простит тебя. В конце концов, ты не помогала Кассию, а он не сумеет доказать обратное. Когда этот Квинт Деллий прибудет, он попытается запугать тебя. Но ты — фараон, ни один любимчик не сможет тебя запугать.

— Жаль, что флот, который ты послала Антонию и Октавиану, вынужден был вернуться, — заметил Аполлодор.

— О, что сделано, то сделано! — нетерпеливо воскликнула Клеопатра. Она снова села в кресло, вдруг погрузившись. — Никто не может запугать фараона, но... Каэм, попроси Таху посмотреть по лепесткам лотоса в ее чаше. Антония можно использовать.

Сосиген вздрогнул:

— Царица!

— погоди, Сосиген. Египет важнее любого живого существа! Я была плохой правительницей, вновь и вновь лишенной Осириса! Какое мне дело, что за человек Марк Антоний? Никакого! В жилах Антония течет кровь Юлиев. Если чаша Исиды скажет, что в нем достаточно крови Юлиев, тогда, возможно, я сумею взять у него больше, чем он у меня.

— Я сделаю это, — сказал Каэм, вставая.

— Аполлодор, выдержит ли речная баржа Филопатора путешествие по морю в это время года?

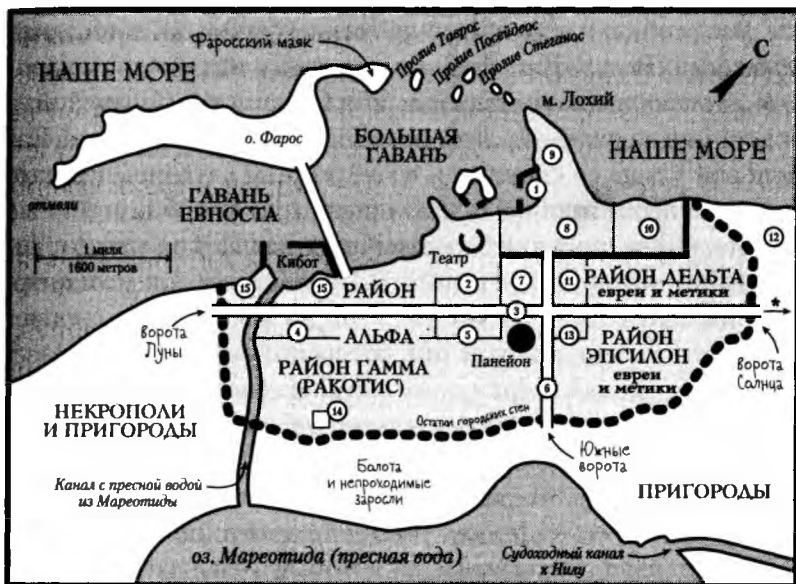
Ее приближенный нахмурился:

— Я не уверен, царица.

— Все равно выведи ее из дока в море.

— Дочь Исиды, у тебя есть много кораблей!

— Но Филопатор построил только два корабля, и морской корабль сгнил сто лет назад. Если я хочу внушить страх Антонию, я должна прибыть в Тарс с такой помпой, таким великолепием, какого не видел ни один римлянин, даже Цезарь.

1. Царская гавань	10. Сема. Гробницы Птолемеев
2. Агора и общественные здания	11. Общественные здания
3. Канопская улица	12. Пригороды Канопы
4. Склады и конторы	13. Суды
5. Гимнасий	14. Территория Серапейона
6. Царская улица	15. Военный флот
7. Мусейон. Библиотека	
8. Царский квартал (дворцы, зверинец и сады)	
9. Главный царский дворец	* К ипподрому

АЛЕКСАНДИЯ

ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ВОЙНЫ

Квинту Деллию Александрия показалась самым дивным городом в мире. Семь лет назад Цезарь почти разрушил ее, а Клеопатра вернула городу былую славу, сделав его еще краше. Все особняки вдоль Царской улицы были восстановлены; холм бога Пана — Панейон — возвышался над плоским городом, утопающим в зелени; храм бога Сераписа — Серапейон — восстановлен в коринфском стиле. И там, где однажды по Канопской улице со скрипом и гроыханием катались осадные башни, теперь стояли ошеломляющие храмы и общественные здания, опровергая своим видом факт нашествия чумы и голода. Вот почему, глядя с высоты Панейона на Александрию, Деллий подумал, что единственный раз в жизни Цезарь превеличил степень разрушений, которые он нанес городу.

Он еще не видел царицу — важный человек по имени Аполлор надменно сообщил ему, что она отбыла с визитом в Дельту проверить мастерские по производству бумаги. Поэтому Деллию показали его роскошные апартаменты и предоставили его самому себе. Деллий решил не просто прогуляться по городу, он взял с собой писаря, который делал записи широким стилем на восковых табличках.

В Семе Деллий весело рассмеялся.

— Записывай, Ласфен! «Могила Александра Великого плюс тридцать с лишним Птолемеев в огороженном месте, выложенном отборным мрамором с голубыми и темно-зелеными разводами. Двадцать восемь золотых статуй в рост человека. Аполлон работы Праксителя, расписанный мрамор. Четыре статуи из расписанного мрамора неизвестного мастера, в рост человека. Картина работы Зевксиса, изображающая Александра Великого в Иссе после победы над Дарием. Портрет Птолемея Сотера работы Никия...» Хватит писать. Остальные не так красивы.

В Серапейоне Деллий просто заржал от удовольствия.

— Запиши, Ласфен! «Статуя Сераписа ростом приблизительно тридцать футов, работы Бриаксиса, расписана Никием. Группа из девяти муз из слоновой кости работы Фидия. Сорок две золотые статуи в рост человека...» — Он остановился, царпанул золотую Афродиту, поморщился. — «Некоторые, ес-

ли не все, покрыты очень тонким слоем золота, увы, не цельные... Возница и кони в бронзе работы Мирона...» Больше не пиши! Нет, просто добавь «и т. д., и т. д.». Слишком много посредственных работ, недостойных каталога.

На агоре Деллий остановился перед огромной скульптурной группой из четырех вздыбленных коней, запряженных в гоночную колесницу. Возницей была женщина, и какая женщина!

— Пиши, Ласфен! «Квадрига в бронзе с возницей-женщиной по имени Билистиха». Хватит! Здесь больше ничего нет, кроме современных вещей, отличных, конечно, но не представляющих ценности для коллекционеров. Пойдем дальше, Ласфен!

Прогулка продолжалась в том же духе. Его писарь оставлял за собой свитки, как моль оставляет помет. «Великолепно, великолепно! Египет запредельно богат, судя по тому, что я увидел в Александрии. Но как убедить Марка Антония, что мы получим больше денег, если не расплавим эти предметы, а продадим их как произведения искусства? Возьмем, к примеру, могилу Александра Великого, — размышлял Деллий. — Цельный блок горного хрусталя, прозрачного, словно вода, — как красиво он смотрелся бы в храме Дианы в Риме! Каким, оказывается, маленьким был Александр! Руки и ноги не больше, чем у ребенка, а на голове вместо волос какая-то желтая шерсть. Наверняка восковая фигура, не настоящая. А ведь можно было бы предположить, что, поскольку он бог, они сделают изображение ростом по меньшей мере с Антония! В Семе наберется достаточно материала, чтобы покрыть пол в доме какого-нибудь римского богача, — это сто талантов или даже больше. А произведения Фидия из слоновой кости легко можно продать за тысячу талантов».

Царский квартал был настоящим лабиринтом дворцов, так что Деллий отказался от попытки отличить один от другого, а сады казались бесконечными. Множество небольших красивых бухточек изрезали берег гавани, а вдалеке виднелась вымощенная белым мрамором дамба Гептастаций, соединяющая остров Фарос с материком. А этот маяк! Самое высокое соору-

жение в мире, выше Колосса на Родосе. «Я считал Рим красивым, — бормотал про себя Деллий, — потом я увидел Пергам и подумал, что он еще красивее, но теперь, когда я увидел Александрию, я поражен, просто поражен. Антоний был здесь около двадцати лет назад, но я никогда не слышал, чтобы он говорил о городе. Думаю, он был слишком пьян, чтобы запомнить хоть что-то».

Позволение увидеть царицу Клеопатру было получено на следующий день, и очень кстати. Деллий уже закончил инвентаризацию ценностей города, а Ласфен переписал все с табличек на хорошую бумагу в двух экземплярах.

Первое ощущение Деллия — благовонный воздух, густой от пьянящих ароматов, совершенно ему незнакомых. Затем обоняние отошло на второй план, уступив зрению, и он открыл рот, увидев стены из золота, пол из золота, статуи из золота, кресла и столы из золота. Присмотревшись, он решил, что это лишь золотое покрытие, тонкое, как ткань. Однако комната сверкала подобно солнцу. Две стены были покрыты изображениями необычных, двумерных людей и растений, окрашенных в сочные оттенки всех цветов. Кроме тирского пурпура.

— Все приветствуйте двух фараонов, правителей Верхнего и Нижнего Египта, сопричастных Осоке и Пчеле, детей Амона-Ра, Исиды и Птаха! — прогремел Аполлодор, стукнув золотым посохом об пол.

Глухой звук заставил Деллия изменить мнение о «тонкой ткани». Пол звучал как цельный.

Они сидели на двух изящных тронах: женщина на золотом возвышении, а мальчик на одну ступень ниже. На каждом странные одежды из тончайшего белого льна, на голове огромный убор из красной эмали вокруг круглого конуса белой эмали. На шеях широкие воротники, усеянные великолепными драгоценностями, оправленными в золото, на руках браслеты, талии опоясаны широкими поясами из драгоценных камней, на ногах золотые сандалии. Их лица были густо накрашены, у нее — белой краской, у него — охристой. Глаза обведены черными линиями, веки накрашены так, что глаз почти не видно.

Все это придавало глазам зловещую форму. Это были нечеловеческие глаза.

— Квинт Деллий, — сказала царица (Деллий понятия не имел, что значит слово «фараон»), — мы приветствуем тебя в Египте.

— Я прибыл как официальный посол полководца Марка Антония, — произнес Деллий так же официально, — чтобы приветствовать двойной трон Египта.

— Как выразительно сказано, — заметила царица, жутко поведя глазами.

— Это все? — спросил мальчик, и его глаза сверкнули.

— Э-э, к сожалению, нет, царь. Триумвир Марк Антоний требует вашего присутствия в Тарсе, чтобы ответить на обвинение.

— Обвинение? — удивился мальчик.

— В том, что Египет помогал Гаю Кассию, тем самым нарушив обязательства друга и союзника римского народа.

— И это обвинение? — спросила Клеопатра.

— Очень серьезное, царица.

— Тогда мы поедem в Тарс и лично ответим. Ты можешь идти, Квинт Деллий. Когда мы будем готовы к отъезду, тебе сообщат.

И это все! К обеду не пригласили, не устроили приема, чтобы представить его ко двору — ведь должен же быть двор! Ни один восточный монарх не мог править без нескольких сотен подхалимов, твердящих ему, какой он замечательный. Но Аполлodor решительно выпроводил Деллия из зала, очевидно чтобы вновь предоставить его самому себе!

— Фараон поплывет в Тарс, — сказал Аполлodor, — поэтому у тебя две возможности, Квинт Деллий. Ты можешь отослать твоих людей домой по суше и поехать с ними — или отослать твоих людей домой по суше и отправиться морем на одном из царских кораблей.

«Ага! — подумал Деллий. — Кто-то предупредил их о моем приезде. В Тарсе есть шпион. Эта аудиенция была фарсом, имеющим целью поставить на место меня и Антония».

— Я отправлюсь морем, — надменно ответил Деллий.

— Мудрое решение.

Аполлодор поклонился и ушел, а Деллий в ярости поспешил на улицу, чтобы остыть. Как они посмели? Аудиенция не дала ему возможности оценить женские прелести царицы или даже решить для себя, действительно ли мальчик — сын Цезаря. Он увидел только пару раскрашенных кукол, более странных, чем та деревянная игрушка, которую его дочь таскала по дому, словно живое существо.

Солнце ярко светило, было жарко. Деллий подумал, что неплохо бы освежиться в этой прелестной бухте возле дворца. Он не умел плавать — странно для римлянина, — но пройтись босиком, где воды по колено, не боялся. Он спустился по нескольким ступеням из известняка и сел на валун, чтобы растянуть темно-бордовые сенаторские кальцеи.

— Хочешь поплавать? Я тоже, — слышался веселый голос ребенка, довольно низкий. — Самый лучший способ освободиться от всей этой мазни.

Деллий испуганно обернулся и увидел мальчика-царя, голого, в одной набедренной повязке, но все еще с разрисованным лицом.

— Ты плыви, а я похожу по воде, — сказал Деллий.

Цезарион вошел в воду по пояс, окунулся и поплыл, бесстрашно удаляясь от берега. Он нырнул и вынырнул. На лице еще оставалась странная смесь черной краски с охрой. Он опять нырнул и вынырнул. И так несколько раз.

— Краска растворяется в воде, даже соленой, — объяснил мальчик, обеими руками смывая краску с лица.

И вот перед Деллием предстал Цезарь. Никто не мог бы оспорить сходство мальчика с отцом. Не поэтому ли Антоний хочет представить его сенату и просить подтвердить его статус царя Египта? Пусть только все в сенате, кто знал Цезаря, увидят этого ребенка, и он соберет клиентуру быстрее, чем корпус корабля обрастет ракушками. Марк Антоний хочет сместить Октавиана, который может подражать Цезарю только в башмаках на толстой подошве и копируя его жесты. Цезарион — вот оригинал, а Октавиан — пародия. О, умница Марк Антоний! Свали Октавиана, показав Риму Цезаря. Солдаты-ветераны растают, как лед на солнце, а они — грозная сила.

Клеопатра, снявшая царский макияж более обычным способом — теплой водой, рассмеялась.

— Аполлодор, это замечательно! — воскликнула она, передавая прочитанные бумаги Сосигену. — Где ты их достал? — спросила она, пока Сосиген, хихикая, перебирал их.

— Его писарь больше любит деньги, чем статуи, дочь Амона-Ра. Писарь сделал лишнюю копию и продал ее мне.

— Интересно, Деллий действовал по инструкции? Или это просто способ показать своему хозяину, что он недаром ест его хлеб?

— Последнее, царица, — ответил Сосиген, вытирая выступившие от смеха слезы. — Это так глупо! «Статуя Сераписа, расписанная Никием»? Никий умер задолго до того, как Бриаксис залил бронзу в форму. И он пропустил Аполлона работы Праксителя в гимнасии — назвал его «скульптурой, не представляющей большой художественной ценности!» О Квинт Деллий, ты дурак!

— Не будем недооценивать человека только потому, что он не может отличить Фидия от неаполитанской гипсовой копии, — сказала Клеопатра. — Его список — свидетельство того, что Антоний отчаянно нуждается в деньгах. В деньгах, которые я не намерена давать ему.

Явился Каэм в сопровождении своей жены.

— Таха, наконец-то! Что говорит чаша об Антонии?

Гладкое красивое лицо осталось спокойным. Таха, жрица бога Птаха, была с раннего детства обучена скрывать эмоции.

— Лепестки лотоса образовали узор, какого я никогда не видела, дочь Ра. Я много раз бросала их в воду, но рисунок не менялся. Да, Исида одобряет Марка Антония как отца твоих детей, но это будет нелегко, и это случится не в Тарсе. В Египте, только в Египте. У него мало семени, его нужно поить соками и кормить фруктами, усиливающими мужское семя.

— Если узор незнакомый, Таха, мать моя, как ты можешь быть уверена в том, что говорят лепестки?

— Я проверила по священным папирусам, фараон. Такие толкования последний раз были записаны три тысячи лет назад.

— Должна ли я отказаться от поездки в Тарс? — спросила Клеопатра Каэма.

— Нет, фараон. У меня были видения, и они говорят, что в Тарс ехать необходимо. Антоний — это, конечно, не бог с Запада, но в нем течет та же кровь. Этого для наших планов довольно, ведь мы не хотим вырастить соперника Цезариону! Все, что ему нужно, — это сестра, на которой он сможет жениться, и несколько братьев, которые будут преданно ему подчиняться.

Вошел Цезарион, оставляя после себя воду на полу.

— Мама, я только что говорил с Квинтом Деллием, — сообщил он, плюхаясь на ложе.

Кудахтая, как курица, Хармиона бросилась за полотенцами.

— Да? Сейчас? И где это произошло? — с улыбкой поинтересовалась Клеопатра.

Большие зеленые глаза, более яркие, чем у Цезаря, но не столь пронизательные, весело сощурились.

— Я пошел купаться, и он был там, шлепал по воде босиком. Можешь себе представить? Шлепал босиком! Он признался, что не умеет плавать, а значит, и не служил контуберналом. Кабинетный вояка.

— Разговор был интересный, сын мой?

— Я ввел его в заблуждение, если ты это имеешь в виду. Он заподозрил, что кто-то предупредил нас о его приезде, но, когда я уходил, он был убежден, что его приезд стал для нас сюрпризом. Подозрения возникли, когда он узнал, что мы плывем в Тарс. Я «проговорился», что в конце апреля мы обычно выводим все корабли из доков, чтобы проверить их и потренировать экипажи. «Какая удача! — сказал я. — Мы можем сразу ехать, нам не нужно тратить уйму времени на починку кораблей».

«А ему нет еще и шести лет, — подумал Сосиген. — Этого ребенка благословили все боги Египта».

— Мне не нравится слово «мы», — нахмурилась мать.

Радость на лице погасла.

— Мама! Ты не можешь! Я поеду с тобой, я непременно поеду с тобой!

— Кто-то должен править в мое отсутствие, Цезарион.

— Но не я! Я еще слишком юн!

— Ты достаточно взрослый, и хватит об этом. В Тарс ты не поедешь.

Этот приговор уязвил пятилетнего мальчика. Такую обиду может почувствовать только ребенок, когда ему не разрешают изведать что-то новое и очень желанное. Он разревелся, и мать подошла, чтобы успокоить его, но он сильно оттолкнул ее, так что она пошатнулась, и выбежал из комнаты.

— Он переживет это, — спокойно сказала Клеопатра, — ведь он сильный.

«Но не без потерь», — подумала Таха, которая увидела другого Цезариона, обиженного, лишённого отца, одинокого. Он — Цезарь, не Клеопатра, и она не понимает его. Он хотел в Тарс не для того, чтобы ходить перед всеми с важным видом как царь. Он хотел увидеть новые места, хоть ненадолго вырваться из тесного мирка, в котором живет.

Два дня спустя царский флот собрался в Большой гавани. Гигантская баржа «Филопатор» была пришвартована к пристани в небольшом рукаве, называемом Царской гаванью.

— О боги! — воскликнул Деллий, увидев ее. — Неужели в Египте все больших размеров, чем в остальном мире?

— Нам нравится так думать, — ответил Цезарион, который по причинам, известным только ему, повсюду следовал за Деллием.

— Это же баржа! Она утонет, если волны раскачают ее.

— Это корабль, а не баржа, — поправил Цезарион. — У корабля есть киль, а у баржи его нет, — продолжал он, подражая школьному учителю. — Киль «Филопатора» был вырублен из огромного цельного ливанского кедра — мы тогда владели Сирией. «Филопатор» правильно построен, с кильсоном, бортовыми килями и плоскодонным корпусом. На нижней палубе есть несколько комнат. И посмотри: оба ряда весел в выносных уключинах. Высота мачты сто футов. Капитан Агафокл приказал держать на борту треугольный парус на случай силь-

ного ветра. Видишь фигуру на носу? Это сам Филопатор. Он идет впереди.

— Ты много знаешь, — сказал Деллий, который ничего не понимал в кораблях, даже после этого урока.

— Наш флот доходит до Индии и острова Тапробана. Мама обещала мне, что, когда я стану старше, она возьмет меня в Аравийский залив посмотреть, как корабли спускают на воду. Как я хотел бы поплыть с ними!

Вдруг мальчик напрягся, готовый рвануться с места.

— Моя няня идет! Отвратительно иметь няню!

И он убежал, чтобы улизнуть от бедной женщины, не справлявшейся со своим подопечным.

Вскоре после этого пришел слуга за Квинтом Деллием. Пора подниматься на борт, но не на борт «Филопатора». Деллий не знал, радоваться этому или огорчаться: корабль царицы несомненно отстанет от остальных, несмотря на всю его роскошь.

Деллию было невдомек, что корабельные мастера Клеопатры усовершенствовали корабль, успешно прошедший испытания на море. «Филопатор» был триста пятьдесят футов в длину и сорок футов в ширину. Переместив оба ряда весел в выносные уключины, мастера увеличили пространство нижней палубы. Но фараона нельзя поселить рядом с работниками, поэтому нижнюю палубу занял экипаж корабля в сто пятьдесят человек, большинство из которых испытывали ужас при одной мысли о море.

Старая гостиная на корме была переделана в покои фараона, там размещались просторная спальня, комнаты для Хармионы и Ирады и столовая на двадцать одно ложе. Аркада колонн с капителями в форме лотоса, оставшаяся на месте, переходила перед мачтой в возвышение под крышей из фаянсовой плитки, поддерживаемой четырьмя новыми колоннами. Далее располагалась гостиная, несколько уменьшенная по сравнению с былыми временами, чтобы Сосиген и Каэм могли иметь собственные комнаты. И совсем близко к носу находилась хитро спрятанная открытая кухня. Во время плавания

по реке еда большей частью готовилась на суше; огонь всегда опасен для деревянного корабля. Но во время морского путешествия не было возможности пристать к берегу для приготовления пищи.

Клеопатра взяла с собой Хармиону и Ираду, двух светловолосых македонок безупречного происхождения, ее компаньенок с самого раннего детства. Им предстояло выбрать тридцать молодых девушек для сопровождения фараона в Тарс, красивых лицом и с роскошными формами, но при этом не распутных. Плата была десять золотых драхм, целое состояние, но не деньги примирили их с неизвестным, а одежда, которую им выдали для того, чтобы они носили ее в Тарсе: тончайшие золотые и серебряные ткани, сверкающая металлическими нитями парча, прозрачный лен всех цветов радуги, шерсть настолько тонкая, что облегла тело, словно ее намочили. В Пелузии, на рынке рабов, были куплены десять симпатичных мальчиков и пятнадцать очень высоких мужчин хорошего телосложения из варварских племен. На рынке мужчины были выставлены в юбках, вышитых на манер павлиньих хвостов, и Клеопатра решила, что павлин станет эмблемой «Филопатора». Золота на покупку павлиньих перьев было потрачено столько, что Антоний заплакал бы от зависти.

В первый день мая флот отплыл. «Филопатор» шел впереди под парусом, надменно демонстрируя остальным кораблям свою корму. Только пассаты могли бы помешать им плыть на север, но в это время года пассаты не дули. Свежий юго-восточный бриз наполнял паруса кораблей, облегчая работу гребцам. Ни один шторм не заставил их искать укрытия в ближайшей бухте, а лоцман на борту «Филопатора» безошибочно узнавал все мысы на побережье Сирии. У мыса Геркулеса, напротив узкой оконечности Кипра, он пришел к Клеопатре.

— Царица, у нас есть две возможности, — встав на колени, доложил он.

— Какие, Паламед?

— Можно продолжать следовать вдоль сирийского берега до Розосского мыса, затем пересечь верхнюю часть Иссского залива до устьев больших рек Киликии Педии. Но там обяза-

тельно встретятся наносные песчаные острова и мели, и мы будем плыть медленно.

— А другая возможность?

— Выйти в открытое море прямо здесь и поплыть на северо-запад — может быть, с этим ветром, — пока мы не достигнем Киликии около устья реки Кидн.

— Сколько мы выиграем, если поплывем морем, Паламед?

— Трудно сказать, царица, но примерно десять дней. Реки Киликии Педии разольются — это дополнительное препятствие, если мы будем держаться берега. Но ты должна понять, что второй вариант опасен. Шторм или перемена ветра могут отнести нас куда-нибудь далеко, от Ливии до Греции.

— Мы рискнем и поплывем морем.

И речные боги Египта, неожиданно для римского Нептуна появившиеся на широких просторах его царства, оказались достаточно могущественными, так что флот благополучно доплыл до устья реки Кидн. А возможно, Нептун, римский бог, заключил союз со своими египетскими братьями. Каковы бы ни были причины, на десятый день мая флот собрался у отмели реки Кидн. Разбухший поток не давал подойти к берегу. Гребцам пришлось налечь на весла, чтобы отработать свои деньги. Проход был четко обозначен крашеными сваями. Между ними неумоимо трудились баржи, освобождая фарватер от песка и грязи. У всех кораблей была низкая посадка, особенно у грузного «Филопатора», построенного для плавания по рекам. Клеопатра приказала флоту плыть впереди нее, чтобы Деллий успел сообщить Антонию о ее прибытии.

Антоний был не в духе, не находил себе места, но по-прежнему оставался трезвым.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, глядя на Деллия и показывая на стол, заваленный свитками и бумагами. — Взгляни-ка сюда! И все это или счета, или плохие новости! Тебе удалось? Клеопатра приедет?

— Клеопатра уже здесь, Антоний. Я плыл с ее флотом, сейчас вставшим на якорю в низовьях реки. Двадцать трирем, все военные — боюсь, никакой возможности сторговаться.

Скрипнуло кресло. Антоний встал и прошел к окну. Его движения показали Деллию, какими грациозными могут быть крупные люди.

— Где она? Надеюсь, ты велел начальнику порта пришвартовать ее на лучшее место?

— Да, но на это понадобится некоторое время. Ее корабль по длине равен трем старинным греческим военным галерам, поэтому она не может встать между двумя уже пришвартованными торговыми кораблями. Начальнику порта придется передвинуть семь кораблей — он не в восторге, но он это сделает. Я говорил от твоего имени.

— Корабль для титана, вот как? Когда я смогу взглянуть на него? — мрачно спросил Антоний.

— Завтра утром, через час после рассвета. — Деллий вздохнул. — Она приехала без возражений и с большой помпой. Я думаю, она хочет произвести на тебя впечатление.

— Тогда я постараюсь, чтобы ей это не удалось. Самонадеянная свиноматка!

Вот почему, едва солнце поднялось над деревьями восточнее Тарса, Антоний без сопровождения прогулялся верхом к дальней отмели реки Кидн, закутавшись в темно-коричневый плащ. Увидеть врага первым — значит получить преимущество; этому его научила армейская служба у Цезаря. «О, какой приятный воздух! Что я делаю в этом разграбленном городе, когда меня ждут походы и битвы? — спросил он себя, зная ответ. — Я все еще здесь, чтобы увидеть, собирается ли царица Египта ответить на мои обвинения. А другая самонадеянная свиноматка, Глафира, начинает изводить меня, используя приемы, которыми восточные женщины владеют в совершенстве: ласки и слезы, приправленные вздохами и нытьем. Не то что Фульвия! Когда она изводит тебя, это грохот, рычание, рев! Она может и оплеуху получить, если ты не против почувствовать, как в ответ пять ногтей, словно грабли, царапают тебе грудь».

А, вот здесь удобное место! Он отъехал в сторону, спешил-ся и направился к плоскому камню высотой в несколько фу-

тов над отмелью. Сидя на нем, он хорошо разглядит корабль Клеопатры, плывущий вверх по Кидну к месту швартовки. Антоний находился не далее пятидесяти шагов от речного канала, так близко, что мог видеть маленькую яркую птичку, свившую гнездо под карнизом пакгауза у причала.

«Филопатор» медленно плыл по реке со скоростью бегущего человека, и задолго до того, как он поравнялся с Антонием, у того челюсть отвисла от удивления. На носу корабля он увидел огромную фигуру, окруженную таинственным золотым сиянием. Фигура изображала темнокожего мужчину в белой юбке, ожерелье и поясе из золота и драгоценных камней и в огромном красно-белом головном уборе. Его босые ноги скользили по волнам, расходящимся по обе стороны от корабля, правая рука с золотым копьём вздымалась вверх. Носовые корабельные фигуры не были редкостью, но не такие громадные и не так сросшиеся с кораблем. Этот мужчина — какой-нибудь древний царь? — был с кораблем одним целым и нес его за собой, как надутый ветром плащ.

Все казалось золотым. Корабль был покрыт золотом от ватерлинии до верха мачты, а что не было золотым, то имитировало узор павлиньих перьев — синий и зеленый — и мерцало нанесенным на все золотым порошком. Крыши палубных построек были покрыты фаянсовыми плитками синего и зеленого цвета, вдоль всей палубы тянулась аркада колонн с капителями в форме лотоса. Даже весла были золотые! И повсюду сверкали драгоценные камни! Один этот корабль стоил десять тысяч талантов золота!

Ветерок доносил аромат благовоний, звуки лиры и свирели, пение невидимого хора. Красивые девушки в газовых одеждах бросали цветы из золотых корзин, множество красивых мальчиков раскачивались на белоснежных канатах. Наполненный ветром парус, помогающий гребцам справиться с течением, был белее белого, на нем были вышиты сплетенные головы гадюки и ястреба и еще странный глаз, из которого капала длинная черная слеза.

Павлиньи перья виднелись везде, но больше всего их было вокруг высокого золотого возвышения перед мачтой. На

троне сидела женщина, одетая в платье из павлиньих перьев и с такой же красно-белой короной на голове, как и у фигуры на носу корабля. На широком золотом ожерелье, покрывавшем плечи, сверкали драгоценности, такой же широкий пояс стягивал ее талию. К груди царица прижимала перекрещенные посох и плеть из золота, инкрустированного ляпис-лазурью. Лицо ее, раскрашенное так, что невозможно было узнать, как она выглядит на самом деле, было совершенно спокойно.

Корабль проплыл мимо достаточно близко, чтобы можно было увидеть, какой он широкий и красивый. Палуба оказалась вымощена зелеными и синими фаянсовыми плитками под цвет крыши. Корабль-павлин, царица-павлин. «Ну хорошо, — подумал Антоний, почему-то рассердившись, — она увидит, кто хозяин положения в Тарсе!»

Он галопом промчался по мосту в город, рывком остановил коня у входа во дворец наместника, вошел и крикнул слуг.

— Тогу и ликторов, живо!

И когда царица послала своего управляющего, евнуха Филона, сообщить Марку Антонию о своем прибытии, Филону сказали, что Марк Антоний сейчас на агоре слушает дела о растратах и не может принять ее величество до завтрашнего утра.

Антоний действительно намеревался посвятить несколько дней этому занятию. На агоре официально было вывешено объявление, так что, заняв свое место на трибунале, он увидел то, что и ожидал: сотню истцов и ответчиков, по крайней мере столько же адвокатов, несколько сотен зрителей и несколько десятков продавцов напитков, легких закусок, зонтов и вееров. Даже в мае в Тарсе было жарко. По этой причине территория суда была защищена бордовым навесом, по краям которого через равные промежутки висели вымпелы с буквами SPQR. На каменном трибунале сидел сам Антоний на курульном кресле из слоновой кости, по обе стороны которого расположились двенадцать ликторов в малиновых туниках. Тут же, за столом, заваленным свитками, сидел Луцилий. Новым действующим лицом в этой драме был седовласый центурион,

стоявший в углу трибунала. На нем была кольчуга из золотых пластин, золотые наголенники, на груди фалеры, армиллы и ожерелья, на голове золотой шлем с алым конским гребнем в форме веера. Но не грудь, украшенная наградами за военные подвиги, собрала эту толпу зрителей. Причиной был длинный галльский меч, который центурион держал в руках, воткнув конец в землю. Он демонстрировал гражданам Тарса, что Марк Антоний обладает *imperium maius* и может казнить любого за любую провинность. Если ему придет в голову приказать кого-нибудь казнить, этот центурион тут же, на месте выполнит приказ. Антоний не собирался никого лишать жизни, но восточные люди привыкли, что их правители казнят регулярно, просто из прихоти, так зачем разочаровывать их?

Некоторые дела были интересными, некоторые даже забавными. Антоний разбирал их с деловитостью и беспристрастностью, каковыми, кажется, обладают все римляне, будь они из пролетариев или из аристократов. Все они разбираются в законах и действуют методично, все привержены порядку и дисциплине, хотя Антоний был наделен этими истинно римскими качествами меньше других. Несмотря на это, он выполнял свою задачу энергично и порой даже с рвением.

Внезапно люди в толпе зашевелились, и очередной истец чуть не потерял равновесие как раз в тот момент, когда хотел передать свое дело высокооплачиваемому адвокату, стоявшему рядом. Марк Антоний повернул голову, нахмурился.

Толпа расступилась в благоговейном страхе, образуя проход для небольшой процессии, возглавляемой темнокожим бритоголовым человеком в белом одеянии с золотыми цепями на шее стоимостью в целое состояние. За ним шел управляющий Филон, одетый в льняное платье голубого и зеленого цветов, с накрашенным лицом, сверкая драгоценными камнями. Но все это было ничто по сравнению с транспортным средством, следовавшим за ними. Это был просторный паланкин из золота, с крышей из фаянсовых плиток, с развевающимися на углах плюмажами из павлиньих перьев. Паланкин несли восемь огромных носильщиков, черных, как виноград, с таким же пурпурным оттенком кожи. На них были юбки из павли-

ных перьев, ожерелья и браслеты из золота и сверкающие золотые головные уборы.

Царица Клеопатра дождалась, когда носильщики мягко опустят паланкин, без чьей-либо помощи грациозно ступила на землю и подошла к ступеням римского трибунала.

— Марк Антоний, ты позвал меня в Тарс. Я здесь, — произнесла она чистым, звонким голосом.

— Твоего имени нет в моем списке дел на сегодня! Тебе придется подать заявление секретарю, но уверяю, я прослежу, чтобы твое имя было первым в списке на завтра, — сказал Антоний с достоинством монарха и без всякого почтения.

Внутри у нее все кипело. Как смеет этот римский грубиян обращаться с ней как с остальными! Она пришла на агору, чтобы показать ему, какой он деревенщина, продемонстрировать свой статус жителям Тарса, которые с почтением отнесутся к ее высокому положению и не будут думать хорошо об Антонии, поскольку он метафорически плюнул в нее. Он сейчас не на Римском форуме, и люди, собравшиеся здесь, не римские предприниматели (все они покинули эти места, больше не надеясь на поживу). Эти люди сродни ее александрийцам, они трепетно относятся к привилегиям монархов. Стали бы они возражать против того, чтобы их отодвинули в сторону ради царицы Египта? Напротив, они были бы счастливы продемонстрировать свое почтение! Они бегали на пристань полюбоваться «Филопатором» и пришли на агору, рассчитывая услышать, что рассмотрение их дел отложено. Антоний, несомненно, полагал, что они оценят его демократические принципы, но восточные люди мыслили иначе. Они были потрясены и взволнованы, они не одобрили его поступок. Униженно стоя у подножия трибунала, Клеопатра продемонстрировала жителям Тарса, насколько высокомерны римляне.

— Благодарю тебя, Марк Антоний, — сказала она. — Если ты свободен сегодня вечером, не хотел бы ты отобедать со мной на корабле? Скажем, с наступлением темноты? Приятнее принимать пищу после того, как спадет жара.

Он гневно взглянул на нее с высоты трибунала. Она поставила его в глупое положение. Антоний понял это по лицам

людей, подобострастно склонившихся перед Клеопатрой, стоя на почтительном расстоянии от царской персоны. В Риме толпа окружила бы ее, но здесь? Здесь это было невозможно. Проклятье!

— Вечером я свободен, — отрывисто произнес он. — Можешь ожидать меня с наступлением сумерек.

— Я пришлю за тобой паланкин, полководец Антоний. Если пожелаешь, возьми с собой Квинта Деллия, Луция Попликолу, братьев Сакса, Марка Барбата и еще пятьдесят пять твоих друзей.

Клеопатра легко села в паланкин. Носильщики подняли его и развернули кругом, поскольку это был не просто паланкин, у него имелись подголовник и подножие, чтобы пассажир был хорошо виден.

— Продолжай, Меланф, — сказал Антоний истцу, которого прибытие царицы остановило на полуслове.

Трясущийся Меланф беспомощно повернулся к своему высокооплачиваемому адвокату и в замешательстве развел руками. Адвокат продемонстрировал поразительную компетентность, продолжив его речь так, словно никто его не прерывал.

Слугам Антония понадобилось некоторое время, чтобы найти тунику, достаточно чистую для обеда на корабле. В объемистой тоге есть неудобно, ее полагалось снимать. И обувь (его любимые походные башмаки) тоже не подходила: слишком долго расшнуровывать и зашнуровывать. О, если бы у него был на голове дубовый венок! Цезарь носил венки на всех публичных мероприятиях. Еще совсем молодым человеком получил он эту награду за храбрость в бою. Но у Антония, как и у Помпея Великого, никогда не было такого венка, хотя храбрости ему было не занимать.

Паланкин ждал. Делая вид, что это очень забавно, Антоний сел в него и приказал компании своих дружков, смеющихся и отпускающих шуточки, идти пешком следом. Это транспортное средство всех восхитило, но не так, как носильщики — редкость потрясающая. Даже на самых оживленных рынках рабов чернокожих людей было не сыскать. В Италии они по-

падались так редко, что скульпторы буквально хватались за них, но то были женщины и дети, и почти все полукровки. Красота их кожи, привлекательность лиц и гордая осанка поражали. Как взбудоражили бы они Рим! «Хотя, — подумал Антоний, — несомненно, они были с ней, когда она жила в Риме. Просто я никогда их не видел».

Трап был сделан из золота, кроме перил из редчайшего тетраклиниса, а фаянсовая палуба усыпана лепестками роз, испускавшими слабый аромат, когда на них наступали. Все подставки, на которых стояли золотые вазы с павлиньими перьями или бесценные произведения искусства, были выполнены из слоновой кости, инкрустированной золотом. Красивые девушки, чьи формы просвечивали сквозь тончайшие ткани, провели гостей между колоннами к большой двустворчатой двери, украшенной мастерски выполненным барельефом. За дверью оказалась огромная комната с распахнутыми для вечернего бриза ставнями; на стенах из тетраклиниса красовались великолепные инкрустированные узоры, на полу толстым слоем лежали розовые лепестки.

«Она смеется надо мной, — подумал Антоний. — Смеется надо мной!»

Клеопатра ждала, одетая теперь в несколько слоев газа разных оттенков, от темного янтарного нижнего слоя до светло-желтого верхнего. Стиль не греческий, не римский и не азиатский, а ее собственный — в талию, с широкой юбкой и узким лифом, обтягивающим ее небольшую грудь. Тонкие руки были скрыты широкими рукавами до локтей, оставляющими место для браслетов на предплечьях. На шее — золотая цепь, с которой свисала темно-розовая жемчужина размером с клубничину, заключенная в сетку из тончайшей золотой проволоки. Антоний сразу же обратил на нее внимание. Открыв рот от изумления, он перевел взгляд на лицо Клеопатры.

— Я знаю эту побрякушку, — сказал он.

— Наверняка знаешь. Цезарь дал ее Сервилии много лет назад в качестве откупной, когда разорвал помолвку Брута со своей дочерью. Но Юлия умерла, потом Брут тоже умер, а Сервилия потеряла все свои деньги во время гражданской

войны. Старый Фаберий из портика Маргаритария оценил жемчужину в шесть миллионов сестерциев, но, когда Сервилия пришла продавать ее, она запросила десять миллионов. Глупая женщина! Я заплатила бы двадцать миллионов, лишь бы заполнить ее! Но и десяти миллионов было недостаточно, чтобы покрыть все ее долги. Брут и Кассий проиграли войну, что лишило ее половины состояния, а Ватия и Лепид выжали из нее все остальное, — закончила Клеопатра с явным удовольствием.

— Это правда, она сейчас на содержании у Аттика.

— А жена Цезаря, я слышала, покончила с собой.

— Кальпурния? Ее отец, Пизон, хотел выдать ее замуж за какого-то богача, готового заплатить состояние за привилегию лечь в постель с вдовой Цезаря, но она очень не хотела покидать Государственный дом. Вскрыла себе вены.

— Бедная женщина. Мне она всегда нравилась. Кстати, мне и Сервилия нравилась. Мне только не нравились жены «новых людей».

— Теренция Цицерона, Валерия Мессала Педия, Фабия Гирция. Я могу это понять, — с усмешкой заметил Антоний.

Пока они разговаривали, девушки подвели группу восхищенных друзей Антония к предназначенным для них ложам. Когда гости возлегли, Клеопатра взяла Антония за руку, провела его к ложу внизу буквы «U» и усадила на *locus consularis*.

— Ты не против, если мы будем только вдвоем, без третьего? — спросила она.

— Конечно не против.

Как только он возлег, внесли первую перемену блюд — такие деликатесы, что несколько известных гурманов из его компании в восторге заплодировали. Крошечные птички, приготовленные так, чтобы их можно было съесть целиком, с костями; яйца, фаршированные неопишваемыми начинками; креветки жареные, копченые, тушеные и вареные с гигантскими каперсами и грибами; устрицы и гребешки, галопом доставленные с берега, и сотня других столь же восхитительных блюд, которые надо было есть руками. Затем внесли основную пере-

мену: ягнята, целиком зажаренные на вертеле, каплуны, фазаны, мясо молодого крокодила (оно было великолепно, привело в восторг гурманов), тушения с незнакомыми приправами и целиком зажаренные павлины на золотых блюдах, заново покрытые перьями и с распущенными хвостами.

— В Риме Гортензий первым подал на банкете жареного павлина, — со смехом вспомнил Антоний. — Цезарь сказал, что на вкус он похож на старый армейский сапог, только сапог мягче.

Клеопатра тихо засмеялась:

— Это похоже на Цезаря! Дай Цезарю кашу из сушеного гороха, нута или чечевицы с солониной, и с него довольно. Гурманом он не был.

— Однажды он макнул хлеб в прогорклое масло и даже не заметил.

— Но ты, Марк Антоний, ценишь хорошую еду.

— Да, иногда.

— Вино хиосское. Его пьют неразбавленным.

— Я хочу остаться трезвым, царица.

— И почему же?

— Потому что мужчине, имеющему с тобой дело, нужны мозги.

— Я считаю это комплиментом.

— С годами ты краше не стала, — заметил Антоний, явно не думая о том, как женщина может воспринять такие слова.

— Я очаровываю не внешностью, — спокойно ответила Клеопатра. — Цезаря привлекали мой голос, мой ум и мой статус царицы. Особенно ему нравились мои способности к языкам, он тоже обладал ими в полной мере. Он научил меня латыни, а я научила его демотическому и классическому египетскому.

— Твой латинский безупречный.

— Как и у Цезаря.

— Ты не привезла его сына.

— Цезарион — фараон. Я оставила его править в мое отсутствие.

— В пять лет?!

— Ему почти шесть, но он умен как шестидесятилетний старец. Замечательный мальчик. Я думаю, ты сдержишь обещание и представишь его сенату как наследника Цезаря в Египте. Он имеет неоспоримое право на трон, а значит, Октавиан должен понять, что Цезарион не представляет угрозы для Рима. Судьба Цезариона — Египет, необходимо, чтобы Октавиан понял это.

— Я согласен, но еще не пришло время везти Цезариона в Рим для заключения договоров с Египтом. В Италии неспокойно, и я не могу вмешиваться, какие бы действия ни предпринимал Октавиан, чтобы решить эти проблемы. Он получил Италию в результате нашего соглашения в Филиппах. Мне же были нужны только войска.

— Разве ты, римлянин, не несешь свою долю ответственности за то, что происходит в Италии, Антоний? — спросила Клеопатра. — Разумно ли заставлять Италию так страдать от голода и разногласий между предпринимателями, землевладельцами и солдатами-ветеранами? Разве не должны вы трое — ты, Октавиан и Лепид — оставаться в Италии и прежде всего решать ее проблемы? Октавиан — просто мальчик, он не обладает необходимыми мудростью и опытом. Почему вы не помогаете ему, а мешаете? — Она издала скрипучий смешок и стукнула по валику ложа. — Мне это, конечно, ничего не дает, но я подумала о той разрухе, которую Цезарь оставил после себя в Александрии, и о том, что я должна была заставить всех граждан действовать сообща, не допустить, чтобы один класс ополчился на другой. Мне это не удалось, поскольку я не понимала, как разрушительны гражданские войны. Цезарь дал мне совет, но я была недостаточно умна, чтобы воспользоваться им. Но если это случится вновь, я знаю, как действовать. И то, что я вижу в Италии, — это похоже на ту борьбу, которую веду я. Забудь свои разногласия с Октавианом и Лепидом, действуйте сообща!

— Я скорее умру, — сквозь зубы возразил Антоний, — чем окажу этому мальчишке-позеру хоть малейшую помощь!

— Народ намного важнее, чем один мальчишка-позер.

— Нет, я не согласен! Надеюсь, Италия будет голодать, и я сделаю все, что могу, чтобы ускорить наступление кризиса. Вот почему я терплю Секста Помпея и его флотоводцев. Они не дают Октавиану накормить Италию, и чем меньше налогов платят предприниматели, тем меньше денег у Октавиана на покупку земли для расселения ветеранов. А даром ему земли никто не даст.

— Рим построил империю с помощью народа Италии от реки Пад на севере до Бруттия на кончике «сапога». Тебе не приходило в голову, что, рассчитывая набрать войско в Италии, ты фактически утверждаешь, что больше ни одна страна не способна поставлять таких отличных солдат? Но если страна голодает, они тоже будут голодать.

— Нет, они не будут голодать, — прервал ее Антоний. — Голод заставляет их вновь записываться в армию. Это спасение для них.

— Но не для женщин, вынашивающих мальчиков, которые вырастут в отличных солдат.

— Им платят, они посылают деньги домой. Голодают те, кто никому не нужен, — это греки-вольноотпущенники и старики.

Устав от спора, Клеопатра откинулась и закрыла глаза. Эмоции, которые ведут к убийству, были ей хорошо знакомы. Ее отец задушил собственную старшую дочь, чтобы укрепить свой трон, и убил бы саму Клеопатру, если бы Каэм и Таха не спрятали ее в Мемфисе еще ребенком. Но идея заставить собственный народ страдать от голода и эпидемий была ей непонятна. Жестокость этих враждующих, обуреваемых страстями людей не имела границ. Неудивительно, что Цезарь погиб от их рук. Их личная слава и престиж семьи были важнее, чем целые народы, и в этом они больше походили на Митридата Великого, чем согласились бы признать. Они прошли бы по костям тысяч мертвецов, если бы это означало, что погибнет враг семьи. Они до сих пор проводят политику маленького города-государства, словно не понимая, что небольшой город-государство превратился в самую мощную военную и торговую машину в истории. Завоевания Александра Великого были

огромны, но после его смерти все исчезло, как дым. Римляне завоевали немного здесь, немного там, но то, что завоевали, они посвятили идее, которую называли Римом для вящей славы этой идеи. И все-таки они не поняли, что Италия значит больше, чем личная вражда. Цезарь все время говорил ей, что Италия и Рим — это одно целое. Но Марк Антоний с этим не согласен.

Как бы то ни было, она начала лучше понимать, что за человек Марк Антоний. Однако она слишком устала, пора заканчивать этот вечер. Будут еще обеды, и если ее повара свихнутся, придумывая новые блюда, то это их проблемы.

— Умоляю простить меня, Антоний. Мне пора спать. Оставайтесь, сколько хотите. Филон позаботится о вас.

И она ушла. Нахмурясь, Антоний спросил себя, уходить ему или остаться. И решил уйти. Завтра вечером он устроит банкет в ее честь. Странная малышка! Похожа на тех девиц, которые морят себя голодом как раз в том возрасте, когда надо хорошо питаться. Но они анемичные, слабые существа, а Клеопатра очень сильная. Интересно, вдруг подумал он весело, как Октавиан ладит с дочерью Фульвии от Клодия? Вот тощая девица! Мяса на ней не больше, чем на мышке.

На следующий день вновь принесли приглашение от Клеопатры отобедать у нее вечером. Антоний собирался отправиться на агору вершить суд, зная, что царица больше не появится там. Его друзья отказались от завтрака, переев чудесных кушаний у Клеопатры, а он, быстро проглотив немного хлеба с медом, пришел на агору раньше, чем тяжущиеся стороны ожидали его увидеть. Часть его существа все еще метала громы и молнии по поводу того, что их разговор за обедом пошел не в том направлении. Они так и не коснулись вопроса, помогала ли она Кассию. Надо подождать день-два, но то, что она не напугана, — плохой знак.

Когда он вернулся во дворец наместника, чтобы принять ванну и побриться — подготовиться к вечернему приему на «Филопаторе», в спальне его ожидала Глафира.

— Вчера вечером меня не приглашали? — спросила она тонким голосом.

- Не приглашали.
- И в этот вечер не пригласили?
- Нет.

— А если написать царице письмо и объяснить, что во мне течет царская кровь и я твоя гостя в Тарсе? Если я это сделаю, она, конечно, включит меня в число приглашенных.

— Ты можешь написать, Глафира, — сказал Антоний, вдруг повеселев, — но это будет бесполезно. Собери свои вещи. Я отсылаю тебя обратно в Команы завтра на рассвете.

Слезы полились, словно тихий дождь.

— О, перестань плакать, женщина! — воскликнул Антоний. — Ты получишь, что хочешь, но не сейчас. А если не перестанешь плакать, то ничего не получишь.

Только на третий вечер, во время третьего обеда на борту «Филопатора», Антоний упомянул о Кассии. Он не задавался вопросом, как ее поварам удастся придумывать новые блюда, но его друзья с восторгом поглощали все, и у них не было времени наблюдать, чем занята пара на *lectus medius*. Определенно не флиртуют, гостей больше волновали прекрасные девушки, хотя некоторые отдали бы предпочтение мальчикам.

— Завтра тебе лучше прийти на обед в наместнический дворец, — сказал Антоний, который все три раза ел с аппетитом, но не выставлял себя обжорой. — Дай твоим поварам заслуженный отдых.

— Если ты этого хочешь, — равнодушно ответила Клеопатра.

Она едва прикасалась к еде, довольствуясь воробьиными порциями.

— Но прежде чем ты, царица, окажешь честь моему жилищу, посетив его, я думаю, мы должны прояснить вопрос о помощи, которую ты оказала Гаю Кассию.

— О помощи? О какой помощи?

— А разве четыре добротных римских легиона не помощь?

— Дорогой мой Марк Антоний, — растягивая слова, устало проговорила Клеопатра, — эти четыре легиона шли на север под началом Авла Аллиена, который, как мне сообщили, был

легатом Публия Долабеллы, в то время законного наместника Сирии. Поскольку Александрии грозили чума и голод, я была даже рада передать Аллиену четыре легиона, оставленных Цезарем. Если Аллиен решил переметнуться, когда пришел в Сирию, меня винить в этом нельзя. Флот, который я послала тебе и Октавиану, попал в сильный шторм, серьезно пострадал и вынужден был вернуться. И нигде ты не найдешь записей о том, что флот был предоставлен Гаю Кассию или что я дала ему денег, зерна или войско. Я признаю, что правитель Кипра, Серапион, посылал помощь Бруту и Кассию, но я буду только рада, если Серапиона казнят. Он действовал на свой страх и риск, никаких приказов я ему не отдавала, а это делает его государственным изменником. Если не казнишь его ты, то это сделаю я по возвращении домой.

— Хм, — хмыкнул Антоний. Он знал, что все сказанное ею — правда, но не это его заботило. Ему необходимо было выставить ее лгуньей. — У меня есть свидетели из рабов, которые подтвердят, что Серапион действовал по твоему приказу.

— Добровольно или под пыткой? — холодно спросила она.

— Добровольно.

— За малую толику золота ты хочешь получить больше, чем Мидас. Хватит, Антоний, будем откровенны! Я здесь, потому что твой сказочный Восток обанкротился из-за римской гражданской войны. И вдруг Египет стал похож на огромную гусыню, несущую огромные золотые яйца. Освободись от иллюзий! — резко сказала Клеопатра. — Золото Египта принадлежит Египту, имеющему статус друга и союзника римского народа и не предававшему его. Если ты хочешь золота, тебе придется взять его у меня силой, во главе армии. И даже тогда ты будешь разочарован. Тот небольшой список сокровищ Александрии, что составил Деллий, — лишь одно золотое яйцо в огромной груде. А эта груда так надежно спрятана, что ты никогда ее не найдешь. И не выпытаешь ничего ни у меня, ни у моих жрецов, которые единственные знают, где эта груда лежит.

Это не речь человека, которого можно запугать!

Антоний старался уловить малейшую дрожь в голосе Клеопатры и заметить малейшее напряжение ее рук, тела, но так

ничего не услышал и не увидел. Что еще хуже, из того немногого, что рассказывал Цезарь, Антоний знал: сокровища Птолемея действительно так хитроумно спрятаны, что никто не сумеет найти их, если не знает, как это сделать. Конечно, предметы из списка Деллия дадут десять тысяч талантов, но ему нужно намного больше. А только для того, чтобы перебросить армию в Александрию по суше или по морю, ему понадобится несколько тысяч талантов. «О, будь проклята эта женщина! Я не могу ни запугать ее, ни заставить сдаться. Поэтому я должен найти другой способ. Клеопатра — это не Глафира».

На следующий день ранним утром на «Филопатор» доставили записку, в которой говорилось, что банкет, устраиваемый сегодня Антонием, будет костюмированным. «Но я намекну тебе, — говорилось в записке, — что, если ты придешь в образе Афродиты, я буду приветствовать тебя как новый Дионис».

Итак, Клеопатра надела наряд гречанки из нескольких летящих слоев розового и пунцового газа. Ее тонкие, мышинового цвета волосы были уложены в греческом стиле — разделены на несколько прядей от лба к затылку и собраны в небольшой узел. Люди шутили, что такая прическа напоминает кожуру мускусной дыни, и это было недалеко от истины. Женщина, например Глафира, могла бы сказать ему (если бы когда-нибудь видела Клеопатру в одеянии фараона), что эта прическа позволяет носить красно-белую двойную корону Египта. Сегодня на царице была усыпанная блестками короткая вуаль с вплетенными цветами. Цветы были на шее, груди, талии. В руке она несла золотое яблоко. Наряд не особенно соблазнительный, но Марк Антоний отнесся к этому спокойно, поскольку не был ценителем женских нарядов. Главной целью «костюмированного» обеда для Марка Антония было показать себя с самой выгодной стороны.

Как новый Дионис, он был обнажен до пояса и от середины бедра, а ниже талии задрапирован тонким куском пурпурного газа, под которым искусно выкроенная набедренная повязка подчеркивала размер знаменитых гениталий Антония. В срок три года он все еще был в расцвете сил, его Геркулесова

фигура не пострадала от излишеств, что было большой редкостью даже среди людей вдвое моложе его. Икры и бедра массивные, но лодыжки тонкие. Мышцы грудной клетки бугрились над плоским мускулистым животом. Только вот шея у него была толстая, как у быка, и на такой шее голова казалась маленькой. Девушки, которых царица привела с собой, смотрели на него, открыв рты и умирая от желания.

— Кажется, в твоём гардеробе мало одежды, — спокойно заметила Клеопатра.

— Дионису одежда не нужна. Вот, возьми виноград, — предложил он, протягивая гроздь, которую держал в руке.

— Вот, возьми яблоко, — ответила она, протягивая руку.

— Я — Дионис, а не Парис. «Парис, женолюбец, прельститель», — процитировал он. — Видишь? Я знаю Гомера.

— Я восхищена до глубины души.

Она устроилась на ложе. Он предоставил ей *locus consularis*, чего не одобрили приверженцы традиций из его окружения. Женщина есть женщина.

Несмотря на старания Антония, эффектный наряд не произвел на Клеопатру никакого впечатления. Физическая сторона любви явно ее не прельщала. По сути, большую часть вечера она провела, играя своим золотым яблоком: она положила его в стеклянный кубок с розовым вином и любовалась, как голубой цвет стекла придает золоту слабый оттенок пурпура, особенно когда она помешивала вино красивым пальцем.

Наконец, отчаявшись, Антоний решил рискнуть: ему должна помочь Венера!

— Я влюбляюсь в тебя, — сказал он, дотронувшись до ее руки.

— Глупости!

Клеопатра с раздражением отдернула руку, словно смахивая надоедливое насекомое.

— Это не глупости! — возмутился Антоний и сел прямо. — Ты околдовала меня, Клеопатра.

— Мое богатство околдовало тебя.

— Нет-нет! Мне все равно, даже если бы ты была нищей!

— Чепуха! Ты перешагнул бы через меня, словно я не существую.

— Я докажу, что люблю тебя! Испытай меня!

Она не замедлила с ответом:

— Моя сестра Арсиноя укрывается в храме Артемиды в Эфесе. В Александрии ее приговорили к смерти. Казни ее, Антоний. Когда она умрет, ты мне понравишься, не волнуйся.

— У меня предложение получше, — сказал он, вдруг почувствовав, как пот выступил на лбу. — Позволь мне любить тебя здесь, сейчас!

Клеопатра резко откинула голову, отчего вуаль из цветов чуть съехала набок. Деллий, внимательно наблюдавший за ними со своего ложа, подумал, что она похожа на подвыпившую цветочницу, предлагающую всем купить ее цветы. Один желто-золотой глаз закрыт, другой задумчиво смотрит на Антония.

— Не в Тарсе, — промолвила она, — и лишь после того, как умрет моя сестра. Приезжай в Египет с головой Арсинои, и я подумаю об этом.

— Но я не могу! — воскликнул Антоний, задыхаясь. — У меня слишком много дел! Ты думаешь, почему я трезвый? В Италии вот-вот начнется война. Этот проклятый мальчишка справляется лучше, чем я надеялся. Я не могу! И как ты можешь просить голову собственной сестры?

— С удовольствием! Она много лет охотится за моей головой. Если ей удастся осуществить свои планы, она выйдет замуж за моего сына и в одно мгновение снесет мне голову. В ее жилах течет чистая кровь Птолемеев, и она достаточно молода, чтобы иметь детей, когда Цезарион повзрослеет. А я, внучка Митридата Великого, — помесь. Кровь моего сына еще грязнее. Для многих в Александрии Арсиноя — надежда на возрождение династии. Чтобы я могла жить, она должна умереть.

Клеопатра встала с ложа, отбросила вуаль, сорвала гирлянды тубероз и лилий с шеи и талии.

— Благодарю за отличный вечер и за познавательное путешествие в другую страну. «Филопатор» за последние сто лет не принимал столько гостей. Завтра он и я поплывем в Египет.

Приезжай туда, чтобы меня увидеть. И помни о моей сестре в Эфесе. Она настоящая стерва. Если тебе нравятся гарпии и горгоны, ты просто влюбишься в нее.

— Может быть, ты испугал ее, Антоний, — сказал Деллий, посвященный в часть их разговора на следующее утро, когда «Филопатор» опустил золотые весла в воду и отправился домой.

— Испугал ее? Эту хладнокровную гадюку? Невозможно!

— Она весит не больше таланта, а ты должен весить где-то около четырех. Может быть, она думает, что ты раздавишь ее. — Он захихикал. — Или протаранишь. Вполне возможно.

— *Sacat!* Я и не подумал об этом!

— Изъявляй свою любовь в письмах, Антоний, и продолжай выполнять свои обязанности как триумвир Востока.

— Ты пытаешься давить на меня, Деллий? — спросил Антоний.

— Нет-нет, конечно нет! — быстро ответил Деллий. — Просто напомнил, что царицы Египта больше нет на твоём горизонте, зато есть другие люди и события.

Антоний в ярости смахнул бумаги со стола. Луцилий, опустившись на колени, стал подбирать их.

— Меня тошнит от этой жизни, Деллий! Пропади он пропадом, этот Восток! Пора вернуться к вину и женщинам.

Деллий посмотрел вниз, Луцилий — вверх, и они обменялись выразительными взглядами.

— У меня идея получше, — сказал Деллий. — Почему бы не разобрать накопившуюся за это лето гору дел, а потом провести зиму в Александрии, при дворе царицы Клеопатры?

4

Четвертый год подряд Нил не разливался. Единственным утешением было то, что люди, обитающие по берегам реки и пережившие чуму, не восприни-

мали это как катастрофу, так же как и жители Дельты и Александрии. Этот народ стал сильнее, здоровее.

У Сосигена появилась одна идея, и он издал от имени фараона эдикт, предписывающий вырыть в самых низких местах по берегу Нила каналы пять футов глубиной. Вода, попавшая в эти каналы, должна была стекать в огромные пруды, вырытые заранее. По краям прудов стояли водяные колеса, при помощи которых вода поступала в канавки, расходящиеся по сухим полям. Когда в середине июля наступил разлив (если можно это так назвать), река поднялась ровно настолько, чтобы наполнить пруды. С помощью водяных колес орошать поля было гораздо легче, чем с помощью традиционного шадуфа.

Люди есть люди, даже в разгар смертоносной болезни. Дети рождались, население увеличивалось. Но теперь Египет мог не бояться голода.

Римская угроза временно отступила. Агенты Клеопатры сообщили ей, что из Тарса Антоний направился в Антиохию, заглянул в Тир и Сидон, затем сел на корабль и поплыл в Эфес. И там вопящую Арсиною вытащили из храма и убили. Верховный жрец Артемиды думал, что последует за ней, но Антоний, которому не нравились эти восточные кровавые разборки, по просьбе этнарха отослал жреца обратно в храм. Антоний не собирался везти голову Арсиною в Египет. Ее сожгли целиком. Она была последней представительницей рода Птолемеев, у Клеопатры больше не осталось соперниц.

— Антоний придет зимой, — улыбаясь, сказала Таха.

— Антоний! О, мама, он не Цезарь! Как я вынесу прикосновение его рук?

— Цезарь был единственный в своем роде. Ты не сможешь его забыть, это я понимаю, но ты должна перестать носить траур и подумать о Египте. Разве важно, что ты будешь чувствовать, если высокое происхождение Антония позволяет ему дать Цезариону сестру — будущую жену? Монархи выбирают партнера не для собственного удовольствия, они делают это для пользы государству и чтобы обезопасить династию. Ты привыкнешь к Антонию.

Тем летом и осенью самой большой проблемой для Клеопатры был Цезарион, который не простил ее за то, что она оставила его в Александрии. Он был безусловно вежлив, много сидел над книгами, добровольно читал в свободное время, учился ездить верхом, занимался военными упражнениями и атлетикой, но не хотел посещать уроки рукопашного боя и борьбы.

— *Tata* говорил мне, что наш мыслительный аппарат находится в голове и что мы не должны заниматься видами спорта, которые подвергают его опасности. Поэтому я буду учиться пользоваться мечом, стрелять из лука и пращи. Я буду учиться метать копьё и дротик. Я буду бегать, прыгать, плавать. Но я не стану заниматься рукопашным боем и борьбой. *Tata* не одобрил бы этого, что бы ни говорили мои наставники. Я сказал им, чтобы они отстали и не бегали к тебе, — разве мой приказ значит меньше, чем твой?

Клеопатру так поразило, как хорошо он помнит Цезаря, что она не обратила внимания на его последние слова. Отец Цезариона умер, когда мальчику не было и четырех лет.

Но не спортивные предпочтения и мелкие недовольства беспокоили ее. Боль причиняла отчужденность сына. Клеопатра не могла пожаловаться на его невнимание, когда говорила с ним, особенно когда что-то приказывала. Но он исключил ее из своего мира. Он затаил обиду, которую нельзя было отбросить как несущественную.

«О, — мысленно воскликнула она, — почему я всегда принимаю неправильные решения? Если бы я знала, как ранит его мой отказ, я непременно взяла бы его с собой в Тарс. Но это значило бы подвергнуть опасности преемника во время морского путешествия!»

Затем ее агенты сообщили, что ситуация в Италии ухудшилась вплоть до открытой конфронтации. Подстрекателями были жена Антония, мегера Фульвия, и брат Антония, консул Луций Антоний. Фульвия завлекла в свою ловушку Луция Мунация Планка, этого известного перебежчика из одного лагеря в другой, и заставила отдать ей ветеранов, которых он по-

селил вокруг Беневента, — целых два легиона. После чего она убедила этого высокомерного олуха Тиберия Клавдия Нерона, которого так презирал Цезарь, поднять восстание рабов в Кампании — неподходящее задание для человека, никогда в жизни не разговаривавшего с рабом. Не то чтобы Нерон не пытался, просто он не знал, как приступить к выполнению поручения.

Не имея никакой официальной должности, кроме статуса триумвира, Октавиан придерживался тактики Фабия, осторожно кружа вокруг Луция Антония, пока два легиона, которые самому Луцию удалось набрать, двигались по Италийскому полуострову к Риму. Третий триумвир, Марк Эмилий Лепид, повел два легиона в Рим, чтобы не пропустить Луция. Но как только Лепид увидел блеск оружия на Латинской дороге, он оставил Рим и свои войска ликующей Фульвии (и Луцию, о ком редко вспоминали).

Результат зависел от кольца больших армий, окруживших Италию, — армий, которыми командовали лучшие военачальники Антония, его друзья и политические сторонники. Гай Асиний Поллион с семью легионами держал Италийскую Галлию; в Дальней Галлии по ту сторону Альп сидел Квинт Фуфий Кален с одиннадцатью легионами, а Публий Вентидий и его семь легионов находились в прибрежной Лигурии.

Наступила осень. Антоний был в Афинах, неподалеку, наслаждаясь развлечениями, которые мог предложить этот самый утонченный город. Поллион писал ему, Вентидий писал ему, Кален писал ему, Планк писал ему, Фульвия написала ему, Луций написал ему, Секст Помпей писал ему, а Октавиан писал ему каждый день. Антоний не ответил ни на одно из этих писем — у него были дела поважнее. Таким образом — и Октавиан это понял, — Антоний упустил свой величайший шанс навсегда сокрушить наследника Цезаря. Ветераны волновались, никто не платил налоги, и Октавиану удалось наскрести всего восемь легионов. Все главные дороги от Бононии на севере до Брундизия на юге грохотали от ритмичного стука подбитых гвоздями калиг, большей частью принадлежавших заклятым врагам Октавиана. Флот Секста Помпея контроли-

ровал Тусканское море вдоль западного побережья Италии и Адриатическое море вдоль восточного, отбирая зерно, поставляемое с Сицилии и из Африки. Если бы Антоний оторвал задницу от роскошного афинского ложа и повел все эти легионы на Октавиана, он легко одержал бы верх. Но Антоний не отвечал на письма и не хотел никуда идти. Октавиан вздохнул с облегчением, а люди Антония посчитали, что их предводитель не в силах отказаться от удовольствий, чтобы заниматься чем-то другим.

В Александрии, читая донесения, Клеопатра рвала и металла, намереваясь написать Антонию, чтобы заставить его принять участие в италийской войне. Это действительно отвело бы угрозу от Египта! Но в конце концов она не написала. А если бы и написала, то напрасно потратила бы силы.

Луций Антоний шел на север по Фламиниевой дороге к Перузии, великолепному городу, расположенному на плоской вершине высокой горы в середине Апеннин. С шестью легионами он засел в его стенах и стал ждать, что будут делать Октавиан, с одной стороны, и Поллион, Вентидий и Планк — с другой. Ему и в голову не пришло, что эта троица не пойдет его спасать, ведь, по его мнению, они просто обязаны были это сделать, будучи людьми Антония!

Октавиан поставил во главе войска своего товарища Агриппу и поступил весьма мудро. Когда два этих очень молодых человека поняли, что ни Поллион с Вентидием, ни Планк не собираются спасать Луция, они воздвигли вокруг горы, на которой стояла Перузия, массивные осадные укрепления. Продовольствие в город поступать перестало, а с приходом зимы уровень подземных вод понизился и продолжал понижаться.

Фульвия сидела в лагере Планка и поносила вероломство Поллиона и Вентидия, стоявших в нескольких милях от лагеря. Она срывала гнев на Планке, а тот терпел это, потому что был влюблен в нее. Настроение ее все время менялось: то бешеные вспышки гнева, то взрывы энергии. Но больше всего ее

терзала вновь вспыхнувшая ненависть к Октавиану. Высокомерный щенок отослал свою жену, дочь Фульвии Клодию, к матери *virgo intacta*. Что ей делать в военном лагере с тощей девицей, которая только и знает, что ревет, да к тому же отказывается есть? Ко всему прочему, Клодия твердила, что до безумия любит Октавиана, и винила мать в том, что Октавиан отверг ее.

К концу октября Антоний походил на Этну перед извержением. Его коллеги почувствовали толчки и старались избегать его, но это было невозможно.

— Деллий, я собираюсь зимовать в Александрии, — объявил он. — Марк Сакса и Каниний могут остаться с войском в Эфесе. Луций Сакса, ты можешь поехать со мной до Антиохии — я назначаю тебя правителем Сирии. В Антиохии находятся два легиона Кассия, этого тебе будет достаточно. Для начала заставь города Сирии понять, что мне нужна дань. Сейчас, а не потом! Всякий город, заплативший Кассию, должен заплатить и мне. На данный момент я не планирую никаких перемещений: в провинции Азия спокойно, в Македонии вполне справляется Цензорин, и я не вижу необходимости назначать наместника Вифинии. — Он ликующе вскинул руки над головой. — Праздник! Новый Дионис устроит настоящий праздник! А какое место лучше подходит для этого, чем двор Афродиты в Египте?

Клеопатре он тоже не написал. О его приезде она узнала через своих агентов, которым удалось предупредить ее за две нундины. За эти шестнадцать дней она успела послать корабли добывать продукты, которых в Египте было не найти, от сочной ветчины с Пиренеев до огромных кругов сыра. Хотя это было не в традициях местной кухни, дворцовые повара могли приготовить гарум, который придавал особый вкус подливам, а у крестьян, разводивших молочных поросят для живущих в городе римлян, скупили все свинарники. Собрали в одно место кур, гусей, уток, перепелов и фазанов. Вот только ягнят в это время года не было. Но что важнее всего, вино должно

быть хорошее и в достаточном количестве. Придворные Клеопатры почти не употребляли вина, а сама царица предпочитала египетское ячменное пиво. Но для римлян это должно быть вино, вино, вино.

В Пелузии и Дельте ходили слухи, что в Сирии неспокойно, но никто не мог сказать, в чем дело. Было известно, что евреи охвачены волнением. Когда Ирод возвратился из Вифинии тетрархом, обе противоборствующие партии синедриона, и фарисеи и саддукеи, подняли настоящий вой. То, что его брат Фазаель тоже стал тетрархом, казалось, не имело такого большого значения. Ирода ненавидели, Фазаеля терпели. Некоторые евреи плели интриги, чтобы свалить Гиркана в пользу его племянника, хасмонейского царевича Антигона, или, если не удастся, хотя бы лишить Гиркана статуса верховного жреца и передать этот статус Антигону.

Но поскольку в любой день можно было ожидать приезда Марка Антония, Клеопатра не уделила должного внимания Сирии. А следовало бы, потому что Сирия была совсем рядом.

Больше всего ее беспокоила проблема, связанная с сыном. Каэму и Тахе велено было забрать Цезариона в Мемфис и держать его там, пока Антоний не уедет.

— Я не поеду, — спокойно возразил Цезарион, вскинув подбородок.

К сожалению, они были не одни. Поэтому Клеопатра резко ответила:

— Это приказ фараона! Значит, ты поедешь!

— Я тоже фараон. Самый великий римлянин, оставшийся после убийства моего отца, едет к нам, и мы будем принимать его как представителя другого государства. А это значит, что фараон должен присутствовать в обоих воплощениях, мужском и женском.

— Не спорь, Цезарион. Если будет необходимо, тебя доставят в Мемфис под охраной.

— Хорошо же я буду выглядеть перед нашими подданными!

— Как ты смеешь дерзить мне?

— Я — фараон, помазанный и коронованный. Я — сын Амона-Ра и сын Исиды. Я — Гор. Я — правитель Верхнего и Нижнего Египта, сопричастный Осоке и Пчеле. Мой картуш — над твоим. Не начав войны со мной, ты не можешь лишить меня права сидеть на моем троне. А я буду сидеть на нем, когда мы будем принимать Марка Антония.

В гостиной воцарилась такая тишина, что каждое слово матери и сына гулко отдавалось от позолоченных стропил. Слуги стояли по углам, Хармиона и Ирада прислуживали царице. Аполлодор замер на месте, а Сосиген сидел за столом, составляя меню. Только Каэм и Таха отсутствовали, с удовольствием придумывая, чем они побалуют своего любимого Цезарiona, когда он приедет в храм Птаха.

Лицо ребенка застыло, зелено-голубые глаза блестели, как полированные камни. Никогда он не был так похож на Цезаря. Но сам он был расслаблен, никаких сжатых кулаков. Он сказал, что хотел, следующий ход за Клеопатрой.

А она сидела в кресле и усиленно думала. Как объяснить этому упрямому незнакомцу, что она действует для его же блага? Если он останется в Царском квартале, то насмотрится непотребств, вовсе не подходящих для его возраста: богохульство, грубые выходки, обжорство до тошноты. Эти люди слишком похотливы, им все равно, где совокупляться — на ложе или у стены. Они покажут ему мир, от которого она хотела оградить сына, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы его принять. Она хорошо помнила собственное детство в этом же дворце. Ее распутный отец лапал мальчиков-педерастов, вынимал свои гениталии, чтобы их целовали и сосали, устраивал пьяные танцы, играя на своих идиотских свирелях во главе процессии голых мальчиков и девочек. А она пряталась и молилась, чтобы он не нашел ее и не изнасиловал ради удовольствия. Он мог даже убить ее, как убил Беренику. У него была новая семья от молодой сводной сестры. А дочь от жены из династии Митридатидов была расходным материалом. Поэтому годы, которые она провела в Мемфисе с Каэмом и Тахой, остались в ее памяти как самое чудесное время в ее жизни: она была в безопасности и счастлива.

Обеды в Тарсе наглядно показали, какой образ жизни ведет Марк Антоний. Да, сам он старался держать себя в руках, но только потому, что ему приходилось разговаривать с царицей. На поведение друзей он не обращал внимания, и кое-кто из них вел себя самым бесстыдным образом.

Но как объяснить Цезариону, что он не будет — не может быть — здесь? Интуиция говорила, что Антоний способен забыть о сдержанности и целиком войти в роль нового Диониса. Ведь он приходился ее сыну родственником. Если Цезарион останется в Александрии, их нельзя будет изолировать друг от друга. И очевидно, что Цезарион мечтает о встрече с известным воином, не понимая, что великий воин предстанет в образе великого кутилы.

Молчание продолжалось, пока Сосиген, прочистив горло, не встал с кресла.

— Ваши величества, можно мне сказать? — спросил он.

Ответил Цезарион.

— Говори, — приказал он.

— Фараону сейчас шесть лет, однако он все еще находится во дворце, полном женщин. Только в гимнасии и на ипподроме он вступает в мир мужчин, но они — его подданные. Прежде чем заговорить с ним, они должны пасть ниц. В этом он не видит ничего странного: он — фараон. Но с приездом Марка Антония у юного фараона появится шанс общаться с мужчинами, которые не являются его подданными и не будут падать перед ним ниц. Они могут потрепать его волосы, мягко пожурить его, пошутить с ним. Только мужское общество. Царица Клеопатра, я знаю, почему ты хочешь послать юного фараона в Мемфис, я понимаю...

Клеопатра резко прервала его:

— Достаточно, Сосиген! Ты забываешься! Мы закончим этот разговор после того, как юный фараон покинет комнату, что он и сделает немедленно!

— Я не уйду, — сказал Цезарион.

Сосиген продолжил, заметно дрожа от страха. Он рисковал своим положением, да и головой тоже, но кто-то должен сказать об этом!

— Царица, ты не можешь отослать юного фараона ни сейчас, чтобы закончить этот разговор, ни потом, чтобы оградить его от римлян. Твой сын — коронованный и помазанный фараон и царь. По годам он ребенок, но по уму — мужчина. Пора ему начать свободно общаться с мужчинами, которые не падают перед ним ниц. Его отец был римлянином. Пора ему узнать больше о Риме и римлянах, ведь, когда ты жила в Риме, он был еще младенцем.

Клеопатра почувствовала, как вся кровь прилила к лицу. Только не выдать, что она сейчас чувствует! Как посмел этот презренный червяк так открыто выступить на стороне Цезариона! Он знал, как слуги умеют распускать слухи: через час все это будут обсуждать во дворце, а завтра — по всему городу.

Она проиграла. Все присутствующие поняли это.

— Благодарю тебя, Сосиген, — процедила она после длинной паузы. — Я ценю твой совет. Это правильный совет. Юный фараон должен остаться в Александрии, чтобы познакомиться с римлянами.

Мальчик не запрыгал от радости, не издал ликующего возгласа. Он царственно кивнул и сказал, бесстрастно глядя на мать:

— Спасибо, мама, что решила не воевать со мной.

Аполлодор выпроводил всех из комнаты, включая юного фараона. Как только Клеопатра оказалась одна с Хармионой и Ирадой, она разревелась.

— Это должно было случиться, — сказала практичная Ирада.

— Он был жесток, — заметила сентиментальная Хармиона.

— Да, — сквозь слезы согласилась Клеопатра, — он был жесток. Все мужчины жестоки, это у них в крови. Они не согласны жить на равных условиях с женщинами. — Она промокнула лицо. — Я потеряла часть своей власти — он силой отнял ее у меня. К тому времени, как ему исполнится двадцать лет, он заберет всю власть.

— Будем надеяться, что Марк Антоний добр, — сказала Ирада.

- Ты видела его в Тарсе. Тогда он показался тебе добрым?
- Да, когда ты позволяла ему. Он был не уверен в себе, отсюда его бравада.
- Исида должна выйти за него замуж, — вздохнув, произнесла Хармиона со слезами. — Какой мужчина посмеет быть недобрым с Исидой?
- Взять его в мужья не значит отдать власть. Исида сохранит ее, — сказала Клеопатра. — Но что скажет мой сын, когда поймет, что его мать навязывает ему отчима?
- Он примет это, — ответила Ирада.

Флагман Антония, огромную квинквирему с высокой кормой, оцетинившуюся катапультами, пришвартовали в Царской гавани. И там, на пристани под золотым парадным навесом, его встретили оба воплощения фараона, хотя и без соответствующих регалий. На Клеопатре было простое платье из розовой шерсти, а на Цезарионе — светлая греческая туника, окаймленная пурпуром. Он хотел надеть тогу, но Клеопатра сказала ему, что в Александрии ни одна швея не умеет их шить. Она подумала, что это лучше, чем сказать правду: ему нельзя носить тогу, потому что он не римский гражданин.

Если Цезарион хотел отнять у матери преимущество, то это ему удалось. Спускаясь по трапу на пристань, Антоний не отрывал взгляда от мальчика.

— О боги! — воскликнул он, подойдя к ним. — Цезарь с ног до головы! Мальчик, ты его живая копия!

Знавший, что он высокий для своего возраста, Цезарион вдруг почувствовал себя карликом. Антоний был огромный! Но это перестало иметь значение, когда Антоний склонился над ним, без труда поднял его и посадил на левую руку. Цезарион почувствовал сквозь множество складок тоги, как набухли мускулы Антония. Позади него сиял Деллий. Ему позволили приветствовать Клеопатру. Он подошел к ней, глядя на тех двоих, — откинув назад голову, мальчик смеялся какой-то шутке Антония.

— Они понравились друг другу, — сказал Деллий.

— Да, кажется, — невыразительно ответила она. Затем распрямила плечи. — Марк Антоний не привез с собой столько друзей, сколько я ожидала.

— Много работы, царица. Я знаю, что Антоний надеется найти друзей среди александрийцев.

— Переводчик, писарь, главный судья, счетовод и начальник ночной стражи будут рады служить ему.

— Счетовод?

— Это лишь титулы, Квинт Деллий. Обладать одним из этих титулов — значит быть чистокровным македонцем, потомком соратников Птолемея Сотера. Они — александрийские аристократы, — с довольным видом пояснила Клеопатра.

В конце концов, кто такой Аттик, если не счетовод, но будет ли римлянин из семьи патрициев презирать Аттика?

— Мы не планировали приема на этот вечер, — продолжала Клеопатра. — Только скромный ужин для Марка Антония.

— Уверен, ему это понравится, — ровным голосом ответил Деллий.

Когда у Цезариона уже слипались веки, мать решительно отправила его спать, затем отпустила слуг и осталась с Антонием наедине.

В Александрии не бывает настоящей зимы, просто после захода солнца становится зябко, поэтому все ставни были закрыты. После Афин, где было холоднее, Антонию очень понравилось в Александрии. Он ощутил такое спокойствие, какого не чувствовал уже долгие месяцы. И хозяйка за обедом оказалась интересным собеседником — когда ей удавалось вставить слово. Цезарион забросал Антония вопросами. Какая она, Галлия? Какие они, Филиппы? Что значит командовать армией? И так далее и тому подобное.

— Он замучил тебя, — улыбнулась Клеопатра.

— Больше любопытства, чем у гадалки, прежде чем она предскажет тебе твое будущее. Но он умный, Клеопатра. — Grimаса отворачивания исказила его лицо. — Такой же не по годам развитый, как и другой наследник Цезаря.

— Которого ты недолюбливаешь.

— Это еще слабо сказано. Скорее, не выношу.
— Надеюсь, к моему сыну ты отнесешься с симпатией.
— Мне он понравился больше, чем я ожидал. — Он обвел взглядом лампы, зажженные по периметру комнаты, сощурился. — Слишком светло.

В ответ она соскользнула с ложа, взяла щипцы для снятия нагара и погасила все свечи, кроме тех, что не светили в лицо Антонию.

— У тебя болит голова? — спросила она, возвращаясь на ложе.

— Да, действительно.

— Ты хочешь уйти?

— Нет, если я могу тихо лежать здесь и разговаривать с тобой.

— Конечно, можешь.

— Ты не поверила мне, когда я сказал, что полюбил тебя, но я говорил правду.

— У меня есть серебряные зеркала, Антоний, и они говорят мне, что я не принадлежу к тому типу женщин, в которых ты влюбляешься. Таких, как Фульвия.

Антоний усмехнулся, блеснув мелкими белыми зубами.

— И Глафира, хотя ты ее никогда не видела. Восхитительный экземпляр.

— Ясно, что ты не любил ее, если так о ней говоришь. Но Фульвию ты любишь.

— Точнее, любил. Сейчас она невыносима. Развязала войну против Октавиана. Напрасная затея, и к тому же бездарно воплощенная.

— Очень красивая женщина.

— Ей уже сорок три. Мы почти ровесники.

— Она родила тебе сыновей.

— Да, но они еще слишком молоды, чтобы понять, из какого они теста. Ее дедом был Гай Гракх, великий человек, поэтому я надеюсь, что они хорошие мальчики. Антиллу пять лет, Юлл еще очень маленький. Фульвия плодовитая. У нее четверо от Клодия — две девочки и два мальчика, мальчик от Куриона и моих двое.

— Птолемеи тоже плодови́ты.

— Ты говоришь это, имея только одного птенца в гнезде?

— Я — фараон, Марк Антоний, а это значит, что я не могу сочетаться браком со смертными мужчинами. Цезарь был богом, поэтому он подходил мне. Мы быстро зачали Цезариона, но потом, — она вздохнула, — больше ничего. Мы пытались, уверяю тебя.

Антоний засмеялся:

— Да, я понимаю, почему он не сказал тебе.

Цепенея, Клеопатра подняла голову и посмотрела на него. Ее большие золотистые глаза отражали свет лампы позади коротко стриженных кудрей Антония.

— Чего не сказал? — спросила она.

— Что он больше не хотел иметь детей от тебя.

— Ты лжешь!

Удивленный Антоний тоже поднял голову:

— Лгу? Зачем мне лгать?

— Откуда мне знать о причинах? Я просто знаю, что ты лжешь!

— Я говорю правду. Подумай, Клеопатра, и ты поймешь. Чтобы Цезарь зачал девочку, которая стала бы женой его сына? Он до мозга костей был римлянином, а римляне не одобряют инцест. Даже между племянницами и дядьями или племянниками и тетками, а уж между братьями и сестрами! Родные брат и сестра — это риск.

Разочарование, как гигантская волна, накрыло ее с головой. Цезарь, в чьей любви она была так уверена, обманывал ее! Все эти месяцы в Риме, когда она надеялась и молилась, лишь бы забеременеть, этого так и не случилось. А он знал, он знал! Бог с Запада обманул ее, и все из-за какого-то глупого римского предрассудка! Она скрипнула зубами, с губ ее слетел звериный рык.

— Он обманул меня, — глухо произнесла она.

— Только потому, что знал: ты не поймешь. Я вижу, что он был прав.

— Если бы ты был Цезарем, ты поступил бы со мной так же?

— Ну-у, — протянул Антоний, перекатываясь на ложе поближе к ней, — мои чувства не столь возвышенны.

— Я повержена! Он смеялся надо мной, а я так его любила!

— Все это в прошлом. Цезарь мертв.

— И я должна повести с тобой тот же разговор, какой вела когда-то с ним, — сказала Клеопатра, украдкой вытирая слезы.

— Разговор о чем? — спросил Антоний, пальцем проводя по ее руке.

На этот раз она не отдернула руку.

— Нил не разливается уже четыре года, Марк Антоний, потому что фараон не беременеет. Чтобы помочь своему народу, я должна зачать ребенка, в венах которого будет течь кровь богов. В твоих жилах течет та же кровь, что и у Цезаря. По матери ты из рода Юлиев. Я молилась Амону-Ра и Исиде, и они сказали мне, что ребенок от тебя будет им угоден.

Не похоже на признание в любви! Как мужчина ответит на такое бесстрастное объяснение? И хочет ли он, Марк Антоний, вступить в связь с этой хладнокровной малышкой? Женщиной, которая искренне верит в то, что говорит? «И все же, — подумал он, — зачать богов на земле — это новый опыт. Напакостим старику Цезарю, семейному тирану!»

Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал.

— Это честь для меня, моя царица. И хотя я не могу говорить за Цезаря, я тебя люблю.

«Лжец, лжец! — кричало ее сердце. — Ты — римлянин и любишь только Рим. Но я использую тебя, как Цезарь использовал меня».

— Ты разделишь со мной ложе, пока будешь в Александрии?

— С радостью, — ответил он и поцеловал ее.

Поцелуй, вопреки ее ожиданиям, оказался приятным. Его губы были холодные и гладкие, и он не совал ей в рот язык в этом первом, пробном поцелуе. Только губы к губам, мягкие и чувственные.

— Пойдем, — сказала она, беря лампу.

Ее спальня была недалеко, личные покои фараона в большом крыле дворца. Антоний сорвал с себя тунику — под ней никакой набедренной повязки — и развязал банты, удерживавшие ее платье на плечах. Платье соскользнуло к ногам. Клеопатра присела на край постели.

— Хорошая кожа, — пробормотал он, растянувшись рядом с ней. — Я не сделаю тебе больно, моя царица. Антоний хороший любовник, он знает, как обращаться с таким хрупким созданием.

И действительно, он знал. Их соитие было медленным и на удивление приятным. Он нежно касался ее тела, а когда стал ласкать груди, это было восхитительно. Несмотря на уверения, что он не причинит ей боли, ей было бы больно, если бы она уже не родила Цезариона. Прежде чем войти в нее, он порядком раздражил ее, по-разному используя свой огромный член. Он довел ее до оргазма прежде, чем кончил сам, и этот оргазм удивил ее. Это казалось изменой Цезарю, но Цезарь первым предал ее, так какое это имело значение? А самым ценным подарком стало то, что Антоний ничем не напоминал Цезаря. То, что было у нее с Антонием, принадлежало только Антонию. После оргазма он снова был готов для нее, и это тоже казалось удивительным. Ее смущало, что она испытала наслаждение несколько раз. Неужели она так сильно изголодалась? Вероятно, да. Царица Клеопатра опять почувствовала себя женщиной.

Цезарион пришел в восторг оттого, что она сделала Марка Антония своим любовником. В этом отношении он не был наивным.

— Ты выйдешь за него замуж? — спросил он, прыгая от радости.

— Может быть, со временем, — ответила она, чувствуя огромное облегчение.

— А почему не сейчас? Он самый сильный в мире.

— Потому что это слишком скоро, сын мой. Сначала мы с Антонием решим, выдержит ли наша любовь тяжесть брачных уз.

Что касается Антония, его распирала гордость. Клеопатра была не первой правительницей, с которой он делил ложе, но точно самой могущественной. И он обнаружил, что в постели она не походила ни на профессиональную проститутку, ни на покорную римскую жену. Это ему нравилось. Когда мужчина начинает длительные отношения, ему не нужна ни та ни другая, Клеопатра же оказалась идеальной любовницей.

Этим можно было объяснить его настроение в первый вечер, когда царица усердно развлекала его. Вино было великолепное, а вода горчила, так зачем добавлять воду и портить такое вино? Антоний забыл о благих намерениях, даже не поняв, что счастливо, безнадежно пьян.

Приглашенные александрийцы, все знатные македонцы, сначала смотрели на пьяного Антония с изумлением, потом, похоже, решили, что в распутстве есть приятные стороны. Писарь, ужасный человек с огромным самомнением, с гиканьем и хохотом опрокинул в себя первый графин, потом схватил проходившую мимо служанку и занялся с нею любовью. Тут же его примеру последовали другие александрийцы, доказавшие, что они не уступают римлянам, когда дело касается оргий.

Для трезвой Клеопатры, изумленно наблюдавшей за происходящим, это стало совершенно новым уроком. К счастью, Антоний, кажется, не замечал, что она не присоединилась к этому веселью, — он был поглощен выпивкой. Вероятно, потому, что и ел он очень много, вино не довело его до скотского состояния. В укромном углу Сосиген, более опытный в этих делах, чем его царица, поставил ночные горшки и тазы за ширму, где гости могли облегчиться через любое отверстие, а также выставил бокалы с зельем, чтобы утром они не страдали от похмелья.

— Мне было так весело! — кричал Антоний на следующее утро, чувствуя себя замечательно. — Давай сегодня вечером повторим!

Итак, для Клеопатры начались постоянные кутежи, продолжавшиеся больше двух месяцев. И чем более дикими они становились, тем больше радовался им Антоний и тем лучше

чувствовал себя. Сосиген получил задание придумывать новинки, чтобы разнообразить эти сибаритские празднества. В результате корабли, приходящие в Александрию, выгружали музыкантов, танцоров, акробатов, мимов, карликов, уродов и фокусников, собранных со всего восточного побережья Нашего моря.

Антоний обожал розыгрыши, иногда довольно жестокие. Он обожал рыбалку, обожал плавать среди голых девушек, править колесницей (что запрещалось аристократам в Риме), обожал охоту на крокодила, обожал всякие проделки, скабрзные стихи, пышные зрелища. Его аппетит был таков, что раз по десять на дню он кричал, что голоден. Сосигену пришла в голову блестящая идея — велеть поварам всегда быть готовыми подать обед с набором лучших вин. Это сразу же возымело успех, и Антоний, крепко целуя его, назвал маленького философа лучшим из людей.

Александрийцы вынуждены были терпеть пятьдесят с лишним пьяниц, которые бегали по улицам с факелами, танцую, стуча в двери и с хохотом убегая прочь. Некоторые из этих возмутителей спокойствия были высшими чиновниками города, чьи жены сидели дома, плача и удивляясь, почему Клеопатра позволяет все это.

Царица позволяла, потому что у нее не было выбора, хотя сама она неохотно участвовала в подобных дурачествах. Однажды Антоний заставил ее опустить шестимиллионную жемчужину Сервиллии в бокал с уксусом и выпить его. Он верил, что жемчуг растворяется в уксусе. Зная, что это не так, Клеопатра выполнила его просьбу, хотя выпить уксус было выше ее сил. На следующий день жемчужина как ни в чем не бывало красовалась у нее на шее. Зачастую празднества сопровождались рыбалкой. Не будучи искусным рыболовом, Антоний платил ныряльщикам, чтобы они насаживали живых рыб на его удочку. Он вынимал трепещущих рыб и похвалялся своим умением, пока однажды Клеопатра, уставшая от его хвастовства, не заставила ныряльщика насадить на его удочку тухлую рыбу. Но он весело воспринял шутку — это было в его характере.

Цезарион с интересом наблюдал за всеобщим шутовством, хотя ни разу не попросился на вечеринки. Когда Антоний был в настроении, они садились на коней и мчались охотиться на крокодила или бегемота, оставив Клеопатру терзаться при мысли, что ее сына затопчут огромные ножищи или перекусят длинные желтые зубы. Но надо отдать должное Антонию, он берег мальчика, просто давая ему возможность хорошо провести время.

— Тебе нравится Антоний, — сказала Клеопатра сыну в конце января.

— Да, мама, очень. Он называет себя новым Дионисом, но на самом деле он — Геракл. Он может держать меня на одной руке, представляешь? И бросает диск на триста шагов.

— Я не удивляюсь, — сухо ответила она.

— Завтра мы идем на ипподром. Я поеду с ним в его колеснице — четыре коня в ряд, самая грудная упряжка!

— Гонки на колесницах — не подобающее развлечение для фараона.

— Я знаю, но это так весело!

И что ответить на это?

Ее сын за последние два месяца стремительно вырос. Со-сиген был прав. Мужская компания освободила его от ореола исключительности, которого она не замечала, пока он не утратил его. Теперь он расхаживал по дворцу с важным видом, пытаясь громко кричать, как Антоний, смешно изображал счетовода навеселе и ждал следующего дня с блеском в глазах, предвкушая приключения, чего раньше никогда не было. Он стал сильным, гибким, успешно занимался военными видами спорта: точно бросал копье, стреляя из лука, попадал в центр мишени, орудовал мечом с напористостью легионера-ветерана. Как и его отец, он скакал на коне без седла галопом, держа руки за спиной.

Клеопатра не знала, как долго она сможет выносить кутежи Антония. Она уставала, у нее начались приступы тошноты, заставлявшие ее держаться ближе к ночному горшку. Все признаки беременности, хотя проявившиеся слишком рано. Если

Антоний вскоре не прекратит свои безумства, ему придется куролесить одному, без нее. Для маленькой женщины она была сильной, но беременность брала свое.

Ее дилемма разрешилась сама собой, когда парфянский царь вторгся в Сирию.

Ород был уже стар, давно не принимал участия в войнах, его угнетали интриги, обычные среди наследников такого царства. Одним из лучших способов усмирить амбициозных сыновей и группировки было послать воевать самого буйного, а что может быть лучше, чем война против римлян в Сирии? Самым сильным из его сыновей был Пакор, и войско должен был возглавить именно он. На этот раз царь Ород схитрил. С Пакором шел Квинт Лабиев, придумавший для себя прозвище Парфянский. Сын знаменитого военачальника Цезаря, Тита Лабиева, он решил лучше сбежать ко двору Орода, чем подчиниться победителю своего отца. Спор в Селевкии-на-Тигре коснулся и вопроса, как одержать верх над римлянами. В предыдущих стычках, включая ту, что закончилась разгромом армии Марка Красса в Каррах, парфяне полагались только на всадников-лучников, не защищенных доспехами крестьян, которые были обучены во время притворного отступления неожиданно поворачиваться и на полном скаку посылать в сторону врага смертоносный град стрел. Знаменитая «парфянская стрела». Когда Красс пал в Каррах, парфянской армией командовал женоподобный царевич Сурена. Он придумал, как сделать так, чтобы у его верховых лучников стрелы не кончались: нагрузил караван верблюдов стрелами и организовал подвоз. К несчастью, его успех был слишком заметным, и царь Ород заподозрил Сурену в притязании на трон и приказал его казнить.

С того дня прошло более десяти лет, но спор о том, кто одержал победу в Каррах — лучники или катафракты, одетые в кольчуги с головы до ног и на лошадях, тоже одетых в кольчуги, — не утихал. Спор имел социальную подоплеку: лучники были крестьянами, а катафракты — аристократами.

И когда Пакор и Лабиев в начале февраля в год консульства Гнея Домиция Кальвина и Гая Асиния Поллиона повели войска в Сирию, армия парфян состояла исключительно из катафрактов. Аристократы взяли верх.

Пакор и Лабиев перешли Евфрат у города Зевгма и там разделились. Лабиев и его наемники двинулись на запад и через Аманские горы переправились в Киликию Педию, а Пакор и катафракты повернули на юг, в Сирию. Они сметали все перед собой на обоих фронтах. Но агенты Клеопатры на севере Сирии сосредоточили внимание на Пакоре, а не на Лабиеве и послали известие в Александрию.

Как только Антоний услышал об этом, он уехал. Никаких теплых прощаний, никаких заверений в любви.

— Он знает? — спросила Таха.

Не стоило уточнять, Клеопатра поняла, что интересуется Таху.

— Нет. У меня не было возможности. Он лишь потребовал доспехи и поторопил Деллию, — ответила она, вздохнув. — Его корабли должны плыть в порт Берит, но он не уверен в ветре и не рискнул плыть вместе с ними. Он надеется быть в Антиохии раньше флота.

— Чего не знает Антоний? — мрачно спросил Цезарион, больше всех недовольный внезапным отъездом своего героя.

— Что в секстилии у тебя появится брат или сестра.

Лицо ребенка прояснилось, он радостно запрыгал:

— Брат или сестра? Мама, мама, это же потрясающе!

— Ну, по крайней мере, это отвлечет его от мыслей об Антонии, — поделилась Ирада с Хармионой.

— А вот Клеопатру это не отвлечет, — ответила Хармиона.

Для Антония поездка в Антиохию стала тяжелой, изнурительной гонкой. По пути он посылал за тем или другим правителем в южной части Сирии, временами отдавал им приказы, не слезая с коня.

Тревожно было узнать от Ирода, что среди евреев мнения разделились. Большая часть иудейских инакомыслящих жаждала оказаться под властью парфян. Лидером пропарфянской

партии был хасмонеийский царевич Антигон, племянник Гиркана, не любивший ни Гиркана, ни римлян. Ирод не посчитал нужным сообщить Марку Антонию, что Антигон уже заключил сделку с послами-парфянами, чтобы получить желаемое — еврейский трон и статус верховного жреца. Поскольку Ирода не очень интересовали эти хитрости и настроение синедриона, Антоний двинулся на север, оставшись в неведении, насколько серьезна ситуация с евреями. На этот раз Ирод сплеховал: он был слишком занят, соперничая со своим братом Фазазелем за руку царевны Мариамны, и ничего вокруг не замечал.

Тир невозможно было взять штурмом. Вонючий перешеек, отравленный горами гниющих моллюсков, служил защитой центру производства пурпурной краски, находящемуся на острове. А внутри предателей не нашлось, потому что ни один житель Тира не хотел поставлять пурпурную краску царю парфян за цену, назначенную этим царем.

В Антиохии Антоний нашел Луция Децидия Саксу, который нервно вышагивал взад-вперед. Наблюдательные вышки на массивных городских стенах были заполнены людьми, устремившими взгляд на север. Пакор пойдет по течению реки Оронт, и он уже недалеко. Из Эфеса пришел брат Саксы, чтобы присоединиться к нему. Беженцы уже устремились в город. Изгнанный из Амана царь разбойников Таркондимот рассказал Антонию, что Лабием действует очень успешно. Предполагается, что сейчас он уже достиг Тарса и Каппадокии. А Антиох из Коммагены, правитель царства-клиента, которое граничило с Аманскими горами на севере, колебался, вставать ли на сторону римлян. Антоний слушал Таркондимота, чувствуя к нему симпатию. Может, он и разбойник, но умный и способный.

После проверки двух легионов Саксы Антоний немного расслабился. Эти легионеры, раньше принадлежавшие Гаю Кассию, были опытными воинами.

Гораздо более тревожные новости пришли из Италии. Луций, брат Антония, сидел в осаде в Перузии, а Поллион отступил в болота в устье реки Пад! «Это бессмысленно! У Поллиона и Вентидия больше солдат, чем у Октавиана! Почему они

не помогают Луцию?» — спрашивал себя Антоний, совершенно позабыв, что сам он не отвечал на их просьбы разъяснить им, была ли война Луция частью его плана?

Что ж, сколь бы серьезная ситуация ни складывалась на Востоке, Италия была важнее. Антоний поплыл в Эфес с намерением по возможности скорее попасть в Афины. Он должен был сам все узнать.

Дорожная скука обратила его мысли к Клеопатре и фантастической зиме в Египте. О боги, как он нуждался в таком отдыхе! И как замечательно царица удовлетворяла все его прихоти. Он и правда любил ее, как любил всех женщин, с кем имел отношения дольше одного дня. И он будет продолжать любить ее, пока она не сделает что-нибудь такое, что начнет его раздражать. А вот поступки Фульвии вызывали не просто раздражение, если судить по обрывкам новостей, доходивших из Италии. Единственной женщиной, любовь к которой устояла, несмотря на тысячи ее безумств, была его мать, пусть и самая глупая женщина в мире.

Как и большинство мальчиков из знатных семей, Антоний почти не видел отца, который редко приезжал в Рим, поэтому Юлия Антония была — или должна была быть — единственной, кто сплачивал семью. Три сына и две дочери ничуть не добавили зрелости этой ужасающе глупой женщине. Деньги для нее были чем-то падающим с виноградной лозы или получаемым от слуг, людей намного умнее ее.

И в любви она была несчастна. Ее первый муж, отец ее детей, предпочел покончить с собой, чем вернуться в Рим и быть обвиненным в измене за неумелое ведение войны против критских пиратов, а ее второго мужа казнили на Римском форуме за участие в восстании, поднятом Катилиной. Все это случилось к тому времени, когда Марку, старшему из детей, исполнилось двадцать. Две девочки выросли высоченными и красивыми, как и все в роду Антониев, и их пришлось отдать замуж за богачей, желающих подняться по социальной лестнице благодаря браку. Их деньги нужны были для финансирования политической карьеры мальчиков, которые росли без всякой поддержки. Потом Марк влез в огромные долги и вынужден

был жениться на богатой провинциалке Фадии, принесшей ему приданое в двести талантов. Богиня Фортуна улыбнулась Антонию: Фадия и дети, которых она родила ему, умерли от чумы, и он получил возможность еще раз жениться на богатой наследнице, своей двоюродной сестре Антонии Гибриде. Этот союз дал одного ребенка — девочку, неумную и некрасивую. Когда Куриона убили и Фульвия стала свободной, Антоний развелся со своей кузиной и женился на Фульвии. Еще один выгодный союз: Фульвия считалась самой богатой женщиной в Риме.

Не сказать, чтобы у Антония было несчастливое детство и отрочество, но вот дисциплина у него всегда хромала. Единственным, кому удавалось держать в узде Юлию Антонию и ее мальчиков, оказался Цезарь, хотя он и не был главой рода Юлиев, а просто самым волевым его членом. Со временем сыновья Юлии Антонии понравились Цезарю, но он не был легким человеком, и они его не понимали. Это фатальное отсутствие дисциплины в сочетании с чрезмерной любовью к дебоширству у взрослого Марка Антония в конце концов отвернуло Цезаря от него. Антоний дважды не оправдал доверия. Для Цезаря и одного раза было достаточно. Он заставил Антония работать, содрал семь шкур.

Облокотившись на перила палубы и наблюдая, как солнечные лучи играют на мокрых веслах, Антоний размышлял о том, что до сих пор не уверен, действительно ли он намеревался участвовать в заговоре против Цезаря. Оглядываясь назад, он склонен был думать, что по-настоящему не верил, будто такие люди, как Гай Требоний и Децим Юний Брут, настолько осмелеют или настолько возненавидят Цезаря, чтобы исполнить задуманное. Марк Брут и Кассий не имели большого значения. Они были номинальными главами, но не преступниками. Да, зачинщики заговора определенно Требоний и Децим Брут. Оба мертвы. Требоний умер под пытками от руки Долабеллы, а Децима Брута обезглавил галльский вождь за кошелек золота, присланный ему Антонием. Нет, сам он вовсе не планировал убивать Цезаря! Просто он уже давно решил, что в Риме без Цезаря ему будет легче жить. Но величайшая трагедия

состояла в том, что так оно и было бы, не появись Гай Октавий, усыновленный Цезарем, который в восемнадцать лет уже заявил свои права на наследство и дважды предпринял марш на Рим еще до того, как ему исполнилось двадцать. Второй поход сделал его старшим консулом, после чего он нашел в себе смелость заставить своих соперников, Антония и Лепида, встретиться с ним и заключить договор. В результате получился второй триумvirат — три человека объединились, чтобы возродить республику. Вместо одного диктатора — три диктатора с равной (теоретически) властью. До Антония и Лепида, которые вели переговоры с Октавианом на речном острове в Итальянской Галлии, постепенно дошло, что этот юноша, годящийся им в сыновья, намного превосходит их хитростью и жестокостью.

В чем Антоний не мог себе признаться даже в самые мрачные моменты, так это в том, что до сих пор Октавиан демонстрировал, насколько проницательным был Цезарь в своем выборе. Большой, несовершеннолетний, миловидный, настоящий маменькин сынок, Октавиан смог удержаться на плаву в водах, которые должны были накрыть его с головой. Наверное, отчасти потому, что он унаследовал имя Цезаря и всячески это эксплуатировал, а отчасти благодаря слепой преданности молодых людей, таких как Марк Випсаний Агриппа. Однако нельзя отрицать и того, что своими успехами Октавиан был главным образом обязан самому себе. Антоний, бывало, шутил со своими братьями, что Цезарь — это загадка, но по сравнению с Октавианом Цезарь был прозрачен, как вода в акведуке Марция.

5

Антоний прибыл в Афины в мае. В это время наместник Цензорин был очень занят на северных рубежах Македонии, отбивая нападки варваров, поэтому не смог встретить начальника. Антоний был не в настрое-

нии. Его друг Барбат оказался недругом. Как только Барбат услышал, что Антоний развлекается в Египте, он бросил легионы в Эфесе и уехал в Италию. А там, как узнал сейчас Антоний, продолжает мутить воду, которую Антоний не удосужился очистить. То, что Барбат сказал Поллиону и Вентидию, заставило одного отступить в болота реки Пад, а другого — торчать в нерешительности подалее от Октавиана, Агриппы и Сальвидиена.

Источником большинства этих неприятнейших новостей из Италии был Луций Мунаций Планк, занимавший апартаменты старшего легата в афинской резиденции.

— Все предприятие Луция Антония было катастрофой, — сказал Планк, тщательно подбирая слова. Он должен был дать полный отчет, не выставив себя при этом в плохом свете, ибо в настоящий момент не видел возможности перейти на сторону Октавиана. — В канун Нового года жители Перузии попытались прорвать осаду Агриппы, но безуспешно. Ни Поллион, ни Вентидий не выступили против армий Октавиана, хотя имели значительный численный перевес. Поллион все твердил, что, э-э, не уверен, чего именно ты ждешь от него, а Вентидий исполнял только приказы Поллиона. После того как Барбат растрезвонил всем о твоём, э-э, дебоширстве — это его выражение! — Поллион пришел в такое негодование, что отказался вызволять твоего брата из Перузии. И город пал в самом начале нового года.

— А где был ты со своими легионами, Планк? — спросил Антоний, опасно сверкнув глазами.

— Ближе к Перузии, чем Поллион и Вентидий! Я пошел в Сполетий, чтобы образовать южную часть клещей, но напрасно. — Он вздохнул, пожал плечами. — К тому же у меня в лагере находилась Фульвия, и с ней было очень трудно.

Да, он любил ее, но свою шкуру любил больше. Фульвию Антоний не стал бы казнить за предательство, в конце-то концов.

— Агриппа имел наглость украсть у меня два лучших легиона, веришь? Я послал их помочь Клавдию Нерону в Кампанию, но появился Агриппа и предложил людям лучшие условия.

Да, Агриппа победил Нерона моими двумя легионами! Нерон вынужден был бежать на Сицилию, к Сексту Помпею. Очевидно, кое-кто в Риме поговаривал о том, чтобы убить жен и детей мятежников, потому что жена Нерона, Ливия Друзилла, взяла маленького сына и присоединилась к мужу.

Тут Планк нахмурился, не зная, продолжать ли.

— Говори, Планк, говори!

— Э-э, твоя почтенная матушка, Юлия, убежала с Ливией Друзиллой к Сексту Помпею.

— Именно так она и должна была поступить, чтобы напомнить мне о себе, хотя и напрасно, потому что я о ней не забываю. О, в каком замечательном мире мы живем! — воскликнул Антоний, сжав кулаки. — Жены и матери живут в военных лагерях, они ведут себя так, словно умеют отличать один конец меча от другого. Тьфу!

Он с трудом взял себя в руки, успокоился.

— Мой брат... вероятно, он мертв, но ты еще не набрался смелости сказать мне об этом, Планк?

Наконец-то он мог сообщить хорошую новость!

— Нет-нет, мой дорогой Марк! Вовсе нет! Когда Перузия открыла свои ворота, какой-то местный богач решил, что его погребальный костер должен быть огромным и величественным, и сжег город дотла. Это большее бедствие, чем осада. Октавиан казнил двадцать самых знатных граждан, но не тронул войска Луция. Они влились в легионы Агриппы. Луций попросил прощения и получил его. Октавиан назначил его наместником Дальней Испании, и он сразу уехал туда. Я думаю, он был счастлив.

— А это диктаторское назначение было одобрено сенатом и народом Рима? — спросил Антоний, возмущаясь нарушением закона, но и чувствуя облегчение.

Проклятый Луций! Вечно пытается превзойти своего большого брата Марка, и никогда это ему не удается.

— Было, — ответил Планк. — Хотя некоторые возражали!

— Потворство лысому демагогу, любителю выступать на Форуме?

— Э-э, ну да, такая фраза прозвучала. Я могу назвать тебе имена. Однако Луций был консулом в прошлом году, а твой дядя Гибрида теперь цензор, поэтому большинство сенаторов сочли, что Луций заслужил прощение. Ему предстоит небольшая приятная кампания против лузитан, так что, когда вернется домой, отметит триумф.

Антоний хрюкнул:

— Тогда он выкрутился удачнее, чем заслуживает. Полное идиотство от начала до конца! Но я готов держать пари, что Луций лишь выполнял приказы. Это была война Фульвии. Кстати, где она?

Планк широко открыл карие глаза:

— Да здесь, в Афинах! Мы с ней убежали вместе. Сначала мы не думали, что Брундизий отпустит нас — этот город целиком на стороне Октавиана, — но, вероятно, Октавиан предупредил, чтобы нам разрешили покинуть Италию, если мы не возьмем с собой войска.

— Итак, мы установили, что Фульвия в Афинах. Но где именно в Афинах?

— Атик позволил ей остановиться в его доме.

— Какое великодушие! Атик всегда стремится угодить и нашим и вашим. Но почему он думает, что я буду рад видеть Фульвию?

Планк онемел, не зная, какой ответ хочет услышать Антоний.

— Что еще случилось?

— Разве этого не довольно?

— Нет, если только твой отчет полный.

— Ну, Октавиан не получил денег от Перузии для финансирования своих действий, но каким-то образом ему удается платить легионам достаточно, чтобы удерживать их на своей стороне.

— Военная казна Цезаря должна быстро истощиться.

— Ты вправду считаешь, что это он взял ее?

— Конечно он! А что подельывает Секст Помпей?

— Блокирует морские пути и забирает все зерно из Африки. Его флотоводец Менодор захватил Сардинию и выгнал

Лурия, а это значит, что у Октавиана не осталось другого источника зерна, кроме того, что он может купить у Секста по высоченной цене, до двадцати пяти — тридцати сестерциев за модий. — Планк даже застонал от зависти. — Вот где все деньги — в сундуках Секста Помпея! Как он поступит с ними? Захватит Рим и Италию? Мечты! Легионы любят большие премии, но они не будут сражаться за человека, который доводит до голодной смерти их стариков. Наверное, поэтому, — продолжал Планк задумчиво, — он вынужден вербовать рабов и делать флотоводцев из вольноотпущенников. Однажды тебе все же придется отобрать у него деньги, Антоний. Если ты этого не сделаешь, это делает Октавиан, а тебе деньги нужнее.

Антоний фыркнул:

— Разве сможет Октавиан выиграть морской бой у такого опытного человека, как Секст Помпей? С такими союзниками, как Мурк и Агенобарб? Когда придет время, я займусь Секстом Помпеем, но не сейчас. Он действует во вред Октавиану.

Зная, что она прекрасно выглядит, Фульвия с нетерпением ждала мужа. Хотя несколько седых волос были вовсе незаметны, она заставила служанку выдернуть их, а потом уложить копну каштановых локонов по последней моде. Темно-красное платье подчеркивало изгиб груди и ниспадало вниз, скрывая чуть выступающий живот и расплывшую талию. «Да, — думала Фульвия, прихорашиваясь, — я хорошо сохранилась для своих лет. Я все еще самая красивая женщина в Риме».

Конечно, она знала о веселой зиме Антония в Александрии. Барбат просветил ее по этому поводу. Но мужские дела ее не касаются. Если бы он развлекался с высокородной римлянкой, совсем другое дело. Она мгновенно выпустила бы когти. Но когда мужчина отсутствует месяцами, а то и годами, ни одна разумная жена, оставленная в Риме, не будет думать о муже плохо из-за того, что он снимет напряжение. А дорогой Антоний любил цариц, царевен, иностранок высокого происхождения. Переспав с какой-нибудь из них, он чувствовал себя царем, насколько это возможно для римлянина-республи-

канца. Фульвия видела Клеопатру, когда та жила в Риме при Цезаре, и она понимала, что Антония привлекли титул и власть египтянки. Царица вовсе не была пышной и чувственной женщиной во вкусе Антония. К тому же она обладала сказочными богатствами, а Фульвия знала своего мужа. Ему просто нужны ее деньги.

Так что, когда появился управляющий Аттика и доложил, что Марк Антоний в атрии, Фульвия разгладила платье и побежала по длинному строгому коридору туда, где ждал Антоний.

— Антоний! О, *meum mel*, как замечательно снова видеть тебя! — крикнула она с порога.

Антоний, занятый разглядыванием великолепной картины, изображавшей Ахилла, сидящего в гневе рядом с кораблями, обернулся на звук ее голоса.

Впоследствии Фульвия не могла вспомнить, что именно произошло, так молниеносны были его движения. Она только почувствовала оглушительную пощечину, от которой растянулась на полу. Потом он наклонился над ней, схватил за волосы, поднял на ноги и стал наотмашь хлестать ее по лицу открытой ладонью. И это было так же больно, как если бы он бил ее кулаком. Он выбил ей зубы, сломал нос.

— Ты, глупая *cuppus*! — орал он, не переставая бить ее. — Ты глупая, глупая *cuppus*! Возомнила себя Гаем Цезарем?

Кровь лилась у нее изо рта, из носа. Она, которая во всеоружии встречала каждый вызов богатой событиями жизни, была беспомощна, уничтожена. Кто-то кричал, должно быть она сама, ибо слуги слетелись со всех сторон, но только взглянули — и убежали.

— Идиотка! Проститутка! О чем ты думала, когда пошла войной против Октавиана от моего имени? Когда растрчивала деньги, которые я оставил в Риме, Бононии, Мутине? Когда покупала легионы для таких, как Планк, неспособных их сохранить? Когда жила в военном лагере? Что ты о себе возомнила, если вообразила, что люди вроде Поллиона будут исполнять твои приказы? Приказы женщины! Запугивала моего брата от моего имени! Он идиот! Он всегда был идиотом!

И еще раз доказал это, связавшись с женщиной! Ты недостойна даже презрения!

Плюнув, он швырнул ее на пол. Не переставая кричать, она уползла, как покалеченное животное. Слезы хлынули сильнее, чем кровь.

— Антоний, Антоний! Я хотела угодить тебе! Маний сказал, что ты будешь доволен! — хрипло кричала она. — Я продолжила твою борьбу в Италии, пока ты был занят на Востоке! Маний сказал! — шамкала она беззубым ртом.

Услышав имя Мания, Антоний вдруг почувствовал, что его гнев угас. Маний — ее грек-вольнотпущенник, змей. По правде говоря, пока Антоний не увидел ее, он и не знал, сколько злобы, сколько гнева накопилось в нем за время его путешествия из Эфеса. Вероятно, если бы он следовал первоначальному плану и поплыл прямо из Антиохии в Афины, он не был бы так разъярен.

В Эфесе хватало сплетников и кроме Барбата, и слухи ходили не только о зиме, проведенной им с Клеопатрой. Некоторые шутили, что в его семье платье носит он, а доспехи — Фульвия. Другие посмеивались, что по крайней мере один человек из рода Антониев воюет, пусть даже и женщина. Антоний вынужден был делать вид, что не слышит всего этого, но раздражение его росло. Рассказ Планка не смягчил Антония, гнев не погасило даже горе, терзавшее его, пока не выяснилось, что Луций в безопасности и здоров. Их брат Гай был убит в Македонии, и только казнь убийцы облегчила боль. Он, большой брат, любил их.

Любовь к Фульвии ушла навсегда, думал он, с презрением глядя на нее. Глупая, глупая *cuppus*! Надев доспехи, она публично кастрировала его.

— Я хочу, чтобы к утру ты покинула этот дом, — отрезал он, схватив ее за руку и силой усадив под картиной с Ахиллом. — Пусть Аттик страдает людям, заслуживающим этого. Я напишу ему сегодня, и он не посмеет оскорбить меня, сколько бы денег у него ни было. Ты — позор как жена и как женщина, Фульвия! Я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Я немедленно пришлю тебе уведомление о разводе.

— Но, — рыдая, прошамкала она, — я убежала без денег, без имущества, Марк! Мне нужны деньги на жизнь!

— Обратись к своим банкирам. Ты богатая женщина и *sui iuris*.

Антоний громко крикнул слуг.

— Приведи ее в порядок и выбрось вон! — велел он еле живому от страха управляющему, потом круто повернулся и ушел.

Фульвия долго сидела, прислонившись к стене и почти не ощущая присутствия дрожащих от ужаса девушек, которые старались умыть ей лицо, остановить кровь и слезы. Когда-то она смеялась, если слышала от какой-нибудь женщины о разбитом сердце. Она считала, что сердце не может разбиться. Теперь она знала, что это не так. Марк Антоний разбил ее сердце, и починить его уже нельзя.

По Афинам разнесся слух о том, как Антоний обошелся со своей женой, но мало кто, услышав об этом, жалел Фульвию, ведь она совершила непростительное — посягнула на права, принадлежащие только мужчинам. Вновь вспомнили о ее подвигах на Форуме в тот период, когда она была замужем за Публием Клодием, о сцене, которую она разыграла у дверей сената, и о ее возможном содействии Клодию, осквернившему праздник Благой Богини.

Нет, Антония не волновало, что говорили в Афинах. Он, римлянин, знал, что его сограждане, живущие в городе, не станут думать о нем хуже.

Кроме того, он был занят — писал письма. Трудное занятие. Первое письмо, резкое и короткое, — Титу Помпонию Аттику: полководец Марк Антоний, триумвир, будет благодарен ему, если он не станет совать свой нос в дела Марка Антония и поддерживать отношения с Фульвией. Второе письмо — Фульвии: он сообщал, что разводится с ней из-за ее неженского поведения и что отныне ей запрещается видеться с двумя ее сыновьями от него. Третье письмо — Гаю Асинию Поллиону с просьбой сообщить, что делается в Италии и не будет ли он

так любезен держать легионы наготове, чтобы пойти на юг, в случае если население Брундизия, которое любит Октавиана, не позволит Марку Антонию войти в страну? Четвертое письмо — этнарху Афин: он благодарил этого достойного человека за доброту его города и верность истинным римлянам. Поэтому полководец Марк Антоний, триумвир, с удовольствием дарит Афинам остров Эгина и несколько других малых островов, прилегающих к нему. Он считал, что этот подарок ошастливит афинян.

Он мог бы написать много писем, если бы не прибытие Тиберия Клавдия Нерона, который нанес ему официальный визит, как только устроил жену и маленького сына недалеко от себя.

— Тьфу! — крикнул Нерон, раздув ноздри. — Этот Секст Помпей — разбойник! Хотя чего еще можно ждать от клана выскочек из Пицена? Ты не представляешь, какая у него штаб-квартира: крысы, мыши, гниющие отходы! Я не решился подвергать свою семью опасности заболеть из-за грязи, хотя эти помещения были не худшими, какие мог предложить Помпей. Мы даже еще не распаковали вещи, а уже несколько из его принаряженных «флотоводцев»-вольноотпущенников стали увиваться вокруг моей жены. Одному я хорошо дал по рукам! И поверишь ли, Помпей встал на сторону этого дворняжки! Я сказал ему, что я думаю по этому поводу, потом посадил Ливию Друзиллу на первый же корабль — и в Афины.

Антоний слушал Нерона, вспоминая, как Цезарь относился к этому человеку. «*Inepte*» — самый мягкий эпитет, найденный для него Цезарем. Услышав больше, чем хотел сказать Нерон, Антоний понял, что тот прибыл в нору Секста Помпея и стал ходить везде, как петух, придирается, критиковать и наконец сделался до того невыносимым, что Секст выгнал его. Трудно отыскать более несносного сноба, чем Нерон, а Помпеи были очень чувствительны к намекам на свое низкое пиценское происхождение.

— И что ты теперь намерен делать, Нерон? — спросил Антоний.

— Жить по средствам, кои небезграничны, — резко ответил Нерон, и выражение его смуглого, угрюмого лица стало еще более высокомерным.

— А твоя жена? — лукаво спросил Антоний.

— Ливия Друзилла хорошая жена. Она делает то, что ей скажут, чего не скажешь о Фульвии.

Типичный для Нерона выпад. Похоже, у него отсутствовал самоконтроль, предупреждающий, что о некоторых вещах лучше умолчать. «Я должен соблазнить ее, — в ярости подумал Антоний. — Что за жизнь она ведет, будучи замужем за этим *inepte!*»

— Приведи ее на обед сегодня вечером, Нерон, — весело предложил Антоний. — Считаю это способом сэкономить — до утра не надо будет посылать твоего повара на рынок.

— Благодарю, — ответил Нерон, выпрямляясь во весь высоченный рост.

Придерживая левой рукой складки тоги, он торжественно удалился, оставив Антония в веселом настроении.

Вошел Планк с выражением ужаса на лице.

— *Edepol*, Антоний! Что здесь делает Нерон?

— Помимо того, что оскорбляет всех, кто попадает к нему на глаза? Готов спорить, он так вел себя у Секста Помпея, что ему указали на дверь. Можешь прийти сегодня на обед и получить удовольствие от его компании. Он приведет с собой жену, с которой они, наверное, два сапога пара. Кстати, а кто она?

— Его родственница, причем довольно близкая. Ее отцом был некий Клавдий Нерон, усыновленный знаменитым плебейским трибуном Ливием Друзом, следовательно, ее зовут Ливия Друзилла. Нерон — сын родного брата Друза, Тиберия Нерона. Конечно, она наследница — в семье Ливия Друза куча денег. Когда-то Цицерон надеялся, что Нерон женится на его Туллии, но она предпочла Долабеллу. Плохой муж почти во всех отношениях, но, по крайней мере, он был веселым человеком. Разве ты не вращался в тех кругах, когда Клодий был жив?

— Вращался. И ты прав, Долабелла был очень компанейским. Но ведь не Нерон стал причиной твоего ужаса, Планк. Что случилось?

— Пакет из Эфеса. Мне тоже пакет, но твой от твоего родственника Каниния, так что в нем, наверное, больше новостей.

Планк с горящими от нетерпения глазами сел в кресло клиента напротив Антония, сидевшего за столом.

Антоний сломал печать, развернул письмо своего родственника и стал медленно читать, хмуясь и бормоча проклятия.

— Хорошо бы больше людей последовали примеру Цезаря и начали бы ставить точку над первой буквой нового слова. Я теперь это делаю. Так делают Поллион, Вентидий и, к сожалению, Октавиан. Это позволяет очень быстро прочитать даже длинный свиток.

Он вернулся к чтению, наконец вздохнул и положил письмо.

— Как я могу быть одновременно в двух местах? — спросил он Планка. — Мне следовало находиться в провинции Азия, отражая атаки Лабиена, а вместо этого я вынужден сидеть ближе к Италии и держать легионы под рукой. Пакор вторгся в Сирию, и все мелкие царьки поспешили связать свою судьбу с парфянами, даже Ямвлих. Каниний говорит, что легионы Саксы сдались Пакору. Сакса был вынужден бежать в Апамею, а потом отплыл в Киликию. С тех пор никто о нем не слышал, но идет слух, что его брат был убит в Сирии. Лабиен спешит захватить Киликию Педию и восточную часть Каппадокии.

— И конечно, восточнее Эфеса легионов нет.

— Боюсь, и в Эфесе их не будет. Провинции Азия придется защищаться самой, пока я не разберусь с ситуацией в Италии. Я уже написал Канинию, чтобы он привел легионы в Македонию, — мрачно сказал Антоний.

— Это твое единственное намерение? — бледнея, спросил Планк.

— Определенно. Конец этого года я решил посвятить Риму, Италии и Октавиану, поэтому до конца года легионы будут стоять лагерем вокруг Аполлонии. Если станет известно,

что они на Адриатике, Октавиан поймет, что я намерен раздавить его, как клопа.

— Марк, — простонал Планк, — все уже сыты по горло гражданской войной, а то, о чем ты говоришь, — это гражданская война! Легионы не будут драться!

— Легионы будут драться за меня, — ответил Антоний.

Ливия Друзилла вошла в резиденцию наместника с присущим ей спокойствием, полуприкрыв глаза, свое главное украшение. Надо прятать их! Как всегда, она шла чуть позади Нерона, как полагается хорошей жене, а Ливия Друзилла поклялась быть хорошей женой. Услышав о том, что сделал Антоний с Фульвией, она дала себе слово, что никогда не окажется в таком положении! Надеть доспехи и размахивать мечом! Для этого нужно быть Гортензией, которая сделала это, только чтобы продемонстрировать лидерам Римского государства, что женщины Рима, от высшего до низшего сословия, никогда не согласятся платить налоги со своих личных сбережений, раз они не имеют права голоса. В этом поединке Гортензия одержала бескровную победу, к большому удивлению триумвиров — Антония, Октавиана и Лепида.

Нет, Ливия Друзилла не хотела быть мышкой. Она просто притворялась существом маленьким, кротким и немного робким. Она была очень честолюбива, но это ее качество не получило должного развития, потому что она понятия не имела, как его реализовать. Разумеется, честолюбие ее было абсолютно римского образца, а именно: никакого неженского поведения, никакого верховодства, никаких грубых манипуляций. Не хотела она быть и еще одной Корнелией, матерью Гракхов, которой иные женщины поклонялись как римской богине, потому что она много страдала, родила детей, видела их смерть, но никогда не жаловалась на судьбу. Нет, Ливия Друзилла чувствовала, что должен быть другой путь к высотам.

К сожалению, три года брака показали ей, что путь этот, несомненно, лежит не через Тиберия Клавдия Нерона. Как и у большинства девушек высокого происхождения, у нее не

было возможности близко познакомиться с будущим мужем. Она только знала, что он ее двоюродный брат. За время их редких встреч она успела понять, что он глуп, и инстинктивно стала его презирать. Смуглая, она восхищалась мужчинами со светлыми волосами и голубыми глазами. Умная, она восхищалась умными людьми. Ни одним из этих качеств Нерон не обладал. Ей было пятнадцать лет, когда отец, Друз, выдал ее замуж за ее двоюродного брата Нерона. В доме, где она выросла, не было безнравственных картин на стенах или Приаповых ламп, которые могли бы кое-что поведать девушке о физической любви. Поэтому союз с Нероном вызывал в ней отвращение. Он тоже предпочитал светловолосых, голубоглазых любовниц. В жене его привлекали только ее знатное происхождение и состояние.

Но как избавиться от Тиберия Клавдия Нерона, если она намерена быть хорошей женой? Это невозможно, разве что кто-нибудь предложит ему более выгодный брак, а это казалось маловероятным. Уже в самом начале их семейной жизни она поняла, что Нерона не любили, его терпели только из-за его патрицианского происхождения, дававшего ему право занимать любые официальные должности в Риме. И — о-о-о, как он надоел ей! Она слышала много рассказов о Катоне Утическом, злейшем враге Цезаря, о его бестактности, вздорном характере. Но в сравнении с Нероном он был просто небожителем. Не могла она любить и сына, которого родила Нерону через десять месяцев после свадьбы. Маленький Тиберий был смуглым, тощим, высоким, серьезным и даже в свои два года изучал самодовольство. У него появилась привычка критиковать мать, потому что, в отличие от большинства маленьких детей, он много времени проводил с отцом и слышал, как тот постоянно шпыняет ее. Ливия Друзилла подозревала, что Нерон предпочитает держать ее и маленького Тиберия при себе лишь для того, чтобы какой-нибудь красавчик с шармом Цезаря не посягнул на ее добродетель. Как это раздражало! Разве этот дурак не знал, что она никогда не унизит себя подобным образом?

Замкнутое существование, которое она вела, пока Нерон не отправился в свою катастрофическую поездку в Кампанию на стороне Луция Антония, не позволяло ей даже мельком взглянуть на кого-нибудь из знаменитых мужчин, о которых говорил весь Рим. Она не видела ни Марка Антония, ни Лепида, ни Сервилия Ватию, ни Гая Домиция Кальвина, ни Октавиана, ни даже Цезаря, умершего, когда ей было пятнадцать лет. Поэтому сегодняшний день вызывал интерес, хотя по ее поведению этого не было заметно. Она будет обедать с Марком Антонием, самым могущественным человеком в мире!

Ее чуть не лишили этого удовольствия, когда Нерон узнал, что Антоний относится к тем беспутным людям, которые заставляют женщин возлежать рядом с ними на ложе.

— Либо моя жена будет сидеть на стуле, либо я ухажу! — заявил Нерон с присущим ему тактом.

Если бы Антоний не нашел овальное личико жены Нерона очаровательным, ответом на этот ультиматум были бы хоты и пожелание счастливого пути. Но поскольку жена Нерона оказалась привлекательной, Антоний усмехнулся и приказал принести стул для Ливии Друзиллы. Когда стул принесли, он поставил его напротив своего места на ложе, но, так как на обеде присутствовали только трое мужчин, Нерон не мог протестовать против этого. Конечно, в этой ситуации он вынужден был смотреть на жену искоса, но главным свидетельством неотесанности Антония Нерон посчитал тот факт, что хозяин отправил Нерона в конец ложа, а в середине поместил это самодовольное ничтожество Планка.

Ливия Друзилла сняла плащ, и оказалось, что на ней желто-коричневое платье с длинными рукавами и высоким воротом, но ничто не могло скрыть очарования ее фигуры или ее безупречной кожи цвета слоновой кости. Густые, блестящие, черные как ночь волосы с фиолетовым отливом были зачесаны назад, закрывая уши, и собраны в узел на затылке. Лицо совершенно прелестное! Маленький сочный ротик, огромные глаза, окаймленные длинными черными ресницами, румянец на щеках, небольшой с горбинкой нос, и все это вместе — совершенство. Как раз в тот миг, когда Антоний разозлился, что

не может определить, какого цвета ее глаза, она подвинула стул, и тонкий луч солнца осветил их. О, поразительно! Они были темно-синие, но словно волшебный кристалл со светлыми золотистыми прожилками. Таких глаз он никогда еще не видел. Они внушали суеверный страх! «Ливия Друзилла, я мог бы проглотить тебя целиком!» — подумал он и приступил к выполнению задуманного — влюбить ее в себя.

Но это оказалось невозможно. Она не была застенчивой, отвечала на все его вопросы прямо, хоть и сдержанно, не боялась при необходимости добавлять небольшие комментарии. Однако она не предлагала сама тему разговора и не сделала или не сказала ничего такого, в чем Нерон, с подозрением наблюдавший за ними, мог бы упрекнуть ее. Впрочем, все это не имело бы значения для Антония, заметь он хоть искру интереса к себе, а вот искры-то и не было. Будь он более проницательным человеком, то понял бы, что чуть заметная гримаса, время от времени мелькавшая на ее лице, говорит об отвращении.

Да, решила Ливия Друзилла, он способен избить жену, которая совершила ужасную ошибку, но не так, как Нерон, холодно, с расчетом. Нет, Антоний сделает это с яростью и потом, успокоившись, не будет сожалеть о своем поступке, ибо ее преступление простить нельзя. Большинству мужчин он нравится, они будут лнуть к нему, а большинство женщин будут желать его. Жизнь в течение этих нескольких дней у Секста Помпея в Агригенте свела Ливию Друзиллу с простыми женщинами, и она многое узнала о любви, мужчинах и сексе. Оказалось, что женщины предпочитают мужчин с большими членами, потому что большой член быстрее доводит их до оргазма (она не знала, что это такое, но не спросила, опасаясь, что они будут смеяться над ней). Она понятия не имела, что Марк Антоний знаменит своим огромным детородным аппаратом. Но это не имело значения, поскольку она не нашла в Антонии ничего, что ей понравилось бы или восхитило бы ее. Особенно после того, как она поняла, что он изо всех сил старается вызвать у нее интерес к себе. Она почувствовала огромное удовлетворение, не ответив ему, и это стало для нее маленьким

уроком, как женщина может обрести власть. Только не с Антонием, чья страсть мимолетна и незначительна.

— Что ты думаешь о великом человеке? — спросил Нерон, когда они шли домой, любуясь коротким ярким закатом.

Ливия Друзилла удивленно взглянула на мужа. Обычно он не спрашивал ее, что она думает о ком-то или о чем-то.

— Высокий по рождению, низкий по натуре, — ответила она. — Вульгарный невежа.

— Выразительно сказано, — одобрил он, довольный.

Впервые она посмела задать ему вопрос, относящийся к политике.

— Муж мой, почему ты хранишь верность такому вульгарному невеже, как Марк Антоний? Почему не Цезарю Октавиану, во всех отношениях совершенно другому?

Нерон остановился, повернулся к жене и посмотрел на нее скорее удивленно, чем раздраженно.

— Происхождение перевешивает все. Антоний более знатного рода. Рим принадлежит людям со знаменитыми предками. Они, и только они имеют право занимать высокие государственные должности, управлять провинциями, вести войны.

— Но Октавиан — племянник Цезаря! Разве происхождение Цезаря не безупречно?

— О, у Цезаря было все: происхождение, ум, красота. Богороднейший из благородных патрициев. Даже его плебейская кровь была самой лучшей: мать из рода Аврелиев, бабушка из рода Марциев, прабабушка из рода Попилиев. А Октавиан — мошенник! Капля крови Юлиев, а остальное — помои. Кто такие Октавии из города Велитры? Абсолютно никто! Некоторые Октавии вполне уважаемые, но не те, что из Велитр. Один из прадедов Октавиана делал веревки, другой пек хлеб. Его дед был банкиром. Низко, низко! Его отец удачно женился во второй раз на племяннице Цезаря. Хотя и в ней кровь не чистая — ее отец был богатым ничтожеством, которое купило сестру Цезаря. В те дни у Юлиев не было денег, они вынуждены были продавать своих дочерей.

— А разве в племяннике не четверть крови Юлиев? — смело спросила Ливия Друзилла.

— Он внучатый племянник, этот маленький позер! Одна восьмая крови Юлиев. Остальная часть отвратительна! — рявкнул Нерон, теряя терпение. — Я не знаю, что заставило великого Цезаря выбрать низкороджденного мальчишку своим наследником, но в одном ты можешь быть уверена, Ливия Друзилла: я никогда не свяжусь с людьми, подобными Октавиану!

«Ну-ну, — подумала Ливия Друзилла, — вот почему так много аристократов Рима ненавидят Октавиана! С моим высоким происхождением я должна бы тоже ненавидеть его, но он заинтриговал меня. Он так высоко поднялся! Меня это восхищает, я могу его понять. Возможно, время от времени Рим должен создавать новых аристократов. Возможно даже, что великий Цезарь понимал это, когда составлял завещание».

Ливия Друзилла слишком упрощенно истолковала причины, побудившие Нерона принять сторону Марка Антония, но и рассуждения Нерона были столь же примитивными. Он был чересчур узколобым. Сколько бы лет он ни проучился потом, умнее, чем в юности на службе у Цезаря, он не стал. Он был до такой степени туп, что не понимал, как сильно Цезарь его невзлюбил. С него как с гуся вода, сказали бы галлы. Когда в твоих жилах течет самая чистая кровь, какой изъян может найти в тебе товарищ-аристократ?

Первый месяц пребывания Антония в Афинах был заполнен женщинами, но ни одна из них не стоила его драгоценного времени. Хотя было ли его время действительно ценным, если все, что он делал, не приносило плодов? Единственная хорошая новость из Аполлонии пришла к Квинтом Деллием, который сообщил, что его легионы прибыли на западный берег Македонии и заняли хорошую позицию в месте с довольно благоприятным климатом.

Почти сразу после Деллия появился Луций Скрибоний Либон, сопровождавший женщину, которая, конечно, не могла улучшить настроение Антония, — его мать.

Она ворвалась в его кабинет, теряя на ходу шпильки, соря семенами для птиц, которых служанка несла в клетке, и нит-

ками из длинной бахромы, пришитой какой-то сумасшедшей портнихой к краям ее меховой накидки. Ее волосы висели прядями, теперь уже седыми, а не золотистыми, но глаза оставались такими же, какими их помнил ее сын, — вечно исторгающими слезы.

— Марк, Марк! — воскликнула она, кидаясь ему на грудь. — О мой дорогой мальчик, я думала, что больше не увижу тебя! Какое ужасное время я пережила! Жалкая комнатуха на вилле, где день и ночь раздавались всякие непристойные звуки! Улицы оплеванные, залитые содержимым ночных горшков! Кровать, по которой ползают клопы, помыться негде...

Антоний наконец смог усадить ее в кресло и успокоить настолько, насколько кому-либо удавалось успокоить Юлию Антонию. Только когда слезы немного стихли, у него появилась возможность увидеть, кто вошел следом за ней. Ах! Подхалим из подхалимов, Луций Скрибоний Либон. Он не был сторонником Секста Помпея — он связался с ним, чтобы из кислого подвоя получить сладкий виноград. Невысокого роста и худощавого телосложения, с лицом, которое выдавало звериную натуру: цепкий, робкий, честолюбивый, неуверенный, эгоистичный. Ему выпал шанс, когда старший сын Помпея Великого влюбился в его дочь и развелся с Клавдией Пульхрой, чтобы жениться на ней. Воспользовавшись ситуацией, Либон обязал Помпея Великого возвысить его, как причествует тестю его сына. Затем, когда Гней Помпей погиб вслед за отцом, Секст, младший сын, женился на его вдове. Так Либон стал командовать морским флотом и теперь действовал как неофициальный посол своего хозяина, Секста. Женщины из рода Скрибониев удачно выходили замуж. Сестра Либона дважды была замужем за богатыми, влиятельными людьми, причем один раз за патрицием Корнелием, от которого родила дочь. Хотя Скрибонии давно стукнуло тридцать и она дважды осталась вдовой, Либон не терял надежды найти ей третьего мужа. Симпатичная, может рожать, приданое в двести талантов. Да, его сестра Скрибония снова выйдет замуж.

Однако женщины Либона не интересовали Антония. Его беспокоил сам Либон.

— Зачем ты привез ее ко мне? — спросил Антоний.

Либон широко открыл глаза, раскинул руки:

— Мой дорогой Антоний! Куда еще мне было ее везти?

— Ты мог отправить ее в Рим, у нее там дом.

— Она закатила такую истерику, что мне пришлось выводить из комнаты Секста Помпея, иначе бы он ее убил. Поверь мне, она не желала ехать в Рим, все время кричала, что Октавиан казнит ее за измену.

— Казнит родственницу Цезаря? — недоверчиво переспросил Антоний.

— А почему нет? — с невинным видом спросил Либон. — Он же внес в проскрипционные списки Луция, брата твоей матери.

— Мы с Октавианом сделали это вместе! — резко заметил Антоний. — Но мы не казнили его! Нам нужны были его деньги, вот и все. У моей матери денег нет. Ей ничего не угрожает.

— Вот ты и скажи ей об этом! — раздраженно крикнул Либон.

В конце концов, он терпел ее во время долгого вояжа. С него хватит.

Если бы кто-то из них подумал посмотреть на нее, то увидел бы, что полные слез голубые глаза полны также и хитрости и что уши, украшенные огромными серьгами, чутко ловят каждое произнесенное слово. Юлия Антония могла быть монументально глупой, но она очень заботилась о своем благополучии и была убеждена, что ей намного лучше будет жить со старшим сыном, чем торчать в Риме, оставшись без дохода.

К этому времени прибыли управляющий и несколько перепуганных служанок. Не обратив внимания на их подбострастный ужас, Антоний с радостью передал им свою мать, попутно уверяя ее, что не собирается отсылать ее в Рим. Наконец трудное дело было сделано, и в кабинете воцарился мир. Антоний вернулся в кресло и с облегчением вздохнул.

— Вина! Хочу вина! — крикнул он, вдруг вскакивая. — Либон, красного или белого?

— Спасибо, хорошего крепкого красного. Без воды. Воды я столько видел за последние три нундины, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Антоний усмехнулся:

— Понимаю. Сопровождать мою мать небольшое удовольствие. — Он налил бокал до краев. — Вот, это должно помочь. Хиосское, десятилетней выдержки.

Молчание длилось, пока двое пьяниц с удовольствием поглощали вино, уткнув носы в бокалы.

— Так что же привело тебя в Афины, Либон? — спросил Антоний, прерывая молчание. — И не говори, что это моя мать.

— Ты прав. Твоя мать просто удобный предлог.

— Не для меня, — прорычал Антоний.

— Я хотел бы знать, как ты это делаешь, — весело поинтересовался Либон. — Когда ты просто говоришь, у тебя высокий и негромкий голос. Но в один миг ты можешь превратить его в низкий горловой рык.

— Или рев. Ты забыл про рев. И не спрашивай меня, как я это делаю. Я не знаю. Просто так получается. Если хочешь услышать рев, продолжай уклоняться от ответа на мой вопрос.

— Э-э, нет, не хочу. Но если мне будет позволено вернуться к проблеме твоей матери, я советую дать ей много денег, чтобы она пробежалась по лучшим магазинам Афин. Сделай так, и ты больше не увидишь и не услышишь ее. — Либон с улыбкой наблюдал за пузырьками вина на краях бокала. — Как только она узнала, что твой брат Луций прощен и послан в Дальнюю Испанию с полномочиями проконсула, с ней стало легче иметь дело.

— Так почему ты здесь? — снова спросил Антоний.

— Секст Помпей посчитал, что нам следует встретиться.

— Правда? С какой же целью?

— Образовать союз против Октавиана. Вы двое сделаете из Октавиана фарш.

Поджав губы, Антоний отвел глаза.

— Союз против Октавиана... Заклинаю, скажи мне, Либон, почему я, один из трех правителей, назначенных сенатом и народом Рима для восстановления республики, должен вступать в союз с каким-то пиратом?

Либон поморщился:

— Секст Помпей — наместник Сицилии в полном соответствии с *mos maiorum*! Он не считает законным ни триумvirат, ни проскрипционный эдикт, по которому он безвинно объявлен вне закона, не говоря уже о конфискации имущества! Его действия на море — это лишь средство убедить сенат и народ Рима, что его осудили несправедливо. Отмените приговор, снимите запреты, и Секст Помпей перестанет, э-э, пиратствовать.

— И он думает, что я выступлю в сенате с предложением реабилитировать его, восстановить в правах в обмен на помощь в борьбе с Октавианом?

— Именно так, да.

— Насколько я понимаю, он предлагает начать открытую войну, и лучше прямо завтра?

— Ну-ну, Марк Антоний, все ведь знают, что вы с Октавианом рано или поздно столкнетесь! А поскольку из вас двоих — Лепида я в счет не беру — ты имеешь *imperium maius* над девятьюдесятью Римской империи и контролируешь ее легионы и ее доходы, что еще может случиться в результате вашего столкновения, как не полномасштабная война? Более пятидесяти последних лет история Римской республики — это одна гражданская война за другой, и ты действительно веришь, что Филиппы — это конец? — Либон говорил тихо, с невозмутимым лицом. — Секст Помпей устал быть *hostis*. Он хочет получить то, что принадлежит ему по праву, — восстановление гражданства, разрешение наследовать имущество его отца, Помпея Магна, возврат этого имущества, консульство и права проконсула в Сицилии навсегда. — Либон пожал плечами. — Есть еще кое-что, но пока достаточно, я думаю.

— И в ответ на все это?

— Контролировать моря будет твой союзник. Простите заодно Мурка, и у тебя будет и его флот. Агенобарб говорит, что он сам по себе, хотя тоже такой же пират. Секст Помпей также гарантирует тебе бесплатное зерно для легионов.

— Он требует от меня выкуп.

— Это «да» или «нет»?

— Я не заключаю договоров с пиратами, — сказал Антоний обычным голосом. — Однако ты можешь сказать твоему хозяину, что, если мы встретимся на море, я надеюсь, он пропустит меня, куда бы я ни направлялся. Если он сделает так, мы посмотрим.

— Скорее «да», чем «нет».

— Скорее ничего, чем что-то, — на данный момент. Мне нужен Секст Помпей, чтобы раздавить Октавиана, Либон. Если Секст думает, что он нужен, он ошибается.

— Если ты решишь переправлять свои легионы из Македонии в Италию по Адриатике, Антоний, тебе ни к чему помехи в виде чужого флота.

— Адриатика — это участок Агенобарба, и он мне не помешает. Я его не боюсь.

— Значит, Секст Помпей не может назвать себя твоим союзником? Ты не выступишь в сенате в его защиту?

— Конечно нет, Либон. Самое большее, на что я соглашусь, — это не ловить его. Если бы я охотился за ним, то исколошматил бы его. Скажи ему, что бесплатное зерно он может оставить себе, но я хочу, чтобы он продал зерно для моих легионов по обычной оптовой цене — пять сестерциев за модий, и ни драхмой больше.

— Это невыгодная сделка.

— Ставить условия могу я, а не Секст Помпей.

«Уж не заупрямился ли он потому, что теперь у него мать на шее? — думал Либон. — Я говорил Сексту, что это плохая идея, но он не слушал».

В комнату вошел Деллий под руку еще с одним подхалимом, Сентием Сатурнином.

— Взгляни, кто приехал с Либоном из Агригента! — радостно крикнул Деллий. — Антоний, у тебя еще осталось то хиосское красное?

— Тьфу! — плюнул в сердцах Антоний. — Где Планк?

— Здесь я, Антоний! — откликнулся Планк, подходя, чтобы обнять Либона и Сентия Сатурнина. — Здорово, правда?

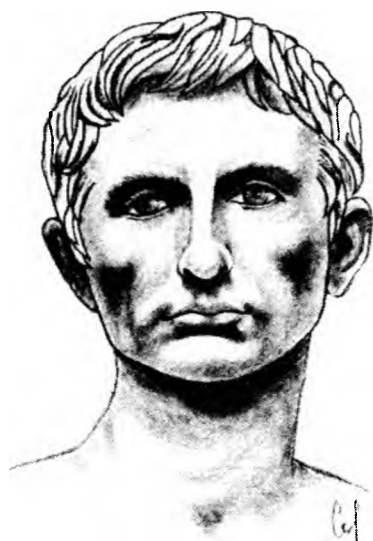
«Очень здорово, — кисло подумал Антоний. — Четыре порции сиропа».

Марш его армии к Адриатическому побережью Македонии начался просто как демонстрация, чтобы напугать Октавиана. Отказавшись от мысли воевать с парфянами, пока не наскребет денег, Антоний сначала хотел оставить свои легионы в Эфесе, но визит в Эфес изменил его намерение. Каниний был слишком слаб, чтобы контролировать столько старших легатов, если рядом не будет Антония. Кроме того, идея напугать Октавиана была очень заманчивой, и противостоять такому искушению он не мог. Все были того мнения, что вот-вот разразится война между двумя триумвирами. Но Антоний оказался перед дилеммой. Не покончить ли с Октавианом прямо сейчас? Эта кампания будет дешевой, и у него имелось достаточно кораблей для перевозки легионов по морю домой, где он мог пополнить свои войска легионерами Октавиана, а также забрать у Поллиона и Вентидия их четырнадцать легионов! И еще десять в случае поражения Октавиана. А все, что он найдет в казначействе, пойдет в его военную казну.

И все-таки Антоний колебался... Когда выяснилось, что совет Либона насчет Юлии Антонии сработал и она исчезла с его горизонта, Антоний слегка расслабился. Его афинское ложе было удобным, а что касается армии в Аполлонии... Время покажет, что ему делать. Он не подумал, что, откладывая это решение, он возвещал всему миру, что планов на будущее у него нет.

II
ОКТАВИАН
НА
ЗАПАДЕ

40 г. до Р. Х. — 39 г. до Р. Х.

GAIUS JULIUS CAESAR OCTAVIANUS

Она выглядела такой старой и усталой, его любимая госпожа Рома. С вершины холма Велия Октавиан смотрел на Римский форум и дальше — на Капитолийский холм. Если бы он взглянул в другую сторону, то увидел бы болото, тянувшееся вдоль Священной дороги до Сервиевой стены.

Октавиан любил Рим со страстью, несвойственной его натуре, склонной к холодности и отстраненности. Он считал, что богиня Рома не имела соперников на всем земном шаре. Как он ненавидел, когда кто-нибудь говорил, что Афины затмевают Рим, как солнце затмевает луну, что Пергам на своих высотах намного красивее, что по сравнению с Александрией Рим выглядит как галльский опшид! Разве город виноват в том, что храмы пришли в упадок, государственные здания покрылись копотью, площади и сады заброшены? Нет, вина лежит на правителях, ибо они больше заботятся о своей репутации, чем о Риме, которому обязаны всем. Рим заслуживает лучшей участи, и, если это будет зависеть от Октавиана, участь эта будет самой завидной. Конечно, были исключения: великолепная базилика Юлия, которую построил Цезарь, его форум — настоящий шедевр; базилика Эмилия, табуларий Суллы. Но даже на Капитолии многие храмы, взять хотя бы храм Юноны Монеты, отчаянно нуждались в покраске. От яиц и дельфинов Большого цирка до алтарей и фонтанов на перекрестках — все запущено: бедная богиня Рома походила на знатную даму, чьи лучшие дни давно миновали.

«Если бы у нас была хоть десятая часть тех денег, что римляне тратят на войну друг с другом, Риму не было бы равных по красоте, — думал Октавиан. — Куда уходят средства?» Этот вопрос он часто задавал себе и ответ мог дать только предположительный. Деньги шли в кошельки солдат, которые либо

потратят их на бесполезные вещи, либо будут копить, а еще в кошельки производителей и торговцев, которым выгодны войны, и в кошельки тех самых людей, что развязывают эти войны.

«Но если последнее верно, — удивлялся Октавиан, — почему я не имею никакой выгоды?»

Взять хоть Марка Антония. Он украл сотни миллионов, большую часть которых потратил на свои причуды, а не на уплату легионам. А сколько миллионов он передал своим так называемым друзьям, чтобы выглядеть великодушным? Да, я тоже украл — я взял военную казну Цезаря. Если бы я этого не сделал, сегодня я был бы уже мертв. Но, в отличие от Антония, я никогда не бросаю денег на ветер. То, что я трачу из моего спрятанного клада, идет, надеюсь, на благое дело, поскольку я содержу армию агентов. Без них мне не жить.

Трагедия в том, что ни сестерция из тех денег я не смею потратить на сам Рим. Большая часть уходит на премии легионам. Эта бездонная яма, вероятно, имеет лишь одно ценное качество: она более равномерно распределяет личное богатство, чем в старые времена, когда плутократов можно было сосчитать по пальцам на обеих руках, а солдаты не имели достаточного дохода, чтобы принадлежать даже к пятому классу. Теперь положение изменилось».

Форум вдруг расплылся перед ним — на глазах выступили слезы. «Цезарь, о Цезарь! Как многому еще я мог бы научиться у тебя, если бы ты был жив! Это Антоний дал им возможность убить тебя — он принимал участие в заговоре, я нутром чувствую. Полагая, что он наследник Цезаря, и отчаянно нуждаясь в его огромном состоянии, он не устоял против уговоров Требония и Децима Брута. Другой Брут и Кассий были пешками, их привлекли просто для солидности. Как многие до него, Антоний жаждет быть Первым человеком в Риме. Если бы не было здесь меня, был бы он. Но я здесь, и он боится, что я возьму себе этот титул, как взял имя и деньги Цезаря. И правильно боится. Бог Цезарь — Divus Julius — на моей стороне. Если Риму суждено процветать, я обязан выиграть эту борьбу! Но я поклялся никогда не воевать против Антония, и я сдержу клятву».

Легкий ветер трепал его золотистые густые волосы. Сначала люди узнавали волосы и только потом их обладателя. Обычно они смотрели на него сердито. На триумвира, оставшегося в Риме, падала вина за трудные времена — дорогой хлеб, отсутствие разнообразия продуктов питания, высокие ренты, пустые кошельки. Но на каждый злобный взгляд он отвечал улыбкой Цезаря, и это средство было таким мощным, что люди тоже начинали улыбаться.

В отличие от Антония, который даже в Риме любил появляться на улицах в доспехах, Октавиан всегда носил тогу с пурпурной каймой. В тоге он был невысокого роста, изящный, элегантный. Дни, когда он носил башмаки на толстой подошве, чтобы казаться выше, ушли в прошлое. Рим признал его наследником Цезаря, и многие звали его так, как он назвал себя, — *Divi Filius*, божественный сын. При всей непопулярности это оставалось его большим преимуществом. Мужчины могли сердито смотреть на него и ворчать, но мамы и бабушки ворковали и захлебывались от восторга. Октавиан был слишком умным политиком, чтобы не принимать в расчет влияние мам и бабушек.

От холма Велия он прошел через покрытые лишайником древние колонны Мугонских ворот и спустился с Палатинского холма по менее фешенебельной стороне. Его дом когда-то принадлежал известному адвокату Квинту Гортензию Горталу, сопернику Цицерона в суде. Антоний обвинил его сына в смерти своего брата Гая и внес его имя в проскрипционные списки. Но для молодого Гортензия это не имело значения, поскольку его уже убили в Македонии, а тело бросили на памятник Гаю Антонию. Как и большинство римлян, Октавиан хорошо знал, что Гай Антоний был настолько некомпетентен, что его кончина положительно стала божьим благословением.

Дом Гортензия был просторным и роскошным, хотя по размерам сильно уступал дворцу Помпея Великого в Каринах. Тот дворец захватил Антоний. Когда Цезарь узнал об этом, он заставил своего родственника заплатить за него. После смерти Цезаря выплаты прекратились. Но Октавиан не любил показной роскоши. Ему было достаточно такого дома, который мог быть и конторой, и жилищем. Дом Гортензия он приобрел на

аукционе за два миллиона сестерциев — часть его реальной стоимости. Такие вещи нередко случались на проскрипционных аукционах, где одновременно продавалось много имущества граждан первого класса.

На фешенебельной стороне Палатина все дома соперничали друг с другом за вид на Римский форум, но Гортензий был к этому равнодушен. Он нуждался в пространстве. Известный любитель рыб, он вырыл огромные пруды для золотых и серебряных карпов, а лужайки и сады больше напоминали загородные поместья за Сервиевой стеной, такие как дворец, построенный Цезарем для Клеопатры у подножия Яникула. Сады этого дворца были легендарны.

Дом Гортензия стоял на пятидесятифутовом утесе с видом на Большой цирк, где в дни триумфальных шествий или колесничных гонок более ста пятидесяти тысяч римских граждан занимали дешевые места, кричали от восторга и приветствовали участников. Не взглянув в сторону цирка, Октавиан вошел через сад с прудами и проследовал в приемную, которой Гортензий никогда не пользовался, поскольку был уже болен, когда пристраивал ее к дому.

Октавиану нравился план дома. Кухни и комнаты для слуг, а также уборные и ваннные комнаты для них были в отдельном помещении. Ваннные комнаты и уборные для владельца дома, его семьи и гостей располагались внутри главного здания и сделаны были из бесценного мрамора. Как в большинстве домов на Палатине, они располагались над подземным потоком, который впадал в огромные сточные трубы Большой клоаки. Для Октавиана это стало главной причиной покупки дома. Он был очень стеснительным, особенно когда дело касалось отправления естественных потребностей. Никто не должен ни видеть, ни слышать того, что он делает! Например, во время мытья, а он непременно принимал ванну хотя бы раз в день. Поэтому военные кампании были для него пыткой, которую помогал переносить только Агриппа, при необходимости обеспечивая ему уединение. Октавиан и сам не знал, почему он так чувствителен к этому, ведь он хорошо сложен: разве что без надлежащей одежды мужчины уязвимы.

Его встретил обеспокоенный слуга. Октавиан не терпел ни пятнышка на тунике или тоге, поэтому жизнь человека, постоянно имевшего дело с мелом и уксусом, была нелегкой.

— Да, можешь взять тогу, — с отсутствующим видом произнес Октавиан, сбрасывая ее на пол, и вышел во внутренний сад перистилия с самым красивым фонтаном в Риме.

Фонтан был украшен скульптурной группой, изображавшей Амфитриона в раковине-колеснице, запряженной вздыбленными конями с рыбьими хвостами. Статуя была изумительная, как живая. Волосы водяного бога были из водорослей, они мерцали и отдавали зеленыю, а кожа представляла собой сетку из крошечных серебристых чешуек. Скульптура стояла в середине круглого пруда, чей бледно-зеленый мрамор, купленный в новых каменоломнях в Каррах, стоил Гортензию десять талантов.

Через бронзовые двери с барельефом, изображавшим Лапифа и кентавров, Октавиан вошел в холл, с одной стороны которого находился кабинет, с другой — столовая. Оттуда он проследовал в огромный атрий с имплювием, куда из четырехугольного отверстия стекала с крыши дождевая вода, мерцавшая, как зеркало, от солнечных лучей, льющихся сверху. И наконец, еще через одни бронзовые двери он вышел в лоджию — широкий открытый балкон. Гортензию нравилась идея живой беседки, укрывающей от палящих солнечных лучей. Он поставил несколько стоек над частью балкона и посадил виноград. С годами лоза разрослась и обвила раму гирляндами. В это время года беседка была усыпана свисающими гроздьями бледно-зеленых ягод.

Четыре человека сидели в больших креслах вокруг низкого стола. Пятое кресло, завершающее круг, было не занято. На столе стояли два кувшина и несколько чаш из простой арвернской керамики — никаких золотых кубков или графинов из александрийского стекла для Октавиана! Кувшин с водой был больше кувшина с вином, очень легким искристым белым вином из Альбы Фуценции. Ни один знаток не скривился бы презрительно, ибо Октавиан всегда угощал всем самым лучшим.

Он только не любил экстравагантность и заграничные товары. «Продукция Италии, — говорил он всем, кто готов был слушать, — превосходна, так зачем быть снобом и хвастать вином с Хиоса, коврами из Милета, крашеной шерстью из Иераполиса, гобеленами из Кордубы?»

Мягко ступая, Октавиан незаметно подошел и встал на пороге, чтобы понаблюдать за ними, его «советом старейшин», как в шутку назвал их Меценат, ибо старшему из них, Квинту Сальвидиену, был всего тридцать один год. Этим четвертым, и только им, Октавиан поверял свои мысли, хотя и не все. Эта привилегия принадлежала Агриппе, его сверстнику и названному брату.

Марк Випсаний Агриппа, двадцати двух лет, являл собой образец римского аристократа. Высокий, как Цезарь, мускулистый, худощавый, с необычным, но красивым лицом. Нависшие брови, твердый подбородок, суровый рот. Густые ресницы прикрывали глубоко посаженные глаза, поэтому не сразу можно было разглядеть, что они карие. Но происхождение его было низким, и по этому поводу Тиберий Клавдий Нерон фыркал: кто когда-нибудь слышал о семействе Випсаниев? Самнит, если не уроженец Апулии или Калабрии. В общем, италийская накипь. Только Октавиан по достоинству оценил глубину и широту его интеллекта, способного руководить армиями, строить мосты и акведуки, изобретать разные приспособления и инструменты для облегчения труда. В этом году он был городским претором в Риме, ответственным за все гражданские судебные иски и распределение уголовных дел по судам. Тяжелая работа, но недостаточно тяжелая, чтобы удовлетворить Агриппу, который еще взял на себя часть обязанностей эдилов. Предполагалось, что эти достойные люди займутся о зданиях и учреждениях Рима. Считая их паршивым сборищем лентяев, он взял под контроль водное снабжение и канализацию, к большому неудовольствию компаний, с которыми город заключал контракты по их обслуживанию. Он собирался обновить канализационную систему так, чтобы сточные трубы не заливало при подъемах Тибра, но боялся, что в текущем году эту проблему устранить не удастся, поскольку сначала

надо нанести на карту многомильную сеть труб и дренажных канав. Однако ему удалось многое исправить на акведуке Марция, считавшемся самым надежным. Начать строительство нового акведука Юлия. Водоснабжение Рима было лучшим в мире, но население города росло, а времени оставалось мало.

Агриппа был до конца человеком Октавиана, но преданным не слепо, а по наитию. Он знал слабости Октавиана и его сильные стороны и заботился о нем, как Октавиан никогда не заботился о себе. Об амбициях и речи быть не могло. В отличие почти от всех «новых людей», Агриппа ясно понимал, что это Октавиан, в силу своего высокого рождения, должен иметь власть. Его же роль — роль верного Ахата, и он всегда будет с Октавианом, который возвысит его, несмотря на скромное происхождение. Есть ли лучшая судьба, чем быть вторым человеком в Риме? Для Агриппы это было больше, чем заслуживал любой «новый человек».

Гай Цильний Меценат, тридцати лет, происходил из древнейшего этрусского рода. В его семье были правители Арретия, оживленного речного порта в излучине реки Арн, где сходятся Анниева, Кассиева и Клодиева дороги из Рима в Италийскую Галлию. По причинам, известным только ему, он отбросил свое родовое имя Цильний и стал называться просто Гай Меценат. Легкая полнота выдавала его сибаритские наклонности, хотя при необходимости он мог предпринять изнурительную поездку по поручению Октавиана. Лицом он немного напоминал лягушку, из-за бледно-голубых навывкате глаз — греки называли такую особенность экзофтальмией.

Известный остро слов и рассказчик, Меценат, как и Агриппа, обладал широким и глубоким умом, но другого свойства: он любил литературу, искусство, философию, риторику и коллекционировал не древние диковины, а новых поэтов. Агриппа шутил, что Меценат не умеет затеять пьяную драку в борделе, но знает, как ее прекратить. Более красноречивого и убедительного оратора, чем Меценат, было не найти, как и человека, более подходящего для интриг и заговоров в полумраке, за курьельным креслом. Подобно Агриппе, он связал свою судьбу с возвышением Октавиана, хотя его мотивы не были такими

чистыми, как мотивы Агриппы. Меценат был теневой фигурой, дипломатом, вершителем судеб. Он мог мгновенно выявить полезный для него изъян и своими медовыми словами нанести рану похуже, чем кинжалом. Меценат был опасный человек.

Квинт Сальвидиен, тридцати одного года, был родом из Пицена, этого рассадника демагогов и нарушителей политического спокойствия, откуда явились такие звезды, как Помпей Великий и Тит Лабиен. Но свои лавры он завоевал не на Римском форуме, а в боях. Симпатичное лицо, стройная фигура, копна ярко-рыжих волос — из-за которых получил когномен Руф — и пронизательные, зоркие голубые глаза. У него были огромные амбиции, и свою карьеру он связал с хвостом кометы Октавиана, посчитав это кратчайшим путем наверх. Время от времени пиценский нрав давал о себе знать: а не переметнуться ли ему на другую сторону, если это будет благоразумным? В планы Сальвидиена не входило оказаться на стороне проигравшего, и иногда он сомневался в том, что Октавиан обладает всем необходимым для победы в предстоящей борьбе. Благодарность не входила в число его добродетелей, а уж верность и подавно, но он скрывал это столь искусно, что Октавиан ничего такого не подозревал. Сальвидиен старался быть осторожным, но порой он опасался, не раскусил ли его Агриппа, так что в присутствии Агриппы он тщательно следил за своими словами и поступками. Что касается Мецената — кто знал, о чем догадывается этот елейный аристократ?

Тит Статилий Тавр, двадцати семи лет, был среди них наименее значительной фигурой, и потому его не посвящали подробно в планы Октавиана. Военный человек, он и выглядел соответственно: высокий, крепко сбитый, на лице следы сражений — изуродованное левое ухо, рассеченные левая бровь и щека, сломанный нос. Однако он был красивым, светловолосым, сероглазым, улыбчивым, из-за чего было трудно поверить, что он был строгим и придирчивым командиром. Он с отвращением относился к гомосексуализму и не потерпел бы этого среди своих подчиненных, какого бы происхождения они ни были. Как солдат, он стоял ниже Агриппы и Сальвидиена, но

не намного. Ему не хватало их умения импровизировать. В его верности сомнений не было, главным образом потому, что Октавиан поразил его. Неоспоримые таланты и способности Агриппы, Сальвидиена и Мецената были ничто по сравнению с гением наследника Цезаря.

— Приветствую вас, — сказал Октавиан, подходя к незанятому креслу.

Агриппа улыбнулся:

— Где ты был? Любовался госпожой Ромой, Форумом или Авентинским холмом?

— Форумом. — Октавиан налил воды, с жадностью выпил и вздохнул. — Я думал, что надо сделать, чтобы привести Рим в порядок, когда у меня будут деньги.

— Планы могут так и остаться планами, — скривив губы, заметил Меценат.

— Правильно. Все-таки, Гай, ничто даром не пропадает. То, что я спланирую сейчас, не надо будет планировать потом. Кто слышал, что собирается делать наш консул Поллион? А Вентидий?

— Прячутся в восточной части Итальянской Галлии, — ответил Меценат. — Ходят слухи, что вскоре они отправятся на Адриатическое побережье, чтобы помочь Антонию высадить на берег его легионы, скопившиеся вокруг Аполлонии. Если придется сражаться против семи легионов Поллиона, семи легионов Вентидия и десяти легионов Антония, мы обязательно проиграем.

— Я не буду воевать против Антония! — вскричал Октавиан.

— Тебе нет необходимости воевать, — усмехнулся Агриппа. — Их люди не будут драться с нашими, готов ручаться головой.

— Я согласен, — сказал Сальвидиен. — Люди уже устали вести войны, которых они не понимают. В чем для них разница между племянником Цезаря и его кузеном? Когда-то они принадлежали Цезарю. Это все, что они помнят. Благодаря привычке Цезаря перемещать своих солдат из легиона в легион они отождествляют себя с Цезарем, а не с легионом.

— Они поднимали мятежи, — упрямо напомнил Меценат.

— Только девятый легион восставал против самого Цезаря из-за дюжины продажных центурионов, которым платили дружки Помпея Магна. В остальном повинен Антоний. Это он подначивал их, и никто больше! Он спаивал центурионов и покупал их представителей. Всячески обрабатывал солдат! — с презрением бросил Агриппа. — Антоний — сущее наказание, а не политический гений. Никакой проницательности. Почему еще он хочет высадить своих людей в Италии? Это бессмысленно! Ты объявлял ему войну? Или Лепид? Он это делает, потому что боится тебя.

— Антоний не большее наказание, чем Секст Помпей Магн Пий, если называть его полным именем, — сказал Меценат и засмеялся. — Я слышал, что Секст послал папу-тестя Либона в Афины попросить Антония присоединиться к нему, чтобы сокрушить тебя.

— Как ты узнал об этом? — выпрямившись в кресле, строго спросил Октавиан.

— Как Улисс, я везде имею шпионов.

— Я тоже, но этого я не знал. И что ответил Антоний?

— Вроде как «нет». Никакого официального союза, но он не будет мешать Сексту вредить тебе.

— Как тактично с его стороны. — Красивое лицо насупилось, взгляд стал напряженный. — Хорошо, что я дал Лепиду шесть легионов и послал его управлять Африкой. Антоний слышал об этом? Мои агенты говорят, что не слышал.

— Мои тоже, — сказал Меценат. — Антонию это не понравится, Цезарь, я уверен. Когда Фангона убили, Антоний думал, что Африка уже в складке его тоги. Кто берет в расчет Лепида? Но теперь, когда новый наместник тоже мертв, Лепид выступит на сцену. С четырьмя легионами в Африке и шестью, которые он взял с собой, Лепид стал сильным игроком.

— Я знаю об этом! — резко прервал его раздраженный Октавиан. — Но Лепид ненавидит Антония больше, чем меня. Он пошлет зерно в Италию этой осенью.

— Без Сардинии нам оно необходимо, — заметил Тавр. Октавиан посмотрел на Агриппу:

— Поскольку у нас нет кораблей, нам нужно начать строить их. Агриппа, я хочу, чтобы ты сложил полномочия городского претора и объехал вокруг полуострова, от Тергесты до Лигурии. Собери хорошие, прочные военные галеры. Чтобы побить Секста, нам нужен флот.

— Чем мы за них заплатим, Цезарь? — удивился Агриппа.

— Всем, что осталось под досками.

Загадочный ответ не имел смысла для остальных троих, но был ясен Агриппе, который кивнул. «Доски» — это было кодовое слово, используемое Октавианом и Агриппой, когда они говорили о военной казне Цезаря.

— Либон привез Сексту отказ, и Секст, э-э, обиделся, не настолько, конечно, чтобы докучать Антонию, но тем не менее, — сказал Меценат. — Антоний в Афинах не сумел расположить к себе Либона, поэтому теперь Либон враг, капающий яд об Антонии в ухо Сексту.

— Что именно задело Либона? — с интересом спросил Октавиан.

— Поскольку Фульвии больше нет, я думаю, он надеялся обеспечить третьего мужа своей сестре. Существует ли лучший способ скрепить союз, чем брак? Бедный Либон! Мои шпионы говорят, что он закидывал удочку и так и эдак. Но рыба не ловилась, и Либон отправился обратно в Агригент разочарованный.

— Хм... — Золотые брови соединились, густые светлые ресницы закрыли удивительные глаза Октавиана. Вдруг он ударил себя по коленям, что-то решив. — Меценат, собирайся! Ты отправляешься в Агригент к Сексту и Либону.

— С какой целью? — спросил Меценат, недовольный поручением.

— С целью заключить перемирие с Секстом, которое позволит Италии покупать зерно этой осенью по разумной цене. Ты сделаешь все, что необходимо, чтобы выполнить поручение, это понятно?

— Даже если встанет вопрос о браке?

— Даже если.

— Ей ведь за тридцать, Цезарь. Есть дочь, Корнелия, уже достигшая брачного возраста.

— Мне все равно, сколько лет сестре Либона! Все женщины сделаны одинаково, так какая разница, сколько им лет? По крайней мере, за ней не тянется репутация шлюхи, как за Фульвией.

Никто не прокомментировал тот факт, что после двух лет брака дочь Фульвии была отослана обратно матери нетронутой. Октавиан женился на девушке, чтобы умиротворить Антония, но не прикоснулся к ней. Однако с сестрой Либона так обойтись нельзя. Октавиан вынужден будет делить с ней ложе, и желательно с результатом. В половом вопросе он был таким же ханжой, как Катон, так что стоило вознести молитву, чтобы Скрибония не оказалась безобразной или распущенной. Все смотрели в пол, выложенный плитками в шахматном порядке, делая вид, что они глухие, немые и слепые.

— Что, если Антоний попытается высадиться в Брундизии? — спросил Сальвидиен, чтобы сменить тему.

— Брундизий очень хорошо укреплен, он не пропустит в гавань за заградительную цепь ни одного транспорта с войском, — сказал Агриппа. — Я сам наблюдал за укреплением Брундизия, ты это знаешь, Сальвидиен.

— Есть другие места, где он может высадиться.

— И несомненно высадится, но не со всеми своими войсками, — спокойно заметил Октавиан. — Однако, Меценат, я жду тебя обратно из Агригента как можно скорее.

— Ветер неблагоприятный, — уныло ответил Меценат.

Кому хочется проводить часть лета в такой помойной яме, как сицилийский Агригент Секста Помпея?

— Тем лучше, скорее вернешься домой. А что касается дороги туда — гребите! Возьми шлюпку до Путеол и найми самый быстрый корабль и самых сильных гребцов, каких сможешь найти. Заплати им двойную цену. Давай, Меценат, давай!

Итак, гости разошлись. Остался только Агриппа.

— Сколько легионов, по твоим последним подсчетам, мы должны выставить против Антония?

— Десять, Цезарь. Но это не имеет значения, если бы даже у нас было три или четыре. Ни одна сторона не будет сражать-

ся. Я все время повторяю это, но все глухи, кроме тебя и Сальвидиена.

— Я услышал тебя, потому что в этом наше спасение. Я отказываюсь верить, что меня побьют, — сказал Октавиан. Он вздохнул, улыбнулся печально. — Ох, Агриппа, я надеюсь, что эту женщину Либона можно будет выносить! С женами мне не везет.

— Их выбирали для тебя другие, исходя лишь из политической целесообразности. Придет день, Цезарь, и ты сам выберешь себе жену, и она не будет ни Сервилией Ватией, ни Клодией. И думаю, ни Скрибонией Либонией, если сделка с Секстом состоится. — Агриппа кашлянул с нерешительным видом. — Меценат знал, но предоставил мне сообщить тебе новость из Афин.

— Новость? Какую?

— Фульвия вскрыла себе вены.

Октавиан долго молчал, только пристально смотрел на Большой цирк, и Агриппа подумал, что он пребывает где-то в другом мире. Цезарь весь состоял из противоречий. Даже мысленно Агриппа никогда не называл его Октавианом и первым стал обращаться к нему как к Цезарю, хотя сейчас это делали уже все его сторонники. Октавиан отличался холодностью, жесткостью, даже жестокостью. Но, глядя на него в эту минуту, было понятно, что он горюет о Фульвии, женщине, которую презирал.

— Она была частью истории Рима, — наконец проговорил Октавиан, — и заслуживала лучшего конца. Ее прах доставили домой? У нее есть гробница?

— Насколько мне известно, нет.

Октавиан встал.

— Я поговорю с Аттиком. Мы с ним устроим достойные похороны, подобающие ее положению. Ее дети от Антония совсем маленькие?

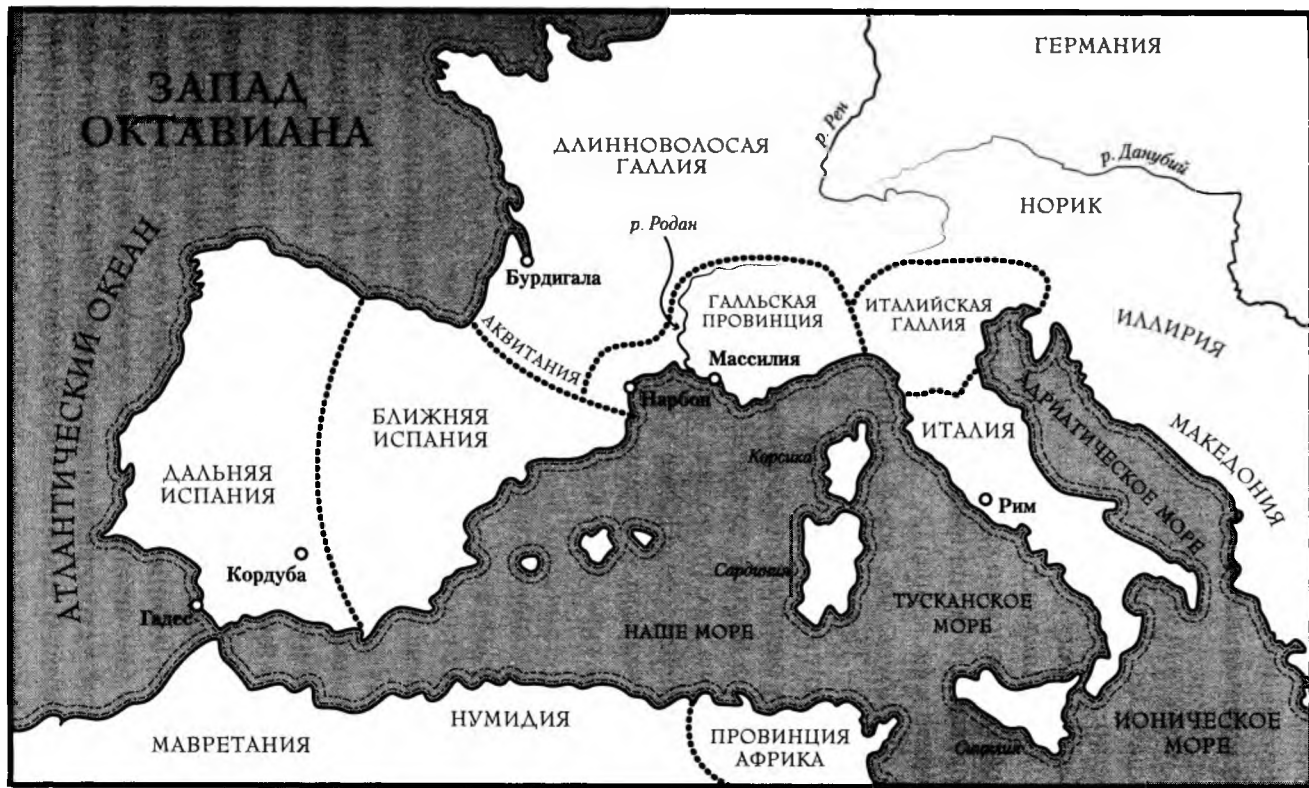
— Антиллу пять лет, а Юллу — два.

— Тогда я попрошу мою сестру присмотреть за ними. Своих троих Октавии недостаточно, она всегда присматривает еще за чьими-то детьми.

«Включая твою сводную сестру Марцию, — мрачно подумал Агриппа. — Я никогда не забуду тот день на вершине Петры, когда мы шли навстречу Бруту и Кассию, не забуду, как Гай заливался слезами, скорбя об умершей матери. Но она жива! Она — жена его сводного брата, Луция Марция Филиппа. Еще одно противоречие: он может горевать о Фульвии и в то же время делает вид, что у него нет матери. О, я знаю почему. Она лишь месяц проносила траур по отцу и завела роман с пасынком. Это можно было бы замять, если бы она не забеременела. В тот день в Петре он получил от своей сестры письмо, в котором та умоляла его понять трудное положение их матери. Но он не захотел понять. Для него Атия — шлюха, аморальная женщина, недостойная быть матерью божественного сына. Поэтому он принудил Атию и Филиппа уехать на виллу Филиппа в Мизенах и запретил им появляться в Риме. Он так и не смягчился, хотя Атия больна и ее малышка постоянно находится с детьми Октавии. Когда-нибудь все это будет его мучить, но он не понимает этого. К тому же он никогда не видел своей сводной сестры. Красивая девочка, светлая, как все в роду Юлиев, хотя ее отец такой смуглый».

Затем из Дальней Галлии пришло письмо, которое вытеснило из головы Октавиана все мысли об Антонии и его умершей жене и отложило дату свадьбы, которую организовывал для него Меценат в Агригенте.

Досточтимый Цезарь, сообщаю тебе, что мой любимый отец Квинт Фуфий Кален умер в Нарбоне. Конечно, ему было уже пятьдесят девять лет, но он ничем не болел. И вдруг упал замертво. В один миг все было кончено. Как его старший легат, я теперь отвечаю за одиннадцать легионов, расквартированных по всей Дальней Галлии: четыре легиона в Агединке, четыре в Нарбоне и три в Глане. Сейчас галлы спокойны, мой отец подавил восстание аквитанов в прошлом году, но я боюсь думать, что может случиться, если галлы узнают, что теперь легионами командует такой неопытный военачальник. Я счел нужным сообщить тебе, а не Марку Антонию, хотя Галлия находится в его ведении. Он очень далеко. Пожалуйста, пришли мне

нового наместника с необходимым военным опытом, чтобы сохранить здесь мир. Лучше скорее, поскольку мне хочется самому привезти в Рим прах отца.

Октавиан читал и перечитывал довольно смелое послание, сердце его колотилось в груди. На этот раз от радости. Наконец-то судьба ему улыбнулась! Кто бы мог поверить, что Кален умрет?

Он послал за Агриппой и спешно освободил его от обязанностей городского претора, чтобы тот мог надолго уезжать. Городской претор не имел права отсутствовать в Риме больше десяти дней подряд.

— Забудь обо всем! — крикнул Октавиан, протягивая письмо. — Прочти это и порадуйся!

— Одиннадцать легионов ветеранов! — прошептал Агриппа, сразу оценив открывающиеся возможности. — Тебе нужно прибыть в Нарбон прежде Поллиона и Вентидия. Им ближе до Нарбона, так что молись, чтобы новость до них пока не дошла. В военном деле Кален-младший не стоит и пряжки от отцовской кальцеи. — Агриппа помахал листком бумаги. — Вообрази, Цезарь! Дальняя Галлия готова покорно лечь к твоим ногам!

— Мы возьмем с собой Сальвидиена, — сказал Октавиан.

— Это разумно?

В серых глазах отразилось изумление.

— Что заставило тебя усомниться в разумности моего предложения?

— Только то, что наместник Дальней Галлии командует огромной армией. Сальвидиену это может вскружить голову. Ведь ты, я думаю, намерен отдать ему провинцию?

— Может, возьмешь Дальнюю Галлию себе? Если хочешь, она твоя.

— Нет, Цезарь, не хочу. Слишком далеко от Италии и от тебя. — Он вздохнул, пожал плечами, словно сдаваясь. — Я больше никого не могу предложить. Тавр слишком молод, что касается остальных, нельзя надеяться, что они справятся с белловаками и свевами.

— Сальвидиен справится, — уверенно сказал Октавиан, похлопав своего самого дорогого друга по руке. — Мы отправимся в Дальнюю Галлию завтра на рассвете и поедем так, как ездил мой божественный отец, — галопом в двуколках, запряженных в четыре мула. Это значит, Эмилиева дорога и Домициева дорога. Чтобы быть уверенными, что мы всегда сможем добыть свежих мулов, возьмем эскадрон германской кавалерии.

— У тебя должна быть круглосуточная охрана, Цезарь.

— Не сейчас, я слишком занят. Кроме того, у меня нет денег.

Агриппа удалился. Октавиан прошел через Палатин к спуску Виктории и к дому Гая Клавдия Марцелла-младшего, своего шурина. Неспособный и нерешительный консул в тот год, когда Цезарь перешел Рубикон, Марцелл приходился братом и кузеном двум главным ненавистникам Цезаря. Пока Цезарь воевал против Помпея Великого, он скрывался в Италии и после победы Цезаря был вознагражден, получив руку Октавии. Для Марцелла это был брак и по любви, и по расчету. Союз с семьей Цезаря означал защиту для самого Клавдия Марцелла и унаследованного им огромного состояния. Он действительно любил свою жену, бесценное сокровище. Октавия родила ему девочку, Марцеллу-старшую, мальчика, которого все называли Марцеллом, и вторую девочку, Марцеллу-младшую, известную как Целлина.

В доме было неестественно тихо. Марцелл был очень болен, и его жена, обычно мягкая, строго-настрого приказала, чтобы слуги не болтали громко и не шумели.

— Как он? — спросил Октавиан сестру, целуя ее в щеку.

— Врачи говорят, вопрос нескольких дней. Опухоль злокачественная, она разъедает его изнутри.

В больших аквамариновых глазах стояли слезы, проливавшиеся только на подушку, когда Октавия ложилась спать. Она искренне любила мужа, которого ее приемный отец выбрал с полного одобрения ее брата. Клавдии Марцеллы не были патрициями, но принадлежали к очень старинному и знатному плебейскому роду, что сделало Марцелла-младшего подходящим

мужем для женщины из рода Юлиев. А Цезарю Марцелл не нравился, и он не одобрял этой партии.

Ее красота еще больше расцвела, подумал Октавиан, жалея, что не может разделить с ней горе. Ибо хотя он и согласился на этот брак, он так и не смог примириться с человеком, который обладал его любимой Октавией. Кроме того, у Октавиана имелись планы, и смерть Марцелла-младшего могла содействовать их осуществлению. Октавия переживет эту потерю. Старше его на четыре года, она наследовала все черты Юлиев: золотистые волосы, глаза с голубизной, высокие скулы, красивый рот, а спокойствие, которое она излучала, притягивало к ней людей. Что еще важнее, она в полной мере обладала знаменитым даром большинства женщин из рода Юлиев: делать счастливыми своих мужей.

Целлина была еще грудной, Октавия сама кормила ребенка, и это удовольствие она не уступала няне. Поэтому она почти не покидала дом и часто не выходила к гостям. Как и ее брат, Октавия была очень скромна. Ни перед одним мужчиной, кроме мужа, она не оголяла грудь, чтобы покормить ребенка. Для Октавиана она была олицетворением богини Ромы, и, когда он станет неоспоримым хозяином Рима, он поставит ее статуи в общественных местах — неслыханная честь для женщины.

— Можно мне увидеть Марцелла? — спросил Октавиан.

— Он не хочет никого видеть, даже тебя. — Она поморщилась. — Это гордость, Цезарь, гордость щепетильного человека. В его комнате неприятно пахнет, сколько бы слуги ни убрали и ни жгли благовоний. Врачи называют это запахом смерти и говорят, что его не истребить.

Он обнял ее, поцеловал ее волосы:

— Сестричка, любимая, могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

— Ничем, Цезарь. Ты утешаешь меня, но ничто уже не утешит его.

Ну что ж, тогда никаких нежностей.

— Я должен уехать, наверно, на месяц, — сообщил Октавиан.

Октавия ахнула:

— Вот как! Ты должен? Да ведь он и полмесяца не протянет!

— Да, должен.

— Кто же организует похороны? Выберет похоронную контору? Найдет нужного человека для надгробной речи? Наша семья стала такой маленькой! Войны, убийства... Может быть, Меценат?

— Он в Агригенте.

— Тогда кто? Домиций Кальвин? Сервилий Ватия?

Он взял ее за подбородок, поднял голову, посмотрел ей в глаза, не скрывая боли, и медленно произнес:

— Думаю, это будет Луций Марций Филипп. Я бы этого не хотел, но он единственный, кто не вызовет толков в Риме. Поскольку никто не верит, что наша мать мертва, какое это имеет значение? Я напишу ему и скажу, что ему разрешено возвратиться в Рим и поселиться в доме своего отца.

— У него может появиться желание бросить эдикт тебе в лицо.

— Хм! Он подчинится! Он соблазнил мать триумвира Цезаря, божественного сына! И только она спасла его шкуру. О, как бы я хотел состряпать дело об измене и угостить этим его эпикурейское небо! Даже мое терпение имеет границы, и ему это хорошо известно. Он подчинится, — повторил Октавиан.

— Хочешь познакомиться с маленькой Марцией? — дрожащим голосом спросила Октавия. — Она такая милая, Цезарь, правда!

— Нет, не хочу, — резко ответил Октавиан.

— Но она наша сестра! Мы одной крови, Цезарь, даже со стороны Марциев. Бабушка божественного Юлия была Марцией.

— Будь она хоть Юнона, мне все равно! — в ярости крикнул Октавиан и вышел из комнаты.

Милый, милый брат! Ушел, а она даже не успела сказать ему, что на некоторое время два мальчика Фульвии от Антония будут жить с ее детьми. Когда она отправилась проведать их, то была потрясена: за детьми никто не присматривал, а десятилетний Курион совсем одичал. У нее не было возможности

взять Куриона под свое крыло и приручить, но она могла забрать Антиллу и Юлла просто из сострадания. Бедная, бедная Фульвия! Дух демагога Римского форума вселился в тело женщины. Подруга Октавии Пилия утверждала, что Антоний избил Фульвию в Афинах, даже пинал ее ногами, но Октавия не могла этому поверить. В конце концов, она хорошо знала Антония, он ей очень нравился. Частично ее симпатия объяснялась тем фактом, что он разительно отличался от ее окружения. Порой бывает скучно общаться только с умными, утонченными, сдержанными мужчинами. Жить с Антонием, наверное, рискованно, но бить свою жену? Нет, он никогда бы этого не сделал! Никогда.

Она вернулась в детскую и тихо поплакала там, стараясь, чтобы Марцелла, Марцелл и Антилл, уже достаточно большие, не увидели ее слез. Успокаиваясь, она подумала, как все же будет замечательно, если мама вернется! Мама так страдала от боли в костях, что вынуждена была отослать маленькую Марцию в Рим к Октавии, но скоро она будет жить совсем рядом и сможет видаться со своими дочерьми. Только когда брат Цезарь все поймет? И поймет ли когда-нибудь? Почему-то Октавия так не думала. Он был твердо убежден, что поступок мамы простить нельзя.

Потом она вспомнила о Марцелле и сразу пошла в его комнату. Женившись на Октавии в сорок пять лет, он был в расцвете сил, худощавый, сильный, образованный, внешне напоминавший Цезаря. Жесткость, свойственная мужчинам из рода Юлиев, совершенно отсутствовала в нем, хотя ему были присущи определенная хитрость, уклончивость, позволившая ему остаться в стороне, когда вся Италия сходила с ума из-за божественного Юлия, а потом и заключить выгоднейший брак, который ввел его в лагерь сторонников Цезаря и при том без потерь. За это он должен был благодарить Антония, и он никогда этого не забывал. Поэтому Октавия знала Антония, часто бывавшего у них.

Теперь эта красивая двадцатисемилетняя жена вглядывалась в недвижимое лицо мужа, которого болезнь иссушила, изгрызла, съела изнутри. Его любимый раб Адмет сидел возле

кровати, держа исхудавшую руку Марцелла, но, когда вошла Октавия, Адмет быстро поднялся и уступил ей место.

— Как он? — прошептала она.

— Спит после макового сиропа, *domina*. К несчастью, это единственное средство унять боль, которая туманит рассудок.

— Я знаю, — сказала Октавия, усаживаясь. — Поешь и поспи. Твоя смена может наступить быстрее, чем ты думаешь. Если бы он разрешил кому-нибудь еще дежурить возле него! Но он не хочет.

— Если бы я умирал так медленно и мучительно, *domina*, я бы желал, открывая глаза, видеть лицо, которое хочу.

— Точно так, Адмет. А теперь, пожалуйста, иди. Поешь и поспи. Он сказал мне, что освобождает тебя в своем завещании. Ты будешь Гаем Клавдием Адметом, но я надеюсь, ты останешься со мной.

От волнения молодой грек ничего не смог сказать, только поцеловал руку Октавии.

Проходили часы, молчание нарушилось, лишь когда няня принесла Целлину для кормления. К счастью, она была спокойным ребенком, не плакала громко, даже если была голодна. Марцелл продолжал пребывать в забытьи.

Вдруг он пошевелился, открыл мутные глаза, прояснившись, когда он увидел жену.

— Октавия, любовь моя! — прохрипел он.

— Марцелл, любимый, — радостно улыбаясь, сказала она и поднялась, чтобы взять кубок со сладким вином, разбавленным водой.

Он чуть отпил его через соломинку. Затем она принесла таз с водой и полотенце. Сняла простыню с его тела, от которого остались только кожа да кости, убрала грязную пеленку и стала мыть его легкими движениями, тихо разговаривая с мужем. Где бы она ни находилась в комнате, его глаза, полные любви, следовали за ней.

— Старики не должны жениться на молодых девушках, — прошептал он.

— Я не согласна. Если молоденькие девушки выходят замуж за молодых людей, они никогда не взростеют и ничему

не учатся, кроме банальных вещей, потому что оба они зеленые. — Она убрала таз. — Вот! Теперь хорошо?

— Да, — соврал он, потом вдруг тело его забилося в конвульсиях, зубы сжались. — О Юпитер, Юпитер! Какая боль! Мой сироп, где мой сироп?

Она дала ему маковый сироп и снова села, глядя, как он засыпает, до тех пор пока не пришел Адмет сменить ее.

Меценату легко было выполнить поручение Октавиана, потому что Секст Помпей обиделся на Марка Антония. «Пират», ну и ну! Не против ненадежного тайного сговора, чтобы подразнить Октавиана, но не желает публично объявить об их союзе! Секст Помпей не считал себя пиратом, ни в коем случае! Однажды осознав, что любит море и хочет командовать тремя-четырьмя сотнями военных кораблей, он видел себя Цезарем водной стихии, не проигрывающим сражений. Да, непобедимый на море и грозный претендент на титул Первого человека в Риме. Но Антоний и Октавиан были еще более грозными соперниками. Он хотел заключить союз с одним из них против другого, чтобы уменьшить число соперников с трех до двух. В действительности он ни разу не видел Антония, Секста даже не было в толпе у дверей сената, когда Антоний громил в своей речи республиканцев, действуя в интересах Цезаря, как плебейский трибун. У шестнадцатилетнего юноши были занятия поинтереснее, а политикой Секст не увлекался ни тогда, ни сейчас. Но вот с Октавианом он однажды встретился в небольшом порту на «подъеме» италийского «сапога» и разглядел опасного противника под маской симпатичного юноши двадцати лет против его двадцати пяти. Первое, что поразило его в Октавиане, — он увидел человека, рожденного идти против правил, который тем не менее никогда не поставит себя в такое положение, чтобы его могли объявить вне закона. Они обсудили кое-какие вопросы, затем Октавиан возобновил свой поход в Брундизий, а Секст уплыл. С тех пор расстановка сил изменилась. Брут и Кассий были разбиты и мертвы, мир принадлежал триумвирам.

Секст не мог поверить в близорукость Антония, который решил сосредоточиться на Востоке. Любой мало-мальски со-

ображающий человек понимает, что Восток — это ловушка, золотая наживка на ужасном, зазубренном крючке. Власть над миром будет принадлежать тому, кто контролирует Запад и Италию, а это Октавиан. Конечно, здесь приходится выполнять самую тяжелую работу, совершенно непопулярную, поэтому Лепид удрал в Африку с шестью легионами Луция Антония и стал ждать развития событий, попутно набирая войско. Еще один дурак. Да, больше всех бояться надо Октавиана, потому что он не уклоняется от трудной работы.

Если бы Антоний согласился заключить союз, он облегчил бы Сексту задачу стать Первым человеком в Риме. Но нет, он отказался объединяться с пиратом!

— Значит, пусть все остается как есть, — сказал Секст Либону. Синие глаза его словно застыли. — Просто понадобится больше времени, чтобы одолеть Октавиана.

— Дорогой мой Секст, ты никогда не одолеешь Октавиана, — сказал Меценат, появившись в Агригенте несколько дней спустя. — У него нет слабостей, на которых ты мог бы сыграть.

— *Gerrae!* — огрызнулся Секст. — Начать с того, что у него нет кораблей и нет способных флотоводцев. Вообрази, посылать такого изнеженного грека-вольноотпущенника, как Гелен, чтобы отобрать у меня Сардинию! Кстати, этот человек здесь. Он цел и невредим. Корабли и флотоводцы — это уже два слабых места. У него нет денег — это третье. Повсюду враги — это четвертое. Мне продолжать?

— Это не слабые места, это просто нехватка, — ответил Меценат, запихивая в рот креветки. — О, они великолепны! Почему они намного вкуснее тех, что я ем в Риме?

— В грязной воде больше питательных веществ.

— Ты много знаешь о море.

— Достаточно, чтобы понимать: Октавиан не сумеет победить меня на море, даже если найдет несколько кораблей. Ведение морского боя — это искусство, в котором мне нет равных за всю историю Рима. Мой брат Гней был отличным моряком, но до меня ему далеко.

Секст самодовольно откинулся в кресле.

«Что происходит с нынешним поколением молодых людей? — с удивлением спросил себя Меценат. — В школе нас учили, что никогда не будет другого Сципиона Африканского и другого Сципиона Эмилиана, но их разделяли поколения, и каждый из них был уникален в свое время. Сегодня все не так. Молодым людям выпал шанс показать, на что они способны, потому что столько сорокалетних и пятидесятилетних погибли или отправились в вечную ссылку. Этому субъекту нет и тридцати».

Вдоволь налюбовавшись собой, Секст вернулся к действительности.

— Должен сказать, Меценат, я разочарован, что твой хозяин не приехал лично со мной встретиться. Слишком важный, да?

— Нет, уверяю тебя, — ответил Меценат самым елейным голосом, на какой был способен. — Он передает тебе самые искренние извинения, но кое-какие события в Дальней Галлии потребовали его присутствия там.

— Да, я узнал об этом, наверное, даже раньше его. Дальняя Галлия! Какой рог изобилия будет принадлежать ему! Лучшие легионы ветеранов, зерно, ветчина и солонина, сахарная свекла... Не говоря уже о сухопутном маршруте в обе Испании, хотя Итальянской Галлии он еще не получил. Без сомнения, он получит ее, когда Поллион решит надеть свои консульские регалии, хотя слух идет, что это случится не сейчас. Еще говорят, что Поллион ведет семь легионов по Адриатическому побережью, чтобы помочь Антонию, когда он высадится в Брундизии.

Меценат удивился:

— Разве Антонию нужна военная помощь, чтобы высадиться в Италии? Как старший триумвир, он свободно может передвигаться повсюду.

— Но не в Брундизии. Почему жители Брундизия так ненавидят Антония? Они готовы плюнуть на его прах.

— Он очень жестоко обошелся с ними, когда божественный Юлий поручил ему переправить остальные легионы через Адриатику за год до Фарсала, — объяснил Меценат, не

обращая внимания на то, как потемнело лицо Секста при упоминании о битве, в которой его отец потерпел поражение, изменившее мир. — Антоний бывает безрассудным, а когда божественный Юлий дышал ему в спину, это проявлялось особенно сильно. Кроме того, военная дисциплина у него всегда хромала. Он позволил легионерам насиловать и грабить. Затем, когда божественный Юлий сделал его начальником конницы, он выместил свою обиду на Брундизий на горожанах.

— Тогда понятно, — усмехнулся Секст. — Однако, когда триумвир берет с собой всю армию, это похоже на вторжение.

— Демонстрация силы, знак императору Цезарю...

— Кому?

— Императору Цезарю. Мы не зовем его Октавианом. И Рим тоже не зовет. — Меценат сделался очень серьезным. — Может, поэтому Поллион и не вернулся в Рим, даже в качестве избранного младшего консула.

— Вот менее приятная новость для императора Цезаря, чем Дальняя Галлия, — язвительно заметил Секст. — Поллион переманил Агенобарба на сторону Антония. Это не понравится императору Цезарю!

— Ох, стороны, стороны, — воскликнул Меценат, но как-то равнодушно. — Единственная сторона — это Рим. Агенобарб — горячая голова, Секст, тебе это хорошо известно. Он сам по себе и с удовольствием бороздит свой участок моря, считая себя Нептуном. Не означает ли это, что и у тебя в будущем прибавится забот с Агенобарбом?

— Не знаю, — ответил Секст с непроницаемым лицом.

— Ближе к делу. Многоглазая и многоязыкая молва говорит, что ты не ладишь с Луцием Стаем Мурком, — сказал Меценат, демонстрируя свою осведомленность собеседнику, неспособному это оценить.

— Мурк хочет командовать на равных правах, — вырвалось у Секста.

Это было характерно для Мецената: он усыплял бдительность слушателей, и его начинали воспринимать не как ставленника Октавиана, а как достойного доверия собеседника.

Досадуя на свою неосторожность, Секст попытался исправить ошибку:

— Конечно, он не может разделить со мной командование, поскольку я в это не верю. Я добился успеха, потому что сам принимаю все решения. Мурк — апулийский козопас, который возомнил себя римским аристократом.

«Глядите-ка, кто это говорит, — подумал Меценат. — Знает, прощай, Мурк, да? К этому времени в следующем году он будет мертв, обвиненный в каком-нибудь проступке. Этот высокомерный молодой негодяй не терпит равных, отсюда его пристрастие к флотоводцам-вольноотпущенникам. Его роман с Агенобарбом продлится лишь до тех пор, пока Агенобарб не назовет его пиценским выскочкой».

Вся полезная информация получена, но он здесь не для этого. Наевшись креветок и выудив все новости, Меценат перешел к своему главному заданию — убедить Секста Помпея помочь Октавиану и Италии. Для Италии это означает наполнить желудки. Для Октавиана — сохранить то, что имеет.

— Секст Помпей, — очень серьезно начал Меценат два дня спустя, — не мое дело судить тебя или кого-то еще. Но ты не можешь отрицать, что крысы Сицилии питаются лучше, чем народ Италии, твоей страны, от Пицена, Умбрии и Этрурии до Бруттия и Калабрии. И твоего города, который твой отец украшал долгие годы. За шесть лет после сражения у Мунды ты нажил тысячи миллионов сестерциев, перепродавая пшеницу, значит это не вопрос денег. Но если это вопрос возвращения гражданства и восстановления тебя в правах, то ты, конечно, понимаешь, что тебе потребуются мощные союзники в Риме. Фактически есть только два человека, имеющие власть, необходимую, чтобы помочь тебе, — Марк Антоний и император Цезарь. Почему ты так уверен, что это должен быть Антоний, менее разумный и, если можно так сказать, менее надежный человек, чем император Цезарь? Антоний назвал тебя пиратом, не захотел слушать Луция Либона, которого ты прислал с предложением союза. А сейчас такое предложение делает император Цезарь. Не говорит ли это о его искренности,

его заинтересованности, его желаний помочь тебе? От императора Цезаря ты не услышишь обвинений в пиратстве. Встань на его сторону! Антонию ты не нужен, и это неоспоримо. Если необходимо выбрать чью-либо сторону, тогда делай правильный выбор.

— Хорошо, — сердито сказал Секст. — Я встану на сторону Октавиана. Но я требую конкретных гарантий, что он замолвит за меня слово в сенате и в комициях.

— Император Цезарь сделает это. Какое свидетельство его доброй воли удовлетворит тебя?

— Как он относится к возможности породниться?

— Он будет очень рад.

— Я так понимаю, что жены у него нет?

— Нет. Все его помолвки и браки остались фиктивными.

Он понимал, что дочери проституток могут сами стать проститутками.

— Надеюсь, этот брак не будет фиктивным. У моего тестя Луция Либона есть сестра, вдова, весьма уважаемая. Вы можете рассмотреть ее кандидатуру.

Выпученные глаза выкатились еще больше, словно это предложение стало приятным сюрпризом.

— Секст Помпей, император Цезарь сочтет это за честь! Кое-что я знаю о ней, и только положительное.

— Если брак состоится, я буду пропускать корабли с африканским зерном. И продавать всем агентам Октавиана мою пшеницу по тринадцать сестерциев за модий.

— Несчастливое число.

Секст усмехнулся:

— Для Октавиана — может быть, но не для меня.

— Никогда нельзя быть уверенным, — мягко заметил Меченат.

Октавиан встретился со Скрибонией, и она втайне ему понравилась, хотя те несколько человек, которые присутствовали на свадьбе, ни за что не догадались бы об этом по его серьезному виду и осторожным глазам, никогда не выдававшим чувств. Да, он был доволен. Скрибония не выглядела на тридцать три, она казалась его ровесницей, а ему скоро исполнится

двадцать три года. Темно-каштановые волосы, карие глаза, гладкая кожа, чистая и молочно-белая, приятное лицо, отличная фигура. На ней не было ничего огненного и шафранового, подобающего невесте-девушке. Она выбрала розовый цвет, несколько слоев газа поверх светло-вишневого платья. Те немногие слова, которыми они обменялись на церемонии, показали, что она не робкая, но и не болтушка, а из их последующего разговора он понял, что она начитанна, образованна и на греческом говорит лучше, чем он. Единственным качеством, которое его встревожило, стало ее чувство юмора. Сам начисто лишенный остроумия, Октавиан побаивался тех, кто обладал им, особенно женщин. Откуда ему знать, что они смеются не над ним? Но Скрибония вряд ли нашла бы смешным или забавным своего высокородного мужа, божественного сына.

— Мне жаль, что я разлучаю тебя с отцом, — сказал Октавиан.

Глаза ее заблестели.

— А мне, Цезарь, не жаль. Он старый зануда.

— Действительно? — удивился Октавиан. — Я всегда считал, что расставание с отцом — это удар для дочери.

— Этот удар я вынесла уже дважды, Цезарь, и каждый раз он был слабее. В данном случае это скорее похлопывание, чем удар. Кроме того, я никогда не думала, что мой третий муж будет красивым молодым человеком. — Она хихикнула. — Лучшее, на что я надеялась, — это на восьмидесятилетнего бойкого старичка.

— О-о! — Вот все, что ему удалось произнести.

— Я слышала, что твой зять Гай Марцелл-младший умер, — сказала она, сжалившись над ним. — Когда лучше выразить соболезнование твоей сестре?

— Октавия сожалеет, что не смогла быть на нашей свадьбе, но она очень горюет. Даже слишком. На мой взгляд, эмоциональная несдержанность не совсем прилична.

— О, это не так, — мягко возразила Скрибония.

К этому моменту она лучше узнала его, и открывшееся ее тревожило. Почему-то она представляла себе Цезаря кем-то

вроде Секста Помпея — дерзким, высокомерным, дурно пахнущим самцом. А вместо этого перед ней предстал хладнокровный почтенный консуляр, да к тому же красивый, и она подозревала, что эта красота не будет давать ей покоя. Взгляд его светящихся серебристых глаз завораживал, но в них не было желаний. Для него это тоже был третий брак, и, если судить по тому, что прежних двух жен он отослал обратно их матерям нетронутыми, это были политические браки, заключенные по необходимости, и жены как бы «находились на хранении», чтобы возвратить их в том же виде, в каком они были получены. По поводу их свадьбы отец Скрибонии заключил пари с Секстом Помпеем: Секст утверждал, что Октавиан не пойдет на этот шаг, а Либон считал, что Октавиан женится ради народа Италии. Так что, если брак не будет фиктивным да еще появится тому доказательство, Либон получит кругленькую сумму. Новость о пари вызвала у нее дикий хохот, но она уже достаточно знала Октавиана, чтобы не решиться рассказать ему об этом. Странно. Его дядя божественный Юлий посмеялся бы с ней вместе. Но в племяннике не было ни искры юмора.

— Ты можешь посетить Октавию в любое время, — сказал он ей. — Но будь готова к слезам и детям.

Вот и все фразы, которыми они обменялись, прежде чем новые служанки положили ее в мужнюю постель.

Дом был очень большой и отделанный мрамором великолепной расцветки, но его новый хозяин не позаботился обставить комнаты надлежащим образом или повесить картины на стенах в местах, явно предназначенных для них. Кровать оказалась очень маленькой для столь огромной спальни. Скрибония не знала, что Гортензий ненавидел комнатухи, в которых спали римляне, поэтому сделал свою спальню по размеру равной кабинету в римском доме.

— Завтра твои слуги устроят тебя в твоих покоях, — сказал он, ложась в полной темноте.

На пороге он задул свечу. Это стало первым свидетельством его врожденной стеснительности, от которой ей будет трудно его избавить. Уже разделив супружеское ложе с двумя

другими мужчинами, она ожидала нетерпеливого бормотания, тычков, щипков — приемов, видимо имевших целью возбудить в ней желание, в чем ни один из мужей не преуспел.

Но ничего подобного Цезарь не делал (она не должна, не должна, не должна забывать называть его Цезарем!). Кровать была слишком узкой, и Скрибония не могла не чувствовать его обнаженное тело рядом, но он не пытался ее ласкать. Внезапно он забрался на нее, коленями раздвинул ей ноги и вошел в ее прискорбно сухую вагину — настолько она была не готова к этому. Но его это не смутило, он усердно задвигался, молча испытал оргазм, потом вынул пенис, встал с кровати и, пробормотав, что он должен вымыться, ушел. Да так и не вернулся. Скрибония осталась лежать, ничего не понимая, потом позвала служанку и велела зажечь свет.

Он сидел в кабинете за выдавшим виды столом, заваленным свитками, с листами бумаги под правой рукой, в которой он держал простое, ничем не украшенное тростниковое перо. Перо ее отца Либона было вставлено в золотой корпус с жемчужиной на конце. Но Октавиана-Цезаря, ясное дело, не интересовали такие вещи.

— Муж мой, ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Скрибония.

Он поднял голову при появлении еще одного источника света и на этот раз встретил ее самой очаровательной улыбкой, какую она когда-либо видела.

— Да, — ответил он.

— Я разочаровала тебя? — спросила она.

— Совсем нет. Ты была очень мила.

— Ты часто так делаешь?

— Делаю что?

— Гм, работаешь, вместо того чтобы спать.

— Все время. Я люблю покой и тишину.

— А я тебе помешала. Извини. Я больше не буду.

Он опустил голову:

— Спокойной ночи, Скрибония.

Только спустя несколько часов он снова поднял голову, вспомнив ту краткую беседу. И подумал с огромным облегчением, что новая жена ему нравится. Она чувствовала границы, и, если она забеременеет, союз с Секстом Помпеем состоится.

Октавия оказалась совсем не такой, какой Скрибония ожидала ее увидеть, когда отправилась выразить соболезнование. К ее удивлению, она нашла свою новую золовку улыбочливой и веселой. Удивление отразилось в ее глазах, ибо Октавия засмеялась, усаживая гостью в удобное кресло.

— Маленький Гай сказал тебе, что я сама не своя от горя.

— Маленький Гай?

— Цезарь. Я не могу избавиться от привычки называть его маленьким Гаем, потому что помню его таким — милым маленьким мальчиком, который везде топал за мной и постоянно надоедал.

— Ты очень любишь его.

— До безумия. Но теперь он стал таким великим и важным, что «старшая сестра» и «маленький Гай» говорить стало неудобно. Ты кажешься умной женщиной, поэтому я верю, что ты не передашь ему мои слова.

— Я немая и слепая. А еще глухая.

— Жаль, что у него не было настоящего детства. Астма так мучила его, что он не мог общаться с другими мальчиками или обучаться военному делу на Марсовом поле.

Скрибония была озадачена.

— Астма? А что это такое?

— Он дышит со свистом, пока не почернеет лицом. Иногда он почти умирает. О, как страшно это видеть! — Октавия будто снова пережила этот ужас. — Хуже всего, когда в воздухе пыль или когда он находится около лошадей либо возле измельченной соломы. Поэтому Марк Антоний смог сказать, что маленький Гай спрятался в болотах у Филипп и не внес вклада в победу. Правда в том, что была ужасная засуха. А на поле сражения стояло сплошное облако пыли и росла сухая трава — верная смерть для него. Единственное место, где маленький

Гай мог найти спасение, — это болота между равниной и морем. Для него слышать, что он избегал сражения, — большее горе, чем для меня потеря Марцелла. Мне нелегко говорить это, поверь мне.

— Но люди поняли бы, если бы знали! — воскликнула Скрибония. — Я тоже слышала об этом и думала, что это правда. Разве Цезарь не мог опубликовать памфлет или как-то еще довести это до сведения народа?

— Ему не позволяет гордость. К тому же это было бы неразумно. Люди не хотят иметь старших магистратов, которым грозит ранняя смерть. Кроме того, Антоний первый распустил этот слух, — печально объяснила Октавия. — Он неплохой человек, но у него отменное здоровье, и он не терпит болезненных и слабых. Для Антония астма — это притворство, предлог оправдать трусость. Мы все родственники, но все мы разные, а маленький Гай очень отличается от других. Он постоянно в напряжении. И астма — следствие этого, как сказал египетский врач, который лечил божественного Юлия.

Скрибония вздрогнула:

— Что мне делать, если случится приступ?

— Возможно, этого больше и не будет, — сказала Октавия, сразу поняв, что ее новая невестка влюбилась в маленького Гая. Она не могла этого предотвратить, но это обязательно приведет к горькому разочарованию. Скрибония была приятной женщиной, но неспособной увлечь ни маленького Гая, ни императора Цезаря. — В Риме он обычно дышит нормально, если нет засухи. Этот год спокойный. Я не волнуюсь о нем, пока он здесь, и ты тоже не должна волноваться. Он знает, что делать, если ему станет плохо, и при нем всегда Агриппа.

— Это тот суровый молодой человек, который стоял рядом с ним на нашей свадьбе?

— Да. Они совсем не похожи, — произнесла Октавия с видом человека, разгадавшего головоломку. — Между ними нет соперничества. Агриппа словно заполнил пустоты в маленьком Гае. Иногда, когда дети особенно непослушны, я жалею, что не могу раздвоиться. Но маленькому Гаю это удастся. У него есть Марк Агриппа. Это его вторая половина.

Прежде чем покинуть дом Октавии, Скрибония увидела детей, за которыми Октавия присматривала, как за родными, и узнала, что в следующий раз она познакомится с Атией, своей свекровью. Скрибония узнавала все больше секретов этой необычной семьи. Как мог Цезарь делать вид, что его мать умерла? Сколь же велики его гордость и высокомерие, если он не сумел извинить вполне понятную оплошность безупречной в других отношениях женщины? По мнению Октавиана, мать императора Цезаря, божественного сына, не могла иметь недостатков. Это ясно свидетельствовало о том, чего он ждет от своей жены. Бедные Сервилия Ватия и Клодия, обе девственницы, но их матери оказались небезупречны, как и его мать. Он предпочел бы, чтобы Атия умерла, чем служила живым доказательством его позора.

Идя домой в сопровождении двух огромных, сильных охранников-германцев, она все представляла себе его лицо. Сможет ли она сделать так, чтобы он полюбил ее? О, если бы это удалось! «Завтра, — решила она, — я принесу жертву Юноне Соспите, чтобы забеременеть, и Венере Эрруине, чтобы я понравилась ему в постели, и Благой Богине, чтобы между нами была сексуальная гармония, и Вейовису на случай, если меня ждет разочарование. И еще богине надежды Спес».

7

Октавиан был в Риме, когда из Брундизия пришло письмо с сообщением, что Марк Антоний с двумя легионами попытался войти в городскую гавань, но его не пустили. Цепь была поднята, на бастионах стояли люди. Жителей Брундизия не интересовало, каким статусом обладает это чудовище Антоний и приказывал ли сенат впустить его. Пусть он войдет в Италию в любом другом месте, какое ему нравится, но не через Брундизий. Поскольку, помимо Брундизия, единственным портом в этом регионе, способным разместить два легиона, оказался Тарент по другую сторону

«каблука», расстроенный и разгневанный Антоний вынужден был высадить своих людей в значительно меньших портах вокруг Брундизия, таким образом рассеяв их.

— Наверное, он отправился в Анкону, — сказал Октавиан Агриппе. — Там он мог бы соединиться с Поллионом и Вентидием и сразу двинуться на Рим.

— Если бы он был уверен в Поллионе, то так и сделал бы, — ответил Агриппа, — но он не уверен.

— Значит, ты считаешь, что письмо Планка — свидетельство сомнений и недовольства? — помахал листком бумаги Октавиан.

— Да, я так считаю.

— Я тоже, — усмехнулся Октавиан. — Планк сейчас в затруднении: он предпочитает Антония, но хочет сохранить шанс в случае необходимости переметнуться на нашу сторону.

— У тебя вокруг Брундизия столько легионов, что Антоний не сможет снова собрать своих людей, пока не прибудет Поллион, а мои шпионы говорят, что этого не произойдет по крайней мере еще нундину.

— Нам как раз хватит времени дойти до Брундизия, Агриппа. Наши легионы размещены по ту сторону Минуциевой дороги?

— Размещены идеально. Если Поллион захочет избежать сражения, он пойдет к Беневенту и по Аппиевой дороге.

Октавиан положил перо в держатель, собрал бумаги — переписку с правительственными органами и частными лицами, проекты законов и подробные карты Италии — в аккуратную стопку и поднялся.

— Тогда отправляемся в Брундизий, — сказал он. — Надеюсь, Меценат и мой Нерва готовы? А как насчет того, который сохраняет нейтралитет?

— Если бы ты не похоронил себя под грудой бумаг, Цезарь, ты знал бы, — сказал Агриппа тоном, каким только он мог говорить с Октавианом. — Они готовы уже несколько дней. И Меценат уговорил нейтрального Нерву поехать с нами.

— Отлично!

— Почему он так важен, Цезарь?

— Ну, после того как один брат выбрал Антония, а другой — меня, его нейтралитет стал единственным способом сохранить фракцию Кокцея, если Антоний и я столкнемся. Нерва Антония умер в Сирии, и это лишило Антония сторонника. Образовалась вакансия, и Луцию Нерве пришлось попотеть в раздумьях, имеет ли он право занять ее. В конце концов он сказал «нет», хотя и меня не выбрал. — Октавиан ухмыльнулся. — Имея властную жену, он привязан к Риму, поэтому сохраняет нейтралитет.

— Все это я знаю, но напрашивается вопрос.

— Ты получишь ответ, если моя схема сработает.

Вскочить с удобного афинского ложа Марка Антония заставило письмо Октавиана.

Дорогой мой Антоний, с большим сожалением передаю тебе новость, только что полученную мной из Дальней Испании. Твой брат Луций умер в Кордубе, недолго пробыв наместником. Судя по многим сообщениям, которые я читал, он просто умер на месте. Его кончина была безболезненной, и ей не предшествовала продолжительная болезнь. Врачи говорят, что смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг. Его кремировали в Кордубе, а прах был прислан мне вместе с документами, которые полностью удовлетворили меня во всех отношениях. Прах и бумаги будут у меня до твоего приезда. Пожалуйста, прими мои искренние соболезнования.

Письмо было запечатано кольцом божественного Юлия с изображением сфинкса.

Конечно, Антоний не поверил ни единому слову, кроме того факта, что Луций умер. В тот же день он отправился в Патры. На запад Македонии полетели приказы немедленно погрузить на корабли два легиона, находившихся в Аполлонии. Другие восемь легионов должны быть готовы к отправке в Брундизий по его приказу.

Невыносимо, что Октавиан первый узнал о смерти Луция! И почему до этого письма он ничего не слышал о кончине брата? Антоний читал это послание, как брошенный ему вызов: прах твоего брата в Риме — приди и возьми его, если посмеешь!

Посмеет ли он? Он клянется Юпитером Всеблагим Всесильным и всеми богами, что посмеет!

Письмо от Планка Октавиану, содержащее столь важные сведения, было спешно отправлено из Патр, где разъяренный Антоний вынужден был ждать подтверждения, что его два легиона в пути. Письмо ушло (если бы Антоний знал о его содержании, оно не было бы отправлено) вместе с коротким приказом Поллиону привести его легионы по Адриатической дороге. В настоящий момент они находились в прибрежном городе Фан-Фортуна, откуда Поллион мог двинуться на Рим по Фламиниевой дороге или, придерживаясь берега, дойти до Брундизия. Испуганный Планк уговорил Антония взять его на корабль, полагая, что у него больше шансов ускользнуть от Октавиана на италийской земле. Теперь он очень жалел, что послал то письмо: разве можно быть уверенным, что Октавиан не передаст его содержания Антонию?

Чувство вины сделало Планка раздражительным, беспокойным компаньоном во время плавания, поэтому, когда посреди Адриатического моря показался флот Гнея Домиция Агенобарба, Планк запачкал свою набедренную повязку и почти потерял сознание.

— Антоний, мы погибли! — простонал он.

— От руки Агенобарба? Никогда! — ответил Антоний, раздув ноздри. — Планк, мне кажется, ты обделался!

Планк убежал, оставив Антония ждать прибытия лодки, которая направлялась к его кораблю. Его собственный штандарт продолжал развеваться на мачте, но Агенобарб свой штандарт опустил.

Маленький и толстый, смуглый и лысый, Агенобарб поднялся по веревочной лестнице и направился к Антонию с улыбкой от уха до уха.

— Наконец-то! — крикнул он, обнимая Антония. — Ты идешь на это маленькое насекомое по имени Октавиан, не правда ли? Пожалуйста, скажи, что это так!

— Это так, — ответил Антоний. — Пусть он подавится своим дерьмом! Планк только что обделался при виде твоих кораблей, а я считаю его смелее Октавиана. Ты знаешь, что сде-

дал Октавиан, Агенобарб? Он убил Луция в Дальней Испании, а потом нагло сообщил мне в письме, что прах Луция у него! Он намекает, что мне слабо забрать у него прах! Он что, сумасшедший?

— Я до конца твой человек, — хрипло проговорил Агенобарб. — Мой флот — твой.

— Хорошо, — сказал Антоний, высвобождаясь из крепких объятий. — Мне может понадобится большой военный корабль с могучим бронзовым тараном, чтобы разорвать цепь у входа в гавань Брундизия.

Но даже огромный корабль с носом в двадцать талантов бронзы не смог бы разорвать цепь, натянутую через вход в гавань; впрочем, у Агенобарба не было и вполтину меньшего корабля. Цепь была закреплена на двух цементных столбах, усиленных железными стержнями, и каждое бронзовое звено имело толщину шесть дюймов. Антоний и Агенобарб никогда не видели ни столь исполинского барьера, ни населения, так ликующего при виде их напрасных попыток разорвать цепь. Пока женщины и дети радостно кричали и смеялись над тщетными попытками Антония, мужское население Брундизия обрушило на боевую квинквирему Агенобарба убийственный град пик и стрел, который в конце концов заставил их отойти в море.

— Я не могу ее разорвать! — крикнул в ярости Агенобарб, плача от бессилия. — Но когда я это сделаю, им достанется! И откуда она взялась? Старая цепь была раз в десять слабее!

— Ее поставил этот апулийский крестьянин Агриппа, — смог пояснить Планк, от которого, конечно, уже не пахло дерьмом. — Когда я уезжал, чтобы найти убежище у тебя, Антоний, жители Брундизия с радостью объяснили мне ее происхождение. Агриппа укрепил этот порт лучше, чем был укреплен Илион, даже со стороны суши.

— Но умрут они мучительной смертью, — прорычал Антоний. — Я всажу магистратам города колья в задницу и буду задвигать их со скоростью одного дюйма в день.

— О-о-о! — воскликнул Планк и передернулся, представив картину. — Что мы будем делать?

— Подождем войска и высадим их там, где сможем, севернее и южнее, — ответил Антоний. — Когда прибудет Поллион — что-то он не торопится! — мы уничтожим этот город со стороны суши, есть там укрепления Агриппы или нет. Думаю, после осады. Они знают, что милости от меня ждать не придется, и будут сопротивляться до конца.

Итак, Антоний отплыл к острову недалеко от входа в гавань Брундизия и там стал ждать Поллиона, пытаясь узнать, что случилось с Вентидием, почему-то молчавшим.

Секстилий закончился, прошли и сентябрьские ноны, но погода была еще достаточно жаркая, чтобы сделать жизнь на острове невыносимой. Антоний ходил взад-вперед; Планк наблюдал за ним. Антоний рычал; Планк размышлял. Антония не покидала мысль о Луции Антонии; Планк тоже постоянно думал об одном человеке — о Марке Антонии. Планк заметил в Антонии новые черты, и ему не понравилось то, что он увидел. Замечательная, прекрасная Фульвия то и дело мелькала в его мыслях — такая храбрая и неудержимая, такая... такая интересная. Как мог Антоний бить женщину, тем более жену? Внучку Гая Гракха!

«Он как ребенок при матери, — думал Планк, смахивая слезы. — Он должен быть на Востоке, драться с парфянами — вот его обязанность. А вместо этого он здесь, на италийской земле, словно боится покинуть ее. Это Октавиан терзает его или ощущение ненадежности? Верит ли он в глубине души, что сможет завоевать лавры? О, он храбр, но руководство армиями требует не храбрости. Здесь скорее нужны ум, искусство, талант. Божественный Юлий был гением в этом деле. Антоний — родственник божественного Юлия. Но для Антония, я подозреваю, это скорее бремя, чем радость. И он так боится проиграть, что, подобно Помпею Магну, не двинется с места, пока у него не будет численного перевеса. А у него есть этот перевес здесь, в Италии, с легионами Поллиона, Вентидия и своими собственными по ту сторону небольшого моря. Достаточно, чтобы сокрушить Октавиана даже теперь, когда у Октавиана появились одиннадцать легионов Калена из Дальней

Галлии. Я думаю, они все еще в Дальней Галлии под командованием Сальвидиена, который регулярно пишет Антонию, пытаясь прощупать почву. Но об этом я Октавиану не сообщил.

Антоний боится в Октавиане того, чем божественный Юлий обладал в избытке. О, вовсе не умения командовать армией! Он боится безграничной смелости, той смелости, которую сам стал терять. Да, его страх поражения растет, в то время как Октавиан обретает уверенность, начинает делать рискованные ставки. Антоний проигрывает Октавиану, и еще больше иноземным врагам, таким как парфяне. Начнет ли он когда-нибудь эту войну? Он ссылается на то, что ему не хватает денег, а может, не хватает еще и желания вести войну, которую он должен начать? Если он не будет воевать, то потеряет доверие Рима и римлян, и ему это тоже известно. Поэтому Октавиан — это повод помедлить на Западе. Если он уберет Октавиана с арены, у него будет столько легионов, что он сможет победить врага численностью в четверть миллиона. Но божественный Юлий разбивал триста тысяч, имея всего шестьдесят тысяч солдат. Потому что Юлий был гением. Антоний хочет стать хозяином мира и Первым человеком в Риме, но не знает, как приняться за это.

Он ходит туда-сюда, туда-сюда. Он неуверен. Решения туманны, и он неуверен. Не может он и пуститься в один из своих знаменитых „неподражаемых загулов“ (что за шутка — назвать своих дружков в Александрии Союзом неподражаемых!). Сейчас он не в том положении. Поняли ли его товарищи, как понял я, что пьянки Антония — это просто демонстрация его внутренней слабости?

Да, — заключил Планк, — пора перемертвуться. Но можно ли сделать это сейчас? Я сомневаюсь в этом так же, как сомневаюсь в Антонии. Как и в нем, во мне нет твердости».

Октавиан понимал все это даже лучше Планка, но он не был уверен, как выпадут кости теперь, когда Антоний стоит у Брундизия. Он все поставил на легионеров. Их представители пришли сказать ему, что они не будут драться с войсками Антония, принадлежат ли они самому Антонию, Поллиону или

Вентидию. Услышав это, Октавиан почувствовал огромное облегчение. Даже слабость какая-то появилась во всем теле. Осталось только узнать, будут ли солдаты Антония драться за него.

Два рыночных интервала спустя он получил ответ. Солдаты под командованием Поллиона и Вентидия отказались драться со своими братьями по оружию.

Он сел писать письмо Антонию.

Дорогой мой Антоний, мы в тупике. Мои легионы отказываются сражаться с твоими, а твои — с моими. Они говорят, что принадлежат Риму, а не какому-нибудь одному человеку, пусть даже и триумвиру. Дни огромных премий, говорят они, прошли. Я согласен с ними. После Филипп я понял, что мы больше не можем выяснять наши разногласия, идя войной друг на друга. Мы можем иметь imperium maius, но для осуществления этих полномочий у нас должны быть солдаты, которые хотят сражаться. А их у нас нет.

Поэтому вот мое предложение, Марк Антоний: пусть каждый из нас выберет одного человека как своего представителя, чтобы попытаться найти выход из этого тупика. В качестве нейтрального участника, которого мы оба считаем справедливым и объективным, я предлагаю Луция Кокцея Нерву. Если ты не согласен с моим выбором, назови другую кандидатуру. Моим делегатом будет Гай Меценат. Ни ты, ни я не должны присутствовать на этой встрече, чтобы эмоции не взяли верх.

— Хитрая крыса! — крикнул Антоний и, смяв письмо, швырнул его на пол.

Планк поспешно поднял его, расправил и прочитал.

— Марк, это логичное разрешение трудной ситуации, в которой ты оказался, — запинаясь, проговорил он. — Подумай, пожалуйста, где ты находишься и с чем ты столкнулся. То, что предлагает Октавиан, может оказаться бальзамом для ваших израненных чувств. В самом деле, для тебя это хороший выход.

Несколько часов спустя Гай Асиний Поллион, прибывший на полубаркасе из Бария, повторил то же самое.

— Ни мои люди не будут драться, ни твои, — прямо сказал он. — Что касается меня, я не могу заставить их передумать, и твои тоже не передумают, а по всем донесениям, у Октавиана та же проблема. Легионы решили за нас, и мы должны найти достойный выход из этого положения. Я пообещал своим людям, что организую перемирие. Вентидий сделал то же самое. Уступи, Марк, уступи! Это не поражение.

— Все, что дает Октавиану возможность избежать смерти, — это поражение, — упрямо сказал Антоний.

— Чепуха! Его войска так же настроены против того, чтобы сражаться, как и наши.

— У него даже не хватает смелости лично встретиться со мной! Все должны сделать представители вроде Мецената. Чтобы избежать взрыва эмоций? Я покажу ему взрыв эмоций! Мне все равно, что он говорит, я буду присутствовать на этом маленьком совещании!

— Антоний, его на встрече не будет, — сказал Поллион, обернувшись к Планку и закатив глаза. — У меня есть предложение намного лучше. Согласись с ним, и я пойду как твой представитель.

— Ты? — не веря своим ушам, воскликнул Антоний. — Ты?!

— Да, я! Антоний, я уже восемь с половиной месяцев консул, но у меня не было возможности поехать в Рим и получить консульские регалии, — раздраженно сказал Поллион. — Как консул, я выше по рангу Гая Мецената и жалкого Нервы, вместе взятых! Неужели ты думаешь, что я позволю этому проныре Меценату одурачить меня? Ты действительно так думаешь?

— Наверное, нет, — ответил Антоний, начиная сдаваться. — Хорошо, я соглашусь. На определенных условиях.

— Назови их.

— Условия такие: я смогу войти в Италию через Брундизий, а тебе разрешат поехать в Рим, чтобы беспрепятственно официально вступить в должность. Я сохраню мое право вербовать солдат в Италии, а ссыльным разрешат немедленно вернуться.

— Не думаю, что какое-то из этих условий станет проблемой, — заметил Поллион. — Садись и пиши, Антоний.

«Странно, — думал Поллион, двигаясь по Минуциевой дороге в Брундизий, — что я всегда оказываюсь там, где принимаются важные решения. Я был с Цезарем — с божественным Юлием! — когда он переходил Рубикон, и был на том острове на реке в Итальянской Галлии, когда Антоний, Октавиан и Лепид согласились разделить мир. Теперь я буду участником следующего памятного события. Меценат не дурак, он не станет возражать. Какая необычайная удача для историка современности!»

Прежде его сабинский род ничем не отличился, зато сам Поллион обладал глубоким умом и сумел стать одним из приближенных Цезаря. Хороший солдат и отличный командир, он возвысился после того, как Цезарь стал диктатором, и хранил ему верность, пока Цезаря не убили. Слишком здравомыслящий и неромантический, чтобы встать на сторону наследника Цезаря, он знал только одного человека, к кому хотел примкнуть, — Марка Антония. Как и многие представители его класса, он считал восемнадцатилетнего Гая Октавия несерьезным, он не понимал, что разглядел великий Цезарь в этом миловидном мальчишке. К тому же Поллион думал, что Цезарь не рассчитывал умереть так скоро — он был крепок, как старый армейский сапог, — и сделал Октавия временным наследником, просто уловка, чтобы держать в узде Антония, пока не станет очевидно, что Антоний утихомирится. А также чтобы посмотреть, как со временем изменится маменькин сынок, который ныне отрекся от матери, считая ее мертвой. Затем Судьба и Фортуна не дали Цезарю сделать окончательный выбор, позволив группе озлобленных, ревнивых, близоруких людей убить его. Поллион очень сожалел об этом, вопреки своей способности фиксировать события беспристрастно и объективно. В то время он и не представлял, что Цезарь Октавиан неожиданно поднимется на такую высоту. Как можно было предвидеть наличие стального стержня и дерзости в неопытном юноше? Цезарь был единственным, кто догадался, из чего сделан Гай Октавий. Но когда Поллион понял, каков Октавиан, для человека чести было уже поздно следовать за ним. Антоний не лучший военачальник, он просто альтернатива, которую позволила Поллиону выбрать его гордость. Несмотря на много-

численные недостатки, Антоний был, по крайней мере, зредым мужчиной.

Так же мало, как Октавиана, Поллион знал и его главного посла, Гая Мецената. Внешне — ростом, сложением, цветом кожи и волос, чертами лица — Поллион не выделялся из своего окружения. Как и многие интеллектуалы, он настороженно относился к тем, кто всеми силами стремился обратить на себя внимание. Если бы Октавиан не был таким красивым и тщеславным (башмаки на трехдюймовой подошве, только подумайте!), он после убийства Цезаря мог бы набрать больше очков в глазах Поллиона. Так же было и с Меценатом, пухлым, некрасивым, с выпученными глазами, богатым и испорченным. Меценат жеманно улыбался, соединял пальцы в пирамидку, складывал губы гузкой, делал хорошую мину при плохой игре. Позер. Крайне неприятная характеристика. И, несмотря на это, Поллион выразил желание вести переговоры с этим позером, так как знал, что, успокоившись, Антоний назначит своим представителем Квинта Деллия. Этого нельзя было допустить. Деллий слишком корыстный и жадный для такого деликатного дела. Возможно, Меценат тоже корыстный и жадный, но, насколько было известно Поллиону, до сих пор Октавиан не часто ошибался, подбирая себе ближайшее окружение. С Сальвидиеном, правда, просчитался, но его дни сочтены. Жадность всегда вызывала неприязнь у Антония, который без всяких сожалений уберет Деллия, как только тот станет ненужным. Но Меценат ни с кем не заигрывал, и он обладал одним качеством, которым Поллион восхищался: он любил литературу и покровительствовал нескольким многообещающим поэтам, включая Горация и Вергилия, лучшим стихотворцам со времен Катулла. Лишь это вселяло в Поллиона надежду, что удастся достичь соглашения, удовлетворяющего обе стороны. Вот только как желудок простого солдата переварит ту еду и напитки, которыми будет потчевать такой гурман, как Меценат?

— Я надеюсь, ты не против простой еды и вина, разбавленного водой? — спросил Меценат Поллиона, едва тот прибыл в удивительно скромный дом в окрестностях Брундизия.

— Спасибо, я предпочитаю именно такую еду, — ответил Поллион.

— Нет, это тебе спасибо, Поллион. Прежде чем мы приступим к нашему делу, позволь сказать, что мне очень нравится твоя проза. Я говорю это не для того, чтобы польстить тебе, — сомневаюсь, что лесть тебе нравится, — я говорю это, потому что это правда.

Смущенный Поллион тактично пропустил комплимент, повернувшись, чтобы приветствовать третьего члена команды, Луция Кокцея Нерву. Выбрал нейтральную позицию? Разве от такого бесцветного человека можно ждать чего-то иного? Неудивительно, что он под каблуком у жены.

За обедом, где подавались яйца, салаты, цыплята и свежий хлеб с хрустящей корочкой, Поллион вдруг понял, что ему нравится Меценат, который, похоже, прочел все на свете — от Гомера до латинских историков, таких как Цезарь и Фабий Пиктор. Если чего-то и не хватало Поллиону в любом военном лагере, так это глубокого разговора о литературе.

— Конечно, Вергилий пишет в эллинистическом стиле, но ведь это относится и к Катутлу. О, какой поэт! — вздохнул Меценат. — Знаешь, у меня возникла теория.

— Какая?

— Что в лучших лириках есть галльская кровь. Или они сами происходят из Итальянской Галлии, или их предки были оттуда. Кельты — лирический народ. И музыкальный тоже.

— Я согласен, — сказал Поллион, с облегчением заметив отсутствие сладкого в меню. — За исключением поэмы «Iter» — замечательное произведение! — Цезарю чужда поэтичность. Латинский безупречен, да, но слишком энергичный и строгий. Авл Гирций пробыл с Цезарем достаточно долго, чтобы хорошо имитировать его стиль в последней части «Записок», которую он не успел закончить, но в этой части нет мастерства, присущего Цезарю. Гирций упускает детали, о которых Цезарь никогда бы не забыл. Например, что заставило Тита Лабiena переметнуться к Помпею Магну после Рубикона.

— Во всяком случае, читать не скучно, — хихикнул Меценат. — О боги, а какой же нудный Катон Цензор! Это все равно как если бы тебя заставили слушать детский лепет какого-

нибудь подающего большие надежды юнца, забравшегося на ростру.

Они засмеялись, чувствуя себя непринужденно в компании друг друга, в то время как Нерва тихо дремал.

Утром они приступили к делу в довольно унылой комнате, где стоял большой стол, два деревянных стула со спинками и курульное кресло из слоновой кости. Увидев его, Поллион удивился.

— Оно для тебя, — сказал Меценат, заняв деревянный стул и указав Нерве на другой, напротив. — Я знаю, ты еще не вступил в должность, но твое положение младшего консула года требует, чтобы ты председательствовал на наших встречах, и ты должен сидеть в курульном кресле.

«Приятный и довольно дипломатичный ход», — подумал Поллион, садясь во главе стола.

— Если ты хочешь, чтобы присутствовал секретарь для ведения протокола, у меня есть человек, — продолжил Меценат.

— Нет-нет, мы сделаем это сами, — ответил Поллион. — Нерва будет секретарем и будет вести протокол. Нерва, ты умеешь стенографировать?

— Благодаря Цицерону — да.

Довольный, что у него будет какое-то дело, Нерва положил под правую руку стопку чистой фанниевой бумаги, выбрал перо из дюжины других и увидел, что кто-то предусмотрительно развел чернила.

— Я начну с того, что кратко обрисую ситуацию, — решительно начал Поллион. — Во-первых, Марк Антоний недоволен тем, как Цезарь Октавиан выполняет свои обязанности триумвира. Он не обеспечил бесперебойного снабжения Италии зерном. Не сумел покончить с пиратской деятельностью Секста Помпея. Не расселил всех ушедших со службы ветеранов. Крупные торговцы страдают из-за неблагоприятной ситуации. Землевладельцы сердятся из-за драконовских мер, которые он принял, чтобы забрать у них земли для ветеранов. Более чем дюжина городов по всей Италии незаконно лишены их общественных земель, опять-таки ради расселения ветеранов. Он очень сильно поднял налоги. Наполнил сенат своими приспешниками. Во-вторых, Марк Антоний недоволен тем, что

Цезарь Октавиан захватил наместничество и легионы в одной из провинций Дальней Галлии. И власть, и легионы принадлежат Антонию, которого следовало известить о смерти Квинта Фуфия Калена и дать возможность назначить нового наместника, а также распорядиться одиннадцатью легионами Калена по его усмотрению. В-третьих, Марк Антоний недоволен развязыванием гражданской войны в пределах Италии. Почему, спрашивает он, Цезарь Октавиан не разрешил мирным путем разногласия с Луцием Антонием? В-четвертых, Марк Антоний недоволен тем, что ему не позволяют ступить на землю Италии через Брундизий, ее главный порт на Адриатическом море, и сомневается, что Брундизий откажет в этом Цезарю Октавиану. Марк Антоний считает, что Цезарь Октавиан приказал Брундизию не пускать своего коллегу, который имеет право не только ступить на землю Италии, но и привести свои легионы. С чего Цезарь Октавиан решил, что эти легионы предназначены для войны? Они могут просто возвращаться для демобилизации. В-пятых, Марк Антоний недоволен тем, что Цезарь Октавиан не разрешает ему вербовать новое войско в Италии и Итальянской Галлии, если по закону он имеет на это право. Это все, — закончил Поллион, ни разу не заглянув в записи.

Меценат равнодушно слушал, пока Нерва записывал, явно справляясь со своими обязанностями, поскольку ни разу не попросил Поллиона повторить сказанное.

— Цезарь Октавиан встретился с очень большими трудностями, — произнес Меценат спокойным, приятным голосом. — Ты прости меня, если я не буду говорить по пунктам, как это делал ты, Гай Поллион. Я не наделен такой беспощадной логикой — мой стиль более повествовательный, мне лучше даются истории. Когда Цезарь Октавиан стал триумвиром Италии, островов и обеих Испаний, он нашел казну пустой. Он должен был конфисковать или купить землю для расселения ста тысяч солдат-ветеранов, закончивших службу. Два миллиона югеров земли! Поэтому он конфисковал общественные земли восемнадцати городов, которые поддерживали убийц божественного Юлия. Справедливое решение. И каждый раз, получая

какие-либо деньги, он покупал землю у владельцев латифундий, ссылаясь на то, что эти люди неправильно используют обширные территории, на которых когда-то выращивалась пшеница. У тех, кто выращивал зерно, землю не отнимали, ибо Цезарь Октавиан планировал получить большой урожай местного зерна, после того как эти латифундии будут разделены между ветеранами. Безжалостный разбой Секста Помпея лишил Италию пшеницы, выращенной в Африке, на Сицилии и Сардинии. Сенат и народ Рима ленились запастись пшеницу, считая, что Италия всегда сможет прокормиться заморским зерном. А Секст Помпей доказал, что страна, которая надеется на ввоз основного продукта питания, уязвима и с нее можно потребовать выкуп. У Цезаря Октавиана нет денег или кораблей, чтобы прогнать Секста Помпея с моря или вторгнуться на Сицилию, его базу. По этой причине он заключил соглашение с Секстом Помпеем, даже женился на сестре Либона. Если он поднял налоги, это потому, что у него не осталось выбора. Пшеница этого года, за каждый модий которой Секст Помпей запросил тридцать сестерциев, уже куплена и оплачена Римом. Цезарь Октавиан должен был находить каждый месяц сорок миллионов сестерциев — вообрази! Почти пятьсот миллионов сестерциев в год, заплаченных Сексту Помпею, обычному пирату! — крикнул Меценат с горячностью, и его лицо налилось кровью от редкой для него вспышки гнева.

— Более восемнадцати тысяч талантов, — задумчиво проговорил Поллион. — И конечно, ты сейчас скажешь, что серебряные рудники обеих Испаний только начинали разрабатываться, когда вторгся царь Бокх, так что сейчас они опять закрыты, а казна пуста.

— Именно, — подтвердил Меценат.

— Если принять это объяснение, о чем дальше говорится в твоей истории?

— Еще со времен Тиберия Гракха Рим дробит надель, чтобы расселить на них бедных, а позднее — ветеранов.

Поллион прервал его:

— Я всегда считал самым большим грехом сената и народа Рима, что они отказались платить демобилизованным ветеранам

Рима пенсию сверх той суммы, которую кладут для них в банк из их жалованья. Когда консуляры Катул и Скавр отказали в пенсии неимущим солдатам Гая Мария, Марий наградил их землей от своего имени. Это было шестьдесят лет назад, и с тех пор ветераны ждут награды от своих командиров, а не от Рима. Ужасная ошибка. Она дала военачальникам власть, которую нельзя было давать.

Меценат улыбнулся:

— Ты рассказываешь историю за меня.

— Прошу прощения, Меценат. Продолжай, пожалуйста.

— Цезарь Октавиан не может избавить Италию от разбоя Секста в одиночку. Он много раз просил помощи у Марка Антония, но Марк Антоний то ли глухой, то ли неграмотный, ибо он не отвечал на письма. Затем началась внутренняя война — война, которая никоим образом не была спровоцирована Цезарем Октавианом. Он считает, что истинным инициатором поднятого Луцием Антонием мятежа — именно так все представлялось нам в Риме — был вольноотпущенник Маний из клиентуры Фульвии. Маний убедил Фульвию, что Цезарь Октавиан, э-э-э, украл у Марка Антония то, что принадлежало ему по праву рождения. Очень странное обвинение, но она в него поверила. В свою очередь она убедила Луция Антония использовать легионы, которые он вербовал от имени Марка Антония, и пойти на Рим. Думаю, дальше развивать эту тему необходимости нет. Марка Антония следует уверить, что его брат не был казнен, ему разрешили поехать в Дальнюю Испанию с полномочиями проконсула и управлять ею.

Порывшись в свитках, лежавших перед ним, Меценат нашел один и развернул.

— У меня здесь письмо, которое сын Квинта Фуфия Калена написал не Марку Антонию, как следовало бы, а Цезарю Октавиану.

Он передал свиток Поллиону, и тот прочитал его со скоростью очень грамотного человека.

— Цезарь Октавиан был обеспокоен этой новостью, ибо письмо свидетельствовало о слабости младшего Калена, который не знал, что делать. Как ветерану Дальней Галлии, Пол-

дион, мне не надо говорить тебе, насколько вероломны длинноволосые галлы и как быстро они распознают неуверенного наместника. По этой причине, и только по этой, Цезарь Октавиан действовал поспешно. Зная, что Марк Антоний за тысячу миль, он сам немедленно поехал в Нарбон, чтобы назначить временного правителя Квинта Сальвидиена. Одиннадцать легионов Калена находятся там, где и были: четыре в Нарбоне, четыре в Агединке и три в Глане. Разве Цезарь Октавиан поступил неправильно? Он поступил как друг, триумвир, ответственный правитель.

Меценат вздохнул с печальным видом:

— Осмелюсь сказать, что Цезарю Октавиану можно вменить в вину только то, что он не сумел добиться подчинения от Брундизия, которому было приказано позволить Марку Антонию высадиться с его легионами, сколько бы их он ни привез с собой, будь это для отдыха или для демобилизации. Брундизий бросил вызов сенату и народу Рима — все очень просто. Цезарь Октавиан надеется, что он сможет убедить Брундизий перестать сопротивляться. И это все, — заключил Меценат, приятно улыбаясь.

После этого начались переговоры, но без излишнего пыла или озлобления. Оба прекрасно понимали всю подноготную, однако хозяевам следовало хранить верность, и лучшее, что они могли сделать, — это убеждать друг друга. Октавиан внимательно прочтет протокол, а если Марк Антоний не станет читать, то все равно вытянет из Нервы сведения о встрече.

Наконец, как раз перед октябрьскими нонами, Поллион решил, что с него довольно.

— Послушай, — сказал он, — мне ясно, что после Филипп все пошло вкривь и вкось. Марка Антония распирало от гордости, и он презирал Октавиана за его поведение у Филипп. — Он обернулся к Нерве, начавшему писать. — Нерва, не смей записывать ни одного слова из того, что будет сказано дальше! Настало время говорить откровенно, а поскольку великие люди не любят откровенностей, будет лучше, если мы им ничего не скажем. Это значит, что ты не дашь Антонию запугать

тебя, слышишь? Распустишь язык — и ты покойник. Я сам тебя убью, понял?

— Да! — взвизгнул Нерва, поспешно бросив перо.

— Вот это мне нравится! — усмехнулся Меценат. — Продолжай, Поллион.

— В данный момент триумвират представляется нелепостью. С чего это Антоний решил, что он может быть одновременно в нескольких местах? А именно так и получилось после Филипп. Он захотел иметь львиную долю всего, от провинций до легионов. И что получилось? Октавиану достались зерно и Секст Помпей, но никаких кораблей, чтобы сломить Секста, не говоря уже о переброске армии для захвата Сицилии. Если бы Октавиан был военным человеком, каковым он не является и не претендует на это, он знал бы, что его вольноотпущенник Гелен, пусть и обладающий даром убеждения, не сможет взять Сардинию. Главным образом потому, что Октавиану не на чем перевезти войска. У него нет кораблей. Провинции были распределены самым бестолковым образом. Октавиан получает Италию, Сицилию, Сардинию, Корсику, Дальнюю и Ближнюю Испании. А Антоний получает весь Восток, но этого ему недостаточно. И он забирает все Галлии, а также Иллирию. Почему? Потому что галлы составляют большую часть легионов под римскими орлами и не думают демобилизоваться. Я очень хорошо знаю Марка Антония. Он замечательный человек, храбрый и щедрый. Когда он в хорошей форме, не найти человека более способного и умного. Но он также и обжора, который никак не может унять свой аппетит, и ему все равно, что жрать. Парфяне и Квинт Лабиев буйствуют по всей Азии и в большей части Анатолии. А мы сидим здесь, перед стенами Брундизия.

Поллион повел плечами, разминая их.

— Наша обязанность, Меценат, выправить положение. Как мы это сделаем? Проведем черту между Западом и Востоком и по одну сторону поставим Октавиана, по другую — Антония. Лепид пусть забирает Африку, это само собой разумеется. У него там десять легионов, он будет в безопасности. Можешь не доказывать мне, я и сам знаю, что у Октавиана самая труд-

ная задача, потому что ему досталась Италия, обедневшая, измученная, голодная. Ни у кого из наших с тобой хозяев нет денег. Рим близок к банкротству, а Восток так истощен, что не способен платить серьезную дань. Тем не менее Антоний не может вечно тянуть одеяло на себя, и он должен понять это. Я предлагаю дать Октавиану возможность наполнить казну, управляя Западом: Дальней Испанией, Ближней Испанией, Дальней Галлией и всеми ее районами, Италийской Галлией и Иллирией. Река Дрина будет естественной границей между Западом и Востоком. Разумеется, Антоний сможет вербовать войско в Италии и Италийской Галлии, как и Октавиан. Кстати, Италийская Галлия должна стать частью Италии во всех отношениях.

— Молодец, Поллион! — воскликнул Меценат, искренне улыбаясь. — Я бы не смог так хорошо сказать, как это сделал ты. — Он притворно вздрогнул. — Прежде всего, я не посмел бы так говорить об Антонии. Да, друг мой, ты очень хорошо сказал, это правда! Теперь нам остается убедить Антония согласиться. Со стороны Цезаря Октавиана я не предвижу никаких возражений. У него был ужасный период, и, конечно, путешествие из Рима вызвало приступ астмы.

Поллион очень удивился.

— Астмы?

— Да, он может умереть от нее. Поэтому он спрятался в болотах у Филипп. В воздухе было так много пыли и соломенной трухи!

— Понимаю, — медленно проговорил Поллион. — Понимаю.

— Это его секрет, Поллион.

— Антоний знает?

— Конечно. Они же родственники, он всегда это знал.

— А что Октавиан думает о возможности возвратить до-мой ссыльных?

— Он не будет возражать. — Меценат сделал вид, будто что-то обдумывает, потом снова заговорил: — Тебе следует знать, что Октавиан никогда не будет воевать с Антонием, но я сомневаюсь, сможешь ли ты убедить в этом Антония. Больше

никаких гражданских войн. Это его принцип, Поллион. Поэтому мы здесь. Никакие провокации не заставят его пойти войной на римлянина. Его путь — дипломатия, совещания, переговоры.

- Я не знал, что он придерживается такой политики.
- Придерживается, Поллион, придерживается.

Чтобы убедить Антония принять условия, которые Поллион обрисовал Меценату, пришлось выдержать целую нундину разглагольствований, битья кулаком по стене, неистовств и воплей. Потом Антоний стал успокаиваться. Гнев его был столь опустошительным, что даже такой сильный человек, как Антоний, не мог выдержать подобный накал больше восьми дней. От ярости он перешел к депрессии, потом к отчаянию. В тот момент, когда он достиг самого дна, Поллион нанес удар: сейчас или никогда. Человек вроде Мецената не сумел бы справиться с Антонием, но солдат Поллион, уважаемый и любимый Антонием, точно знал, что надо делать. Кроме того, в Риме у него были сторонники, которые при необходимости поддержат его.

— Хорошо, хорошо! — крикнул Антоний, подняв руки в знак поражения. — Я сделаю это! Ты уверен относительно ссыльных?

- Абсолютно.
- Я настаиваю на некоторых пунктах, о которых ты не упомянул.
- Назови их.
- Я хочу, чтобы пять из одиннадцати легионов Калена переправили ко мне.
- Не думаю, что возникнет проблема.
- И я не соглашусь объединиться с Октавианом, чтобы убрать с моря Секста Помпея.
- Это неразумно, Антоний.
- А мне наплевать! — прорычал Антоний. — Мне пришлось назначить Агенобарба управлять Вифинией, в такой ярости он был из-за условий, которые ты перечислил, а это значит, что у меня недостаточно кораблей, чтобы что-то пред-

принять без флота Секста. Он остается на случай, если понадобится мне, это он должен понять.

— Октавиан согласится, но не обрадуется.

— Все, что расстраивает Октавиана, радует меня!

— Почему ты скрыл, что у Октавиана астма?

— Тьфу! — плюнул Антоний. — Он девчонка! Только девчонки болеют, все равно какой болезнью. Его астма — это отговорка.

— Если ты не уступишь с Секстом Помпеем, тебе придется за это заплатить.

— Заплатить чем?

— Точно не знаю, — хмуро ответил Поллион. — Просто заплатить.

Реакция Октавиана на условия, которые ему изложил Меценат, была совсем другой. «Интересно, — подумал Меценат, — насколько изменилось его лицо за последние двенадцать месяцев. Исчезла юношеская миловидность, но он не перестал быть красивым. Волосы стали короче, и он больше не переживает из-за торчащих ушей, не старается прикрыть их локонами. Но главная перемена произошла в выражении его глаз, самых замечательных, какие я когда-либо видел, — больших, светящихся и серебристо-серых. Они всегда были непроницаемыми, никогда не выдавали ни чувств, ни мыслей, но теперь за их блеском скрывается какая-то жесткость. И рот, который мне так хотелось поцеловать, зная, что мне никогда не будет позволено этого сделать, стал тверже, губы выпрямились. Думаю, это значит, что он повзрослел. Повзрослел? Но он никогда не был мальчиком! За девять дней до октябрьских календ ему исполнилось двадцать три года. А Марку Антонию сейчас сорок четыре. Просто удивительно».

— Если Антоний отказывается помочь мне с Секстом Помпеем, — сказал Октавиан, — он должен заплатить.

— Но как? У тебя нет рычага, чтобы заставить его заплатить.

— Рычаг у меня есть, и дал мне его Секст Помпей.

— Что же это такое?

— Брак, — спокойно пояснил Октавиан.

— Октавия! — прошептал Меценат. — Октавия...
— Да, моя сестра. Она вдова, нет никаких препятствий.
— Еще не прошло десяти месяцев траура.
— Прошло шесть месяцев, и весь Рим знает, что она не может быть беременной: Марцелл долго болел перед смертью. Нетрудно будет получить разрешение от коллегии понтификов и семнадцати триб при голосовании в религиозном комиции. — Октавиан самодовольно улыбнулся. — Она сделает все, что предотвратит войну между Антонием и мной. Я предвижу, что в анналах Рима не будет записано более популярного брака.

— Он не согласится.

— Антоний? Он готов совокупиться даже с коровой.

— Ты сам слышишь, что говоришь, Цезарь? Я знаю, как сильно ты любишь сестру, и ты хочешь навязать ей Антония? Он же пьяница и бьет жен! Умоляю тебя, подумай хорошо! Октавия самая прекрасная, самая милая, самая славная женщина в Риме. Даже неимущие обожают ее, как они обожали дочь божественного Юлия.

— Звучит так, словно ты сам хочешь жениться на ней, Меценат, — хитро заметил Октавиан.

Меценат осекся.

— Как ты можешь шутить о таких... о таких серьезных вещах? Мне нравятся женщины, но мне еще и жалко их. Их жизнь столь однообразна, все их политическое влияние заключается в выгодных браках, и лишь одно можно сказать в защиту римской справедливости: хорошо еще, что большинство женщин имеют право распоряжаться своим состоянием. Изгнание на периферию общественной жизни может раздражать таких женщин, как Гортензия и Фульвия, но не раздражает Октавию. Если бы это было иначе, ты не сидел бы здесь такой самодовольный и уверенный в ее покорности. Разве не пора дать ей возможность выйти замуж за человека, которого она сама выберет?

— Я ее не принуждаю, если ты это имеешь в виду, — спокойно ответил Октавиан. — Я не дурак, знаешь ли, и посетил достаточно семейных обедов со времени Фарсала, чтобы за-

метить, что Октавия почти влюблена в Антония. Она охотно покорится судьбе.

— Я не верю этому!

— Это правда. Хотя я не могу понять, что находят женщины в подобных мужчинах, но даю слово, Антоний нравится Октавии. Этот факт и мой союз со Скрибонией подали мне эту идею. Что же касается вина и битья жен, здесь я в Антонии не сомневаюсь. Он мог побить Фульвию, но причина была очень серьезной. При всем его самодовольстве он очень сентиментален в отношении женщин. Октавия подойдет ему. Как и неимущие, он будет обожать ее.

— Ведь еще есть египетская царица. Он не будет верным мужем.

— А какой муж, находящийся за границей, хранит жене верность? Октавия не станет обвинять его в изменах. Она слишком хорошо воспитана.

Вскинув вверх руки, Меценат удалился поразмышлять о незавидной доле дипломата. Неужели Октавиан действительно ожидал, что он, Меценат, возьмется устраивать этот брак? Он отказывается! Бросить такую жемчужину, как Октавия, к ногам такой свиньи, как Антоний? Никогда! Никогда!

Октавиан не хотел лишать себя удовольствия самому устроить этот брак. К этому времени Антоний, должно быть, уже забыл о сцене в его палатке после Филипп, когда Октавиан потребовал голову Брута — и получил ее. Ненависть Антония была так велика, что затмевала отдельные события. Октавиан не ждал, что брак с Октавией положит конец этой ненависти. Наверное, человек поэтического склада, например Меценат, подумает, что именно это движет Октавианом. Но он был слишком умен, чтобы надеяться на чудо. Став женой Антония, Октавия будет делать то, что захочет муж. Она не станет пытаться повлиять на отношение Антония к ее брату. Нет, при заключении этого брака он стремился лишь к тому, чтобы укрепить надежду простых римлян — и легионеров, — что угроза войны миновала. И если настанет день, когда Антоний восплает страстью к другой женщине и бросит жену,

он упадет в глазах миллионов римлян по всему свету. Поскольку Октавиан поклялся, что никогда не будет участвовать в гражданской войне, придется подорвать не *auctoritas* Антония, его общественный статус, но его *dignitas* — достоинство, положение, которое он занимает благодаря своим личным качествам и достижениям. Когда божественный Цезарь перешел Рубикон и начал гражданскую войну, он сделал это, чтобы защитить свое *dignitas*, которым дорожил больше, чем жизнью. Допустить, чтобы его подвиги были изъяты из официальных хроник Республики, а самого его отправили в вечную ссылку? Для Цезаря это было хуже гражданской войны. Но Октавиан сделан из другого теста, для него гражданская война хуже позора и ссылки. И конечно, он не военный гений, не знающий поражений. Октавиан намерен ослабить *dignitas* Марка Антония до такой степени, чтобы он перестал быть угрозой. После этого звезда Октавиана будет продолжать подниматься, и он, а не Антоний станет Первым человеком в Риме. Это произойдет не завтра, понадобится много лет. Но Октавиан может позволить себе ждать. Он младше Антония на двадцать один год. О, впереди годы и годы борьбы за то, чтобы накормить Италию и найти землю для нескончаемого потока ветеранов.

Он знал цену Антонию. Божественный Цезарь сейчас уже стучал бы в дверь дворца царя Орода в Селевкии-на-Тигре, а где Антоний? Осаждает Брундизий на Итальянской земле. Он может нести чепуху, будто, находясь там, защищает свое звание триумвира, но на самом деле он там, чтобы не быть в Сирии и не драться с парфянами. Антоний может хвастаться, что одержал победу у Филипп, но он знает, что не смог бы победить без легионов Октавиана, состоявших из людей, на чью преданность Антоний не мог рассчитывать.

Октавиан написал Антонию письмо и отослал его с курьером-вольноотпущенником.

«Я все отдал бы за то, — подумал он, — чтобы Фортуна подарила мне какое-нибудь средство навсегда сокрушить Антония. Это не Октавия и, вероятно, не его развод с ней, если он решит бросить ее, устав от ее добродетелей. Я знаю, что Фортуна ко мне благосклонна, — я так часто и чисто бреюсь, что

всегда без бороды. И всякий раз, когда я стою на краю бездны, удача мне улыбается. Как, например, страстное желание Либона найти именитого мужа для своей сестры. Как смерть Каллена в Нарбоне и письмо его сына-идиота мне, а не Антонию. Как смерть Марцелла. Как Агриппа, который может вести войска вместо меня. Как спасение от смерти всякий раз, когда астма не дает мне дышать. Как военная казна божественного Юлия, которая помогла мне избежать разорения. Как отказ жителей Брундизия впустить Антония, да пошлют им Либер, Индигет и Теллус мир и процветание в будущем. Я не приказывал городу сделать то, что он сделал, как и не спровоцировал тщетной войны Фульвии против меня. Бедная Фульвия!

Каждый день я приношу жертву дюжине богов во главе с Фортуной, чтобы мне удалось устранить Антония раньше, чем это сделает возраст. Оружие, способное его сокрушить, существует, я знаю это так же точно, как знаю, что я был избран, чтобы поставить Рим на ноги, достичь длительного мира на границах империи. Я — воспетый поэтом Мецената Вергилием избранник, который возвестит приход золотого века, о чем твердят все предсказатели Рима. Божественный Юлий усыновил меня, и я оправдаю его доверие, закончу то, что начал он. О, это будет не мироустройство божественного Юлия, но оно понравится ему. Фортуна, дай мне еще сказочной удачи Цезаря! Дай мне оружие и открой мои глаза, чтобы я узнал его, когда оно появится!»

Ответ Антония пришел с тем же курьером. Да, он увидится с Цезарем Октавианом под флагом перемирия. «Но мы не находимся в состоянии войны! — подумал пораженный Октавиан. — Что же у него в голове, если он считает, что мы воюем?»

На следующий день Октавиан отправился к Антонию на государственном коне Юлиев. Это был небольшой конь, но очень красивый, кремового окраса, с более темными гривой и хвостом. Если ехать верхом, значит нельзя будет надеть тогу, но, поскольку Октавиан не хотел выглядеть военным, он надел белую тунику с широкой пурпурной каймой сенатора на правом плече.

Естественно, Антоний встретил его в полном вооружении, в серебряной кольчуге и кирасе с изображением Геркулеса, убивающего немейского льва. Его туника была пурпурного цвета, как и палудамент, свисающий с плеч, хотя по правилам он должен быть алым. Как всегда, вид у него был внушительный.

— Никакой обуви на толстой подошве, Октавиан? — усмехаясь, спросил Антоний.

Он не подал руки, но Октавиан так нарочито протянул правую руку, что Антоний был вынужден взять ее и сжал так, что чуть не раздавил тонкие кости. Октавиан выдержал с непроницаемым лицом.

— Входи, — пригласил Антоний, откинув полог палатки.

То, что он выбрал для своего пребывания здесь палатку, а не дом, в котором обычно размещался командующий, свидетельствовало о его уверенности, что осада Брундизия долго не продлится.

Общая комната палатки оказалась большой, но при опущенном пологе здесь было очень темно. Октавиан воспринял это как свидетельство осторожности Антония. Тот опасался, что лицо может выдать его эмоции. Но Октавиана это не беспокоило. Его интересовало не выражение лица Антония, а ход мыслей, ибо именно с ними ему придется иметь дело.

— Я так рад, — сказал он, садясь в глубокое кресло, слишком большое для его хрупкой комплекции, — что мы достигли соглашения по некоторым пунктам. Я решил, что лучше всего будет, если мы с тобой наедине детально обсудим те вопросы, по которым нам еще не удалось достигнуть согласия.

— Деликатно сказано, — заметил Антоний, отпивая из кубка вино, специально разбавленное водой.

— Красивая вещь, — заметил Октавиан, вертя в руках свой кубок. — Где он сделан? Ручаюсь, не в Путолах.

— В стеклодувных мастерских Александрии. Мне нравится пить из стеклянной посуды. Стекло не впитывает запах вина, как это делает даже самая лучшая керамика. — Он скорчил гримасу. — А металлическая посуда отдает металлом.

Октавиан сильно удивился:

— *Edepol!* Я и не думал, что ты так требователен к посуде, из которой пьешь!

— Сарказм никуда тебя не приведет, — заметил Антоний без обиды. — Обо всем этом мне говорила царица Клеопатра.

— О, тогда понятно. Патриот Александрии?

Лицо Антония прояснилось.

— Именно так! Александрия — самый красивый город в мире. Пергам и даже Афины ничего не стоят в сравнении с ней.

Отпив вина, Октавиан поставил кубок, словно вдруг обжегся. Вот еще один дурак! Зачем восторгаться красотой другого города, когда его родной город пребывает в упадке и небрежении?

— Само собой разумеется, ты можешь забрать сколько хочешь легионов Калена, — солгал он. — Собственно говоря, ни одно из твоих условий не беспокоит меня, кроме отказа помочь мне очистить море от Секста Помпея.

Хмурясь, Антоний поднялся и откинул полог палатки, наверное чтобы видеть лицо Октавиана.

— Италия — твоя провинция, Октавиан. Разве я просил тебя помочь мне управлять моими провинциями?

— Нет, не просил, но и не присылал в казну долю Рима из восточной дани. Уверен, мне не нужно говорить тебе, триумвиру, что государственная казна должна пополняться налогами, из них выплачиваются суммы наместникам провинций, чтобы они могли финансировать свои легионы и оплачивать общественные работы, — прямо сказал Октавиан. — Конечно, я понимаю, что ни один наместник, а тем более триумвир, не ограничивается тем, что должен отправить в Рим, — он всегда просит больше, чтобы что-то оставить себе. Это давняя традиция, и я ее не оспариваю. Я тоже триумвир. Однако за два года твоего наместничества ты не положил в казну ни сестерция. Если бы это было не так, я мог бы купить корабли, необходимые для борьбы с Секстом. Возможно, тебе удобно использовать пиратские корабли как свой флот, поскольку все флотоводцы, которые были на стороне Брута и Кассия, после Филиппа решили стать пиратами. Я был бы не прочь и сам использовать

их, если бы они не жирели, обгладывая мои кости! Знаешь, чем они занимаются? Доказывают Риму и всей Италии — источнику всех наших лучших солдат, — что миллион солдат не может помочь двум триумвирам, не имеющим кораблей. Ты наверняка получаешь зерно из западных провинций, чтобы сытно кормить свои легионы! Не моя вина, что ты позволил парфянам хозяйничать везде, кроме Вифинии и провинции Азия! Твою шкуру спасает Секст Помпей, пока тебе выгодно поддерживать с ним хорошие отношения. Он продает тебе зерно Италии по умеренной цене, — зерно, напоминаю тебе, купленное Римом и оплаченное из казны Рима! Да, Италия — моя провинция, но мой единственный источник денег — это налоги, которые мне приходится выжимать из всех римских граждан, живущих в Италии. Их недостаточно, чтобы заплатить за корабли и купить украденную пшеницу у Секста Помпея по тридцать сестерциев за модий! Поэтому я снова спрашиваю: где дань с Востока?

Антоний слушал с возрастающим гневом.

— Восток разорен! — крикнул он. — Нет дани, которую я мог бы послать!

— Это неправда, и даже самый последний римлянин в Италии знает это, — возразил Октавиан. — Например, Пифодор из Тралл привез тебе в Тарс две тысячи талантов серебра. Тир и Сидон заплатили тебе еще тысячу. А грабеж Киликии Педии дал четыре тысячи. Всего сто семьдесят пять миллионов сестерциев! Таковы факты, Антоний! *Хорошо известные факты!*

«Зачем я согласился встретиться с этой мерзкой букашкой? — с недоумением спросил себя Антоний. — Стоило ему напомнить, что о каждом моем шаге на Востоке знает самый последний римлянин в Италии, и он получил надо мною превосходство. Не говоря ничего прямо, он дает понять, что страдает моя репутация. Что меня можно критиковать, что сенат и народ Рима может лишить меня полномочий. Да, я могу пойти на Рим, казнить Октавиана и назначить себя диктатором. Но ведь это я выступал против диктаторства! Брундизий доказал, что мои легионеры не будут драться с легионерами Октавиана. Только один этот факт объясняет, почему малень-

кий *terra* может сидеть здесь и бросать мне вызов, открыто демонстрируя свою неприязнь».

— То есть в Риме я не слишком популярен, — угрюмо произнес он.

— Откровенно говоря, Антоний, ты вообще не популярен, особенно после осады Брундизия. Ты считал возможным обвинить меня в том, что я якобы велел жителям Брундизия не впускать тебя в порт, но ты хорошо знаешь, что я этого не делал. Зачем мне это? Мне это совсем невыгодно! Своими действиями ты только напугал римлян, ожидающих, что ты пойдешь войной на них. Чего ты сделать не можешь! Твои легионы не позволят тебе. Если ты действительно хочешь восстановить свою репутацию, ты должен доказать это Риму, а не мне.

— Я не пойду вместе с тобой против Секста Помпея, если ты об этом. У меня всего-то и есть что сотня военных кораблей в Афинах, — соврал Антоний. — Этого недостаточно, поскольку у тебя кораблей нет. Дело в том, что Секст Помпей предпочитает меня тебе, и ты никак не сумеешь спровоцировать его. В данный момент он меня не беспокоит.

— Я и не надеялся, что ты поможешь мне, — спокойно отреагировал Октавиан. — Нет, я больше думал о вещах, видимых всем римлянам, сверху донизу.

— О каких?

— О твоём браке с моей сестрой Октавией.

Антоний, открыв рот, уставился на своего мучителя:

— О боги!

— А что в этом необычного? — тихо спросил Октавиан, улыбаясь. — Я сам только что заключил брачный союз такого же рода, ты ведь знаешь. И я очень доволен. Скрибония хорошая женщина, симпатичная, плодовитая... Я надеюсь, этот брак поможет удерживать Секста в рамках, по крайней мере какое-то время. Но Скрибония не идет в сравнение с Октавией, верно? Я предлагаю тебе внучатую племянницу божественного Юлия, известную и любимую всеми слоями римских граждан, как и его дочь Юлия. Октавия красива, очень добра и заботлива, послушная жена и мать троих детей, один из которых мальчик. Она вне подозрений, чего божественный Юлий

ожидал от своей жены. Женись на ней, и Рим поймет, что ты не принесешь ему вреда.

— Зачем это нужно?

— Затем, что, если ты будешь обходиться грубо с такой образцовой женой, как Октавия, в глазах римлян ты станешь чудовищем. Даже не самый умный среди них не простит тебе плохого обращения с ней.

— Понимаю. Да, я понимаю, — медленно проговорил Антоний.

— Ну так по рукам?

— По рукам.

На этот раз Антоний пожал руку Октавиана весьма мягко.

Соглашение было подписано в двенадцатый день октября на городской площади Брундизия, в присутствии толпы ликующих жителей, которые бросали цветы к ногам Октавиана и изо всех сил сдерживались, чтобы не плевать под ноги Антонию. Его вероломства не забыли и не простили, но этот день знаменовал победу для Октавиана и Рима. Больше не будет гражданской войны. Это радовало легионеров, которые ходили по городу, еще более довольные, чем жители Брундизия.

— И что ты думаешь об этом? — спросил Поллион Мецената, когда они ехали по Аппиевой дороге в двуколке, запряженной четырьмя мулами.

— Что Цезарь Октавиан — дипломат и намного лучший переговорщик, чем я.

— Это ты придумал предложить Антонию любимую сестру Октавиана?

— Нет-нет! Это была его идея. Мне казалось это совершенно невыносимым. Когда за день до встречи с Антонием он поделился со мной своими планами, я подумал, что он пошлет меня с этим предложением к Антонию — брр! — и очень испугался. Но нет. Он отправился сам и без сопровождения.

— Он не мог послать тебя, потому что ему надо было переговорить с Антонием напрямую. То, что сказал он, мог сказать только он сам. Думаю, он намекнул Антонию, что тот потерял любовь и уважение римлян. И намекнул так, что Антоний по-

верил ему. Хитрый маленький *mentula* — прошу прощения! — хитрый маленький, хм, хорек. Затем он дал Антонию шанс восстановить репутацию, женившись на Октавии. Блестяще!

— Я согласен с тобой, — кивнул Меценат и улыбнулся, представив Октавиана *mentula* или хорьком.

— Однажды, — задумчиво сказал Поллион, — я ехал с Октавианом в двуколке из Итальянской Галлии в Рим после образования триумvirата. Ему было двадцать лет, но говорил он как почтенный консуляр. О запасах зерна, о том, что из-за Апеннин Риму легче доставлять зерно из Африки и Сицилии, чем из Итальянской Галлии. Сыпал цифрами и статистикой, как самый дотошный чиновник. Он не пытался отлынивать от работы, а составлял график необходимых дел. Да, памятное путешествие. Когда Цезарь сделал его своим наследником, я подумал, что через несколько месяцев он будет мертв. То путешествие показало мне, что я ошибался. Никто его не убьет.

Атия, вся в слезах, принесла Октавии новости о ее судьбе.

— Дорогая моя девочка! — зарыдала она, падая на грудь Октавии. — Мой неблагодарный сын предал тебя! Тебя! Единственного человека в мире, кого я считала застрахованным от его махинаций, от его безразличия!

— Мама, пожалуйста, говори яснее! — сказала Октавия, помогая Атии сесть. — Что сделал мне маленький Гай?

— Он помолвил тебя с Марком Антонием! Жестокий человек, который бил свою жену! Он чудовище!

Ошеломленная Октавия упала в кресло и уставилась на мать. Антоний? Она должна выйти замуж за Антония? Тепло медленно разлилось по всему телу. Вмиг ее веки опустились, скрывая блеск в глазах от Атии, уставшей плакать и начинающей метать громы и молнии.

— Антоний! — взвизгнула Атия так громко, что сбежались слуги, которых она нетерпеливо отослала обратно. — Антоний грубый мужик, животное... Ох, нет слов, чтобы описать его!

А Октавия в это время думала: «Неужели мне наконец-то повезло и я выйду замуж за того, за кого хочу выйти? Спасибо, спасибо тебе, маленький Гай!»

— Антоний! — взревела Атия с пеной в уголках рта. — Дорогая девочка! Ты должна собрать всю свою волю и сказать «нет»! «Нет» ему и «нет» моему ужасному сыну!

А Октавия думала: «Я так давно безнадежно, с грустью думаю о нем. В прежние дни, когда он бывал в Италии и навещал Марцелла, я находила предлог, чтобы не присутствовать при этом».

— Антоний! — выла Атия, колотя кулаками по ручкам кресла — бам, бам, бам! — Он наделал больше незаконных детей, чем любой другой мужчина в истории Рима! В нем нет ни одной верной косточки!

А Октавия думала: «Бывало, я сидела и не могла наглядеться на него и молилась богине надежды Спес, чтобы он скорее снова пришел. Но я следила за собой, стараясь не выдать себя. И теперь — это?»

— Антоний! — хныкала Атия, уже обессиленная, опять со слезами на глазах. — Я могла бы умолять до следующего лета, но мой предатель сын не хочет слушать!

А Октавия думала: «Я буду ему хорошей женой, я буду всем, кем он захочет, чтобы я была, я не стану жаловаться на любовниц или просить взять меня с собой, когда он вернется на Восток. Есть так много женщин, более опытных, чем я! Он устанет от меня со временем, я это понимаю. Но ничто никогда не отнимет у меня воспоминаний о времени с ним, после того как все кончится. Любовь понимает, и любовь прощает. Я была хорошей женой Марцеллу, и я горевала о нем, как горюет хорошая жена. Но я молю всех римских богинь, к которым обращаются женщины, чтобы мне было позволено прожить с Марком Антонием до конца моих дней. Ибо он — моя настоящая любовь. После него не может быть никого. Никого...»

— Хватит, мама, — громко сказала она, сияя. — Я сделаю, как говорит мой брат, и выйду замуж за Марка Антония.

— Но Гай не властен над тобой, ты — *sui iuris*!

Вдруг Атия увидела лучистые аквамариновые глаза и загнулась.

— *Ecce!* — еле слышно произнесла она. — Ты влюблена в него!

— Если любовь — это желание почувствовать его прикосновение и снискать его расположение, то да, влюблена, — сказала Октавия. — Ты знаешь, когда это должно случиться?

— По словам Филиппа, Антоний и твой бессердечный брат заключили соглашение в Брундизии, что гражданской войны не будет. Вся страна с ума сходит от радости, и эта пара решила сделать спектакль из своего путешествия в Рим по Аппиевой дороге к Теану, потом по Латинской дороге. Очевидно, они не появятся здесь до конца октября. После этого вскоре будет и свадьба. — Лицо матери исказилось. — О, пожалуйста, доченька, дорогая, откажись! Ты — *sui iuris*, твоя судьба в твоих руках!

— Но я с радостью соглашусь, мама, что бы ты ни говорила и сколько бы ни умоляла меня. Я знаю, каков Антоний, но это не меняет дела. Любовницы будут всегда, но у него никогда не было жены, которая ему подходила бы. Посмотри на них! — с воодушевлением продолжила Октавия. — Сначала Фадия, неграмотная дочь торговца чем угодно, от рабов до зерна. Конечно, я ни разу ее не видела, но очевидно, она была так же непривлекательна, как и глупа. Она родила ему сына и дочь, во всех отношениях чудесных малышей. В том, что Фадия и ее дети умерли от морового поветрия, вины Антония нет. Затем Антония Гибрида, дочь человека, который пытал своих рабов. Говорят, Антония Гибрида тоже пытала рабов, но Антоний выбил из нее эту дурь. Стоит ли проклинать Антония за то, что он излечил жену от такой ужасной привычки? Я плохо помню ее и ребенка. Бедная девочка была такая толстая и некрасивая, но что еще хуже, дурочка.

— Вот что получается, когда женятся близкие родственники, — мрачно сказала Атия. — Антонии-младшей сейчас шестнадцать лет, но она никогда не найдет себе мужа, даже низкого происхождения. — Атия фыркнула. — Женщины дуры! Антония Гибрида впала в депрессию, после того как Антоний развелся с ней. Но она любила его. Ты такой судьбы хочешь, да?

— Любила Антония Гибрида Марка Антония или нет, мама, ясно одно: она не была ему интересна. А вот Фульвия была, несмотря на все ее проступки. Ее беда в том, что у нее было слишком много денег и она имела статус *sui iuris*, о котором ты все время твердишь мне. И в том, что первым ее мужем был

Публий Клодий, одобрявший ее выходки на Форуме и ее поведение, которое не прощают знатым женщинам. Но она была неплоха до Филипп, когда поняла, что Антоний пробудет на Востоке несколько лет и не планирует навещать в Рим. Ее вольноотпущенник Маний обрабатывал ее и Луция Антония. Но за это заплатила она, а не Луций.

— Ты стараешься найти оправдания, — вздохнув, сказала Атия.

— Не оправдания, мама. Я просто хочу сказать, что ни одна из жен Антония не была хорошей женой. Я намерена быть идеальной женой, такой, какую одобрил бы Катон Цензор, ужасный старый ханжа. Мужчины берут проститутку и любовниц для телесного удовлетворения, которое они не могут получить от своих жен, потому что предполагается, что жены не знают, как доставить мужу плотские удовольствия. Женщины, знающие слишком много о том, как удовлетворить мужчину, вызывают подозрение. Как добродетельная жена, я буду все делать так же и не лучше, чем положено добродетельной жене. Но я буду образованной, интересной собеседницей, женой, с которой приятно провести время. В конце концов, я выросла в семье политиков, слушала таких людей, как божественный Юлий и Цицерон, и я очень хорошо воспитана. И еще я буду замечательной матерью для его детей.

— Ты уже замечательная мать для его детей! — резко прервала ее Атия, с отчаянием выслушав эту тираду. — Полагаю, как только ты выйдешь замуж, ты возьмешь на себя заботу и об этом ужасном мальчишке Гае Курионе? Как он будет тобой вертеть!

— Нет такого ребенка, которого я не смогу укротить, — сказала Октавия.

Атия поднялась, ломая руки с узловатыми скрюченными пальцами.

— Вот что я скажу тебе, Октавия. Ты не так беззащитна, как я думала. Вероятно, в тебе больше от Фульвии, чем ты сама осознаешь.

— Нет, я совсем другая, — улыбнулась Октавия, — хотя я понимаю, что ты хочешь сказать. Но ты забываешь, мама, что я родная сестра маленького Гая, а это значит, что я одна из

самых умных женщин в Риме. Ум дал мне уверенность в себе, которой до сих пор никто, от Марцелла до тебя, не замечал во мне. Но маленький Гай очень хорошо понимает, из какого теста я сделана. Ты думаешь, он не знает, что я чувствую к Антонию? От маленького Гая ничто не ускользнет! И нет ничего, что бы он не мог использовать для своей карьеры. Он любит меня, мама. Это должно было сказать тебе все. Маленький Гай выдает меня замуж, так неужели я буду против? Нет, мама, нет.

Атия вздохнула:

— Ну, раз я здесь, мне хотелось бы повидаться с детьми, прежде чем их количество еще увеличится. Как маленькая Марция?

— Начинает показывать характер. Очень своевольная. Вот ее нельзя будет выдать замуж по расчету!

— Я слышала, что Скрибония беременна.

— Я тоже слышала. Замечательно! Ее Корнелия славная девочка, и я думаю, у этого ребенка тоже будет хороший характер.

— Еще нельзя узнать, кто у нее родится, мальчик или девочка, — живо отреагировала Атия, направляясь с дочерью на звуки детского плача, лепета малышей, спора уже подростков. — Хотя я надеюсь, это будет девочка, ради маленького Гая. Он о себе столь высокого мнения, что не будет рад рождению сына от такой матери. При первой же возможности он разведется с ней.

«Спасибо богам, что детская недалеко! Мы слишком приблизились к опасной теме, — подумала Октавия. — Бедная мама, всегда на периферии жизни маленького Гая, словно призрак, который не замечают».

8

К тому времени, как кавалькада подъехала к Риму, Марк Антоний пришел в прекрасное расположение духа. Толпы, стоявшие вдоль дороги, исступленно приветствовали его. Он уже начал сомневаться, не преувели-

чил ли Октавиан его непопулярность. Подозрение усилилось, когда все сенаторы, в этот момент находившиеся в Риме, вышли в полных регалиях, чтобы приветствовать не Октавиана, а его. Плохо было то, что он не мог быть в этом уверен. Слишком многое свидетельствовало о том, что Италия и Рим радуются избавлению от угрозы гражданской войны. Вероятно, это заключенное в Брундивии соглашение вернуло ему всех прежних сторонников. Если бы он месяц назад прибыл в Италию и Рим инкогнито, то услышал бы нелестные слова и оскорбления в свой адрес. Учитывая все это, он разрывался между сомнениями и бурной радостью, проклиная Октавиана только шепотом и по привычке.

Перспектива жениться на сестре Октавиана не беспокоила его. Скорее, это добавляло ему хорошего настроения. Хотя он никогда не заглядывался на Октавию, она ему всегда нравилась, он находил ее весьма привлекательной и даже завидовал удаче своего друга Марцелла, который женился на ней. От Октавиана Антоний узнал, что она взяла к себе Антиллу и Юлла после смерти Фульвии, и это подтвердило его мнение, что она настолько же добра, насколько жесток ее брат. Такое часто случается в семьях, — например, он в сравнении с Гаем и Луцием. Телосложением они схожи с Антонием, но у Гая неуклюжая походка, а у Луция лысая голова. Только он унаследовал ум, которым славился род Юлиев. Хотя Антоний и был беззаботным сеятелем семени, он любил тех из своих детей, которых знал. Ему пришла в голову блестящая идея относительно Антонии-младшей, которую он по-своему жалел. Вообще по прибытии в Рим дети стали занимать его мысли больше, чем когда-либо, потому что в Риме его ждало письмо от Клеопатры.

Мой дорогой Антоний, я пишу это письмо в иды секстилия, когда у нас стоит тихая безмятежная погода. Как мне хотелось бы, чтобы ты мог быть здесь и порадоваться со мной и Цезарионом, который посылает тебе заверения в любви и наилучшие пожелания. Он быстро растет, а общение с римлянами (особенно с тобой) пошло ему на пользу. Сейчас он читает

Полибия, греческого историка, отложив письма Корнелии, матери Гракхов, в которых нет никаких войн и интересных событий. Разумеется, он выучил наизусть книги своего отца.

Я не знаю, в каком месте мира это письмо достигнет тебя, но рано или поздно ты его получишь. То говорят, что ты в Афинах, а через миг уже слышно, что ты в Риме. Не имеет значения. Я пишу, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты дал Цезариону брата и сестру. Да, я родила близнецов! В твоей семье были близнецы? В моей — нет. Конечно, я очень довольна. Одним ударом ты упрочил династию и дал Цезариону жену. Неудивительно, что Нил поднялся до уровня изобилия.

«Как хорошо она меня знает, — подумал Антоний. — Понимает, что я не читаю длинных писем, поэтому написала коротко. Ну-ну! Я великолепно выполнил свой долг. Мальчик и девочка. Но для нее они просто приложение к Цезариону. Ее любовь к сыну Цезаря не знает границ».

Он тут же послал ей ответ.

Дорогая Клеопатра, какая потрясающая новость! Не один, а двое маленьких Антониев будут ходить за большим братом Цезарионом почти так же, как мои братья ходили за мной. Я скоро женюсь на сестре Октавиана, Октавии. Хорошая женщина и к тому же красивая. Ты встречалась с ней в Риме? На данный момент это разрешило наши противоречия и успокоило народ, который не хотел гражданской войны, как и Октавиан, по утверждению Мецената. Я мог уничтожить Октавиана, если бы солдаты не потребовали объявить гражданскую войну вне закона. Мои солдаты не будут драться с его солдатами, а его солдаты отказываются драться с моими. Просто заговор какой-то. А без жаждущих боя солдат военачальник бессилён, как евнух в гареме. Кстати, о потенци: мы должны иногда менять партнерш. Если она мне надоест, жди, что я приеду в Александрию, чтобы вновь окунуться в ту неповторимую жизнь.

Вот. Этого достаточно. Антоний налил немного растопленного красного воска на нижнюю часть листа фанниевой бумаги и приложил кольцо-печатку: в середине «Геркулес Непобедимый»,

а по краям «ИМП. М. АНТ. ТРИ.». Он велел изготовить кольцо после тех переговоров на речном острове в Итальянской Галлии. Как он мечтал выгравировать «М. АНТ. БОГ АНТ.»! Но этому не бывать, пока жив Октавиан.

Конечно, перед свадьбой Антонию пришлось устроить мальчишник в доме Гортензия. Самодовольство Октавиана так раздражало его, что он не выдержал и нанес удар, направленный ядом.

— Что ты думаешь о Сальвидиене? — спросил он хозяина дома.

При упоминании этого имени лицо Октавиана прояснилось. «Я и правда готов поверить, что втайне он гомик», — подумал Антоний.

— Лучший из лучших! — воскликнул Октавиан. — Он отлично справляется в Дальней Галлии. У тебя будут твои пять легионов, как только он сможет обойтись без них. Белловаки доставляют много неприятностей.

— Об этом я знаю все. Какой же ты дурак, Октавиан! — с презрением сказал Антоний. — Сразу после прибытия в Дальнюю Галлию этот самый лучший из лучших вступил со мной в переговоры, как бы ему переметнуться на мою сторону в нашей с тобой не-войне.

На лице Октавиана не отразилось ни удивления, ни ужаса. Даже когда его лицо лучилось любовью к Сальвидиену, глаза оставались холодными. А было ли когда-то иначе? Антоний не мог припомнить ни одного такого случая. Глаза Октавиана не выдавали его истинного мнения о чем бы то ни было. Они только наблюдали. Наблюдали за поведением всех вокруг, включая и его самого, словно глаза и ум находились в двадцати шагах от его тела. Как могли два этих ясных глаза быть такими непроницаемыми?

Октавиан заговорил спокойно, даже немного застенчиво.

— Антоний, ты считаешь его поведение изменой?

— Это как посмотреть. Перейти от одного римлянина с хорошей репутацией на сторону другого римлянина с такой же хорошей репутацией — это скорее вероломство, чем измена. Но если подобное поведение нацелено на разжигание граждан-

ской войны между теми двумя равными римлянами, то это определенно измена, — с тайной радостью пояснил Антоний.

— У тебя есть доказательства, что Сальвидиена следует судить за измену?

— Целые таланты доказательств.

— И если я попрошу, ты представишь их в суде?

— Конечно, — ответил Антоний с деланным удивлением. — Это мой долг перед соратником триумвиром. Если его обвинят, ты лишишься одного очень хорошего командира, а для меня это станет удачей, верно? Естественно, лишь в том случае, если бы началась гражданская война. Но я не взял бы его даже легатом, Октавиан. Это ведь ты говорил, что изменников можно использовать, но их нельзя любить и им не стоит доверять. Или это говорил твой божественный папочка?

— Кто и что говорил, не важно. Сальвидиен должен уйти.

— Через Стикс или в вечную ссылку?

— Через Стикс. Думаю, после суда в сенате. Не в комитии — слишкомлюдно. В сенате, за закрытыми дверями.

— Хорошая мысль! Но для тебя трудная. Тебе придется послать Агриппу в Дальнюю Галлию — это ведь отныне твоя часть триумvirата. Если бы она была моей, я мог бы послать туда кого угодно, например Поллиона. Теперь я пошлю Поллиона на помощь Цензорину в Македонию, а Вентидия использую, чтобы сдерживать Лабиена и Пакора, пока я не смогу лично разобраться с парфянами, — сказал Антоний, сжимая нож.

— Ничто не мешает тебе лично разобраться с ними прямо сейчас, — язвительно заметил Октавиан. — Что, боишься отойти слишком далеко от меня, Италии и Секста Помпея — именно в таком порядке?

— У меня есть веская причина быть около вас троих!

— Никаких причин у тебя нет, — резко оборвал его Октавиан. — Я ни при каких обстоятельствах не буду воевать с тобой, но с Секстом Помпеем я буду воевать, как только смогу.

— Наш договор запрещает это.

— Вот уж нет! Секст Помпей — враг народа, закон, объявляющий его *hostis*, записан на таблицах. Помнится, ты сам при-

ложил к этому руку? Он не наместник Сицилии или чего-то еще, он пират. Поскольку я *curator annonae* и отвечаю за продовольственное снабжение Рима, мой долг — поймать его. Он препятствует свободному вывозу зерна.

Пораженный смелостью Октавиана, Антоний решил закончить беседу, если это можно так назвать. С иронией пожелав удачи, он направился к Павлу Лепиду, чтобы проверить слух, что брат триумвира Лепида скоро женится на дочери Скрибонии от Корнелия. «Если это правда, он воображает себя хитрым, — подумал Антоний. — Но это нисколько не приблизит его к огромному приданому. Октавиан разведется со Скрибонией, как только нанесет поражение Сексту, а это означает, что я должен сделать все, чтобы этот день не наступил никогда. Дать Октавиану одержать большую победу — и вся Италия будет боготворить его. Знает ли этот маленький червяк, что единственная причина, почему я остаюсь так близко от Италии, — желание, чтобы итальянцы не забыли имя Марка Антония? Конечно знает».

Октавиан сел рядом с Агриппой.

— У нас опять неприятность, — с сожалением сообщил он. — Антоний только что сказал мне, что наш дорогой Сальвидиен находится в контакте с ним на протяжении уже нескольких месяцев, собираясь перейти на его сторону. — Глаза Октавиана стали темно-серыми. — Признаюсь, это было ударом. Я не думал, что Сальвидиен такой дурак.

— Это логичный для него поступок, Цезарь. Он — рыжий пиценец. Разве таким можно доверять? Ему до смерти хочется быть большой рыбой в большом море.

— Это значит, что мне придется послать тебя управлять Дальней Галлией.

Агриппа был ошеломлен.

— Цезарь, нет!

— А кого еще, кроме тебя? Из этого следует, что сейчас я не пойду против Секста Помпея. Удача, как всегда, на стороне Антония.

— Я могу по пути построить верфи между Косой и Генуей, но после Генуи я двинусь по дороге Эмилия Савра к Плацен-

ции — недостаточно времени, чтобы на всем пути держаться берега. Цезарь, Цезарь, ведь я смогу вернуться домой только через два года, если справлюсь!

— Ты должен хорошо выполнить это задание. Я больше не хочу восстаний среди длинноволосых, и, по-моему, божественный Юлий был не прав, когда позволил друидам заниматься своим делом. Кажется, это дело по большей части состоит в том, чтобы сеять недовольство.

— Я согласен. — Лицо Агриппы просветлело. — У меня есть идея, как навести порядок у белгов.

— Какая идея? — полюбопытствовал Октавиан.

— Расселить орды германских убиев на галльском берегу Рена. Все племена, от нервиев до треверов, будут пытаться прогнать германцев на их берег реки, и у них не останется времени на восстания. — Агриппа задумался. — Хотел бы я, как божественный Юлий, ступить на землю Германии!

Октавиан рассмеялся:

— Агриппа, если ты хочешь проучить германских свевов, я уверен, ты их проучишь. С другой стороны, убию нам нужны, так почему бы не подарить им хорошую землю? Они лучшие кавалеристы, какие есть у Рима. Все, что я могу сказать, мой самый дорогой друг, — я очень рад, что ты выбрал меня. Я могу перенести потерю сотни Сальвидиенов, но не вынесу потери моего единственного Марка Агриппы.

Агриппа засиял, схватил Октавиана за руку. Сам-то он знал, что бесконечно предан Цезарю, но ему нравилось, когда Октавиан признавал этот факт словом или делом.

— Важнее, кто останется около тебя, пока я буду служить в Дальней Галлии.

— Конечно, Стагилий Тавр. Думаю, Сабин. Само собой разумеется, Кальвин. Корнелий Галл — умный и надежный, пока не погружается в сочинение очередной поэмы. Карринат в Испании.

— В основном опирайся на Кальвина, — посоветовал Агриппа.

Как и Скрибония, Октавия не считала правильным надевать на свадьбу огненно-красное и шафрановое. Обладая хорошим вкусом, она выбрала светло-бирюзовый цвет, который особенно шел ей. К изящно задрапированному платью она надела великолепное ожерелье и серьги, подаренные ей Антонием, когда тот заходил в дом покойного Марцелла-младшего навестить ее за день до церемонии.

— О, Антоний, какая красота! — выдохнула она, с изумлением разглядывая гарнитур. Сделанное из золота и богато украшенное безупречной неограненной бирюзой ожерелье плотно прилегало к шее, как узкий воротник. — На камнях нет ни единого пятнышка, которое портило бы их голубизну.

— Я подумал о них, когда вспомнил цвет твоих глаз, — сказал Антоний, довольный ее восторгом. — Клеопатра дала их мне для Фульвии.

Октавия не отвела взгляд, не позволила хоть чуть померкнуть свету в этих глазах, которыми все восхищались.

— Они действительно великолепны, — подтвердила она и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. — Завтра я их надену.

— Я подозреваю, — небрежно продолжил Антоний, — что камни не отвечали стандартам Клеопатры, касающимся драгоценностей. Она получает великое множество подарков. Так что можно сказать, она дала мне отбракованное. Но денег она мне не предложила, — закончил он с горечью. — Она... ой, извини!

Октавия улыбнулась, как улыбалась маленькому Марцеллу, когда тот озорничал.

— Ты можешь сквернословить, сколько хочешь, Антоний. Я не молодая девица, которую надо оберегать от грубостей.

— Ты согласна выйти за меня замуж? — спросил он, считая, что обязан задать этот вопрос.

— Я люблю тебя всем сердцем уже много лет, — ответила она, не пытаясь скрывать свои чувства.

Какой-то инстинкт подсказал ей, что ему нравится, когда его любят, что это вызывает в нем ответное чувство, чего она отчаянно хотела.

— Я бы сам ни за что не догадался! — воскликнул он, пораженный.

— Ты и не мог догадаться. Я была женой Марцелла и не нарушала данных клятв. Любовь к тебе была чем-то глубоко личным, никого не касающимся.

Антоний почувствовал знакомое движение в животе, реакцию тела, которая предупреждала его, что он влюбляется. Фортуна была на его стороне даже в этом. Завтра Октавия будет принадлежать ему. Нет нужды беспокоиться, что она посмотрит на другого мужчину, раз она не смотрела на него семь лет, пока принадлежала Марцеллу-младшему. Не то чтобы жены когда-нибудь давали ему повод для беспокойства. Все три хранили ему верность. Но эта, четвертая, была самой лучшей. Спокойная, ухоженная, элегантная, из рода Юлиев, республиканская царевна. Только мертвый не будет очарован ею.

Он наклонил голову и поцеловал ее в губы, вдруг почувствовав, что не просто хочет, а жаждет ее. Она ответила на поцелуй так, что голова закружилась, но, прежде чем это стало опасным, Октавия прервала поцелуй и отошла.

— Завтра, — сказала она. — А теперь иди к своим сыновьям.

Детская была не очень просторная и на первый взгляд казалась переполненной маленькими детьми. Острый глаз воина насчитал шесть ходячих и одного прыгающего в кроватке. Обворожительная светловолосая девочка двух лет лягнула в голень пятилетнего мальчика. Он тут же сильно толкнул ее, и она шлепнулась на попу, так что послышался глухой стук, а уж потом плач.

— Мама, мама!

— Марция, если ты делаешь кому-то больно, будь готова получить сдачи, — сказала Октавия без тени сочувствия. — Перестань реветь, иначе я отшлепаю тебя за то, что ты начинаешь что-то, чего не можешь закончить.

Остальные четверо — трое примерно ровесники маленького мальчика и один чуть младше светловолосой мегеры — увидели Антония и застыли с открытыми ртами, как и забияка Марция и пострадавший, которого Октавия представила как

Марцелла. В пять лет Антилл смутно помнил своего отца, но не был уверен, что этот гигант действительно его отец, пока Октавия не убедила его в этом. Он просто стоял, боясь протянуть руки для объятия. Двухлетний Юлл громко расплакался, когда гигант двинулся к нему. Смеясь, Октавия подняла его и передала Антонию, а тот быстро вызвал у мальчика улыбку. Как только Антилл увидел это, он протянул руки, чтобы и его тоже обняли, и Антоний поднял его, держа на другой руке.

— Красивые малыши, правда? — спросила Октавия. — Когда они вырастут, то станут такие же большие, как ты. Какая-то часть меня ждет не дожидаясь увидеть их в кирасах и птеригах, а другая часть боится этого, ведь тогда они уйдут из-под моей опеки.

Антоний что-то ответил, думая о другом. Марция? Марция? Чья она и почему называет Октавию мамой? Впрочем, Антилл и Юлл тоже называют ее мамой. Девочка в кроватке, светленькая, как Марция, — это ее родная дочь Целлина, как ему сказали. Но чья Марция? Она похожа на Юлиев, иначе он бы подумал, что она родственница Филиппа, спасенная от какой-то ужасной судьбы этой женщиной, помешанной на детях. Ибо она действительно помешана на них.

— Пожалуйста, Антоний, позволь мне взять к себе Куриона! — попросила Октавия, глядя на него умоляющими глазами. — Я не могу взять его без твоего разрешения, но он отчаянно нуждается в семье и воспитании. Ему скоро будет одиннадцать лет, а он совсем дикий.

Антоний очень удивился:

— Октавия, конечно, ты можешь взять его, но зачем тебе обременять себя еще одним ребенком?

— Потому что он несчастен, а ни один мальчик его возраста не должен быть несчастным. Он скучает по маме, не слушается своего педагога, очень глупого, никчемного человека. Почти всегда он толчется на Форуме, где надоедает всем. Еще год или два — и он начнет красть кошельки.

Антоний усмехнулся:

— Ну, его отец, мой друг, в свое время проделывал и такое. Курион Цензор, отец моего друга, был скупым неумным ав-

тократом, и он, бывало, запирает Куриона. Я освобождал его, и мы пускались во все тяжкие. Возможно, ты — это то, что нужно Куриону.

— О, благодарю тебя!

Под хор протестующих голосов Октавия закрыла дверь детской. По-видимому, обычно она проводила там больше времени, и все дети, даже Антилл и Юлл, винили гиганта в том, что она так рано ушла.

— А кто такая Марция? — спросил Антоний.

— Моя сводная сестра. Меня мама родила в восемнадцать лет, а Марцию — в сорок четыре.

— Ты хочешь сказать, что она дочь Атии от Филиппа-младшего?

— Да, конечно. Она появилась у меня, поскольку мама не смогла о ней заботиться. У нее распухли и ужасно болели суставы.

— Но Октавиан ни разу не упоминал о ее существовании! Я знаю, он делает вид, что его мать умерла, но его сводная сестра! О боги, это нелепо!

— Фактически у нас две сводные сестры. Ведь у нашего отца была дочь от первого брака. Теперь ей за сорок.

— Да, но...

Антоний затряс головой, как борец, получивший серию хороших ударов.

— Ладно, Антоний, ты же знаешь моего брата! Хотя я очень люблю его, но прекрасно вижу его недостатки. Он слишком чувствителен к своему статусу и считает, что это недостойно — иметь сводную сестру на двадцать лет младше его. К тому же он опасается, что Рим перестанет воспринимать его всерьез, если его юный возраст подчеркнет существование маленькой сестры, о которой все будут знать. Плохо еще и то, что Марция была зачата так скоро после смерти нашего бедного отца. Рим давно простил маме ее ошибку, но Цезарь никогда не простит. Кроме того, Марция появилась у меня, еще не умея ходить, и люди потеряли счет. — Она хихикнула. — Те, кто знакомится с моими подопечными, считают, что она моя дочь, потому что она похожа на меня.

- Ты так любишь детей?
- Любовь — слишком слабое слово, слишком затасканное и неправильное. За ребенка я отдала бы жизнь.
- Чей бы он ни был?
- Именно. Я всегда верила, что дети — это возможность для людей привнести в свою жизнь что-то героическое, постараться убедиться, что их ошибки исправлены, а не повторены.

На следующее утро слуги покойного Марцелла-младшего отвели детей в мраморный дворец Помпея Великого в Каринах, а те из слуг, которым пришлось остаться в доме Марцелла-младшего, плакали, потому что не хотели расставаться с госпожой Октавией. Дом, за которым им теперь надлежало присматривать, принадлежал маленькому Марцеллу, но он сможет поселиться там только через много лет. Антоний, душеприказчик покойного, решил пока не выставлять дом для найма. Его секретарь Луцилий будет поддерживать идеальный порядок. Он не даст дому обветшать.

С наступлением сумерек Антоний перенес свою новую жену через порог дворца Помпея, видевшего, как Помпей перенес через этот же порог Юлию, их ждали здесь шесть лет счастья, закончившиеся с ее смертью во время родов. «Пусть моя судьба не будет такой», — подумала Октавия, удивившись, с какой легкостью муж поднял ее на руки, а потом опустил, чтобы взять огонь и воду. Он передал их ей, сделав ее новой хозяйкой дома. Около сотни слуг наблюдали, вздыхали, о чем-то шептались, тихо аплодируя. Репутация госпожи Октавии как самой доброй и самой понимающей женщины опередила ее. Старшие из них, особенно управляющий Эгон, мечтали, чтобы дом снова расцвел, как при Юлии. Фульвия была требовательной, но не интересовалась домашними делами.

От внимания Октавии не ускользнуло, что ее брат доволен и любезен, но она не понимала почему. Да, он надеялся залатать брешь, устроив этот брак, но какая ему выгода, если брак потерпит крах, чего втайне ожидали все присутствующие на церемонии? Страшнее всего было предчувствие Октавии, что

Цезарь рассчитывает на крах ее брака. Она поклялась, что если такое и произойдет, то не по ее вине!

Ее первая ночь с Антонием доставила ей удовольствие, и намного большее, чем все ночи с Марцеллом-младшим, вместе взятые. То, что ее новый муж любит женщин, было видно по тому, как он касался ее, как наслаждался близостью. Запреты, преследовавшие ее всю жизнь, разом были нарушены. Он приветствовал ее ласки и тихое мурлыканье от ошеломившей ее радости. Он позволил ей исследовать его тело, словно раньше никто его так не изучал. Для Октавии он был идеальным любовником, чувственным и сладострастным, он вовсе не был сосредоточен лишь на своих желаниях. Слова любви и любовные игры слились в пламенный поток наслаждений, такой чудесный, что она заплакала. Прежде чем погрузиться в забытие, почти в транс, она поняла, что умерла бы за него с такой же радостью, с какой умерла бы за ребенка.

А утром она узнала, что Антоний тоже доволен в равной степени. Когда она попыталась встать с кровати, чтобы заняться домашними делами, все началось снова и было еще прекраснее, потому что они уже узнали друг друга. Она получила еще большее удовлетворение, ведь теперь она лучше понимала, чего именно хочет, а он был счастлив удовлетворить ее желания.

«О, отлично, — подумал Октавиан, увидев новобрачных на обеде, который устроил Гней Домиций Кальвин два дня спустя. — Я был прав, они настолько разные, что очаровали друг друга. Теперь мне остается только ждать, когда он устанет от нее. А он устанет. Он устанет! Я должен принести жертву Квирина, чтобы он оставил ее ради любви к иностранке, а не к римлянке, и Юпитеру Всеблагому Всесильному, чтобы Рим выиграл от его неизбежного разочарования. Посмотрите на него, полного любви, хлещущей через край. Сентиментален, как пятнадцатилетняя девица. Презираю людей, которые поддаются такой тривиальной, неприятной слабости! Со мной этого никогда не случится, я это точно знаю. Моими эмоциями

управляет ум. Я неуязвим для столь приторного дела. Как могла Октавия в него влюбиться? Она удержит его в рабстве не более двух лет, а дольше — маловероятно. Ее доброта и мягкий характер для него новость, но, поскольку сам он не добрый и не мягкий, его очарование добродетелью будет меркнуть, пока не превратится в типичное для Антония бурное отвращение.

Я неустанно буду распространять слух о его женитьбе, заставлю моих агентов говорить об этом в каждом городе, большом или малом, в каждой муниципии в Италии и Итальянской Галлии. До сих пор я держал агентов, чтобы они защищали мои интересы, перечисляя вероломства Секста Помпея и описывая безразличие Марка Антония к положению в своей стране. Но следующей зимой они почти не будут этим заниматься. Они будут восхвалять не сам этот союз, а госпожу Октавию, сестру Цезаря и олицетворение всего, чем должна быть римская матрона. Я воздвигну ее статуи, столько, сколько смогу, и буду умножать их, пока полуостров не застонет под их тяжестью. Ах, я это уже сейчас вижу! Октавия, целомудренная и добродетельная, как обесчещенная Лукреция; Октавия, более достойная уважения, чем весталка; Октавия, укротительница безответственного деревенщины Марка Антония; Октавия, которая спасла свою страну от гражданской войны. Да, Октавия Целомудренная должна иметь безупречную репутацию! К тому времени, как мои агенты проделают всю работу, Октавия Целомудренная станет почти богиней, как Корнелия, мать Гракхов! Так что, когда Антоний бросит ее, каждый римлянин и италиец проклянет его как грубое, бессердечное чудовище, которым управляет вождество.

О, если бы я мог заглянуть в будущее! Если бы я знал ту женщину, ради которой Антоний бросит Октавию Целомудренную! Я принесу жертву всем римским богам, чтобы эту женщину все римляне и италийцы стали ненавидеть, ненавидеть, ненавидеть. Если возможно, боги, взыщите грехи Антония с нее. Я изображу ее злобной, как Цирцея, тщеславной, как троянская Елена, зловредной, как Медея, жестокой, как Клитемнестра, смертоносной, как Медуза. И если она не такая, я сделаю так,

чтобы она всем казалась такой. Я заставлю моих агентов разносить слух, демонизировать эту неизвестную женщину, так же как я обожествляю мою сестру.

Есть много способов победить человека, не начиная с ним открытую войну. Это же напрасная потеря жизней и урон для страны! Сколько денег она стоит! Денег, которые должны быть потрачены к вящей славе Рима.

Берегись меня, Антоний! Но ты не станешь этого делать, потому что считаешь меня женоподобным неудачником. Я не божественный Юлий, нет, но я его достойный преемник. Прикрой глаза, Антоний, будь слепым. Я достану тебя, даже ценой счастья моей любимой сестры. Если бы Корнелия, мать Гракхов, столько не выстрадала, римские женщины не клали бы цветы на ее могилу. Такая же судьба будет и у Октавии Целомудренной».

9

С изумлением видя, как триумвир Антоний и триумвир Октавиан ходят по городу вместе, словно старые добрые друзья, Рим бурно радовался в ту зиму, приветствуя это как начало золотого века, который, по уверениям предсказателей, стучался в дверь человечества. Да к тому же жена триумвира Антония и жена триумвира Октавиана были беременны. Высоко воспарив в эфир творческого преобразования и не зная, как вновь опуститься на землю, Вергилий писал свою Четвертую эклогу, предвещая рождение ребенка, который спасет мир. Более циничными были заключаемые пары, чей сын — триумвира Антония или триумвира Октавиана — станет тем самым избранником. И никому даже в голову не приходило, что могут родиться девочки. Девочка не возвестит приход Эры благоденствия — это было несомненно.

Не то чтобы все на самом деле было хорошо. Поговаривали о тайном суде над Квинтом Сальвидиеном Руфом, но никто, кроме членов сената, не знал, что за свидетельства были пред-

ставлены, что сказал Сальвидиен, как была организована защита. Вердикт шокировал всех. Уже давно римлянина не казнили за измену. Много раз ссылали, да, много было проскрипционных списков, но не было официального суда в сенате со смертельным приговором, который не может быть вынесен римскому гражданину: сначала надо лишить гражданства, а потом уже отрубать голову. Был закон о суде за измену, и хотя он не применялся уже много лет, он оставался записанным на таблицах. Так зачем секретность и почему сенат?

Не успел сенат избавиться от Сальвидиена, как на улицах Рима появился Ирод в тирском пурпуре и золоте. Он остановился в лучшем номере самой дорогой гостиницы в городе на углу спуска Урбия и приступил к раздаче щедрых даров нуждающимся сенаторам. Его прошение назначить его царем евреев было зачитано в сенате, где едва набрался кворум, и то лишь благодаря его щедрым дарам и присутствию Марка Антония, который выступал на его стороне. В любом случае вопрос был чисто гипотетическим, поскольку с одобрения парфян царем евреев стал Антигон, который в обозримом будущем вряд ли отдаст трон. Парфяне или не парфяне, большинство евреев хотели Антигона.

— Где ты достал все эти деньги? — спросил Антоний, когда они входили в небольшое здание, соседнее с храмом Согласия у подножия Капитолийского холма.

В этом здании сенат принимал иностранцев, которым был запрещен вход в курию.

— У Клеопатры, — ответил Ирод.

— У Клеопатры?!

— Да, а что в этом удивительного?

— Она слишком прижимиста, чтобы давать кому-то деньги.

— Но ее сын щедр, а он командует ею. Кроме того, мне пришлось согласиться отдать ей доход от продажи иерихонского бальзама, когда я стану царем.

— А-а!

Ирод получил *senatus consultum*, который официально утвердил его царем евреев.

— Теперь тебе остается лишь завоевать свое царство, — сказал Квинт Деллий за изысканным обедом (повара гостиницы славились своим искусством).

— Знаю, знаю! — резко оборвал его Ирод.

— Это не я щипал Иудею, так зачем срывать злость на мне? — укоризненно промолвил Деллий.

— Потому что ты здесь, под моим носом, не мычишь, не телишься. Ты думаешь, Антоний когда-нибудь поднимет задницу и станет воевать с Пакором? Он даже не упомянул о парфянской кампании.

— Он не может. Ему приходится присматривать за этим сладким мальчиком, Октавианом.

— О, всему миру это известно! — нетерпеливо воскликнул Ирод.

— Кстати, о сладком. Ирод, что случилось с твоими надеждами, связанными с Мариамной? Разве Антигон не женился на ней?

— Он не может жениться на ней, он ее дядя, и он слишком боится своих родственников, чтобы отдать ее кому-то из них. — Ирод ухмыльнулся и похлопал у себя за спиной пухлыми ручками. — Кроме того, она у меня, а не у него.

— У тебя?!

— Да, я увез ее и спрятал как раз перед падением Иерусалима.

— Ну ты и умник! — Деллий взял еще одну порцию деликатеса. — Сколько капель иерихонского бальзама в этих фаршированных птичках?

Эти и многие другие события бледнели перед реальной, животрепещущей проблемой, которая стояла перед Римом со дня смерти Цезаря: запасы зерна. Пообещавший быть хорошим, Секст Помпей вновь стал курсировать по морю и захватывать пшеницу, даже не дождавшись, пока высохнет восковая печать на заключенном в Брундизии соглашении. Осмелев еще больше, он посылал отряды на берег Италии каждый раз, когда наполнялись амбары, и крал зерно, хотя хранилища считались

неприступными. Когда цена государственного зерна достигла сорока сестерциев за шестидневный рацион, в Риме и во всех остальных городах, больших и малых, вспыхнули мятежи. Раньше бедных граждан снабжали дешевым зерном, но бог Юлий уменьшил их количество вдвое, до ста пятидесяти тысяч, введя проверку реальных доходов. Разъяренные толпы кричали, что этот закон вступил в силу, когда пшеница стоила десять сестерциев за модий, а не сорок! Список на получение бесплатного зерна надо расширить и включить тех, кто не может платить четырехкратную цену. Сенат отказался выполнить это требование, и мятеж стал серьезнее, чем во времена Сатурнина.

Ужасная ситуация для Антония, вынужденного быть свидетелем того, какой острой проблемой стало зерно, и осознавать, что он, и никто другой, дал возможность Сексту Помпею продолжать разбой.

Подавив вздох, Антоний отказался от мысли использовать по назначению двести талантов, отложенные им на свои удовольствия. Вместо этого он купил достаточно зерна, чтобы накормить еще сто пятьдесят тысяч голодных, тем самым заработав незаслуженную благодарность от неимущих. Откуда это неожиданное счастье? Откуда же еще, как не от Пифодора из Тралл! Антоний предложил этому плутократу свою дочь Антонию-младшую, некрасивую, тучную и тупую, в обмен на двести талантов наличными. Пифодор, мужчина все еще в расцвете сил, с радостью ухватился за предложение. Плачущая, как теленок без матери, Антония-младшая уже отправилась в Траллы, к чему-то, что называлось мужем. Вопящая, как корова, у которой отняли теленка, Антония Гибрида позаботилась о том, чтобы весь Рим знал о судьбе, постигшей ее дочь.

— Как можно совершать такие гнусные вещи? — воскликнул Октавиан, разыскав своего *inimicus* Антония.

— Гнусные? Во-первых, она моя дочь и я могу выдать ее замуж за кого захочу! — взревел Антоний, ошеломленный этим новым проявлением безрассудной смелости Октавиана. — Во-вторых, деньги, которые я взял за нее, накормили вдвое больше граждан на полтора месяца! Ты сможешь критиковать ме-

ня, Октавиан, когда у тебя будет дочь, способная сделать хоть десятую долю того, что сделала для неимущих моя Антония!

— *Gerrae!* — презрительно ответил Октавиан. — Пока ты не приехал в Рим и своими глазами не увидел, что происходит, ты собирался потратить эти деньги на оплату своих растущих счетов. У бедной девочки нет ни капли здравого ума, чтобы осознать свою участь. По крайней мере, ты мог хотя бы послать с ней ее мать, а не оставлять в Риме женщину, которая будет кричать о своей потере всем и каждому, кто захочет ее выслушать!

— С каких это пор в тебе проснулись чувства? *Mentulam caso!*

Октавиана чуть не стошнило от такой непристойной брани, а Антоний в ярости выскочил из комнаты, и даже Октавии не удалось смягчить ситуацию.

Гней Асиний Поллион, наконец официально утвержденный в консульской должности, получил все положенные регалии, принес жертву богам и дал клятву исполнять долг. Он все время задавал себе вопрос, что бы такое сделать, чтобы прославить свое двухмесячное пребывание на этом посту. И теперь он знал ответ: образумить Секста Помпея. Чувство справедливости говорило ему, что этот недостойный сын великого отца отчасти прав. Ему было семнадцать лет, когда его отца убили в Египте, ему не было еще и двадцати, когда его старший брат погиб после Мунды, где Цезарь сражался с сыновьями Гнея Помпея, и он ничего не мог сделать, когда мстительный сенат заставил его жить изгоем, отказав ему в праве восстановить семейное состояние. Чтобы избежать этой ужасной ситуации, нужен был только декрет сената, который позволил бы ему вернуться домой и наследовать статус и состояние отца. Но первый был намеренно опорочен с целью повисить репутацию его врагов, а второе давно уже исчезло в бездонной яме финансирования гражданской войны.

«И все же, — подумал Поллион, пригласив Антония, Октавиана и Мецената к себе, — я могу попытаться заставить наших триумвиров понять, что надо предпринять что-то разумное».

— Если этого не сделать, — сказал он, угощая гостей разбавленным вином в своем кабинете, — не много времени понадобится, чтобы все присутствующие здесь погибли от рук толпы. Поскольку толпа не умеет управлять, у Рима появятся новые хозяева — мне даже страшно подумать, кто это будет и с какого дна они поднимутся. Я не хочу, чтобы так закончилась моя жизнь. Я хочу уйти в отставку, увенчанный лаврами, и писать историю нашего бурного времени.

— Хорошо сказано, — пробормотал Меценат, поскольку оба триумвира молчали.

— Что именно ты предлагаешь, Поллион? — спросил Октавиан после долгой паузы. — Чтобы мы, те, кто в течение нескольких лет страдал из-за этого безответственного вора и видел пустую казну, теперь восхваляли его? Сказали ему, что все прощено и он может вернуться домой? Тьфу!

— Слушай, — произнес Антоний, став серьезным, — не слишком ли сурово, а? Мнение Поллиона о Сексте отчасти справедливо. Лично я всегда чувствовал, что с Секстом обошлись жестоко, отсюда мое нежелание, Октавиан, расправляться с мальчишкой. Я хотел сказать, с молодым человеком.

— Ты лицемер! — зло крикнул Октавиан. В такой ярости его никто никогда не видел. — Тебе легко быть добрым и понимающим, ты, бездеятельный болван, праздно проводящий зимы в пьянках, пока я ломаю голову, как накормить четыре миллиона человек! И где деньги, которые мне нужны, чтобы сделать это? Да в сокровищницах этого трогательного, ограбленного, оклеветанного мальчика! У него должны быть сокровищницы, полные золота, он столько из меня выжал! А когда он выжимает из меня, Антоний, он выжимает из Рима и Италии!

Меценат положил руку на плечо Октавиана. Рука казалась мягкой, но пальцы так впились в плечо, что Октавиан поморщился и отбросил руку.

— Я пригласил вас сегодня не для того, чтобы вы тут выясняли отношения, — сурово промолвил Поллион. — Я пригласил вас, чтобы понять, сможем ли мы четверо придумать такой способ обуздать Секста Помпея, который обойдется нам дешевле, чем война на море. Ответ — переговоры, а не кон-

фликт! И я надеюсь, что ты, со своей стороны, поймешь это, Октавиан.

— Я скорее заключу пакт с Пакором, отдав ему весь Восток, — ответил Октавиан.

— Похоже, ты не хочешь найти решение проблемы, — подколол его Антоний.

— Я хочу найти решение! Единственное! А именно сжечь все его корабли до последнего, казнить его флотоводцев, продать его моряков и солдат в рабство и дать ему возможность эмигрировать в Скифию! Ибо пока мы не признаем, что именно это следует сделать, Секст Помпей будет продолжать морить голодом Рим и Италию себе в угоду! Этот подлец не имеет ни ума, ни чести!

— Я предлагаю, Поллион, отправить посланника к Сексту и просить его встретиться с нами, скажем, в ПUTEОЛАХ. Да, ПUTEОЛЫ подойдут, — сказал Антоний, излучая добрую волю.

— Я согласен, — тут же ответил Октавиан.

Это поразило всех, даже Мецената. Значит, его взрыв был рассчитанным ходом, а не спонтанным всплеском эмоций? Что он задумал?

Поскольку Октавиан без возражений согласился на встречу в ПUTEОЛАХ, Поллион поменял тему разговора.

— Тебе, Меценат, придется все организовать, — сказал он. — Я намерен сразу же уехать в Македонию выполнять обязанности проконсула. Сенат может назначить консулов-суффектов до конца года. Мне достаточно одного рыночного интервала в Риме.

— Сколько легионов ты хочешь? — спросил Антоний, довольный тем, что можно обсудить что-то, бесспорно находящееся в его компетенции.

— Достаточно шести.

— Хорошо! Это значит, что я могу отправить Вентидия на Восток с одиннадцатью легионами. Ему нужно удерживать Пакора и Лабиена там, где они сейчас находятся. — Антоний улыбнулся. — Опытный старый погонщик мулов этот Вентидий.

— Возможно, опытнее, чем ты думаешь, — сухо заметил Поллион.

— Хм! Я поверю этому, когда увижу. Он почему-то не проявил себя, когда мой брат был заперт в Перузии.

— И я тоже не проявил себя, Антоний! — огрызнулся Поллион. — Может быть, наша бездеятельность объяснялась тем, что один триумvir не считал нужным отвечать на наши письма?

Октавиан поднялся.

— Я пойду, если вы не против. Простого упоминания о письмах достаточно, чтобы я вспомнил, что мне надо написать сотни их. В такие моменты я жалею, что не обладаю способностью божественного Юлия диктовать одновременно четверем секретарям.

Октавиан и Меценат ушли. Поллион в упор посмотрел на Антония.

— Твоя беда, Антоний, в том, что ты ленивый и разболтанный, — едко выговорил он. — Если ты не поднимешь поскорее задницу и не предпримешь что-нибудь, может оказаться, что уже поздно что-либо делать.

— А твоя беда, Поллион, в том, что ты дотошный, беспокойный человек.

— Планк ворчит, а он возглавляет фракцию.

— Тогда пусть ворчит в Эфесе. Он может поехать управлять провинцией Азия, и чем скорее, тем лучше.

— А Агенобарб?

— Может продолжить управлять Вифинией.

— А как насчет царств-клиентов? Дейотар мертв, а Галатия рушится и погибает.

— Не беспокойся, у меня есть несколько идей, — промурлыкал Антоний и зевнул. — О боги, как я ненавижу Рим зимой!

10

В ПUTEОЛАХ в конце лета был заключен договор с Секстом Помпеем. Антоний держал свое мнение об этом при себе, Октавиан же нисколько не сомневался, что Секст не будет вести себя как честный человек. В глу-

бине души он был воякой из Пицена, опустившимся до пирата и неспособным сдержать слово. В ответ на согласие разрешить свободно провозить зерно в Италию Секст получал официальное признание его наместничества в Сицилии, Сардинии и Корсике. Он также получал греческий Пелопоннес, тысячу талантов серебра и право быть избранным консулом через четыре года с Либоном в качестве консула следующего года. Все, у кого ум был больше горошины, понимали, что это фарс. «Как ты, наверное, смеешься сейчас, Секст Помпей», — думал Октавиан после переговоров.

В мае жена Октавиана Скрибония родила девочку. Октавиан назвал ее Юлией. В конце июня Октавия тоже родила девочку, Антонию.

Один из пунктов договора с Секстом Помпеем гласил, что оставшиеся ссыльные могут вернуться домой. Среди таких ссыльных был и Тиберий Клавдий Нерон, который не чувствовал себя в безопасности после соглашения, заключенного в Брундизии. Поэтому он оставался в Афинах до тех пор, пока не решил, что теперь может безнаказанно вернуться в Рим. Сделать это было сложно, так как состояние Нерона улетучилось. Частично это произошло по его вине, поскольку он немудро инвестировал в компании публиканов, которые собирали налоги с провинции Азия и прогорели, после того как Квинт Лабиен и его парфянские наемники вторглись в Карию, Писидию, Ликию — их самые богатые источники наживы. А частично — не по его вине, разве что более умный человек остался бы в Италии и умножал свое богатство, а не убежал, оставив его в распоряжении недобросовестных греческих вольноотпущенников и бездеятельных банкиров.

Таким образом, Тиберий Клавдий Нерон, возвращавшийся домой ранней осенью, находился в столь бедственном положении, что оказался плохим компаньоном для своей жены. Он смог позволить себе нанять только открытую повозку для багажа и паланкин. Правда, он разрешил Ливии Друзилле разделить с ним это средство передвижения, но она отказалась без объяснения причин. А причин было две. Во-первых, носильщики были слабые, жалкие, едва способные поднять

паланкин с Нероном и его сыном. А во-вторых, ей было неприятно находиться рядом с мужем и сыном. Транспортное средство передвигалось со скоростью пешехода, и Ливия Друзилла шла пешком. Погода была идеальная: теплое солнце, прохладный бриз, много тени, запах сена и пряных трав, которые выращивали крестьяне для борьбы с вредителями. Нерон предпочитал ехать по дороге, Ливия Друзилла шла по обочине, где ромашки образовали мягкий ковер под ногами и можно было подобрать ранние яблоки и поздние груши, которые ветром сорвало с деревьев. Пока она оставалась вне поля зрения сидящего в паланкине Нерона, мир принадлежал ей.

У Теана Сидицинского они свернули с Аппиевой дороги на Латинскую: те, кто продолжал путь в Рим по Аппиевой дороге через Помптинские болота, рисковали жизнью, ибо место было малярное.

У города Фрегеллы они остановились в скромной гостинице, и Нерон тут же заказал ванну.

— Не выливайте воду, после того как я и мой сын вымоемся, — предупредил он. — Моя жена сможет воспользоваться ею.

В их комнате он хмуро посмотрел на нее. Сердце у нее забилось, она боялась, что лицо выдаст ее, но стояла сдержанная и услужливая, готовая выслушать уже давно известное из многолетнего опыта.

— Мы приближаемся к Риму, Ливия Друзилла, и я напоминаю тебе: старайся не тратить лишних денег. Маленькому Тиберию в будущем году понадобится педагог — вынужденные расходы, — и ты должна быть достаточно экономной, чтобы облегчить это бремя. Никаких новых платьев, никаких драгоценностей и определенно никаких специальных слуг вроде парикмахера или косметолога. Это понятно?

— Да, муж, — покорно ответила Ливия Друзилла и незаметно вздохнула.

Не то чтобы ей очень нужен был парикмахер или косметолог, но она истосковалась по спокойной жизни без постоянной дерготни и критики. Она хотела иметь свои комнаты, где она могла бы читать книги по своему вкусу, выбирать меню независимо от стоимости блюд и не отчитываться о тех ничтожных суммах, что она тратила. Она хотела, чтобы ее обожали,

хотела видеть лица, которые светились бы при упоминании ее имени. Вот, к примеру, Октавия, благородная жена Марка Антония, чьи статуи стояли на рыночных площадях в Беневенте, Капуе, Теане Сидицинском. Что она сделала, в конце концов, кроме того, что вышла замуж за триумвира? Но люди воспевают ее, словно она богиня, молятся, чтобы хоть раз увидеть ее, когда она путешествует между Римом и Брундизием. Люди продолжают бредить, приписывая наступивший в стране мир ее заслугам. О, если бы стать такой Октавией! Но кого интересует жена патриция, если его зовут Тиберий Клавдий Нерон?

Он в упор смотрел на нее, озадаченный. Ливия Друзилла вдруг очнулась, облизнула пересохшие губы.

— Ты хочешь что-то сказать? — холодно спросил он.

— Да, муж.

— Тогда говори, женщина!

— Я жду ребенка. Думаю, это опять будет мальчик. Приметы те же, какие были, когда я носила Тиберия.

Сначала пришло потрясение, потом все возрастающее неудовольствие. Уголки рта опустились, Тиберий скрипнул зубами.

— Ливия Друзилла! Почему ты не следила за собой? Я не могу позволить себе иметь второго ребенка, тем более второго сына! Тебе надо пойти к Вона Деа и попросить снадобье, как только мы прибудем в Рим.

— Боюсь, будет уже поздно, *domine*.

— *Sacat!* — крикнул он в ярости. — Какой срок?

— Думаю, почти два месяца. А снадобье можно применять только до шести рыночных интервалов. А у меня уже семь.

— Даже если это так, ты примешь снадобье.

— Конечно.

— Не хватало только этого! — крикнул он, вскинув кулаки. — Уйди, женщина! Уйди и дай мне спокойно принять ванну!

— Ты хочешь, чтобы Тиберий присоединился к тебе?

— Тиберий — моя радость и утешение, конечно я хочу!

— Тогда позволь мне прогуляться, посмотреть старый город?

— По мне, жена, ты можешь хоть прыгнуть с утеса!

Фрегеллы уже восемьдесят пять лет представляли собой город-призрак, разграбленный Луцием Опиимом за восстание против Рима в те дни, когда полуостров представлял собой мозаику из италийских государств, между которыми были расположены колонии римских граждан. Несправедливость и бесцеремонное обращение заставили наконец италийские государства объединиться и попытаться сбросить римское ярмо. Ожесточенная война имела много причин, но началась она с убийства приемного деда Ливии Друзиллы, плебейского трибуна Марка Ливия Друза.

Может быть, потому, что его внучка все это знала, она с болью в сердце, сдерживая слезы, медленно шла среди разрушенных стен и сохранившихся старых зданий. О, как смеет Нерон так обращаться с ней! Как может он винить ее в беременности? Ее, которая, если бы это было возможно, никогда не легла бы в его постель? В Афинах она поняла, как быстро растет в ней отвращение к нему. Она оставалась покорной женой, но ненавидела каждый момент исполнения своего долга.

Она знала о своем деде. Но не знала, что пятьдесят лет назад Луций Корнелий Сулла шел тем же путем, глядя на алые маки, политые кровью италийцев и римлян, с пятнами желтых ромашек, качавшихся на ветру, словно кокетливо строивших глазки, и задавал себе вопрос, на который никто не мог ответить: ради чего совершаются убийства, почему мы идем войной на наших братьев? И как и он, Ливия Друзилла сквозь слезы, застилающие глаза, увидела римлянина, приближавшегося к ней, и подумала: реальный это человек или видение? Сначала она огляделась в поисках места, где могла бы спрятаться. Но когда он приблизился, она опустила на ту же секцию колонны, на которой сидел Гай Марий, и стала ждать, когда человек подойдет к ней.

На нем была тога с пурпурной каймой. Копна великолепных золотистых волос, грациозная и уверенная походка, под широкой тогой угадывалось стройное молодое тело. Он был уже на расстоянии нескольких шагов от нее, и его лицо стало отчетливо видно. Очень гладкое, красивое, суровое и в то же время доброе, с серебристыми глазами, обрамленными золотом ресниц. Ливия Друзилла смотрела, открыв рот.

У Октавиана тоже возникло желание убежать. Иногда люди утомляли его, каким бы благонамеренным ни было их внимание и какой бы неоспоримой ни была их верность. А старый город Фрегеллы находился совсем близко от Новой Фабратерии — города, построенного вместо него. Октавиан шел, подставив лицо солнечным лучам и позволив мыслям блуждать где-то, что он делал нечасто. Эти руины действовали удивительно успокаивающе, наверное из-за тишины. Жужжание пчел вместо гомона рыночной площади, еле слышное мелодичное пение какой-то птицы вместо концерта уличных музыкантов на той же рыночной площади. Покой! Как красиво, как необходимо!

Может быть, из-за того, что он отпустил мысли на волю, его охватило чувство одиночества. Впервые в его деятельной жизни он осознал, что нет рядом ни одного человека, который существовал бы только для него. О да, есть Агриппа, но не об этом он думал. Кто-то только для него, кто-то вроде матери или жены, это изумительное сочетание женственности и бескорыстной преданности, каким Октавия одарила Антония или его мать — будь она проклята! — одарила Филиппа-младшего. Но нет, он не будет думать об Атии и ее непристойном поведении! Лучше думать о сестре, самой дорогой, любимой римлянке, когда-либо жившей на свете. Почему столько радости достается этому грубияну Антонию? Почему у него нет своей Октавии?

Вдруг он увидел, как кто-то идет по опустевшим каменным руинам Фрегелл. Женщина при виде его готова была убежать, но потом опустила на основание колонны и осталась сидеть со слезами на щеках, блестящими при солнечном свете. Сначала он подумал, что она привидение, но, остановившись, понял, что она вполне реальная. Самое очаровательное личико повернулось сначала к нему, потом опустилось вниз. Красивые руки, сложенные на коленях, дрожали. На них не было драгоценностей, но больше ничто не говорило о том, что она низкого происхождения. Это была знатная дама, он чувствовал это нутром. Какой-то инстинкт в нем вырвался из клетки и закричал с такой силой, что внезапно он понял его божественный послыл: она ниспослана ему, это дар небес, который он

не может — не хочет — отвергнуть. Он чуть не воззвал к своему божественному отцу, но только покачал головой. Заговори с ней, разрушь чары!

— Я помешал тебе? — спросил он, улыбаясь своей чудесной улыбкой.

— Нет-нет! — выдохнула она, вытирая еще не высохшие слезы. — Нет!

Он сел у ее ног, недоуменно глядя на нее снизу вверх. Взгляд его поразительных глаз вдруг стал ласковым.

— На какой-то момент я подумал, что ты — богиня на рыночной площади, — сказал он, — а теперь вижу слезы, словно ты оплакиваешь судьбу Фрегелл. Но ты не богиня — пока. Однажды я превращу тебя в богиню.

Какое безрассудство! Она не поняла его, сначала подумала, что он сумасшедший, но — тут же влюбилась.

— У меня появилось свободное время, — произнесла она с пересошим ртом, — и я захотела осмотреть руины. Они такие мирные. А я так хочу покоя!

Последние слова вырвались у нее против воли.

— О да, когда люди покидают место, оно освобождается от всех своих ужасов. Оно излучает покой смерти, но ты слишком молода, чтобы готовиться к смерти. Мой двоюродный прадед Гай Марий однажды встретил другого моего двоюродного прадеда Суллу здесь, среди опустошения. Это была своего рода передышка. Видишь ли, оба они занимались тем, что опустошали города и умерщвляли их жителей.

— И ты тоже это делал? — спросила она.

— Не намеренно. Я бы охотнее строил, чем разрушал. Но я никогда не буду восстанавливать Фрегеллы. Это мой памятник тебе.

Действительно сумасшедший!

— Ты шутишь, а я не заслуживаю этого.

— Как я могу шутить, если видел твои слезы? Почему ты плакала?

— Из-за жалости к себе, — честно призналась она.

— Ответ хорошей жены. Ты хорошая жена, не правда ли?

Она посмотрела на свое простое золотое обручальное кольцо.

— Я пытаюсь, но иногда это тяжело.

— Тебе не было бы тяжело, если бы твоим мужем был я.

Кто он?

— Тиберий Клавдий Нерон.

Дыхание вырвалось со свистом.

— Ах этот. А ты?

— Ливия Друзилла.

— Из благородного старинного рода. И наследница.

— Уже нет. Моего приданого больше нет.

— Ты хочешь сказать, Нерон потратил его.

— Да, после нашего побега. На самом деле я из рода Неронов, но из ветви Клавдиев.

— Значит, твой муж — твой двоюродный брат. У вас есть дети?

— Один, мальчик четырех лет. — Ее черные ресницы опустились. — И еще одного я ношу. Я должна принять снадобье.

Ecastor, что заставило ее сказать это совершенно незнакомому человеку?

— Ты хочешь принять снадобье?

— И да и нет.

— Почему да?

— Я не люблю моего мужа и моего первенца.

— А почему нет?

— Мне кажется, что у меня больше не будет детей. *Вона Деа* говорила со мной, когда я принесла ей жертву в Капуе.

— Я только что вернулся из Капуи, но тебя там не видел.

— Я тоже тебя там не видела.

Наступило молчание, сладкое и безмятежное, лишь где-то на периферии сознания пели жаворонки и жужжали крошечные насекомые в траве, словно даже тишина была многослойной. «Это магия», — подумала Ливия Друзилла.

— Я могла бы сидеть здесь вечно, — хрипло сказала она.

— Я тоже, но только если ты будешь со мной.

Боясь, что он дотронется до нее, а она не сможет его оттолкнуть, она быстро заговорила:

— На тебе *toga praetexta*, но ты так молод. Это значит, что ты один из приближенных Октавиана?

— Я не приближенный. Я — Цезарь.

Она вскочила.

— Октавиан? Ты — Октавиан?

— Я не откликаюсь на это имя, — сказал он, но не сердито. — Я — Цезарь, сын бога. Придет день, и я буду Цезарем Ромулом, согласно декрету сената, утвержденному народом. После того, как я одержу победу над моими врагами и мне не будет равных.

— Мой муж — твой заклятый враг.

— Нерон? — Он засмеялся, искренне развеселившись. — Нерон — ничтожество.

— Он мой муж и вершитель моей судьбы.

— Ты хочешь сказать, что ты его собственность. Я его знаю! Слишком многие мужчины обращаются со своими женами как со скотиной или рабынями. Очень жаль, Ливия Друзилла. Я думаю, жена должна быть самым любимым товарищем мужа, а не рабыней.

— Ты именно так относишься к своей жене? — спросила она, когда он поднялся на ноги. — Как к твоему товарищу?

— Не к нынешней жене, нет. Бедной женщине не хватает ума. — Его тога немного съехала набок. Он поправил складки. — Я должен идти, Ливия Друзилла.

— Я тоже, Цезарь.

Они пошли вместе в сторону гостиницы.

— Я сейчас направляюсь в Дальнюю Галлию, — сказал он у развилки дорог. — Я планировал долго пробыть там, но теперь я встретил тебя и вернусь еще до конца зимы. — Он улыбнулся, и его белые зубы сверкнули на фоне смуглой кожи. — А когда я вернусь, Ливия Друзилла, я женюсь на тебе.

— Я уже замужем и верна своим клятвам. — Она гордо выпрямилась. Достоинство ее было задето. — Я не Сервилия, Цезарь. Я не нарушу клятв даже с тобой.

— Поэтому я и женюсь на тебе.

Он пошел по левой дороге, не оглядываясь, но голос его был ясно слышен:

— Да и Нерон никогда не разведется с тобой, чтобы ты вышла замуж за меня, верно? Какая ужасная ситуация! Как же ее разрешить?

Ливия Друзилла смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду. Только тогда она вспомнила, для чего нужны ноги, и пошла. Цезарь Октавиан! Конечно, все это чепуха. Жизненный опыт подсказывал, что Октавиан говорил похожие слова каждой симпатичной женщине, какую встречал. Власть дает мужчинам преувеличенное представление о своей привлекательности. Взять хотя бы Марка Антония, который так старался очаровать ее. Единственная проблема заключалась в том, что Антоний вызвал у нее отвращение, а вот в его врага она влюбилась. Один взгляд — и она пропала.

Когда она принесла яйца и молоко священной змее, живущей в храме Благой богини в Капуе, та выползла из щели блестящей чешуйчатой лентой, которую солнечные лучи превратили в золотую, сунула морду в молоко, проглотила оба яйца, потом подняла клинообразную голову и посмотрела на Ливию Друзиллу холодными глазами. Она без страха взглянула в эти глаза, сердцем слушая, как змея что-то говорит ей на непонятном языке, потом протянула руку, чтобы погладить змею. Та положила голову на ее ладонь и стала высовывать и прятать язык, высовывать и прятать — словно что-то говорила ей. Что же она сказала? Словно сквозь плотный серый туман Ливия Друзилла силилась вспомнить. Она считала, что у змеи послание от *Vona Dea*: если она готова принести жертву, Благогая богиня подарит ей целый мир. После этого дня она убедилась в своей новой беременности. Никто никогда не видел священную змею, которая ждала ночи, чтобы выползти и выпить молоко и съесть яйца. Но Ливии Друзилле она явилась при свете яркого солнца — длинная золотая змея толщиной с руку. «*Vona Dea, Vona Dea, подари мне мир, и я восстановлю церемонию поклонения тебе, какой она была до того, как вмешались мужчины!*»

Нерон был занят чтением многочисленных свитков. Когда она вошла, он зло посмотрел на нее.

— Слишком долго гуляла, Ливия Друзилла, для человека, который весь день провел на ногах.

— Я разговаривала с мужчиной на руинах Фрегелл.

Нерон весь напрягся.

— Жены не должны разговаривать с незнакомыми мужчинами!

— Он не простой незнакомец. Он Цезарь, божественный сын.

Это вызвало поток слов, которые Ливия Друзилла слышала уже много раз, поэтому она сочла возможным покинуть мужа под предлогом необходимости принять ванну, прежде чем вода совсем остынет. Что она и сделала, хотя для этого ей понадобились все силы. Сняв с поверхности воды пену от использованного бальзама и плавающие чешуйки мертвой кожи, она почувствовала запах пота. Зная Нерона, можно предположить, что он мочился в воду, да и маленький Тиберий тоже. Используя тряпку, Ливия Друзилла, сколько могла, удалила грязь, прежде чем погрузиться в почти остывшую воду. Она подумала, что с радостью забыла бы о добродетели ради любого мужчины, который предложил бы ей свежую, горячую, ароматную воду в красивой мраморной ванне, в которой будет мыться только она. И, прогнав мысли о таких вещах, как моча и грязная пена, она стала мечтать, что этим человеком будет Цезарь Октавиан и что его слова окажутся правдой.

Он говорил правду, хотя по пути к дому дуумвира в Новой Фабратерии осуждал себя за самую неуклюжую в его жизни попытку объяснить в любви.

«Видишь, что получается, когда испытываешь богов? — спрашивал он себя, криво улыбаясь. — Я презирал приторную сентиментальность, считал слабыми мужчин, которые говорили, что при одном взгляде на женщину стрела Купидона пронзала их. Ну вот я сам с этой стрелой, торчащей из моей груди, по уши влюбленный в женщину, которой я даже не знаю. Как это возможно? Как могу я, такой разумный и хладнокровный, поддаться чувству, противоречащему всему, во что я верю? Это наказание от какого-то бога, именно так! Иначе это не име-

ет смысла! Я действительно разумный и хладнокровный! Тогда почему я чувствую, что меня накрыла невыносимая волна... любви? Эта женщина вызывает во мне такой трепет! Я хотел задушить ее поцелуями, я хотел быть с ней до конца моих дней! Ливия Друзилла. Жена претенциозного сноба Тиберия Клавдия Нерона. Из того же гнезда, только другого Клавдия. Ветвь Клавдиев Пульхров дает умных, независимых, неортодоксальных консулов и цензоров, а ветвь Неронов знаменита производством ничтожеств. И Нерон тоже ничтожество, гордый, упрямый, мелкий человек, который никогда не согласится развестись с женой по приказу Цезаря Октавиана».

Ее лицо мелькало в воображении, сводило с ума. Глаза с прожилками, черные волосы, кожа цвета сливок, пухлые красные губы. Может быть, его сразила та же болезнь, которая постоянно кидает Марка Антония в жар? Нет, он не хочет этому верить. Каким бы незнакомым ни было это чувство, должна быть более основательная причина, чем просто зуд в пенисе. «Наверное, — думал Октавиан, сидя в повозке на пути в Рим, — каждый из нас имеет свою половину, и я нашел свою. Как у голубей. Жена другого человека и беременная от него. Это не имеет значения. Она принадлежит мне — мне!»

Радуюсь своей тайне, он вскоре понял, что ему не с кем поделиться ею, даже если бы он захотел это сделать. Зерновой флот стоял в Путолах и Остии в полной безопасности, цена зерна была снижена хотя бы на этот год. И Антоний решил вернуться в Афины, взяв с собой Октавию и ее выводок. Октавия — единственная, кому Октавиан мог доверить эту ужасную эмоциональную дилемму, но она была счастлива с Антонием и поглощена приготовлениями к путешествию. К тому же она может проговориться мужу, и тот будет торжествовать и дразнить не переставая. «Ха-ха-ха, Октавиан, тобой тоже может управлять твой *mentula!*» Он прямо-таки слышал это. Октавиан постарался выкинуть Антония из головы и стал размышлять, найдется ли у Агриппы мудрый совет, когда он придет в Нарбон на испанской границе, в месяце пути от Рима.

Это душевное состояние мучило его, ибо человеку, чей мозг привык к холодной логике и решительно подавляемым эмо-

циям, трудно уживаться со страстью. Смущенный, раздраженный, жаждущий, Октавиан потерял аппетит и был близок к потере рассудка. Он заметно похудел, словно что-то съедало его изнутри. И он даже не хотел думать на греческом. Думать на греческом было его причудой, которой он неукоснительно следовал, потому что это было очень трудно. Он должен был написать на греческом полсотни писем, но продиктовал их на латыни и велел своим секретарям перевести.

Мецената тоже не было в Риме, а это означало, что оставалась Скрибония, которая накануне отъезда Октавиана в Дальнюю Галлию собиралась с духом сказать что-то.

Она была очень счастлива на протяжении всей беременности и родила Юлию быстро и легко. Малышка была несомненно красива, от льняных волосиков до больших голубых глаз, таких светлых, что вряд ли потемнеют со временем. Не помня, чтобы с Корнелией она испытала радость материнства, Скрибония окружила новорожденную нежной заботой, более чем когда-либо любя своего равнодушного, педантичного мужа. То, что он не любил ее, она не считала большим горем, ибо он был добр, неизменно вежлив, относился к ней с уважением и обещал, что, как только она полностью оправится после родов, он снова разделит с ней ложе. «В следующий раз пусть это будет сын!» — молилась она, принося жертву Юноне Соспите, Великой Матери и Спес.

Но что-то случилось с Октавианом по пути в Рим после посещения тренировочных лагерей для легионеров, расположенных вокруг Капуи. Скрибонии сказали об этом ее глаза и уши. И еще у нее было несколько слуг, включая Гая Юлия Бургунда, управляющего Октавиана, внука другого Бургунда, любимого вольноотпущенника-германца божественного Юлия. Хотя он всегда оставался в Риме как управляющий дома Гортензия, у него хватало братьев, сестер, тетей и дядей в клиентуре Октавиана, так что несколько человек всегда были к услугам своего хозяина, когда тот путешествовал. И Бургунд, которого распирало от новостей, сообщил, что Октавиан пошел прогуляться во Фрегеллах, а вернулся в таком настроении, в каком

его никто никогда не видел. Бургунд решил, что это божья кара, но имелись и другие объяснения.

Скрибония боялась, что это психическое расстройство, потому что спокойный и собранный Октавиан стал обидчивым, вспыльчивым, придирался ко всем по малейшему поводу. Если бы она знала его так, как знал Агриппа, она поняла бы, что все это свидетельствовало о недовольстве собой, и была бы права.

— Тебе нужно быть сильным, мой дорогой, поэтому ты должен есть, — сказала она, велев приготовить особенно вкусный обед. — Завтра ты уезжаешь в Нарбон, а там не будет твоих любимых кушаний. Пожалуйста, Цезарь, поешь!

— *Tace!* — огрызнулся он и поднялся с ложа. — Исправляйся, Скрибония! Ты делаешься мегерой. — Он остановился, приподняв ногу, чтобы слуга застегнул его башмак. — Хм! Хорошее слово! Настоящая мегера, еще одна мегера!

С того момента она его не видела, пока не услышала на следующее утро, как он уезжает. Скрибония побежала, обливаясь слезами, и успела только увидеть его золотоволосую голову, когда он садился в повозку. Потом он натянул на голову капюшон от дождя, лившего как из ведра. Цезарь покидал Рим, и Рим плакал.

— Он уехал, не попрощавшись со мной! — плача, пожаловалась она Бургунду, который стоял рядом, опустив голову.

Не глядя на нее, он протянул ей свиток:

— Госпожа, Цезарь велел передать тебе это.

Сообщаю, что я развожусь с тобой.

Основания для развода следующие: ты сварливая, старая, у тебя дурные манеры, ты расточительна, мы несовместимы.

Я велел моему управляющему перевезти тебя и нашего ребенка в мой прежний дом в квартале Бычьей Головы, возле Древней курии, где ты будешь жить и воспитывать мою дочь, как подобает ее высокому рождению. Она должна получить лучшее образование, ее нельзя заставлять прясть и вязать. Мои банкиры будут выдавать тебе необходимые суммы, и ты будешь сама распоряжаться твоим приданым. Помни, что я могу

в любое время перестать быть таким щедрым и сделаю это, если до меня дойдут слухи, что ты ведешь себя аморально. В таком случае я верну тебя отцу, сам буду воспитывать Юлию и не разрешу тебе видеться с ней.

Свиток был запечатан кольцом со сфинксом. Скрибония выронила его из внезапно онемевших пальцев и села на мраморную скамью, опустив голову на колени, чтобы не потерять сознание.

— Все кончено, — сказала она Бургунду, продолжавшему стоять рядом.

— Да, *domina*, — тихо ответил он.

Она нравилась ему.

— Но я ничем не провинилась! Я не сварливая! У меня нет тех пороков, которые он перечислил! Старая! Мне еще нет тридцати пяти!

— Цезарь велел, чтобы ты переехала сегодня, *domina*.

— Но я ничего не сделала! Я этого не заслуживаю!

«Бедная женщина, ты раздражала его, — думал Бургунд, не смея ничего сказать, связанный обязательством клиента. — Он ославит тебя на весь мир, чтобы сохранить лицо. Бедная женщина! И бедная маленькая Юлия».

Марк Випсаний Агриппа находился в Нарбоне, потому что аквитаны вели себя беспокойно и он был вынужден показать им, что у Рима по-прежнему превосходное войско и умелые военачальники.

— Я разграбил Бурдигалу, но не сжег, — сообщил он Октавиану, когда тот прибыл после утомительной поездки, во время которой у него случился приступ астмы, первый за последние два года. — Ни золота, ни серебра, но целая гора хороших, крепких, обитых железом колес для повозок, четыре тысячи отличных бочек и пятнадцать тысяч здоровых жителей, которых можно продать в рабство в Массилии. Продавцы радостно потирают руки — давно уже на рынке не было такого первоклассного товара. Я посчитал, что неразумно продавать в рабство женщин и детей, но, если ты хочешь, я могу и их продать.

— Нет, если ты так считаешь. Выручка за рабов — твоя, Агриппа.

— Но не в этой кампании, Цезарь. За мужчин можно выручить две тысячи талантов, которые я хочу потратить с большей пользой, а не просто положить в свой кошелек. Я неприхотлив, запросы у меня простые, и ты всегда позаботишься обо мне.

Октавиан выпрямился в кресле, глаза засияли.

— План! У тебя есть план! Просвети меня!

Агриппа поднялся, взял карту и развернул ее на простом столе. Склонившись над картой, Октавиан увидел подробное изображение территории вокруг Путеол, главного порта Кампании в ста милях к юго-западу от Рима.

— Наступит день, когда у тебя будет достаточно военных кораблей, чтобы разделаться с Секстом Помпеем, — сказал Агриппа, стараясь говорить спокойно. — Четыреста кораблей, я думаю. Но где есть гавань, способная вместить хотя бы половину? В Брундизии и Таренте. Однако оба этих порта отделены от Тусканского моря Регийским проливом у города Мессана, где у Секста логово. Поэтому мы не можем поставить наш флот на якорь ни в Брундизии, ни в Таренте. Возьмем гавани Тусканского моря: Путеолы заполнены торговыми судами, в Остии мешают приливы и отливы, Суррент перегружен рыболовецкими лодками, а Косу надо сохранить, чтобы выплавлять сталь из железа с острова Ильва. К тому же эти гавани уязвимы для атак Секста, даже если мы сможем разместить там четыреста больших кораблей.

— Все это я знаю, — устало произнес Октавиан, обессиленный астмой. Он стукнул кулаком по карте. — Бесполезно, бесполезно!

— Есть альтернатива, Цезарь. Я думал об этом с тех пор, как стал инспектировать верфи.

Крупная, хорошей формы рука Агриппы провела по карте, указательный палец остановился на двух маленьких озерах возле Путеол.

— Вот наш ответ, Цезарь. Лукринское озеро и Авернское озеро. Первое очень мелкое, его вода нагревается от Огненных

полей. Второе бездонное, вода в нем такая холодная, словно это и есть вход в подземный мир.

— Во всяком случае, оно очень темное и мрачное, — сказал Октавиан, который вовсе не был суеверным. — Ни один крестьянин не станет рубить лес вокруг него, боясь рассердить лемуров.

— Лес пусть растет, — оживленно продолжал Агриппа. — Я намерен соединить Лукринское и Авернское озера, прорыв несколько больших каналов. Затем я разрушу дамбу, которая отделяет Лукринское озеро от моря. Морская вода пойдет по каналам и постепенно сделает Авернское озеро соленым.

На лице Октавиана отразились ужас и сомнения.

— Но... но дамба была построена, чтобы температура и соленость озера были пригодны для разведения устриц, — сказал он, думая о затратах. — Впустить море — значит окончательно разрушить место обитания устриц. Агриппа, местные жители проклянут тебя!

— Они вернут своих устриц после того, как мы раз и навсегда побьем Секста, — резко отреагировал Агриппа, несколько не беспокоясь о гибели промысла, существовавшего на протяжении нескольких поколений. — То, что я снесу, они могут потом снова построить. Если сделать так, как я планирую, Цезарь, у нас будет огромное пространство тихой, защищенной воды, где можно будет поставить на якорь все наши корабли. И не только это: мы сможем обучать экипажи искусству морского боя, не боясь появления Секста на рейде. Вход будет слишком узким и сможет одновременно пропустить только два корабля. И чтобы быть уверенным, что Секст не спрячется неподалеку от берега, ожидая, когда мы будем выходить по двое, я собираюсь прорыть два больших канала между Авернским озером и берегом в Кумах. Наши корабли смогут легко проплыть по этим каналам и окружить Секста с флангов.

Октавиан почувствовал шок, словно от погружения в ледяную воду.

— Ты равный Цезарю, — медленно проговорил он, настолько пораженный, что даже забыл назвать своего приемного от-

ца божественным Юлием. — Это план, достойный Цезаря, шедевр инженерной мысли.

— Я равный божественному Юлию? — удивился Агриппа. — Нет, Цезарь, это просто здравый смысл, и, чтобы выполнить задуманное, нужно много и тяжело поработать. На пути от одной верфи до другой у меня было время подумать. Но кое-что я упустил. Корабли не могут двигаться сами. У нас есть корабли, полностью укомплектованные экипажами, но, вероятно, две трети нашего флота составят новые корабли, без команд. Большинство галер, которые я реквизировал, — «пятерки», но я брал и «тройки» с верфей, на которых нет возможности строить суда почти двести футов в длину и двадцать пять футов в ширину.

— Квинквиремы очень неповоротливы, — возразил Октавиан, показав, что он не полный невежда, когда речь заходит о военных галерах.

— Да, но зато они имеют преимущество в размерах и могут иметь двойной таран из цельной бронзы. Я искал усовершенствованные «пятерки», не более двух гребцов на одно весло на трех скамьях — два, два и один. Просторная палуба для сотни солдат, а также катапульта и баллист. В среднем по тридцать скамей у одного борта — это триста гребцов на одно судно. Плюс тридцать моряков.

— Я начинаю понимать твою проблему. Но конечно, ты решишь ее. Триста на триста гребцов будет девяносто тысяч. Еще сорок пять тысяч солдат и двадцать тысяч моряков. — Октавиан потянулся, как довольная кошка. — Я не военачальник и не флотоводец, но я владею тонкой римской наукой материально-технического обеспечения.

— Значит, ты скорее возьмешь сто пятьдесят солдат на каждое судно, а не сто?

— Да, думаю, так. Обрушимся на врага, как муравьи.

— Пока мне достаточно двадцати тысяч человек, — сказал Агриппа. — В смысле, чтобы начать строить гавань, а для этого кто-нибудь может набрать бывших рабов, ходивших по Италии в поисках латифундий, которые твои уполномоченные

поделили на участки для ветеранов. Я буду платить им из выручки от продажи рабов, буду кормить их и помогу с жильем. Если они хорошо себя проявят, потом они смогут тренироваться на гребцов.

— Это будет их стимулировать, — улыбнулся Октавиан. — Это умно. У бедняг нет средств, чтобы отправиться домой, так почему бы не предложить им кров и сытую жизнь? Рано или поздно они едут в Луканию и становятся разбойниками. Этот выход гораздо лучше. — Он прищелкнул языком. — На это уйдет много времени, намного больше, чем я надеялся. Сколько времени надо, Агриппа?

— Четыре года, Цезарь, начиная со следующего. Этот год не в счет.

— Секст и трети этого срока не выдержит, нарушит условия договора. — Густые золотые ресницы прикрыли глаза. — Особенно сейчас, когда я развелся со Скрибонией.

— *Cacat!* Почему?

— Она такая сварливая мегера, я не могу с ней жить. Чего хочу я, того не хочет она. Она ворчит, ворчит, ворчит...

Агриппа пристально посмотрел на Октавиана. «Значит, ветер подул с другой стороны, да? Но не могу определить с какой. Цезарь что-то задумал, все признаки налицо. Что же такое он задумал, что потребовало развода со Скрибонией? Сварливая? Ворчунья? Нисколько, Цезарь. Меня ты не одурачишь».

— Мне потребуется несколько человек для руководства работами на озерах. Ты не против, если я сам их подберу? Возможно, армейских инженеров из моих легионов. Но нужен кто-то влиятельный, чтобы руководить ими. Пропретор, если у тебя есть свободный.

— Нет, у меня есть свободный проконсул.

— Проконсул? Увы, не Кальвин. Жаль, что ты послал его в Испанию. Это был бы идеальный вариант.

— Он нужен в Испании. В войсках волнение.

— Я знаю. Тамошние беспорядки начались с Сертория.

— Сертория нет уже лет тридцать! Как можно его винить?

— Он наберевал местное население и научил его сражаться, как римляне. Так что испанские легионы дерутся здо-

рово, но они не впитали с молоком матери римскую дисциплину. Вот одна из причин, почему я не стану проводить такой же эксперимент в Галлиях, Цезарь. Но, возвращаясь к нашей теме, кто?

— Сабин. Даже если бы какая-нибудь провинция умоляла дать ей наместника — чего не происходит, — Сабин не хочет им быть. Он хочет остаться в Италии и участвовать в будущих морских маневрах. — Октавиан ухмыльнулся. — Не хотел бы я слышать, что он скажет, когда узнает, что придется ждать четыре года. Легионов я бы ему не доверил, но, думаю, он будет отличным руководителем инженеров для Порта Юлия. Так мы назовем нашу гавань.

Агриппа засмеялся:

— Бедный Сабин! Он вечно будет страдать из-за того сражения, которое провел так неумело, пока Цезарь завоевывал Дальнюю Галлию.

— Тогда он был о себе очень высокого мнения, впрочем, как и сейчас. Я пошлю его к тебе, и ты ему подробно расскажешь, что надо делать. Ты будешь здесь, в Нарбоне?

— Нет, если он не поторопится, Цезарь. Я поеду в Германию.

— Агриппа! Серьезно?

— Совершенно. Свевы волнуются, они привыкли к виду того, что осталось от моста Цезаря через Рен. Я не собираюсь использовать его. Я построю собственный мост дальше вверх по течению. Убии едят с моей руки, и я не хочу, чтобы они или херуски тревожились. Поэтому я буду у свевов.

— И в лесу?

— Нет. Я-то мог бы, но солдаты боятся леса. Бакенский — слишком темный и мрачный. Они думают, что за каждым деревом прячется германец, не говоря уже о медведях, волках и турах.

— А они там действительно есть?

— Во всяком случае, за некоторыми деревьями. Не бойся, Цезарь, я буду осторожен.

Исходя из политической целесообразности, наследник Цезаря решил познакомиться с галльскими войсками и пробыл достаточно долго, чтобы посетить каждый из шести легионов, стоявших лагерем вокруг Нарбона. Он ходил среди солдат, улыбаясь им знакомой улыбкой Цезаря. Многие из них были ветеранами галльских войн, снова завербованными, потому что им надоела гражданская жизнь.

«Это должно прекратиться, — думал Октавиан во время этих обходов. Его рука распухла от многочисленных сильных рукопожатий. — Из десятка завербованных некоторые стали богатыми землевладельцами. Их демобилизуют, они получают каждый свои десять югеров земли, а через год возвращаются для другой кампании. Туда-сюда, туда-сюда, каждый раз получая землю. Рим должен иметь постоянную армию, в которой каждый прослужит двадцать лет без демобилизации. И в конце службы получит денежную пенсию, а не землю. Италия большая, и им не нравится, что их селят в Галлиях, или в Испаниях, или в Вифинии, или в каком-то другом месте. Они римляне и хотят провести старость на родине. Мой божественный отец расселил десятый легион вокруг Нарбона, потому что они подняли мятеж, но где они теперь? В легионах Агриппы!

Армия должна находиться там, где есть опасность, готовая сражаться уже через рыночный интервал. Не надо больше посылать преторов для вербовки, в огромной спешке снаряжать и обучать войско возле Капуи, а потом посылать их в тысячемильный поход, после которого им сразу же приходится вступать в бой. Капуя останется школой, да, но, как только солдат будет обучен, он должен немедленно отправиться на какую-нибудь границу и вступить в тамошний легион. Гай Марий придумал вербовать неимущих — ох, как *boni* ненавидели его за это! По мнению *boni*, этих «хороших людей», неимущим нечего было защищать, ведь они не владели ни землей, ни имуществом. Но солдаты из неимущих оказались даже храбрее, чем прежние солдаты, которым было что терять, и теперь римские легионы состоят исключительно из неимущих. Когда-то *proletarii* не могли дать Риму ничего, кроме детей. Теперь они

отдают Риму свой героизм и свои жизни. Блестящий ход, Гай Марий!

Бог Юлий был удивительным. Легионеры боготворили его задолго до того, как он был объявлен богом, но он даже не думал ввести в армии изменения, в которых она очень нуждалась. Он вообще не думал о ней как об армии, он думал о ней как об отдельных легионах. К тому же он был приверженцем неписаного свода законов, *mos maiorum*, и не хотел его менять, как бы *boni* не упрекали его в этом. Но божественный Юлий был не прав относительно *mos maiorum*.

Необходимость перемен давно назрела. Слова *mos maiorum* означают устоявшийся порядок вещей, но память людская коротка, и новый *mos maiorum* скоро превратится в священную традицию. Настала пора для другой политической структуры, более подходящей для управления раскинувшейся империей. Могу ли я, Цезарь, божественный сын, позволить, чтобы меня держала в заложниках кучка ничтожеств, вознамерившихся отобрать у меня власть? Божественный Юлий позволил такому случиться и вынужден был перейти Рубикон, чтобы спасти себя. Но хорошие традиции защитили бы его, ибо божественный Юлий не совершил ничего такого, чего эта самодовольная жаба Помпей Магн не проделывал десятков раз. Это был классический пример, когда для Магна действовали одни законы, а для Цезаря — совсем другие. Сердце Цезаря не выдержало пятна на его чести, как оно не выдержало, когда девятый и десятый легионы подняли мятеж. Ни один легион не восстал бы, если бы он строже следил и контролировал все, от своих полоумных политических оппонентов до своих беспомощных родственников. Со мной такого не произойдет! Я изменю *mos maiorum* и найду такой способ управления Римом, какой будет подходить мне и отвечать моим требованиям. Меня они не вынудят стать изгоем. Я не начну гражданскую войну. То, что я сделаю, будет сделано законно».

Все это он сказал Агриппе за обедом в последний день пребывания в Нарбоне. Но он не говорил ни о своем разводе, ни о Ливии Друзилле, ни о стоящей перед ним проблеме выбора. Ибо он ясно видел, что Агриппу надо держать подальше от

своих эмоциональных переживаний. Этот груз непосилен для Агриппы, который не был ни его близнецом, ни его божественным отцом, а только его военным и гражданским исполнителем. Его невидимой правой рукой.

Итак, он поцеловал Агриппу в обе щеки, сел в свою повозку и отправился в долгий путь домой, который обещал стать длиннее, потому что Октавиан решил посетить все легионы в Дальней Галлии. Они все должны увидеть его и познакомиться с наследником Цезаря. Они все должны лично присягнуть ему. Ибо кто знает, где и когда ему понадобится их преданность?

Даже при таком изнурительном графике он вернулся домой задолго до конца года с готовым списком неотложных дел. Но первой в его списке значилась Ливия Друзилла. Только решив эту проблему, он сможет заняться более серьезными вещами. Ибо это было важно. Она взяла над ним власть только благодаря его слабости, которой он не мог понять, как ни пытался. Так что надо разобраться с этим раз и навсегда.

Меценат вернулся в Рим, счастливо женатый на Теренции. Ее двоюродная бабка, очень некрасивая вдова Цицерона, одобрила этого симпатичного жениха из такой хорошей семьи. Ей перевалило за семьдесят, она была на несколько лет старше Цицерона, но продолжала сама управлять своим огромным состоянием — железной рукой, а глубокие познания в области религиозных законов позволяли ей уходить от уплаты налогов. Гражданская война Цезаря против Помпея Великого раскидала и погубила ее семью. В живых остался лишь ее сын, буйный алкоголик, которого она презирала. Поэтому в ее сердце образовалась пустота, которую с удобством занял Меценат. Кто знает, возможно, однажды он станет наследником ее денег. Хотя он признался Октавиану, что убежден: она переживет их всех и найдет способ, как забрать денежки с собой, когда наконец отойдет в мир иной.

Итак, на переговоры с Нероном Октавиан мог послать Мецената. Единственная проблема заключалась в том, что о своей страсти к Ливии Друзилле он до сих пор никому не сказал

ни слова. Даже Меценату, который выслушает с серьезным видом и попытается отговорить его от этого странного союза. И уж конечно, зная глупость и несговорчивость Нерона, Меценат не обрадуется такому поручению. В душе Октавиан приравнял свою любовную лихорадку к отправлениям организма: никто не должен ни видеть этого, ни слышать. Боги не справляют нужду, а он — сын бога и однажды сам станет богом. В государственной религии было много такого, что он считал дешевыми эффектами, но на бога Юлия и собственный статус его скептицизм не распространялся. К богам он относился не так, как относятся греки. Для него бог Юлий — это не тот, кто сидит на горе или в храме, который Октавиан строил для него на Форуме. Нет, бог Юлий был бесплотной силой, которая влилась в пантеон и увеличила власть Рима, мощь Рима, военное преимущество Рима. Какую-то часть этой силы получил Агриппа, Октавиан был уверен в этом. Но большая часть перешла к нему. Он чувствовал, как эта сила течет по его венам, и научился складывать пальцы пирамидкой, чтобы этой силы прибавлялось.

Мог ли такой человек признаться в слабости другому человеку? Нет, не мог. Он мог признаться в своих разочарованиях, переживаниях, приступах депрессии. Но в слабости или в недостатке характера никогда. Поэтому не могло быть и речи, чтобы прибегнуть к услугам Мецената. Придется самому провести переговоры.

В двадцать третий день сентября он праздновал день своего рождения. Ныне он отмечал этот день двадцать четвертый раз. После убийства его божественного отца словно туман опустился на все последующие годы. Он не помнил, как ему удалось распределить свои силы так, чтобы выстроить карьеру, хотя и сознавал, что некоторые его подвиги были следствием безрассудства юности. Но они принесли хорошие плоды, и в памяти осталось только это. Филиппы послужили водоразделом. После Филипп он ясно помнил все. И он знал почему. После Филипп он запугал Антония и победил. Простое требование: голова Брута. Тогда перед его мысленным взором открылось будущее, и он увидел свой путь. Антоний сдался после целого

спектакля, который начался с ужасающего гнева и закончился трогательными слезами. Да, он сдался.

С тех пор его встречи с Антонием были редки, но с каждой встречей он чувствовал себя сильнее и при последней встрече высказал ему все на одном дыхании. Он больше не был равным Антонию. Он был выше Антония. По какой-то причине он вспомнил Катона Утического — может быть, потому, что божественному Юлию так и не удавалось сломить его, — и понял наконец то, что всегда понимал божественный Юлий: никто не сможет сломить человека, который не допускает и мысли, что у него есть недостатки. Убери Катона Утического из этого уравнения — и ты получишь Тиберию Клавдия Нерона. Еще один Катон, только дурак.

Он наведлся к Нерону утром, после того как ушел последний его клиент, но до того, как сам Нерон отправился подышать влажным зимним воздухом и узнать, что происходит на Форуме. Если бы Нерон был известным юристом, он мог бы защитить какого-нибудь знатного негодяя от обвинений в казнокрадстве или мошенничестве, но его адвокатская практика не пользовалась успехом. Он защищал своих друзей, если они просили. Но в последнее время никто не просил. Круг его знакомых был невелик, состоял из аристократов-неудачников, таких как он, и большинство из них последовали за Антонием в Афины, предпочитая Грецию жизни в Риме Октавиана, с его налогами и бунтами.

Нерон с огромным удовольствием отказал бы этому нежеланному посетителю, но вежливость говорила, что он должен его принять, а педантичность просто требовала этого.

— Цезарь Октавиан, — жестко приветствовал он, вставая, но не выходя из-за стола и не протягивая руки. — Прошу, садись.

Он не предложил ни вина, ни воды, просто опустился в кресло, глядя на это ненавистное лицо, такое гладкое, потрясающе молодое. Оно напомнило, что ему уже сорок с лишним, а он еще не стал консулом. Он был претором в год Филипп, но никому не помог в карьере, и меньше всего себе. Если он не

сумеет поправить финансовое положение, то никогда не будет консулом, потому что на выборах нужны огромные взятки. Почти сто человек претендовали на преторство на будущий год, а сенат говорил, что должность получают около шестидесяти. Это значит, что целая толпа экс-преторов будет претендовать на консульские должности на поколение вперед.

— Что тебе нужно, Октавиан? — спросил он.

Лучше сказать сразу.

— Твоя жена.

Нерон лишился дара речи. Темные глаза расширились, он открыл рот, хватая воздух, поперхнулся, неуклюже поднялся и побежал к графину с водой.

— Ты шутишь, — проговорил он, тяжело дыша.

— Вовсе нет.

— Но... но это смешно!

Затем смысл просьбы стал доходить до него. Стиснув губы, он возвратился к столу и снова сел, сжав в руке дешевый глиняный кубок. Позолоченные бокалы и графины давно исчезли.

— Тебе нужна моя жена?

— Да.

— То, что она изменила, уже скверно, но чтобы с тобой!..

— Она тебе не изменяла. Я только один раз увидел ее на руинах Фрегелл.

Придя к выводу, что просьба Октавиана продиктована не похотью, а носит какой-то иной характер, Нерон спросил:

— Для чего она тебе нужна?

— Чтобы жениться.

— Значит, она все-таки мне изменила! И этот ребенок твой! Я проклинаяю ее, проклинаяю ее, *cunnus*! Но так просто ты ее не получишь, ты, грязный *mentula*! Она выйдет из моих дверей, и о ее позоре узнают все!

Вода из кубка расплескалась, рука, державшая его, дрожала.

— Она не повинна ни в каком грехе, Нерон. Как я сказал, я видел ее один только раз, и от начала до конца этой встречи она вела себя очень достойно — такие изысканные манеры! Ты выбрал хорошую жену. Поэтому я хочу на ней жениться.

Что-то в обычно непроницаемых глазах Октавиана подсказало Нерону, что он говорит правду. Его умственный аппарат уже исчерпал свой лимит. Нерон обратился за помощью к логике.

— Но обычно люди не ходят к мужьям за их женами! Это нелепо! Что ты хочешь от меня услышать? Я не знаю, что сказать! Ты это несерьезно! Такие вещи не делаются! В тебе есть немного благородной крови, и ты должен знать, что такие вещи не делаются!

Октавиан улыбнулся.

— Как я знаю, — произнес он спокойно, — дряхлеющий Квинт Гортензий однажды пошел к Катону Утическому и спросил его, может ли он жениться на дочери Катона, в то время еще ребенке. Катон ответил «нет». Тогда Гортензий попросил племянницу Катона. Катон ответил «нет». Тогда он попросил жену Катона. И Катон ответил «да». Жены не состоят с мужьями в родстве, хотя я признаю, что в твоем случае это не так. Той женой была Марция, моя сводная сестра. Гортензий вынужден был заплатить за нее огромную сумму, но Катон не взял ни одного сестерция. Все деньги он отдал моему отчиму Филиппу, эпикурейцу, хронически нуждавшемуся в деньгах. Может быть, если бы ты рассматривал мою просьбу в том же свете, в каком Катон отнесся к просьбе Гортензия, тебе было бы легче ее выполнить. Если это тебе поможет, поверь, что мне, как и Гортензию, во сне явился Юпитер и повелел жениться на твоей жене. Катон посчитал это веской причиной. Почему ты не можешь посчитать так же?

Пока Нерон слушал Октавиана, ему пришла в голову новая мысль. У него в доме сумасшедший! Пока он довольно спокойный, но кто знает, в какой момент случится припадок.

— Я сейчас позову слуг и прикажу им вышвырнуть тебя вон, — сказал он, считая, что построенная таким образом фраза не будет звучать слишком провокационно и не вызовет буйства.

Но прежде чем он открыл рот, чтобы позвать на помощь, гость наклонился через стол и схватил его за руку. Нерон онемел, как мышшь под смертоносным взглядом васелиска.

— Не делай этого, Нерон. Или, по крайней мере, дай сначала мне договорить. Я не сумасшедший, поверь мне. Разве я веду себя как сумасшедший? Я просто хочу жениться на твоей жене, а для этого надо, чтобы ты дал ей развод. Но не опозорил ее. Укажи религиозные причины, все это примут, и честь обоих не пострадает. В ответ на твое согласие отдать мне эту бесценную жемчужину я облегчу твои финансовые затруднения. Я изгоню их лучше самосского мага. Скажи, Нерон, разве это тебе не нравится?

Нерон вдруг отвел глаза, глядя куда-то за правое плечо Октавиана. На худом мрачном лице появилось хитрое выражение.

— Как ты узнал о моих финансовых затруднениях?

— Весь Рим знает, — холодно ответил Октавиан. — Тебе следовало вести дела с банками Оппия или Бальба. Наследники Флавия Гемцилла — хитрый народ, разве что дурак не понимает этого. К сожалению, так получается, что дурак — ты, Нерон. Я много раз слышал, как мой божественный отец это говорил.

— Что происходит? — крикнул Нерон, промокая носовым платком разлитую на столе воду, словно это занятие помогало ему скрыть замешательство, владевшее им последние пятнадцать минут. — Ты смеешься надо мной, да?

— Все, что угодно, только не это, уверяю тебя. Я лишь прошу, чтобы ты немедленно развелся с женой по религиозной причине. — Он сунул руку в складку тоги и вынул оттуда сложенный лист бумаги. — Эти причины здесь детально изложены, и тебе не нужно ломать голову и что-то придумывать. А тем временем я поговорю с коллегией понтификов и с коллегией пятнадцати относительно моего брака, который я намерен заключить как можно скорее. — Он поднялся. — Само собой разумеется, ты будешь воспитывать обоих своих детей. Когда родится второй ребенок, я сразу же отошлю его тебе. Жаль, что они не будут знать свою мать, но я далек от того, чтобы лишить отца права на воспитание сыновей.

— А-а-ах... а-а, — произнес Нерон, не в силах понять туловкость, с какой его обработали.

— Я думаю, ее приданое ушло безвозвратно, — презрительно произнес Октавиан. — Я оплачу твои огромные долги — анонимно, обеспечу тебе доход в сто талантов в год и помогу с взятками, если ты хочешь быть консулом. Хотя я не в том положении, чтобы гарантировать, что тебя изберут. Даже сыновья богов не властны над общественным мнением. — У двери он обернулся. — После развода ты сразу отошлешь Ливию Друзиллу в Дом весталок. Как только ты это сделаешь, договор вступит в силу. Твоя первая сотня талантов уже лежит в банке братьев Бальбов. Хорошая фирма.

И он ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Многое из сказанного тут же улетучилось, но Нерон все сидел и пытался понять смысл того, что имело отношение к его финансовым заботам. Хотя Октавиан не говорил этого прямо, здоровое чувство самосохранения подсказало Нерону, что выбор таков: рассказать всему миру или навеки сохранить все в тайне. Если он расскажет, останутся долги и не будет обещанного дохода. Если он будет молчать, то сможет занять в Риме подобающее ему положение в высшем обществе, а это он ценил больше, чем свою жену. Поэтому он сохранит секрет.

Он развернул лист бумаги, оставленный Октавианом, и внимательно изучил несколько строчек одной колонки. Да, да, это успокоит его гордость! С религиозной точки зрения безупречно. К тому же, подумал он, если заклеить Ливию Друзиллу как неверную жену, он станет рогоносцем, над которым будут смеяться. Старик с привлекательной молодой женой, и вот появляется молодой человек... Ох, этого никогда не будет! Пусть мир думает что угодно об этом разводе. Что касается его, он будет вести себя так, словно ничего непристойного не случилось, но вот религиозные препятствия... Он взял лист бумаги и стал писать разводное письмо. Закончив, он послал за Ливией Друзиллой.

Никто даже не подумал сказать ей, что приходил Октавиан, поэтому она появилась, как всегда, покорная и скромная — образцовая жена. Красивая, подумал он, разглядывая ее. Да, она действительно красива. Но почему Октавиан воспылал именно к ней? Хоть он и выскочка, но мог выбирать. Власть привлекает женщин, как огонь мошек, а у Октавиана была власть.

Что такого он разглядел в ней за одну встречу, а муж не сумел разглядеть за шесть лет брака? Слепой он, что ли, или это Октавиан заблуждается? Наверняка последнее.

— Да, *domine*?

Он протянул ей разводное письмо:

— Я немедленно развожусь с тобой, Ливия Друзилла, по причине религиозных препятствий к браку. Очевидно, коллегия Пятнадцати истолковала какой-то стих в последней Книге Сивиллы-прорицательницы как относящийся к нашему союзу, который должен быть расторгнут. Собери свои вещи и немедленно уходи в Дом весталок.

От потрясения она онемела и застыла, ничего не чувствуя. Но не упала в обморок, только лицо ее вдруг побледнело.

— Смогу я видеться с детьми? — спросила она, когда обрела дар речи.

— Нет, это будет кошунством.

— Значит, я должна отказаться и от ребенка, которого ношу.

— Да, как только он родится.

— Что со мной будет? Ты вернешь мне приданое?

— Нет, я не верну тебе приданого ни целиком, ни частично.

— Тогда на что я буду жить?

— На что ты будешь жить, меня не касается. Мне велели отослать тебя в Дом весталок. Вот и все.

Она повернулась и пошла в свои крохотные комнаты, заставленные ненавистными ей вещами, от ручной прялки до ткацкого станка, чтобы пряхть нить и ткать полотно, которое никто никогда не носил, потому что она плохо делала и то и другое, да и учиться не хотела. В это время года в помещении стоял неприятный запах. Ее обязанностью было вязать пучки блошницы от паразитов, а она на восемь дней опоздала, потому что ненавидела это занятие. Ох, когда-то Нерон давал ей несколько сестерциев, чтобы она могла взять на время книги из библиотеки Аттика. А теперь все свелось к прялке и станку.

Ребенок стал усиленно толкаться — снова мальчик, по всем признакам. Придет, наверное, час, прежде чем он успокоится.

Его упражнения дорого ей встанут. Скоро ее кишечник возмутится, нужно будет бежать в уборную и молиться, чтобы там никого не было и ее никто не услышал. Слуги считали возможным не замечать ее. Она не могла собраться с мыслями, села на табурет у станка и стала смотреть в окно на колоннаду и неухоженный сад перистилия за нею.

— Ну-ка уймись! — крикнула она ребенку.

Словно по волшебству, толчки прекратились. Почему она не делала так раньше? Теперь можно было и подумать.

Свобода, откуда никто и не ждал, а она — меньше всего. Стих в последней Книге Сивиллы! Ливия Друзилла знала, что пятьдесят лет назад Луций Корнелий Сулла поручил коллегии Пятнадцати искать по всему миру фрагменты частично сгоревших Книг Сивиллы, хотя было непонятно, откуда эти фрагменты могли появиться за пределами Рима? Но она всегда считала, что это собрание малопонятных двустиший и четверостиший не имеет никакого отношения к обычным людям и к обычным явлениям. В книгах пророчеств говорилось только о землетрясениях, войнах, вторжениях, пожарах, смерти могущественных людей и рождении детей, которые должны спасти мир.

Хотя Ливия Друзилла спросила Нерона, на что она будет жить, ее это не беспокоило. Если боги обратили на нее внимание — как явствовало из происходящего — и избавили ее от этого тоскливого замужества, то они не позволят ей опуститься до проституции у храма Венеры Эрुцины и не дадут умереть от голода. Ссылка в Дом весталок явно временная. Весталками становились девочки шести-семи лет, которые должны были хранить непорочность в течение тридцати лет своего служения, ибо их девственность была залогом процветания Рима. Женщины весталками не становились. Значит, ее случай какой-то особенный! Она не могла догадаться, что ждет ее в будущем, да и не старалась. Достаточно того, что она свободна, что ее жизнь обретает наконец другое направление.

У нее был небольшой сундук, куда она укладывала свою немногочисленную одежду во время путешествий. Когда по прошествии нескольких минут пришел управляющий спросить ее, готова ли она совершить небольшую прогулку от Гер-

мала, северо-западного склона Палатинского холма, до Римского форума, сундук был уже уложен, а Ливия Друзилла стояла в теплом плаще, защищавшем от холода и возможного снегопада. В туфлях на высокой пробковой подошве, чтобы не запачкать ноги грязью, она поспешала за слугой, который тащил ее сундук и громко жаловался всем и каждому на свою участь. Потребовалось какое-то время, чтобы спуститься по лестнице Весталок, после чего надо было пройти мимо небольшого круглого храма Весты к боковому входу на половину Государственного дома, где жили весталки. Там служанка передала ее сундук крепкой галльской женщине и провела ее в комнату, где стояли кровать, стол и стул.

— Уборные и ванны — по тому коридору, — сказала экономка, ибо это была экономка. — Ты не должна питаться вместе с весталками, еду и напитки будут приносить тебе сюда. Старшая весталка говорит, что ты можешь гулять в их саду, но не тогда, когда они сами там гуляют. Мне велено спросить тебя, любишь ли ты читать.

— Да, очень люблю.

— Какие книги тебе принести?

— Любые на латыни или греческом, одобренные святыми женщинами, — ответила хорошо вышколенная Ливия Друзилла.

— У тебя есть вопросы, *domina*?

— Только один: я должна делить с кем-то воду в ванне?

Прошли три нундины изумительного покоя, за окном, словно птичий пух, падал снег. Понимая, что присутствие беременной женщины против правил весталок, Ливия Друзилла не пыталась увидеть хозяек дома. Даже старшая весталка не приходила навестить ее. Ливия Друзилла проводила время за чтением, гуляла по саду и с удовольствием купалась в чистой, горячей воде. Весталки пользовались различными удобствами, которых не было в доме Нерона. Сиденья в их уборных были из мрамора, ванны сделаны из египетского гранита, а еда оказалась очень вкусной. Ливия Друзилла обнаружила, что в меню входит вино.

— Это Агенобарб, великий понтифик, отремонтировал атрий Весты шестьдесят лет назад, — объяснила экономка, — а потом великий понтифик Цезарь провел во всем доме отопление, даже в архиве. — Она прищелкнула языком. — В цокольном этаже хранятся завещания. Но великий понтифик Цезарь рассчитал, какое помещение нужно выгородить, чтобы устроить лучший в Риме гипокауст. Как нам не хватает Цезаря!

Спустя восемь дней после Нового года экономка принесла ей письмо. Развернув свиток и придавив края двумя порфи́ровыми держателями, Ливия Друзилла принялась читать. Читать было легко, так как над первой буквой каждого нового слова стояла точка. Почему копиист Аттика не делал этого?

Приветствую тебя, Ливия Друзилла, любовь моей жизни. Это письмо свидетельствует о том, что я, Цезарь, божественный сын, не забыл тебя после нашей встречи во Фрегеллах. Потребовалось время, чтобы найти способ, как освободить тебя от Тиберия Клавдия Нерона без скандала. Я велел моему вольноотпущеннику Гелену читать последнюю Книгу Сивиллы, пока он не найдет стих, который можно применить к Нерону и к тебе. Но этого было недостаточно, ему надо было еще найти пророчество, которое можно было бы применить к тебе и ко мне, а это оказалось труднее. Он замечательный человек — я рад, что он снова со мной после годичного плена у Секста Помпея. Ученый из него много лучший, чем флотоводец или военачальник. Я так счастлив, что чувствую себя Икаром, взмывающим в небеса. Пожалуйста, моя Ливия Друзилла, не отвергай меня! Разочарование убьет меня.

*Муж и жена, черные как ночь,
Соединенные вместе, — вред для Рима.
Должны быть разъединены, и незамедлительно,
Иначе Рим навсегда будет брошен на произвол судьбы.*

По сравнению с этим стихом твой и мой стих — это розы Кампаний.

*Сын бога, светлый и золотоволосый,
Должен взять в жены мать двоих
Черных как ночь, из потерпевшей крах пары.
Вместе они заново построят Рим.*

Нравится? Я весьма доволен. Гелен очень умен, он настоящий знаток древних писаний. Я сделал его старшим секретарем.

В семнадцатый день месяца января мы с тобой поженимся. Когда я принес эти два стиха в коллегию Пятнадцати, в которую вхожу и я, все единодушно согласилось, что мое толкование верно. Ничто не помешало принять lex curiata, узаконивший твой развод с Нероном.

Старшая весталка Анпулея, моя родственница, согласилась приютить тебя, пока мы не сможем пожениться. Я пообещал, что, как только Рим встанет на ноги, я построю для весталок собственный дом, который им не придется больше делить с великим понтификом. Люблю тебя.

Ливия Друзилла сняла держатели — свиток снова свернула, — затем встала и проскользнула в дверь. Каменная лестница, ведущая в цокольный этаж, была недалеко. Ливия Друзилла побежала к ней по коридору и незамеченной спустилась вниз. В атрии весталок все слуги были свободными женщинами, включая тех, кто колот дрова и клал их в печи, чтобы дрова превратились в угли. Да, ей повезло! В печах пылали дрова, но еще не наступило время класть раскаленные угли в гипокауст для обогрева верхнего этажа. Как тень, Ливия Друзилла подошла к ближайшей печи и бросила свиток в огонь.

«Почему я это сделала? — спросила она себя, уже находясь в безопасности в своей комнате и стараясь успокоить дыхание. — О, хватит, Ливия Друзилла, ты же знаешь почему! Потому что он выбрал тебя, и никто никогда не должен заподозрить, что он доверил тебе тайну. Это дом женщин, и все, что здесь происходит, интересует всех. Они не посмели сломать его печать, но, как только я отвернусь, они придут сюда и прочитают письмо.

Власть! Он даст мне власть! Он хочет меня, я ему нужна, он женится на мне! Вместе мы заново отстроим Рим! Книга Сивиллы говорит правду, кто бы ни написал это. Если судить по этим двум стихам, тогда и тысячи других стихов должны быть очень глупыми. Но никто никогда не требовал, чтобы боговдохновенный пророк был подобен Катутлу или Сапфо. Тренированный человек может мгновенно сочинить такую чепуху.

Сегодня ноны. Через двенадцать дней я буду женой Цезаря, сына бога. Куда уж выше. Поэтому я должна помогать ему, не щадя сил, ибо, если падет он, паду и я».

В день свадьбы она наконец увидела старшую весталку Аппулею. Этой внушающей благоговейный страх даме не было еще и двадцати пяти, но порой в общине весталок сразу несколько женщин заканчивали свое служение, достигнув тридцатипятилетнего возраста, и оставляли молодых весталок своими преемницами. Аппулее предстояло быть старшей весталкой еще лет десять, поэтому она старалась держать себя со всей строгостью. Ни одну симпатичную молодую весталку не смогут обвинить в нецеломудренном поведении, пока правит она! В противном случае наказание — быть заживо замурованной с кувшином воды и куском хлеба. Хотя прошло уже много лет с тех пор, как эта казнь приводилась в исполнение. Ибо весталки ценили свой статус, и мужчины для них были чем-то столь же далеким, как африканские полосатые лошади.

Ливия Друзилла подняла голову, потому что Аппулея оказалась очень высокой.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сурово произнесла старшая весталка, — что мы, шесть весталок, подвергли Рим большой опасности, приютив беременную женщину.

— Я понимаю это и благодарю вас.

— Не надо благодарить. Мы принесли жертвы, и все обошлось, но мы согласились принять тебя только ради сына божественного Юлия. То, что ни с нами, ни с Римом ничего не случилось, говорит о твоей добродетели, но я успокоюсь только тогда, когда ты выйдешь замуж и покинешь это место. Если бы сейчас в резиденции находился великий понтифик Лепид, он мог бы отказать тебе в помощи, но Веста Очага говорит, что ты нужна Риму. Наши книги свидетельствуют о том же. — Она протянула дурно пахнущую рубаху светло-коричневого цвета. — Надень это сейчас. Маленькие весталки соткали это одеяние из шерсти, которую никогда не мыли и не красили.

— Куда я пойду?

— Недалеко. В храм в Государственном доме, который мы делим с великим понтификом. В этом храме не проводили пуб-

личных церемоний с тех пор, как там находилось тело понтифика Цезаря, погибшего ужасной смертью. Церемонию проведет Марк Валерий Мессала Корвин, старший жрец в Риме на данный момент, но там будут и фламины, и царь священнодействий.

Грубая волосяная рубаха больно кололась, Ливия Друзилла следовала за одетой в белое Аппулеей через огромные комнаты, где весталки трудились над завещаниями. В их ведении находилось семь миллионов завещаний римских граждан, раскиданных по всему миру, но в течение часа весталки могли найти любой документ.

Веселые маленькие весталки лет десяти сделали Ливии Друзилле прическу, разделив ее волосы на шесть прядей, и надели ей на голову корону, состоявшую из семи шерстяных жгутов. Поверх короны ее накрыли покрывалом, скрывшим ее от чужих взоров, настолько плотной и грубой была ткань. Никакой огненно-красной или шафрановой накидки, которую можно продеть в ушко штопальной иглы. Невеста была одета для вступления в брак с Ромулом, а не с Цезарем, божественным сыном.

В храме, где не было окон, царил мрак и желтели отдельные пятна света. Это священное место внушало страх. Ливии Друзилле представлялось, что здесь собрались тени всех, кто создавал религию Рима в течение тысячи лет, начиная с Энея. Нума Помпилий и Тарквиний Приск ходят здесь рука об руку с великим понтификом Агенобарбом и великим понтификом Цезарем, молча наблюдая из непроницаемой темноты каждой трещины.

Он уже ждал, один, без друзей. Она узнала его только по блеску волос — мерцающей точке под огромным золотым канделябром, в котором была, наверное, сотня фитилей. Разные люди в разноцветных тогах стояли далеко позади, некоторые одеты в шерстяные плащи, *laena*, островерхие шапки, *apex*, жрецов-фламинов и башмаки без шнурков или пряжек. У нее перехватило дыхание: она поняла, что это бракосочетание проводится по древнему обряду *confarreatio*. Он женился на ней навечно, без права развода. Их союз нельзя разорвать, как обыч-

ный брак. Аппулея усадила ее на двойное сиденье, покрытое овечьей шкурой. Верховный жрец усадил рядом Октавиана. Другие люди стояли в тени, но кто они были, она не могла разглядеть. Затем Аппулея, выполняя роль *pronuba*, накрыла их огромным покрывалом. Мессала Корвин, в великолепной тоге в пурпурную и алую полосы, связал их руки вместе и произнес несколько слов на архаичном языке, которого Ливия Друзилла никогда не слышала. Аппулея разломилла пополам лепешку из *mola salsa* и дала половинки жениху и невесте, чтобы они их съели. Соль и полбяная мука.

Самым неприятным было последующее жертвоприношение: Мессале Корвину пришлось бороться с визжащей свиньей, которую, видимо, недостаточно предварительно опоили. Чья это была вина? Кто не хотел этого брака? Свинья убежала бы, если бы не слугитель, который выскочил из-за занавеса и схватил свинью за заднюю ногу, тихо посмеиваясь про себя.

Жертву все-таки принесли. Свидетели подтвердили акт *confarreatio* — пять членов рода Ливиев и пять членов рода Октавиана — и растворились в темноте. В тяжелом воздухе, пропитанном запахом крови, раздался слабый возглас «*Feliciter!*».

Возле храма, на Священной дороге, ждал паланкин. Люди с факелами усадили Ливию Друзиллу в паланкин, ибо церемония затянулась до ночи. Она опустила голову на мягкую подушку и закрыла глаза. Такой длинный день для беременной на восьмом месяце! Подвергалась ли подобному испытанию еще какая-нибудь женщина? Наверняка это уникальный случай в анналах Рима.

Она задремала, пока паланкин взбирался вверх по Палатину, и уже крепко спала, когда занавески раздвинулись и в паланкине стало светло от пламени факелов.

— Что? Где? — смущенная, спросила она, почувствовав, что чьи-то руки помогают ей выйти.

— Ты дома, *domina*, — ответил женский голос. — Пойдем со мной. Ванна готова. Цезарь позже присоединится к тебе. Я — старшая среди твоих служанок, меня зовут Софонисба.

— Я очень хочу есть!

— Ужин подадут чуть позже, *domina*. Но сначала ванна, — сказала Софонисба, снимая с нее вонючие брачные одежды.

Это сон, думала она, направляясь в огромную комнату, где стояли стол и два стула, а по углам три старых, грузных ложа. Когда она села на один из стульев, вошел Октавиан в сопровождении нескольких слуг, несущих блюда, тарелки, салфетки, чаши для мытья рук, ложки.

— Я подумал, что мы поедим по-деревенски, сидя за столом, — сказал он, усаживаясь на второй стул. — Если мы будем возлежать, я не смогу смотреть в твои глаза.

Его глаза при свете ламп стали золотыми и сияли как-то сверхъестественно.

— Глаза темно-голубые, с тонкими желтовато-коричневыми прожилками. Удивительно! — Он взял ее руку, поцеловал. — Ты, наверное, умираешь от голода, так что ешь. О, это один из величайших дней в моей жизни! Я сочелся с тобой, Ливия Друзилла, по обряду *confarreatio*. До конца моих дней. Не убежишь.

— Я не хочу убежать. — Ливия Друзилла откусила от вареного яйца и заела кусочком хрустящего белого хлеба, предварительно обмакнув его в масло. — Я действительно голодна.

— Возьми цыпленка. Повар полил его медовой водой.

Они молчали, пока она ела. Октавиан тоже пытался есть, наблюдая за ней. Он заметил, что она ест аккуратно, манеры у нее изысканные. В отличие от его грубых рук, ее руки были идеальной формы, концы пальцев узкие, с ухоженными овальными ногтями. Они словно порхали. Красивые, красивые руки! Кольца, она должна носить кольца.

— Странная брачная ночь, — сказала она, когда уже не могла проглотить ни кусочка. — Цезарь, ты намерен спать со мной?

На лице его изобразился ужас.

— Нет, конечно! Я не могу даже придумать более возмутительную вещь для меня и для тебя. Времени достаточно, моя милая. Годы и годы. Сначала ты должна родить ребенка Нерона

и оправиться от этого. Сколько тебе лет? Сколько лет тебе было, когда ты вышла замуж за Нерона?

— Мне двадцать один, Цезарь. Я вышла за Нерона в пятнадцать.

— Это отвратительно! Ни одна девушка не должна выходить замуж в пятнадцать лет! Это против римских законов. Восемнадцать лет — вот нормальный возраст для брака. Неудивительно, что ты была так несчастна. Я клянусь, что со мной ты не будешь несчастной. У тебя будет свободное время и любовь.

Лицо ее изменилось, она расстроилась.

— Цезарь, у меня было слишком много свободного времени, и это было моей самой большой бедой. Чтение и письма, пряжание, ткачество — ничего серьезного! А я хочу какую-нибудь работу, настоящую работу! Нерон держал несколько слуганок, но атрий Весты был полон женщин, которые плотничали, штукатурили, укладывали плитку, лечили, драли зубы. Была даже врач, следившая за любимой собачкой Аппулеи. Я им завидовала!

— Надеюсь, любимая собачка была сукой, — улыбнулся Октавиан.

— Конечно. Только кошки и суки. Думаю, им очень хорошо живется в атрии Весты. Мирно. Но весталки должны работать. Экономка сказала, что они много работают. Все достойные люди должны работать, если я не работаю, то никакой ценности не представляю. Я люблю тебя, Цезарь, но чем я буду заниматься в твое отсутствие?

— Тебе будет чем заняться, это я тебе обещаю. Почему, ты думаешь, я женился на тебе, выбрав из всех женщин? Потому что я посмотрел в твои глаза и увидел соратника. Мне нужно, чтобы рядом со мной был настоящий помощник, кто-то, кому я мог бы доверить даже мою жизнь. Есть так много вещей, на которые у меня нет времени и которые лучше подходят для женщины. И когда мы будем лежать с тобой в одной постели, я попрошу совета у женщины — у тебя. Женщины по-другому видят вещи, и это важно. Ты образованна и очень разумна, Ливия Друзилла. Даю слово, я намерен загрузить тебя работой.

Теперь улыбнулась она.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть все эти качества? Единственный взгляд в мои глаза наводит на мысль о бесосновательном предположении.

— Я увидел твою душу.

— Да, я понимаю.

Октавиан вдруг поднялся, затем опять сел.

— Я хотел провести тебя на то ложе. Ты, наверное, очень устала, — объяснил он. — Но на нем ты не отдохнешь, на нем неудобно лежать. Поэтому вот твоя первая работа, Ливия Друзилла. Обставь этот дворец, как подобает Первому человеку в Риме.

— Но покупать обстановку — это не женское дело! Это привилегия мужчины.

— Мне все равно, чья это привилегия. У меня на это нет времени.

В ее голове уже возникла идея цвета, стиля. Она засияла.

— Сколько денег я могу потратить?

— Сколько нужно. Рим обеднел, и я потратил довольно много из моего наследства, чтобы хоть немного облегчить его положение, но еще не разорился. Тетраклинис, золото со слоновой костью, черное дерево, эмаль, каррарский мрамор, — все, что хочешь.

Вдруг Октавиан о чем-то вспомнил и вскочил с места.

— Я сейчас вернусь.

Он возвратился, неся в руках что-то завернутое в красную ткань, и положил это на стол.

— Разверни, жена моя любимая. Это тебе свадебный подарок.

В ткани лежало ожерелье и серьги из жемчуга цвета лунного света. Семь ниток. Застежками служили две золотые пластинки. Каждая серьга — это семь жемчужных кисточек, прикрепленных к золотой пластинке с крючком.

— О, Цезарь! — прошептала она как завороченная. — Они великолепны!

Он улыбнулся, довольный ее реакцией.

— Поскольку я считаюсь слишком бережливым, я не скажу тебе, сколько они стоят, но мне повезло. Фаберий из портика

Маргаритария только что выставил их на продажу. Жемчужины так идеально подобраны, что можно подумать, они предназначались для царицы Египта или Nabatei, поскольку жемчуг доставлен с Тапробаны — острова в Индийском океане. Но они никогда не украшали царскую шею или царские уши, потому что их украли. Вероятно, очень давно. Фаберий увидел их на Кипре и купил за... конечно, не за столько, сколько заплатил я, но недешево, во всяком случае. Я дарю это тебе, потому что Фаберий и я считаем, что до тебя их никто не носил. Ты будешь первой владелицей этого украшения, *teum me!*

Ливия Друзилла позволила ему застегнуть ожерелье на ее шею, вдеть в уши серьги, потом встала и дала ему полюбоваться ею. Восторг переполнял ее, лишал дара речи. Жемчужина Сервилиии размером с клубнику бледнела перед этим ожерельем — целых семь ниток! У старой Клодии было ожерелье из двух ниток, но даже Семпрония Атратина не могла похвастать более чем тремя нитями.

— Пора спать, — вдруг сказал Октавиан и взял ее под локоть. — У тебя будут свои комнаты, но если ты захочешь другие — я не знаю, какой вид из окна ты предпочитаешь, — просто скажи Бургунду, нашему управляющему. Тебе понравилась Софонисба? Она подойдет тебе?

— Я словно заблудилась на Елисейских полях, — сказала она, позволив ему направлять ее. — Столько трат на меня, столько беспокойства! Цезарь, я взглянула на тебя и полюбила. Но теперь я знаю, что с каждым днем, проведенным с тобой, моя любовь к тебе будет расти, вот увидишь.

III
ПОБЕДЫ
И
ПОРАЖЕНИЯ
39 г. до Р. Х. — 37 г. до Р. Х.

OCTAVIA

LIVIA DRUSILLA

Публий Вентидий был из Аскула Пиценского, большого, окруженного стенами города на Соляной дороге, связывавшей город Фирм с Римом. Шестьсот лет назад люди с Латинской равнины научились добывать соль на отмелях у порта Остия. Соль была редким и ходовым товаром. Очень скоро торговля перешла в руки купцов, живших в Риме, небольшом городке на реке Тибр, в пятнадцати милях вверх по течению от порта Остия. Историки, такие как Фабий Пиктор, утверждали, что именно соль сделала Рим самым большим городом в Италии, а его жителей — самыми могущественными.

Как бы то ни было, когда Вентидий родился в богатой аристократической семье Аскула за год до убийства Марка Ливия Друза, Аскул уже стал центром южной части Пицена. Расположенный в долине между предгорьями и высокими вершинами Апеннин, хорошо защищенный стенами от набегов марруцинов и пелигнов, соседних италийских племен, Аскул был центром процветающего края яблоневых, грушевых и миндальных садов. А это значило, что город продавал отличный мед, а также джем из фруктов, которые успели потерять свежесть и не годились для отправки на овощной рынок в Риме. Женщины Аскула занимались производством тонкой ткани особенно красивых оттенков голубого — эту краску получали из цветка, растущего в регионе.

Но Аскул стал известен совсем по другой причине: именно здесь вспыхнула Италийская война, когда жители, которым надоело притеснение со стороны нескольких живущих там римлян, убили двести римских граждан и приехавшего туда претора на представлении пьесы комедиографа Плавта. Когда два легиона под командованием дяди божественного Юлия, Секста Цезаря, прибыли, чтобы наказать виновных, город закрыл

ворота и перенес двухгодичную осаду. Секст Цезарь умер от воспаления легких во время очень холодной зимы. Его место занял Гней Помпей Страбон Карнифекс (Мясник). Этот косоглазый пиценский выскочка гордился своими подвигами, благодаря которым он заслужил это прозвище, отброшенное его сыном, Помпеем Великим. В сопровождении семнадцатилетнего сына и друга сына, Марка Туллия Цицерона, Помпей Страбон приступил к выполнению своих обязанностей, демонстрируя полное отсутствие милосердия. Он придумал способ, как отвести от города воду, добываемую из водоносного слоя под руслом реки Труентин. Но покорности было недостаточно для Помпея Страбона. Он хотел доказать жителям Аскула, что нельзя убивать римских преторов, разорвав их на куски. Он выпорол и обезглавил всех мужчин города от пятнадцати до семидесяти лет, хотя эти действия не имели под собой разумного основания. Оставив пять тысяч обезглавленных тел гнить на рыночной площади, Помпей Страбон вывел из города тринадцать тысяч женщин, детей и стариков в лютую зиму без еды и теплой одежды. Именно после этой оргии жестокости, сытый этим по горло, Цицерон перешел на службу к Сулле на южном театре войны.

Маленькому Вентидию было четыре года, и его не постигла участь матери, бабушки, теток и сестер, которые погибли в апеннинских снегах. Он стал одним из нескольких маленьких мальчиков, которых Помпей Страбон избавил от смерти, чтобы они приняли участие в процессии во время его триумфа, возмущившего порядочных людей в Риме. Триумфы даровались за победы над чужеземным врагом, а не над италийцами. Худого, голодного, покрытого язвами маленького Вентидия толчками в спину заставили идти от Марсова поля до Римского форума, а потом выгнали из Рима, предоставив самому себе. Ему было пять лет.

Но италийцы, будь они пиценцы, марсы, марруцины, френтаны, самниты или луканы, были одной нацией, как и римляне. Ворую еду, когда не мог выпросить ее, Вентидий дошел до Реаты, столицы сабинов. Там заводчик мулов Консидий нанял его чистить конюшни племенных кобыл. Этих выносливых по-

родистых лошадей он спаривал с племенными ослами и получал великолепных мулов, которых продавал за большую цену римским легионам, причем на один легион требовалось шестьсот голов этих выносливых животных. Центр производства был расположен в плодородной области Розея, недалеко от Реаты, славящейся великолепными пастбищами. Возможно, это предрассудки, но все считали, что мулы, выращенные в Розее, лучше других.

Вентидий был хорошим мальчиком, крепким, сильным, работал до изнеможения. Наделенный копной светлых кудрей и ясными голубыми глазами, он вскоре заметил, что если смотреть на женщин этого поместья взглядом, выражающим желание и восхищение, то получишь больше еды и одеяла, чтобы накрыться, когда спишь на душистой соломе.

В двадцать лет он превратился в рослого молодого человека, мускулистого благодаря тяжелой работе и знавшего все о разведении мулов. Наказанный богами ни на что не способным сыном, Консидий сделал Вентидия управляющим. Хозяйский сынок уехал в Рим, пил, играл, развратничал и там умер. У Консидия оставалась одна дочь, которой давно нравился молодой управляющий. Она набралась храбрости и попросила у отца разрешения выйти замуж за Вентидия. Консидий разрешил. Умирая, он завещал свои пятьсот югеров земли в Розее Вентидию.

Поскольку Вентидий был умный и работающий, он добился больших успехов в разведении мулов, чем иные сабиняне, которые столетиями занимались этим делом. Ему даже удалось пережить те десять страшных лет, когда озеро, питавшее траву долины Розея, высохло, так как фермеры в Амитерне прорыли ирригационный канал для полива своих клубничных плантаций. К счастью, сенат и народ Рима сочли, что мулы важнее клубники, поэтому канал был засыпан и Розея вновь стала плодородной.

Но на самом деле Вентидий не хотел всю жизнь заниматься мулами. Когда гадесский банкир Луций Корнелий Бальб стал *praefectus fabrum* у Цезаря, ответственным за снабжение его легионов, Вентидий добился, чтобы Бальб устроил ему

встречу с Цезарем. Цезарю он доверил свой амбициозный секрет: он хочет стать римским политиком, претором и военачальником.

— Политиком я буду посредственным, — признался он Цезарю, — но я знаю, что могу командовать легионами.

Цезарь поверил ему. Оставив ферму своему старшему сыну и Консидии, Вентидий сделался одним из легатов Цезаря, а после смерти Цезаря встал на сторону Марка Антония. Теперь наконец он был главнокомандующим, о чем и мечтал.

— Поллион собрал одиннадцать легионов, а ему нужно не более семи, — сказал ему Антоний до своего отъезда в Рим. — Я могу дать тебе одиннадцать легионов, а Поллион отдаст тебе четыре из своих одиннадцати. С пятнадцатью легионами и кавалерией, какую тебе удастся набрать в Галатии, ты сможешь сам пойти против Лабиена и Пакора. Назначай себе легатов, Вентидий, и помни об условиях. Ты должен сдерживать парфян, пока я не приду. Сражение оставь мне.

— Тогда, Антоний, с твоего позволения, я возьму Квинта Попедия Силона старшим легатом, — сказал Вентидий, стараясь скрыть бурную радость. — Он хороший человек, наследовал военные таланты своего отца.

— Великолепно. Отплывай из Брундизия, как только перестанут дуть экваториальные ветры. По Эгнатиевой дороге идти не стоит. Это очень медленно. Плыви в Эфес и начни кампанию, выгнав Квинта Лабиена из Анатолии. Если ты в мае окажешься в Эфесе, у тебя будет много времени.

Брундизий опустил цепь, загораживающую гавань, и позволил Вентидию и Силону погрузить шестьдесят шесть тысяч человек, шесть тысяч мулов, шестьсот повозок и шестьсот единиц артиллерии на пятьсот транспортных кораблей, которые, как по волшебству, откуда-то появились у входа в гавань. Очевидно, это была часть флота Антония.

— Людям придется туго, как сельдям в бочке, но у них не будет возможности жаловаться на это, — сказал Силон Вентидию. — Они могут грести. Мы должны погрузить все, включая артиллерию.

— Хорошо. Как только мы обогнем мыс Тенар, худшее будет позади.

Видно было, что Силон чем-то обеспокоен.

— А как быть с Секстом Помпеем, который теперь контролирует Пелопоннес и мыс Тенар?

— Антоний уверил меня, что он нас не остановит.

— Я слышал, он снова зверствует в Тусканском море.

— Мне все равно, что он делает в Тусканском море, пока его нет в Ионическом.

— Где Антоний достал столько транспортов? Здесь их больше, чем в свое время смогли собрать Помпей Магн или Цезарь.

— Он собрал их после Филипп и вцепился в них намертво. Он вытащил их из воды по всему Адриатическому побережью Македонии и Эпира. Многие из них были вытасканы на берег в Амбракийском заливе, где у него еще сотня военных кораблей. Фактически у Антония больше военных кораблей, чем у Секста. К сожалению, все они уже старые, хотя и хранятся под навесом. У него огромный флот у Тасоса, острова в Эгейском море, и другой флот в Афинах. Он делает вид, что афинский флот — единственный, но теперь ты знаешь, что это неправда. Я доверяю тебе, Силон. Не разочаруй меня.

— У меня рот на замке, клянусь тебе. Но почему Антоний так за них держится и зачем такая секретность?

Вентидий очень удивился:

— На тот день, когда он будет воевать с Октавианом.

— Я молюсь, чтобы этот день никогда не настал, — сказал Силон, вздрогнув. — Секретность означает, что он не намерен драться с Секстом. — Силон был явно встревожен. — Когда мой отец вел марсов и потом всех италийцев на Рим, транспорты и военные корабли принадлежали государству, а не отдельным командующим. Теперь, когда Италия и Рим равны в правах, государство сидит на задних скамьях, а его командиры заняли все передние места. Это неправильно, что такие люди, как Антоний, считают имущество государства своей собственностью. Я верен Антонию и буду ему верен до конца, но я не могу одобрить то, что сейчас происходит.

— Я тоже, — угрюмо согласился Вентидий.

— Если дело дойдет до гражданской войны, пострадают невиновные.

Вентидий вспомнил свое детство и поморщился.

— Я думаю, боги склонны защищать тех, у кого водятся деньги и кто может приносить им богатые жертвы. Что значит голубь или цыпленок по сравнению с белым быком? Кроме того, лучше быть чистокровным римлянином, мы оба это знаем.

Силон, красивый мужчина с беспокойными желто-зелеными глазами своего отца, кивнул.

— Вентидий, с марсами в наших легионах мы победим на Востоке. Сдерживать парфян? Этого ты хочешь?

— Нет, — с презрением ответил Вентидий. — Это мой шанс проявить себя. Поэтому я намерен идти как можно дальше и как можно быстрее. Если Антоний хочет славы, он должен быть здесь, на моем месте, а не следить одним глазом за Октавианом, а другим — за Секстом. Неужели он думает, что мы все, от Поллиона до меня, не знаем об этом?

— Ты действительно считаешь, что мы можем побить парфян?

— Мы можем попытаться, Силон. Я видел Антония в деле, и он не лучше меня, если не хуже. И уж конечно, он не Цезарь!

Его корабль проскочил над опущенной цепью и поплыл, подгоняемый северо-западным ветром.

— Ах, люблю я море! Прощай, Брундизий, прощай, Италия! — крикнул Вентидий.

В Эфесе пятнадцать легионов расположились в нескольких огромных лагерях вокруг портового города, одного из красивейших в мире. У его домов были мраморные фасады, он гордился огромным театром, имел десятки великолепных храмов, а также храм Артемиды в ее ипостаси богини плодородия. По этой причине статуи изображали ее с ожерельями из бычьих яиц, спускавшимися до самой талии.

Пока Силон обходил пятнадцать легионов и проверял, как они обучены, Вентидий нашел камень с естественным углублением в виде сиденья и сел, чтобы подумать в тишине и по-

кое. Он заметил отряд из пятисот пращников, присланных Полемоном, сыном Зенона, который правил Понтом, не получив от Антония официального назначения.

Понаблюдав за их тренировкой, Вентидий пришел в восхищение, удивленный, как далеко человек, вооруженный небольшим мешочком на мягком кожаном ремне, способен бросать каменный снаряд. Более того, снаряд летел с поразительной скоростью. Но достаточной ли, чтобы прогнать с поля боя парфянских конных лучников? Это вопрос!

С первого дня планирования кампании Вентидий был намерен добиться для себя триумфа. Поэтому его беспокоили легендарные верховые лучники, которые делали вид, что покидают поле боя, а потом вдруг поворачивались и стреляли над крупом коня. Скорее всего, основную массу войска будут составлять лучники, которые никогда не приближались к пехоте, опасаясь быть зарубленными. Но может, эти пращники...

Никто не сказал ему, что Пакор полагался на катафрактов, воинов в кольчугах с головы до ног, на огромных конях, также в кольчугах от головы до колен. У Пакора вообще не было верховых лучников. Причиной такого возмутительного отсутствия необходимой информации о противнике был Марк Антоний, который не приказал разведчикам добыть сведения о силах парфян. И ни один римлянин ничего не знал. Как и Вентидий, все военачальники Антония были убеждены, что у парфян лучников будет больше, чем катафрактов. Парфянская армия всегда имела такой состав, так почему теперь должно быть по-другому?

Таким образом, Вентидий сидел и размышлял о пращниках, планируя сражение с армией, в основном состоявшей из лучников, у которых теперь не кончались стрелы даже в самом продолжительном бою.

А что, если, думал Вентидий, он соберет всех имеющихся на Востоке пращников и научит их обстреливать камнями лучников? Бесполезно превращать легионера в пращника. Легионер скорее согласится, чтобы его выпороли и отсекли голову, чем снимет кольчугу и возьмет в руки пращу вместо меча.

Но камень не был идеальным снарядом. Прежде всего, пращники не могли метать любые булыжники. Они проводили много времени, отыскивая в руслах рек подходящие камни — гладкие, круглые, весом около фунта. Если такой камень попадет не в череп, он в лучшем случае оставит ужасный синяк, но не причинит большого вреда. Неприятеля выведут из строя, но через несколько дней он снова будет способен сражаться. В этом недостаток камней и стрел. Это чистое оружие. А чистое оружие редко убивает. Вот меч — грязное оружие. На нем всегда оставалась кровь всех, в кого он вонзался. Легионеры-ветераны вытирали лезвия, но никогда не мыли. Края лезвия были такими острыми, что перерезали волос. Когда меч входил в плоть, вместе с ним в тело попадал яд, который вызывал в ране нагноение, а иногда и убивал.

Вентидий подумал, что нельзя сделать снаряд для пращи, который вызовет нагноение, но можно придумать кое-что более опасное для жизни. Из опыта с артиллерией он знал, что крупные булыжники вызывают самые большие разрушения не столько из-за размера, сколько из-за их способности дробить то, во что попадают, на куски, которые разлетаются во все стороны. Катапульта или баллиста были эффективными орудиями, поскольку посылали снаряды с большей скоростью, чем праща, чей ремень мог быть недостаточно раскрученным. Свинец. Фунтовый свинцовый шарик гораздо меньше, чем камень такого же веса. Его можно раскрутить быстрее и бросить дальше. И когда он ударяет, то изменяет форму, становится плоским или даже острым. Свинцовые снаряды были известны, но их придумали, чтобы стрелять ими из малой артиллерии поверх городских стен, таких как в Перузии, и это была «слепая» пальба сомнительной эффективности. Свинцовый шар, брошенный умелым пращником в какую-нибудь цель, скажем, с расстояния двести футов, мог оказаться очень эффективным.

Вентидий поручил артиллерийским техникам сделать некоторое количество свинцовых шаров, предупредив их, что, если его идея окажется плодотворной, им придется сделать несколько тысяч таких шаров. Старший техник хитро выпел со встречным предложением — заключить контракт с частным

поставщиком на изготовление нескольких тысяч фунтовых свинцовых шаров.

— Частный поставщик обманет нас, — возразил Вентидий, мужественно стараясь сохранить бесстрастное выражение лица.

— Нет, если я заставлю полдюжины умелых мастеров из легионов взвесить каждый шар и проверить его, чтобы он был идеальной круглой формы, командир.

Согласившись с доводами техника, при условии что он обеспечит свинец и проследит, чтобы это не было сплавом свинца с каким-нибудь более дешевым металлом, например с железом, Вентидий, посмеиваясь про себя, понес мешок свинцовых шаров пращникам на тренировочную площадку. Никогда нельзя взять верх над изобретательным, умным легионером, как ни старайся и каким бы высоким ни был твой ранг. Они мужают, как возмужал он, лишенный всего в свое время, и они не боятся даже трехглавых псов.

Ксенон, начальник пращников, был на месте.

— Попробуй один, — сказал Вентидий, передавая ему шары.

Ксенон положил в пращу шар и стал раскручивать ее, пока не послышался свист. Резкий бросок — и свинцовый шар пролетел по воздуху и ударил в диафрагму набитого чучела. Вместе они подошли проверить повреждение. Ксенон ахнул, до того пораженный, что не мог даже крикнуть.

— Командир, посмотри! — проговорил он, когда обрел дар речи.

— Я уже смотрю.

Снаряд не просто сделал дырку в мягкой коже, он прорвал зияющее отверстие неправильной формы и упал на землю.

— Плохо, что в твоих чучелах нет скелета, — сказал Вентидий. — Я думаю, что эти свинцовые шарики будут вести себя по-другому, если попадут во что-то со скелетом. Поэтому мы опробуем снаряд на забракованном муле.

К тому времени, как нашли нужного мула, все пятьсот пращников собрались около них. Разнесся слух, что римский командир изобрел новый снаряд.

— Мула поставьте крестцом к летящему снаряду. В сражении вы будете стрелять по убегающим коням. Упадет лошадь —

упадет и лучник. Парфяне могут возобновлять запас стрел, но лошадей? Сомневаюсь, что у них будет много свободных.

Мул был так искалечен, что его пришлось немедленно прикончить. Шкура его была разорвана, внутренности смешались. Вынутый из внутренностей шар потерял форму. Он напоминал плоскую пластинку с рваными краями — результат удара о твердую кость.

— Пращники! — громко крикнул Вентидий. — У вас появилось новое оружие!

Со всех сторон раздались возгласы одобрения.

— Ксенон, сообщи Полемону, — сказал Вентидий, — что мне нужно еще полторы тысячи пращников и тысяча талантов свинца с его серебряных рудников. Понт сейчас стал очень важным союзником.

Конечно, все было не так просто. Некоторые пращники считали, что меньший снаряд труднее бросать, а некоторые не хотели признавать его преимущество. Но постепенно даже самые упрямые научились бросать свинец и перешли на новый вид оружия. Пришлось также модифицировать саму пращу, ибо тренировки показали, что от свинцового шара она быстрее изнашивается, чем от камня.

Потом прибыли еще полторы тысячи пращников из Амаеи и Синопы, ожидали их и из Амиса, который находился дальше. Полемон не был дураком, он правильно рассчитал, что чем щедрее он будет и чем быстрее выполнит просьбу Вентидия, тем больше окажется его прибыль.

Пока пращники тренировались, Вентидий не бездействовал. Он не всем был доволен. Новый наместник провинции Азия Луций Мунаций Планк обосновался в Пергаме, далеко к северу от Ликии и Карики, где находился Лабиен. Но житель Пергама, которому платил Лабиен, разыскал Планка и убедил его, что Эфес пал, а Пергам — следующая цель парфян. Не очень храбрый и склонный следовать ложным советам, Планк в панике быстро собрался и убежал на остров Хиос, послав сообщение Антонию, все еще находящемуся в Риме, что Лабиена невозможно остановить.

«И все это, — писал Вентидий Антонию, — пока я занят тем, что высаживаю пятнадцать легионов в Эфесе! Этот человек болван, трус, ему нельзя доверять войско. Я не стал ему писать, считая это напрасной тратой времени».

«Молодец, Вентидий, — хвалил его Антоний в ответном письме, которое тот получил, когда его армия была уже готова к маршу. — Я признаю, что назначил Планка наместником, чтобы он не путался у меня под ногами, как и Агенобарба в Вифинии, разве что Агенобарб не трус. Пусть Планк остается на Хиосе, там великолепное вино».

Прочитав письмо, Силон хихикнул:

— Отлично, Вентидий, за исключением того, что провинция Азия остается без правителя.

— Я подумал об этом, — самодовольно ответил Вентидий. — Поскольку Пифодор из Тралл теперь зять Антония, я позвал его в Эфес. Он сможет собрать дань и налоги от имени папы-тестя Антония и послать их в казну в Рим.

— О-о-о! — протянул Силон, широко открыв свои странные глаза. — Сомневаюсь, что это понравится Антонию. Он приказывал присылать все ему.

— Я такого приказа не получал, Силон. Я верен Марку Антонию, но прежде всего я верен Риму. Дань и налоги, собранные от имени Рима, должны идти в казну. То же самое с трофеями, которые мы добудем. Если Антоний хочет жаловаться — пожалуйста. Но только после того, как мы побьем парфян.

Вентидий чувствовал свою силу, ибо вожди Галатии, оставшиеся без лидера, собрали всех кавалеристов, каких сумели найти, и пришли в Эфес с желанием показать этому неизвестному римскому военачальнику, на что способны хорошие конники. Их было десять тысяч, все слишком молодые, потому не принимавшие участие в сражении у Филипп, все озабоченные тем, чтобы оградить свои прекрасные пастбища от налетов Квинта Лабiena, находящегося в опасной близости.

— Я поеду с ними, но торопиться не стану, — сказал Силону Вентидий. — Твоя работа — быстро вести пехоту со скоростью не меньше тридцати миль в день. Я хочу, чтобы легионы шли прямо к Киликийским воротам. То есть к верховью реки

Меандр и через северную часть Писидии в Иконий. Иди по караванной тропе, оттуда по югу Каппадокии, оттуда по римской дороге, которая ведет к Киликийским воротам. Это марш в пятьсот миль, и у вас двадцать дней. Понятно?

— Абсолютно, Публий Вентидий, — ответил Силон.

Римский командир обычно не ездил верхом. Большинство по ряду причин предпочитали идти пешком. Во-первых, так удобнее. У человека на коне затекают ноги, потому что для них нет опоры и они свободно болтаются. Во-вторых, пехоте нравилось, когда командиры шли вместе с солдатами. Так они оказывались на одном уровне с ними и буквально, и метафорически. В-третьих, это сдерживало кавалерию. Римские армии в основном состояли из пехоты, ценимой больше, чем кавалерия, которая за прошедшие столетия перестала быть римской и сделалась вспомогательной силой, конников поставляли галлы, германцы и галаты.

Но Вентидий больше привык ездить верхом благодаря мулам. Его так и подмывало напомнить своим надменным коллегам, что великий Сулла всегда ездил на муле и заставил молодого Цезаря ездить на муле. Вентидий хотел следить за кавалерией, которую вел галат по имени Аминта, раньше служивший секретарем у старого царя Дейотара. Если Вентидий прав, Лабиен будет отступать перед такой грозной кавалерией, пока не найдет места, где десять тысяч его пехотинцев, обученных римскому ведению боя, смогут побить десять тысяч конников. Это будет не Кария и не Центральная Анатолия. Он сможет найти такое место в Ликийи и на юге Писидии, но, если он будет отступать в том направлении, это затруднит его связь с армией парфян. Лабиен, скорее всего, пойдет по тому же маршруту, который Вентидий наметил для Силона, но на несколько дней раньше. Десять тысяч преследующих его лошадей заставят Лабиена убегать быстро, так что ему не удастся сохранить обоз, нагруженный награбленным так, что только быкам под силу сдвинуть повозки с места. Все это добро достанется Силону. Дело Вентидия — заставить Лабиена быстро возвратиться в Киликию Педию, к парфянской армии по другую сторону

Аманских гор, служивших естественной границей между Киликийей Педией и северной частью Сирии.

Существовал только один путь, по которому Лабиен мог пройти из Каппадокии в Киликию, ибо высокие и скалистые Таврские горы отрезали центральную Анатолию везде восточнее этого участка. Снега Тавра никогда не таяли, а имевшиеся там перевалы лежали на высоте десяти и одиннадцати тысяч футов, особенно в сегменте Анти-Тавр. Кроме Киликийских ворот. И именно у Киликийских ворот Вентидий надеялся загнать Квинта Лабиена.

Молодые галаты были именно в том возрасте, когда они становятся самыми храбрыми воинами: недостаточно взрослые, чтобы иметь жену и семью, и недостаточно зрелые, чтобы бояться сражения с неприятелем. Только Риму удавалось превратить мужчин старше двадцати лет в превосходных солдат, и это было показателем преимущества Рима. Дисциплина, тренировка, профессионализм, ясное понимание, что каждый человек — это часть огромной, не знающей поражения машины. Вентидий сознавал, что без своих легионов он не сможет победить Лабиена. Ему нужно было только загнать отступника в ловушку, перекрыть Киликийские ворота и ждать, когда придут его легионы. Доверяя Силону, он передаст ему командование в предстоящем сражении.

Лабиен повел себя предсказуемо. Его разведка донесла об огромных силах, засевших в Эфесе, а услышав имя их командира, он понял, что должен спешно отступить из западной части Анатолии. Трофеи у него накопились изрядные, ибо он побывал в местах, куда не наведались ни Брут, ни Кассий. Писидия была полна храмов, посвященных Кубабе Кибеле и ее возлюбленному и жрецу Аттису. В Ликаонии было много храмовых территорий, посвященных забытым божествам тех времен, когда Агамемнон правил Грецией. В Икони мидийские и армянские боги имели собственные храмы. Лабиен из последних сил тащил за собой обоз — напрасный труд. Он бросил его в пятидесяти милях западнее Икони. Возчики, отчаянно боявшиеся преследующей их римской кавалерии, даже не додумались украсть что-нибудь из содержимого повозок.

Они убежали, оставив обоз, растянувшийся на две мили, и ревущих от жажды быков. Вентидий остановился освободить животных, чтобы они могли найти воду, и двинулся дальше. Когда пробьет час и награбленное дойдет до казны, оно потянет тысяч на пять талантов серебром. Там не было бесценных произведений искусства, но очень много золота, серебра и драгоценных камней. Садясь на мула, Вентидий подумал, что это будет подходящим украшением его триумфа.

Местность вокруг Киликийских ворот не годилась для лошадей. В густых сосновых лесах трава не росла, и ни одна лошадь не стала бы есть сильно пахнущую хвою. Каждый пехотинец нес с собой корм, сколько мог, — одна из причин, почему Вентидий не торопился. Но пехотинцы были смекалистые, они подбирали все найденные побеги папоротника, похожие, по мнению Вентидия, на посох авгура с завитушкой на конце. Он рассчитал, что с кормом, который несли солдаты, и папоротником можно протянуть дней десять. Достаточно, если Силон будет строг и заставит легионы делать по тридцать миль в день. Цезарь мог добиться от легионеров еще большей скорости, но Цезарь был особенным. Ох, тот марш из Плаценции ради освобождения Требония и остальных в Агединке! И какова благодарность за это? Убить человека, который тебя освободил. Вентидий харкнул и плюнул в воображаемого Гая Требония.

Лабием прибыл на перевал на два дня раньше и успел повалить достаточно деревьев, чтобы построить лагерь по римскому образцу: использовал бревна для высоких стен, вырыл траншею по периметру и воздвиг наблюдательные вышки на стенах. Но хотя воины его были обучены римлянином, сами они римлянами не были. А это значило, что далеко не все было сделано надежно и на совесть. Когда Вентидий прибыл, Лабием не осмелился выйти из-за своих укреплений и дать бой. Но Вентидий и не рассчитывал на это. Лабием ждал Пакора и его парфян из Сирии. Это была разумная, но и рискованная игра. Разведчики Пакора должны были обнаружить Силона и легионы, а разведчики Вентидия доложили ему, что на

расстоянии нескольких дней пути от Киликийских ворот парфян пока нет. Дальше к востоку Вентидий не осмелился послать своих разведчиков. Обнадеживало то, что Силон не мог быть слишком далеко, судя по скорости, с какой Лабием построил лагерь.

Три дня спустя Силон и пятнадцать легионов спустились со склонов Тавра. Им пришлось пройти некоторое расстояние по парфянской территории и только потом подняться вверх с берега у Тарса — изнурительное занятие и для лошадей, и для людей.

— Вот, — показал Вентидий Силону при встрече, не теряя времени, — мы строим наш лагерь над Лабиемом и на подъеме. — Он пожевал губу, что-то обдумывая. — Пошли младшего Аппия Пульхру и пять легионов на север в Евсевию Мазаку — здесь будет достаточно десяти легионов. Да и местность не позволяет построить лагерь площадью в несколько квадратных миль. Скажи Пульхру, чтобы он занял город и был готов к маршу в любой момент. Он может также сообщить о состоянии дел в Каппадокии. Антонию не терпится знать, есть ли кто-то из Ариартидов, кто способен править.

Всадников не используют для постройки лагеря. Они не римляне и не имеют понятия, что такое заниматься ручным трудом. Теперь, когда пришел Силон, он может воздвигнуть укрытие для солдат, но он не скажет им, что они пробудут здесь долго. Лабием спрятался за стенами и с тревогой смотрел наверх, где быстро рос лагерь Вентидия. Его успокаивало только то, что, строя лагерь над ним, Вентидий давал ему возможность отступить вниз, в Киликию, у Тарса. Вентидий знал это, но не тревожился. Он хотел лишь выгнать Лабиема из Анатолии. Такой крутой склон, усыпанный пнями, не подходил для решающего сражения. Только для хорошего боя.

Через четыре дня после прибытия Силона пришел разведчик и сказал римским командирам, что парфяне обошли Тарс и двинулись к Киликийским воротам.

- Сколько их? — спросил Вентидий.
- Тысяч пять, командир.
- Все лучники?

Разведчик удивился:

— Никаких лучников. Все катафракты, командир. Разве вы не знали?

Голубые глаза Вентидия встретились с зелеными глазами Силона. В глазах обоих был испуг.

— Какой провал! — вскричал Вентидий, когда разведчик ушел. — Нет, мы не знали! Такая работа с пращниками — и все напрасно! — Он собрался с силами, успокоился. — Мы используем рельеф. Я уверен, Лабиен думает, что мы дураки, раз даем ему шанс ускользнуть. Но теперь моей главной мишенью будут катафракты, а не его наемники. Силон, завтра на рассвете собери центурионов.

План был разработан тщательно и подробно.

— Я не смог точно установить, поведет ли Пакор свою армию лично, — сказал Вентидий шестистам центурионам на совете, — но мы должны сделать так, ребята, чтобы парфяне атаковали нас наверху, без поддержки пехоты Лабиена. Это значит, мы встанем вдоль стен и будем выкрикивать оскорбления в адрес парфян на их языке. У меня есть человек, он записал несколько слов и фраз, которые пять тысяч солдат должны заучить. «Свиньи, идиоты, сучьи дети, дикари, собаки, говноеды, крестьяне». Пятьдесят центурионов с самыми громкими головами должны выучить, как сказать «Твой отец — подлец!», «Твоя мать сосет пенис!» и «Пакор держит свиней!». Парфяне свинину не едят, они считают свинью нечистой. Необходимо довести их до белого каления, чтобы они забыли о тактике и напали. А тем временем Квинт Силон откроет лагерные ворота и разберет боковые стены, чтобы быстро вывести девять легионов. Еще нужно объяснить ребятам, чтобы они не боялись этих огромных *mentulae* на их огромных лошадях. Ваши солдаты должны, как воины-убийцы, появиться неожиданно, окружить их лошадей, наклониться и перерезать им ноги. Когда лошадь упадет, надо тут же вонзить меч в лицо всадника или в то место, которое не защищено кольчугой. Я все еще намерен использовать пращников, хотя не уверен, что от них будет какая-то помощь. Это все, ребята. Парфяне будут здесь ран-

ним утром, так что сегодняшней день надо посвятить заучиванию ругательств и говорить, говорить, говорить. Расходитесь, и пусть Марс и Геркулес Непобедимый будут с нами.

Это был не просто хороший бой, это был замечательный бой. Идеальное крещение для легионеров, которые раньше не видели катафракта. Всадники в кольчугах выглядели страшнее, чем были на самом деле, как показал опыт. На поток оскорблений они отвечали с яростью, лишившей их рассудка. С боевым кличем они ринулись вверх по усыпанному пнями склону, так что земля затряслась. Некоторые лошади падали, натываясь на пни или пытаясь перескочить через них. Противники парфян, одетые, в отличие от них, в тонкие кольчуги, появились из леса с обеих сторон лагеря и проворно скрылись в лесу конских ног, рубя их, превращая атаку парфян в безумие визжащих от боли лошадей и барахтающихся неуклюжих всадников, беспомощных против ударов в лицо и подмышки. Хороший удар меча пробивал кольчугу и протыкал живот, хотя для лезвия это было губительно.

И, к своему удовольствию, Вентидий обнаружил, что свинцовые снаряды, брошенные его пращниками, пробивают дыры в кольчугах парфян и убивают их.

Пожертвовав тысячью пехотинцев, оставленных сражаться в арьергарде, Лабие побегал по римской дороге в Киликию, радуясь тому, что жив. О парфянах этого нельзя было сказать, их рубили на куски. Вероятно, тысяча их последовала за Лабиемом, остальные были мертвы или умирали на поле боя у Киликийских ворот.

— Настоящая кровавая баня, — сказал Силон Вентидию спустя шесть часов, когда бой закончился.

— Как дела у нас, Силон?

— У нас отлично. Несколько пробитых голов, попавших под копыта лошадей, несколько солдат раздавлены упавшими лошадьми, и всего, я бы сказал, около двухсот несчастных случаев. А эти свинцовые снаряды! Даже кольчуги не могут их остановить.

Хмурясь, Вентидий обошел поле боя, не тронутый страданиями людей вокруг него. Они посмели оспорить мощь Рима

и поняли, что это приводит к смерти. Несколько легионеров ходили среди мертвых и умирающих, убивая коней и людей, не имевших шансов. Оставшиеся были легкоранеными. Их соберут вместе, чтобы получить за них выкуп, ибо воин-катафракт был аристократом, чья семья могла заплатить за него. Если выкупа не будет, его продадут в рабство.

— А что нам делать с горой убитых? — спросил Силон и вздохнул. — Здесь нет слоя земли толще одного-двух футов, так что трудно будет копать могилы. А деревья слишком зеленые, гореть не будут, и погребальные костры не разжечь.

— Мы перетащим их в лагерь Лабиена и оставим там гнить, — ответил Вентидий. — К тому времени, как мы будем возвращаться по этому же пути — если вернемся, — от них останутся только белые кости. На много миль вокруг нет селений, а санитарные условия в лагере Лабиена достаточно хороши, поэтому в реку Кидн ничего не попадет. Но сначала мы поищем трофеи. Я хочу, чтобы мой триумфальный парад был настоящим, — никакой македонской пародии триумфа для Публия Вентидия!

«И эти слова, — подумал Силон, усмехнувшись про себя, — пощечина Поллиону, который когда-то вел войну в Македонии».

В Тарсе Вентидий узнал, что Пакора на поле боя не было, — вероятно, это стало одной из причин, почему оказалось так просто привести парфян в ярость. Лабиен продолжал двигаться на восток через Киликию Педию. Колонна его шла в диком беспорядке, между предоставленными самим себе катафрактами и несколькими нанятыми смутьянами, которым было поручено сеять недовольство среди более спокойных пехотинцев.

— Мы должны быть у него на хвосте, — сказал Вентидий, — но теперь кавалерию поведешь ты, Силон. А я поведу легионы.

— Я слишком медленно шел к Киликийским воротам?

— *Edepol*, нет! Откровенно говоря, Силон, стар я становлюсь для верховой езды. Яйца болят, да еще у меня свищ. Тебе легче будет ехать, ты намного моложе. Человеку в пятьдесят пять лет лучше ходить пешком.

В дверях появился слуга.

— *Domine*, Квинт Деллий хочет видеть тебя и спрашивает, где ему остановиться.

Голубые глаза обменялись с зелеными взглядом, который возможен только между друзьями, понимающими друг друга. Этот взгляд сказал многое, хотя не было произнесено ни слова.

— Проведи его сюда, но об устройстве не беспокойся.

— Мой дорогой Публий Вентидий! А также Квинт Силон! Как приятно видеть вас! — Деллий плюхнулся в кресло, не дожидаясь, когда ему предложат сесть, и красноречиво посмотрел на графин с вином. — Капля чего-нибудь легкого, белого и бодрящего не помешает.

Силон налил вина, передал ему кубок и обратился к Вентидию:

— Раз мы закончили, пойду заниматься делом.

— Встретимся завтра на рассвете.

— Ой-ой, какие мы серьезные! — воскликнул Деллий, сделал глоток вина, и вдруг лицо его вытянулось. — Фу! Что за моча? Третий отжим, что ли?

— Не знаю, не пробовал, — отрывисто ответил Вентидий. — Чего тебе надо, Деллий? Сегодня ты остановишься в гостинице, потому что дворец полон. Завтра ты сможешь переселиться сюда, и весь дворец будет к твоим услугам. Мы уходим.

Возмущенный Деллий выпрямился в кресле и удивленно посмотрел на Вентидия. С того памятного обеда два года назад, когда он делил ложе с Антонием, он так привык к почтительному отношению к себе, что ожидал этого даже от грубых вояк вроде Публия Вентидия. Но не дождался! Его желтовато-коричневые глаза впились в лицо Вентидия, и он покраснел, встретив презрительный взгляд.

— Что за дела! — крикнул Деллий. — Это уже слишком! У меня полномочия пропретора, и я настаиваю, чтобы меня немедленно поселили во дворце! Выгони Силона, если больше некого выгнать.

— Ради такого лизоблюда, как ты, я бы не выгнал даже самого последнего контубернала, Деллий. У меня полномочия проконсула. Что ты хочешь?

— У меня послание от триумвира Марка Антония, — холодно ответил Деллий, — и я собирался вручить его в Эфесе, а не в этом крысином гнезде Тарсе.

— Тогда тебе надо было ехать быстрее, — ответил Вентидий без всякого сочувствия. — Пока ты качался на волнах, я дрался с парфянами. Ты можешь вернуться к Антонию с моим посланием. Скажи ему, что мы разбили армию парфянских катафрактов у Киликийских ворот, а Лабиена обратили в бегство. О чем твое послание? Что-нибудь интересное?

— Враждовать со мной неразумно, — прошептал Деллий.

— А мне наплевать. Какое послание? У меня много работы.

— Мне велено напомнить тебе, что Марк Антоний очень заинтересован в том, чтобы как можно скорее увидеть на троне царя Ирода.

Вентидий крайне удивился:

— Ты хочешь сказать, что ради этого Антоний заставил тебя проделать такой путь? Передай ему, что я буду рад посадить жирную задницу Ирода на трон, но сначала я должен выгнать Пакора и его армию из Сирии, а на это может потребоваться некоторое время. Однако уверь триумвира Марка Антония, что я буду помнить о его инструкциях. Это все?

Раздувшись, как гадюка, Деллий оскалился.

— Ты пожалеешь о таком поведении, Вентидий! — прошипел он.

— Я жалею Рим, который поощряет таких подлиз, как ты, Деллий. Выход найдешь сам.

Вентидий ушел, оставив Деллия кипеть от злости. Как смеет этот заводчик мулов так обращаться с ним! Но пока, решил он, отставив вино и поднимаясь с кресла, нужно терпеть старого зануду. Он разбил армию парфян и выгнал Лабиена из Анатолии — эта новость понравится Антонию так же, как ему понравится Вентидий. «Возмездие подождет, — подумал Деллий. — Когда представится удобный случай, я ударю. Но не сейчас. Нет, не сейчас».

Умело командуя своими галатами, Квинт Попедий Силон зажал Лабиена у перевала через Аманские горы, названного Сирийскими воротами, и стал ждать Вентидия с его легиона-

ми. Стоял ноябрь, но было не холодно. Осенние дожди еще не начались, а это значило, что земля была твердая и подходила для сражения. Какой-то парфянский командир привел две тысячи катафрактов из Сирии на помощь Лабиену, но напрасно. Конных воинов в кольчугах снова порубили на куски. На этот раз была разбита и пехота Лабиена.

Сделав остановку, чтобы написать письмо Антонию с радостной вестью о победе, Вентидий двинулся дальше в Сирию, но там парфян не оказалось. Пакора не было и в сражении у Амана. По слухам, он ушел домой в Селевкию-на-Тигре несколько месяцев назад, взяв с собой Гиркана, царя евреев. Лабиен сбежал, сев в Апамее на корабль, направлявшийся на Кипр.

— Это ему ничего не даст, — сказал Вентидий Силону. — Насколько мне известно, Антоний послал на Кипр одного из вольноотпущенников Цезаря управлять от его имени. Гай Юлий, э-э, Деметрий, так его зовут. — Он потянулся за бумагой. — Пошли ему этот приказ, Силон. Если я верно о нем сужу, — память меня подводит, когда дело касается чьих-либо греков-вольноотпущенников, — он обыщет остров от Пафоса до Саламина. И сделает это усердно и эффективно.

Покончив с этим вопросом, Вентидий расселил свои легионы в нескольких зимних лагерях и стал ждать, что сулит наступающий год. Удобно устроившись в Антиохии и отправив Силона в Дамаск, он наслаждался отдыхом, мечтая о своем триумфе, перспектива которого стала еще более соблазнительной. Сражение у Аманского хребта дало две тысячи талантов серебром и несколько произведений искусства, которые могут украсить платформы на его триумфальном параде. «Подавься от зависти, Поллион! Мой триумф затмит твой на целые мили!»

Зимний отпуск продлился не так долго, как ожидал Вентидий. Пакор возвратился из Месопотамии со всеми катафрактами, каких смог собрать, но без лучников. Ирод появился в Антиохии с новостями, явно полученными от одного из приближенных Антигона, которому не улыбалась перспектива вечного правления парфян.

— Я завел дружбу с неким саддукеем по имени Ананил, который жаждет стать первосвященником. Поскольку я на эту должность не претендую, он может занять ее, впрочем, как и любой другой. Я обещал ему помощь в обмен на достоверную информацию о парфянах. Я велел ему нашептать его парфянским агентам, что, заняв северную часть Сирии, ты устроишь ловушку Пакору в Никефории на реке Евфрат, так как ты ожидаешь, что он перейдет реку у Зевгмы. Пакор поверит этому и не пойдет в Зевгму, а двинется по восточному берегу на север до Самосаты. Я думаю, он пойдет кратчайшим путем Красса до реки Билех. Нелепо, правда?

Хотя Вентидий не мог испытывать симпатию к Ироду, он был достаточно проницательным и понимал, что эта алчная жаба ничего не выигрывает, солгав ему. Любая информация от Ирода будет правдивой.

— Я благодарю тебя, царь Ирод, — сказал он, не чувствуя того отвращения, какое он чувствовал к Деллию. Ирод не был подхалимом, несмотря на всю его услужливость. Он просто хотел изгнать узурпатора Антигона. — Будь уверен, что, как только исчезнет угроза со стороны парфян, я помогу тебе отделаться от Антигона.

— Надеюсь, ожидание не затянется, — вздохнув, сказал Ирод. — Женщины моей семьи и моя невеста находятся сейчас в безвыходном положении на вершине самой ужасной скалы в мире. Я слышал от моего брата Иосифа, что они там голодают. Боюсь, я не в силах им помочь.

— А деньги помогут? Я дам тебе достаточно, чтобы ты мог поехать в Египет, купить провизии и отвезти им. Ты сумеешь добраться до этой ужасной скалы, незаметно выехав из Египта?

Ирод проворно выпрямился:

— Я с легкостью избегну слежки, Публий Вентидий. Скала имеет название Масада, и до нее долго добираться вдоль Асфальтового озера. Верблюжий караван, идущий из Пелузия, не привлечет внимания евреев, идумеев, набатеев и парфян.

— Страшный список, — усмехнулся Вентидий. — Что ж, пока я справляюсь с Пакором, предприми этот поход. Выше нос, Ирод! На будущий год в это же время ты будешь в Иерусалиме.

Ирод постарался выглядеть смиренным и неуверенным — нелегкая задача.

— Я, э-э-э... куда мне, э-э-э, обратиться за этими деньгами?

— Просто иди к моему квестору, царь Ирод. Я скажу ему, чтобы он дал тебе столько, сколько ты попросишь, — естественно, в пределах разумного. — В голубых глазах блеснул огонек. — Верблюды дорого стоят, но я торгую мулами и хорошо знаю цену любого существа на четырех ногах. Просто честно веди дела со мной и добывай сведения.

Восемь тысяч катафрактов появились с юго-востока у Самосаты и перешли Евфрат, зимой не такой полноводный. На этот раз Пакор лично возглавлял армию. Он отправился на запад к Халкиде по дороге, ведущей в Антиохию через безопасную зеленую местность. Он хорошо знал ее по прежним нашествиям, там было много воды и травы. За исключением невысокой горы Гиндар, земля была относительно ровная. Ни о чем не беспокоясь, поскольку все второстепенные правители в этом регионе были на его стороне, Пакор приближался к склону Гиндара со своими всадниками, растянувшимися позади него на несколько миль. Он шел в Антиохию, не зная, что Антиохия снова в руках римлян. Агенты Ирода хорошо продали свою работу, а Антигон, царь евреев, которому следовало расчистить путь для Пакора, был слишком занят подавлением недовольства тех евреев, которые парфянам предпочитали римлян.

Примчавшийся разведчик доложил Пакору, что римская армия остановилась у Гиндара и хорошо окопалась. Пакор почувствовал облегчение и собрал своих катафрактов в боевой порядок. Ему не нравилось пребывать в неведении относительно местонахождения противника.

Увы, он повторил все ошибки, которые его подданные допустили у Киликийских ворот и в Аманских горах. Он все еще считал, что презренная пехота римлян не выдержит натиска гигантов в броне на конях, тоже защищенных доспехами. Всей массой катафракты атаковали склон и попали под град свинцовых снарядов, которые пробивали их кольчуги с расстояния, недосягаемого для стрел. Лошади были в панике, они визжали

от боли, когда шары попадали им между глаз. Авангард парфян был разбит. В этот момент легионеры бесстрашно ринулись в бой, они подступали к топчущимся лошадям, перерезали им колени, потом стаскивали всадников и ударом меча в лицо убивали их. В такой свалке длинные копья парфян были бесполезны, да и сабли большей частью оставались в ножнах. Потеряв надежду связаться со своим арьергардом в этой неразберихе и не имея возможности добраться до склона, занятого римлянами, Пакор с ужасом смотрел, как легионеры все ближе и ближе подходят к его позиции на вершине небольшого холма. Но он дрался, как дрались его люди, окружив его и защищая до конца. Когда Пакор упал, те, кто еще мог, пешие собрались вокруг его тела и попытались противостоять римской пехоте. К ночи большая часть из восьми тысяч были мертвы, несколько уцелевших умчались к Евфрату и в сторону дома, взяв с собой коня Пакора как доказательство его смерти.

На самом деле, когда бой закончился, Пакор был еще жив, хотя смертельно ранен в живот. Легионер прикончил его, снял с него доспехи и передал их Вентидию.

Вентидий писал Антонию, который находился в Афинах с женой и всеми детьми:

Место было идеальное. Золотые доспехи Пакора я выставлю на триумфе. Мои люди три раза провозгласили меня императором на поле боя, и я могу это подтвердить, если ты потребуешь. Не было смысла вести политику сдерживания на любом этапе этой кампании, которая естественно перешла в серию из трех сражений. Насколько я понимаю, итог моей кампании не дает тебе оснований для недовольства. Просто ты получаешь Сирию целой и невредимой и можешь расположить там твои армии, включая и мою, которую я размещу в зимних лагерях вокруг Антиохии, Дамаска и Халкиды, — для твоей большой кампании против Месопотамии.

Однако мне стало известно, что Антиох из Коммагены заключил с Пакором договор, по которому Коммагеной будут управлять парфяне. Он также снабдил Пакора провизией и фуражом, что дало тому возможность пойти в Сирию без обычных

проблем, преследующих большие силы кавалерии. Поэтому в марте я поведу семь легионов на север, к Самосате, и посмотрю, что скажет царь Антиох о своем предательстве. Силон и два легиона пойдут к Иерусалиму, чтобы посадить на трон царя Ирода.

Царь Ирод очень помог мне. Его агенты распространили среди парфянских шпионов неверную информацию, и это дало мне возможность найти идеальное место для сражения, пока парфяне не знали, где я нахожусь. Я считаю, что в лице царя Ирода Рим получит надежного союзника. Я дал ему сто талантов, чтобы он поехал в Египет и купил провизию для своей семьи и семьи царя Гиркана, которых он поместил на какой-то неприступной горе. Кампания дала трофеев на десять тысяч талантов серебром, они уже отправлены в казну Рима. После моего триумфа большую часть трофеев получишь ты. Моя доля от продажи рабов будет невелика, поскольку парфяне бились насмерть. Я собрал около тысячи человек из армии Лабiena и продал их.

Что касается Квинта Лабiena, я только что получил письмо от Гая Юлия Деметрия с Кипра. Он сообщает мне, что захватил Лабiena и убил его. Я не одобряю этот последний факт, поскольку простой грек-вольноотпущенник, пусть даже и вольноотпущенник покойного Цезаря, не имеет достаточной власти, чтобы казнить. Но оставляю тебе судить об этом.

Будь уверен, когда я приду в Самосату, я расправлюсь с Антиохом, который лишил Коммагену статуса друга и союзника. Надеюсь, это письмо найдет тебя и твою семью в добром здравии.

12

Жизнь в Афинах была приятной, особенно с тех пор, как Марк Антоний уладил свои разногласия с Титом Помпонием Аттиком, самым уважаемым римлянином в Афинах. Греки прозвали его Аттиком, что означает «афинянин»

в сердце». Точнее было бы сказать, «любитель афинских мальчиков», но все римляне благоразумно это игнорировали, даже такой противник гомосексуализма, как Антоний. С самого начала Аттик принял решение не демонстрировать своего пристрастия к мальчикам нигде, кроме терпимо относящихся к этому Афин. Там он построил особняк и за годы сделал много хорошего для города. У Аттика, человека большой культуры и известного литератора, было увлечение, которое в конце концов принесло ему очень много денег. Он публиковал работы знаменитых римских авторов, от Катуллы до Цицерона и Цезаря. Каждый новый опус копировали тиражом от нескольких десятков экземпляров до нескольких тысяч. Сто переписчиков с хорошим, разборчивым почерком разместились в здании на Аргилете, около сената. Сейчас они занимались поэзией Вергилия и Горация. К их помещению примыкала библиотека, где можно было на время взять рукопись. Идея библиотеки принадлежала братьям Сосиям, известным книготорговцам, конкурентам Аттика, расположившимся рядом. Издательским делом они начали заниматься раньше Аттика, но не обладали таким огромным богатством и работали медленнее. Недавно скончавшиеся братья Сосии в свое время произвели на свет подающих надежды политиков, один из которых был у Антония старшим легатом.

В среднем возрасте Аттик женился на кузине Цецилии Пилии, которая родила ему дочь Цецилию Аттику, его единственного ребенка и наследницу всех его богатств. В результате болезни Пилия стала инвалидом. Вскоре после сражения у Филипп она умерла, оставив Аттिका растить дочь. Родившейся за два года до убийства Цезаря девочке было сейчас тринадцать лет. Аттик был хорошим отцом, он никогда не скрывал от нее своих наклонностей, считая, что неведение только делает дочь уязвимой для сплетен. Его очень беспокоило будущее своего единственного ребенка. Кого выбрать ей в мужья через пять лет?

Удивительная проницательность и поразительное умение поддерживать хорошие отношения с любой фракцией в высшем обществе Рима помогли Аттику выжить, но после смерти

Цезаря мир изменился так радикально, что он боялся и за себя, и за благополучие дочери. Его единственной слабостью была симпатия к римским матронам, попавшим в беду. Он помогал Сервилии, матери Брута и любовнице Цезаря, Клодии, сестре Публия Клодия, пользующейся дурной славой, и Фульвии, жене трех демагогов: Клодия, Куриона и Антония.

Помощь Фульвии чуть не разорила его, несмотря на его влияние в мире коммерции, которой правит сословие всадников. В какой-то момент казалось, что все, от зерна до обширных латифундий в Эпире, пойдет с аукциона в пользу Антония, но, получив короткое письмо Антония с повелением выгнать Фульвию, Аттик немедленно выполнил приказ. Хотя он горько плакал, когда она вскрыла себе вены, собственная судьба и состояние были важнее.

Когда Антоний прибыл в Афины с Октавией и ватагой ребятишек, Аттик сделал все, чтобы снискать расположение мужа и жены. Он нашел триумвира спокойным и умиротворенным и понял, что за это следует благодарить Октавию. Они были явно счастливы вместе, но не как молодые новобрачные, которым никто не нужен. Антонию и Октавии нравились компании, они посещали лекции, симпозиумы и приемы, которыми славилась культурная столица. Они часто устраивали дома вечеринки. Да, год брака пошел Антонию на пользу, как и знаменитому Помпею Великому, когда он женился на очаровательной Юлии, дочери Цезаря.

Конечно, прежний Антоний никуда не делся. Он оставался дерзким, взрывным, агрессивным, любил удовольствия и был все таким же ленивым.

Именно лень Антония занимала в основном мысли Аттика, пока он медленно шел по узкой афинской аллее в резиденцию наместника, где Антоний устраивал обед. Был апрель того года, когда консулами стали Аппий Клавдий Пульхр и Гай Норбан Флакк. Аттик (впрочем, как и остальные афиняне) знал, что парфян загнали обратно на их земли. И это сделал не Антоний, а Публий Вентидий. В Риме говорили, будто набег парфян прекратился так внезапно, что Антоний просто не успел присоединиться к Вентидию в Киликии или в Сирии.

Но Аттик лучше знал, что ничто не мешало Антонию быть там, где велись военные действия. Ничто, кроме фатальной слабости Антония: из-за своей лени он все оттягивал и откладывал. Он не поспевал за событиями, говоря себе, что все произойдет тогда, когда он этого захочет. Пока Юлий Цезарь был жив, он заставлял Антония шевелиться, что-то делать. Его слабость не казалась такой фатальной. А после убийства Цезаря его подгонял Октавиан. Но победа у Филипп оказалась столь великой для Антония, что его слабость разрослась, как грибы после дождя. Так уже было, когда Юлий Цезарь оставил на него Италию, пока сам сокрушал последних своих врагов. И что сделал Антоний с этой огромной властью? Запряг четырех львов в колесницу, окружил себя магами, танцовщицами и шутами и пьянствовал, ни о чем не думая. Работа? Что это такое? Рим как-нибудь проживет и сам. Как человек, которому дали власть, он может делать все, что хочет, а он хотел пьянствовать. Без всяких на то оснований он полагал, что поскольку он Марк Антоний, то все должно складываться так, как он считает нужным. А если ничего не получалось, Антоний винил в этом всех, кроме себя.

Несмотря на умиротворяющее влияние Октавии, на самом деле он не изменился. Прежде всего удовольствия, а работа — потом. И так всегда. Поллион и Меценат разграничили полномочия триумвиров более разумно, с тем чтобы полностью освободить Антония для командования армией. Но очевидно, он был еще к этому не готов, а его оправдания казались надуманными. Октавиан не представлял реальной угрозы, и, несмотря на все возражения и доводы Антония, у него хватало денег, чтобы идти воевать. У него уже были хорошо вооруженные легионы и дешевое зерно Секста Помпея для снабжения армии. Так что же его останавливало?

К тому времени, как Аттик прибыл в резиденцию наместника, он накрутил себя так, что впал в ярость, но потом вспомнил, что должен обедать с Антонием наедине. Сославшись на какую-то болезнь у детей, Октавия сказала, что не сможет присутствовать. Это значило, что некому будет развеселить

Антония. С тяжелым сердцем Аттик понял, что обед будет не из приятных.

— Если бы Вентидий был здесь, я бы судил его за предательство! — вот первое, что сказал Антоний при встрече.

Аттик засмеялся:

— Чепуха!

Антоний опешил, потом сник.

— Да, я понимаю, почему ты так сказал, но война с парфянами была моей! Вентидий превысил полномочия.

— Ты сам должен был находиться в командирской палатке, дорогой мой Антоний! — резко заметил Аттик. — А поскольку тебя там не было, на что ты можешь жаловаться, если твой заместитель добился таких успехов, потеряв при этом так мало людей? Тебе следует принести благодарственную жертву Марсу Непобедимому.

— Он должен был ждать меня, — упрямо настаивал Антоний.

— Ерунда! Твоя проблема в том, что ты хочешь одновременно прожить две жизни.

Полное лицо Антония выдало его раздражение после таких откровенных слов, но в глазах не было той красной искры, которая предупреждала о надвигающейся буре.

— Две жизни? — переспросил он.

— Да. Наш самый знаменитый современник расхаживает по афинской сцене под громкий хвалебный хор — это раз. Наш самый знаменитый современник ведет свои легионы к победе — это два.

— В Афинах очень много работы! — возмутился Антоний. — Это не я иду не в ногу, Аттик, а Вентидий. Он как камень, который катится с горы! Даже теперь он не согласен почивать на лаврах. Вместо этого он с семьёю легионами идет к верховью Евфрата, чтобы поддать под зад царю Антиоху!

— Я знаю. Ты показывал мне его письмо, помнишь? Дело не в том, что делает или чего не делает Вентидий. Дело в том, что ты — в Афинах, а не в Сирии. Почему ты не хочешь признать это, Антоний? Ты любишь тянуть время.

В ответ Антоний разразился хохотом.

— Ох, Аттик! — еле выговорил он, давась от смеха. — Ты неподражаем!

Внезапно он посуровел, сдвинул брови:

— В сенате я еще могу стерпеть, когда меня критикуют кабинетные полководцы, но здесь не сенат, и ты вызываешь мое недовольство!

— Я не член сената, — ответил Аттик, настолько разгневанный, что потерял страх перед этим опасным человеком. — Государственный деятель подвержен критике со всех сторон, включая предпринимателей вроде меня. Я повторю еще раз, Антоний: ты любишь тянуть время.

— Может быть, это и так, но у меня есть первоочередная задача. Как я могу идти дальше на восток от Афин, когда Октавиан и Секст Помпей все еще продолжают свои фокусы?

— Ты сам знаешь, что можешь прижать обоих этих молодых людей. Собственно, ты должен был уже несколько лет назад расправиться с Секстом Помпеем и предоставить Октавиана самому себе в Италии. Октавиан для тебя не угроза, Антоний, но Секст — это нарыв, который необходимо вскрыть.

— Секст связывает Октавиана.

Но тут Аттик не выдержал. Он вскочил с ложа, обошел заставленный едой низкий стол и повернулся к хозяину дома. Его обычно дружелюбное лицо исказилось от гнева.

— Я сыт по горло этой отговоркой! Повзрослей, Антоний! Ты не можешь быть абсолютным правителем половины мира и рассуждать как мальчишка! — Он потряс кулаками. — Я потратил уйму своего драгоценного времени, пытаясь понять, что с тобой, почему ты не можешь поступать как государственный деятель. Теперь я знаю. Ты упрямый, ленивый и не такой умный, каким считаешь себя! Мир, организованный лучше, никогда бы не потерпел такого хозяина!

Открыв рот и немея от изумления, Антоний смотрел, как Аттик поднял башмаки, тогу и пошел к двери. Опомившись, он тоже вскочил с ложа и догнал Аттика.

— Тит Аттик, подожди! Сядь, пожалуйста!

Улыбка обнажила его зубы, но ему удалось не слишком крепко сжать руку Аттика.

Гнев утих. Аттик как будто съежился, позволил отвести себя к ложу и опять усадить на *locus consularis*.

— Извини, — пробормотал он.

— Нет-нет, ты имеешь право на свое мнение, — весело воскликнул Антоний. — По крайней мере, теперь я знаю, что ты думаешь обо мне.

— Ты ведь сам напророчился. Каждый раз, когда ты используешь Октавиана как предлог, чтобы быть западнее того места, где ты должен находиться, я выхожу из себя, — сказал Аттик, отламывая хлеб.

— Но, Аттик, этот мальчишка полный идиот! Я беспокоюсь об Италии, поверь.

— Тогда помоги Октавиану, а не мешай ему.

— Да ни за что!

— Он в очень трудном положении, Антоний. Зерно урожая этого года, кажется, никогда не прибудет из-за Секста Помпея.

— Тогда пусть Октавиан остается в Риме и нежничает с Ливией Друзиллой, вместо того чтобы идти на Сицилию с шестьюдесятью кораблями. Шестьдесят кораблей! Неудивительно, что он потерпел поражение.

Крупная, но красивая рука потянулась к маленькому цыпленку. Еда привела Антония в хорошее расположение духа. Он искоса с усмешкой взглянул на Аттика.

— Дай мне денег на успешную кампанию против парфян в будущем году, и я окажу любую помощь Октавиану после победы. Тебе ведь не нравится Октавиан? — подозрительно спросил он.

— Я равнодушен к нему, — невозмутимо ответил Аттик. — У него странные идеи о том, как должен функционировать Рим. Эти идеи не подходят ни мне, ни любому другому плутократу. Я думаю, что, как и божественный Юлий, он намерен ослабить первый класс и верхушку второго, чтобы усилить нижние классы. О нет, не неимущих, конечно. Он не демагог. Следует отдать ему должное. Если бы он был просто циничным эксплуататором народного легковерия, я бы не беспокоился. Но думаю, он убежден, что Цезарь — бог, а он — сын бога.

— Упорное обожествление Цезаря — это признак безумия, — сказал повеселевший Антоний.

— Нет, Октавиан не безумен. На самом деле я не видел когда-либо более разумного человека.

— Может, я и любитель оттягивать, но у него мания величия.

— Может, и так, но я надеюсь, ты сохранил способность быть беспристрастным и понимаешь, что Октавиан — это нечто новое для Рима. У меня есть основания считать, что у него целая армия агентов по всей Италии, усердно распространяющих сказку, что он похож на Цезаря, как похожи горошины в стручке. Как и Цезарь, он блестящий оратор, собирающий огромные толпы. Его амбиции не знают границ, вот почему через несколько лет он столкнется с очень сложной ситуацией, — серьезно сказал Аттик.

— Что ты имеешь в виду? — в недоумении спросил Антоний.

— Когда египетский сын Цезаря вырастет, он будет обязан приехать в Рим. Мои агенты сообщают, что мальчик очень похож на Цезаря, и не только внешне. Он — чудо. Его мать твердит, что все, чего она хочет для Цезариона, — это право на египетский трон и статус друга и союзника римского народа. Возможно, это и так. Но если он похож на Цезаря и Рим увидит его, он легко отберет и Рим, и Италию, и легионы у Октавиана, который в лучшем случае имитация. На тебя это не повлияет, потому что к тому времени тебя заставят уйти с политической арены. Сейчас Цезариону едва исполнилось девять лет. Но в тринадцать-четырнадцать он будет считаться взрослым. Соперничество Октавиана с тобой и Секстом Помпеем — это ничто в сравнении с предстоящей борьбой с Цезарионом.

— Хм, — хмыкнул Антоний и переменял тему.

Не слишком приятная застольная беседа, хотя аппетит Антония не пострадал. Подумав немного, Антоний выкинул из головы критику в свой адрес. Откуда старику знать, что за проблемы у Антония в связи с Октавианом? В конце концов, ему уже семьдесят четыре года, и, несмотря на сохранившуюся

ся подвижность и деловую хватку, у него, возможно, уже начинается развиваться старческое слабоумие.

Но Антоний не мог забыть того, что Аттик говорил о Цезарионе. Хмурясь, он вспомнил свое трехмесячное пребывание в Александрии. С тех пор прошло больше двух лет. Неужели и правда Цезариону уже почти девять? Тогда это был красивый маленький мальчик, готовый охотиться на гиппопотамов и крокодилов. Бесстрашный, как и Цезарь. Он стал опорой для Клеопатры, несмотря на возраст, хотя это не удивило Антония. Она была эмоциональна и не всегда мудра, в то время как ее сын был... Каким он был? Более жестким, это определено. А каким еще? Антоний не знал.

Ох, почему у него всегда не хватало терпения писать письма? Клеопатра время от времени писала ему, и от него не ускользнуло, что ее письма в основном посвящены Цезариону, его одаренности, врожденной властности. Но Антоний не придавал ее словам большого значения, считая это болтовней любящей матери. У него мелькнуло желание поехать в Александрию и самому посмотреть, каким становится Цезарион, но в данный момент это было невозможно. Хотя, подумал он, приятно будет узнать, что у Октавиана есть соперник, которого надо бояться больше, чем Марка Антония.

Он сел и стал писать письмо Клеопатре.

Дорогая моя девочка, я думаю о тебе, находясь здесь, в Афинах, и мучаясь, так сказать, от бессилия. Правда, спешу добавить, что в физическом плане бессилие мне пока не грозит, и я чувствую, как мой лучший друг начинает шевелиться у меня в паху, когда я вспоминаю тебя и твои поцелуи. Видишь, как Афины выправили мой литературный стиль? Здесь не так много занятий, кроме чтения, патронажа Академии, других философских школ и бесед с такими людьми, как Тит Помпоний Аттик, который иногда обедает со мной.

Неужели действительно Цезариону скоро исполнится девять лет? Наверное, так, но мне жаль, что я пропустил два драгоценных года его детства. Я приеду к тебе, как только смогу. Моим двойняшкам скоро будет по два года. Как быстро

летит время! Ведь я их еще не видел. Я знаю, ты назвала моего мальчика Птолемеем, а девочку Клеопатрой, но я думаю о них как о Солнце и Луне, поэтому, может быть, когда к тебе придет Казм, ты официально назовешь сына Птолемей Александр Гелиос, а мою девочку Клеопатра Селена? Он уже шестнадцатый Птолемей, а она уже восьмая Клеопатра, поэтому лучше, если у них будут собственные имена, правда?

В будущем году я определенно приеду в Антиохию, хотя у меня может не остаться времени на Александрию. Без сомнения, ты слышала, что Публий Вентидий нарушил мой приказ, начав войну и выгнав парфян из Сирии? Мне это не понравилось, поскольку отдаст высокомерию. Вместо того чтобы посадить Ирода на трон, он пошел к Самосате, которая, как мне сообщили, закрыла ворота, готовая к осаде. Но этот город наверняка размером с деревню, так что через неделю он сдастся.

Октавия замечательная, хотя иногда мне хочется, чтобы в ней было хоть чуточку несносности ее брата. Есть что-то пугающее в женщине, у которой нет недостатков, а у нее недостатков нет, даю слово. Если бы она хоть иногда жаловалась, я бы лучше думал о ней, ведь я уверен, она считает, что я недостаточно времени провожу с детьми, из которых только трое мои. В таком случае почему это не высказать? Но нет, только не Октавия! Она лишь посмотрит на тебя печальными глазами. Но все же мне повезло с женой. Во всем Риме нет женщины желаннее. Мне завидуют, даже враги.

Пиши хоть изредка и сообщай, как у тебя дела и как поживает Цезарион. Аттик поделился со мной своим мнением о нем и о его родстве с Октавианом. Намекнул, что в будущем Цезарион может быть опасным для Октавиана. Не посылай его в Рим, пока я не смогу сопровождать его. Это приказ, и не следуй примеру Вентидия. Твой мальчик слишком похож на Цезаря, чтобы встретить теплый прием со стороны Октавиана. Ему понадобятся союзники в Риме и сильная поддержка.

В конце мая Антоний получил от Октавиана письмо на обычную тему — трудности с Секстом Помпеем и запасы зер-

на. А еще в этом письме Октавиан умолял Антония немедленно встретиться в Брундизии. Недовольный, в сопровождении только эскадрона германских всадников, Антоний покинул Афины и отправился в Коринф, чтобы оттуда на пароме добраться до Патр. Но перед отъездом он в раздражении выложил все свои обиды Деллию, начиная с недовольства Вентидием.

— Он все еще сидит у Самосаты, тянет с осадой! Прямо-таки второй Цицерон! Весь Рим знал, что он не способен придумать, как поймать лису в курятнике, даже если ловить ее будет Помптин.

— Цицерон? — удивленно переспросил Деллий, сбитый с толку. Он был слишком молод, чтобы помнить многое из ранних деяний Цицерона. — Когда же этот великий адвокат вел осаду? Я впервые слышу о его военных подвигах.

— Через десять лет после того, как он побывал консулом, он уехал управлять Киликией и увяз с осадой на востоке Каппадокии — осаждал сущую деревню под названием Пинденис. Ему и Помптину понадобились годы для взятия этого городишки.

— Понимаю, — сказал Деллий, и он действительно кое-что понял, но не про осаду, проводимую самым невоинственным консулом Рима. — Мне казалось, Цицерон был хорошим наместником.

— О да, если тебе нравится человек, который лишил римских деловых людей возможности получать прибыль в провинциях. Но дело не в Цицероне, Деллий. Дело в Вентидии. Надеюсь, к тому времени, когда я вернусь после встречи с Октавианом, он разнесет ворота Самосаты и будет считать трофеи.

Антоний отсутствовал не так долго, как ожидал Деллий, но он успел придумать сплетню к тому времени, когда триумвир Востока влетел в афинскую резиденцию в гневе на Октавиана, который не явился на встречу и даже не сообщил почему. К обиде прибавилось и оскорбление: Брундизий снова отказался опустить цепь, загораживающую гавань, и впустить Антония. Вместо того чтобы пойти в другой порт и высадиться

там, Антоний развернулся и возвратился в Афины, уязвленный до глубины души.

Деллий слушал его излияния вполуха, он привык к ненависти Антония к Октавиану и уже не обращал на нее внимания. Это был обычный взрыв возмущения, а не одно из лежащих несколько нундин буйств, которые привели бы в ужас даже Гектора. Поэтому Деллий ждал, когда наступит период затишья после криков и неистовства. Выпустив пар, Антоний принялся за дела, взрыв явно пошел ему на пользу.

В это время бóльшую часть его работы составляло принятие очень важных решений — какие люди будут править во многих царствах и княжествах на Востоке. Это были места, которыми Рим не управлял самолично как провинциями. В частности, Антоний был твердо убежден, что цари-клиенты лучше лишних провинций. Мудрая политика, согласно которой местные правители имели право собирать налоги и дань.

Стол его был завален докладами о кандидатах. На каждого кандидата имелось досье, которое предстояло тщательно изучить. Антоний часто запрашивал дополнительную информацию и иногда приказывал тому или иному кандидату явиться в Афины.

Однако вскоре он опять, с тем же недовольством вернулся к теме Самосаты и осады.

— Уже конец июня, а от него ни слова, — зло сказал Антоний. — Вентидий с семьей легионами сидит перед городом размером с Арицию или Тибур! Это же позор!

Появился шанс отплатить Вентидию за тот унижительный разговор в Тарсе! И Деллий нанес удар.

— Ты прав, Антоний, это позор. Во всяком случае, судя по тому, что я слышал.

Удивленный Антоний пристально посмотрел на грустное лицо Деллия. Любопытство пересилило раздражение.

— Что ты имеешь в виду, Деллий?

— Что блокада Самосаты Вентидием — это позор. По крайней мере, примерно так выразился мой информатор из шестого легиона в своем последнем письме. Я получил его вчера, удивительно быстро.

— Имя этого легата?

— Извини, Антоний, я не могу назвать его. Я дал слово, что не буду разглашать мой источник информации, — тихо сказал Деллий, опустив глаза. — Мне сообщили это под большим секретом.

— Ты можешь открыть мне причину такого мнения?

— Конечно. Осада Самосаты ничем не закончится, потому что Вентидий получил взятку в тысячу талантов от Антиоха из Коммагены. Если осада затянется, Антиох надеется, что ты прикажешь Вентидию и его легионам собраться и уйти.

Пораженный, Антоний долго молчал. Затем со свистом, сквозь зубы втянул воздух, сжал кулаки.

— Вентидий получил взятку? Вентидий?! Нет! Твои сведения неверны.

Маленькая голова печально закачалась из стороны в сторону, как у змеи.

— Я понимаю твое нежелание слышать плохое о старом товарище по оружию, Антоний, но скажи мне вот что: с чего бы мой друг из шестого легиона стал врать? Какая ему от этого выгода? Более того, оказывается, о взятке знают все легаты в семи легионах. Вентидий не делал из этого секрета. Он сыт Востоком по горло и жаждет вернуться домой, чтобы отметить триумф. Ходит также слух, что он подправил бухгалтерские книги, которые послал в казначейство вместе с трофеями всей его кампании. В результате он взял себе еще тысячу талантов из трофеев. Самосата бедный город, и Вентидий знает, что не много получит в случае ее взятия, так зачем стараться?

Антоний вскочил, крикнул своего управляющего.

— Антоний! Что ты собираешься делать? — бледнея, спросил Деллий.

— Что делает главнокомандующий, когда его заместитель не оправдывает доверия? — резко ответил Антоний.

Появился испуганный управляющий.

— Да, *domine*?

— Уложи мой сундук, не забудь доспехи и оружие. И где Луцилий? Он мне нужен.

Управляющий поспешил удалиться. Антоний зашагал по комнате.

— Что ты собираешься делать? — снова спросил Деллий, покрываясь потом.

— Поеду в Самосату, конечно. Ты можешь поехать со мной. Будь уверен, я докопаюсь до истины.

Вся жизнь промелькнула перед глазами Деллия. Он пошатнулся, издал булькающий звук и рухнул на пол в конвульсиях. Антоний упал на колени возле него и закричал, чтобы позвали врача. Врач пришел только через час. К тому времени Деллия положили на кровать явно в плохом состоянии.

Антоний не остался с ним. Как только Деллия унесли, он принялся отдавать приказы Луцилию и проверять, знают ли слуги, как надо собирать вещи для кампании, — глупо, что он не взял с собой денщика или квестора!

Вместе с врачом вошла взволнованная Октавия.

— Антоний, дорогой, в чем дело?

— Через час я уезжаю в Самосату. Луцилий нашел корабль, который я могу нанять до Александретты. Это на Иссском заливе, ближайший порт. — Он поморщился, вспомнив, что должен поцеловать ей руку. — Оттуда мне придется проехать триста миль, *teum mel*. Если подует южный ветер, то плавание займет почти месяц, но если ветра не будет, то больше двух месяцев. Добавь еще поездку по суше, и получится два-три месяца, чтобы добраться туда. О неблагодарный Вентидий! Он предал меня.

— Я отказываюсь верить этому, — сказала Октавия, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. — Вентидий честный человек.

Антоний устремил взгляд поверх головы Октавии на врача, согнувшегося в поклоне с дрожащими коленями.

— Кто ты? — строго спросил Антоний.

— О, это Фемистофан, врач, — объяснила Октавия. — Он только что осмотрел Квинта Деллия.

Антоний удивился. Он совершенно забыл о Деллии.

— Ах да! Как он? Жив еще?

— Да, господин Антоний, он жив. Я думаю, это печеночная колика. Ему удалось сказать мне, что сегодня он должен ехать с тобой в Сирию. Но он не может — я категорически против

этого. Ему нужно делать припарки из древесного угля, медянки, асфальта и масла. Прикладывать к груди семь раз в день, а также регулярно очищать кишечник и делать кровопускание, — перечислил трепещущий от страха врач. — Лечение дорогое.

— Да, ему лучше оставаться здесь, — сказал Антоний, довольный тем, что Деллий не сможет указать ему на болтливого легата. — Обратись к моему секретарю Луцилию за гононором.

Еще объятие и поцелуй Октавии — и Антоний ушел. Она стояла ошеломленная, потом пожала плечами и улыбнулась.

— Ну вот, до зимы я его уже не увижу, — сказала она. — Я должна сказать об этом детям.

Наверху, лежа в безопасности в кровати, Деллий благодарил всех богов за то, что они надоумили его упасть в обморок. Фемистофан сказал, что у него сильное физическое недомогание, пусть даже без острой боли. Небольшая цена за спасение. Деллий не рассчитывал, что Антоний отправится в Самосату. С чего бы, если он пальцем не пошевелил, чтобы выгнать парфян? Может быть, стоит подумать о том, чтобы чудом исцелиться и провести несколько месяцев в Риме, налаживая отношения с Октавианом?

Дул южный ветер, и корабль шел без груза, только с Антонием и его багажом на борту, и гребцы трудились в две смены. Но южный ветер не был идеальным, а капитану корабля не нравилось открытое море, поэтому он все время держался берега, не теряя из вида Ликии до самой Александретты. Хорошо, что Помпей Великий выгнал всех пиратов из пещер и укреплений вдоль побережья Памфилии и Киликии Трахеи, думал Антоний. Иначе его схватили бы и потребовали выкуп, как это было со многими римлянами, включая и божественного Юлия.

Из-за качки даже читать было трудно. Хотя на Нашем море не случалось огромных океанских волн, оно было переменчиво, а в шторм могло быть опасным. По крайней мере, летом не нужно опасаться штормов, это лучшее время года для плавания.

Единственным способом успокоить свое нетерпение была игра в кости с командой на мелочь, в пределах нескольких сестерциев. Но даже в этом случае Антоний старался не проигрывать. А еще он постоянно ходил по палубе, тренировал мускулы, поднимая бочки с водой и делая другие упражнения. Почти каждую ночь капитан настаивал на том, чтобы зайти в порт или встать на якорь где-нибудь у пустынного берега. Это было семисотмильное плавание со скоростью тридцать миль в день в хорошую погоду. Временами Антонию казалось, что он никогда не попадет туда, куда ему нужно.

Если ничто не помогало, он, облокотясь на поручни, смотрел на море, надеясь увидеть какое-нибудь гигантское морское чудовище, но ближе всего ему удалось увидеть больших дельфинов, которые выпрыгивали из воды и резвились вокруг корпуса корабля, играя между двух рулевых весел и пролетая мимо, как морские зайцы. Потом Антоний обнаружил, что, когда он долго смотрит на море, его охватывает чувство одиночества, покинутости, усталости и разочарования. Он не понимал, что с ним происходит.

В конце концов он решил, что предательство Вентидия разрушило какую-то часть его стержня, наполнило его не привычной яростью, поднимающей в нем боевой дух, а черным отчаянием. «Да, — думал Антоний, — я боюсь встречи с ним. Я очень боюсь получить доказательство его вероломства прямо у меня под носом. Как мне поступить? Лишить его полномочий, конечно. Отослать в Рим, и пусть он отметит свой проклятый триумф, которого так жаждет. Но кем я его заменю? Какой-нибудь скулящей дворянкой вроде Сосия? А кем, кроме Сосия? Канидий хороший человек. И мой родственник Каниний. Но... если уж Вентидий мог соблазниться взяткой, то почему этого не может сделать любой из них, не связанный со мной годами, проведенными в Дальней Галлии и в гражданских войнах Цезаря? Мне сорок пять, а остальные лет на десять — пятнадцать моложе меня. Кальвин и Ватия на стороне Октавиана, а также, как мне сказали, Аппий Клавдий Пульхр, самый ценный консул после Кальвина. Может быть, в этом суть? В неверности. В предательстве».

Ровно через месяц его корабль пристал у Александретты, и надо было позаботиться о лошадях для слуг. Антоний взял с собой своего серого в яблоках государственного коня, высокого и достаточно сильного, чтобы выдержать его. Продолжая пребывать в мрачном настроении, он направился в Самосату.

Когда он приблизился к Евфрату, то увидел возвышавшиеся вдаль черные стены. Потрясенный Антоний понял, что Самосата — большой город с такими же укреплениями, как в Амиде, ибо он принадлежал ассирийцам, когда они правили всей этой частью мира. Гладкие, необыкновенно высокие стены из черного базальта — греки называли его циклопическим, — неприступные для таранов или осадных башен. В этот момент Антоний понял, что Деллий обманул его. Но он не знал, сделал ли это Деллий намеренно или просто был введен в заблуждение своим корреспондентом из шестого легиона. Это была не каппадокийская деревня на туфовом утесе. Такая задача испугала бы даже Цезаря, с его непревзойденным опытом осад. Ничто из виденного Вентидием в войнах Цезаря не могло подготовить его к этому.

Однако оставалась возможность, что Вентидий все-таки принял взятку. Весь в напряжении, сердитый, Антоний отвел коня в лагерь, построенный рядом со штабом командующего.

Вентидий, крепкий для своего возраста мужчина с тугими седыми кудрями, напоминавшими каракуль, вышел узнать, чем вызван шум. Лицо его засияло.

— Антоний! — крикнул он, подходя, чтобы обнять Антония. — Во имя Юпитера, что привело тебя в Самосату?

— Захотел посмотреть, как проходит осада.

— Ах это! — засмеялся Вентидий. — Самосата два дня назад запросила условия сдачи. Ворота открыты, Антиох ушел, хитрый *irrumator*.

— Который дает?

— В этом смысле — да. Но во всех остальных он берет.

Вентидий предложил Антонию полевой стул и пошел за графинами.

— Ужасного красного, еще более ужасного белого или прикрасной воды из Евфрата?

— Красного пополам с водой из Евфрата. Так будет хорошо?

— Вода вкусная. В городе нет ни акведука, ни сточных труб. Они копают колодцы, вместо того чтобы брать питьевую воду из реки. А потом копают сточные ямы рядом с колодцами. — Он сделал гримасу. — Дураки! Отсюда брюшной тиф и летом, и зимой! Я построил акведук для моих людей и запретил им приближаться к жителям Самосаты. Река очень глубокая и широкая, поэтому я отвел стоки в реку. Места, где мы купаемся, — вверх по течению, хотя течение опасное.

Отдав долг гостеприимства, Вентидий опустил в свое курульное кресло и пристально посмотрел на Антония.

— Антоний, ведь тебя привела сюда какая-то иная причина, а не просто желание посмотреть на осаду. Что случилось?

— Один человек в Афинах сказал мне, что ты взял от Антиоха тысячу талантов, чтобы продлить осаду.

— *Cacat!* — Вентидий выпрямился, взгляд стал серьезным. Он что-то проворчал. — Ну, раз ты приехал, значит поверил этому червяку, — кстати, кто он? Думаю, что я должен знать.

— Сначала вопрос. У тебя с командирами шестого легиона хорошие отношения?

Вентидий очень удивился:

— Шестого?

— Да, шестого.

— Антоний, у меня шестого легиона здесь нет с апреля. Силон сажает Ирода на трон. Там возникли трудности, и он попросил еще легион. Я послал ему шестой.

Вдруг почувствовав тошноту, Антоний встал и прошел к окну в глиняной стене. Это был ответ на все вопросы, кроме одного. Почему Деллий все это выдумал? Чем Вентидий обидел его?

— Это сообщил мне Квинт Деллий. А ему написал легат из шестого легиона. Этот легат рассказал ему о взятке и утверждал, что вся армия знает об этом.

Вентидий побледнел:

— Ох, Антоний, это удар! До самого мяса! Как ты мог поверить такому ничтожному своднику, как Деллий, даже не написав мне и не спросив, что происходит? Вместо этого ты

являешься сам! Значит, ты поверил ему безоговорочно. А мне не поверил! Какие у него доказательства?

Антоний нехотя отвернулся от окна:

— Никаких. Он сказал, что его информатор хотел остаться анонимным. Но дело не только во взятке. Тебя также обвиняют в подделке бухгалтерских книг.

По морщинистому лицу Вентидия потекли слезы. Стараясь скрыть это, он повернулся вполборота к Антонию.

— Квинт Деллий! Подхалим, подлиза, презренный низкопоклонник! И только из-за его слов ты предпринял такое путешествие? Я мог бы плюнуть тебе в лицо! Стоило бы плюнуть!

— Мне нет прощения, — жалко промолвил Антоний, не зная, куда деваться. Куда угодно, только бы не оставаться здесь! — Это все жизнь в Афинах. Так далеко от военных действий, я совершенно не в курсе. И потом, эти горы бумаг. Вентидий, я от всей души прошу прощения.

— Антоний, ты можешь умолять о прощении сколько хочешь. Разницы никакой. — Вентидий смахнул слезы тыльной стороной ладони. — Наша дружба закончилась. Я взял Самосату, и я передам мои бухгалтерские книги любому, кого ты сам выберешь для проверки. Ты не найдешь ни одной поправки, я не взял даже бронзовой лампы из трофеев. Командир, я прошу отпустить меня, позволить мне вернуться в Рим. Я настаиваю на триумфе, но это была моя последняя кампания для Рима. Как только я сложу свои лавры у ног Юпитера Всеблагого Всесильного, я вернусь домой, в Реату, к своим мулам. Я чуть не надорвался, ведя твои войны, и единственная благодарность от тебя — обвинения от таких ничтожеств, как Деллий. — Он встал и пошел к двери. — Вот мое жилье, но сегодня меня там не будет. Ты можешь располагаться и отдавать приказы, какие хочешь. Ты доверял мне! И теперь — такое!

— Публий, пожалуйста! Пожалуйста! Мы не должны расстаться врагами!

— Я не враг тебе, Антоний. Твой худший враг — это ты сам, а не пиценский торговец мулами, который шел в триумфальном параде Страбона пятьдесят лет назад. Это ты причина того, почему мы, италийцы, вечно оказываемся виновато-

тыми. В конце концов, Деллий — римлянин, и одно это делает его слова весомее, а его самого — лучше. Я устал от Рима, устал от войны, от полевых лагерей, от чисто мужской компании. Не надейся на Силона. Он тоже италиец, но он может принять взятку. Он поедет домой со мной. — Вентидий втянул в себя воздух. — Удачи тебе на Востоке, Антоний. Здесь тебе понравится, это точно. Продажные лизоблюды, бездельники, сальные восточные правители, которые лгут даже себе... — Его лицо исказилось от боли. — Кстати, Ирод здесь. И еще Полемон Понтийский и Аминта Галатийский. У тебя будет компания, даже если Деллий оказался таким трусом и не приехал.

Когда Вентидий закрыл за собой дверь, Антоний выплеснул в окно разбавленное водой вино и налил полный бокал крепкого, дурманящего.

Хуже быть не могло, и более неумело повести разговор он не мог. «Вентидий прав», — подумал Антоний, залпом выпив вино. Он встал, чтобы снова наполнить дешевый керамический кубок, и прихватил графин с собой.

«Да, Вентидий прав. Где-то в пути я заблудился, потерял направление, самоуважение. Я даже не мог разгневаться! Он сказал правду. Почему я поверил Деллию? Кажется, это было так давно, тот день в Афинах, когда Деллий влил свой яд в мое послушное ухо. Кто такой Деллий? Как я мог поверить ничем не подкрепленной выдумке? Я хотел верить этому, вот и все. Хотел видеть моего старого друга опозоренным, я очень этого хотел. А почему? Потому что он вел войну, мою войну, которую я не потрудился вести сам. Ведь это была тяжелая работа. Приписывать все заслуги главнокомандующему стало римской традицией. Гай Марий положил ей начало, когда поставил себе в заслугу пленение царя Югурты. Он не должен был так поступать, ведь этот подвиг совершил Сулла, умело, блестяще. Но Марий ни с кем не желал делить лавры, поэтому в докладах он даже не упомянул имени Суллы. Если бы Сулла не опубликовал свои мемуары, никто об этом так и не узнал бы.

Я хотел нанести парфянам сокрушительный удар зимой, после того как человек, который лучше меня, обессилит их. Но Вентидий украл у меня победу. Ему хватило смелости это сделать: трах, бум! — и нет моей победы. Я очень рассердился,

расстроился. Я недооценил его и Силона, мне даже в голову не приходило, как они талантливы. И поэтому я поверил Деллию. Другой причины нет. Я хотел лишить Вентидия лавров, хотел видеть его опозоренным, может быть, даже казненным, как Сальвидиена. Это тоже моих рук дело, хотя Сальвидиен и как человек хуже, и как командир. Я был так поглощен Октавианом, что упустил из рук Восток, отдал вожжи Вентидию, моему верному продавцу мулов».

Он заплакал, раскачиваясь на складном стуле с кожаным сиденьем, глядя, как слезы капаят в вино, упиваясь своим горем, как черная собака упивается кровью. О горе, раскаяние! Никто никогда больше не посмотрит на него так, как раньше. Его честь запятнана, не отмоешь.

Когда час спустя в комнату вбежал Ирод, Антоний был таким пьяным, что не узнал его.

Вошел Вентидий, посмотрел на Антония и сплюнул на пол.

— Найди его слуг и скажи им, чтобы уложили его в постель, — резко сказал Вентидий. — Туда, в мою комнату. К тому времени, как он проспится, я уже буду на полпути в Сирию.

И это было все, что узнал Ирод.

Два дня спустя Антоний, трезвый, но все еще страдающий от похмелья, поведал ему эту историю.

— Я поверил Деллию, — с жалким видом сказал он.

— Да, Антоний, это было неразумно. — Ирод попытался быть веселым. — Ну, что сделано, то сделано. Самосата взята, Антиох убежал в Персию, а трофеи превзошли все ожидания. Хороший итог войны.

— Как Вентидий взял город?

— Он изобретатель, поэтому придумал, что надо делать. Он составил гигантский шар из кусков цельного железа, прикрепил его к цепи и свесил цепь с башни. Затем запряг пятьдесят быков и оттащил шар как можно дальше за башню. Когда цепь натянулась, он разрубил связь между шаром и животными. Шар полетел, как чудовищный кулак, и со страшным шумом ударил в стену. Я даже заткнул уши. И стена не выдержала! За один день он проделал достаточную дыру, чтобы

тысячи солдат пробрались в город. Оказывается, у жителей Самосаты не было другой защиты, кроме стен. Никакого войска, ни плохого, ни хорошего — ничего!

— Я слышал, он еще изобрел свинцовый снаряд для пращи.

— Ужасное оружие! — воскликнул Ирод, коснувшись руки Антония. — Антоний, теперь, когда Вентидий уехал, командуешь ты. По крайней мере, ты должен осмотреть город и увидеть, что натворил этот шар. Эти стены стояли пятьсот лет, но ничто не устоит перед римской армией. У тебя еще, вероятно, нет аппетита, но твои легаты беспомощно бродят, не зная, что делать дальше. Поэтому я приглашаю всех отобедать у меня в доме. Пойдем! Это придаст всем бодрости, включая и тебя.

— У меня болит голова.

— Неудивительно, учитывая, какую мочу ты пил. У меня есть очень сносное вино, если это то, что тебе нужно.

Антоний вздохнул, вытянул вперед руки и посмотрел на них.

— Похоже, что они все могут удержать, правда? — спросил он с дрожью. — Но они упустили контроль.

— Чепуха! Хорошая еда — свежий хлеб и постное мясо — все поправит.

— Что происходит в Иудее?

— Ничего особенного. Силон отличный человек, но двух легионов оказалось недостаточно, и к тому времени, как прибыл третий легион, Антигон спрятался в Иерусалиме, который взять труднее, чем этот ассирийский аванпост. Кстати, Вентидий был очень добр ко мне.

Антоний поморщился:

— Не растравляй рану. Чем он тебе помог?

— Дал мне денег, и я смог поехать в Египет и пополнить запасы продовольствия в крепости Масада, где находятся моя семья и семья Гиркана. Но я не становлюсь моложе, Антоний, а евреям нужен, э-э, жесткий правитель. Они вооружаются и проводят учения.

Поскольку все легаты были осторожны и не упоминали о Вентидии, к концу первой нундины в Самосате Антоний почувствовал себя командиром. В итоге свои обиды Антоний

выместил на городе. Все население было продано в рабство в Никефории, где представитель нового царя парфян Фраата купил их, поскольку в Парфии не хватало рабочих рук после казни значительной части народа, от самых низших слоев до самых высших. Его сыновья первыми сложили головы. Но своего племянника, некоего Монеса, он упустил. Тот убежал в Сирию и исчез, к великой досаде Фраата, которому нравилось быть царем.

Стены Самосаты были снесены. Антоний хотел использовать их для строительства моста через Евфрат, но река была такая глубокая и сильная, что сносила камни, как рубленую солому. В конце концов он просто разбросал их повсюду.

К тому времени, как все закончилось, ночи стали холодными. Антоний сместил Антиоха, взял с него огромный штраф и посадил на трон его брата, Митридата. Публия Канидия он поставил во главе легионов, которые были размещены в лагерях около Антиохии и Дамаска. Антонию предстояло подготовиться к кампаниям в Армении и Мидии в следующем году — под его личным командованием. Гай Сосий был назначен наместником Сирии, он должен был посадить Ирода на трон, как только закончится зимний отпуск.

В Александретте Антоний сел на корабль, капитан которого согласился выйти в открытое море. Рана медленно затягивалась, он снова мог смотреть в глаза своим товарищам-римлянам, не задавая себе вопроса, что они думают о нем. Но ему нужна была любимая женская грудь, в которую он мог бы уткнуться! Беда в том, что эта желанная женская грудь принадлежала Клеопатре.

13

Когда Агриппа возвратился после двухлетнего пребывания в Дальней Галлии, покрыв себя славой, он и два его легиона, которые он привел с собой, встали лагерем на Марсовом поле, за чертой померия. Сенат даровал

ему триумф, а это значило, что по религиозным правилам ему запрещалось до триумфа вступать в Рим. Само собой разумеется, он думал, что Цезарь будет ждать его у входа в великолепную красную палатку, поставленную для командующего в его временном изгнании. Но Цезаря не было. И сенаторов не было. Может быть, это он сам прибыл слишком рано, подумал Агриппа, приказав своему денщику внести в палатку вещи. Он очень хотел видеть Цезаря, поэтому не пошел в палатку. Его зоркие глаза могли заметить блеск металла в двух милях от себя, и он облегченно вздохнул, увидев большую вооруженную охрану германцев, появившуюся из Фонтинальских ворот и спускающуюся по холму к Прямой улице. Потом он нахмурился. В середине отряда был паланкин. Цезарь в паланкине? Он болен?

Встревоженный, сгорающий от нетерпения, Агриппа взял себя в руки и остался на месте, не побежал к этому неуклюжему транспортному средству, которое в конце концов приблизилось под приветственные крики германцев.

Когда из паланкина выскочил Меценат, Агриппа даже рот открыл.

— Пошли, — резко бросил этот архиманипулятор, направляясь к палатке.

— Что такое? В чем дело? Цезарь болен?

— Нет, не болен, просто, как всегда, в гуще событий, — сказал Меценат. Вид у него был напряженный. — Его дом окружен охраной, и он не может выйти оттуда. Он вынужден был укрепить его, представляешь? Укрепления и ров на Палатине!

— Почему? — спросил ошарашенный Агриппа.

— А ты не знаешь? И догадаться не можешь? Что же еще, кроме запасов зерна, налогов, высоких цен?

Стиснув зубы, Агриппа уставился на штандарты с орлами, воткнутые в землю около его палатки и перевитые победными лаврами.

— Ты прав, мне следовало знать. Какова последняя глава в этой вечной эпопее? О боги, это становится столь же тягостным, как бедствия, описанные Фукидидом!

— Слизняк Лепид — с шестнадцатью легионами под его командованием! — позволил Сексту Помпею забрать весь груз

с африканским зерном. Затем этот предатель-дворяшка Менодор поскандалил с Сабинном — не понравилось быть под его началом — и вернулся к Сексту. С собой он взял шесть военных кораблей и выдал Сексту маршрут, по которому пойдут транспорты с зерном с Сардинии. Так что этот груз тоже оказался у Секста. У сената не осталось выбора. Приходится покупать зерно по сорок сестерциев за модий. Это значит, государственная пшеница будет стоить пятьдесят сестерциев, а частные торговцы говорят о шестидесяти. Если государство сможет купить достаточно зерна для бедноты, оно должно брать по пятьдесят сестерциев с тех, кто должен платить. Когда низшие классы и неимущие собираются в толпу, они становятся неуправляемыми. Начинаются бесчинства, стычки между бандами. Цезарь вынужден был ввести легион из Капуи для охраны государственных хранилищ. Поэтому улица у ворот Тригемина запружена солдатами, а в порту никого нет. — Меценат вздохнул, простер дрожащие руки. — Это кризис, настоящий кризис.

— А как же трофеи Вентидия из его триумфа? — спросил Агриппа. — Разве они не помогут подвести баланс и удержать цену в сорок сестерциев для народа?

— Это можно было бы сделать, но Антоний потребовал отдать половину трофеев ему как главнокомандующему на Востоке. Поскольку сенат до сих пор полон его сторонников, он проголосовал, чтобы Антонию выдали пять тысяч талантов, — мрачно произнес Меценат. — Добавь еще долю легионов, и остается только две тысячи. Каких-то пять миллионов сестерциев против счета за зерно от Секста Помпея почти в пятьсот миллионов. Цезарь спросил, можно ли выплатить частями, но Секст сказал, что нет. Все сразу, или никакого зерна. Еще месяц — и хранилища опустеют.

— И нет денег на войну против этого *mentula!* — в ярости крикнул Агриппа. — Ну что ж, мои трофеи потянут тысячи на две — это сто миллионов по счету за зерно, когда их добавят к тому, что осталось у Вентидия. Нам нужно поставить сенаторов посреди Форума, и пусть толпа побьет их камнями! Но конечно, они все убежали из Рима, да?

— Конечно. Попрятались на своих виллах. Бурлит не только Рим, вся Италия бунтует. Они говорят, что это не их вина, виновато плохое правление Цезаря. Проклятье!

Агриппа двинулся к выходу из палатки.

— Это надо остановить, Меценат. Вставай, пойдем к Цезарю.

Меценат в ужасе уставился на него:

— Агриппа! Пересечешь померий — лишишься триумфа!

— Да что значит триумф, когда я нужен Цезарю? Еще будет у меня триумф за какую-нибудь другую войну.

И Агриппа ушел, без сопровождения, не сняв доспехов. Его длинные ноги легко поглощали расстояние. В голове роились мысли, но ответ не находился. Однако в глубине души он был уверен, что ответ существует. «Цезарь, Цезарь, ты не можешь позволить, чтобы обычный пират держал тебя и весь римский народ в заложниках. Я проклиная тебя, Секст Помпей, но больше всего я проклиная Антония».

А Меценат мог только залезть в свой паланкин и надеяться, что в сопровождении вооруженной охраны ему удастся добраться до дома Ливии Друзиллы. Агриппа, один! Толпа разорвет его на куски!

Город бурлил, окна во всех магазинах были закрыты ставнями и заперты на замок. Стены домов исписаны протестами против цен на зерно, но большинство надписей поносили Цезаря, как сразу заметил Агриппа, спускаясь по холму Банкиров. Повсюду бродили банды, вооруженные камнями, дубинками, иногда мечами, но никто не пристал к нему — это шел воин. Даже самый агрессивный из них понимал это с первого взгляда. На стенах уважаемых банков и портиков видны были потеки гнилых яиц и овощей, в воздухе висел запах от ночных горшков, потому что никто не отважился донести горшок до ближайшей уборной. Никогда, даже в самых кошмарных снах, не думал Агриппа увидеть Рим таким запущенным, таким грязным, таким обезображенным. Единственное, чего не было, — это дыма. Хоть до этого не дошло. Не думая о своей безопасности, Агриппа прошел сквозь кричащие толпы на Форуме, где статуи были повержены, а яркие краски храмов почти

скрылись под надписями и грязью. Подойдя к лестнице Кольчужников, он быстро поднялся, шагая через четыре ступени, расталкивая стоявших на его пути. Он прошел Палатин и очутился перед высокой, наскоро воздвигнутой стеной, наверху которой выстроились германские охранники.

— Марк Агриппа! — крикнул кто-то, когда он поднял руку.

Висячий мост через широкую траншею опустился, решетка за ним поднялась. К этому времени уже все радостно кричали: «Марк Агриппа!» Он прошел по мосту, окруженный ликующими убийцами.

— Будьте бдительными, ребята! — крикнул он через плечо, широко улыбнувшись им, и пошел к заросшим прудам, где водилась рыба, к сорнякам, к запущенному саду, превращенному в лагерь для германцев, как всегда нетребовательных.

Внутри дома Ливии Друзиллы сразу была заметна женская рука. Дом изменился до неузнаваемости. Агриппа прошел в изысканно обставленную комнату. Стены ее сияли фресками, подоконники и гермы были сделаны из красивых сортов мрамора. Тут же появился разгневанный Бургунд. Но лицо его озарилось улыбкой, как только он увидел, кто это портит бесценный пол сапогами, подбитыми гвоздями.

— Где он, Бургунд?

— В кабинете. Ох, Марк Агриппа, как я рад тебя видеть!

Да, он был в своем кабинете, но не за старым столом, окруженным корзинами для книг и стойками с переполненными отделениями. Этот стол, сделанный из узорчатого зеленого малахита, был огромным. Теперь на нем царил идеальный порядок. За столами попроще, но тоже презентабельными, сидели два писца, а секретарь был занят свитками.

Лицо, поднятое в раздражении посмотреть, кто помешал ему, состарилось, выглядело лет на сорок — не из-за морщин, а из-за черных кругов вокруг усталых глаз, из-за глубоких борозд на широком лбу, из-за плотно сжатых губ.

— Цезарь!

Упала малахитовая чернильница, бумаги разлетелись по комнате. Октавиан судорожно обнял Агриппу. Затем, словно очнувшись, в ужасе отступил.

— О нет! Твой триумф!

Агриппа крепко обнял его, расцеловал в обе щеки:

— Будут другие триумфы, Цезарь. Неужели ты думаешь, что я останусь на Марсовом поле, когда беспорядки в Риме не дают тебе выйти из дома? Гражданские не узнали бы меня в лицо, и вот я пришел к тебе.

— Где Меценат?

— Возвращается в паланкине, — с усмешкой ответил Агриппа.

— Ты хочешь сказать, что пришел один, без сопровождения?

— Ни одна толпа не может запугать до зубов вооруженного центуриона, а они приняли меня именно за центуриона. Меценату охрана была нужнее.

Октавиан вытер слезы, закрыл глаза:

— Агриппа, мой Агриппа! О, теперь все будет хорошо, я знаю!

— Цезарь? — раздался голос, низкий, чуть хрипловатый.

Октавиан повернулся в объятиях Агриппы, но не высвободился из них.

— Ливия Друзилла, я снова живу! Марк Агриппа вернулся домой!

Агриппа увидел овальное личико с безупречной кожей цвета слоновой кости, рот с полными чувственными губами, сияющие темные глаза. Если она и нашла ситуацию странной, то не подала виду, даже в ее выразительных глазах ничто не отразилось. Лицо озарилось радостной улыбкой. Она слегка коснулась руки Агриппы, нежно погладила ее.

— Марк Агриппа, как хорошо, что ты здесь! — сказала она, но потом нахмурилась. — Но твой триумф!

— Он отказался от триумфа, чтобы увидеть меня. — Октавиан взял жену за руку, а другой рукой обнял Агриппу за плечи. — Пойдем сядем где-нибудь, где никто не помешает. Ливия Друзилла обеспечила меня умелыми помощниками, но лишила единения.

— Значит, преобразование дома Цезаря — твоя заслуга, госпожа? — спросил Агриппа, утопая в позолоченном кресле в чех-

ле из мягкой пурпурной парчи и принимая хрустальный бокал неразбавленного вина. Он отпил немного, засмеялся. — Гораздо лучше, чем то вино, которым угощал ты, Цезарь! Я так понял, если вино без воды, значит мы что-то празднуем?

— Твое возвращение, конечно. Моя Ливия Друзилла — чудо.

К удивлению Агриппы, Ливия Друзилла не ушла, хотя жена и должна была бы уйти. Она выбрала для себя большое пурпурное кресло и села в него, поджав под себя ноги. Взяла бокал от Октавиана, кивком поблагодарив его. Ого! Женщина допущена на совет!

— Мне нужно продержаться еще один такой же год, — сказал Октавиан, поставив свой бокал после госта. — Если только ты не думаешь, что мы сможем начать действовать в наступающем году.

— Нет, Цезарь, не сможем. Порт Юлия не будет готов до лета. Так сообщает Сабин в своем последнем письме, и это дает мне восемь месяцев, чтобы вооружиться и обучить людей. Поражение Секста Помпея должно быть окончательным и бесповоротным, чтобы он никогда больше не поднялся. Для этого нам нужно найти где-то хотя бы сто пятьдесят военных кораблей. Верфи Италии не могут дать достаточного количества.

— Есть только один источник, способный их дать, и это наш дорогой Антоний, — горько проговорил Октавиан. — Он, и только он причина всего этого! Сенат ест с его руки, и ни один бог не может сказать мне почему! Кажется бы, эти дураки должны кое-что понять, живя в таком аду, но нет! Верность Марку Антонию значит больше, чем набитые животы!

— Ничто не изменилось со времен Катула и Скавра, — сказал Агриппа. — Ты переписываешься с ним?

— Я как раз писал ему, когда ты появился на пороге. Трагил лист за листом хорошей бумаги, пытаюсь найти нужные слова.

— Сколько времени прошло с вашей последней встречи?

— Больше года, после того как он увез Октавию и детей в Афины. Прошлой весной я писал ему, просил встретиться со

мной в Брундизии. Но он подвел меня, явившись без своих легионов и очень быстро, а я все еще находился в Риме, ожидая его ответа. Он вернулся в Афины и прислал мне отвратительное письмо, грозя отрубить мне голову, если я не явлюсь на следующую встречу с ним. А потом он поехал в Самосату, поэтому встреча не состоялась. Я даже не уверен, что он вернулся в Афины.

— Не будем больше говорить об этом, Цезарь. Что нам делать с зерном? Как-то ведь надо кормить Италию, и дешевле, чем мы можем, по словам Мецената.

— Ливия Друзилла говорит, что я должен занять необходимую сумму у плутократов, но я не хочу это делать.

Ну-ну! Хороший совет от маленькой черной птички!

— Она права, Цезарь. Заем лучше, чем налог.

Ливия Друзилла с удивлением посмотрела на Агриппу. Она очень боялась этой встречи, убежденная, что любимый друг Цезаря станет ее врагом. Мужчины не приветствовали присутствие женщин на советах, и хотя она знала, что права, таким мужчинам, как Статилий Тавр, Кальвизий Сабин, Аппий Клавдий и Корнелий Галл, очень не нравилось видеть, как восходит ее звезда. Заполучить в союзники Агриппу было даже важнее, чем родить ребенка, появления которого она тщетно ждала.

— Они меня выжмут.

— Лучше, чем первосортную губку, — улыбнулся Агриппа. — Однако деньги у них, и пока Антоний не поднимет задницу и не наведет порядок на Востоке, они не получают прибыли с Востока, их самого большого источника дохода.

— Да, я понимаю, — недовольно ответил Октавиан, не желавший следовать разумному совету. — Мне не нравятся проценты — они берут двадцать процентов, причем сложных.

Время отступить. Агриппа принял смущенный вид:

— Сложных?

— Да, проценты с процентов. Это сделает их кредиторами Рима лет на тридцать-сорок, — пояснил Октавиан.

— Цезарь, дорогой, ты сомневаешься, а ты не должен сомневаться, — сказала Ливия Друзилла. — Подумай! Ты же знаешь ответ.

Забрезжила знакомая улыбка. Октавиан тихо засмеялся.

— Ты имеешь в виду сокровищницы Секста Помпея, где хранится его неправедно нажитое добро?

— Она именно это имеет в виду, — сказал Агриппа, взглядом поблагодарив Ливию Друзиллу.

— Я думал об этом, но еще больше, чем занимать у плутократов, мне не нравится отдавать им сокровища Секста, когда все закончится. — Он вдруг лукаво посмотрел на них. — Я предложу им двадцать сложных процентов, а сам широко раскину сеть, чтобы поймать в нее несколько сенаторов Антония. Сомневаюсь, что кто-нибудь откажет мне на таких условиях. Возможно, мне придется отдать даже больше годового дохода Секста, но зато, когда я отделаюсь от Антония и сенат станет моим, я смогу делать, что захочу. Снижу процентные ставки, введя соответствующие законы. Единственные, кто будет протестовать, — это самые крупные рыбы в нашем денежном море!

— Он придумал и еще кое-что, — сказала Ливия Друзилла.

Октавиан в недоумении взглянул на нее, но потом рассмеялся.

— О, это кампания «Вырастить больше пшеницы в Италии»! Да, от лица Рима я влез в еще большие долги. Согласно моим расчетам, крестьянину с большой семьей нужно двести модиев пшеницы в год, чтобы накормить всех. Но один югер земли дает намного больше этого, и, конечно, крестьянин продает излишки, если приметы, в которые он верит, не говорят ему, что в следующем году будет засуха или наводнение. В этом случае он запасает больше зерна. Однако по приметам в будущем году ни засухи, ни наводнения не будет. Поэтому я предлагаю платить крестьянам за их пшеницу по тридцать сестерциев за модий. Такую сумму не могут дать частные торговцы, с которыми они обычно имеют дело. Надеюсь, некоторые из наших ветеранов действительно вырастят что-то на своих участках. Большинство из них сдают свою землю в аренду виноградарям, потому что любят пить вино, — наверное, так работает ум у отставного солдата.

— Все, что угодно, лишь бы покупать у Секста меньше зерна будущего урожая, — сказал Агриппа, — но решит ли это проблему? Сколько ты думаешь купить?

— Половину того, что нам нужно, — спокойно ответил Октавиан.

— Это будет дорого, но все же дешевле, чем у Секста. Меценат сказал, что Лепид ничего не сделал, чтобы сохранить африканское зерно. Что там происходит?

— Он становится слишком самонадеянным, — кинула пробный камень Ливия Друзилла, чтобы узнать, посмотрит ли Агриппа на реакцию ее мужа.

Но он не посмотрел, просто согласился с утверждением — и с ней, как равной Октавиану. «О Агриппа, я тебя тоже люблю!»

Доспехи Агриппы скрипнули, когда он попытался сесть поудобнее, — слишком долго приходилось сидеть ему на полевых стульях без спинки.

— Он еще не знает, Цезарь, — с сияющими глазами проговорила Ливия Друзилла. — Скажи ему, а потом позволь снять эту ужасную кирасу.

— *Edepol!* Я забыл! — воскликнул Октавиан и радостно вскочил. — Меньше чем через месяц, Марк, ты будешь старшим консулом Рима.

— Цезарь! — выдохнул ошеломленный Агриппа. Волна радости захлестнула его, преобразила его суровое лицо. — Цезарь, я не... я недостойн!

— Никого в мире нет достойнее тебя, Марк. Все, что я сделал, — передал тебе Рим в синяках, истекающий кровью, голодный, но только не побитый. Я вынужден был уступить младшее консульство Канинию лишь потому, что он родственник Антония, но с тем условием, что в июле его заменит консул-суффект Статилий Тавр. Сенаторы трясутся, потому что ты был твердым городским претором и они поняли, что поблажек от тебя ждать не приходится.

— Ты еще не сказал, Цезарь, как это назначение восприняли люди высокого происхождения. Ведь мое происхождение значительно ниже.

— Назначение? — переспросил Октавиан, широко раскрыв серые глаза. — Дорогой мой Агриппа, тебя выбрали *in absentia* — такого преимущества они не дали бы и божественному Юлию. А происхождение твое вовсе не низкое, оно хорошее, законное римское происхождение. Я знаю, чей меч я предпочел бы иметь на моей стороне. И этот меч не принадлежит никому из Фабиев, Валериев или даже Юлиев.

— О, это же потрясающе! Это значит, что я смогу достраивать Порт Юлия, имея консульские полномочия! Только ты или Антоний имеете право помешать мне. Но ты не будешь, а он не сможет. Спасибо тебе, Цезарь, спасибо!

— Если бы все мои решения принимались с такой радостью, — криво усмехнулся Октавиан, переглянувшись с женой. — Ливия Друзилла права, тебе нужно переодеться в более удобную одежду. А я должен дописать письмо Антонию.

— Не надо, — сказал Агриппа, пытаясь встать с кресла.

— Не надо?

— Не надо. — Агриппе удалось-таки подняться. — Пора писем закончилась. Пошли Мецената.

— Письма ничего не дадут, — подхватила Ливия Друзилла, подходя, чтобы коснуться щекой щеки Агриппы. — Письма бесполезны, Цезарь. Агриппа прав, пошли Мецената.

И она удалилась на свою половину, где у нее была просторная гостиная, богато обставленная. Но больше никакой роскоши, даже в спальне. Имелся также большой платяной шкаф, потому что Ливия Друзилла любила наряды. Но безусловно, самым просторным помещением был ее кабинет. Не просто похожий на мужской, а настоящий мужской кабинет. Поскольку она пришла к Цезарю без приданого и без слуг, вольноотпущенники, ставшие ее секретарями, принадлежали ему, и она поступила умно. Они работали и в ее, и в его кабинетах, чтобы все служащие были в курсе дел и при необходимости могли заменять друг друга.

Ливия Друзилла прошла в свою молельню. Это была еще одна из ее идей. В молельне стояли алтари Весты, Юноны Люцины, Опы Консивии и Благой Богини. Если ее вера была немного путаной, то это потому, что ее не воспитывали в госу-

дарственной религии, как воспитывают мальчиков. Просто она считала, что должна молиться этим четырем божествам. Весте — чтобы она благословила ее домашний очаг, Юноне Люцине — чтобы родить ребенка, Опе Консивии — чтобы она увеличила богатство и мощь Рима, а Благой Богине она возносила благодарения за то, что она привела ее к Цезарю, сделав его помощницей и женой.

Со стойки свисала золотая клетка с белыми голубями. Причмокивая губами, Ливия Друзилла по очереди подносила голубей к алтарям, как жертву. Но не для того, чтобы убить. Как только птица садилась на алтарь, Ливия Друзилла несла ее к окну и выпускала на волю. Сложив руки на груди и восторженно глядя в небо, она следила, как голубь улетает.

В течение нескольких месяцев она слушала, как ее муж гоним по поводу отсутствия своего любимого Марка Агриппы. Слушала не с неодобрением, а с отчаянием. Как она могла соревноваться с этим соперником, который держал на коленях голову больного Цезаря во время того ужасного плавания из Аполлонии в Барий после убийства божественного Юлия; который приводил его в сознание каждый раз, когда астма грозила его убить; который всегда был рядом, пока в результате измены Сальвидиена его не послали в Дальнюю Галлию. Марк Агриппа, сверстник. Тот же самый день рождения, хотя и не в том же месяце, но в один год. Агриппа родился двадцать третьего июля, а Октавиан — двадцать третьего сентября. Теперь им по двадцать пять, и вместе они уже девять лет.

Любая другая женщина попыталась бы вбить клин между ними, но Ливия Друзилла не была столь глупа или наивна. Между ними существовала связь, которую никто не мог разорвать, так зачем напрасно тратить силы? Нет, ей надо было снискать расположение Марка Агриппы, чтобы он был на ее стороне или хотя бы понял, что она на стороне Цезаря. Она предвидела титаническую борьбу: естественно, он будет ревновать ее и относиться с подозрением. Ни на секунду она не поверила слухам, что они были любовниками. Цезарь рассказал ей, что, возможно, какие-то наклонности подобного рода и были в нем, но он решительно боролся с этим. Он передал

ей суть их разговора с божественным Юлием в двуколке, мчавшейся по Дальней Испании. Ему тогда было семнадцать лет. Он был неопытным и болезненным контуберналом с привилегией служить у величайшего в мире римлянина. Божественный Юлий предупредил его, что красота в сочетании с хрупкой фигурой дает людям основание считать, будто он обслуживает мужчин. В Риме, который не приветствовал гомосексуализм, это стало бы непреодолимым препятствием для политической карьеры. Нет, он и Агриппа не были любовниками. Между ними была более глубокая связь, чем плотская, — уникальное слияние их душ. И, понимая это, она до ужаса боялась, что ей не удастся сделать Марка Агриппу своим союзником. То, что его происхождение не стоило даже презрения таких, как Клавдий Нерон, не имело значения. Если Агриппа был неотъемлемой частью чудесного восхождения Цезаря, тогда для новой Ливии Друзиллы его кровь была столь же хороша, как и ее собственная. Даже лучше.

Сегодняшняя встреча наступила и прошла, оставив ее с легким, как бабочка на ветру, сердцем. Она узнала, что Марк Агриппа по-настоящему любит Октавиана, как немногие способны любить, — бескорыстно, без всяких условий, не боясь соперников, не выпрашивая благ или отличий.

«Теперь нас трое, — думала она, глядя, как голубь Опы Консивии взлетел так высоко над соснами, что кончики его крыльев блеснули золотом в лучах заходящего солнца. — Мы троим будем заботиться о Риме, а три — счастливое число».

Последний голубь принадлежал Благой Богине. Это была ее личная жертва, которая касалась только ее. Но когда голубь полетел вверх, с высоты на него налетел орел, схватил птицу и улетел. «Орел... Это Рим принял мою жертву, и он — бог, который сильнее Благой Богини. Что это может значить? Не спрашивай, Ливия Друзилла! Нет, не спрашивай».

Меценат не возражал против поездки в Афины, где у него была небольшая резиденция, которую он не желал делить со своей женой, типичной представительницей семьи Теренция Варрона, высокомерной, гордой, чрезвычайно чувствительной

к своему статусу. Здесь, как и Атик, он мог потворствовать своим гомосексуальным наклонностям, осторожно и с удовольствием. Но это подождет. Прежде всего он должен встретиться с Марком Антонием, который, говорят, был в Афинах, хотя в городе еще не показывался. Очевидно, он не был расположен ни к философии, ни к лекциям.

И действительно, когда Меценат отправился засвидетельствовать свое почтение великому человеку, того не оказалось дома. Его приветствовала Октавия, усадив в классическое кресло, довольно некрасивое, по его мнению.

— Почему так получается, — сказал он Октавии, принимая вино, — что греки, такие одаренные во всем, не ценят изогнутой линии? Если и есть что-то, что мне не нравится в Афинах, так это математическая жесткость прямых углов.

— О нет, Меценат, в некоторых случаях им нравится изогнутая линия. На мой взгляд, нет капители колонны даже в половину такой же красивой, как ионическая. Словно развернутый свиток с закрученными концами. Я знаю, листья коринфского аканта на капителях стали более популярными, но их слишком много. По-моему, это уже определенный упадок, — с улыбкой заключила Октавия.

«Она выглядит измученной, — подумал Меценат, — хотя ей не может быть еще и тридцати. Как и у брата, у нее появились темные круги вокруг сияющих аквамариновых глаз, углы рта опущены. Что-то не ладится в семейной жизни? Да нет же! Даже такой сластолюбивый, буйный тип, как Марк Антоний, не может быть недоволен Октавией как женой или женщиной».

— Где он?

Глаза ее затуманились, она пожала плечами:

— Понятия не имею. Нундину назад он вернулся, но я почти не вижу его. Глафира появилась в городе в сопровождении двух своих младших сыновей.

— Нет, Октавия, не будет же он распутничать у тебя под носом!

— Я говорила себе то же самое и, думаю, сумела себя убедить.

Великий манипулятор подался вперед в своем угловатом кресле.

— Полно, моя дорогая, это не Глафира тебя беспокоит. Для этого в тебе слишком много здравого смысла. В чем все-таки дело?

Она стояла, словно слепая, ее руки беспомощно двигались.

— Я в растерянности, Меценат. Могу только сказать, что Антоний изменился, но никак не пойму, в чем дело. Я ожидала, что он вернется здоровым, веселым. Он любит посещать театр военных действий, это помогает ему почувствовать себя молодым. Но он возвратился... я не знаю... опустошенным. Это подходящее слово? Будто поездка лишила его самоуважения. Есть и другие перемены. Он расстался с Квинтом Деллием, велел ему собирать вещи. И не хочет видеть Планка, который сейчас здесь, приехал из провинции Азия. Только взял дань, которую привез Планк, и отослал его обратно в Эфес. Планк вне себя, но Антоний сказал мне лишь, что не может доверять никому из своих друзей. Что все они лгут ему. Поллион хотел поговорить с ним о трудностях Цезаря в Италии — тот никак не может найти общего языка с сенаторской фракцией Антония, что бы это ни значило. Но он его не принял!

— Я слышал, что самая серьезная размолвка у него произошла с Публием Вентидием, — сказал Меценат.

— Весь Рим, должно быть, знает об этом, — устало заметила она. — Он сделал ужасную ошибку, поверив, что Вентидий принял взятку.

— Может, в этом все дело.

— Может, — согласилась она и повернула голову. — О, вот и Антоний!

Он вошел с легкостью и грацией, которые всегда поражали Мецената. Считалось, что крупные, мускулистые мужчины должны двигаться тяжело, неуклюже. Его гладкое лицо осунулось, но не от мимолетного настроения, подумал Меценат. Значит, заключил он, таково его обычное выражение в эти дни. Увидев Мецената, он остановился, словно наткнувшись на препятствие, в глазах сверкнул гнев.

— А-а! Ты? — крикнул он, падая в кресло, но за вином не потянулся. — Приехал все-таки, а я-то думал, что твой противный хозяин будет продолжать строчить мне умоляющие письма.

— Нет, он понял, что настало время для умоляющего Мецената.

Октавия поднялась.

— Я оставляю вас наедине, — сказала она. Проходя мимо Антония, она потрепала его рыжеватые кудри. — Ведите себя хорошо.

Меценат засмеялся, Антоний промолчал.

— Что нужно Октавиану?

— Что и всегда, Антоний. Военные корабли.

— У меня их нет.

— *Gerrae!* Пирей напичкан ими. — Меценат отставил в сторону вино, сложил пальцы пирамидкой. — Антоний, ты не можешь все время избегать встречи с Цезарем Октавианом.

— Ха! Это не я не приехал в Брундизий.

— Ты не написал, что приедешь, причем приехал так быстро, что Цезарь Октавиан даже не успел покинуть Рим. И ты не стал его дожидаться.

— Он и не собирался приезжать. Он просто хотел увидеть, как я сорвусь с места по его команде.

— Нет, он так не поступил бы.

Спор длился несколько часов. За это время они успели вместе пообедать, но у них не было настроения наслаждаться деликатесами, которые приготовили повара Октавии. Меценат наблюдал за своей жертвой, как кот за мышью, дрожа от предвкушения. «Октавия, ты ближе к истине, чем сама полагаешь, — думал он. — „Опустошенный“ — очень подходящее слово для этого нового Антония».

Наконец он ударил себя по коленям — первый признак нетерпения.

— Антоний, признай, что без твоей помощи Цезарь Октавиан не может одолеть Секста Помпея!

Антоний презрительно вздернул губу:

— Конечно, я признаю это.

— Тогда тебе, наверное, приходило в голову, что все деньги, которые тебе нужны, чтобы навести порядок на Востоке и вторгнуться в Парфянское царство, лежат в сундуках Секста?

— Ну да... приходило.

— Если так, то почему ты не хочешь перераспределить богатства справедливо, как римлянин? Неужели для тебя так важно, что, если Секст потерпит поражение, у Цезаря Октавиана кончатся неприятности? У тебя, Антоний, хватает своих проблем, но они, как и беды Цезаря Октавиана, исчезнут, едва лишь будут открыты сокровищницы Секста. Разве это для тебя не важнее, чем судьба Цезаря Октавиана? Если ты вернешься с Востока после блестящей кампании, кто сможет соперничать с тобой?

— Я не доверяю твоему хозяину, Меценат. Он думает, как бы присвоить богатства Секста.

— Так могло бы быть, если бы богатства Секста не были столь велики. Я думаю, ты согласишься, что Цезарь Октавиан хорошо считает и в бухгалтерии разбирается.

Антоний рассмеялся:

— Арифметика всегда была его сильной стороной!

— Тогда подумай вот о чем. Выращено ли зерно на его земле в Сицилии, или он захватил флот с зерном из Африки или Сардинии, Секст сам не платит за ту пшеницу, которую продает Риму — и тебе. Это началось еще до Филипп. По самым скромным подсчетам, объем зерна, которое он украл за последние шесть лет, доходит приблизительно до восьмидесяти миллионов модиев. Учитывая несколько жадных флотоводцев и остальные расходы — но не такие, какие несут Рим и ты, — Секст получил чистой прибыли в среднем двадцать сестерциев за модий. Это не фантастика! Его цена для Рима в этом году была сорок сестерциев и ни разу не опускалась ниже двадцати пяти. Это значит, что у Секста должно быть приблизительно тысяча восемьсот миллионов сестерциев. Раздели на двадцать пять тысяч — получится огромная сумма в семьдесят две тысячи талантов! Имея половину этой суммы, Цезарь Октавиан сможет накормить Италию, купить землю для ветеранов и снизить налоги! А твоя половина позволит легионерам носить серебряные кольчуги и украшать шлемы страусовыми перьями! В казне Рима никогда не было столько денег, сколько

их у Секста Помпея, — даже после того, как его отец удвоил ее содержимое.

Антоний слушал как зачарованный. Настроение его улучшилось. Тупица в арифметике еще со школьной скамьи (он и его братья прогуливали большую часть занятий), он все же без труда усвоил урок Мецената. И он знал, что эта оценка состояния Секста должна быть точной. Юпитер, что за *cunnius!* Почему он не потрудился посчитать сам? Октавиан прав: Секст Помпей обескровил Рим, сделал его нищим. Деньги не исчезли! Деньги у Секста!

— Я понял тебя, — резко проговорил он.

— Тогда весной ты встретишься с Цезарем Октавианом?

— Только не в Брундизии.

— А как насчет Тарента? Добираться дальше, но не так утомительно, как в ПUTEОЛЫ или ОСТИЮ. И это на АППИЕВОЙ ДОРОГЕ, очень удобно потом поехать в Рим.

Это в планы Антония не входило.

— Нет, встреча должна состояться ранней весной и быть короткой. Никакого пререкания или торга. Я должен попасть в Сирию к лету, чтобы начать войну.

«Да не будет этого, Антоний, — подумал Меценат. — Я возбуждал твой аппетит, озвучив суммы, противостоять искушению ты, жадина, не сможешь. Ко времени твоего появления в Таренте ты поймешь, какая это огромная туша, и захочешь получить львиную долю. Ты — Лев, родился в секстилии. А Цезарь родился на границе знаков — холодная педантичность Девы и равновесие Весов. Твой Марс тоже в созвездии Льва, но Марс Цезаря в гораздо более сильном созвездии Скорпиона. И его Юпитер находится в Морском Козероге вместе с его восходящей звездой. Богатство и успех. Да, я выбрал правильную сторону. Но ведь у меня пронизательность Скорпиона и двойственность Рыб».

— Это приемлемо? — громко крикнул Антоний, явно повторяя вопрос.

Очнувшись от астрологического анализа, Меценат вздрогнул, потом кивнул:

— Да, Тарент, в апрельские ноны.

— Он заглотив наживку, — сообщил Меценат Октавиану, Ливии Друзилле и Агриппе, вернувшись в Рим как раз к Новому году и введению Агринпы в должность старшего консула.

— Я так и знал, — самодовольно заметил Октавиан.

— И давно ты прятал эту наживку в складке тоги, Цезарь? — спросил Агриппа.

— С самого начала, еще до триумвирата. Просто я прибавлял каждый год к предыдущим.

— Аттик, Оппий и Бальбы согласились дать денег для покупки зерна будущего урожая, — язвительно улыбаясь, сказала Ливия Друзилла. — Пока тебя не было, Меценат, Агриппа взял их с собой, чтобы они увидели Порт Юлия. Наконец-то они начинают верить, что мы нанесем поражение Сексту.

— Ну, они лучше Цезаря умеют складывать цифры, — сказал Меценат. — Теперь они знают, что не потеряют свои деньги.

Инаугурация Агриппы прошла гладко. Вместе с Октавианом он провел ночное бдение, наблюдая за небом, а его идеально белый бык принял молот и нож *popa* и *cultarius* так спокойно, что наблюдавшим сенаторам пришлось смириться с тем, что следующий год у власти будет Марк Агриппа. Поскольку белый бык Гая Каниния Галла смог уклониться от молота и убежал бы, если бы мощный удар не свалил его с ног, было не похоже, что у Каниния хватит смелости разобраться с этим выскочкой.

Волнения в Риме еще не успокоились, но зима была морозная, Тибр замерз, снег падал и не таял, и постоянно дул ужасный северный ветер. Никому не хотелось выходить на Форум и площади. Это позволило Октавиану покинуть свое убежище, хотя Агриппа запретил сносить укрепления. В конце концов государственное зерно закупили по сорок сестерциев за модий благодаря займу у плутократов и ужасному закону о процентах, а возросшая активность Агриппы в Порту Юлия означала, что любой человек, согласный оставить Рим и поехать в Кампанию, мог получить работу. Кризис еще не миновал, но ослаб.

Агенты Октавиана стали распускать слух о встрече, которая произойдет в Таренте в апрельские ноны, и о том, что дни Секста сочтены. Вернутся хорошие времена, возвещали они.

На этот раз Октавиан не опоздал. Он и его жена прибыли в Тарент до нон вместе с Меценатом и его шурином Варроном Муреной. Желая превратить встречу в праздник, Октавиан украсил портовый город венками и гирляндами, собрал всех актеров, фокусников, акробатов, музыкантов, уродов и исполнителей номеров, которых Италия могла произвести. Он построил деревянный театр для постановки пантомим и фарсов, любимых зрелищ простого люда. Великий Марк Антоний приезжает, чтобы помириться с Цезарем, божественным сыном! Даже если бы Тарент в прошлом пострадал от рук Антония — а он не пострадал, — все обиды были бы забыты. Праздник весны и процветания — вот как это воспринял народ.

Антоний приплыл за день до нон, и весь Тарент выстроился вдоль берега, громко приветствуя его, особенно когда народ увидел, что он привел с собой сто пятьдесят военных кораблей своего афинского флота.

— Замечательные, правда? — спросил Октавиан Агриппу, когда они стояли у входа в гавань, высматривая флагман, который шел не первым. — Пока я насчитал четыре флотоводца, но Антония нет. Он, наверное, где-то сзади. Это штандарт Агенобарба — черный вебрь.

— Подходящие, — ответил Агриппа. Его больше интересовали корабли. — Каждый из них — палубная «пятерка», Цезарь. Бронзовые тараны, у многих двойные, много места для артиллерии и пехоты. Ох, чего бы я только не отдал за такой флот!

— Мои агенты уверили меня, что у него еще больше кораблей у островов Тасос, Самофракия и Лесбос. Все еще в хорошем состоянии, но лет через пять они придут в негодность. А вот и Антоний!

Октавиан указал на великолепную галеру с высокой кормой, под которой было большое помещение. Палуба оцетинилась катапультами. На его штандарте был золотой лев на алом

фоне, с разинутой пастью, черной гривой и черной кисточкой на хвосте.

— Подходящая, — отозвался Октавиан.

Они пошли обратно по направлению к пирсу, куда соби-
рался пристать флагман, которому лоцман в гребной шлюпке
показывал дорогу. Они не спешили, легко себе представляя,
как это произойдет.

— Агриппа, у тебя должен быть свой штандарт, — сказал
Октавиан, глядя на город, раскинувшийся по берегу, на его бе-
лые дома, публичные здания, выкрашенные в яркие цвета, пи-
нии и тополя на площадях, освещенных фонарями и украшен-
ных флагами.

— Думаю, да, — согласился захваченный врасплох Агрип-
па. — Какой ты посоветуешь, Цезарь?

— Лазурный фон и слово «*FIDES*» большими алыми бук-
вами, — тут же ответил Октавиан.

— А твой морской штандарт, Цезарь?

— У меня его не будет. Я буду плавать под «*SPQR*» в лав-
ровом венке.

— А как же адмиралы, такие как Тавр и Корнифиций?

— У них будет «*SPQR*» Рима, как и у меня. Только у тебя
будет личный штандарт, Агриппа. Знак отличия. Это ты одер-
жишь для нас победу над Секстом. Я это нутром чую.

— По крайней мере, его корабли нельзя спутать, на их
штандартах скрещенные кости.

— Отличительный знак, — подал реплику Октавиан. —
О-о, ну какой дурак это придумал? Стыдно!

Это он говорил о красной дорожке, которую какой-то чи-
новник от дуумвиров протянул во всю длину пирса, — знак
царственности, отчего Октавиан пришел в ужас. Но казалось,
никто не обратил на это внимания. Это был алый цвет коман-
дующего, а не царский пурпур. И вот — появился Антоний.
Он прыгнул с корабля на красную дорожку, как всегда здоро-
вый и бодрый. Октавиан и Агриппа ждали вместе под навесом
в глубине пирса. Каниний, младший консул, на шаг позади
них, а за ним еще семьсот сенаторов, все люди Марка Анто-
ния. Дуумвиры и другие чиновники города вынуждены были
довольствоваться местами позади всех.

Конечно, Антоний надел золотые доспехи. Тога ему не шла, делала его слишком тяжеловесным. Такой же мускулистый, но более стройный Агриппа не заботился о том, как он выглядит, поэтому на нем была тога с пурпурной каймой. Он и Октавиан вышли вперед приветствовать Антония. Октавиан выглядел хрупким и изящным ребенком между этими великолепными воинами. Но доминировал Октавиан, может быть, именно из-за этого, а может быть, благодаря своей красоте, густым ярким золотистым волосам. В этом южном италийском городе, где греки поселились за несколько столетий до первого вторжения римлян на полуостров, золотистые волосы были редкостью и вызывали восхищение.

«Получилось! — подумал Октавиан. — Мне удалось выманить Антония на землю Италии, и он не покинет ее, пока не даст то, что нужно мне и Риму».

Под ливнем лепестков весенних цветов, которыми их осыпали девочки, они прошли к зданиям, отведенным для них, улыбаясь восторженной толпе и приветственно помахивая рукой.

— Вечер и ночь тебе на обустройство, — сказал Октавиан на пороге резиденции Антония. — Ну что, приступим к делу сразу же — я понимаю, ты торопишься, — или уступим народу Тарента и посетим завтра театр? Они ставят ателлану.

— Конечно, это не Софокл, но всем нравится, — ответил Антоний, расслабившись. — Да, почему не посмотреть? Я привез с собой Октавию и детей — она очень хотела увидеть своего маленького брата.

— Я хотел увидеть ее не меньше. Она еще не знакома с моей женой, — кстати, я тоже приехал с женой, — сказал Октавиан. — Тогда, может быть, завтра утром — театр, а вечером — банкет? А после этого, конечно, к делам.

Когда Октавиан вошел в свою резиденцию, он увидел хочущего Мецената.

— Ты не догадаешься! — наконец промолвил Меценат, вытирая выступившие слезы, и снова засмеялся. — Ох, ну просто смех!

— Что? — спросил Октавиан, позволив слуге снять с него тогу. — И где поэты?

— В этом-то все и дело, Цезарь! Поэты!

Меценату удалось взять себя в руки, но он то и дело всхлипывал, а глаза его смеялись.

— Гораций, Вергилий, товарищ Вергилия Плотий Тука, Варий Руф и еще несколько второстепенных светил отправились из Рима неделю назад, чтобы поднять интеллектуальный уровень этого праздника, но... — он подавился, захихикал, но справился с собой, — они поехали в Брундизий! А Брундизий их не отпускает — там хотят устроить свой праздник!

Он опять захохотал.

Октавиан улыбнулся, Агриппа фыркнул, но никто из них не мог оценить ситуацию так, как Меценат, знавший о расseyанности поэтов.

Когда Антоний услышал об этом, он расхохотался так же громко, как Меценат, и послал курьера в Брундизий с мешком золота для поэтов.

Не ожидая приезда Октавии и детей, Октавиан разместил Антония в доме, недостаточно большом, чтобы шум детской не мешал ему, но Ливия Друзилла нашла выход из положения.

— Я слышала о доме неподалеку, чей владелец не прочь предоставить его на период переговоров, — сказала она. — Почему бы мне не переехать туда с Октавией и детьми? Если там буду и я, Антоний не сможет пожаловаться на неподобающее обращение с его женой.

Октавиан поцеловал ее руку, улыбнулся, глядя в ее чудесные глаза с прожилками.

— Блестяще, любовь моя! Сделай это сейчас же!

— И если ты не возражаешь, завтра мы не пойдем в театр. Даже женам триумвиров не положено сидеть рядом с мужьями. Я ничего не слышу с задних рядов, предназначенных для женщин. К тому же не думаю, что Октавия любит фарсы больше, чем я.

— Возьми у Бургунда денег и походи по магазинам в городе. Я знаю, ты любишь красивые наряды и сумеешь найти, что тебе нравится. Насколько я помню, Октавия тоже любит покупки.

— О нас не беспокойся, — сказала Ливия Друзилла, очень довольная. — Даже если мы не купим новые платья, у нас будет возможность лучше узнать друг друга.

Октавию очень интересовала Ливия Друзилла. Как и все представители высших слоев общества в Риме, она слышала историю удивительной любви ее брата к жене другого человека, беременной вторым ребенком от мужа, слышала о разводе по религиозным причинам, о таинственности, окружающей их любовь. Была ли она взаимна? Существовала ли эта любовь вообще?

Ливия Друзилла, которую Октавия увидела, очень отличалась от той юной девушки, какой она казалась, когда вышла замуж за Октавиана. «Нет, это не скромная жена-мышка!» — подумала Октавия, вспоминая то, что слышала о ней. Она увидела элегантно одетую молодую даму, причесанную по последней моде и надевшую украшений именно столько, сколько нужно, причем украшений простых, но из цельного золота. По сравнению с ней Октавия почувствовала себя хорошо, но старомодно одетой — неудивительно после продолжительного пребывания в Афинах, где женщины нечасто выходили в свет. Конечно, жены римлян посещали приемы, которые устраивали римляне, но обеды в домах греков были для них недоступны: там присутствовали только мужчины. Поэтому центром женской моды был Рим, и Октавия никогда не ощущала этого так остро, как сейчас, глядя на свою новую невестку.

— Очень умная идея поселить нас обоих в одном доме, — сказала Октавия, когда они сидели вместе, смакуя сладкое, разбавленное водой вино с теплым, только что из глиняной печи, медовым печеньем — местным деликатесом.

— Это позволит нашим мужьям свободно общаться, — улыбаясь, ответила Ливия Друзилла. — Думаю, Антоний предпочел бы приехать без тебя.

— Ты абсолютно права, — печально согласилась Октавия. Она вдруг подалась вперед. — Но не будем говорить обо мне! Расскажи о себе и...

Она чуть не сказала «о маленьком Гае», но что-то остановило ее, подсказало, что это будет ошибкой. Ливия Друзилла не была сентиментальной, это очевидно.

— О тебе и о Гае, — поправились она. — О вас ходят такие слухи, а я хочу знать правду.

— Мы встретились на развалинах Фрегелл и полюбили друг друга, — спокойно сказала Ливия Друзилла. — Это была наша единственная встреча до свадьбы, совершившейся по обряду *confarreatio*. Я была тогда на седьмом месяце, беременна моим вторым сыном Тиберием Клавдием Нероном Друзом, которого Цезарь сразу отослал отцу, чтобы тот его воспитывал.

— О, бедняжка! — воскликнула Октавия. — Наверное, это разбило тебе сердце.

— Вовсе нет. — Жена Октавиана грациозно откусила кусочек печенья. — Я не люблю своих детей, потому что не люблю их отца.

— Ты не любишь детей?

— Почему ты удивляешься? Они вырастают в таких же взрослых, к которым мы не питаем нежных чувств.

— Ты их видела? Особенно твоего второго сына. Как ты зовешь его коротко?

— Его отец выбрал имя Друз. Нет, я его не видела. Ему сейчас тринадцать месяцев.

— Тебе, конечно, не хватает его?

— Только когда у меня была молочная лихорадка.

— Я... я...

Октавия в нерешительности замолчала. Она знала, что люди говорят о маленьком Гае, будто он — холодная рыба. Ну что ж, он женился на такой же холодной рыбе. Их обоих интересовали не те вещи, которые Октавия считала важными.

— Ты счастлива? — спросила она, пытаясь найти какую-то общую тему.

— Да, очень. Моя жизнь теперь такая интересная. Цезарь — гений, его разносторонний ум восхищает меня! Это привилегия — быть его женой и помощницей! Он прислушивается к моим советам.

- Действительно?
- Все время. Мы с нетерпением ждем вечерней беседы.
- Вечерней беседы?
- Да, он копит все трудные вопросы за день, чтобы обсудить их со мной наедине.

Картины этого странного союза замелькали перед глазами Октавии: двое молодых и очень привлекательных супругов, прижавшись друг к другу в постели, разговаривают! «А они... они... Может быть, после разговора», — заключила она, потом вдруг очнулась, когда Ливия Друзилла засмеялась, словно колокольчики зазвенели.

— После того как мы детально обсудим его проблемы, он засыпает, — ласково промолвила она. — Он говорит, что за всю свою жизнь не спал так хорошо. Разве это не чудесно?

«О, да ты еще ребенок! — подумала Октавия, все поняв. — Рыбка, попавшая в сеть моего брата. Он лепит из тебя то, что ему нужно, а супружество не является для него необходимостью. А этот брак, *confarreatio*, осуществлен ли он? Ты так гордишься этими узами, а на самом деле они накрепко привязывают тебя к нему. Впрочем, даже если между вами и была плотская близость, тебе это тоже ни к чему, бедная рыбка. Каким же пронизательным он должен быть, чтобы, встретившись с тобой всего один раз, увидеть то, что вижу сейчас я, — жажду власти, равную лишь его властолюбию. Ливия Друзилла, Ливия Друзилла! Ты потеряешь твою детскость, но никогда не познаешь настоящего женского счастья, как познала его я, как знаю его сейчас... Первая пара Рима, они являют миру железные черты, сражаются бок о бок, чтобы держать под контролем каждого человека, каждую возникающую ситуацию. Конечно, ты одурачила Агриппу, он был сражен тобою, как и мой брат, я думаю».

— А что со Скрибонией? — спросила она, меняя тему.

— Она здорова, но несчастлива, — вздохнув, ответила Ливия Друзилла. — Раз в неделю я навещаю ее теперь, когда в городе стало спокойнее. Трудно было выйти на улицу, пока буйствовали уличные банды. Цезарь и у ее дома поставил охрану.

— А Юлия?

Ливия Друзилла сначала не поняла, но потом лицо ее прояснилось.

— О, эта Юлия! Смешно, мне всегда приходит на ум дочь божественного Юлия, когда я слышу это имя. Она очень хорошенькая.

— Ей два года, значит, она уже ходит и говорит. Она смышленная?

— Не знаю. Скрибония так трясется над ней.

Внезапно Октавия почувствовала, что к глазам подступают слезы, и поднялась.

— Я очень устала, дорогая моя. Ты не против, если я прилягу? У нас еще будет время повидаться с детьми. Мы пробудем здесь несколько дней.

— Вероятнее всего, нундину, — уточнила Ливия Друзилла, явно не в восторге от перспективы встречи с племенем ребятишек.

Предсказание Мецената сбылось. Проведя зиму в Афинах и оценив сумму в тайниках Секста Помпея, Антоний захотел получить львиную долю.

— Восемьдесят процентов — мне, — заявил он.

— В обмен на что? — спокойно спросил Октавиан.

— Флот, который я привел в Тарент, и три опытных флотоводца — Бибул, Оппий Капитон и Атратин. Шестьдесят кораблей под командованием Оппия, шестьдесят — под командованием Атратина. А Бибул будет командовать всеми.

— А за двадцать процентов я должен обеспечить еще по меньшей мере триста кораблей плюс пехоту для вторжения на Сицилию.

— Правильно, — сказал Антоний, разглядывая ногти.

— Ты не чувствуешь некоторую диспропорцию?

Усмехнувшись, Антоний подался вперед с едва уловимой угрозой:

— Посмотри на это с другой стороны, Октавиан. Без меня ты не сможешь побить Секста. Поэтому условия буду диктовать я.

— Переговоры с позиции силы. Да, я понимаю. Но я не согласен по двум причинам. Первая: мы будем действовать

сообща, чтобы удалить репей под седлом Рима, а не под твоим или моим. Вторая: мне нужно больше двадцати процентов, чтобы восстановить ущерб, нанесенный Секстом Риму, и выплатить долги Рима.

— Да мне насрать на то, что ты хочешь или что тебе нужно! Если я буду участвовать, я получу восемьдесят процентов.

— Значит ли это, что ты будешь присутствовать в Агригенте, когда мы откроем сокровищницы Секста? — спросил Лепид.

Его появление явилось сюрпризом для Антония и Октавиана. Они были уверены, что третий триумвир и его шестнадцать легионов надежно изолированы в Африке. Как он проведет о встрече так быстро, что успел приехать, Антоний не знал. Но Октавиан подозревал старшего сына Лепида, Марка, который находился в Риме и собирался жениться на первой жене-девственнице Октавиана, Сервилии Ватии. Кто-то проболтался о встрече, и Марк сразу же связался с Лепидом. Если ожидалось большие трофеи, Эмилии Лепиды должны получить значительную долю.

— Нет, меня не будет в Агригенте! — огрызнулся Антоний. — Я буду воевать с парфянами.

— Тогда как ты можешь рассчитывать, что деньги Секста будут поделены согласно твоему решению? — спросил Лепид.

— Потому что, если мое решение не будет выполнено, великий понтифик, ты лишишься своего поста и всего остального. Заинтересован ли я в твоих легионах? Нет, я в них не заинтересован. Единственные легионы, которые чего-то стоят, принадлежат мне, а я не вечно буду на Востоке. Восемьдесят процентов.

— Пятьдесят, — сказал Октавиан по-прежнему спокойно. Он посмотрел на Лепида. — А для тебя, великий понтифик, ничего. Твоих услуг не потребуется.

— Чепуха. Конечно, они потребуются, — самодовольно возразил Лепид. — Однако я не жадный. Мне достаточно десяти процентов. Тебе, Антоний, судя по твоим действиям, даже сорока процентов много, но я соглашусь на них, раз ты такой корыстолюбец. У Октавиана огромные долги из-за грабежа Секста, поэтому он должен получить пятьдесят процентов.

— Восемьдесят — или я увожу свой флот обратно в Афины.

— Пожалуйста, но тогда ты останешься ни с чем, — сказал Октавиан, подавшись вперед, тоже со скрытой угрозой, но у него это получилось убедительнее, чем у Антония. — Пойми меня правильно, Антоний! Секст Помпей в будущем году все равно потерпит поражение, дашь ты корабли или нет. Как законный триумвир, я предлагаю тебе шанс иметь свою долю в трофеях после его поражения. Предлагаю. Твоя война на Востоке, если она будет успешной, принесет прибыль Риму и казне, поэтому ты можешь финансировать эту войну из своей доли. Другой причины для моего предложения нет. Но Лепид тоже имеет свой интерес. Если я использую его легионы и легионы Агриппы, чтобы вторгнуться на очень большой и гористый остров, при условии что у Секста не будет флота, Сицилия падет очень быстро и с малыми потерями. Поэтому я согласен уступить нашему великому понтифику десять процентов трофеев. Мне нужно пятьдесят. Тебе остаются сорок. Сорок процентов от семидесяти двух тысяч — это двадцать девять тысяч.

Антоний слушал с возрастающим гневом, но ничего не отвечал.

Октавиан продолжил:

— Однако к тому времени, как мы закончим войну против Секста, он добавит к своему состоянию еще двадцать тысяч талантов — цена урожая этого года. Значит, он будет «сидеть» уже почти на девяносто двух тысячах талантов. Десять процентов от этой суммы — это свыше девяти тысяч талантов. Твои сорок, Антоний, дадут тебе тридцать семь тысяч. Подумай об этом! Огромная плата за малое участие — всего один флот, каким бы хорошим он ни был.

— Восемьдесят, — повторил Антоний, но уже не так решительно.

«На сколько же процентов он готов был согласиться? — подумал Меценат. — Разумеется, не на восемьдесят. Он должен был знать, что столько он никогда не получит. Но конечно, он забыл прибавить еще один урожай к трофеям. Это зависит от того, сколько он уже потратил мысленно. Если он рассчитывал

на пятьдесят процентов, по старым цифрам это тридцать шесть тысяч. По новым, учитывая потерю десяти процентов, он получает даже немного больше».

— Помните: все, что получишь ты, Антоний, и ты, Лепид, будет за счет Рима. Никто из вас не потратит своей доли на Рим. Зато все мои пятьдесят процентов пойдут прямо в казну. Я знаю, что командующему полагается десять процентов, но я ничего не возьму. На что я потратил бы их, если бы взял? Для моих нужд достаточно того состояния, которое оставил мне божественный отец. Я купил единственный дом в Риме, который мне подходил. Он уже обставлен. А больше мне для себя ничего не нужно. Моя доля целиком идет Риму.

— Семьдесят процентов, — сказал Антоний. — Я — старший партнер.

— В чем? Конечно, не в войне с Секстом Помпеем, — возразил Октавиан. — Сорок, Антоний. Соглашайся или не получишь ничего.

Спор продолжался месяц, в конце которого Антоний уже должен был бы приближаться к Сирии. В том, что он остался, были повинны только деньги Секста. Антоний намеревался в результате переговоров получить достаточно, чтобы самым лучшим образом снарядить двадцать легионов, двадцать тысяч кавалерии и несколько сотен единиц артиллерии. И еще обоз, способный вместить провизию и фураж для огромной армии. Октавиан намекает, что он заграбастает все себе! Да ничего он себе не оставит! И Октавиан хорошо это знает. Рим получит лучшую армию, какую он когда-либо выводил на поле сражения. А добыча в конце кампании! Да все богатства Секста Помпея померкнут перед его трофеями!

Наконец проценты были согласованы: пятьдесят — Октавиану и Риму, сорок — Антонию и Востоку и десять — Лепиду в Африке.

— Есть и другие проблемы, — сказал Октавиан, — которые надо решить сейчас, а не потом.

— О Юпитер! — рявкнул Антоний. — Какие?

— Договор в ПUTEОЛАХ или Мизена, назови как хочешь, дал Сексту полномочия проконсула на островах и на Пелопон-

несе. Через год он будет консулом. Все это надо немедленно аннулировать. Сенат должен возобновить действие своего декрета, объявившего его врагом родины, лишить Секста очага и воды в радиусе тысячи миль от Рима, отобрать у него провинции и не упоминать его имя в анналах — он никогда не будет консулом.

— Как все это можно сделать немедленно? Сенат собирается в Риме, — возразил Антоний.

— Почему? Когда на повестке дня стоит вопрос о войне, сенат обязан собраться даже за померием. Здесь присутствуют более семисот твоих сенаторов, Антоний, которые лижут твою задницу так усердно, что их носы совсем побурели, — едко заметил Октавиан. — Здесь у нас присутствует великий понтифик, ты — авгур, а я жрец и авгур. Препятствий нет, Антоний. Никаких.

— Сенат должен собраться в освященном здании.

— Без сомнения, в Таренте есть такое здание.

— Ты забыл одну вещь, Октавиан, — сказал Лепид.

— Прошу, просвети меня.

— Имя Секста Помпея уже есть в анналах. Имя заносится, когда мы намечаем консулов за несколько лет вперед, а потом просто делаем вид, что их выбрали. Вычеркнуть его имя будет святотатством.

Октавиан захихикал:

— Зачем вычеркивать, Лепид? Я не вижу необходимости. Разве ты забыл, что есть другой Секст Помпей из той же семьи, ходит по Риму с важным видом? Нет причины, почему он не может стать консулом через год. В прошлом году он был одним из шестидесяти преторов.

На всех лицах появились широкие улыбки.

— Блестяще, Октавиан! — воскликнул Лепид. — Я знаю его. Он внук брата Помпея Страбона. Это очень ему польстит.

— Пусть, главное, чтобы он не лопнул от гордости, Лепид. — Октавиан потянулся, зевнул, похожий на довольного кота. — Вы не считаете, что мы можем заключить договор и сообщить Риму радостную весть, что триумвират продлен

еще на пять лет и что дни пирата Секста Помпея сочтены? Антоний, поехать должен ты, начинать кампанию в этом году уже слишком поздно.

— Ох, Антоний, это же замечательно! — воскликнула Октавия, когда Антоний сообщил ей о поездке в Рим. — Я смогу увидеть маму и маленькую Юлию. Ливия Друзилла равнодушна к ней. Она даже не пытается убедить маленького... Цезаря Октавиана, я хотела сказать, видеться со своей дочерью. Я боюсь за малышку.

— Ты снова беременна, — добродушно сказал Антоний.

— Ты догадался! Поразительно! Это еще только предположение. Я собиралась сказать тебе, когда буду уверена. Надеюсь, это будет сын.

— Сын, дочь — какое это имеет значение? У меня и тех и других достаточно.

— Действительно, достаточно, — согласилась Октавия. — Больше, чем у любого другого известного человека, особенно если учесть близнецов Клеопатры.

Блеснула улыбка.

— Ты недовольна, моя дорогая?

— *Ecastor*, нет! Я только горжусь твоей плодовитостью, — возразила она, тоже улыбаясь. — Признаюсь, иногда я думаю о ней, о Клеопатре. Как ее здоровье? Довольна ли она жизнью? О ней почти все в Риме забыли, включая и моего брата. Жаль как-то, ведь у нее сын от божественного Юлия да еще твои близнецы. Может быть, однажды она вернется в Рим. Я хотела бы снова ее увидеть.

Он взял ее руку, поцеловал.

— Одно могу сказать тебе, Октавия: ты совсем не ревнива.

В Риме Антоний получил два письма: одно от Ирода, второе от Клеопатры. Считая письмо Клеопатры менее важным, он сначала сорвал печать с письма Ирода.

Мой дорогой Антоний, я — царь евреев, наконец-то! Это было нелегко, если учесть неопытность Гаия Сосия в военном деле. Он не Силон! Дельный наместник в мирное время, но не мо-

жет держать в руках евреев. Однако он оказал мне честь, дав мне два очень хороших римских легиона и позволив повести их на юг, в Иудею. Антигон вышел из Иерусалима встретить меня в Иерихоне. И я его разбил наголову.

Он убежал в Иерусалим, который мы осадили. Город пал, после того как Сосий прислал мне еще два легиона. Он сам привел их. Сосий хотел разграбить город, но я отговорил его, сказав, что мне и Риму нужна процветающая Иудея, а не разграбленная пустыня. В конце концов он согласился. Мы заковали Антигона в цепи и послали его в Антиохию. Когда ты будешь в Антиохии, ты можешь решить, что с ним делать, но я хочу, чтобы его казнили.

Я освободил мою семью и семью Гиркана из Масады и женился на Мариамне. Она беременна нашим первым ребенком. Поскольку я не еврей, я не могу быть верховным жрецом. Эта честь досталась саддукею Ананилу, который будет делать то, что я ему скажу. Конечно, у меня есть оппозиция и есть люди, которые участвуют в заговоре против меня, но ничего из этого не выйдет. Моя пята твердо стоит на еврейской шее, и я ее никогда не сниму, пока жив.

Пожалуйста, умоляю тебя, Марк Антоний, отдай мне цельную, единую Иудею вместо пяти отдельных территорий! Мне нужен морской порт, и я буду счастлив, если это будет Иопта. Газа слишком далеко на юге. Лучшая новость: я вырвал у Малха Набатейского право добывать асфальт в Асфальтовом озере. Малх был на стороне парфян и отказал в помощи мне, его родному племяннику.

Заканчивая письмо, я снова от всей души благодарю тебя за поддержку. Будь уверен, Рим никогда не пожалеет, что сделал меня царем евреев.

Антоний положил свиток, который сразу же опять свернулся, и какое-то время сидел, соединив руки на затылке и улыбаясь своим мыслям об этой семитской жабе. Меценат восточного покроя, но, в отличие от Мецената, жестокий и свирепый. Вопрос в том, что будет лучше для Рима в южной части Сирии: вновь объединенное Иудейское царство или раздробленное? Не расширив ни на милю границы своего царства,

Ирод знатно обогатился, приобретя бальзамовые сады Иерихона и право добывать асфальт в Асфальтовом озере. Евреи воинственный народ, они отличные солдаты. Нужна ли Риму богатая Иудея, которой правит очень умный человек? Что будет, если Иудея поглотит всю Сирию южнее реки Оронт? Куда обратится потом взгляд ее царя? На Nabateю, которая даст ему один из двух больших флотов, занятых торговлей с Индией и Тапробаной. Еще больше богатства. После этого он посмотрит на Египет. Меньший риск, чем любая экспансия на север, в римские провинции. Хм...

Он взял письмо Клеопатры, сломал печать и прочел его намного быстрее, чем письмо Ирода. Письма Ирода и Клеопатры не очень отличались. В письме Клеопатры вовсе не было сентиментальности. Как всегда, она хвалила Цезариона, но в этом она походила на львицу, ласкающую детеныша. Если оставить Цезариона в стороне, это было письмо царицы, а не экс-любовницы. Глафира хорошо сделает, если последует примеру своей египетской соперницы.

Лицо Клеопатры проплыло перед его мысленным взором. Крупный нос, золотистые глаза сияют, как сияли они, когда она была счастлива — а была ли она счастлива? Такое деловое письмо, смягченное только любовью к старшему сыну. Да, прежде всего она правительница, а уж потом — женщина. Но по крайней мере, с ней было о чем поговорить. И находилось больше тем для бесед, чем с Октавией, которая поглощена беременностью и радуется, что снова вернется в Рим. С Ливией Друзиллой она редко виделась, считая ее холодной и расчетливой. Конечно, она так не говорила, — разве его теперешняя жена нарушила хоть раз правила приличия, даже наедине с мужем? Но Антоний знал об этом, потому что разделял неприязнь Октавии. Девица была законченной креатурой Октавиана. Как удавалось Октавиану хватать и удерживать своими стальными когтями нужных ему людей? Агриппа, Меценат. А теперь Ливия Друзилла.

И вдруг он почувствовал такую ненависть к Риму, к его тесно сплоченному правящему классу, к жадности, к непрекаемым ценностям, к божественному праву править миром. Даже Сулла и Цезарь ставили желания Рима выше собствен-

ных, клали на алтарь Рима все свои деяния, питали Рим своей силой, своими подвигами, своей душой. Может быть, именно это отсутствовало в нем, Антонии? Может быть, он не способен посвятить себя каким-то абстракциям, идеям? Александр Великий не думал о Македонии так, как Цезарь думал о Риме. Он думал сначала о себе, он мечтал об обожествлении, а не о мощи своей страны. Вот почему его империя распалась, как только он умер. Империя Рима никогда не распадется из-за смерти одного человека или даже многих людей. У римлянина было свое место под солнцем, он никогда не думал о себе как о солнце. А Александр Великий думал. Может быть, и Марк Антоний думал так же. Да, Марк Антоний хотел иметь свое солнце, и его солнце не было солнцем Рима. Нет.

Почему он позволил этой компании в Таренте уменьшить его долю? Надо было уехать и увести флот. Но он этого не сделал. Он считал, что остается, чтобы обеспечить безопасность и благополучие своих солдат при вторжении в Парфянское царство. Его обхитрили простыми обещаниями! «Да, я обещаю дать тебе двадцать тысяч хорошо обученных легионеров, — сказал Октавиан сквозь зубы, явно говоря неправду. — Я обещаю послать тебе твои сорок процентов, как только мы откроем дверь в сокровищницу Секста. Я обещаю, ты будешь старшим триумвиром. Я обещаю блюсти твои интересы на Востоке. Я обещаю то, я обещаю это». Ложь, ложь, все ложь!

«Думай, Антоний. Думай! Из тысячи сенаторов семьсот на твоей стороне. Ты можешь объединить выборщиков в высших классах и контролировать законы, выборы. Но почему-то тебе никогда не удастся добраться до Цезаря Октавиана. Это потому, что он здесь, в Риме, а тебя здесь нет. Даже в это долгое лето, пока ты находишься здесь, ты не можешь использовать свои войска и покончить с ним. Сенаторы ждут, чтобы узнать, сколько им достанется из сундуков Секста Помпея, — то есть те, кто на лето не улизнул из вонючего, задыхающегося от жары Рима на свои виллы на побережье. И народ не видит тебя. Теперь, когда ты вернулся, тебя больше не узнают с первого взгляда, хотя прошло всего два года. Они могут ненавидеть Октавиана, но эта ненависть перемешана с любовью. Октавиан — тот человек, которого люди вынуждены и любить, и не-

навидеть. А во мне сейчас никто не видит спасителя Рима. Они слишком долго ждали, когда же я покажусь. Пять лет прошло после Филиппа, а я еще не сделал того, что обещал сделать на Востоке. Сословие всадников ненавидит меня больше, чем Октавиана, — он должен им миллионы миллионов, что делает его обязанным им. Я им ничего не должен, но мне не удалось сделать Восток безопасным для коммерции, и этого они не могут простить.

Месяц Юлия пришел и ушел. Секстилий быстро исчезает куда-то, а куда — непонятно. Почему время так быстро летит? На будущий год... это должен быть будущий год! Если этого не произойдет, я буду никем, первым с конца. А это маленькое говно победит».

В комнату, неуверенно улыбаясь, вошла Октавия. Антоний кивком головы подозвал ее.

— Не бойся, я не съем тебя, — низким голосом сказал он.

— Я так и не думала, мой дорогой. Я только хотела узнать, когда мы поедем в Афины.

— В сентябрьские календы. — Он прокашлялся. — Я возьму тебя с собой, но без детей. К концу года я буду в Антиохии, а ты останешься в Афинах. Детям лучше быть в Риме под защитой твоего брата.

Она погрузилась, на глазах выступили слезы.

— Это будет тяжело! — сказала она дрожащим голосом. — Я им нужна.

— Если хочешь, можешь остаться здесь, — огрызнулся он.

— Нет, Антоний, я не могу. Мое место рядом с тобой, даже если ты редко будешь приезжать в Афины.

— Как хочешь.

14

В жизни Антония появился новый Квинт Деллий, высокий элегантный сенатор из очень древнего рода, который почти сто лет назад дал жрицу богине Весте. Фонтеи Капитоны были римскими аристократами из

плебеев. Его звали Гай Фонтей Капитон, он был красив, как Меммий, и образован, как Муций Сцевола. Фонтей не был подхалимом. Ему просто нравилось быть с Антонием, он был очень хорошего мнения о нем и, как верный клиент, был рад оказать ему услугу.

Когда Антоний покинул Рим и Италию в сентябре, отплыв вместе с Октавией на флагмане из Тарента, он взял с собой Фонтея. К ста двадцати кораблям его флота были добавлены еще двадцать квинквирем, которые Октавия подарила своему брату из ее личного состояния. Все сто сорок кораблей стояли на якоре в Таренте. Строились навесы, чтобы суда можно было вытащить на берег до наступления зимы.

Для экваториальных штормов было еще рановато, но Антоний торопился, надеясь на попутный ветер во время всего плавания вокруг мыса Тенар на южной оконечности Пелопоннеса, а потом до Афин, чтобы встать на якорь в Пирее.

Но на третий день плавания случился ужасный шторм, заставивший их искать укрытия на Коркире, красивом острове недалеко от греческого Пелопоннеса. Качка плохо отразилась на состоянии Октавии, которая была уже на седьмом месяце, поэтому она обрадовалась возможности ступить на твердую землю.

— Я не хочу, чтобы ты опоздал, — сказала она Антонию, — но признаюсь, я надеюсь, что мы пробудем здесь несколько дней. Мой ребенок должен стать солдатом, а не моряком.

Он не улыбнулся ее маленькой шутке, ему не терпелось снова отправиться в путь, его не трогали ни страдания жены, ни ее любезные попытки не досаждать ему.

— Как только капитан скажет, что мы можем отправляться, мы снова тронемся в путь, — резко произнес он.

— Конечно. Я буду готова.

В тот вечер она не стала обедать, сославшись на боль в желудке, еще не прошедшую после качки, а Антоний устал от всех, кто добивался его внимания, заставляя демонстрировать дружелюбие, которого он не чувствовал. Фактически единственным человеком, который ему нравился, был Фонтей. И он попросил Фонтея составить ему компанию. Обедали они вдвоем.

Проницательный, как прирожденный дипломат, и тепло относившийся к Антонию, Фонтей с благодарностью принял приглашение. Он давно догадался, что Антоний несчастлив, и, может быть, сегодня ему представится случай осмотреть рану, выяснить, сумеет ли он найти отравленный дротик.

Это был идеальный вечер для откровенного разговора. Пламя лампы трепетало при порывах ветра, завывавшего за окном. Дождь барабанил по ставням, небольшая речушка булькала, сбегая с холма. Угли раскалились докрасна в нескольких жаровнях, прогоняя холод из комнаты; слуги двигались, как лемуры, выходя из тени и снова скрываясь в тени.

То ли из-за атмосферы, то ли потому, что Фонтей точно знал, как вызвать собеседника на откровенность, Антоний рассказал ему обо всех своих страхах, ужасах, дилеммах, беспокорствах, но как-то сбивчиво и без всякой логики.

— Где мое место? — спросил он у Фонтея. — Чего я хочу? Я истинный римлянин. Или что-то случилось, и мой патриотизм поубавился? Я знал все, как мои пять пальцев, у меня была большая власть. И все же, все же у меня нет места, которое я мог бы назвать своим. Или «место» неправильное слово? Не знаю!

— Может быть, под словом «место» ты имел в виду предназначение, — сказал Фонтей, осторожно нащупывая нить разговора. — Ты любишь кутить, быть с мужчинами, которых ты считаешь своими друзьями, и с женщинами, которых ты желаешь. Лицо, которое ты показываешь миру, дерзкое, самоуверенное, спокойное. Но за этой внешностью я вижу большие сложности. Одна из них привела тебя к косвенному участию в убийстве Цезаря — нет, не отрицай! Я тебя не виню, я виню Цезаря. Он тоже тебя убил, сделав Октавиана своим наследником. Я могу лишь вообразить, как глубоко это задело тебя! Ты потратил свою жизнь, служа Цезарю, а человек твоего темперамента не мог понять, почему Цезарю не нравились иные из твоих действий. А потом он оставил завещание, в котором даже имени твоего не упомянул. Жестокий удар по твоему *dignitas*. Люди удивлялись, почему Цезарь отдал свое имя, свои легионы, свои деньги и свою власть красивому мальчику, а не

тебе, взрослому мужчине. Они поняли завещание Цезаря как знак его ужасного недовольства твоим поведением. Это не имело бы значения, если бы он не был Цезарем, народным кумиром, — они сделали его богом, а боги не ошибаются. Ты был недостоин стать наследником Цезаря. Ты никогда не сумел бы сделаться вторым Цезарем. Именно Цезарь лишил тебя этой возможности, а не Октавиан. Он отнял у тебя твою *dignitas*.

— Да, я понимаю, — медленно проговорил Антоний, сжав кулаки. — Старик плюнул в меня.

— Ты от природы не мыслитель, Антоний. Ты любишь иметь дело с конкретными фактами, и у тебя привычка Александра Великого разрубать узлы мечом. У тебя нет способности Октавиана влезать в душу и нашептывать народу ложь как истину таким образом, чтобы все поверили. Источник твоей дилеммы — пятно на твоей репутации, которое поставил Цезарь. Почему, например, ты выбрал Восток как твою часть триумvirата? Ты, вероятно, считаешь, что сделал это из-за богатств и войн, которые можешь вести там. Но я так не думаю. Не поэтому. Я думаю, это был благовидный предлог не оставаться в Риме и Италии, где тебе нужно было бы показываться перед народом, который знает, что Цезарь презирал тебя. Покопайся в себе поглубже, Антоний. Найди свою рану, пойми, где она!

— Удача! — выпалил Антоний, изумив этим Фонтея, и повторил громче: — Удача! Удача Цезаря превратилась в поговорку, она была частью его легенды. Но когда он вычеркнул меня из завещания, он передал свою удачу Октавиану. Как иначе удалось бы выжить маленькому червяку? С ним удача Цезаря, вот как! А я свою удачу потерял. Потерял! И в этом вся беда, Фонтей. Что бы я ни делал — нет удачи. Как с этим быть? Я ничего не могу поделать.

— Но ты можешь, Антоний! — воскликнул Фонтей, оправившись от этого необычного откровения. — Если в этом причина твоей меланхолии, тогда поймай свою удачу на Востоке! Эта задача тебе по плечу. Восстанови свою репутацию у всадников, сделав Восток идеальным местом для предпринимательства! И возьми себе советника, кого-нибудь с Востока, кто

лучше тебя знает все об этих краях. — Он помолчал, подумав о Пифодоре из Тралл, связанном с Антонием через брак. — Советника с властью, влиянием, богатством. Триумвиром тебе быть еще пять лет благодаря заключенному в Таренте договору. Используй их! Создай для себя бездонный колодец удачи!

Антоний повеселел. Прочь уныние! Внезапно он ясно увидел, как вернуть свою удачу.

— Ты готов предпринять для меня продолжительное путешествие по зимнему морю? — спросил он Фонтея.

— Все, что угодно, Антоний. Меня действительно беспокоит твое будущее, идущее вразрез с Римом Октавиана. Это еще один фактор, вызвавший твою меланхолию: Рим Октавиана чужд римлянам, которые ценят Рим таким, каким он был раньше. Цезарь начал отбирать права и прерогативы первого класса, и Октавиан намерен продолжить это. Я думаю, что, обретя удачу, ты должен будешь поставить своей целью возвращение прежнего Рима. — Фонтей поднял голову, прислушался к звукам ветра и дождя, улыбнулся. — Шторм стихает. Куда ты хочешь, чтобы я отправился?

Это был риторический вопрос: он знал, это Траллы и Пифодор.

— В Египет. Я хочу, чтобы ты увидел Клеопатру и убедил ее присоединиться ко мне в Антиохии еще до конца зимы. Ты сделаешь это?

— С удовольствием, Антоний, — ответил Фонтей, скрывая смятение. — Если здесь, на Коркире, есть корабль, способный пересечь Ливийский океан, я отправлюсь сейчас же. — И печально добавил: — Однако кошелек мой набит не туго. Мне нужны деньги.

— Деньги у тебя будут, Фонтей! — заверил его Антоний, сияя от счастья. — О, Фонтей, спасибо тебе! Ты указал мне, что надо делать! Я должен использовать Восток, чтобы заставить Рим отвергнуть махинации Цезаря и его наследника!

Когда Антоний проходил мимо комнаты Октавии, направляясь к себе, он все еще был очень возбужден и полон желаний как можно скорее добраться до Антиохии. Нет, он не остановится в Афинах! Он поплывет прямо в Антиохию. Приняв ре-

шение, он открыл дверь в комнату Октавии и увидел ее, свернувшуюся калачиком на постели.

Он присел на край, убрал со лба жены прядь волос, улыбнулся.

— Бедная моя девочка! — нежно промолвил он. — Нужно было оставить тебя в Риме и не подвергать опасности, заставляя плыть по Ионическому морю в период штормов.

— Утром мне будет лучше, Антоний.

— Может, и так, но ты останешься здесь, пока не сможешь вернуться в Италию, — сказал он. — Нет, не протестуй! Я не потерплю возражений, Октавия. Возвращайся в Рим и рожай нашего ребенка там. Ты скучаешь по детям, оставшимся в Риме. А я не поеду в Афины, я напрямую направляюсь в Антиохию, поэтому со мной ты поехать не сможешь.

Ей стало очень грустно. Она с болью смотрела в эти рыжие глаза. Откуда она узнала, неизвестно, но это был последний раз, когда она видела Марка Антония, ее любимого мужа. Проститься на острове Коркира — кто бы мог предсказать такое?

— Я сделаю так, как ты решишь, — сказала она, глотая слезы.

— Хорошо!

Он встал, наклонился поцеловать ее.

— Но я ведь увижу тебя утром, да?

— Увидишь, конечно увидишь.

Когда он ушел, она отвернулась, спрятала лицо в подушку. Нет, не для того, чтобы поплакать, — горе было слишком велико для слез. Впереди ее ждало одиночество.

Фонтей уехал первым. В гавани стояло сирийское торговое судно, которое тоже пережидало шторм. Поскольку его капитан в любом случае собирался плыть по Ливийскому морю, он сказал, что не прочь остановиться в Александрии за немалое вознаграждение. В его трюмах были обитые железом галльские колеса для повозок, медные горшки из Ближней Испании, несколько бочонков гарума. Пространства между ними были заполнены парусиной с земель племени петрокориев. В результате у его судна была низкая осадка, что увеличивало его

остойчивость. Капитан был рад отдать свою каюту под кормой этому щеголю-сенатору с семьей слугами.

Фонтей помахал Антонию рукой на прощание, до сих пор еще не придя в себя. Все получилось совершенно неправильно! Каким самоуверенным он был, считая, что может читать мысли Антония, не говоря уже о том, чтобы манипулировать им! Почему у этого человека такая идея фикс — его удача? Иллюзия, вымысел. Фонтей не верил, будто удача существует сама по себе, что бы ни говорили люди об удаче Цезаря. А Антоний не хотел видеть истины, он сосредоточился на удаче. Удача! И Клеопатра! О боги, о чем он думал, выбирая ее своим советником по Востоку? Она же обманет его, и он еще больше запутается. В ее венах течет кровь царя Митридата Великого, целого выводка жестоких, безнравственных Птолемеев и нескольких парфян в придачу. Фонтею она представлялась квинт-эссенцией всего самого худшего на Востоке.

Фонтей был согласен на гражданскую войну, если эта война необходима, чтобы отделаться от Октавиана. И единственным человеком, способным побить Октавиана, был Марк Антоний. Но не тот Антоний, какого Фонтей знал последние годы. Для этого нужен был Антоний времен Филиппа. Клеопатра? О, Антоний, плохой выбор! Фонтей был в дружеских отношениях с вдовой Цезаря Кальпурнией до того, как она покончила с собой. И Кальпурния весьма детально нарисовала ему портрет Клеопатры, с которой она познакомилась в Риме, как и другие женщины. Этот портрет не вселял надежду в посланца Антония.

Он прибыл в Александрию после месячного плавания: из-за шторма им пришлось провести шесть дней в Паретонии. Что за город! Капитан нашел там лазерпиций и выбросил за борт парусину, чтобы освободить место для двадцати амфор со снадобьем.

— Я богатый человек! — радостно похвастался он Фонтею. — Если Марк Антоний поселится в Антиохии, начнется такая разгульная жизнь, что я смогу за каждую дозу запрашивать целое состояние! А в амфоре несколько тысяч ложек этого снадобья. О счастье!

Хотя Фонтей не бывал в Александрии, на него не произвела особого впечатления безусловная красота города с широкими улицами. Он подумал, что Меценат назвал бы Александрию пустыней с прямыми углами. Однако благодаря страсти каждого последующего Птолемея воздвигать новый дворец Царский квартал был великолепен. По меньшей мере два десятка дворцов плюс зал для аудиенций.

Там, среди блеска золота, которое приводило в трепет каждого римлянина, видевшего это, он встретился с двумя марионетками. Это единственное слово, которое он сумел найти для них. Они были застывшие, деревянные и раскрашенные. Пара кукол, сделанных в Сатурнии или Флоренции. Невидимый кукловод управлял ими с помощью веревочек. Аудиенция была короткой. Его не попросили изложить суть дела, только разрешили передать привет от триумвира Марка Антония.

— Ты можешь идти, Гай Фонтей Капитон, — сказала кукла с белым лицом, сидящая на троне, расположенном выше.

— Мы благодарим тебя за визит, — сказала кукла с красным лицом, сидящая на троне, расположенном ниже.

— Слуга сопроводит тебя отобедать с нами сегодня вечером.

Без краски и атрибутов царской власти это были два человека маленького роста, хотя мальчик обещал стать высоким. Фонтей знал его возраст — десять лет, но подумал, что он выглядит на тринадцать или четырнадцать, хотя половая зрелость еще не наступила. Живой портрет Цезаря! Еще один игрок на сцене будущего и неожиданная, но очень веская причина, почему Антоний не должен общаться с этой женщиной. Цезарион был единственным объектом ее любви. Каждый раз, когда она смотрела на сына, любовь отражалась в ее великолепных золотистых глазах. В остальном она была тощей, маленькой, почти безобразной. Ее спасали глаза и красивая кожа. И низкий, мелодичный голос, который она искусно использовала. Оба говорили с ним на безупречной латыни.

— Марк Антоний послал тебя, чтобы ты предупредил нас о его приезде? — с живостью спросил мальчик. — Я так скучаю по нему!

— Нет, царь, он не приедет сюда.

— О-о!

Лицо померкло, он отвел глаза.

— Какое разочарование, — заметила мать. — Тогда почему ты здесь?

— К этому времени Марк Антоний должен уже быть в Антиохии, — сказал Фонтей, отметив, что пресноводная креветка безвкусна. Если прямо у ее ног плещется Наше море, почему она не пошлет свой рыболовецкий флот ловить креветки в соленой воде? Пока его ум был занят разгадыванием этой загадки, язык продолжал говорить: — Он планирует остановиться там по двум причинам.

— Одна из которых, — прервал мальчик, — близость этого города к землям парфян. Он нападет на них из Антиохии.

«Невоспитанное маленькое чудовище! — подумал Фонтей. — Встревает в разговор взрослых! Более того, его мать считает, что это нормально и даже замечательно. Хорошо, маленькое чудовище, посмотрим, так ли ты умен на самом деле».

— А вторая причина? — спросил Фонтей.

— Это действительно Восток, чего нельзя сказать о провинции Азия и, конечно, о Греции или Македонии. Если Антоний хочет навести порядок на Востоке, он должен расположиться именно там, Антиохия или Дамаск — идеальное место, — невозмутимо ответил Цезарион.

— Тогда почему не Дамаск?

— Климат там лучше, но далеко от моря.

— Именно так и сказал Антоний, — заметил Фонтей, слишком дипломатичный, чтобы показать свое недовольство.

— Так почему же ты здесь, Гай Фонтей? — спросила царица.

— Чтобы пригласить тебя, царица, в Антиохию. Марк Антоний хочет увидеть тебя, и, более того, ему нужен совет человека, который родился на Востоке и впитал его культуру. Он считает, что ты — самый лучший кандидат.

— У него были другие кандидатуры? — резко спросила она, нахмурившись.

— Нет, были у меня, — спокойно ответил Фонтей. — Я называл имена, но Антоний выбрал тебя.

— А-а!

Она откинулась на ложе и улыбнулась, похожая на рыжую кошку, которая лежала рядом с нею. Тонкая рука погладила животное по спине, и кошка улыбнулась хозяйке.

— Ты любишь кошек, — отметил Фонтей.

— Кошки священны, Гай Фонтей. Когда-то, лет двадцать пять назад, римский предприниматель в Александрии убил кошку. Люди разорвали его на куски.

— Брр! — вздрогнув, произнес Фонтей. — Я привык к серым кошкам, полосатым или пятнистым, а такого окраса никогда не видел.

— Это египетская кошка. Я зову ее Бастелла. Звать ее Баст было бы святотатством. Но знаки говорят, что я могу использовать латинское уменьшительное имя. — Клеопатра отвернулась от кошки, чтобы съесть финик. — Значит, Марк Антоний велит мне приехать в Александрию?

— Не велит, царица. Просит.

— Как бы не так! — хихикнул Цезарион. — Он велит.

— Можешь сказать ему, что я приеду.

— И я! — тут же добавил мальчик.

Последовала короткая немая сцена между матерью и сыном. Ни слова не было произнесено, хотя она очень хотела что-то сказать. Это было противостояние воли. Чья победит? То, что победил сын, не стало сюрпризом для Фонтея. Клеопатра не родилась автократом. Такой ее сделали обстоятельства. А вот Цезарион стал автократом еще в утробе матери. Точно как его отец. Фонтей почувствовал, как мурашки побежали у него по спине и волосы встали дыбом. Только подумать, каким же будет Цезарион, когда станет взрослым! Кровь Гая Юлия Цезаря и кровь восточных тиранов. Его нельзя будет остановить. И, зная это, Клеопатра будет угождать бедному Антонию. Ее не интересуют ни Антоний, ни его судьба. Она лишь хочет, чтобы ее сын от Цезаря правил миром.

Фонтею посоветовали возвращаться по суше в сопровождении египетской охраны, необходимой по утверждению Клеопатры. Сирия полна разбойников, поскольку во время нашего шествия парфян многие принципаты потеряли свою власть.

— Я последую за тобой, как только смогу, — сказала она Фонтею. — Но не думаю, что это будет до Нового года. Если Цезарион намерен поехать со мной, мне нужно будет назначить регента и совет, хотя Цезарион пробудет в Антиохии всего несколько дней.

— Он знает об этом? — хитро спросил Фонтей.

— Конечно, — резко ответила Клеопатра.

— А дети Антония?

— Чтобы их увидеть, Антоний должен приехать в Александрию.

Месяц спустя Фонтей вошел в резиденцию Антония в Антиохии и увидел, что хозяин погружен в работу. Луцилий бегал, выполняя один приказ за другим, а сам Антоний сидел за столом и просматривал груды бумаг и несколько свитков. Вместо отдыха он делал смотр войскам, размещенным в зимнем лагере после короткой кампании в Армении, которую Публий Канидий провел так же эффективно, как Вентидий проводил предыдущие кампании. Сам Канидий оставался на севере с десятью легионами, ожидая прихода весны, остальных легионов, кавалерии и Марка Антония. Единственная ошибка Канидия, по мнению Антония, заключалась в том, что в каждом письме он предупреждал, что царю Армении Артавазду доверять нельзя, как бы он ни клялся в своей верности к Риму и враждебности к парфянам. Антоний предпочел проигнорировать это предупреждение, скорее не доверяя другому Артавазду, царю Мидии. Тот тоже напрашивался в друзья.

— Я вижу, город полон настоящих и потенциальных монархов, — сказал Фонтей, усаживаясь в кресло.

— Да, наконец-то я их всех рассортировал и созвал, чтобы они узнали свою судьбу, — с усмешкой произнес Антоний. — Она... она приедет? — добавил он, не в силах скрыть волнение.

— Как только сможет. Этот дерзкий мальчишка Цезарион настоял на поездке с ней, поэтому ей нужно назначить регента.

— Дерзкий мальчишка? — нахмурился Антоний.

— Таким я его считаю. Он и впрямь невыносимый.

— Он правит наравне со своей матерью. Он тоже фараон.

— Фараон? — переспросил Фонтей.

— Да, верховный правитель реки Нил, истинного Египта. Александрия считается неегипетским городом.

— Я согласен с этим. На самом деле очень греческий город.

— Только за пределами Царского квартала. — Антоний напустил на себя равнодушный вид. — Когда она приедет?

— В начале нового года.

Упавший духом Антоний взмахом руки отпустил его.

— Завтра я раздаю щедрые дары Рима всем нынешним и будущим монархам, — сказал он. — На агоре. Обычай и традиции требуют, чтобы я был в тоге, но я ненавижу тогу. Я ношу золотые доспехи. У тебя с собой есть парадные доспехи?

Фонтей очень удивился:

— Нет, Антоний. Даже будничных нет.

— Тогда Сосий одолжит тебе.

— А доспехи... это законно?

— Вне Италии все решения триумвира законны. Я думал, что тебе это известно, Фонтей.

— Признаюсь, я не знал.

Антоний воздвиг высокий трибунал на агоре, самом большом открытом пространстве в Антиохии, и уселся там, красуясь в великолепных доспехах. Наместник Сосий и легаты Антония расположились на трибунале, приняв менее внушительные позы. Бедный Фонтей чувствовал себя неудобно в чужих доспехах, предоставленный самому себе. С каких это пор, удивился он, Антоний взял себе двадцать четыре ликтора? Единственным магистратом, имеющим право на такое количество ликторов, был диктатор, и Антоний был против диктаторства. А сам сидит, как диктатор, с двадцатью четырьмя ликторами. Даже Октавиан не смел так поступить, несмотря на свое божественное происхождение.

Это было закрытое собрание. Присутствующие явились по личным приглашениям. Охрана заблокировала все входы на агору, к большому недовольству жителей Антиохии, не привыкших к тому, чтобы их не пускали туда, где они обычно собираются.

Не прозвучало никаких молитв, авгурами не были прочитаны знаки. Интересное и странное упущение. Антоний просто произнес длинную речь высоким, далеко слышным голосом:

— После многих месяцев раздумий, тщательного анализа, многочисленных бесед и проверки документов я, император и триумвир Марк Антоний, принял решение относительно Востока. Во-первых, что такое Восток? Я не включаю сюда Македонию и ее префектуры, расположенные в самой Греции, Пелопоннес, Киренаику и Крит. Хотя они входят в компетенцию триумвирата, географически они относятся к территории Нашего моря. Восток — это Азия, то есть все земли восточнее Геллеспонта, Пропонтиды и Боспора Фракийского.

«Хм, — подумал Фонтей. — Это обещает быть интересным! Я начинаю понимать, почему он решил продемонстрировать военную мощь Рима».

— На Востоке будут три римские провинции, каждая под непосредственным контролем Рима через наместника. Первая — провинция Вифиния, в которую входят Троада и Мизия, с восточной границей по реке Сагарис. Вторая — провинция Азия. Сюда входят Лидия, Кария и Ликия! И третья провинция — Сирия с границами по Аманским горам, западному берегу Евфрата и пустыням Идумеи и Аравии Петрейской. Однако южная часть Сирии будет также включать царства, сатрапии и княжества, как и западный берег Евфрата!

Небольшая толпа зашевелилась, некоторые лица были довольны, некоторые погрустнели. С одной стороны под большой охраной стояли несколько человек восточного типа, скованных одной цепью. «Кто они? — спросил себя Фонтей. — Ничего, я обязательно узнаю».

— Аминта, выйди вперед! — крикнул Антоний.

Из толпы вышел молодой человек в греческой одежде.

— Аминта, сын Деметрия из Анкиры, от имени Рима я назначаю тебя царем Галатии! В твоё царство входят все четыре галатийские тетрархии, Писидия, Ликаония и все районы от южного берега реки Галис до побережья Памфилии!

Раздалось дружное «Ах!». Антоний отдал Аминте самое большое царство, превосходившее царство, которым правил старый амбициозный Дейотар.

— Полемон, сын Зенона из Лаодикеи, от имени Рима я назначаю тебя царем Понта и Малой Армении, включая все земли на северном берегу реки Галис!

Лицо Полемона было знакомо. Он усердно плясал под дудку Антония. Теперь он получил награду. Огромную.

— Архелай Сисен, сын Глафиры, верховный жрец богини Ма, от имени Рима я назначаю тебя царем Каппадокии, начинающейся восточнее большой излучины реки Галис и включающей все земли на ее южном берегу, оттуда до побережья Тарса и далее до побережья Киликии Педии. Твоя восточная граница — река Евфрат выше Самосаты. Оставляю за собой право назначать правителей небольших областей в пределах твоего царства, но на деле вся территория — твоя.

«Еще один очень довольный молодой человек, — подумал Фонтей. — И посмотрите на его мать! Ходят слухи, что она своей вагиной высосала это из Антония. Умно выбрать молодых людей. Клиенты на десятилетия».

Теперь настала очередь второстепенных назначений: Таркондимота и прочих. Но потом перешли к казням, чего Фонтей не ожидал. Лисаний Халкидский, Антигон Иудейский, Ариарат Каппадокийский. «О, я не воин!» — вскричал про себя Фонтей, борясь с тошнотой при виде потоков крови, на которую роем слетелись липкие мухи, и все это под жарким солнцем. Антоний равнодушно смотрел на эту бойню. Сосий потерял сознание. «Вот уж этого я не сделаю», — решил Фонтей. Он поблагодарил всех богов, когда наконец смог уйти во дворец наместника. Конечно, Антоний остался. Он устроил угощение для новых правителей и их свиты прямо на агоре, потому что во дворце не имелось ни больших помещений, ни просторных дворов. Если бы Фонтей не знал, он сказал бы, что дворец наместника в Антиохии раньше был занюханной гостиницей, а не домом таких царей, как Антиох и Тигран.

Утром он впервые увидел настоящего парфянина, беглеца по имени Монес, бежавшего от нового царя Фраата. С искусственной бородой, завитой колечками, на золотых крючках, надетых на уши, в цветистой юбке, короткой куртке и с огромным количеством золота.

— Я думаю сделать его царем скенитских арабов, — сказал Антоний, довольный своими назначениями. Заметив, что Фонтей скорчил гримасу, он удивился. — Ты не одобряешь? Потому что он парфянин? А мне он нравится! Фраат убил всю его семью, только ему удалось убежать.

— Или ему помогли убежать, — заметил Фонтей.

— Зачем это надо? — в недоумении спросил Антоний.

— Потому что весь мир знает, что ты планируешь вторжение в Парфянское царство! Как бы царь ни боялся быть свергнутым собственными сыновьями, он не дурак и сохранит одного наследника! Я думаю, Монес здесь как парфянский шпион. Кроме того, он горд и высокомерен. Не думаю, что он будет рад повелевать кучкой пустынных арабов.

— *Gerrae!* — воскликнул Антоний, на которого эти слова не произвели впечатления. — Я думаю, Монес хороший человек. Готов поспорить, что я прав. Тысяча денариев?

— Согласен! — ответил Фонтей.

Главная причина, по которой Клеопатра не торопилась ехать в Антиохию, не имела ничего общего с назначением регента или совета. На это не требовалось много времени. Время ей нужно было, чтобы подумать и чтобы прибыть в нужный момент. Ни раньше, ни позже. И что она будет просить, когда придет в Антиохию? С приглашением к ней приехал человек, очень отличавшийся от Квинта Деллия. Фонтей — аристократ и предан Антонию. Участвует он в этом не ради денег. Слишком опытный, чтобы его можно было поймать на чем-то. Тем не менее от него исходили волны тревоги... нет, беспокойства. Вот нужное слово! Беспокойство! Хотя жизнь в последние четыре года текла без потрясений, фараон ни на йоту не ослабела бдительности. Ее агенты на Востоке и на Западе регулярно докладывали ей. Но некоторых вещей она не знала, в частности, кто и чего ожидал от Антония, когда он думал над назначениями. Как только Фонтей сказал, что Антоний уже в Антиохии, она поняла, почему он вдруг захотел, чтобы царица Египта стояла у его возвышения с толпой грязных крестьян

и ничего не получила. Просто стояла бы там, как доказательство, что и Египет находится под римским зонтом. В тени.

Ее охватил гнев. Она задрожала, дыхание у нее перехватило. «Значит, он хочет, чтобы я была свидетелем его господских милостей? Клянусь Сераписом, я не сделаю этого! Пусть он убьет меня, но этого не будет! Смотреть, как он назначает этого крестьянина царем, а того правителем? Ни за что! Ни за что, ни за что, ни за что! Когда я прибуду в Антиохию, Марк Антоний, я попрошу больше, чем может дать мне твоя власть. Но ты дашь мне то, чего я хочу, достаточно будет твоей власти или нет! Фонтей беспокоится о тебе, значит у тебя есть слабое место, настолько слабое, что Фонтей считает его опасным для тебя».

Ко второй половине ноября царица знала все о назначениях Антония в Антиохии. Они казались логичными, разумными и даже дальновидными. Кроме его последнего решения — сделать парфянина Монеса новым царем скенитских арабов. «Антоний, Антоний, ты дурак! Ты идиот! Независимо от того, действительно ли он убежал от разящего топора своего дяди или нет, ты не сделаешь Аршакида царем любых арабов! Это ниже его достоинства. Это оскорбление. Смертельное оскорбление. И если он — агент дяди Фраата, он будет смертельным врагом. Ты можешь править Востоком, но ты западный человек. Ты даже не пытаешься понять восточных людей, их чувства, их образ мыслей».

Войны с парфянами нельзя допустить, решила она. Только как убедить в этом Антония? Другой причины, почему она едет в Антиохию, нет. Рим был угрозой ее трону, но, если парфяне победят, она потеряет трон и Цезариона постигнет та же судьба, что и всех подающих надежды молодых людей, — казнь. Антоний разворошил муравейник.

В это время года ей придется ехать по суше. Трудное путешествие, потому что Египет должен ошеломлять каждую страну, через которую она и Цезарион будут проезжать. Громящие повозки с запасами и царскими личными вещами,

тысячная царская охрана, телеги с мулами, гарцующие лошади, и для царицы ее паланкин с черными носильщиками. Целый месяц в пути. Она отправится в декабрьские ноны, ни на день раньше.

И за все это время Клеопатра ни разу не подумала о Марке Антонии как о мужчине, любовнике. Ее мысли были заняты тем, чего она хочет и как она это получит. Где-то в глубине души у нее остались слабые воспоминания, что он был приятным развлечением, но под конец несколько утомительным. Она так и не полюбила его. Он был для нее лишь средством. Она забеременела, Нил разлился, у Цезариона появилась сестра, на которой он сможет жениться, и брат, который его поддержит. На следующем этапе Антоний может дать ей только власть, а для этого нужно часть власти отнять у него. Трудная задача, Клеопатра.

IV
ЦАРИЦА
ЗВЕРЕЙ

36 г. до Р. Х. — 33 г. до Р. Х.

CLEOPATRA

В январские ноны, несмотря на необычно сильные, пронизывающие ветра, Клеопатра и Цезарион прибыли в Антиохию. Царица сидела в своем паланкине, как кукла Фонтя, с двойной короной на голове, с разрисованным лицом, в белом платье из плиссированного льна. Шея, руки, плечи, талия и ноги сверкали золотом и драгоценными камнями. У Цезариона на голове был военный вариант двойной короны. Он ехал рядом с паланкином матери на ретивом рыжем коне (красный — цвет бога войны Монту), в доспехах египетских фараонов из льняных полос и золотых пластин, с лицом, покрытым красной краской. На конях в богатой упряжи восседали офицеры и чиновники. Они ехали в окружении тысячи царских охранников, одетых в пурпурные тунники и серебряные доспехи. Антиохия не видела подобного парада со времен Тиграна, когда он был царем Сирии.

Антоний не терял времени даром. Признав справедливость замечания Фонтя о том, что наместнический дворец напоминает постоянный двор, он снес несколько соседних построек и воздвиг флигель, в котором, по его мнению, можно было поселить царицу Египта.

— Конечно, это не александрийский дворец, — сказал он, сопровождая Клеопатру и ее сына, — но это намного удобнее, чем старая резиденция.

Цезарион сиял от радости. Его огорчало лишь то, что он стал уже слишком большим для катания на коленях Антония. Сдерживаясь, чтобы не побежать вприпрыжку, он торжественно ступал, пытаясь выглядеть как подобает фараону. Нетрудно, со всей этой проклятой краской.

— Надеюсь, здесь есть ванна, — сказал он.

— Готова и ждет тебя, молодой Цезарь, — усмехнувшись, ответил Антоний.

До вечера они больше не встречались. Вечером Антоний устроил обед в триклинии, еще пахнувшим штукатуркой и свежей краской, поскольку унылые стены спешно покрыли фресками, изображающими Александра Великого и его ближайших военачальников на гарцующих конях. Было очень холодно, и ставни нельзя было открыть, и в комнате курились благовония, заглушающие неприятный запах. Клеопатра была слишком вежлива и надменна, чтобы говорить об этом, но Цезарион не стеснялся.

— Здесь воняет, — заметил он, забираясь на ложе.

— Если это невыносимо, мы можем переехать в старый дворец.

— Нет, скоро я перестану это замечать, а испарения уже потеряли свою ядовитую силу, — захихикал Цезарион. — Катул Цезарь совершил самоубийство, закрывшись в свежоштукатуренной комнате с дюжиной жаровен. Все отверстия были закрыты, чтобы не проникал свежий воздух. Катул Цезарь был двоюродным братом моего прадеда.

— Ты изучил свою римскую родословную.

— Конечно.

— А египетскую?

— Вплоть до устных преданий, сложенных еще до появления иероглифов.

— Каэм — его наставник, — сказала Клеопатра, первый раз включаясь в разговор. — Цезарион будет самым образованным царем.

Обед так и прошел. Цезарион без умолку болтал, его мать иногда вставляла реплику, чтобы подтвердить какое-нибудь его суждение, а Антоний возлежал на ложе и делал вид, что слушает, иногда отвечал на какой-нибудь вопрос Цезариона.

Хотя мальчик нравился ему, он убедился в правоте Фонтея. Клеопатра ни в чем не ограничивала Цезариона. Она даже не пыталась привить ему представления о приличиях. А он был достаточно самоуверенным, считая, что может, как взрослый, участвовать в разговорах. Это бы еще ничего, если бы не его привычка бесцеремонно вмешиваться в разговор взрос-

лых. Его отец пресек бы это на корню. Антоний хорошо помнил его в те времена, когда сам был в возрасте Цезариона! Но Клеопатра была любящей матерью, во всем уступавшей выскомерному, волевому сыну. Ничего хорошего.

Наконец, после сладкого, Антоний решил исполнить роль отца.

— А теперь, молодой Цезарь, оставь нас, — резко сказал он. — Я хочу поговорить с твоей матерью наедине.

Мальчик возмутился, открыл было рот, чтобы возразить, но увидел красную искру в глазах Антония. Он сник, как проколотый пузырь, пожал плечами и покорно удалился.

— Как ты этого добился? — с явным облегчением спросила царица.

— Говорил и выглядел как отец. Ты слишком потакаешь мальчику, Клеопатра. Позже он не поблагодарит тебя за это.

Она не ответила, занятая тем, что пыталась понять этого нового Марка Антония. Казалось, годы над ним не властны. Не было заметно никаких признаков старения. Живот плоский, бицепсы не свисают мешком, как у пожилых мужчин, а волосы такие же золотисто-каштановые, как и раньше, не поседели. Изменились только его глаза — в них появилась тревога. Но чем он встревожен? Потребуется время, чтобы узнать.

Это из-за Октавиана? Еще со времен Филипп он вынужден бороться с Октавианом, вести войну, которую на самом деле войной назвать нельзя. Это скорее поединок умов и воли, без меча, без единого удара. Он понимал, что Секст Помпей — его лучшее оружие, но когда появилась идеальная возможность объединиться с Секстом и использовать своих военачальников Поллиона и Вентидия, он ею не воспользовался. В тот момент он мог бы сокрушить Октавиана. А теперь это не удастся ему никогда, и он начинает это понимать. Пока он думал, что у него есть шанс справиться с Октавианом, он оставался на Западе. То, что он здесь, в Антиохии, говорит о том, что он отказался от борьбы. Фонтей понял это. Но как? Неужели Антоний доверился ему?

— Я скучал по тебе, — вдруг сказал он.

— Да? — спокойно спросила Клеопатра, словно это не очень интересовало ее.

— Да, все больше и больше. Смешно. Я всегда думал, что со временем скучаешь по человеку все меньше, но желание видеть тебя со временем только усилилось. И больше я ждать не мог.

Женская тактика:

— Как твоя жена?

— Октавия? Мила, как всегда. Самая восхитительная женщина.

— Такое о женщине нельзя говорить другой женщине.

— А почему? С каких это пор Марк Антоний влюблялся в женскую добродетель, великодушие или доброту? Я жалею ее.

— То есть ты думаешь, что она любит тебя.

— В этом я не сомневаюсь. Не проходит и дня, чтобы она не говорила, что любит меня, или не писала в письме, если мы не вместе. Здесь, в Антиохии, мой ящик для писем уже переполнен. — На лице его появилось скучающее выражение. — Она рассказывает мне о детях, о том, что делает Октавиан — по крайней мере, о том, что ей известно, — и обо всем, что, по ее мнению, должно меня интересовать. Но никогда ни слова о Ливии Друзилле. Она не одобряет отношение жены Октавиана к его дочери от Скрибонии.

— А сама Ливия Друзилла уже родила? Я не слышала об этом.

— Нет. Бесплодна, как ливийская пустыня.

— Так, может быть, это вина Октавиана.

— Да мне все равно, чья это вина! — в сердцах крикнул он.

— А тебе должно быть не все равно, Антоний.

В ответ он пересел на ее ложе, прижал ее к себе.

— Я хочу заняться с тобой любовью.

Ах, она уже забыла его запах. Как он возбуждал ее! Запах чистоты и загорелой кожи, без малейшего восточного оттенка. Он ел пищу своего народа, не злоупотреблял кардамоном и корицей, любимыми специями на Востоке. Поэтому его кожа не выделяла их остаточных масел.

Оглядевшись, Клеопатра поняла, что слуги ушли и что никому, даже Цезариону, не разрешат войти. Она взяла его руку, положила себе на грудь, пополневшую после рождения близнецов.

— Я тоже скучала по тебе, — солгала она, чувствуя, как желание растет в ней и заполняет ее всю.

Да, он нравился ей как любовник, и Цезарион только выигрывает, получив еще одного брата. «Амон-Ра, Исида, Хатхор, дайте мне сына! Мне только тридцать три года, я еще не так стара, чтобы деторождение было опасным для представителя рода Птолемеев».

— Я тоже скучала по тебе, — повторила она. — О, это восхитительно!

Уязвимый, мучимый сомнениями, не знающий, что ждет его в Риме, Антоний вполне созрел для проведения в жизнь планов Клеопатры и сам, по собственному желанию, попал ей в руки. Он достиг того возраста, когда мужчине от женщины нужен не только секс. Он нуждался в партнере, а на эту роль не могли претендовать ни подруги, ни любовницы и менее всего римская жена. А эта царица среди женщин действительно была во всем равной ему, царю среди мужчин: власть, сила, амбиции пронизывали ее до мозга костей.

И она, сознавая это, использовала все время, чтобы осуществить свои желания, которые не касались ни плоти, ни духа. Гай Фонтей, Попликола, Сосий, Тиций и молодой Марк Эмилий Скавр — все были в Антиохии. Но этот новый Марк Антоний едва замечал их, как и Гнея Домиция Агенобарба, когда тот прибыл, оставив свое наместничество в Вифинии ради более важных дел. Он никогда не любил Клеопатру, и увиденное им в Антиохии только усилило эту неприязнь. Антоний был ее рабом.

— Это даже не сын с матерью, — сказал Агенобарб Фонтю, в котором чувствовал союзника, — это собака со своим хозяином.

— Он преодолет это, — уверенно сказал Фонтей. — Сейчас он ближе к пятидесяти, чем к сорока годам. Он уже был

консулом, императором, триумвиром — всем, кроме неоспоримого Первого человека в Риме. Во время его бурной молодости в компании с Курионом и Клодием он был знаменитым бабником. Но ни одной женщине он не открывал свою душу. Теперь настала пора, отсюда — Клеопатра. Пойми это, Агенобарб! Она самая могущественная женщина и сказочно богата. Она нужна ему, она как щит для него против всех.

— *Caecat!* — воскликнул не выносивший ее Агенобарб. — Это она использует его, а не он ее. Он размяк, как каша!

— Как только Марк Антоний покинет Антиохию и окажется на поле сражения, он станет прежним, — успокоил его Фонтей, уверенный в своей правоте.

К большому удивлению Клеопатры, когда Антоний сказал Цезариону, что тот должен вернуться в Александрию и править там как царь и фараон, мальчик уехал без малейшего протеста. Он не провел с Антонием столько времени, сколько надеялся, однако им удавалось несколько раз выезжать из Антиохии на весь день, чтобы поохотиться на волков или львов, которые проводили зиму в Сирии до возвращения в скифские степи. Но Цезариона нельзя было обмануть.

— Знаешь, я не идиот, — сказал он Антонию после их первого убитого льва.

— Что ты имеешь в виду? — спросил ошарашенный Антоний.

— Это населенная страна, слишком многолюдная для львов. Ты привез его из диких мест ради спортивного интереса.

— Ты чудовище, Цезарион.

— Горгона или циклоп?

— Совершенно новый вид.

Последние слова, сказанные Антонием перед отъездом Цезариона в Египет, были весьма серьезными.

— Когда твоя мать вернется, — сказал он, — ты должен будешь слушаться ее. Сейчас ты обращаешься с ней как деспот, не считаешься ни с ее мнением, ни с ее желаниями. Это в тебе от отца. Но в тебе нет его ощущения реальности, которую он понимал как нечто существующее помимо него. Развивай это

качество, молодой Цезарь, и, когда ты вырастешь, ничто тебя не остановит.

«А я, — подумал Антоний, — буду слишком стар, чтобы волноваться о том, что ты сделаешь со своей жизнью. Хотя мне кажется, для тебя я был больше отцом, чем для своих сыновей. Но ведь твоя мать очень много значит для меня, а ты для нее — центр вселенной».

Она ждала пять рыночных интервалов, прежде чем нанести удар. К тому времени все вновь назначенные цари и правители уже посетили Антиохию, чтобы засвидетельствовать свое почтение Антонию. Не ей. Кто она такая, как не еще один монарх-клиент? Аминта, Полемон, Пифодор, Таркондимот, Архелай Сисен и, конечно, Ирод. Очень важничает!

Клеопатра начала с Ирода.

— Он не отдал мне ни денег, которые я одолжила ему, ни моей доли от доходов с бальзама, — пожаловалась она Антонию.

— Я и не знал, что он должен тебе деньги и долю от доходов с бальзама.

— Должен! Я одолжила ему сто талантов, чтобы он мог поехать в Рим со своим иском. Бальзам был частью уплаты долга.

— Завтра утром я отправлю с курьером письмо, в котором напомню ему.

— Не надо напоминать! Он не забыл, просто он не любит отдавать долги. Впрочем, есть способ заставить его вернуть долг.

— Правда? Какой? — осторожно спросил Антоний.

— Пусть уступит мне бальзамовые сады в Иерихоне и исключительное право добывать асфальт в Асфальтовом озере. Бесплатно.

— Юпитер! Это же половина доходов всего царства Ирода! Оставь его в покое вместе с его бальзамом, любовь моя.

— Нет, не оставлю! Деньги мне не нужны, а ему нужны, это правда. Но он не заслуживает того, чтобы его оставили в покое. Он жирный слизняк!

Какая-то мысль позабавила Антония. В его глазах появился блеск.

— Может, тебе нужно еще что-то, мой воробышек?

— Кипр, который всегда принадлежал Египту, пока Катон не аннексировал его в пользу Рима. Киренаика — еще одно владение Египта, украденное Римом. Киликия Трахея. Сирийское побережье до реки Элевтер — оно почти всегда принадлежало Египту. Халкида. Собственно говоря, пусть весь юг Сирии станет египетским, так что лучше уступи мне Иудею. Крит подходит. И Родос тоже.

Антоний застыл с отвисшей челюстью, широко раскрыв свои маленькие глазки, не зная, то ли расхохотаться, то ли разгневаться.

— Ты шутишь, — наконец промолвил он.

— Шучу? Шучу?! Кто твои новые союзники, Антоний? Твои союзники, а не Рима! Ты отдал бо́льшую часть Анатолии и приличную часть Сирии кучке негодяев, предателей и разбойников. Таркондимот — настоящий разбойник, а ты отдал ему Сирийские ворота и весь Аман! Каппадокию ты подарил сыну твоей любовницы, а Галатию — простому письмоводителю! Ты отдал свою дочь, в жилах которой течет кровь Юлиев, за грязного азиатского грека-ростовщика! Ты назначил вольноотпущенника править Кипром! Какой славой ты покрыл эту замечательную кучку союзников!

Она мастерски, постепенно усиливала свое возбуждение, в глазах появился дикий блеск, как у разъяренной кошки, губы растянулись, обнажив зубы, лицо превратилось в злобную маску.

— А где Египет среди всех этих блестящих назначений? — прошипела она. — О нем ни слова! Проигнорировали! Как, наконец, смеялся тот же Таркондимот! И Ирод, эта скользкая жаба, этот ненасытный сын пары жадных ничтожеств!

Куда девался его гнев? Его самое надежное оружие, молот, которым он сокрушал претензии более могущественных оппонентов, чем Клеопатра? Ни одна искра прежнего, знакомого огня не согрела его кровь, застывшую под взглядом Медузы.

Но, смущенный и озадаченный, он все-таки оставался хитрым.

— Я поражен до глубины души! — выдохнул Антоний и взмахнул руками, словно отталкивая ее обвинения. — Я никого не хотел оскорбить!

Она позволила гневу утихнуть, но не смиростивилась.

— О, я знаю, что мне надо сделать, чтобы получить названные территории, — спокойно сказала она. — Твои бездельники получили земли бесплатно, но Египту придется заплатить. Сколько талантов золота стоит Киликия Трахея? Бальзам и смола — это долг, я отказываюсь платить за них. Но Халкида? Финикия? Филистия? Кипр? Киренаика? Крит? Родос? Иудея? Ты хорошо знаешь, Антоний, что казна моя переполнена. И ты все время был нацелен на нее, не так ли? Заставить Египет заплатить тысячи тысяч талантов золота за каждый плетр земли! Египет должен платить за то, что другие, менее заслуживающие этого, получили бесплатно! Ты лицемер! Ты низкий, несчастный обманщик!

Антоний не выдержал и заплакал — это всегда помогает добиться своего.

— Перестань плакать! — резко крикнула Клеопатра и бросила ему салфетку, как плутократ, швыряющий мелкую монету кому-то, кто только что оказал ему огромную услугу. — Вытри глаза! Пора договориться!

— Я не думал, что Египту нужны еще территории, — сказал он, не зная, какие разумные аргументы тут можно привести.

— Вот как? И что привело тебя к такому заключению?

Его вдруг пронизала боль: она совсем его не любит.

— Египет самодостаточен. — Он посмотрел на нее сквозь слезы. «Думай, Антоний, думай!» — Что бы ты стала делать с Киликией Трахеей? С Кригом? С Родосом? Даже с Киренаикой? Ты правишь страной, которой очень трудно содержать армию для защиты своих границ.

Слова остановили его слезы, помогли обрести самообладание. Но не самоуважение, потерянное навсегда.

— Я добавила бы эти земли к царству, которое наследует мой сын. Я использовала бы их как учебную площадку для сына. Законы Египта высечены в камне, но другим местам очень нужен умный правитель, а Цезарион будет самым умным правителем.

Что ответить на это?

— Кипр я могу понять, Клеопатра. Ты абсолютно права. Он всегда принадлежал Египту. Цезарь вернул тебе остров, но, когда он умер, Рим возвратил его себе. Я буду рад уступить тебе Кипр. Фактически я хотел это сделать. Разве ты не заметила, что я никому его не отдал?

— Как ты великодушен! — язвительно воскликнула она. — А Киренаика?

— Киренаика — поставщик пшеницы для Рима. Никаких шансов.

— Я отказываюсь возвращаться домой, получив меньше, чем твои подлецы и льстецы!

— Они не подлецы и не льстецы, они приличные люди.

— Сколько ты хочешь за Финикию и Филистию?

Ладно, корыстная *meretrix*! Он понимал, что сорок тысяч сестерциев из денег Секста Помпея можно ждать годы. А здесь сидела царица Египта, готовая и способная платить. Она ни сколько его не любила — это больно! Но она могла дать ему великолепную армию прямо сейчас. Хорошо. Ему стало легче, по крайней мере, голова прояснилась.

— Давай обговорим цены. Ты хочешь полного суверенитета и все доходы. С каждой территории ты будешь получать сто тысяч талантов золотом. Мне ты будешь платить один процент, в рассрочку. По тысяче талантов золотом за Финикию, Филистию, Киликию Педию, Халкиду, Эмесу, реку Элевтер и Кипр. Ни Крита, ни Киренаики, ни Иудеи. Бальзам и асфальт — бесплатно.

— Итого семь тысяч талантов золотом. — Она потянулась, издала тихий мурлыкающий звук. — Согласна, Антоний.

— Я хочу получить семь тысяч талантов прямо сейчас, Клеопатра.

— В обмен на официальные бумаги, подписанные и с твоей печатью триумвира, отвечающего за Восток.

— Когда я получу золото — и сосчитаю его, — ты получишь бумаги. Печать Рима плюс моя печать триумвира. Я даже поставлю мою личную печать.

— Этого достаточно. Утром я пошлю курьера в Мемфис.

— Мемфис?

— Это быстрее, поверь мне.

После этого они не знали, что делать дальше. Она приехала, чтобы получить хоть что-то, а получила больше, чем надеялась. Он очень нуждался в ее силе и руководстве, но ничего не получил. Физическая связь была непрочной, а духовная вообще отсутствовала. Молчание затянулось. Они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Потом Антоний вздохнул и заговорил:

— Ты совсем меня не любишь. Ты приехала в Антиохию, как любая другая женщина, — за покупками.

— Это правда. Я приехала, чтобы получить долю, полагающуюся Цезариону, — ответила Клеопатра. Ее глаза снова стали человеческими, даже немного печальными. — Но я, наверное, люблю тебя. Если бы не любила, то по-другому решала бы свои проблемы. Ты этого не понимаешь, но я пощадила тебя.

— Оградите меня, боги, от Клеопатры, которая меня не пощадит!

— Ты плакал, а это означает, что я превратила тебя в женщину. Но никто не может этого сделать, Антоний, кроме тебя самого. Пока Цезарион не вырос — по крайней мере еще лет десять, — Египту нужен мужчина, а я знаю только одно имя — Марк Антоний. Ты не слабый человек, но у тебя нет цели. Я вижу это так же ясно, как это, наверное, увидел Фонтей.

Антоний нахмурился:

— Фонтей? Вы обменивались мнениями?

— Конечно нет. Просто я чувствовала, что он беспокоится о тебе. Теперь я понимаю почему. Ты не любишь Рим, как любил его Цезарь. И соперник твой в Риме на двадцать лет моложе. Если он не умрет преждевременно, он переживет тебя. А я не вижу Октавиана рано умершим, несмотря на его астму.

Убийство? Идеальное решение, если оно осуществимо. Но это невозможно. С Агриппой и германской охраной он неуязвим. Чтобы Октавиан, как Цезарь, отпустил своих ликторов? Никогда, даже если ему на золотом блюде преподнесут голову Секста Помпея. Если бы ты был старше, тебе было бы проще, но двадцати лет разницы недостаточно, хотя и много. Октавиану в этом году исполняется двадцать шесть. Мои агенты говорят, что он возмужал, исчезла юношеская неловкость. Тебе сорок шесть, а мне исполнилось тридцать два. По возрасту мы больше подходим друг другу, и я хочу вернуть Египту прежнюю силу. В отличие от Парфянского царства, Египет относится к Нашему морю. С тобой как моим супругом, Антоний, подумай, чего мы сможем достигнуть за десять лет!

Осуществимо ли то, о чем она говорит? Она не предложила ему Рим, но Рим и так ускользает от него, как кольца дыма в благоухающем восточном воздухе. Да, он был смущен, но не до такой степени, чтобы не понимать, что она предлагает и каковы будут последствия. Его влияние на сторонников в Риме слабеет. Ушел Поллион, и Вентидий, и Саллюстий, все большие военачальники, кроме Агенобарба. Сколько еще он сможет надеяться на семьсот сенаторов-клиентов, если не будет часто и надолго приезжать в Рим? Стоит ли это усилий? Какие еще нужны усилия, если Клеопатра не любит его? Не будучи человеком рассудительным, он не мог понять, что она сделала с ним. Он только понимал, что любит ее. С того дня, как она приехала в Антиохию, он потерпел поражение, и это была загадка, недоступная его уму.

Клеопатра снова заговорила:

— Из-за необходимости нанести поражение Сексту Помпею пройдет несколько лет, прежде чем Октавиан и Рим будут в состоянии взглянуть, что же происходит на Востоке. Сенат — это сборище кудахчущих старых куриц, неспособных отнять правление у Октавиана — или у тебя. Лепида я не беру в расчет.

Она соскользнула со своего ложа и пересела к Антонию, прижавшись щекой к его мускулистой руке.

— Я не за бунт, Антоний, — сказала она мягким, вкрадчивым голосом. — Вовсе нет. Я только говорю, что вместе со мной ты сможешь сделать Восток лучше и сильнее. Разве это навредит Риму? Разве это унижит Рим? Наоборот. К примеру, это помешает подняться другим Митридатам и Тигранам.

— Клеопатра, я не раздумывая стал бы твоим супругом, если бы мог поверить, что хоть отчасти это предложение продиктовано твоим отношением ко мне. Неужели все только ради Цезариона? — спросил он, щекоча губами ее плечо. — В последнее время я понял, что, прежде чем умру, я хочу стоять в полный рост под яркими лучами солнца — и никакой тени за мной. Ни Рима, ни Цезариона. Я хочу закончить свою жизнь как Марк Антоний, не римлянин и не египтянин. Я хочу быть неповторимым. Я хочу быть Антонием Великим. А этого ты мне не предлагаешь.

— Но я предлагаю тебе именно величие! Конечно, ты не станешь египтянином. Это невозможно. Если ты римлянин, только ты сам можешь от этого отречься. Это просто кожа, которую ты скинешь, словно змея. — Губы ее коснулись его лица. — Антоний, я тебя понимаю, поверь. Ты хочешь превзойти Юлия Цезаря, а это значит, надо завоевать новые страны. Но парфяне — это чуждый тебе мир. Вернись к западу, не иди дальше на восток. Цезарь никогда по-настоящему не покорял Рим — он подчинялся Риму. Антоний может получить звание Великий, только завоевав Рим.

Это был лишь первый раунд борьбы, которая продолжалась до марта, когда в Антиохии наступила весна. Титаническая борьба, проходившая во тьме сложных эмоций, в тишине неозвученных сомнений и недоверия. Полная секретность. Агенобарб, Попликола, Фонтей, Фурний, Сосий и любой другой римлянин в Антиохии не должны были догадаться, что Антоний навсегда продал территории, которые принадлежат Риму и отдаются царям-клиентам в обмен на дань. Если его соратники узнают, то могут прийти в такую ярость, что закроют Антония в цепи, посадят на корабль и отправят в Рим. Проданные Клеопатре территории должны казаться передан-

ными бескорыстно, пока власть Антония не укрепитя. И так, соратникам говорилось одно, и только Антоний и Клеопатра понимали, что дело обстоит совсем по-другому. Для римлян это были обычные переговоры с целью получить золото для финансирования армии. Когда он станет непобедимым на Востоке, уже не будет иметь значения, кто что знает. Она пыталась убедить Цезаря сделаться царем Рима. Ей это не удалось. Антоний более податлив, особенно в его теперешнем состоянии ума. А Восток нуждается в сильном царе. Кто подходит для этого лучше римлянина, знающего законы и умеющего управлять, не подверженного капризам и не любящего устраивать казни? Антоний Великий превратит Восток в грозную силу и сможет бороться с Римом за мировое господство. Об этом мечтала Клеопатра, хорошо сознавая, что пройдут годы, прежде чем она сумеет сокрушить Антония Великого в пользу Цезариона, царя царей.

Антонию удалось обмануть своих коллег. Агенобарб и Попликола поставили подписи на документах Клеопатры, даже не читая, смеясь над ее легковерием. Так много золота!

Но существовал еще более серьезный конфликт, о котором Антоний никому не мог сказать. Царица была категорически против парфянской кампании, оплаченной ее золотом. Она не хотела, чтобы парфяне обескровили его армию так, что она стала бы небоеспособной и не смогла бы пойти войной против Рима и Октавиана. Свои планы она не раскрывала Антонию, но постоянно держала в голове. Цезарион должен править миром Антония, а также Египтом и Востоком. И никто, даже Марк Антоний, этому не помешает.

К своему ужасу, Антоний узнал, что Клеопатра намерена принять участие в его кампании и рассчитывает, что решающее слово на военных советах будет за ней. Канидий ждал в Каране после успешной вылазки на север, на Кавказ. А она так хочет увидеть Кавказ, твердила Клеопатра. Как Антоний ни старался убедить ее, что его легаты будут против ее участия, она была непреклонна.

За несколько дней он избавился от людей, которые стали бы возражать против ее присутствия. Он послал Попликолу

в Рим, чтобы тот расшевелил его семьсот сенаторов, а Фурния отправил управлять провинцией Азия. Агенобарб вернулся в Вифинию, а Сосий оставался в Сирии.

Антония спасло самое естественное и неизбежное событие — беременность. С огромным облегчением он смог сказать своим легатам, что царица проедет с легионами только до Зевгмы на Евфрате, а потом вернется в Египет. Обрадованные и успокоенные, его легаты подумали, что любовь царицы к Антонию так велика, что она не может вынести разлуку с ним.

Таким образом, довольная Клеопатра поцеловала Марка Антония в Зевгме и отправилась в долгий обратный путь в Египет. Она могла плыть по морю, но у нее была веская причина отказать от плавания. Эта причина носила имя Ирод, царь евреев. Узнав о потере бальзама и асфальта, он галопом прискакал из Иерусалима в Антиохию. Но, увидев Клеопатру, сидящую рядом с Антонием в зале для аудиенций, повернулся и уехал домой. Его поступок сказал Клеопатре, что Ирод предпочел подождать, пока он не сможет встретиться с Антонием наедине. Это также значило, что Ирод увидел то, чего римляне не замечали: она подчинила себе Антония, он стал глиной в ее руках.

Однако независимо от его истинных чувств Ирод вынужден был приветствовать царицу Египта в своей столице и устроить ее в новом роскошном дворце.

— Я вижу, везде возводятся новые здания, — сказала Клеопатра своему хозяину за обедом, думая про себя, что еда ужасная, а царица Мариамна некрасивая и скучная, зато плодовитая: уже два сына. — Одно строение подозрительно похоже на крепость.

— Это на самом деле крепость, — спокойно ответил Ирод. — Я назову ее Антонией в честь нашего триумвира. А еще я строю новый храм.

— Я слышала, ведется еще несколько строек в Масаде.

— Там моя семья была в изгнании, но само место находится близко. Я строю для города лучшее жилье, амбары, продовольственные склады, водохранилище.

— Жаль, что я не увижу этого. Вдоль берега ехать удобнее.

— Особенно для женщины с ребенком.

Взмахом руки он отпустил Мариамну, которая поднялась и немедленно ушла.

— У тебя острый глаз, Ирод.

— А у тебя ненасытный аппетит на земли, согласно моим сведениям из Антиохии. Киликия Трахея! Для чего тебе нужна эта каменистая береговая полоса?

— Помимо других причин, чтобы возвратить Ольбию царице Абе и роду Тевкридов. Но я не получила один город.

— Киликийская Селевкия слишком важна для римлян в стратегическом отношении, моя дорогая амбициозная царица. Кстати, ты не можешь пока получить долю с моего дохода от продажи бальзама и асфальта. Мне сейчас очень нужны средства.

— Ирод, и бальзам и асфальт уже мои. Вот приказ от Марка Антония отдать мне полученный доход, — сказала она, вынимая бумагу из золотого сетчатого кошелька, украшенного драгоценными камнями.

— Антоний не мог так поступить со мной! — воскликнул Ирод, прочитав бумагу.

— Антоний мог и поступил. Хотя это была моя идея лишиться тебя дохода. Надо было платить долги, Ирод.

— Я переживу тебя, Клеопатра!

— Чепуха. Ты слишком жадный и слишком жирный. А жирные люди умирают рано.

— Ты хочешь сказать, что худошавые женщины живут вечно. Не в твоём случае, царица. Моя жадность ничто по сравнению с твоей. Меньшим, чем весь мир, ты не удовлетворишься. Но Антоний не тот, кто сможет положить мир к твоим ногам. Он уже теряет ту часть мира, которую имеет, разве ты не заметила?

— Тьфу! — плюнула она. — Если ты имеешь в виду его кампанию против царя парфян, так от нее он должен отказаться, чтобы направить свою энергию на достижение более реальных целей.

— Целей, которые ты наметила для него!

— Ерунда! Он вполне способен сам определить их для себя. Ирод откинулся на ложе, скрестил пухлые, в кольцах, руки на животе:

— Как давно ты замышляешь то, о чем я могу лишь догадываться?

Золотистые глаза вдруг расширились и стали простодушными.

— Ирод! Я? Замышляю? У тебя большое воображение! Еще немного, и ты начнешь бредить! Что я могу замышлять?

— Имея Антония с кольцом в носу и несколько легионов у него на хвосте, моя дорогая Клеопатра, ты, я думаю, хочешь устроить переворот в Риме в пользу Египта. А сейчас самое подходящее время для удара, Октавиан слаб и вынужден посылать лучших своих людей в западные провинции. Нет предела твоим амбициям, твоим желаниям. Но меня удивляет, что, кажется, никто не понял твоих замыслов, кроме меня. Горе Антонию, когда он поймет!

— Если ты мудрый, Ирод, ты будешь держать язык за зубами, как и свои предположения. Они безумны и беспочвенны.

— Отдай мне бальзам и асфальт — и я буду молчать.

Она соскользнула с ложа, надела туфли без задников.

— Я не отдала бы тебе даже вони потной тряпки, ты, гадина!

И вышла. Ее длинное платье прошелестело, словно приглушенный голос, шепчущий смертоносные заклинания.

16

На следующий день после отъезда Клеопатры из Зевгмы в Египет появился Агенобарб, веселый и во все не выглядящий виноватым.

— Предполагалось, что ты на пути в Вифинию, — сказал Антоний с недовольным видом, но в душе радуясь.

— Ты хотел таким образом отделаться от меня, когда думал, что египетская гарпия собирается вести кампанию вмес-

те с тобой. Ни один римлянин этого не вынес бы, Антоний, и я удивляюсь, с чего ты взял, что ты исключение. Разве что ты перестал быть римлянином.

— Нет, не перестал! — раздраженно крикнул Антоний. — Агенобарб, пойми, только согласие Клеопатры одолжить мне огромную сумму золота позволяет осуществить эту экспедицию! Похоже, она думала, что заем дает ей право участвовать в предпрятии, но к тому времени, как мы дошли до этого города, она была счастлива вернуться домой.

— А я был счастлив не поехать в Никомедию. Так поведай мне, друг мой, о последних событиях.

«Антоний хорошо выглядит, — подумал Агенобарб, — лучше, чем когда-либо со времен Филипп. У него появилась цель, и это — осуществление его мечты. Как бы я ни презирал египетскую гарпию, я благодарен ей за золото. Он вернет долг после какой-нибудь небольшой кампании».

— У меня появился источник информации о парфянах, — сообщил Антоний. — Это Монес, племянник нового парфянского царя. Когда Фраат убил всю его семью, Монесу удалось сбежать в Сирию, потому что в тот момент его не было при дворе. Он находился в Никефории, разбирал торговый спор со скенитами. Конечно, он не отважился возвратиться домой — за его голову назначена цена. Кажется, царь Фраат женился на достигшей брачного возраста дочери кого-то из династии Аршакидов и намерен произвести кучу новых наследников. Вся семья невесты пошла под меч или под топор, или что там у парфян для этой цели. Пройдет несколько лет, прежде чем вырастет новый выводок сыновей, а значит, несколько лет Фраату ничего не грозит. А Монес — взрослый человек, и у него есть сторонники. Эти восточные монархи беспощадны.

— Надеюсь, ты помнишь об этом, когда заключаешь сделку с Клеопатрой, — сухо произнес Агенобарб.

— Клеопатра не такая, — высокомерно возразил Антоний.

— А ты, Антоний, влюблен, — огрызнулся прямолинейный Агенобарб. — Надеюсь, твое мнение о Монесе не ошибочное.

— Я верю ему.

Но когда Агенобарб увидел царевича Монеса, у него свело живот. Доверять этому человеку? Никогда! Он не смотрел в глаза, хоть и говорил на безупречном греческом и вел себя как грек.

— Не думай протянуть ему даже кончик мизинца! — воскликнул Агенобарб. — Сделаешь так — и он откусит тебе всю руку до самого плеча! Неужели ты не видишь, что царь Фраат оставил его в живых как резерв, дал ему западное воспитание на тот случай, если возникнет необходимость заслать в твои ряды шпиона? Монес не просто избежал смерти, его оставили жить, чтобы он смог выполнить долг парфянина — хитростью и обманом привести нас к поражению!

В ответ Антоний рассмеялся. Что бы ни говорили ему Агенобарб и другие сомневающиеся, ничто не могло поколебать его убеждение, что Монес так же надежен, как золото Клеопатры.

Основная часть армии ждала в Каране с Публием Канидием, но Антоний привел с собой еще шесть легионов, а также десять тысяч галльских всадников и тридцать тысяч иноземных рекрутов — евреев, сирийцев, киликийцев и азиатских греков. Один легион он оставил в Иерусалиме, чтобы обеспечить безопасность Ирода, — Антоний был верным другом, хотя порой излишне доверчивым, — и семь легионов отправил в Македонию, всегда беспокойную.

Между Зевгмой и Караном река Евфрат протекала по широкой долине. Там были огромные пастбища для лошадей, мулов и быков. После Самосаты долина сужалась, и когда огромная армия двинулась дальше, к Мелитене, дорога стала труднее. Немного севернее Самосаты армия опередила обоз — к разочарованию Антония, который отправил его из Зевгмы на двадцать дней раньше армии, считая, что армия и обоз придут в Каран одновременно. Он был уверен, что волы будут идти со скоростью пятнадцать миль и более в день, но ни кнут, ни проклятия не могли добиться от них больше десяти миль в день, как теперь он понял.

Обоз был гордостью и радостью Антония, самый большой обоз в истории римской армии. Сотни катапульта, баллист и артиллерийских орудий тянулись за упряжками быков, плюс несколько таранов, способных пробить, как в шутку сказал Антоний Монесу, даже ворота древнего Илиона. Это была военная техника. Повозка за повозкой везли продукты: пшеницу, бочки с солониной, куски сильно прокопченного бекона, масло, чечевицу, нут, соль. А также запасные части, инструменты и оборудование для механиков, древесный уголь, железные заготовки для наваривания стали, бревна и доски, пилы для дерева или мягких пород вроде туфа, колья, упряжь, веревки и тросы, холст, палатки. В общем, все, что хороший *praefectus fabrum* посчитал необходимым для армии такого размера и на случай осады. Обоз растянулся на пятнадцать миль, а в ширину занимал три мили. Два недоукомплектованных легиона в четыре тысячи человек каждый должны были охранять это огромное и драгоценное дополнение к армии. Командовал обозом Оппий Статиан, он был недоволен и жаловался всем, кто его слушал.

Когда армия прошла, Антоний захотел проверить, как дела с обозом.

— Все прекрасно, пока мы можем двигаться таким образом, — прямо сказал Статиан, — но эти горы впереди не сулят ничего хорошего. Это значит, что долины будут узкие, а если мы растянем наши повозки, то связь будет плохая, да и защитить обоз мы не сможем.

Не это хотел услышать Антоний.

— Ты — старая баба, Статиан, — бросил он, подгоняя коня. — Надо добиться, чтобы волы шли быстрее!

Через пятнадцать дней после выхода из Зевгмы, преодолев триста пятьдесят миль, армия достигла Карана, но обоза не было еще двенадцать дней, несмотря на то что он вышел раньше легионов. Антоний был в отвратительном настроении, а когда он был в таком настроении, он не слушал никого — ни своего друга Агенобарба, ни своего военачальника Канидия, который только что завершил кавказскую экспедицию и был хорошо знаком с горами.

— Италия окружена Альпами, — сказал Канидий, — но это детские кубики по сравнению со здешними вершинами. Посмотри на чашу, в которой расположен Каран. Ты увидишь сотни гор высотой в пятнадцать тысяч футов. Идешь на север или восток — и они становятся выше, более отвесными. Долины — это расщелины чуть шире потоков, текущих по ним. Сейчас уже середина апреля, значит до октября ты должен завершить свою кампанию. Через шесть месяцев здесь будет зима. Каран — самое большое, сравнительно плоское место отсюда до равнин, где Аракс впадает в Каспийское море. У меня только десять легионов и две тысячи кавалерии, но я понял, что в этой стране даже такая армия слишком велика. Но думаю, ты сам знаешь, что делаешь, поэтому я не буду с тобой спорить.

Как и Вентидий, Канидий был военным человеком низкого происхождения. Лишь умение командовать армией дало ему возможность подняться. После смерти Цезаря он примкнул к Марку Антонию, и ему больше нравился сам Антоний, чем его полководческие способности. После триумфа Вентидия в Сирии Канидий знал, что ему не дадут возглавить кампанию против парфян, которую Антоний предлагал провести, как он выразился, с черного хода. Обходный маневр, требующий гения Цезаря, а Антоний не был Цезарем. Ему нравились объем, размер, численность, а Цезарь не признавал огромных армий. Для него десяти легионов и двух тысяч кавалерии было достаточно, потому что их можно легко развернуть. Если армия больше, то приказы будут запаздывать, коммуникационные линии станут уязвимыми из-за расстояния и времени. Канидий был согласен с Цезарем.

— Царь Артавазд пришел? — спросил Антоний.

— Который?

— Я имел в виду Армянского, — удивленно ответил Антоний.

— Да, он здесь, ждет аудиенции с тиарой в руке. Здесь еще и Артавазд из Мидии Атропатены.

— Мидии Атропатены?

— Вот именно. Оба перетрусили после моей прогулки на Кавказ и решили, что Рим одержит победу в этой стычке с парфянами. Армянский Артавазд хочет, чтобы ему вернули семьдесят долин в Мидии Атропатене, а мидийский Артавазд хочет править Парфянским царством.

Антоний захохотал:

— Канидий, Канидий, какая удача! Только как мы будем отличать их по именам?

— Я называю Армению Арменией, а Мидию Атропатену просто Мидией.

— Может быть, у них есть какие-нибудь физические отличия?

— Только не у этой пары! Они похожи, как близнецы, — все у них настолько переженились. Цветистые юбки и куртки, фальшивые бороды, масса кудряшек, носы крючком, черные глаза, черные волосы.

— Они похожи на парфян.

— Все одной породы, я думаю. Ты готов принять их?

— Кто-нибудь из них говорит по-гречески?

— Нет, и арамейского они не знают. Они говорят на своих языках и на языке парфян.

— Тогда очень хорошо, что у меня есть Монес.

Однако Монес недолго пробыл у Антония. Послужив в роли переводчика на довольно странных аудиенциях между людьми, которые понятия не имели, как думают их оппоненты, Монес решил вернуться в Никефорий — ведь он царь скенитских арабов и должен привести свое царство в боевую готовность. Рассыпаясь в благодарностях Антонию и заверив его, что три человека, которых он нашел, будут переводить лучше его, Монес уехал на юг.

— Хотел бы я верить ему, — сказал Канидий Агенобарбу.

— И я хотел бы верить ему, но не верю. Поскольку события идут полным ходом и остановить их уже нельзя, все, что мы оба можем сделать, Канидий, — это молиться богам, чтобы мы оказались не правы.

— Или, если правы, чтобы Монес не смог разрушить планы Антония.

— Я бы хотел, чтобы наша армия была намного меньше. Он как ребенок со своими армянскими катафрактами! Я побывал в сражениях с армянскими и парфянскими катафрактами и могу сказать тебе, что армянских нельзя сравнивать с парфянскими, — вздохнув, сказал Канидий. — Их доспехи не столь прочны, их лошади ненамного крупнее наших лошадей. Я скорее назвал бы их копыеносцами в кольчугах, чем настоящими катафрактами. Но Антоний в восторге, что у него теперь шестнадцать тысяч катафрактов.

— Кормить еще шестнадцать тысяч лошадей, — заметил Агенобарб.

— А можем ли мы доверять Армении или Мидии больше, чем Монесу? — спросил Канидий.

— Армении — может быть. Мидии — ни в коем случае. Сколько отсюда до Артаксаты? — спросил Агенобарб.

— Двести миль. Или чуть меньше.

— И нам нужно туда идти?

— Ты хочешь сказать, прямо в саму Армению? К сожалению, да. Мне никогда не нравился этот способ вторжения с черного хода, особенно в такой ужасной местности. Мы дойдем до Фрааспы, потом до Экбатаны, потом до Суз, а потом — в Месопотамию. И он думает, что обоз будет поспевать за нами? Конечно не будет.

— Таков Марк Антоний, — сказал Агенобарб. — Он из тех командующих, которые верят, что если они чего-то хотят, то так и будет. Он может успешно провести кампанию вроде Филипп. Но как он справится с неизвестностью?

— Все сводится к двум вопросам, Агенобарб. Первый: предатель ли Монес? Второй: можем ли мы доверять Армении? Если ответ на первый вопрос отрицательный, а на второй — положительный, Антоний победит. В противном случае — нет.

На этот раз обоз отправился в Артаксату, столицу Армении, почти сразу же по прибытии в Каран, что привело в ярость Оппия Статиана, лишившегося отдыха, ванны, женщины и воз-

возможности поговорить с Антонием. Он хотел дать Антонию список вещей, которые, по его мнению, должны остаться в Каране, сократив таким образом размер обоза и хоть немного увеличив скорость. Но нет, приказ — продолжить движение и взять с собой все. Как только обоз достиг Артаксаты, надо было идти на Фрааспу. Опять ни отдыха, ни ванны, ни женщины, ни возможности поговорить с Антонием.

Антоний был раздражен, ему не терпелось начать кампанию. Он был убежден, что с черного хода незаметно подкрадется к парфянам. Кто-то наверняка уже предупредил их, что Фрааспа будет первым парфянским городом, на который нападут римляне. Вокруг роилось слишком много восточных людей и иноземцев всех мастей, чтобы сохранить такой большой секрет. Но Антоний полагался на скорость, которая должна быть такой же, с какой совершал походы Цезарь. Римская армия будет у Фраасы на несколько месяцев раньше, чем ожидают парфяне.

Поэтому он не остался в Артаксате, а двинулся вперед быстро и по возможности напрямик. От Артаксаты до Фраасы было пятьсот миль, и местность была не такой неровной и гористой, как та, по которой они шли из Карана до Артаксаты. Но мидийские и армянские проводники сказали ему, что легкий путь ведет не в том направлении. Каждая гряда гор, каждая складка, ложбина шли с востока на запад, и хотя намного легче было идти восточнее Матианского озера — огромного водного бассейна, единственный путь через горы пролегал по его западной стороне. Надо было идти через множество горных цепей, вверх-вниз, вверх-вниз. На южном конце озера армия должна была двигаться на восток и только потом повернуть и спуститься к Фрааспе. На западе высился хребет высотой пятнадцать тысяч футов.

Шестнадцать легионов, десять тысяч галльской кавалерии, пятнадцать тысяч иноземных солдат, конных и пеших, и шестнадцать тысяч армянских катафрактов — всего сто сорок тысяч человек. Более пятидесяти тысяч из них на конях. Даже Александр Великий не командовал таким количеством, торжествовал Антоний, абсолютно уверенный, что никакая сила

на земле не может его сломить. Какое смелое предприятие! Какое колоссальное предприятие! Наконец-то он затмит Цезаря.

К сожалению, обоза они не встретили. Он еще не миновал горный перевал и не подошел к озеру. Ему надо было пройти еще четыреста миль. Канидий просил Антония сбавить скорость, чтобы сократить расстояние между обозом и легионами, но Антоний отказался. Отчасти он был прав: если снизить скорость до скорости обоза, он до зимы не успеет взять Фрааспу, даже если город не окажет серьезного сопротивления. Кроме того, они все-таки продвигались вперед, несмотря на постоянные спуски и подъемы по горам. Антоний согласился послать сообщение Статиану, чтобы тот немного сократил обоз и постарался увеличить скорость, уменьшив вес повозок.

Это сообщение не дошло до Статиана. Мидийский Артавазд соединил свои силы с Монесом, и сорок тысяч катафрактов и конных лучников шли по следу римлян на таком расстоянии, чтобы те не заметили поднятой ими пыли. Когда обоз перешел перевал и спустился к Матианскому озеру, его повозки растянулись в одну линию — дорога была плохая и узкая. Статиан решил двигаться таким образом, пока дорога не станет ровнее. Десять тысяч мидийских катафрактов напали одновременно на весь обоз. Связь нарушилась, Статиан не знал, что, где и когда происходит, куда посылать свои два легиона. Пока он метался, соображая, что предпринять, его люди были убиты, а тех, кто выстоял атаку, убили потом, чтобы Антоний уж наверняка не узнал, что случилось с его обозом. В один день все повозки повернули на север и восток, в саму Мидию, совсем не по пути с Антонием. Теперь его армия имела только месячный запас, который он вез с собой, и никакой артиллерии и осадных машин.

После этого Монес с тридцатью тысячами парфян стал преследовать Антония, но не нападал на него. Теперь у него были два серебряных орла легионов Статиана в дополнение к девяти в Экбатане: семь от Красса и уже четыре от Антония.

Ни о чем не подозревающий Антоний спокойно дошел до Фрааспы и увидел, что это не какая-то деревня, как он считал,

а город размером с Атталию или Траллы, окруженный огромными каменными бастионами с несколькими мощными воротами. Один взгляд сказал Антонию, что необходима осада. И он запер жителей внутри города, довольный тем, что на полях вокруг Фрааспы созрела пшеница, которую парфяне не догадались сжечь, а также паслись тысячи жирных овец. Армия будет сыта.

Проходил день за днем, а обоза все не было.

— Чума на этого Статиана, где он? — раздраженно спрашивал Антоний.

Каждый раз из двух посланных фуражирных отрядов один не возвращался.

— Я попытаюсь найти их, — сказал Поллион, который решил сопровождать своих пращников.

Он уехал с тысячью легкой кавалерии, дерзко помахав рукой парфянам на стенах города, абсолютно уверенный в Антонии и его великолепной армии.

Один день сменялся другим, а Поллиона все не было.

Не имея леса для постройки осадных башен, римляне только своим числом могли держать жителей Фрааспы в осаде. Было ясно, что в городе много еды и воды. Медленная, длительная осада. Вот уже и месяц Юлия закончился, наступил секстилий, а обоза все нет. Где тот восьмидесятифутовый таран? Он разнес бы в щепки ворота Фрааспы!

— Пойми, Антоний, — сказал Публий Канидий, после того как армия просидела в лагере у Фрааспы семьдесят дней. — Обоз не придет, потому что его больше нет. У нас нет леса, чтобы построить осадные башни, нет катапульт, нет баллист, ничего нет. Мы уже потеряли двадцать пять тысяч наемников, посланных за фуражом, а сегодня отказались сдвинуться с места киликийцы, евреи, сирийцы и каппадокийцы. Правда, кормить теперь нужно меньше на двадцать пять тысяч, но урожай на полях не так велик, чтобы солдаты и дальше были сыты и довольны. А где-то там, куда не добрались наши разведчики, — те, что вернулись, — поджидают парфяне, применившие тактику, благодаря которой Фабий Максим победил Ганнибала.

В эти дни Антоний чувствовал тяжесть в желудке — признак того, что он больше не может отрицать очевидное: он потерпел поражение. Темные стены Фрааспы словно смеялись, а он был бессилён и предчувствовал это уже много, много месяцев. А может быть, и лет. Все вело к этому — к поражению. Должно быть, поэтому его и одолело уныние? Потому что он потерял свою удачу? И где противник? Почему парфяне не атакуют, если они забрали его обоз? Его охватил еще больший ужас, когда он понял: ему даже не собирались навязывать сражение, в котором он мог бы, как Красс, геройски погибнуть на поле боя, в последние часы искупив все свои ошибки в этой неумелой кампании. Только по этой причине имя Красса произносилось с уважением, когда его безглазая голова торчала на стенах Артаксаты. Но имя Антония? Кто будет помнить его, если бой не состоится?

— Они и не думают атаковать нас, пока мы здесь сидим, да? — спросил он Канидия.

— Я их так понимаю, Марк, — ответил Канидий, стараясь не показать сочувствия.

Он знал, о чем думает Антоний.

— И я их так понимаю, — сердито сказал Агенобарб. — Нам и не собираются давать бой, они хотят нашей медленной смерти, а не смерти от ран, нанесенных мечом. В наших рядах был шпион, который обо всем им сообщал, и это Монес.

— Я не хочу, чтобы так все кончилось! — крикнул Антоний, проигнорировав слова о Монесе. — Мне нужно время! Фрааспа начинает голодать! Ни один город не имеет столько запасов, даже Илион! Если мы продолжим осаду, Фрааспа сдастся.

— Мы могли бы взять город штурмом, — сказал Марк Тиций.

Никто не обратил на него внимания. Тиций был квестором, молодым и глупым, и ничего не боялся.

Антоний сидел в своем курульном кресле и с отрешенным лицом смотрел куда-то вдаль. Наконец он очнулся и посмотрел на Канидия:

— Сколько еще мы можем пробыть здесь, Публий?

— Сейчас начало сентября. Еще максимум месяц. Да и это много. Если мы не войдем в город до зимы, нам нужно будет отступить в Артаксату по тому же пути, как мы шли сюда. Это пятьсот миль. Легионеры проделают этот путь за тридцать дней, если их торопить, но большая часть оставшихся у нас ауксилариев — пешие, и они не могут идти с той же скоростью. Это значит, надо разделить армию, чтобы сохранить легионы. Галльские войска, которым нужен фураж, справятся — трава еще есть. Если только тысячи катафрактов не втоптали ее в грязь. А тебе, Антоний, хорошо известно, что без разведчиков мы как слепые посреди базилики.

— Это точно, — криво усмехнулся Антоний. — Говорят, Помпей Великий повернул обратно, когда до Каспийского моря оставалось три дня пути, потому что испугался пауков, но я согласен терпеть миллион самых больших, самых волосатых пауков, только бы узнать, что нас ждет, если мы решим отступить.

— Я пойду, — тут же предложил Тиций.

Все молча уставились на него.

— Если армянские разведчики не вернулись, Тиций, почему надеешься вернуться ты? — спросил Антоний. Ему нравился Тиций, племянник Планка, поэтому он хотел мягко отказать ему. — Нет, я благодарю тебя за предложение, но мы будем продолжать посылать армян. Больше никто не выжил.

— Вот именно! — подхватил Тиций. — Они враги, Марк Антоний, какими бы они ни представлялись. Мы все знаем, что армяне такие же предатели, как и мидийцы. Позволь мне пойти! Я обещаю, что буду осторожен.

— Сколько человек ты хочешь взять с собой?

— Никого, Публий Канидий. Только я, на местной лошади, которая мастью сливается с цветом полей. Я надену штаны из козьей шкуры и плащ, чтобы не очень бросаться в глаза. И может быть, возьму с собой дюжину местных малорослых лошадок — так я буду походить на заводчика лошадей или на табунщика.

Антоний засмеялся, хлопнул Тиция по спине:

— А почему бы и нет? Да, Тиций, иди! Только возвращайся. — Он широко улыбнулся. — Ты должен вернуться! Единственный известный мне квестор, который складывал цифры хуже тебя, — это Марк Антоний, но он служил у более требовательного командира — Цезаря.

В командирской палатке никого не было, когда Марк Тиций уходил, потому что все хотели сохранить в памяти веселое веснушчатое лицо неумелого квестора Тиция, ответственного за финансы армии и совершенно неспособного распорядиться своими.

Прошла нундина с тех пор, как он ушел. Ветер сменил направление и подул с севера. С собой он принес дожди и мокрый снег. И в этот день несколько жителей Фрааспы стали жарить на стенах баранину. Запах доносился до лагерей римлян. Так осажденные хотели сказать им, что в городе еще много еды, на всю зиму, и они не сдадутся.

Антоний созвал военный совет. Это было не совещание друзей, но собрание, где присутствовали все его легаты и трибуны, а также старшие центурионы, *primipilus* и *pilus prior*, — всего шестьдесят человек. Идеальное количество. Все могли его услышать, глашатаям не надо было повторять его слова, чтобы донести их до последних рядов. Приглашенные многозначительно переглядывались: среди них не было ни одного иноземца. Собрание для легионов, а не для армии.

— Без осадных машин мы не сможем взять Фрааспу, — начал Антоний, — и сегодняшняя демонстрация показала, что городу пока не грозит голод. Мы сидим здесь сто дней, съели уже все, что было на полях. Заплатили большую цену — потеряли две трети наших конных вспомогательных сил.

Он глубоко вдохнул, постарался выглядеть решительным командиром, полностью владеющим собой и ситуацией.

— Пора уходить, ребята, — сказал наконец он. — Судя по сегодняшней погоде, настоящая зима наступит скоро. Завтра, в октябрьские календы, мы уйдем в Артаксату. Жители Фрааспы не ожидают от римских легионов такой быстроты. Завт-

ра утром, когда они проснутся, они увидят только костры. Прикажите людям взять с собой месячный запас зерна. Мулы центурий повезут еду и растопку. А мулов, тащивших повозки, мы используем как вьючных животных. Что не сможем нести на себе, оставим. Только еда и горючее.

Большинство ожидали этого разговора, но никому не нравилось слышать такие слова. Однако в одном Антоний мог быть уверен: римляне не будут оплакивать судьбу вспомогательного войска, которое они терпели, но никогда не ценили высоко.

— Центурионы, до рассвета каждый легионер должен знать ситуацию и понимать, что ему нужно делать, чтобы выжить на марше. Я не имею понятия, что нас ждет при отступлении, но римские легионы не сдаются. Не сдадутся они и на этом марше. Местность такая, что нам потребуется месяц, чтобы дойти до Артаксаты, особенно если будут продолжаться дожди и мокрый снег. Это значит, что дороги превратятся в грязь. Будут морозы. Надо покопаться в ваших мешках и найти носки. Если у кого есть носки из кроличьих шкур — тем лучше. В бою немалое значение имеют сухие ноги, ибо это нас ждет, ребята. Парфяне используют тактику Фабия — они будут «щипать» отставших, но не будут атаковать всех разом. Хуже всего то, что между этим местом и Артаксатой нет достаточно древесины для костров. Поэтому обогреться будет нечем. Любой, кто сожжет колья для палаток, часть бруствера или древко от копья, будет выпорот и обезглавлен. Это нам необходимо, чтобы отбивать атаки парфян. Мы не можем доверять иноземным наемникам, включая армян. Единственное войско, которое имеет большое значение для Рима, — это его легионы. И мы их сохраним.

Наступило недолгое молчание, которое прервал Канидий.

— Какой порядок марша, Антоний? — спросил он.

— *Agmen quadratum*, Канидий, где местность достаточно ровная, а где неровная, все-таки постараемся идти квадратами. Какой бы узкой ни была дорога, мы никогда не двигаемся колонной или шеренгой. Это понятно?

Шепот со всех сторон.

Агенобарб открыл было рот, чтобы спросить о чем-то, но тут в задних рядах началось шевеление. Несколько человек

расступились, пропустив к Антонию Марка Тиция. Все заулыбались, некоторые хлопали Тиция по спине.

— Тиций, ты, скотина! — радостно крикнул Антоний. — Ты нашел парфян? Как на самом деле обстоят дела?

— Да, Марк Антоний, я нашел их, — с суровым лицом ответил Тиций. — Их сорок тысяч, командует ими наш друг Монес. Я несколько раз ясно видел его. Он объезжал войско в золотой кольчуге, с диадемой на шлеме. Парфянский царевич, такой же важный, как покойный Пакор, по описанию Вентидия.

Новость о Монесе не явилась сюрпризом даже для Антония, его ярого сторонника. Царь Фраат обманул их, заслал предателя в их ряды.

— Как далеко они? — спросил Фонтей.

— Около тридцати миль, как раз между нами и Артаксатой.

— Катафракты? Конные лучники? — спросил Канидий.

— И те и другие, но больше лучников. — Тиций чуть улыбнулся. — Думаю, катафрактов у них поубавилось после кампании Вентидия. Около пяти тысяч, не больше. Но очень много лучников. Целая конная армия. И они сильно истоптали дорогу. Да еще эти дожди. Наши солдаты пойдут по грязи. — Он замолчал, вопросительно глядя на Антония. — Я так понял, что мы будем отступать?

— Ты правильно понял. Ты вернулся как раз в нужный момент, Тиций. Через день ты не застал бы нас.

— У тебя что-то еще? — спросил Канидий.

— Не похоже, будто они рвутся в бой. Скорее они станут обороняться. Да, они будут нападать на нас, но, если Монес не лучший полководец, чем я думаю, понаблюдав, как он важно разъезжает на своем коне, мы сможем отражать их вылазки, если будем заранее знать о них.

— Нас не нужно предупреждать, Тиций, — сказал Агенобарб. — Мы будем идти *agmen quadratum*, а где не сможем, будем двигаться квадратом.

Собрание перешло в спокойное обсуждение организационных вопросов: какие легионы пойдут впереди, какие будут

замыкающими, как часто должны меняться местами люди на флангах и в середине, какого размера должны быть квадраты, сколько вьючных мулов нужно для каждого квадрата минимального размера. Тысячу решений надо было принять, прежде чем нога, обутая в калиги с носками, сделает первый шаг.

Наконец Фонтей задал вопрос, на который больше никто не отважился:

— Антоний, у нас тридцать тысяч вспомогательной пехоты. Что будет с ними?

— Если они не смогут поспевать за нами, они пойдут в арьергарде, квадратом. Но они не будут поспевать, Фонтей. Мы все это знаем. — В глазах Антония показались слезы. — Мне очень жаль. Как триумвир Востока, я отвечаю за них. Но легионы надо сохранить любой ценой. Я все время думаю, что их у нас шестнадцать, хотя, конечно, не столько. Двух легионов Статиана уже давно нет.

— Еще сорок восемь тысяч нестроевых. Достаточно, чтобы организовать сильный фронт, если они смогут идти строем. У нас четыре тысячи галлов и четыре тысячи галатов для защиты их флангов, но, если не будет травы, у них начнутся неприятности, не пройдем мы и половины пути, — сказал Канидий.

— Пошли их вперед, Антоний, — предложил Фонтей.

— И размесить землю еще больше? Нет, они пойдут с нами, на наших флангах. Если они не будут справляться с лучниками и катафрактами, которых пошлет Монес, они смогут перейти в середину квадратов. Моя галльская конница особенно дорога мне, Фонтей. Они сами изъявили желание участвовать в этой кампании, и сейчас они на расстоянии в полмира от своего дома, — сказал Антоний и поднял руки. — Хорошо, все свободны. Уходим с рассветом, и я хочу, чтобы с восходом солнца мы уже были на марше.

— Людям не нравится отступать, — заметил Тиций.

— Я знаю! — огрызнулся Антоний. — Поэтому я сделаю то, что делал Цезарь. Я буду идти с каждой колонной, говорить с каждым лично, даже если на это уйдет целый день.

Agmen quadratum — это построение армии в колонны с широким фронтом, в любой момент готовые развернуться и встать в боевой порядок. Оно также позволяло быстро образовать квадраты. Настало время, когда даже самый тупой солдат понял, для чего нужны были дни, месяцы и даже годы беспощадной муштры. Все маневры он должен был выполнять автоматически, не задумываясь.

Итак, в полном порядке, со вспомогательной пехотой позади фронта легионеров шириной в милю, римская армия начала отступление. Дул северный ветер, который подморозил грязь, превратив дорогу в неровное поле с острыми, как нож, выступами. Было скользко, больно, случались порезы.

Легионы могли пройти только двадцать миль в день, но даже это было слишком быстро для вспомогательного войска. На третий день, когда Антоний все еще ходил по рядам с шутками и предсказаниями победы в будущем году, они уже знали, что их ждет: Монес и парфяне, нападающие сзади, лучники, одним залпом выводящие из строя десятки людей. Некоторые умирали, а тех, кто был тяжело ранен и не мог продолжать путь, оставляли. Когда впереди показалось Матианское озеро, издали казавшееся морем, все вспомогательные силы, кроме горстки людей, исчезли. Их дальнейшей судьбы никто не знал — то ли казнены парфянами, то ли проданы в рабство.

Боевой дух оставался на удивление высоким, пока местность не сделалась такой крутой, что от колонн пришлось отказаться в пользу квадратов. По возможности Антоний старался строить квадраты размером с когорта — это означало шесть центурий по внешним сторонам квадрата, четыре — ближе к центру. Щиты крайнего ряда соединялись вплотную для защиты, как при образовании «черепашки». Внутри пустой середины шли нестроевики, мулы и та небольшая часть артиллерии, которая всегда сопровождала центурии: «скорпионы», стреляющие деревянными дротиками, и маленькие катапульты. При атаке легионеры поворачивались всеми четырмя сторонами для отражения противника, солдаты задних рядов длинными осадными копьями протыкали животы лошадей, ко-

торых заставляли перепрыгивать внутрь квадрата, — к чему Монес, кажется, не был готов. Благодаря старику Вентидию катафрактов у парфян поубавилось, да и на то, чтобы вырастить крупных лошадей, времени нужно было немало.

Дни тянулись медленно, скорость была семнадцать — девятнадцать миль в день, вверх-вниз, вверх-вниз. Все теперь знали, что парфяне следуют за ними, как тень. Случались стычки между галатийской и галльской кавалерией и катафрактами, но армия продолжала идти в том же порядке, стараясь не падать духом.

До тех пор, пока они не поднялись на перевал высотой одиннадцать тысяч футов. Там их застигла такая вьюга, какой Италия никогда не видела. Слепящий снег шел сплошной белой стеной, ветер завывал, земля уходила из-под ног, и люди по пояс проваливались в рыхлые сугробы.

Чем хуже становились условия, тем веселее делались Антоний и его легаты. Они поделили между собой секторы армии и ободряли людей, говоря им, какие они храбрые, выносливые, не жалуются. Квадраты были переформированы в манипулы, и только по три человека в глубину. После перевала квадраты будут размером с центурию. Но никто, и в том числе Антоний, не думал, что на перевале их могут атаковать: слишком мало места.

Хуже всего было то, что, хотя в заплечном мешке каждый солдат нес теплые штаны, носки, замечательный непромокаемый плащ сагум и шейный платок, люди все равно мерзли, не имея возможности согреться у огня. Когда две трети марша остались позади, у армии кончилось самое драгоценное — древесный уголь. Никто не мог испечь хлеб, сварить гороховую кашу. Люди теперь шли с трудом, жуя сырые зерна пшеницы — их единственную пищу. Голод, мороз и болезни стали такими мучительными, что даже Антоний не мог подбодрить самых оптимистичных солдат, которые тоже начали ворчать, что умрут в снегу, так и не вернувшись в цивилизованный мир.

— Помоги нам перейти перевал! — воззвал Антоний к своему армянскому проводнику Киру. — Ты верно вел нас два рыночных интервала, так не подведи меня, Кир, прошу тебя!

— Я не подведу, Марк Антоний, — ответил Кир на скверном греческом. — Завтра передние квадраты начнут переход, а после перевала я знаю, где можно найти уголь. — Его смуглое лицо еще больше потемнело. — Но я должен предупредить тебя, Марк Антоний: не верь царю Армении. Он всегда держал связь со своим братом, мидийским царем, и оба они — марионетки Фраата. Твой обоз, боюсь, был слишком заманчивым.

На этот раз Антоний слушал. Но до Артаксаты надо было пройти еще сотню миль, а легионы были близки к мятежу.

— Назревает бунт, — сказал Антоний Фонтею. Одна половина его войска находилась по одну сторону перевала, другая половина переходила перевал или ждала своей очереди. — Я не смею показаться солдатам.

— Мы все так чувствуем себя, — уныло сказал Фонтей. — Уже семь дней они едят только сырое зерно. У них почернели пальцы ног. Отморожены носы. Ужасно! И они винят тебя, Марк, тебя и только тебя. Недовольные говорят, что тебе следовало держать обоз в поле зрения.

— Это не из-за меня, — мрачно ответил Антоний. — Это кошмар бесплодной кампании, которая не дала им возможности показать себя в бою. По их мнению, они только и делали сто дней, что сидели в лагере, глядя, как город показывает им средний палец — где ваши задницы, римляне? Считаете себя великими? Вы не великие. Я понимаю...

Он замолчал. К ним подбежал испуганный Тиций:

— Марк Антоний, пахнет мятежом!

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, Тиций.

— Нет, это серьезно! Сегодня или завтра, а может быть, и сегодня, и завтра. По крайней мере в шести легионах уже волнения.

— Спасибо, Тиций. А теперь иди и подведи баланс в своих книгах или сосчитай, сколько мы должны солдатам. Займись чем-нибудь!

Тиций ушел, на этот раз не в состоянии предложить какое-нибудь решение.

— Это произойдет сегодня, — сказал Антоний.

— Да, я тоже так считаю, — ответил Фонтей.

— Ты сможешь мне упасть на меч, Гай? У меня так развиты мускулы груди, что сам я не смогу нанести достаточно глубокий удар.

Фонтей не стал спорить.

— Да, — ответил он.

Вдвоем они провели всю ночь в небольшой кожаной палатке, ожидая начала бунта. Для Антония, уже опустошенного, это был логичный конец худшей кампании, какую римский военачальник провел с тех пор, как Карбон был изрублен на куски германскими кимврами, или армия Цепиона погибла при Аравсионе, или — самое ужасное — Павел и Варрон были уничтожены Ганнибалом при Каннах. Ни одного светлого факта, чтобы осветить бездну полного поражения. По крайней мере, армии Карбона, Цепиона, Павла и Варрона погибли сражаясь! А его огромной армии не дали ни единого шанса проявить свою храбрость — никаких боев, одно бездействие.

«Я не могу винить солдат за бунт, — думал Антоний, сидя с обнаженным мечом, готовый покончить с собой. — Бессилие — вот что они чувствуют, как и я. Что они смогут рассказать внукам об экспедиции Марка Антония в Парфянскую Мидию, не плюнув каждый раз при упоминании его имени? Память о нем жалкая, гнилая, лишенная уважения, гордости за него. *Miles gloriosus*, тщеславный, вот какой Антоний. Хвастливый солдат. Идеальный персонаж для фарса. Надменный, позер, самовлюбленный, распухший от важности. Его успех такой же дутый, как и он сам. Карикатура на человека. Все солдаты над ним смеются, не военачальник, а неудачник. Антоний Великий. Ха».

Но мятежа не было. Ночь прошла, словно легионеры ничего и не замыслили. Утром люди продолжили путь, а к вечеру перевал остался позади. Антоний нашел где-то силы идти с солдатами, делая вид, что он ни слова и даже ни шепота не слышал о возможном мятеже.

Через двадцать семь дней после отступления от Фраасы четырнадцать легионов и горстка кавалерии дошли до Артаксаты, питаюсь главным образом кониной со скудным хлебным

пайком. Проводник Кир сказал Антонию, где можно взять достаточно угля.

Оказавшись в Артаксате, Антоний первым делом дал Киру кошелек с монетами и две хорошие лошади и велел ему как можно быстрее мчаться на юг. У Кира было срочное задание — и секретное, особенно от Артавазда. Целью его был Египет, где он должен был добиться аудиенции у царицы Клеопатры. Антоний дал ему монеты, отчеканенные в Антиохии прошлой зимой, — они должны были послужить ему пропуском к царице. Киру было поручено просить ее приехать в Левку Кому, небольшой порт неподалеку от Берита в Сирии, не такой людный, как порты Берит, Сидон, Иоппа. Кир, поблагодарив, сразу уехал. Оставаться в Армении после ухода римлян означало смертный приговор, потому что он правильно вел римлян, а это было не то, чего хотел армянский Артавазд. Предполагалось, что римляне будут блуждать без пищи, без огня, заблудятся и все умрут.

Но когда четырнадцать легионов укрылись в теплом лагере в окрестностях Артаксаты, у царя Артавазда не осталось выбора, ему необходимо было умаслить Антония и попросить провести там зиму. Не веря ни единому слову царя, Антоний ответил отказом. Он заставил Артавазда открыть свои зернохранилища и, обеспечив армию провизией, отправился в Каран, несмотря на метели. Легионеры, похоже уже привыкшие к такой погоде, в приподнятом настроении одолели последние двести миль, потому что теперь по ночам они могли отогреться у огня. В Армении тоже было мало древесины, но армяне Артаксаты не посмели возразить, когда римские солдаты налетели на их штабеля дров и конфисковали их, даже не подумав, что обрекают людей на гибель. Они-то не жевали сырую пшеницу из-за предательства восточных правителей!

В середине ноября Антоний достиг Карана, откуда экспедиция началась в прошлые майские календы. Все его легаты были свидетелями депрессии, смятения Антония, но только Фонтей знал, как близок был Антоний к самоубийству. Не желая посвящать в это Канидия, Фонтей сам решил убедить Ан-

тония продолжить путь к Левке Коме. Оказавшись там, он мог при необходимости послать еще одно письмо Клеопатре.

Но сначала Антоний узнал самое худшее от бескомпромиссного Канидия. Отношения их не всегда были дружескими, ибо Канидий с самого начала понимал, чем кончится эта кампания, и был за то, чтобы сразу отступить. Не одобрял он также величины и скорости передвижения обоза. Но все это осталось в прошлом, и он примирился с собой и со своими амбициями. Его будущее связано с Марком Антонием, что бы ни было.

— Итоги подведены, Антоний, — мрачно сказал он. — Из вспомогательной пехоты — около тридцати тысяч — никто не выжил. Из галльской кавалерии — шесть из десяти тысяч, но лошадей у них нет: все были забиты, чтобы людям прокормиться последние сто миль. Из шестнадцати легионов два — Статиана — исчезли. Судьба их неизвестна. Остальные четырнадцать легионов — несчастные случаи, тяжелые, но не смертельные. В основном обморожения. Людей, которые потеряли пальцы ног, надо отослать домой на повозках. Без пальцев они не могут идти. Но благодаря сагумам они сохранили пальцы рук. Каждый легион, кроме двух Статиана, был почти в полном составе — около пяти тысяч солдат и больше тысячи нестроевых. Теперь в каждом легионе меньше четырех тысяч и, может быть, пятьсот нестроевых. — Канидий вздохнул, стараясь не смотреть в лицо Антонию. — Таковы потери. Вспомогательная пехота — тридцать тысяч. Вспомогательная кавалерия — десять тысяч и двадцать тысяч лошадей. Легионеры — четырнадцать тысяч больше никогда не смогут воевать, плюс еще восемь тысяч Статиана. И нестроевые — девять тысяч. Всего семьдесят тысяч человек, из них двадцать две тысячи — легионеры. Еще двадцать тысяч лошадей. Половина армии, хотя не лучшая. Конечно, не все умерли, но могут и умереть.

— Будет лучше, — произнес Антоний дрожащими губами, — если мы скажем, что треть мертвы, а пятая часть покалечены. Ох, Канидий, потерять так много без единого боя! Это даже не Канны.

— По крайней мере, никого не заставили пройти под ярмом, Антоний. Это не позор, это просто катастрофа из-за погоды.

— Фонтей говорит, что я должен продолжить путь к Левке Коме и ждать там царицу, послав ей, если необходимо, еще сообщение.

— Хорошая мысль. Иди, Антоний.

— Веди армию как можно лучше, Канидий. меховые или кожаные носки должны быть у всех, а если случится метель, переждите ее в хорошем лагере. Ближе к Евфрату будет немного теплее, я думаю. Продолжай марш и обещай им прогулку по Елисейским полям, когда они дойдут до Левки Комы. Теплое солнце, много еды и все проститутки, каких я смогу собрать в Сирии.

Когда у армии снова появился уголь, коня Антония по кличке Милосердие уже постигла та же участь, что и всех коней. Из Карана Антоний выехал на местной низкорослой лошади. Ноги его почти волочились по земле. Сопровождали его Фонтей и Марк Тиций.

Через месяц он прибыл в Левку Кому. Жители маленького порта очень удивились его появлению. Клеопатра не приехала, из Египта не было никаких известий. Антоний послал Тиция в Александрию, почти ни на что не надеясь. Она не хотела, чтобы он начинал эту кампанию, и она не прощала ошибок. Не будет ни помощи, ни денег, чтобы привести в порядок то, что осталось от его легионов, и если он считал достижением то, что погиб каждый десятый, а не вся армия, то Клеопатра, вероятнее всего, оплакивала потерю каждого солдата.

Депрессия усилилась, превратилась в такое жуткое отчаяние, что Антоний потянулся к вину, не в состоянии отделаться от мыслей о ледяном холоде, гниющих пальцах, мятеже, готовом вспыхнуть в любую ночь, о кавалеристах, ненавидевших его за потерю любимых коней, о его неудачных решениях, всегда неправильных и всегда катастрофических. Он, и никто больше, был виноват в стольких смертях, в таких страданиях. О, невыносимо! Он напился до беспамятства и продолжал пить.

По двадцать-тридцать раз в день он выходил из своей палатки, держа в руках полный до краев кубок, шатаясь, брел до берега и смотрел на гавань, не видя ни одного корабля, ни одного паруса.

— Она приедет? — спрашивал он всех, кто был рядом. — Она приедет? Она приедет?

Люди думали, что он сошел с ума, и убежали, как только увидели его выходящим из палатки. Кто приедет?

Возвращаясь в палатку, он пил еще, потом выходил.

— Она приедет? Она приедет?

После января наступил февраль, затем и февраль кончился, а она так и не приехала и письма не прислала. Ничего ни от Кира, ни от Тиция.

Наконец ноги перестали держать Антония. Он сидел в палатке над чашей вина и спрашивал всех, кто входил:

— Она приедет?

— Она приедет? — спросил он, когда в начале марта шевельнулся откидной клапан палатки.

Это было бессмысленное бормотание для тех, кто не знал, что он пытается сказать.

— Она здесь, — слышался тихий голос. — Она здесь, Антоний.

Грязный, дурно пахнущий, Антоний как-то смог подняться. Он упал на колени, и она опустилась рядом с ним, прижала его голову к груди. А он все плакал и плакал.

Клеопатра была в ужасе, хотя это слово не могло описать эмоции, охватившие ее после того, как она поговорила с Фонтеем и Агенобарбом. Когда Антоний выплакался, его вымыли, положили на более удобную, чем его походная раскладушка, постель. И начался болезненный процесс протрезвления и возвращения к жизни без вина. От Клеопатры потребовалось все ее умение и терпение. Он был трудным пациентом — отказывался говорить, сердился, когда ему не давали пить. Казалось, он уже жалел, что она приехала.

Таким образом, говорить с ней пришлось Фонтее и Агенобарбу. Фонтей очень хотел помочь всем, чем мог, а Агенобарб даже не пытался скрыть свою неприязнь и презрение к ней. Поэтому она постаралась рассортировать ужасы, о которых ей сообщили, в надежде на то, что, рассуждая логически, последо-

вательно, она яснее увидит, как можно исцелить Марка Антония. Если ему суждено выжить, то его необходимо вылечить!

От Фонтея она услышала всю историю этой обреченной кампании, включая рассказ о той ночи, когда самоубийство казалось единственным выходом. Она не знала, что такое метель, лед и снег по пояс. Снег она видела только во время ее двух зим в Риме. Те зимы не были суровыми, как ее тогда уверяли. Тибр не замерзал, и редкие снегопады были словно волшебство — безмолвный мир весь в белом. Но она понимала, что это несравнимо с условиями отступления от Фрааспы.

Агенобарб в своем рассказе больше сосредоточился на красочном описании отмороженных ног, людей, жующих сырые пшеничные зерна, Антония, сходящего с ума от предательства союзников и проводников.

— И ты заплатила за эту катастрофу, — сказал он, — даже не подумав о вещах, которые было необходимо взять с собой, а следовало бы. Например, теплая одежда для легионеров.

Что она могла ответить? Что это касалось не ее, а Антония и его снабженцев? Если она так скажет, Агенобарб сочтет ее ответ желанием переложить вину на Антония. Ясно, что Агенобарб не захочет слышать критику в адрес Антония, предпочитая винить ее, ведь это она дала деньги на эту экспедицию.

— Все уже было готово, когда появились деньги, — сказала она. — Как Антоний собирался проводить свою кампанию, если бы денег не было?

— Тогда не было бы и кампании, царица! Антоний продолжал бы сидеть в Сирии с колоссальным долгом поставщикам за все, от кольчуг до артиллерии.

— Полагаешь, лучше бы он продолжал сидеть по уши в долгах, чем ввязываться в эту кампанию?

— Да! — крикнул Агенобарб.

— Значит, ты не считаешь его способным военачальником.

— Думай что хочешь, царица. Я больше ничего не скажу.

И разъяренный Агенобарб стремительно вышел.

— Он прав, Фонтей? — спросила Клеопатра того, кто ей симпатизировал. — Марк Антоний не может командовать большими силами?

Удивленный и растерянный, Фонтей в душе проклял несдержанность Агенобарба.

— Нет, царица, он не прав, он имел в виду не то, что ты подумала. Если бы ты не сопровождала армию до Зевгмы с намерением идти дальше, если бы не высказывалась на советах, люди вроде Агенобарба были бы настроены иначе. Он хотел сказать, что это ты испортила все, указывая, как именно проводить кампанию, что без тебя Антоний был бы совсем другим человеком и не потерпел бы поражения без боя.

— Это несправедливо! — ахнула она. — Я не командовала Антонием! Нет!

— Я тебе верю, царица. Но Агенобарб никогда не поверит.

Армия добралась до Левки Комы через три нундины после прибытия туда царицы и обнаружила, что вся гавань забита кораблями, а город окружен лагерями. Клеопатра привезла врачей, лекарства, целый легион пекарей и поваров, чтобы кормить солдат лучше, чем это делала нестроевая обслуга. Она привезла удобные кровати, чистое, мягкое белье. Она даже велела своим рабам очистить мелководный берег от морских ежей, чтобы все могли мыться, не боясь страшного бича берегов на этом конце Нашего моря. Если Левка Кома и не была Елисейскими полями, то простому легионеру она казалась им сродни. Настроение было хорошее, особенно у тех, кто сохранил пальцы.

— Я очень благодарен, — сказал ей Публий Канидий. — Мои ребята нуждаются в настоящем отдыхе, и ты дала его им. Как только они придут в себя, они забудут о самом худшем, что им пришлось пережить.

— Кроме отмороженных пальцев и носов, — горько заметила Клеопатра.

17

Порт Юлия был закончен, и мягкая зима позволила Агриппе начать тренировать своих гребцов и морских пехотинцев. Луций Геллий Попликола и Марк Кокцей Нерва в первый день нового года стали консулами.

Как обычно, кандидат, соблюдавший нейтралитет, стал вторым. Ни к кому не примыкавший Луций Нерва, третий участник переговоров в Брундизии, уступил стороннику Октавиана. Попликола должен был управлять Римом и следить за фракцией Антония, которая оставалась многочисленной и крикливой. Октавиан не хотел, чтобы эта фракция приписывала Антонию победу над Секстом Помпеем.

Сабин хорошо вел строительство Порта Юлия и хотел стать главнокомандующим, но его неуживчивость, неумение ладить с людьми явились причиной, почему он не подходил для такой должности, по мнению Октавиана. Пока Агриппа был занят в Порту Юлия, Октавиан пошел в сенат с предложениями.

— Поскольку ты был консулом, то вы с Сабиним равны, — сказал он Агриппе, когда тот прибыл в Рим с докладом, — поэтому сенат и народ издали декрет, по которому ты, а не Сабин будешь главнокомандующим на суше и на море. Конечно, подчиняться ты будешь мне.

Два года управления Дальней Галлией, консульство и доверие Октавиана к его инициативе сильно повлияли на Агриппу. Если раньше он краснел и говорил, что недостойн, то теперь выглядел очень довольным. Его мнение о себе несколько не изменилось, но уверенность возросла, причем без фатальных недостатков Антония — лени, невнимания к деталям, нежелания просматривать корреспонденцию! Когда Агриппа получал письмо, он немедленно отвечал на него, и так кратко, что его получатель сразу схватывал суть.

— Как ты хочешь, Цезарь, — только и сказал Агриппа в ответ на новость о своем назначении.

— Но, — продолжил Октавиан, — я попросил бы тебя найти небольшой флот или пару легионов под мое командование. Я хочу лично участвовать в этой войне. С тех пор как я женился на Ливии Друзилле, кажется, я полностью избавился от астмы, даже могу находиться рядом с лошадьми. Поэтому я должен все вынести, чтобы не распространялись ложные слухи о моей трусости.

Это было сказано спокойно, но стеклянный взгляд выдал его намерение навсегда стереть пятно Филипп.

— Я так и планировал сделать, Цезарь, — улыбаясь, сказал Агриппа. — Если у тебя есть время, я хотел бы обсудить ход этой войны.

— Ливия Друзилла должна присутствовать.

— Согласен. Она дома или ушла покупать наряды?

У жены Октавиана было мало недостатков, и один из них — страсть к красивой одежде. Она настаивала на том, что должна хорошо одеваться. У нее был идеальный вкус, а ее драгоценности, постоянно пополняемые мужем, становились предметом зависти всех женщин в Риме. То, что обычно экономный Октавиан не возражал против ее экстравагантности, объяснялось желанием, чтобы жена во всем была лучше других. Она должна выглядеть и вести себя как некоронованная царица, демонстрируя свое превосходство над другими женщинами. Настанет день, когда это будет важно.

— Думаю, она дома.

Октавиан хлопнул в ладоши и велел вошедшему слуге позвать госпожу Ливию Друзиллу. Почти тут же она вошла, одетая в летящее платье темно-синего цвета с вшитыми кое-где сапфирами, которые сверкали, когда на них падал свет. Ее ожерелье, серьги и браслеты были из сапфиров и жемчуга, а пуговицы, скреплявшие рукав по всей длине в нескольких местах, тоже были из сапфиров и жемчуга.

Агриппа был поражен, ослеплен.

— Восхитительно, моя дорогая, — прокрипел Октавиан голосом семидесятилетнего старика — так она действовала на него.

— Я не могу понять, почему сапфиры так непопулярны, — сказала она, садясь в кресло. — Я считаю их темный цвет тонким и нежным.

Октавиан кивнул писцам и секретарям, прислушивающимся к разговору.

— Идите перекусите или посчитайте рыбу в единственном пруду, не разоренном германцами, — велел он им.

И Агриппе:

— О, как надоело жить за укрепленными стенами! Скажи мне, что в этом году я смогу снести их, Агриппа!

— В этом году определено, Цезарь.

— Говори, Агриппа.

Но сначала Агриппа развернул на широком столе с кипами бумаг, накопленных триумвиром за время выполнения своих обязанностей, большую карту Италии — от Адриатики до Тусканского моря, Сицилии и провинции Африка.

— Я сосчитал и могу сказать, что у нас будет четыреста одиннадцать кораблей, — сказал Агриппа. — Все, кроме ста сорока из них, находятся в Порту Юлия, готовы и ждут.

— Сто двадцать кораблей Антония плюс двадцать Октавии находятся в Таренте, — сказал Октавиан.

— Именно. Если бы они плыли через Мессанский пролив, они были бы уязвимы. Но они пойдут по другому пути. Обойдут полуостров с юга и высадят часть солдат на Сицилии у мыса Пахим, затем двинутся на север вдоль побережья и атакуют Сиракузы. Этот флот поплывет к Тавру, у которого еще четыре легиона пехоты. После взятия Сиракуз Тавр с войском пойдет через склоны Этны, захватывая по пути окрестности, и приведет свои легионы к Мессане, где ожидается самое сильное сопротивление. Но Тавру нужна будет помощь как при взятии Сиракуз, так и при последующем марше. — Карие глаза сверкнули. — Самая опасная задача — приманка из шестидесяти больших «пятерок», специально отобранных для участия в тяжелом морском бою. Я бы предпочел не терять их, если возможно, хотя это и приманка. Этот флот поплывет из Порты Юлия через пролив на помощь Тавру. Секст Помпей сделает то, что делает всегда, — будет подстерегать в проливах. И он нападет на нашу приманку, как лев на лань. Цель — приковать внимание Секста к проливам и, следовательно, к Сиракузам — зачем бы еще флоту из прочных «пятерок» плыть на юг, как не для нападения на Сиракузы? Если все сложится удачно, мой флот, следующий за флотом-приманкой, незаметно подобрется к Сексту и высадит легионы в Милах.

— Я буду командовать флотом-приманкой! — воскликнул Октавиан. — Дай мне выполнить эту задачу, Агриппа, пожалуйста! Я возьму с собой Сабина, чтобы он не чувствовал, что им пренебрегли.

БЛИЖНИЕ ПРОВИНЦИИ

— Если ты хочешь флот-приманку, Цезарь, он твой.

— Насколько я поняла, атака на восточный конец острова произойдет с двух направлений, — заметила Ливия Друзилла. — Ты, Агриппа, пойдешь с запада к Мессане, а Тавр подойдет к Мессане с юга. А что с западным краем Сицилии?

Агриппа погрузился:

— Здесь, госпожа, боюсь, мы вынуждены использовать Марка Лепида и несколько из его многочисленных легионов, которые он набрал в провинции Африка. От Африки до Лилибея и Агригента плыть недалеко. И с этим лучше справится Лепид. Секст может иметь свой штаб в Агригенте, но он не будет там засиживаться, если события разворачиваются вокруг Сиракуз и Мессаны.

— Я не думаю, что он будет сидеть в Агригенте, но его сокровищницы и деньги находятся именно там, — резко сказала Ливия Друзилла. — Что бы мы ни предприняли, нельзя позволить Лепиду удрать с деньгами Секста. А он попытается это сделать.

— Несомненно, — согласился Октавиан. — К сожалению, он присутствовал при нашем споре с Антонием, поэтому хорошо знает, что Агригент очень важный пункт. И что в военном отношении он не является первой мишенью. Мы должны будем побить Секста у Мессаны, отделенной от Агригента половиной острова и несколькими горными хребтами. Но я считаю Агригент еще одной приманкой. Лепид не может позволить себе ограничиться западным концом, если он хочет сохранить свой статус триумвира и одного из победителей. Поэтому он оставит у Агригента несколько легионов до тех пор, пока не сможет вернуться и опустошить сокровищницы. Но мы не дадим ему вернуться.

— И как ты это сделаешь, Цезарь? — спросил Агриппа.

— Я еще не знаю. Просто поверь, он не вернется.

— Я верю тебе, — с важным видом сказала Ливия Друзилла.

— Я тоже верю, — подхватил преданный Агриппа.

Не желая рисковать в сезон экваториальных штормов, Агриппа дожидался лета, пока не получил из Африки сообщение от Лепида, что он готов и отплывет в иды Юлия. Статилий Тавр, которому предстояло совершить самый длинный путь, должен был отплыть из Тарента на тринадцать дней раньше, в календы. Октавиан, Мессала Корвин и Сабин отправились из Порты Юлия за день до ид, а Агриппа — на следующий день после ид.

Было согласовано, что Октавиан высадится на Сицилии южнее «носка» италийского «сапога», в Тавромении, имея под началом основную часть легионов. Тавр присоединится к нему там, перейдя через Этну. Друг Октавиана Мессала Корвин должен вести легионы через Луканию к Вибоне, оттуда они пойдут в Тавромений.

Все было бы хорошо, если бы не внезапный, не по сезону, шторм, который нанес флоту-приманке Октавиана больше ущерба, чем налеты Секста Помпея. Сам Октавиан застрял на италийской стороне пролива вместе с половиной своих легионов. Другая половина, высадившаяся в Тавромении, ждала прихода Тавра и Октавиана. Ждать пришлось долго. После того как через шестнадцать дней шторм затих, Октавиан и Мессала Корвин в унынии оценили ущерб, нанесенный их транспортам. Когда им удалось отремонтировать корабли, была середина секстилия, и на острове уже шли сражения.

Лепид вообще не пострадал. Он высадился в Лилибее и Агригенте в нужное время с двенадцатью легионами и нанес удар с севера и с востока, пройдя через горы к Мессане. Как и предсказывал Октавиан, он оставил в Агригенте четыре легиона, уверенный, что он, и никто другой, вернется, чтобы забрать содержимое хранилищ Секста Помпея.

Но это Агриппа выиграл кампанию. Зная размер флота Тавра в Таренте и переоценив размер флота-приманки Октавиана, Секст Помпей собрал все свои корабли и сконцентрировал их в проливе, чтобы удержать Мессану и восточный берег острова. В результате двести одиннадцать квинквирем и трирем Агриппы утопили небольшой флот Помпея у берегов Мил, и четыре легиона в полном составе высадились на

сушу. Затем Агриппа опустошил северный берег с запада, собрал свои военные корабли и притаился у берегов Навлоха.

Похоже, Сексту Помпею даже в голову не пришло, что презренный Октавиан сможет собрать так много кораблей и войска против него. Плохие новости следовали одна за другой: Лепид захватил западный берег Сицилии, Агриппа напал на северный берег, а сам Октавиан наконец переплыл пролив. Сицилию наводнили солдаты, но только малая часть их принадлежала Сексту Помпею. Придя в отчаяние, младший сын Помпея Великого решил поставить все на крупномасштабный морской бой и поплыл навстречу Агриппе.

Два флота встретились у Навлоха. Секст был убежден, что, имея столько кораблей, он непременно победит. У него более трехсот галер с великолепными командами и флотоводцами, а сам он главнокомандующий. И этот апулийский деревенщина Марк Агриппа думает, что сможет победить Секста Помпея, уже десять лет не знавшего поражений на море? Но корабли Агриппы были снабжены секретным оружием — *harpaх*. Агриппа взял обычную морскую кошку и переделал ее так, что ею можно было стрелять из «скорпиона» на гораздо большее расстояние, чем бросок рукой. Вражеский корабль подтаскивали ближе, потом обстреливали из «скорпионов» дротиками, булыжниками и зажженными пучками сена. Во время такой стрельбы корабль Агриппы разворачивался и ударял носом в бок корабля Секста, срезая весла. После этого солдаты переходили на корабль и убивали всех, кто не успевал прыгнуть в воду, где они или тонули, или их вылавливали, чтобы взять в плен. Согласно замыслу Агриппы, носы кораблей были хороши для тарана, но таран редко приводил к потоплению корабля. Чаще у него оставалась возможность уйти. Но гарпуны, срезанные весла и солдаты неизменно несли гибель вражескому судну.

Заливаясь слезами, Секст Помпей наблюдал, как погибает его флот. В самый последний момент он повернул свой флагман на юг и скрылся, не желая допустить, чтобы его повели в цепях по Римскому форуму и судили за измену тайно, в сенате, как Сальвидиена. Ибо он хорошо знал, что его статус за-

щитил бы его от обычной судьбы человека, объявленного *hostis*: быть убитым первым встречным. Это он выдержал бы.

Он спрятался в бухте и переплыл пролив с наступлением темноты. Потом направился на восток вокруг Пелопоннеса, чтобы найти убежище у Антония, который, как ему было известно, проводил кампанию. Он сойдет где-нибудь на берег и будет ждать Антония. Митилены на острове Лесбос в свое время укрыли его отца. Секст был уверен, что они спасут и сына.

Сухопутные силы Помпея почти не сопротивлялись, особенно после третьего сентября, когда Агриппа победил у Навлоха. «Легионы» Секста состояли из разбойников, рабов и вольноотпущенников, плохо обученных и не отличавшихся храбростью. Секст использовал их только для того, чтобы терроризировать местное население. Настоящим римским легионам они не могли противостоять. Большая часть сдалась, умоляя о пощаде.

Упиваясь своим превосходством, Лепид прошел по всему острову. И даже при этом он прибыл к Мессане раньше Октавиана, встретившего сильное сопротивление на берегу пролива к северу от Тавромения. Когда Лепид достиг Мессаны, правитель города Плиний Руф, назначенный Секстом Помпеем, выразил желание сдаться Агриппе. Такого оскорбления Лепид не мог вынести. Он написал Плинию Руфу, требуя, чтобы тот сдался ему, а не Агриппе, безродному ничтожеству. И примет он сдачу от своего имени, а не от имени Октавиана.

Когда Октавиан прибыл в лагерь Агриппы, тот кипел от возмущения. Это что-то новое! За все годы, что они были вместе, Октавиан никогда не видел Агриппу в таком состоянии.

— Ты знаешь, что сделал этот *суппий*? — взревел Агриппа. — Сказал, что это он одержал победу на Сицилии, а не ты, триумвир Рима, Италии и островов! Сказал... сказал... я не могу даже подумать об этом. Как я зол!

— Пойдем встретимся с ним, — успокоил его Октавиан. — Обсудим разногласия и выслушаем извинения. Хорошо?

— Меня удовлетворит только его голова, — пробормотал Агриппа.

Лепид был непримирим. Он принял Октавиана и Агриппу в палудаменте и в золотых доспехах. На его кирасе был изображен Эмилий Павел на поле сражения у Пидны — знаменитая победа. В пятьдесят пять лет немолодой Лепид остро чувствовал, что его уже затмевает молодежь. Сейчас или никогда. Время попытаться прийти к власти, которая всегда ускользала от него. Его ранг был равен рангу Антония и Октавиана, но никто не принимал его всерьез, и это должно измениться. Все «легионы» Секста он присоединил к своей армии, так что в Мессане у него было двадцать два легиона без четырех, стоявших у Агригента, и легионов, которые он оставил для поддержания порядка в провинции Африка. Да, время действовать!

— Что ты хочешь, Октавиан? — надменно спросил он.

— То, что полагается мне, — спокойно ответил Октавиан.

— Тебе ничего не полагается. Я побил Секста Помпея, а не ты и не твои низкорожденные приспешники.

— Как странно, Лепид. А почему же я думал, что Секста Помпея побил Марк Агриппа? Он выиграл морское сражение, в котором ты не участвовал.

— Ты можешь получить море, Октавиан, но не этот остров, — вставая, сказал Лепид. — Как триумвир, имеющий равные права с тобой, я объявляю, что отныне Сицилия является частью Африки и я буду управлять ею из Африки. Согласно заключенному в Таренте договору, Африка — моя еще на пять лет. Только, — продолжил Лепид, ухмыляясь, — пяти лет недостаточно. Я беру Африку, включая Сицилию, навсегда.

— Сенат и народ отнимут у тебя и то и другое, если ты не будешь осторожен, Лепид.

— Тогда пусть сенат и народ идут на меня войной! У меня тридцать легионов. Я приказываю тебе и твоим подчиненным, Октавиан, убираться в Италию! Немедленно покиньте мой остров!

— Это твое последнее слово? — спросил Октавиан, стиснув руку Агриппы, чтобы тот не выхватил меч.

— Да.

— Ты действительно готов к еще одной гражданской войне?

— Да.

— Думаешь, Марк Антоний поддержит тебя, когда вернется из Парфянского царства? Но он не поддержит, Лепид. Поверь мне, он не поддержит.

— Мне все равно, поддержит он меня или нет. А теперь уходи, пока ты еще жив, Октавиан.

— Уже несколько лет я — Цезарь, а ты по-прежнему только Лепид Недостойный.

Октавиан повернулся и вышел из лучшего особняка Мессаны, не отпуская руки Агриппы.

— Цезарь, как он смеет! Не говори мне, что мы должны сражаться с ним! — крикнул Агриппа, освобождаясь наконец от хватки друга.

На губах Октавиана заиграла самая обворожительная улыбка, он посмотрел на Агриппу сияющими, невинными, подкупающе юными глазами.

— Дорогой Агриппа! Я обещаю, что мы не будем с ним сражаться.

Больше этого Агриппа не смог узнать. Октавиан просто сказал, что гражданской войны не будет, даже ничтожно малой стычки, поединка, учений.

На следующее утро на рассвете Октавиан исчез. К тому времени, как Агриппа нашел его, все уже было кончено. Одетый в тогу, он явился в огромный лагерь Лепида и прошелся среди тысяч солдат, улыбаясь им, поздравляя их, завоевывая их. Они клялись страшными клятвами Теллус, Индигету и Либеру, что Цезарь их единственный командир, их любимый золотоволосый талисман, божественный сын.

Восемь легионов Секста Помпея, состоявших из всякого сброда, были в тот же день распущены и отосланы под усиленной охраной, покорные своей судьбе. Лепид обещал им свободу, а поскольку они плохо знали Октавиана, они, конечно, ожидали того же и от него.

— Твоя карьера закончилась, Лепид, — сказал Октавиан, когда пораженный Лепид ворвался в его палатку. — Поскольку по крови ты связан с моим божественным отцом, я сохраняю тебе жизнь и не подвергну суду в сенате за измену. Но я до-

бьюсь, чтобы сенат лишил тебя звания триумвира и отобрал все твои провинции. Ты навсегда станешь частным лицом, даже не будешь иметь права выдвигать свою кандидатуру на должность цензора. Но ты можешь остаться великим понтификом, потому что эта должность пожизненная, и ты им останешься, пока ты жив. Я требую, чтобы ты плыл со мной на моем корабле, но ты сойдешь в Цирцеях, где у тебя есть вилла. Ты ни под каким видом не появишься в Риме, и ты не сможешь жить в Государственном доме.

Лепид слушал с вытянутым лицом, судорожно сглатывая. Не найдя что сказать в ответ, он рухнул в кресло и закрыл лицо складкой тоги.

Октавиан сдержал слово. Хотя сенат был полон сторонников Антония, он единогласно утвердил декреты о Лепиде. Лепиду было запрещено появляться в Риме, он был лишен должностей, наград и провинций.

Урожай того года продавали по десять сестерциев за модий, и Италия воспрянула духом. Когда Октавиан и Агриппа открыли хранилища в Агригенте, они получили сногшибательную сумму в сто десять тысяч талантов. Сорок процентов Антония — сорок восемь тысяч талантов — послали ему в Антиохию, как только его афинский флот смог отплыть. Чтобы предотвратить воровство, деньги положили в дубовые ящики, обитые железом, забитые гвоздями и запечатанные свинцовой печатью с оттиском печатки-сфинкса Октавиана «ИМП. ЦЕЗ. СЫН БОГА. ТРИ.». Каждый корабль вез шестьсот шестьдесят шесть ящиков, в каждом ящике по одному таланту весом пятьдесят шесть фунтов.

— Это должно ему понравиться, — сказал Агриппа, — но ему не понравится, что ты оставил себе двадцать галер Октавии, Октавиан.

— Они отправятся в Афины в следующем году с двумя тысячами отборных солдат на борту и Октавией как дополнительным подарком. Она скучает по нему.

Но доля Рима, составляющая шестьдесят процентов, поскольку Лепид лишился своей части, не досталась Риму полностью. Шестьдесят шесть тысяч ящиков были погружены на транспорты, которые сначала должны были зайти в Порт Юлия и там высадить те двадцать легионов, что Октавиан вез домой. Некоторые солдаты будут демобилизованы, но большинство должны были остаться под орлами по причинам, известным только Октавиану.

Слухи об огромных богатствах быстро разнеслись. В конце сицилийской кампании представители легионов уже не горели патриотизмом. Когда Октавиан и Агриппа привели легионы в Капую и разместили в лагерях в окрестностях города, двадцать представителей от легионов пришли к Октавиану, грозя мятежом, если каждому легионеру не выплатят больших премий. Они говорили серьезно, Октавиан это понял. Он спокойно выслушал их предводителя, потом спросил:

— Сколько?

— Тысяча денариев — четыре тысячи сестерциев — каждому, — сказал Луций Децидий. — Иначе все двадцать легионов поднимут бунт.

— Сюда входят нестроевики?

Очевидно, нет, судя по удивлению на лицах. Но Децидий быстро сообразил:

— Для них по сто денариев каждому.

— Я прошу меня извинить, мне надо взять счета и подсчитать, в какую сумму это выльется, — невозмутимо произнес Октавиан.

И он начал считать. Костяшки из слоновой кости бегали взад-вперед по тонким прутьям быстрее, чем могли проследить неискушенные представители. О, вести переговоры он умел, этот молодой Цезарь!

— Получается пятнадцать тысяч семьсот сорок четыре таланта серебром, — сказал он несколько мгновений спустя. — Другими словами, все содержимое римской казны, без остатка.

— *Gerrae*, не может быть! — воскликнул Децидий, который умел читать и писать, но не умел считать. — Ты мошенник и лжец!

— Уверяю тебя, Децидий, ни то ни другое. Я просто говорю правду. Чтобы доказать это, когда я заплачу вам — да, я заплачу вам! — я положу деньги в сто тысяч мешков по тысяче в каждом для солдат и двадцать тысяч мешков по сто для нестроевых. Денарии, не сестерции. Я сложу эти мешки на лагерьном форуме, а ты найдешь достаточно легионеров, умеющих считать, и удостоверишься, что в каждом мешке действительно требуемая сумма денег. Хотя быстрее взвесить, чем считать, — кротко закончил он.

— Я забыл сказать, что еще для центурионов по четыре тысячи денариев, — добавил Децидий.

— Поздно, Децидий. Центурионы получают столько же, сколько и рядовые. Я согласился на ваше первое требование, но изменений не принимаю. Это понятно? Я даже скажу вам больше, поскольку я триумвир и имею на это право: вы не можете получить эту премию и еще ожидать землю. Это плата за демобилизацию — и мы в полном расчете. Если вы получите землю, это будет только моя добрая воля. Тратьте казенные деньги на здоровье, но не просите еще, ни сейчас, ни в будущем. Потому что Рим отныне не будет платить больших премий. В будущем легионы Рима будут драться за Рим, а не за командующего и не в гражданской войне. И в будущем римские легионы должны будут рассчитывать на жалованье, на то, что им удастся скопить, и на скромные премии при увольнении. Больше никакой земли, больше ничего без санкции сената и народа. Я учреждаю постоянную армию в двадцать пять легионов, и все легионеры будут служить двадцать лет без увольнения. Это карьера, а не работа. Факел для Рима, а не уголек для командующего. Я понятно говорю? На сегодня хватит, Децидий.

Двадцать представителей слушали с возрастающим ужасом, ибо это красивое молодое, напоминающее Цезаря лицо не было теперь ни красивым, ни молодым. Они знали, что он говорит совершенно серьезно. Как представители, они были самыми воинственными и самыми корыстными, но даже самые воинственные и корыстные люди могут услышать, как захлопывается дверь, а в тот день дверь захлопнулась. Вероятно, в даль-

нейшем еще будут мятежи, но Цезарь говорил, что мятежников ждет смерть.

— Ты не можешь казнить сто тысяч легионеров, — сказал Децидий.

— Разве? — удивился Октавиан, широко открыв заблестевшие глаза. — Сколько бы вы прожили, если бы я сказал трем миллионам итальянцев, что вы требуете с них выкуп, беря деньги из их кошельков, потому что на вас кольчуги и меч? Этого недостаточно, Децидий. Если люди Италии узнают об этом, они разорвут на мелкие кусочки сто тысяч вымогателей. — Он презрительно махнул рукой. — Идите, все! И посмотрите на размер ваших премий, когда я сложу мешки на плацу. Тогда вы узнаете, сколько вы просите.

Они гуськом вышли, покорно, но убежденные в своей правоте.

— У тебя есть их имена, Агриппа?

— Да, все до последнего. И еще несколько.

— Разъедини их и перетасуй. Думаю, будет лучше, чтобы с каждым произошел несчастный случай. А ты как считаешь?

— Фортуна капризна, Цезарь, но смерть в бою легче организовать. Жаль, что кампании кончились.

— Вовсе нет! — живо возразил Октавиан. — В будущем году мы идем в Иллирию. Если не пойдем, Агриппа, тамошние племена объединятся с бессами и дарданами и ринутся через Карнийские Альпы в Италийскую Галлию. Там горы самые низкие, и оттуда легче всего попасть в Италию. Единственная причина, почему они до сих пор этого не сделали, — отсутствие единства среди племен, которые недостаточно романизированы. Делегаты думают, что они будут героями, но большинство из них погибнет, стараясь завоевать венки за храбрость. Кстати, я собираюсь наградить тебя морским венком. — Он хихикнул. — Он тебе пойдет, Агриппа, он золотой.

— Спасибо, Цезарь, ты очень добр. Но Иллирия?

— Мятежей больше не будет. Скоро это станет немодно, или мое имя не Цезарь и я не сын бога. Тьфу! Я только что потерял почти шестнадцать тысяч талантов за пустяковую кампанию, в которой больше людей утонуло, чем погибло от меча.

Гражданские войны закончатся, и легионы больше не будут драться ради непомерных премий. Легионы будут драться в Иллирии за Рим, и только за Рим. Это будет настоящая кампания, без преклонения перед командиром и надежд на деньги, которые он раздает. Хотя я тоже приму участие в сражениях, это будет твоя кампания, Агриппа. Тебе я доверяю.

— Ты поражаешь, Цезарь.

— Почему? — удивленно спросил Октавиан.

— Ты запугал этих презренных негодяев. Они пришли сюда с раннего утра, чтобы запугать тебя, а ты повернул дело так, что это они ушли очень напуганные.

Блеснула улыбка, которая (по мнению Ливии Друзиллы) могла расплавить бронзовую статую.

— Агриппа, может, они и законченные негодяи, но они такие дети! Я знаю, что всего лишь один из восьми легионеров умеет читать и писать, но в будущем, когда они станут регулярной армией, они все должны будут научиться грамоте и счету. В зимнем лагере должно быть много учителей. Если бы они имели представление, сколько стоит Риму их жадность, они сначала подумали бы, прежде чем выдвигать такие требования. Вот почему уроки начнутся сейчас, с этих мешков. — Он печально вздохнул. — Я должен послать за целой когортой служащих казначейства. Я буду сидеть здесь, Агриппа, пока все не будет сделано у меня на глазах. Чтобы не было никакого казнокрадства, хищения или обмана, даже намек на подобное.

— Ты заплатишь им цистофорами? В подвалах Секста их было полно. Я помню историю о брате великого Цицерона, которому заплатили цистофорами.

— Эти монеты расплавят и отчеканят сестерции и денарии. Моим негодьям и людям, которых они представляют, заплатят денариями, как они требуют. — На его лице появилось мечтательное выражение. — Я пытаюсь представить, какой высоты будет эта гора мешков, но даже моего воображения не хватает.

Только в январе Октавиан смог вернуться в Рим, выполнив свою задачу. Он превратил само событие в подобие цирка, заставив все сто двадцать тысяч легионеров пройти по лагерно-

му форуму и посмотреть на холмы мешков, потом произнес речь в духе покойного Цезаря. Он изобрел новый способ доносить свои слова до слушателей: сам он стоял на высоком трибунале и обращался к тем центурионам, которые, по сообщениям его агентов, были влиятельными людьми, а каждый из его агентов произносил ту же речь перед центурией, причем не читая по бумажке, а воспроизводя по памяти. Это удивило Агриппу, который знал все об агентах Октавиана, но не представлял, что их так много. Центурия состояла из восьмидесяти солдат и двадцати нестроевиков. В легионе было шестьдесят центурий. И двадцать легионов собрались, чтобы посмотреть на мешки и послушать речь. Тысяча двести агентов! Неудивительно, что он знал все, что необходимо. Он мог называть себя сыном Цезаря, но истина состояла в том, что Октавиан ни на кого не был похож, даже на своего божественного отца. Он был нечто абсолютно новое, и проницательные люди, такие как покойный Авл Гирций, поняли это сразу, с первых шагов его карьеры.

Что касается его агентов, это были люди, непригодные ни для какой другой работы, болтливые бездельники, которым нравилось получать небольшое жалованье за то, что они шатаются по рыночной площади и говорят, говорят, говорят. Когда кто-нибудь сообщал своему хозяину ценную информацию по длинной, тщательно выстроенной цепочке, он получал несколько денариев как награду, но только если сведения точны. Октавиан имел агентов и в легионах, но им платили только за информацию. Жалованье им платил Рим.

К тому времени, как собрание закончилось, легионы знали, что демобилизованы будут только ветераны Мутины и Филипп, что в следующем году предстоят сражения в Иллирии и что мятежей больше не потерпят ни под каким предлогом, и меньше всего из-за премий. Малейший намек на мятеж — и будет порка, и полетят головы.

Агриппа наконец отметил свой триумф за победы в Дальней Галлии. Кальвин, завоевавший в Испании трофеи и грозную репутацию за суровое обращение с мятежными солдатами, отделал дорогим мрамором потрескавшиеся стены неболь-

шой Регию, самого древнего храма в Риме, и украсил ее снаружи статуями. Статилий Тавр стал наместником провинции Африка, оставив себе только два легиона. Зерно поступало как и полагалось, и по старой цене. Счастливый Октавиан приказал снести укрепления вокруг дома Ливии Друзиллы. Он построил для германцев удобные бараки на конце Палатина, на углу, где улица Триумфаторов выходит к Большому цирку, и сделал их телохранителями. Хотя впереди него всегда шли двенадцать ликторов, как велел обычай, он и его ликторы шагали в окружении вооруженных германцев. Новое явление в Риме, не привыкшем видеть вооруженные войска внутри священных границ города, за исключением крайних случаев.

Легионы принадлежали Риму, но германцы принадлежали Октавиану, и только ему. Их было шестьсот человек, *cohors praetorii*, гвардия для защиты городских магистратов, сенаторов и триумвиров. Но ни магистраты, ни сенаторы не питали иллюзий. Германцы отвечали только перед Октавианом, занявшим вдруг особое положение, которого не занимал даже Цезарь. Богатые и влиятельные сенаторы и всадники часто нанимали личную охрану, но из бывших гладиаторов, которые никогда не выглядели настоящими воинами. Октавиан одел своих германцев в эффектную форму. Они всегда были бодры, полны сил. Неимущие развлекались, глядя, как они каждый день выполняют свои упражнения на арене Большого цирка.

Никто уже не свистел, не шикал, не плевал Октавиану вслед, когда он шел по городским улицам или появлялся на Римском форуме. Он спас Рим и Италию от голодной смерти без помощи Марка Антония, чей флот, полученный взаймы, даже не упоминался. Работа по налаживанию управления Италией была поручена Сабину, и он с удовольствием взялся за ее выполнение. Он ратифицировал документы на землю, производил оценку общественных земель в разных городах и муниципиях, занимался переписью ветеранов, крестьян, выращивающих пшеницу, всех, кого Октавиан считал ценными или заслуживающими внимания. Он следил за ремонтом дорог, мостов, общественных зданий, гаваней, храмов и зернохранилищ. Сабину предоставили также команду преторов для вы-

слушивания многочисленных жалоб: римляне всех классов имели право на судебное разбирательство.

Через двадцать дней после сражения у Навлоха Октавиану исполнилось двадцать семь лет. Целых девять лет он был в центре римской политики и войны. Даже дольше, чем Цезарь или Сулла, которые отсутствовали в Риме по нескольку лет. Октавиан стал неотъемлемой частью Рима. Это было заметно во многом, но особенно в том, как он держал себя. Хрупкий, невысокий, одетый в тогу, он двигался с грацией и достоинством, окруженный удивительной аурой силы — силы человека, который выжил вопреки всему и теперь торжествует. Народ Рима, от первого класса до неимущих, привык видеть его на улицах. Как и Юлий Цезарь, он не гнушался поговорить с любым. И это несмотря на германскую охрану, которая знала, что не надо препятствовать, когда он проходил сквозь их ряды, чтобы пообщаться с человеком. Они научились скрывать свое беспокойство, обмениваясь замечаниями на ломаной латыни с теми в толпе, кто не осмеливался подойти к великому Цезарю.

К Новому году, когда этот счастливец из рода Помпеев, тоже Секст Помпей, стал консулом в паре с Луцием Корнифицием, в Рим начали поступать известия о больших победах на Востоке, распространяемые агентами Антония по наущению Попликолы. Антоний победил парфян, завоевал обширные территории для Рима, собрал несметные сокровища. Его сторонники ликовали, его враги были смущены. Октавиан, не веривший в это, послал на Восток специальных агентов, чтобы узнать, правдивы ли слухи.

В мартовские календы он созвал сенат, что было редкостью. Всякий раз, когда он это делал, сенаторы приходили все до единого, из любопытства и растущего уважения. Еще находились сенаторы, которые звали его Октавианом, отказываясь именовать его Цезарь, но их количество уменьшалось. А то, что он пережил девять опасных лет, добавило элемент страха. Так как его власть усиливалась, а Марк Антоний все не появ-

лялся, ничто не мешало ему стать тем, кем он хотел быть. Вот откуда появился страх.

Как триумвир, ответственный за Рим и Италию, он занимал курульное кресло на возвышении магистратов в конце новой курии, которую построил его божественный отец. Она строилась так долго, что не была закончена до года поражения Секста Помпея. Поскольку Октавиан обладал *imperium maius*, по положению он был выше консулов, чьи курульные кресла были расположены по обе стороны от его кресла и далеко позади него.

Он поднялся, чтобы произнести речь. В руках у него не было заметок, он стоял очень прямо, и его волосы светились золотым нимбом в сумеречном здании. Свет лился через верхний ряд окон и поглощался мраком пространства, которое вмещало тысячу человек на двух возвышениях по три яруса, с каждой стороны курульного подиума. Сенаторы сидели на складных стульях: старшие магистраты — на нижнем ярусе, младшие — на среднем, а *pedari*, не имевшие права выступать, — на верхнем ярусе. Поскольку партийной системы не существовало, было не важно, где сидит человек, справа или слева от возвышения. Но члены фракций старались держаться вместе. Некоторые делали записи для личных архивов, а шесть писцов вели протоколы для сената, потом делали копии, ставили консульские печати и помещали в архив, находившийся рядом с сенатскими конторами.

— Уважаемые сенаторы, консуляры, преторы, экс-преторы, эдилы, экс-эдилы, плебейские трибуны, отцы, внесенные в списки, я здесь, чтобы отчитаться перед вами о том, что сделано. Мне жаль, что я немного запоздал с этим, но мне было необходимо поехать в провинцию Африка, чтобы представить ее наместника Тита Статилия Тавра и самому посмотреть, что там натворил экс-триумвир Лепид. Он набрал огромное количество легионов, которые затем использовал в попытке захватить власть в Риме. Как вы знаете, с ситуацией я справился. Но никогда впредь ни одному промагистрату любого ранга или полномочий не позволено будет набирать, вооружать и тренировать легионы в своей провинции или вводить легионы в свои

провинции без разрешения сената и народа Рима. Далее. Мои самые первые легионы, ветераны Мутины и Филипп, будут распущены. Легионерам дадут земли в Африке и на Сицилии. На Сицилии еще большие беспорядки, чем в Африке. Она нуждается в хорошем руководстве, надлежащем ведении сельского хозяйства и в преуспевающем населении. Эти ветераны будут расселены на участках от ста до двухсот югеров земли. Они должны выращивать пшеницу, через каждые три года заменяя ее на бобовые. Старые латифундии Сицилии будут поделены, кроме той, которая отдана императору Марку Агриппе. Он возьмет под свою опеку ветеранов, выращивающих пшеницу. Сами они не будут продавать зерно. Он будет делать это от их имени и справедливо, без обмана платить им. Ветеранам понравился такой порядок, и они ждут не дождутся, когда их отпустят домой.

После их демобилизации у Рима останутся двадцать пять хороших легионов. Этого достаточно, чтобы справиться с любыми войнами, которые Рим вынужден будет вести. Очень скоро они отправятся в Иллирию, которую я намерен подчинить в этом году или в ближайшие годы. Пора защитить людей восточной части Италийской Галлии от набегов япидов, далматов и других иллирийских племен. Если бы мой боже-ственный отец был жив, это было бы уже сделано. А теперь это моя задача, и я выполню ее вместе с Марком Агриппой. Ибо я не могу покинуть Рим дольше чем на несколько месяцев. Первостепенная задача — хорошее руководство, и сенат и народ Рима оказали мне честь, доверив ее выполнение.

Октавиан спустился с курульного возвышения, прошелся вдоль длинной скамьи, на которой сидели десять плебейских трибунов, и встал в центр мозаичного пола. Оттуда он говорил, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы все могли видеть его лицо, а не только затылок. Его тонкую фигуру окружало золотое свечение, создавая впечатление сверхъестественности.

— Мы не знали покоя с тех пор, как Секст Помпей стал мешать нам запасать зерно, — продолжил он ровным голосом. — Казна была пуста, народ голодал, цены взлетели так высоко,

что только люди с достатком могли жить так, как должны жить все римляне, — с достоинством и хотя бы с минимумом комфорта. Увеличилось количество людей, которые не могут позволить себе даже одного раба. Неимущие, которые не получали солдатского жалования, оказались в таком отчаянном положении, что ни один магазин в Риме не отваживался открыться. Не их вина, почтенные отцы! Наша вина, потому что мы слишком долго терпели Секста Помпея. Но у нас не было ни флота, ни денег, чтобы выступить против него, как все вы хорошо знаете. Потребовалось четыре года, чтобы собрать столько кораблей, сколько нам нужно. В прошлом году у нас появился необходимый флот, и Марк Агриппа навсегда выгнал Секста Помпея с моря.

Голос его изменился, стал суровым.

— Я расправился с пехотой Секста Помпея так же сурово, как с его матросами и гребцами. Рабы были возвращены хозяевам с просьбой никогда не освобождать их. Тех рабов, хозяев которых Секст Помпей убил, сажали на кол. Да! На кол! Через прямую кишку, проткнув жизненно важные органы. Вольноотпущенников и иноземцев выпороли и поставили на лоб клеймо. Флотоводцев казнили. Экс-триумвир Марк Лепид хотел ввести их в состав своих легионов, но Рим не нуждается в таких мерзавцах и не потерпит их. Они или умерли, или стали рабами. И это правильно.

Консулы, преторы, эдилы, квесторы и военные трибуны Рима имеют определенные обязанности и должны исполнять их с тщанием и усердием. Консулы составляют законы и воплощают государственные проекты. Преторы выслушивают судебные иски, гражданские и уголовные. Квесторы следят за деньгами Рима, будь это квесторы казначейства, наместника или порта. Эдилы служат Риму, следя за состоянием водного снабжения, канализации, рынков, зданий и храмов. Как триумвир, отвечающий за Рим и Италию, я буду внимательно следить за магистратами и позабочусь о том, чтобы это были умелые и толковые люди.

Он озорно улыбнулся, блеснули белые зубы.

— Я признателен за мои позолоченные статуи, поставленные на Форуме, — это говорит о том, что я восстановил порядок на суше и на море. Но больше всего я ценю хорошее руководство. И Рим еще не настолько богат, чтобы позволить себе тратить на статуи деньги из своих доходов. Тратьте разумно, почтенные отцы!

Он сделал несколько шагов, потом повернулся к возвышению и остановился, собираясь произнести заключительную часть своей речи, к облегчению присутствующих оказавшуюся короткой.

— Последнее, но не менее важное, почтенные отцы. До меня дошли слухи о том, что император Марк Антоний одержал большие победы на Востоке, что его лоб венчает лавровый венок и что у него огромные трофеи. Он дошел даже до Фрааспы, что в двухстах милях от Экбатаны, и везде побеждал. Армения и Мидия у его ног, их цари — его вассалы. Поэтому давайте проголосуем за двадцатидневное благодарение в честь его подвигов. Кто согласен, скажите «да»!

Крики «да!» потонули в топоте ног, в аплодисментах. Октавиан сосчитал голоса. Да, все еще около семисот сторонников.

— Я их опередил! — самодовольно сообщил он Ливии Друзилле, вернувшись домой. — Я не дал его сторонникам возможности прокричать с места о подвигах Антония.

— Разве еще никто не знает о поражении Антония? — удивилась она.

— Кажется, не знают. Предложив проголосовать за благодарение, я лишил их возможности спорить.

— И не дал им предложить устроить победные игры в его честь и еще как-нибудь всенародно его прославить, — сказала она, очень довольная. — Отлично, любовь моя, отлично!

Он притянул ее к себе на ложе и стал целовать ее веки, щеки, ее восхитительный рот.

— Я хотел бы заняться с тобой любовью, — шепнул он ей на ухо.

— В чем же дело? — выдохнула она, беря его за руку.

Обнявшись, они покинули гостиную Ливии Друзиллы и прошли в ее спальню. «Сейчас, пока он этого хочет! Сейчас, сейчас!» — думала она, срывая одежды с себя, с него. Потом она легла на кровать, приняла соблазнительную позу. «Целуй мои груди, целуй мой живот, целуй ниже, покрой всю меня поцелуями, наполни меня своим семенем!»

Через шесть рыночных интервалов Октавиан снова созвал сенат, вооружившись горой свидетельств, которые могли и не понадобиться, но которые он должен был иметь под рукой на всякий случай. На этот раз он начал с объявления, что в казне теперь достаточно денег, чтобы простить одни налоги и уменьшить другие. И объявил, что надлежащее республиканское правление вернется, как только кампания в Иллирии закончится. Необходимость в триумвирах отпадет, желающие занять консульскую должность смогут выдвигать свои кандидатуры без одобрения триумвиров. Сенат будет верховным органом, собрания будут проводиться регулярно. Все это было встречено с одобрением и громкими аплодисментами.

— Однако, — и голос его зазвенел, — прежде чем я закончу, я должен обсудить дела на Востоке. То есть дела императора Марка Антония. Во-первых, Рим получал ничтожно малую дань от провинций Марка Антония с тех пор, как он стал триумвиром Востока после Филипп, около шести с половиной лет назад. То, что я, триумвир Рима, Италии и островов, смог снизить одни налоги и отменить другие, — это лишь моя заслуга. И прежде чем кто-либо на передних или средних скамьях вскочит, чтобы напомнить мне, что Марк Антоний дал мне сто двадцать кораблей для кампании против Секста Помпея, я должен всем вам сказать, что он потребовал плату от Рима за эти корабли. Да, он выставил Риму счет! Я слышу, как вы спрашиваете «Сколько?». Сорок восемь тысяч талантов, почтенные отцы! Сумма, составившая сорок процентов содержимого хранилищ Секста Помпея! Остальные шестьдесят шесть тысяч талантов пошли Риму, не мне. Я повторяю, не мне! Они пошли на уплату огромных общественных долгов и на пополнение запасов зерна. Я — слуга Рима, я не хочу быть хо-

зяином Рима! Я могу получить доход, но только если этот доход — освященный веками обычай. Те сто двадцать кораблей стоили по триста шестьдесят шесть талантов каждый, и Антоний их одолжил, а не дал. Новая квинквирема стоит сто талантов, но мы вынуждены были нанять флот Марка Антония. В казне не было денег, но мы не могли позволить себе отложить нашу кампанию против Секста Помпея еще на год. Поэтому от имени Рима я согласился на это вымогательство, ибо это настоящее вымогательство!

К этому времени на скамьях поднялся шум, сидевшие выкрикивали кто оскорбления, кто похвалу. Семьсот сторонников Антония понимали, что должны защищаться, и кричали громче всех. Октавиан с бесстрастным лицом ждал, когда все успокоится.

— Но получила ли казна эти шестьдесят шесть тысяч талантов? — спросил Попликола. — Нет! Только пятьдесят тысяч были положены в казну! Где остальные шестнадцать тысяч? Может быть, они осели в твоих подвалах, Октавиан?

— Нет, не осели, — мягко ответил Октавиан. — Ими заплатили римским легионам, чтобы предотвратить серьезный мятеж. Тема, которую я намерен обсудить с членами сената в другой раз, ибо это должно прекратиться. Сегодня мы обсуждаем правление Марка Антония на Востоке. Это мошенничество, почтенные отцы! Обман! Магистраты Рима ничего не знают о деятельности Антония на Востоке, а казна Рима не получает дань с Востока!

Он замолчал, посмотрел на скамьи сначала справа, потом слева, остановил взгляд на сторонниках Антония, которые стали отводить глаза. «Да, — подумал Октавиан, — им все известно. Неужели они думали, что я не узнаю? Неужели они считали, что я был искренен, когда предложил проголосовать за благодарение в честь Антония?»

— Все на Востоке — обман, — громко произнес он, — вплоть до сообщений о победах Марка Антония над парфянами. Не было побед, почтенные отцы. Никаких. Наоборот, Антоний потерпел поражение. До того как он сделался триумвиром, в летнем дворце царя парфян в Экбатане уже хранились

семь римских орлов, утраченных, когда Марк Красс и семь легионов были уничтожены при Каррах. Позор для всех истинных римлян! Потеря орла означает потерю легиона, когда после сражения поле боя остается в руках неприятеля. Эти семь орлов символизируют позор Рима. Но они были единственными, которыми располагает враг. Да, я говорю это в прошедшем времени. Осознанно! Ибо за шесть с половиной лет, в течение которых Марк Антоний управлял Востоком, еще четыре наших орла ушли в летний дворец в Экбатане! Их потерял Марк Антоний! Первые два принадлежали двум оставленным в Сирии легионам Гая Кассия, которым Марк Антоний доверил защиту Сирии, пока сам пьянствовал в Афинах после вторжения парфян. Что он обязан был сделать? Остаться в Сирии и выгнать врага! Но он не сделал этого! Он убежал в Афины продолжать свое беспутство! Его наместник Сакса был убит, и другой Сакса, его брат, тоже. Возвратился ли Антоний, чтобы отомстить за них? Нет! Не возвратился! Он управлял тем, что у него осталось, из Афин, и когда парфян выгнали, их победителем был Публий Вентидий, обыкновенный заводчик мулов! Хороший гражданин, великолепный полководец, человек, которым Рим может гордиться, гордиться, гордиться! А его начальник в это время нежился в Афинах, делая краткие вылазки по Адриатике, чтобы досаждать мне, своему коллеге, потому что я не выполнил то, что обозначено в нашем соглашении. Но я выполнил и, когда пришло время, лично прибыл на место. То, что я доверил командование в моей кампании Марку Агриппе, было продиктовано соображениями здравого смысла. Он намного лучший военачальник, чем я или, как я подозреваю, Марк Антоний. Я предоставил Марку Агриппе свободу действий, а Антоний связал Вентидия по рукам и ногам. Вентидий должен был сдерживать парфян для своего начальника, пока тот не соизволит поднять свою крепкую задницу, будь это пять месяцев или пять лет! К счастью для Рима, Вентидий проигнорировал его приказ и выгнал парфян. Но я думаю, почтенные отцы, что, если бы Вентидий подчинился, Антоний привел бы легионы к поражению! Вот как сейчас!

Он замолчал, только чтобы насладиться наступившей тишиной. Восемьсот человек словно онемели. Из них большинство — сторонники Антония — сидели ошеломленные, не зная, сколько известно Октавиану, и с ужасом ожидая исхода. Ни звука протеста, ни единого звука!

— В прошлом мае, — бесстрастно произнес Октавиан, — Антоний повел огромное войско из Карана в Малой Армении на восток. Это был долгий марш. Шестнадцать римских легионов — девяносто шесть тысяч человек — и еще кавалерия и пехота из его провинций — это еще пятьдесят тысяч — остановились в Артаксате, столице Армении, прежде чем отправиться в незнакомую страну. Проводниками у Антония были армяне, которым он доверял. Одна из трагедий моего рассказа, почтенные отцы, в том, что Марк Антоний продемонстрировал ужасный недостаток — он всегда доверяет не тем людям. Его товарищи могли протестовать до посинения, но Антоний не слушал мудрых советов. Он доверял тем, кто этого не заслуживал, начиная с царя Армении и кончая царем Мидии. Оба Артавазда сначала ввели его в заблуждение, а потом остригли, как овцу. Антоний потерял свой обоз, самый большой из всех, какие когда-либо собирали римские военачальники, а вместе с обозом потерял два сильных легиона, возглавляемых Гаем Оппием Статианом из известной семьи банкиров. Еще два серебряных орла ушли в Экбатану. Итого четыре орла, утраченных Антонием. Теперь одиннадцать орлов украшают летний дворец царя Фраата! Трагедия? Да, конечно. Более того, почтенные отцы, это катастрофа! Какой иноземный враг будет бояться мощи Рима, если римские войска теряют своих орлов?

На этот раз молчание было прервано тихими рыданиями. Несомненно, все сенаторы уже слышали про это, но большинство не знали подробностей.

Октавиан снова заговорил:

— Без осадных механизмов, похищенных мидийским царем Артаваздом вместе с остальным обозом, Марк Антоний более ста дней бессмысленно сидел перед городом Фрааспа, не в состоянии взять его. На его фуражирные отряды нападали затаившиеся парфяне во главе с неким Монесом, парфяни-

ном, кому Антоний всецело доверял. Пришла осень, и у Антония не осталось выхода, ему пришлось отступить. Пятьсот миль до Артаксаты, преследуемые Монесом и парфянами, которые тысячами убивали отстающих. Это были по большей части вспомогательные войска, неспособные передвигаться с той же скоростью, с какой шли легионы. Но римский военачальник, использующий вспомогательные войска, обязан беречь их так, словно они тоже римляне. А Антоний бросил их ради спасения своих легионов. Возможно, я или Марк Агриппа в подобных обстоятельствах сделали бы то же самое, но я сомневаюсь, чтобы мы потеряли обоз, позволив ему отстать от армии на сотни миль. В конце ноября отступление было завершено и армия разместилась во временном лагере в Каране. Затем Антоний убежал в небольшой сирийский порт Левка Кома, оставив Публия Канидия вести войска, отчаянно нуждавшиеся в помощи. Во время последнего марша многие погибли от холода, много было случаев обморожения пальцев рук и ног. Из ста сорока пяти тысяч человек больше трети умерли, в большинстве своем это были ауксиларии. Честь Рима запятнана, почтенные отцы. Я хочу сказать о потере одного человека, Полемона Понтийского, царя-клиента, назначенного Марком Антонием. Полемон внес большой вклад в победы Публия Вентидия, дав Антонию войска, и даже сам принял участие в кампании. Я добавлю, что от имени Рима я решил выделить сумму из денег Секста Помпея, чтобы выкупить царя Полемона, который не заслуживает участи умереть пленником парфян. Он будет стоить казне ничтожно мало — всего двадцать талантов.

Плач стал громче, многие сенаторы сидели, закрыв лица складкой тоги. Черный день для Рима.

— Я сказал, что армия Антония очень нуждалась в помощи. Но к кому обратился Антоний за помощью? Куда он пошел за помощью? Послал ли он гонца к вам, почтенные отцы? Послал ли он ко мне? Нет! Он послал гонца к египетской Клеопатре! Иноземке, женщине, которая молится богам-зверям, неримлянке! Да, он послал к ней! И пока он ждал, известил ли

он сенат и народ Рима о своей катастрофической кампании? Нет, не известил! Он два месяца напивался до бесчувствия, по нескольку раз в день выбегал из палатки и спрашивал: «Она приедет?», как маленький мальчик, зовущий маму: «Я хочу маму!» Вот что на самом деле повторял он снова и снова: «Я хочу маму! Я хочу маму!» Маленький мальчик, триумвир Востока. В конце концов она приехала, отцы, внесенные в списки. Царица зверей приехала, привезла с собой провизию, вино, врачей, целебные травы, бинты, экзотические фрукты, все, чего так много в Египте! И когда солдаты доплелись до Левки Комы, она лечила их. Не от имени Рима, а от имени Египта! А Марк Антоний, пьяный, рыдал, уткнувшись головой ей в колени!

Попликола вскочил с места.

— Это неправда! — крикнул он. — Ты лжешь, Октавиан!

Октавиан снова терпеливо подождал, пока утихнет шум. Слабая улыбка играла на его губах, как солнечный луч на воде. Это было начало, да, определенно, это было начало. Несколько сенаторов, не так горячо преданные Антонию, рассердились настолько, что отреклись от него. Понадобилось лишь одно слово: «рыдал»!

— У тебя есть предложение? — спросил Квинт Лароний, один из сторонников Октавиана.

— Нет, Лароний, — громко ответил Октавиан. — Я пришел сегодня в курию Гостилия моего божественного отца рассказать все как есть. Я много раз и раньше говорил и повторяю сейчас: я не буду воевать с соотечественником, римлянином! Никакая причина не заставит меня даже подумать о войне против триумвира Марка Антония! Пусть сам распорядится своей судьбой. Пусть он продолжает совершать ошибку за ошибкой, пока сенат не решит, что, как и Марка Лепида, его надо лишить должности и провинций! Я не буду это предлагать, почтенные отцы, ни сейчас, ни в будущем. — Он замолчал и принял печальный вид. — Если только Марк Антоний сам не откажется от гражданства и родины. Давайте молиться Квиринау и Индигету, чтобы Марк Антоний не сделал этого. Сегодня дебатов не будет. Все свободны.

Он спустился с возвышения и пошел по черно-белому мозаичному полу к большой бронзовой двери в конце курии, где его окружили ликторы и германская охрана. Дверь оставалась открытой — умный ход, — и ни о чем не подозревавшие консулы не потребовали, чтобы дверь закрыли. На улице стояли люди, которые часто посещали Римский форум. И они все слышали. В течение часа весь Рим узнает, что Марк Антоний вовсе не герой.

— Я вижу проблеск надежды, — сказал он Ливии Друзилле, Агриппе и Меценату этим вечером за обедом.

— Надежды? — спросила его жена. — Надежды на что, Цезарь?

— Ты догадался? — обратился он к Меценату.

— Нет, Цезарь. Просвети меня, пожалуйста.

— А ты догадался, Агриппа?

— Возможно.

— Да, ты мог догадаться. Ты был со мной у Филипп, слышал многое, чего я еще никому не говорил.

Октавиан замолчал.

— Пожалуйста, Цезарь! — взмолился Меценат.

— Это пришло мне в голову внезапно, когда я говорил в сенате. Вся моя речь была экспромтом на заданную тему. Конечно, я знал Марка Антония всю мою жизнь, и одно время он даже нравился мне. Он был моей противоположностью — большой, сильный, дружелюбный. Такой человек, каким мое здоровье не позволяло мне стать. Но потом, по-видимому одновременно с моим божественным отцом, я разочаровался в нем. Особенно после того, как Антоний изрубил восемьсот граждан на Римском форуме и подкупил легионы моего божественного отца. Жестокое разочарование! Он не мог быть наследником. К великому сожалению, он нисколько не сомневался, что будет наследником, поэтому выбор Цезаря стал для него тяжелым ударом. Он поставил себе цель покончить со мной. Но все это вам известно, поэтому я перейду к нашим дням.

Он осторожно взял оливку, кинул ее в рот, пожевал и проглотил. Остальные смотрели на него, затаив дыхание.

— В одном месте речи я сравнил Антония с маленьким мальчиком, зовущим свою маму: «Я хочу маму!» И вдруг передо мной встало видение будущего, но смутно, как сквозь тонкую янтарную пластинку. Это будущее зависит от двух вещей. Во-первых, карьера Антония — одни разочарования, от утлывшего наследства до парфянской экспедиции. А он не может перенести разочарование, оно подрывает его влияние, лишает его способности ясно мыслить, портит характер, заставляет целиком полагаться на своих приближенных и приводит к длительным запоям.

Октавиан выпрямился на ложе, подняв маленькую некрасивую руку:

— Во-вторых, египетская царица Клеопатра. Все, от его судьбы до моей, вертится вокруг нее. Если он представляет ее в роли своей матери, он будет исполнять каждый ее каприз, приказ, просьбу. Это у него в природе. Может быть, потому, что его настоящая мать — еще одно разочарование. Клеопатра — царственная особа, она рождена повелевать. С момента смерти божественного Юлия она лишена совета или помощи. И она уже немного знакома с Антонием — он провел зиму в Александрии, в результате чего она родила мальчика и девочку. В последнюю зиму она была с ним в Антиохии и родила ему еще мальчика. При обычных обстоятельствах я бы просто занес ее в список многих царственных особ, которых соблазнил Антоний. Но его поведение в Левке Коме предполагает, что он относится к ней как к маме, без которой не может обойтись.

— А что именно ты увидел смутно, как сквозь янтарь? — с горящими глазами спросила Ливия Друзилла.

— Договор между Антонием и Клеопатрой, неримлянкой, которая не удовлетворится ничтожными подарками Антония, такими как Кипр, Финикия, Филистия, Киликия Трахея и доходы от бальзама и асфальта. Правда, он исключил сирийский Тир и Сидон, а также киликийскую Селевкию — важные источники реальных денег. Через месяц я вернусь в сенат, чтобы

обжаловать эти подарки царице зверей. Вы не считаете, что это имя ей подходит? Отныне я буду соединять ее имя с именем Антония. Буду твердить о том, что она иностранка, что она сделала своим рабом бога Юлия. Буду говорить о ее больших амбициях. О ее планах захвата Рима через своего старшего сына, которого она называет сыном Цезаря, хотя весь мир знает, что он низкорожденный, ребенок от египетского раба, которого она использовала, чтобы удовлетворить свои ненасытные сексуальные аппетиты. Тьфу!

— О Юпитер, Цезарь, это гениально! — воскликнул Меценат, радостно потирая руки. Потом нахмурился. — Но зайдет ли все так далеко? Я не представляю, чтобы Антоний отказался от гражданства или чтобы Клеопатра принуждала его к этому. Он полезен ей как триумвир.

— Я не знаю ответа, Меценат. Будущее слишком смутно. Однако он может не отказываться от гражданства. Нам только нужно представить все так, чтобы казалось, что он это сделал.

Октавиан спустил ноги с ложа, хлопнул в ладони, подзывая слугу, и подождал, когда тот зашнурует его сандалии.

— Мои люди начнут говорить об этом, — сказал он, протянув руку Ливии Друзилле. — Пойдем, моя дорогая. Посмотрим на новых рыб.

— О, Цезарь, это же чистое золото! — воскликнула она с благоговейным трепетом. — Без единого изъяна!

— Женская особь, и уже с икрой. — Октавиан сжал ее пальцы. — Как мы ее назовем? Что ты предлагаешь?

— Клеопатра. А вон там, этот огромный экземпляр, — Антоний.

Мимо них проплыл карп поменьше, бархатно-черный, похожий на акулу.

— Это Цезарион, — указал на него Октавиан. — Видишь? Он почти незаметен, пока еще ребенок, но опасный.

— А вон тот, — подхватила Ливия Друзилла, показывая на бледно-золотую рыбу, — император Цезарь, божественный сын. Самый красивый из всех.

К маю последняя партия войска Антония дошла до Левки Комы и попала в заботливые руки сотни рабов Клеопатры. Не зная о политических подводных течениях, связанных с ее присутствием рядом с Антонием, солдаты были весьма благодарны ей. Большинство пострадавших от обморожения излечить не удалось, но некоторые все же сохранили почерневшие пальцы, а египетская медицина была лучше римской или греческой. Около десяти тысяч легионеров никогда уже не возьмут в руки меч и не выдержат длительного марша. К огромному удивлению Антония, его афинский флот еще в начале мая пришел в Селевкию Пиерию и привез сорок восемь тысяч дубовых ящиков (три корабля потонули во время шторма у мыса Тенар). В ящиках была доля Антония из денег Секста Помпея. Антоний почувствовал огромное облегчение, ибо Клеопатра денег не привезла и поклялась, что больше не пожертвует ни одной монеты на бесплодные кампании против парфян. Антоний смог дать своим солдатам-инвалидам большие пенсии и погрузить их на галеры, возвращающиеся в Афины и подлежащие списанию. Их годы морской службы закончились. Неожиданный доход позволил Антонию набрать новую армию, куда вошли и ветераны его первой неудачной кампании.

- Зачем Октавиан сделал это? — спросила Клеопатра.
- Что сделал, любовь моя?
- Послал тебе твою долю денег Секста.
- Потому что вся его карьера построена на выдающейся доброте. Сенат это приветствует, а ему зачем деньги? Он — триумвир Рима, у него в распоряжении вся казна.
- Должно быть, она заполнена до потолка, — задумчиво произнесла Клеопатра.
- Я тоже так думаю, судя по его сопроводительному письму.
- Которое ты не дал мне прочесть.
- Ты не имеешь права читать его.

— Я не согласна. Кто пришел к тебе на помощь в этом ужасном месте? Это сделала я, а не Октавиан! Дай мне письмо, Антоний.

— Скажи «пожалуйста».

— Нет, не скажу! Я имею право прочитать его! Дай мне письмо!

Антоний налил в бокал вина и выпил залпом.

— Ты стала слишком требовательной, — сказал он, рыгнув. — Чего ты хочешь? Быть выше меня?

— Возможно, — сказала она, щелкнув пальцами. — Ты у меня в долгу, Антоний, поэтому дай мне письмо.

Усмехнувшись, он дал ей лист фанниевой бумаги. Клеопатра прочла письмо быстро, как делал это Цезарь.

— Тьфу! — плюнула она, свернула лист и швырнула в угол палатки. — Да он полуграмотный, этот Октавиан!

— Довольна, что в письме ничего нет?

— Я и не думала, что в нем что-то есть, но я не уступаю тебе по положению и богатству. Я — твой полноправный партнер в нашем восточном предприятии. Мне следует показывать все, и я должна присутствовать на всех твоих советах и совещаниях. Канидий кое-что смыслит, но не такие ничтожества, как Тиций и Агенобарб.

— Насчет Тиция я согласен, но Агенобарб? Он далеко не ничтожество. Хватит, Клеопатра, перестань быть такой колючей. Покажи моим коллегам ту свою сторону, которую знаю только я, — добрую, любящую, внимательную.

Ее маленькая ножка, одетая в золоченую сандалию, застучала по земляному полу палатки. Лицо стало суровым.

— Я так устала здесь, в Левке Кома, вот в чем дело, — сказала она, закусив губу. — Почему мы не можем поехать в Антиохию, где есть дома, которые не скрипят и не стонут при порывах ветра?

Антоний удивленно посмотрел на нее.

— Да нет никакой причины, — сказал он. — Поехали в Антиохию. Канидий справится здесь со всем, подготовит войска. — Он вздохнул. — Я смогу повести их к Фрааспе только

в следующем году. Этот предатель, дворняжка Монес! Клянусь, я снесу ему голову!

— Если ты получишь его голову, ты будешь меньше пить?

— Может быть, — ответил он и поставил бокал, словно в нем была раскаленная лава. — Неужели ты не понимаешь? — крикнул он, задрожав. — Я потерял свою удачу! Если она вообще когда-нибудь была у меня. Да, удача была со мной у Филипп. Но только у Филипп, как мне теперь кажется. До и после — никакой удачи. Вот почему я должен продолжить войну против парфян. Монес отнял у меня удачу и мои два орла. Четыре, если считать два, украденных Пакором. Я должен их вернуть — мою удачу и моих орлов.

«Одно и то же, одно и то же, — думала она. — Вечно только о потерянной удаче и о триумфе у Филипп. Пьяные всегда ходят по кругу. Все та же тема, словно в ней заключена жемчужина мудрости и надежда справиться с любым несчастьем или злом в мире. Два месяца в Левке Кома слушать Антония, бубнящего одно и то же, как собака, кружащаяся на месте, лова свой хвост. Вероятно, смена обстановки поможет ему оправиться. Хотя он не в силах определить, что именно гложет его, я называю это глубоким унынием. Настроение у него вялое, он очень много спит, словно не хочет просыпаться и смотреть на свою жизнь, даже если в этой жизни присутствую я. Вероятно, он считает, что должен был покончить с собой в ту ночь, когда ожидал мятежа? Римляне странные, они считают делом чести упасть на собственный меч. Для них жизнь не является бесценным даром, в ней есть определенная грань, за которой они теряют свое *dignitas*. И они не боятся умереть, как большинство народов, включая египтян. Поэтому я должна развеять уныние Антония, иначе оно его задушит. Нужно вернуть ему это его *dignitas*. Он мне нужен, он мне нужен! Мне нужен прежний Антоний! Способный победить Октавиана и посадить моего сына на трон Рима, который пустует уже пятьсот лет, ожидая Цезариона. О, как я скучаю по Цезариону! Если мы приедем в Антиохию, я смогу уговорить Антония поехать в Александрию. Оказавшись там, он придет в себя».

Но в Антиохии ждали сюрпризы, и ни один из них не был приятным. Антоний нашел горы писем от Попликолы из Рима, на каждом стояла дата отправления, так что он смог прочитать их по порядку.

Письма содержали подробное красочное описание кампании Октавиана против Секста Помпея, хотя в них проглядывала досада Попликолы на то, что ему не дали принять участия в этой, как он выразился, очень гладкой операции. И Октавиан не спрятался в италийском подобии болот, даже во время тяжелого боя, после того как он наконец сошел на берег у Тавромения. Всем, кто хотел слушать, он радостно сообщал, что с тех пор, как он женился, хрипы у него прошли. «Ха! — подумал Антоний. — Две холодные рыбы хорошо плавают вместе».

Его привело в ярость известие о судьбе Лепида. По условиям их договора, Антоний имел право голоса при принятии такого решения, как изгнание Лепида и лишение его должностей и провинций. Но Октавиан не позаботился о том, чтобы написать ему, оправдываясь тем, что Антоний в Мидии. Тридцать легионов! Как Лепиду удалось набрать еще пятнадцать легионов в этом медвежьем углу, провинции Африка? А сенат, включая сторонников Антония, проголосовал за изгнание бедного Лепида из Рима! Он томится на своей вилле в Цирцеях.

От Лепида тоже пришло письмо, полное извинений и жалости к себе. Его жена, сестра Брута Юния-младшая (Юния-старшая вышла замуж за Сервилия Ватию), изменяла ему, а теперь, когда ей некуда было убежать, всячески портила ему жизнь. Стоны, стоны, одни стоны. Антоний устал от жалоб Лепида и разорвал письмо, не прочитав и половины. Возможно, Октавиан отчасти был прав, и определенно эта козявка умно поступила с войском Лепида. Как хорошо все провернул, этот молодой красавчик!

Версия инцидента с Лепидом, изложенная Октавианом, несколько отличалась, хотя ему тоже было что сказать о попытке Лепида зачислить вражеских солдат в римские легионы.

Я думаю, пора сенату и народу Рима понять, что дни, когда с вражеским войском обходились снисходительно, прошли. Снисходительность не может помочь, а только усложняет по-

ложение, особенно если легионеры должны терпеть присутствие тех, с кем они дрались всего лишь нундину назад, зная, что этим презренным людям дадут землю при увольнении, словно они никогда не обнажали меч против Рима. Я изменил это. С солдатами Секста Помпея, моряками и гребцами, обошлись сурово, — говорилось в письме Октавиана. — Не в обычае Рима брать пленных, но и не в обычае освободить побежденных врагов, словно они римляне. В легионах и экипажах Секста Помпея было мало римлян, и все hostis. При других обстоятельствах я мог бы продать их в рабство, но на этот раз я решил, что они послужат примером.

Сам Секст Помпей убежал вместе с Либоном и двумя убийцами моего божественного отца, Децимом Туруллием и Кассием Пармским. Они убежали на восток, сделавшись теперь твоей проблемой, не моей. Ходят слухи, что они нашли убежище в Митиленах.

Это было не все, что хотел сказать Октавиан. Он продолжал вежливо, но уверенно и с сознанием своей силы. Это был новый Октавиан, победитель, верящий в свою удачу. Такое письмо Антоний не мог разорвать и выбросить.

Ты, наверное, уже получил свою долю из денег Секста Помпея с моим сопроводительным письмом. В заключение я хочу сказать тебе, что эта огромная сумма в монетах Республики аннулирует мое обязательство послать тебе двадцать тысяч солдат. Конечно, ты можешь приехать в Италию и набрать их, но у меня нет ни времени, ни желания делать за тебя грязную работу. Я только отобрал две тысячи самых лучших солдат, желающих служить у тебя на Востоке, и скоро пришлю их морем в Афины. Как я сам убедился, семьдесят из твоих военных галер уже сгнили и обросли ракушками. Я подарю тебе семьдесят новых «пятерок» из моего флота, а также несколько единиц отличной артиллерии и осадных машин, чтобы возместить то, что ты потерял в Мидии. За кампанию против Секста Помпея триумфов не было, поскольку он римлянин. Однако я высоко ценю заслуги Марка Агриппы, который показал себя блестящим флотоводцем и командующим сухопут-

ными силами. Луций Корнифиций, младший консул в этом году, тоже оказался храбрым и умным командиром, как и Сабин, Статилий Тавр и Мессала Корвин. На Сицилии сейчас мир, она навсегда отдана Марку Агриппе, единственному, у кого осталась во владении латифундия прежних размеров. Тавр уехал управлять провинцией Африка. Я прибыл с ним в Утику и наблюдал за началом его деятельности. Могу уверить тебя, что он не превысит своих полномочий. На самом деле никто не превысит своих полномочий, ни консулы, ни преторы, ни наместники, ни младшие магистраты. И я предупредил легионы Рима, чтобы впредь не ждали больших премий. В дальнейшем они будут сражаться за Рим, а не за конкретного человека.

И так далее и тому подобное. Закончив читать длинный свиток, Антоний бросил его Клеопатре.

— Вот, почитай это! — раздраженно сказал он. — Щенок возомнил себя волком, и при этом еще вожаком стаи.

Потратив на чтение значительно меньше времени, она положила письмо — ее пальцы немного дрожали — и посмотрела на Антония. Нехорошо, нехорошо! Пока Антоний терпел крах на Востоке, Октавиан побеждал на Западе. И никаких полумер. Полная и оглушительная победа, которая наполнила казну, а это означало, что у Октавиана есть деньги на вооружение и обучение новых легионов и на содержание флота.

— Он терпелив, — был ее комментарий. — Очень терпелив. Он ждал шесть лет, чтобы сделать это, а когда он все-таки добился своего, победа была полной. Я думаю, этот Марк Агриппа выдающийся человек.

— Октавиан и он как одно целое, — проворчал Антоний.

— Ходят слухи, что они любовники.

— Это меня не удивило бы, — пожал плечами Антоний и взял следующее письмо, намного короче. — От Фурния, из провинции Азия.

И оттуда новости тоже были плохие. Фурний писал, что в конце прошлого ноября Секст Помпей, Либон, Децим Туруллий и Кассий Пармский прибыли в порт Митилены на острове Лесбос и развили бурную деятельность. Оставались они

там недолго. В январе они явились в Эфес и стали вербовать добровольцев среди ветеранов, которые за несколько лет накопили себе земли в провинции Азия. К марту у них уже было три полных легиона, и они были готовы попытаться завоевать Анатолию. Испуганный Аминта, царь Галатии, объединил свою армию с Фурнием и Марком Тицием. Фурний ожидал, что к тому времени, как Антоний получит это письмо, война уже начнется.

— Ты должен был еще несколько лет назад задуть свечу Секста Помпея, — сказала Клеопатра, беря старую рану.

— Как я мог, если он связывал Октавиана, освобождая меня от него? — огрызнулся Антоний, протягивая руку за графином с вином.

— Не смей! — резко остановила она его. — Ты еще не прочитал последнее письмо Попликолы. Если тебе необходимо пить, Антоний, делай это после того, как покончишь с делами.

Он повиновался, как ребенок, и это показало ей, что в ее совете он нуждается больше, чем в вине. Но что она будет делать, когда в вине он станет нуждаться больше, чем в ней? И вдруг одна мысль пришла ей в голову: аметист! Аметисты обладают магическим свойством против пьянства, избавляют человека от этой привычки. Она заставит царского ювелира в Александрии сделать для него кольцо с самым великолепным аметистом в мире. Он будет носить его и преодолеет свою тягу к вину.

Разумеется, Попликола с самого начала знал, что кампания Антония против парфян провалилась. Это он распустил по всему Риму слух, что Антоний одержал великую победу, исходя из предположения, что успех будет на стороне того, кто первый изложит свою версию событий. Раньше Попликола писал радостные письма, в которых сообщал, что Рим и сенат поверили его версии, и смеялся, что не кто иной, как сам Октавиан, предложил проголосовать за благодарение в связи с «победой» Антония. Но последнее послание было совсем другим. Большую часть письма занял отчет о речи Октавиана в сенате, посвященной ужасному поражению Антония. Агенты, посланные Октавианом на Восток, узнали все подробности.

Читая свиток, Антоний плакал. Клеопатра наблюдала за ним с упавшим сердцем. Наконец она выхватила у Антония письмо и прочла эту резкую диатрибу. О, как посмел Октавиан назвать пагубной ее роль в событиях! Царица зверей! «Я хочу маму!»! Какая клевета! Как она теперь вернет себе прежнего Антония?

«Будь проклят, Октавиан, я проклинаю тебя! Пусть Собек и Таурт втянут тебя в свои ноздри, утопят, сжуют и затопчут!»

Потом она поняла, что ей надо делать, и удивилась, что не подумала об этом раньше. Антония надо оторвать от Рима, пусть он поймет, что его судьба и его удача — в Египте, а не в Риме. Она совет для него гнездо в Александрии, такое удобное и приятное, полное развлечений, что он не захочет его покидать. Он должен будет жениться на ней. Как хорошо, что этот моногамный народ римляне игнорируют иноземные браки как незаконные! Он по-прежнему будет считаться верным мужем Октавии. Фактически его египетский брак будет значить намного больше для тех, кого связывают с ним личные отношения, — для его царей-клиентов и второстепенных правителей.

Она сидела, держа голову Антония на коленях и устремив взгляд на портрет Цезаря, идеального партнера, отнятого у нее. Портрет был из Афродисиады, чьи скульпторы и художники не имели равных. Все было отражено в этом портрете: от тени бледно-золотистых волос до пронзительных светло-голубых глаз, окаймленных чернильно-черными ободками. Волна горя накрыла ее, придавила. Довольствуйся тем, что у тебя есть, Клеопатра, не горюй о том, что могло бы быть.

«Будет война, должна быть война. Единственный вопрос — когда. Октавиан лжет, что не допустит гражданских войн. Он должен будет воевать с Антонием или потеряет все, что у него есть. Но, судя по этой речи, еще рано. Он планирует как следует обучить свои легионы, чтобы подчинить племена Иллирии. И он говорит о кампании, на которую уйдут три года. Это значит, что у нас три года на подготовку, а потом мы пойдем на Запад, вторгнемся в Италию. Пусть Антоний и дальше мечтает о победе над парфянами, нужно только сохранить его легионы. Ибо Антоний как военачальник не чета Цезарю. Я долж-

на была догадаться, но я верила, что со смертью Цезаря никто не может соперничать с Антонием. Теперь, когда я лучше его знаю, мне ясно, что его человеческие недостатки мешают ему стать хорошим военачальником. Вентидий был способнее его. Думаю, что и Канидий тоже. Пусть Канидий проделает всю работу, пока Антоний поражает мир своими иллюзорными фокусами.

Прежде всего, брак. Мы сделаем это, как только я смогу послать за Каэмом. Отстранить Канидия на первом же этапе этой глупой кампании, увидев, что Армения сокрушена, а Мидия запугана и не выступит. Не пускать Антония в само Парфянское царство. Я буду убеждать Антония, что, победив Армению и Мидию Атропатену, он победил парфян. Одурманить его вином, а самой вести все дела. Разве я не смогу руководить кампанией, как любым мужчиной? О Антоний, почему ты не равен Цезарю? Как легко все было бы!

Однажды, не пройдет и десяти лет, Цезарион станет царем Рима, ибо царь Рима будет и царем мира. Я добьюсь, чтобы он снес храмы на Капитолии, и построю там его дворец с золотым залом, в котором он будет судить. А „боги-звери“ Египта станут богами Рима. Юпитер Всеблагий Всесильный падет ниц перед Амоном-Ра. Я выполнила свой долг перед Египтом: три сына и дочь. Нил будет продолжать разливаться. У меня есть время сосредоточиться на завоевании Рима, и Антоний будет моим партнером в этом предприятии».

Слезы высохли. Она подняла его голову, нежно улыбнулась и вытерла ему лицо мягким носовым платком.

— Тебе лучше, любовь моя? — спросила она, целуя его в лоб.

— Лучше, — ответил он, униженный.

— Выпей вина, это тебе поможет. У тебя есть дела, надо организовать армию. Не обращай внимания на Октавиана! Что он знает об армиях? Готова поспорить на тысячу талантов, что он потерпит поражение в Иллирии.

Антоний выпил вино до дна.

— Выпей еще, — тихо предложила Клеопатра.

В конце июня они поженились по египетскому ритуалу. Антонию присвоили титул фараона-супруга, что, кажется, понравилось ему. Отказавшись от идеи иметь рядом с собой на троне трезвого Антония, Клеопатра расслабилась. Она поняла, сколько требовалось сил, чтобы удерживать Антония от вина, с тех пор как он возвратился из Карана. Бесплезное занятие.

Она стала уделять большое внимание Канидию, заставив Антония приглашать его на совет, состоявший только из них троих. При этом следила, чтобы Антоний был трезв. В ее планы не входило выставлять напоказ его слабость перед его офицерами, хотя когда-нибудь это должно будет произойти. Единственным, кто мог бы возражать против такой малочисленности совета, был Агенобарб, но он возвратился в Вифинию и теперь был вовлечен в войну Фурния против Секста Помпея, который решил, что Вифиния очень подошла бы ему, и собирался убить упрямого Агенобарба, прежде чем завладеть Вифинией. На это Агенобарб согласен не был.

Хорошо вышколенный Клеопатрой, Антоний приступил к планированию предстоящей кампании, не сознавая, что делает это под ее чутким руководством.

— У меня сейчас двадцать пять легионов, — сказал он Публию Канидию твердым голосом трезвого человека, — но те, что в Сирии, не укомплектованы, как тебе известно. А насколько именно, Канидий?

— В среднем в них только по три тысячи человек. И по пять когорт, хотя в некоторых легионах их восемь, а в некоторых только две. Я все равно называю их легионами. В общей сложности их тринадцать.

— Из которых один легион в Иерусалиме, в полном составе. Кроме того, имеется семь легионов в Македонии, все укомплектованные, два в Вифинии, тоже полные, и три, принадлежащие Сексту Помпею, в полном составе. — Антоний усмехнулся, став прежним Антонием. — Очень любезно с его стороны вербовать от моего имени. К концу этого года он будет мертв, вот почему я беру себе легионы его и Агенобарба. Думаю, мне нужно иметь тридцать легионов. Не все они укомплектован-

ные и опытные. Я предлагаю послать самые малочисленные из сирийских легионов в Македонию и привести македонское войско сюда для моей кампании.

Канидий засомневался:

— Я понимаю твои резоны, Марк Антоний, но я настоятельно советовал бы оставить один македонский легион там, где он находится. Пошли за шестью легионами, но не посылай туда никого из твоих сирийцев. Жди, пока ты не наберешь еще пять легионов, потом отправь туда их. Я согласен, что неопытные новобранцы сгодятся для Македонии — дарданы и бессы еще не оправились от Поллиона и Цензорина. У тебя будут твои тридцать легионов.

— Хорошо! — сказал Антоний, впервые за многие месяцы чувствуя себя хорошо. — Мне нужно десять тысяч галатийских и фракийских конников. Я больше не могу набирать кавалерию у галлов. Октавиан контролирует там положение и не хочет сотрудничать. Он отказывается дать четыре легиона, которые мне должен, маленькое говно!

— Сколько легионов ты поведешь на Восток?

— Двадцать три, в полном составе, и все опытные люди. Всего сто тридцать восемь тысяч человек, включая нестроевых. На этот раз никаких вспомогательных сил, они только создают проблемы. По крайней мере, кавалерия не будет отставать от легионов. И на этот раз мы пойдем квадратом весь путь, с обозом в середине. Там, где местность достаточно ровная, там пойдем *agmen quadratum*.

— Я согласен, Антоний.

— Но я думаю, в этом году нам нужно что-то предпринять, хотя мне придется оставаться здесь, пока не узнаю, что случилось с Секстом Помпеем. В этом году армию поведешь ты, Канидий. Сколько легионов ты сможешь собрать, чтобы выступить прямо сейчас?

— Семь в полном составе, если я волью туда отдельные когорты.

— Достаточно. Кампания будет короткой. Что бы ни случилось, не допусти, чтобы зима застала тебя в пути. Зимой ты должен быть в теплых помещениях. Аминта может немедленно

дать две тысячи всадников. Судя по его письму, они скоро придут. Я подозреваю, что он держал их, чтобы сражаться с Секстом.

— Ты прав, Секст долго не протянет, — спокойно сказал Канидий.

— Иди в самую Армению от Карана. Важно, чтобы в этом году мы проучили армянского Артавазда. В следующем году мы ошпишем его.

— Как хочешь, Антоний.

Клеопатра кашлянула. Двое мужчин, забывшие о ее присутствии, удивленно посмотрели на нее. Ради Канидия она пыталась выглядеть если не смиренной, то хотя бы стоворчивой, благодушной.

— Я советую начать строить флот, — сказала она.

Удивленный Канидий не мог не отреагировать.

— Для чего? — спросил он. — Мы же не планируем морских экспедиций.

— Не сейчас, я согласна, — спокойно ответила она, не позволяя себе показать недовольство. — Однако он может понадобиться нам в будущем или, лучше сказать, мог бы понадобиться. Корабли долго строятся, особенно в том количестве, в каком нам нужно.

— Понадобиться для чего? — спросил Антоний, озадаченный не меньше Канидия.

— Публий Канидий не читал пересказ речи Октавиана в сенате, поэтому я понимаю его возражения. Но ты, Антоний, читал, а там ясно говорится, что однажды он поплывет на Восток, чтобы сокрушить тебя.

На какой-то миг все замолчали. Канидий почувствовал, как внутри у него что-то опустилось. Что задумала эта женщина?

— Я читал речь, царица, — сказал он. — Мне прислал ее Поллион. По возможности я с ним переписываюсь. Но я не вижу в ней никакой угрозы Марку Антонию. Октавиан способен только критиковать Антония. В остальном он не может сравниться с Антонием. На самом деле он повторяет, что не пойдет войной против соотечественника-римлянина, и я верю ему.

Ее лицо окаменело, голос стал ледяным.

— Позволь мне сказать, Канидий, что я значительно больше понимаю в политике, чем ты. Что Октавиан говорит — это одно. Что он делает — это совсем другое. И я уверяю тебя, что он намерен сокрушить Марка Антония. Поэтому мы будем готовиться и начнем прямо сейчас, а не в следующем году или через год. Пока вы, мужчины, будете осуществлять свою парфянскую одиссею, я проделаю работу на берегах Вашего моря, подготовив самые большие корабли.

— Ограничься «пятерками»... э-э... квинквиремами, госпожа, — посоветовал Канидий. — Корабли больших размеров слишком медлительны и неповоротливы.

— Я и имела в виду квинквиремы, — надменно произнесла она.

Канидий вздохнул, хлопнул себя по коленям:

— Рискну сказать, что это не повредит.

— Кто будет за них платить? — подозрительно поинтересовался Антоний.

— Я, конечно, — сказала Клеопатра. — Нам нужно по крайней мере пятьсот военных галер и хотя бы столько же военных транспортов.

— Военных транспортов? — ахнул Канидий. — Для чего?

— Я думала, название говорит само за себя.

Открыв было рот для ответа, Канидий закрыл его, кивнул и вышел.

— Ты смутила его, — заметил Антоний.

— Вижу, хотя не понимаю почему.

— Он тебя не знает, моя дорогая, — сказал Антоний, немного усталый.

— Ты против? — спросила она сквозь зубы.

Маленькие рыжие глазки широко открылись.

— Я? *Edepol*, нет! Это твои деньги, Клеопатра. Трать их как хочешь.

— Выпей! — велела она, но взяла себя в руки и улыбнулась ему самой очаровательной улыбкой. — На этот раз я присоединюсь к тебе. Мой управляющий говорит, что он купил отменное вино у торговца по имени Асандр. Ты знал, что Асандр — это сокращенно Александр?

— Не очень ловкая попытка сменить тему, ну да ладно. —
Антоний усмехнулся. — Кстати, пить тебе придется одной.

— Извини?

— Я полностью протрезвел и покончил с вином.

Она открыла рот:

— Что?

— Ты слышала меня. Клеопатра, я люблю тебя до безумия, но неужели ты думаешь, что я не заметил твоих намерений спить меня? — Он вздохнул, подался вперед. — Ты полагаешь, что знаешь, через что прошла моя армия в Мидии. Но ты не знаешь. И ты не знаешь, через что пришлось пройти мне. Чтобы знать, тебе надо было быть там, а тебя там не было. Я, командующий армией, не мог избавить ее от мучений, потому что я ринулся во вражеские земли, как взбесившийся боров! Я поверил нашептываниям парфянского агента и не внял предупреждениям моих легатов. Юлий Цезарь всегда ругал меня за опрометчивость и безрассудство, и он был прав. В поражении в мидийской кампании виновен только я, и я это знаю. Я не простак, не пропащий пьяница. А ты считаешь меня таким. Мне необходимо было стереть из памяти свое преступное поведение в Мидии, напиваясь до бесчувствия! Я так устроен! А теперь — все прошло. Я повторяю, я люблю тебя больше жизни. Я никогда не смогу разлюбить тебя. А вот ты меня не любишь, что бы ты ни говорила. И голова твоя занята планами и махинациями, как бы обеспечить Цезариону одни боги знают что. Весь Восток? И Запад? Он должен быть царем Рима? Ты об этом все время мечтаешь, да? Перекладываешь собственные амбиции на плечи этого бедного мальчика...

— Неправда, я люблю тебя! — крикнула Клеопатра. — Антоний, не смей думать, что я не люблю тебя! И Цезариона... Цезариона...

Она запнулась, пораженная тем, что *этот* Антоний может рассуждать так логично. Он взял ее руки в свои, стал гладить их.

— Все хорошо, Клеопатра. Я понимаю, — мягко сказал он, улыбаясь. В глазах его стояли слезы, губы дрожали. — Я, дурак, сделаю все, что ты хочешь. Такова судьба мужчины, влюбленного во властную женщину. Только позволь мне сделать

это с ясным умом. — Слезы высохли, он засмеялся. — Я не хочу сказать, что больше не притронусь к вину! Я не могу противиться моей склонности к гедонизму, но напиваюсь я лишь во время кутежей. Я могу обойтись без вина, когда я кому-то нужен: тебе, Агенобарбу, Попликоле — и Октавии.

Клеопатра покачала головой:

— Ты удивил меня. Что ты еще заметил?

— Это мой секрет. Я послал Планка управлять Сирией, — сказал он, меняя тему. — Сосий хочет вернуться домой. Тиций с полномочиями проконсула ведет мой сирийский флот в Милет, чтобы решить проблему с Секстом Помпеем. — Он хихикнул. — Видишь, как ты всегда права, любовь моя? Мне уже нужен флот!

— А какой приказ у Тиция? — подозрительно спросила она.

— Привезти Секста ко мне сюда, в Антиохию.

— Чтобы казнить?

— Как вы, восточные монархи, любите казни! Поскольку ты очень хочешь строить корабли, — хитро сказал Антоний, — он может понадобиться мне как флотоводец. Лучших не будет.

19

— У меня есть для тебя поручение, моя дорогая, — сказал Октавиан своей сестре за обедом.

Она замерла с отбивной из барашка в руке. Тонкая восхитительная корочка жира была помазана горчицей и посыпана перцем. Своими словами он прервал ее мысли об изменениях в меню Октавиана с тех пор, как он женился на Ливии Друзилле. Изысканные, очень вкусные яства! Но у нее были основания думать, что Ливия Друзилла умеет экономить на всем — от жалованья повару до продуктов. Ливия Друзилла сама делала покупки и при этом энергично торговалась. И повар не мог ничего унести домой. Ливия Друзилла следила за ним, как ястреб.

— Поручение, Цезарь? — переспросила Октавия и осторожно откусила кусочек мяса, оставляя корочку на потом.

— Да. Как ты отнесешься к поездке в Афины, чтобы повидаться с мужем?

Лицо Октавии засияло.

— О, Цезарь, это прекрасная идея!

— Я так и думал, что ты не будешь возражать. — Он подмигнул Меценату. — У меня есть задание, с которым ты справишься лучше других.

Она нахмурилась:

— Задание? Поручение?

— Да, — торжественно произнес Октавиан.

— Что я должна сделать?

— Доставить Антонию две тысячи отборных солдат, лучших из лучших. А также семьдесят новых военных кораблей, огромный таран, три тарана поменьше, двести баллист, двести больших катапульт и двести «скорпионов».

— О боги! И я должна буду отвечать за весь этот щедрый подарок? — спросила она, сияя.

— Мне ничто не доставляет такого удовольствия, как видеть тебя счастливой. Но нет. Гай Фонтей очень хочет присоединиться к Антонию, поэтому командовать будет он, — сказал Октавиан, хрустя веточкой сельдерея. — А ты повезешь от меня письмо Антонию.

— Я уверена, он будет рад такому подарку.

— Но не так, как твоему приезду, я уверен, — сказал Октавиан, погрозив пальцем.

Его взгляд перешел с Октавии на ложе, которое Меценат делил с Агриппой, и задержался на Агриппе. «Нечасто мои планы давали сбой, но этот определенно такой сбой дал, — подумал он. — Где я ошибся?»

Всему виной холостяцкая жизнь Агриппы, что, по мнению Ливии Друзиллы, необходимо было прекратить. Если она и заметила по выражению его глаз, что нравится ему, то Октавиану сказала только, что Агриппе пора жениться. Ни о чем не подозревая, он обдумал ее слова и решил, что она, как всегда, права. Теперь, когда у Агриппы есть состояние, земля, имуще-

ство, ни один любящий отец не сможет сказать, что Агриппа охотится за приданым. Кроме того, он был очень привлекательным мужчиной. Редкая женщина от пятнадцати до пятидесяти лет не становилась игривой и кокетливой в его присутствии. А он, увы, даже не замечал этого. Никакой светской болтовни, лишь несколько вежливых фраз — таков был Агриппа. Женщины падали в обморок, а он зевал или, еще хуже, уходил.

Когда Октавиан заговорил с ним о его статусе холостяка, он сначала удивился, потом смутился.

— Ты намекаешь, что я должен жениться? — спросил он.

— Вообще-то, да. Ты самый важный человек в Риме после меня, но ты живешь как восточный отшельник. Вместо кровати — походная раскладушка, ходишь больше в доспехах, чем в тоге, даже служанки у тебя нет. Всякий раз, когда у тебя чешется, — хихикнул Октавиан, — ты прибегаешь к помощи какой-нибудь деревенской девицы, с которой у тебя не может быть длительных отношений. Я не говорю, что ты должен отказаться от деревенских девиц, ты же понимаешь, Агриппа. Я просто говорю, что ты должен жениться.

— За меня никто замуж не пойдет, — резко сказал Агриппа.

— А вот тут ты не прав! Дорогой мой Агриппа, ты симпатичный, у тебя есть деньги, высокий статус. Ты — консуляр!

— Да, но я низкого происхождения, Цезарь, и я не представляю рядом с собой ни одну из этих чванливых девиц по имени Клавдия, Эмилия, Семпрония или Домиция. Если кто из них и скажет «да», то только из-за моей дружбы с тобой. Мысль о жене, которая будет смотреть на меня свысока, вовсе не радует.

— Тогда поищи пониже, но не намного, — пошутил Октавиан. — У меня есть для тебя идеальная жена.

Агриппа подозрительно посмотрел на Октавиана:

— Это поработала Ливия Друзилла?

— Нет, честное слово, нет! Это целиком моя идея!

— Тогда кто?

Октавиан глубоко вздохнул.

— Дочь Аттика, — торжественно объявил он. — Идеальная, Агриппа, правда! Семья не сенаторского ранга, хотя, признаю,

это лишь потому, что ее папа предпочитает делать деньги не сенаторским способом. Кровно связана с Цецилиями Метеллами, поэтому достаточно высокого происхождения. И наследница одного из крупнейших состояний в Риме!

— Она слишком молода. Ты хоть знаешь, как она выглядит?

— Ей семнадцать лет, скоро будет восемнадцать. Да, я ее видел. Скорее симпатичная, чем просто милая, с хорошей фигурой и очень хорошо образованная, как и следовало ожидать от дочери Аттика.

— Она любит читать или покупать?

— Читать.

На лице отобразилось явное облегчение.

— Это уже хорошо. Она темная или светлая?

— Среднее.

— О-о.

— Послушай, если бы у меня была родственница брачного возраста, ты получил бы ее с моим благословением! — воскликнул Октавиан, вскинув руки.

— Правда? Ты действительно выдал бы ее за меня, Цезарь?

— Конечно. Но поскольку ее у меня нет, ты женишься на Цецилии Аттике или не женишься?

— Я не осмелюсь просить согласия.

— Я попрошу. Женишься?

— Кажется, у меня нет выбора. Да, женюсь.

Итак, вопрос был решен, хотя Октавиан не понимал, с какой неохотой согласился жених. Агриппа стал мужчиной уже в тринадцать лет, и вот в двадцать семь на него надевают оковы! Со всеми, кроме Октавиана — и Ливии Друзиллы, — Агриппа был угрюм, молчалив и бдителен. На свадьбе все казалось хорошо, ибо невеста, как и все ее подружки, была в восторге от великолепного, обаятельного и недостижимого Марка Випсания Агриппы.

Через месяц после свадьбы высокая стройная лилия (как Ливия Друзилла назвала невесту) увяла и потускнела. Она излила свое горе в сочувствующее ухо Ливии Друзиллы, а та донесла его до Октавиана.

— Это катастрофа! Бедная Аттика считает, что он совершенно равнодушен к ней. Он никогда с ней не говорит! А их занятие любовью — прошу простить меня за вульгарность, душа моя, — напоминает акт жеребца и кобылы. Он кусает ее за шею и... и... нет, додумай сам! К счастью, — мрачно продолжила она, — он не очень часто ее ублажает.

Поскольку с этой стороны Агриппы Октавиан не был знаком да и не хотел ничего о ней знать, он покраснел, желая оказаться где-нибудь в другом месте, а не сидеть рядом с женой. Он отдавал себе отчет, что его способности в этой области более чем скромные, но он также понимал, что Ливия Друзилла упивается властью, и мог быть спокоен. Жаль, что Аттика не такая. Но ведь у нее не было шести лет брака с Клавдием Нероном, превративших ее девичьи мечты в целеустремленность.

— Нам остается только надеяться, что она забеременеет, — сказал он. — Ребенок отвлечет ее, займет ее время.

— Ребенок не заменит любящего мужа, — возразила Ливия Друзилла, сама очень довольная своим браком. Она нахмурилась. — Беда в том, что у нее есть наперсник.

— Что ты хочешь сказать? Что семейные дела Агриппы станут известны всему Риму?

— Если бы так просто, я бы не беспокоилась. Нет, наперсник Аттики — ее старый воспитатель, вольноотпущенник Аттика, Квинт Цецилий Эпирот. По ее словам, самый славный человек, какого она знает.

— Эпирот? Мне известно это имя! — воскликнул Октавиан. — Знаменитый грамматик. Меценат говорит, что он знаток Вергилия.

— Хм... Конечно, ты прав, Цезарь, но я не думаю, что он будет утешать ее стихами. Да, она добродетельна. Но как долго это продлится, если ты возьмешь Агриппу в Иллирию?

— На то воля богов, моя дорогая, а что касается меня, я намерен совать нос в семейные дела Агриппы. Будем надеяться на появление ребенка. Неужели я должен был предложить Скрибонию?

Как бы то ни было, к тому времени, когда Октавия пришла на обед, на который также были приглашены Меценат с Теренцией и Агриппа с Аттикой, почти вся верхушка Рима уже знала, что брак Агриппы не удался. Глядя на унылое лицо Агриппы, его старый друг очень хотел сказать ему слова утешения, но не мог. По крайней мере, думал он, Аттика беременна. А он должен набраться смелости и намекнуть Аттику, что его горячо любимого вольноотпущенника Эпирота надо держать подальше от его горячо любимой дочери. Женщины, которые читают, так же уязвимы, как женщины, которые любят делать покупки.

Октавия почти вприпрыжку бежала домой, во дворец в Карринах, так она была счастлива. Наконец-то увидеть Антония! Два года прошло с тех пор, как он оставил ее на Коркире. Дочка Антония-младшая, известная как Тонилла, уже ходила и говорила. Хорошенькая девочка с темно-рыжими волосами и рыжеватыми глазами своего отца, но, к счастью, ни его подбородка, ни — пока, во всяком случае, — его носа. Но какой характер! Антония была больше ее дочкой, а вот Тонилла — вся в отца. Стоп, Октавия, стоп! Перестань думать о детях, думай о муже, которого ты скоро увидишь. Такая радость! Такое удовольствие! Она пошла искать свою портниху, весьма искусную мастерицу, которая гордилась своим положением в семье Антония и, кроме того, была очень привязана к Октавии.

Они были поглощены обсуждением того, какие платья Октавия должна взять с собой в Афины и сколько новых платьев следует сшить, чтобы доставить удовольствие мужу, когда управляющий доложил, что пришел Гай Фонтей Капитон.

Она знала его, но не очень хорошо. Он был с ними, когда она и Антоний плыли на корабле, но морская болезнь все время удерживала ее в каюте, и плавание для нее закончилось на Коркире. Она приветствовала высокого, красивого, безусловно одетого Фонтея несколько настороженно, не зная, с чем он пришел.

— Император Цезарь говорит, что мы с тобой должны доставить подарки Марку Антонию в Афины, — сказал он, не пыта-

ясь сесть. — И я подумал, что должен зайти и узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь во время плавания, не хочешь ли ты взять в Афины какой-то груз — какую-нибудь мебель, например, или непортящиеся продукты?

«Ее глаза самые красивые из всех, какие я когда-либо видел, — подумал он, глядя, как в них сменяют друг друга эмоции. — Но такими запоминающимися делает их вовсе не удивительный цвет. Это — нежность в них, всеобъемлющая любовь. Как может Антоний так обманывать ее? Если бы она была моей, я бы прилепился к ней навечно. Еще одно противоречие: как ей удастся любить и Антония, и Октавиана?»

— Спасибо, Гай Фонтей, — улыбнулась она. — Я ни о чем не могу думать, правда, разве что... — она притворилась испуганной, — кроме моря, а с ним никто не может договориться.

Он засмеялся, взял ее руку и слегка коснулся губами.

— Госпожа, я сделаю все, что смогу! Отец Нептун, Сотрясатель Земли Вулкан и морские лары получают богатые жертвы, чтобы море было спокойным, ветер — благоприятным, а наше плавание — быстрым.

После этого он ушел. Октавия смотрела ему вслед со странным чувством облегчения. Какой приятный мужчина! С ним все будет хорошо, как бы море себя ни вело.

Море вело себя так, как заказывал Фонтей, принося жертвы. Даже когда они огибали мыс Тенар, никакой опасности не было. Октавия думала, что он беспокоится лишь о ее самочувствии, но у Фонтя был и свой интерес. Он хотел наслаждаться компанией этой восхитительной женщины во время всего плавания, а значит, морской болезни не должно было быть до самого Пирея. Он не находил в Октавии ни одного недостатка. Приятная, остроумная, легкая в разговоре, не жеманная, совсем не похожая на «римскую матрону» в его представлении, — словом, божественная! Неудивительно, что Октавиан поставил ее статуи, неудивительно, что простой народ уважал, почитал и любил ее! Два рыночных интервала в компании Октавии во время путешествия от Тарента до Афин останутся в его памяти на всю жизнь. Любовь? Неужели это любовь? Может

быть, но это чувство не имело ничего общего с теми низкими желаниями, которые он привык ассоциировать с этим словом, когда дело касалось отношений между мужчиной и женщиной. Если бы она появилась среди ночи, чтобы заняться с ним любовью, он не отказал бы ей, но она не появилась. Октавия была выше этого, она была и женщиной, и богиней.

Хуже всего было то, что он знал: Антоний не встретит ее в Афинах, Антоний в Антиохии, в цепких руках царицы Клеопатры. Брат Октавии тоже знал об этом.

— Я доверил мою сестру тебе, Гай Фонтей, — сказал Октавиан, перед тем как кавалькада отправилась из Капуи в Тарент, — так как считаю, что ты самый надежный из людей Антония, и верю, что ты — человек чести. Конечно, твое главное задание — сопровождать эти военные машины, но я попрошу тебя о большем, если ты не возражаешь.

«Один из людей Антония» — это был типичный для Октавиана сомнительный комплимент. Но Фонтей не обиделся, поскольку он чувствовал, что это просто предисловие к чему-то намного более важному, что хотел сказать Октавиан. И вот.

— Тебе известно, что делает Антоний, с кем он это делает, где это делает и, вероятно, почему это делает, — произнес Октавиан. — К сожалению, моя сестра почти ничего не знает о том, что происходит в Антиохии, а я ничего ей не сказал, ведь, возможно, Антоний просто... э-э... заполняет время, убажывая Клеопатру. Может быть, он вернется к моей сестре, как только узнает, что она в Афинах. Сомневаюсь, но должен допустить этот вариант. Вот о чем я тебя прошу: оставайся в Афинах рядом с Октавией на случай, если Антоний не появится. Фонтей, если он не приедет, бедной Октавии понадобится друг. Новость, что измена Антония серьезная, убьет ее. Я верю, что ты будешь ей только другом, но заботливым другом. Моя сестра — залог удачи Рима, своего рода весталка. Если Антоний разочарует ее, ей нужно вернуться домой, но не впопыхах. Ты понимаешь?

— Все понимаю, Цезарь, — сказал Фонтей, не колеблясь. — Она не покинет Афины, пока не развеется последняя надежда.

Вспомнив этот разговор, Фонтей почувствовал, как лицо его исказилось от боли. Теперь он знал эту женщину значительно лучше, чем тогда, во время разговора с Октавианом. Он вдруг понял, что ее судьба совсем не безразлична ему.

Что ж, теперь они в Греции и его жертвы должны принять греческие боги: мать Деметра, похищенная дочь Персефона, гонец Гермес, бог морских пучин Посейдон и царица Гера. Позвать Антония в Афины, пусть он разорвет связь с Клеопатрой! Как он мог предпочесть такую тощую, непривлекательную, маленькую женщину красавице Октавии? Это невысказано, просто невысказано!

Октавия скрыла от всех разочарование при известии, что Антоний в Антиохии, но, узнав подробности ужасной кампании у Фрааспы, решила, что он, наверное, предпочитает быть в этот момент с армией. Она сразу же написала ему о своем приезде в Афины и о подарках, которые она привезла, от солдат до таранов и артиллерии. Письмо было полно новостей о его детях. В простоте душевной она написала еще, что если он не может приехать в Афины, то пусть потребует, чтобы ее привезли в Антиохию.

Между написанием этого письма и ответом Антония — ожидание в целый месяц! — она вынуждена была возобновить знакомства и дружеские отношения, завязанные еще во время первого приезда в Афины. Большинство из знакомых были люди безобидные, но, когда управляющий объявил о приходе Пердиты, у Октавии упало сердце. Эта перезрелая римская матрона была женой богатого купца-плутократа и известной сплетницей. Ее прозвище Пердита, которым она гордилась, означало «приносящая плохие вести».

— О бедная, бедная моя, милочка! — запрочитала она, вплывая в гостиную.

На ней было платье из тончайшей шерсти самого модного, ядовито-красного цвета. На шее масса бус, ожерелье, на руках браслеты, запястья, в ушах серьги — и все это звенело, как цепи узника.

— Пердита, рада видеть тебя, — механически произнесла Октавия, терпя ее поцелуи и пожимание рук.

— Я считаю это позором, и я надеюсь, ты скажешь ему это, когда увидишь его! — крикнула Пердита, усаживаясь в кресло.

— О каком позоре ты говоришь? — спросила Октавия.

— Да о позорной связи Антония с Клеопатрой!

— Она позорная? — улыбнулась Октавия.

— Дорогая моя, ведь он женился на ней!

— Женился?

— Вот именно! Они поженились в Антиохии, как только приехали туда из Левки Комы.

— Как ты узнала?

— Перегрин получает письма от Гнея Цинны, Скавра, Тиция и Попликолы, — объяснила Пердита. Перегрин был ее мужем. — Это истинная правда. В прошлом году она родила ему еще мальчика.

Пердита пробыла полчаса, упрямо не покидая кресло, не смотря на то что хозяйка не предложила ей ничего освежающего. За это время она успела поведать все, что знала: от месячного запоя Антония в ожидании Клеопатры до мельчайших подробностей свадьбы. Кое-что Октавии уже рассказывали, хотя и не столь красочно, как Пердита. Она внимательно слушала. Лицо ее оставалось спокойным. Выбрав момент, она поднялась, чтобы закончить этот неприятный рассказ. Ни слова о склонности мужчин брать любовниц, когда они надолго уезжают от своих жен, ни других замечаний, которые подлили бы масла в огонь. Конечно, эта женщина будет лгать и другим, но те, кто будет ее слушать, не найдут при встрече с Октавией ни малейшего подтверждения этих измышлений. После того как Пердита, звеня украшениями, вышла на улицу под горячие лучи греческого солнца, Октавия закрыла дверь гостиной на целый час, даже для слуг. Клеопатра, египетская царица. Это потому ее брат так зло говорил о Клеопатре за обедом? Сколько знали другие, в то время как она, по существу, не знала ничего? О детях Клеопатры от Антония, включая и мальчика, которого та родила в прошлом году, ей было известно. Но к этому Октавия отнеслась спокойно. Она просто решила, что царица Египта плодовитая женщина и не предохраняется,

как и она сама. Октавия считала, что Клеопатра страстно любила божественного Юлия и искала утешения в объятиях его родственника, способного дать ей еще детей, чтобы обезопасить ее трон в следующем поколении. Конечно, Октавии и в голову не приходило, что для Антония это не просто очередная интрижка. Он всегда волочился за женщинами, это в его натуре. Разве мог он измениться?

Но Пердита говорила о страстной любви! Она просто изливала злобу и недоброежелательство. Зачем верить ей? И все же червь сомнения уже заполз под кожу и стал пробираться к сердцу Октавии, к ее надеждам, к ее мечтам. Она не могла отрицать, что муж просил помощи у Клеопатры, что он все еще был во власти этой богатой царицы. Нет, как только он узнает о ее, Октавии, пребывании в Афинах, он отошлет Клеопатру обратно в Египет и приедет. Она уверена в этом!

В течение часа она мерила шагами комнату, стараясь подавить сомнения, которые заронила Пердита, стараясь не сойти с ума, взывая к здравому смыслу, которого у нее хватало. Зачем Антонию влюбляться в женщину, славившуюся только тем, что она соблазнила божественного Юлия, интеллектуала, эстета, человека необычного и утонченного вкуса? Антоний похож на Юлия, как мел на сыр. Расхожая метафора, но она не совсем правильно отражает их разницу. Может, как рубин на красную стеклянную горошину? Нет-нет, зачем тратить время на глупые метафоры. Что общего между божественным Юлием и Антонием? Только кровь рода Юлиев. Брат говорил, что это единственное, что заставило Клеопатру выбрать Антония. Брат сказал, что она предложила ему себя из-за крови Юлиев. Переспать с правящей царицей, чтобы обеспечить ее детьми, — это очень заманчиво для Антония. Именно так отнеслась Октавия к этому союзу, когда впервые услышала о нем. Но любовь? Нет, никогда! Невозможно!

Когда Фонтей нанес ей ежедневный краткий визит, он нашел Октавию поникшей. Под ее прекрасными глазами залегли круги, улыбка то и дело исчезала, она не знала, куда деть руки. Он решил спросить напрямую:

— Кто тебе разболтал?

Октавия задрожала.

— Это заметно? — спросила она.

— Никому, кроме меня. Твой брат велел мне позаботиться о тебе, и я серьезно отношусь к этому поручению. Кто?

— Пердита.

— Отвратительная женщина! Что она сказала тебе?

— Фактически ничего нового, кроме того, что он женился.

— Дело не в том, что она сказала, а в том, как она это сказала, да?

— Да.

Он осмелился взять ее руки, большими пальцами стал гладить их по тыльной стороне, что можно было истолковать как намерение утешить — или как знак любви.

— Октавия, послушай меня! — очень серьезно начал он. — Пожалуйста, не думай о худшем. Еще рано для тебя — и для любого другого! — совершенно безосновательно делать выводы. Я друг Антония, я знаю его. Может быть, не так хорошо, как ты, его жена, но с другой стороны. Возможно, брак с царицей Египта он как триумвир Востока посчитал необходимым политическим ходом. Это не должно тебя задевать, ты его законная жена. Этот незаконный союз — следствие его неудач на Востоке, где все пошло не так, как он ожидал. Я думаю, это способ выплыть из потока разочарований.

Он отпустил ее руки, прежде чем она могла бы счесть его прикосновения вольностью.

— Ты понимаешь?

Ей стало легче, она выглядела более спокойной.

— Да, Фонтей. Я понимаю. И спасибо тебе от всего сердца.

— В будущем для Пердиты тебя нет дома. Она прибежит снова, как только Перегрин получит письмо от одного из своих дружков. Но ты ее не примешь. Обещаешь?

— Обещаю, — ответила она и улыбнулась.

— Теперь у меня хорошая новость. Сегодня вечером дают «Царя Эдипа». У тебя есть несколько минут, чтобы принарядиться, потом мы пойдем и посмотрим, насколько хороши актеры. По слухам, они потрясающие.

Через месяц пришел ответ от Антония.

Что ты делаешь в Афинах без тех двадцати тысяч солдат, которые мне должен твой брат? Я здесь готовлюсь к новому походу в Парфянскую Мидию, мне не хватает хорошего римского войска, а Октавиан имеет наглость прислать только две тысячи? Это слишком, Октавия. Октавиан очень хорошо знает, что в данный момент я не могу вернуться в Италию и лично набербовать легионеров. В наше соглашение входил пункт, что он наберет мне четыре легиона. Мне нужны солдаты.

А я получаю глупое письмо от тебя, где ты болтаешь о детях. Ты думаешь, детская и ее обитатели волнуют меня в такое время? Меня волнует нарушенное Октавианом соглашение. Четыре легиона, а не четыре когорты! Лучшие из лучших! Неужели твой брат считает, что мне нужен гигантский таран, когда я сижу рядом с ливанскими кедрами?

Чума на него и на всех, кто с ним связан!

Она положила письмо, покрытая холодным потом. Ни слова о любви, ни одного ласкового слова, вообще ни слова о ее приезде. Одни возмущенные восклицания в адрес Цезаря.

— Он даже не сообщил мне, что делать с людьми и техникой, которые я привезла, — пожаловалась она Фонтею.

Лицо его застыло, он почувствовал покалывание, словно ему в лицо ударил песок, как во время песчаной бури. На него смотрели огромные глаза, наполненные слезами, такие прозрачные, словно окна в ее самые сокровенные мысли. Слезы катились по щекам, но она не замечала их. Фонтей вынул из складки тоги носовой платок и подал ей.

— Не расстраивайся, Октавия, — сказал он, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Читая письмо, я подумал о двух вещах. Во-первых, письмо отражает ту сторону Антония, которую мы оба знаем, — сердитый, нетерпеливый, упрямый. Я словно вижу и слышу, как он рвет и мечет, бегая по комнате. Это его типичная реакция на действия Цезаря как на оскорбление. Просто так получилось, что ты — посланец с плохой вестью, которого он убил, чтобы выпустить пар. Вторая мысль серьезнее. Я думаю, что Клеопатра все выслушала, обдумала

и продиктовала этот ответ. Если бы Антоний отвечал сам, по крайней мере, он сказал бы, что делать с солдатами, в которых так нуждается. А Клеопатра, неофит в военном деле, проигнорировала это. Письмо написала она, а не Антоний.

Это возымело действие. Октавия вытерла слезы, высморкалась, в отчаянии посмотрела на мокрый платок Фонтея и улыбнулась.

— Я испортила платок, надо его выстирать, — сказала она. — Спасибо, дорогой Фонтей. Но что мне делать?

— Пойти со мной на спектакль «Облака» Аристофана, а потом написать Антонию, словно этого письма и не было. Спросить его, как он хочет поступить с подарком Цезаря.

— И спросить, когда он намерен приехать в Афины! Можно, я напишу это?

— Конечно. Он должен приехать.

Прошел еще месяц трагедий, комедий, лекций, экскурсий, любых развлечений, какие Фонтей мог придумать, чтобы помочь бедняжке провести время, пока не придет ответ Антония. Интересно, что даже Пердите не удалось вызвать скандал по поводу того, что Фонтей всюду сопровождает сестру императора Цезаря! Просто никто не мог поверить, что Октавия пополнила сонм неверных жен. Фонтей был ее телохранителем. Цезарь не делал из этого секрета и проследил, чтобы его желание было известно даже в Афинах.

К этому времени все уже говорили о продолжающейся страсти Антония к женщине, которую Октавиан называл царицей зверей. Фонтей оказался между двух огней: он очень хотел выступить в защиту Антония, но, по уши влюбленный в Октавию, был озабочен только ее благополучием.

Второе письмо Антония не стало таким шоком, как первое.

Возвращайся в Рим, Октавия! В Афинах мне нечего делать в обозримом будущем, поэтому бесполезно ждать меня там, ведь ты должна заботиться о детях. Я повторяю: возвращайся в Рим!

Что касается людей и всего остального, отправь их немедленно в Антиохию. Фонтей может приехать с ними или нет,

как хочет. Из того, что я слышал, тебе он нужнее, чем мне. Я запрещаю тебе появляться в Антиохии, ясно? Поезжай в Рим, а не в Антиохию.

Наверное, слез не было из-за потрясения. Боль была ужасная, но она жила своей жизнью, словно бы отдельно от нее, Октавии, сестры императора Цезаря и жены Марка Антония. Боль рвала, выжимала ее насухо, а она могла думать только о двух девочках. Они проплывали перед ее мысленным взором. Антония — высокая, русоволосая. Мама Атия говорила, что она очень похожа на Юлию, тетю божественного Юлия, которая была женой Гая Мария. Антонии только пять лет, но она уже понимает, что такое повинование, сочувствие, доброта. А Тонилла — рыжеволосая, властная, нетерпеливая, непреклонная, пылкая. Антония едва знала своего *tata*, а Тонилла никогда его не видела.

— Ты вся в отца! — кричала бабушка Атия, не в силах скрыть раздражение.

— Ты вся в отца, — нежно шептала Октавия, еще больше любя этот маленький вулкан из-за такого сходства.

Она понимала, что все кончено. Наступил день, который она когда-то предвидела. Всю оставшуюся жизнь она будет любить его, но должна будет существовать без него. Что бы ни связывало его с египетской царицей, связь эта была очень прочная, может быть, неразрывная. И все же — все же — где-то в глубине души Октавия знала, что их союз несчастливый, что Антоний и хотел его, и ненавидел. «Со мной, — думала она, — у него был мир и согласие. Я успокаивала его. С Клеопатрой у него неопределенность и смятение. Она возбуждает его, подстрекает его, мучает его».

— Этот брак сведет его с ума, — сказала она Фонтею, показывая ему письмо.

— Да, ты права, — удалось выговорить Фонтею, несмотря на ком в горле. — Бедный Антоний! Клеопатра делает с ним что пожелает.

— А чего она желает? — спросила Октавия, похожая на затравленного зверька.

— Хотел бы я знать, но не знаю.

— Почему он не развелся со мной?

— *Edepol!* — воскликнул с досадой Фонтей. — Почему я не подумал об этом? Действительно, почему он не развелся с тобой? Судя по тону письма, он просто должен потребовать развода!

— Думай, Фонтей! Ты наверняка знаешь. Что бы это ни было, в основе лежит политика.

— Это второе письмо не явилось сюрпризом, верно? Ты ожидала такого ответа.

— Да, да! Но почему нет развода? — повторила она.

— Полагаю, это значит, что он не сжег за собой мосты, — медленно сказал Фонтей. — В нем еще сохранилось желание почувствовать себя римлянином с римской женой. Ты — его защита, Октавия. И еще: не разведясь с тобой, он в какой-то степени сохранил свою независимость. Эта женщина вонзила в него когти в момент его глубочайшего отчаяния, когда он обратился бы за утешением к любому, кто был рядом. А рядом оказалась она.

— Она позаботилась об этом.

— Да, очевидно.

— Но почему, Фонтей? Что ей от него нужно?

— Земли. Власть. Она — восточная царица, внучка Митридата Великого. В ней нет ничего от бездеятельных и лишенных амбиций Птолемеев, которых больше интересовала жизнь вокруг трона, — дальше этого они не хотели заглядывать. А Клеопатра жаждет расширить свое царство, у нее аппетиты Митридатидов и Селевкидов.

— Как тебе удалось так много узнать о ней? — любопытствовала Октавия.

— Я говорил с людьми в Александрии и Антиохии.

— А что ты подумал о ней, когда увидел ее?

— Главным образом две вещи. Во-первых, она одержима своим сыном от божественного Юлия. Во-вторых, она похожа на nereиду Фетиду — способна превращаться в любое существо для достижения цели.

— Акула, каракатица... я забыла, как там дальше. Но Пеллей, ее муж, оставался верен ей, в кого бы она ни превраща-

лась. — Октавия передернула плечами. — Действительно, бедный Антоний! Он будет верен ей.

Фонтей решил сменить тему, но не мог придумать, чем бы развеселить ее.

— Ты возвращаешься домой? — спросил он.

— Да. Не люблю навязываться, не мог бы ты найти мне ко-рабль?

— Есть лучший вариант, — спокойно сказал он. — Твой брат поручил мне позаботиться о тебе, а это значит, что я поеду с тобой.

Октавия почувствовала облегчение, почти радость. Фонтей заметил, что лицо ее стало не таким напряженным. Он, Гай Фонтей Капитон, страстно мечтал о том, чтобы внушить ей любовь. Многие женщины говорили, что могли бы полюбить его, а две жены определенно любили, однако они ничего собой не представляли. Он уже и не надеялся найти женщину своего сердца, своей мечты. Но эта женщина любила другого и будет продолжать любить. А его любовь останется безответной.

— В каком странном мире мы живем, — криво усмехнулся Фонтей. — Ты сможешь сегодня вечером вынести постановку «Троянок»? Признаю, что тема близка нашей сегодняшней ситуации: женщины потеряли своих мужей. Но Еврипид настоящий мастер, а состав актеров великолепный. Деметрий из Коринфа играет Гекубу, Дориск играет Андромаху, а Аристоген — Елену. Говорят, он поразителен в этой роли. Ты пойдешь?

— Да, конечно, — ответила она, улыбаясь ему. Даже глаза ее улыбались. — Что значит мое горе по сравнению с их горем? По крайней мере, у меня есть дом, дети, свобода. Мне будет полезно проникнуться страданиями троянских женщин, к тому же я никогда не видела этой пьесы. Я слышала, что она разрывает сердце, поэтому я смогу поплакать еще над чьей-то бедой.

Когда месяц спустя Октавия прибыла в Рим, Октавиан не сумел сдержать слез, жалея сестру. Стоял сентябрь, и он уже готов был начать свою первую кампанию против иллирийских племен. Смахнув слезы, он швырнул на стол два письма Анто-

ния, переданные ему Фонтеем, и постарался взять себя в руки. Бой выигран, и он скрипнул зубами в ярости, но не на Фонтя.

— Спасибо, что ты пришел ко мне, прежде чем я увидел Октавию, — сказал он Фонтю и протянул ему руку. — Ты честно выполнил поручение, был добр к моей сестре, и мне не нужно, чтобы она это подтверждала. Она... она очень подавлена?

— Нет, Цезарь, она не такая. Поведение Антония сломило ее, но не уничтожило.

Октавиан согласился с его мнением, когда увидел сестру.

— Ты должна жить здесь, со мной, — заявил он, обняв ее за плечи. — Разумеется, перевезем и детей. Ливия Друзилла считает, что тебе нужна компания, а Карины слишком далеко.

— Нет, Цезарь, я не могу, — сразу отказалась Октавия. — Я жена Антония и буду жить в его доме, пока он не попросит меня выехать. Пожалуйста, не ругай меня и не заставляй переезжать! Я не передумаю.

Вздыхнув, Октавиан посадил ее в кресло, придвинул к ней другое, сел и взял ее руки в свои.

— Октавия, он не придет к тебе.

— Знаю, маленький Гай, но это не имеет значения. Он не развелся со мной, значит надеется, что я позабочусь о его детях и его доме, это долг жены, когда муж в отъезде.

— А как с деньгами? Он же не может тебя обеспечивать.

— У меня есть свои деньги.

Это ему не понравилось, но гнев его был вызван бессердечием Антония.

— Твои деньги — это твои деньги, Октавия! Я заставлю сенат выделить тебе достаточную сумму из жалованья Антония, чтобы ты могла следить за его имуществом здесь, в Риме, и за его виллами.

— Нет, пожалуйста, не делай этого! Я буду вести счет своих трат, и он сможет вернуть мне все, когда придет домой.

— Октавия, он не придет!

— Откуда такая уверенность, Цезарь? Я не претендую на понимание чувств мужчин, но я знаю Антония. Эта египтянка

может быть еще одной Глафирой, даже еще одной Фульвией. Он устает от женщин, когда они становятся назойливыми.

— Он устал от тебя, дорогая моя.

— Нет, — отрезала она. — Я все еще его жена, он не развелся со мной.

— Только для того, чтобы сохранить своих ручных сенаторов и всадников. Никто не может сказать, что он навсегда в когтях царицы Египта, пока он не развелся с тобой, его законной женой.

— Никто не может сказать? О, перестань, Цезарь! Ты имеешь в виду, что ты не можешь сказать! Я не слепая. Ты хочешь, чтобы Антоний выглядел предателем, — это выгодно тебе, но не мне.

— Если тебе так легче, верь в это, но это не так.

— Я остаюсь при своем мнении, — вот все, что она сказала.

Октавиан ушел от нее, не чувствуя ни удивления, ни раздражения. Он знал ее так, как может знать только младший брат, ходивший за старшей сестрой словно привязанный, слышавший высказанные вслух мысли, девичьи разговоры с подружками, догадывавшийся о подростковых увлечениях и влюбленностях. Она была влюблена в Антония задолго до того, как стала достаточно взрослой, чтобы любить его как женщина. Когда Марцелл попросил ее руки, она безропотно покорила судьбе, потому что знала свой долг и даже не мечтала о браке с Антонием. Он был в руках Фульвии, и восемнадцатилетняя Октавия оставила всякую надежду, если таковая у нее и была.

— Она не переедет сюда? — спросила Ливия Друзилла, когда он вернулся.

— Нет.

Ливия Друзилла прищелкнула языком:

— Жаль!

Октавиан засмеялся, нежно провел рукой по ее щеке:

— Неправда! Ведь ты очень рада. Ты не любишь детей, жена, и хорошо знаешь, что эти избалованные, непослушные дети стали бы бегать здесь повсюду, сколько бы мы их ни сдерживали.

Она захихикала:

— Увы! Совершенно верно! Хотя, Цезарь, это не я ненормальная, а Октавия. Дети — это замечательно, и я была бы рада забеременеть. Но Октавия переплюнет даже кошку. Я удивляюсь, что она согласилась поехать в Афины без детей.

— Она поехала без них, потому что, если продолжить кошачью тему, ей известно, что Антоний — кот и относится к детям так, как к ним относишься ты. Бедная Октавия!

— Жалей ее, Цезарь, я не против, но не забывай о том, что лучше пусть у нее переболит сейчас, чем потом.

20

Пока Публий Канидий и его семь легионов успешно воевали в Армении, Антоний оставался в Сирии, якобы для того, чтобы наблюдать за войной против Секста Помпея в провинции Азия и собрать большую армию для своей следующей кампании в Парфянскую Мидию. Всего лишь предлог; целый год он медленно, болезненно выходил из запоя. Пока дядя Планк управлял Сирией, племянник Тиций заменил Антония и повел армию в Эфес, чтобы помочь Фурнию, Агепобарбу и Аминте Галатийскому справиться с Секстом Помпеем. Это Тиций загнал его в угол во фригийском Мидейоне, и это Тиций сопровождал его к азиатскому берегу в Милете. Там по приказу Тиция он был убит, о чем Антоний громко сожалел. Он обвинил дядю Планка в том, что тот поручил это Тицию, но дядя Планк настаивал, что от Антония поступил секретный приказ. Антоний рычал, что это не так!

Чья в том вина, узнать было невозможно, но Антоний определенно извлек выгоду из этой короткой войны. Он наследовал три хороших легиона из ветеранов, набранных Секстом, и двух великолепных римлян-флотоводцев в лице Децима Туруллия и Кассия Пармского, последних оставшихся в живых убийц божественного Юлия. После того как они предложили Антонию свои услуги и получили согласие, Октавиан своим мелким почерком написал Антонию почти истеричное письмо.

Одного этого достаточно, Антоний, чтобы доказать мне, что ты участвовал в заговоре против моего божественного отца. Из всех позорных, предательских, отвратительных поступков за всю твою ужасную карьеру это худший. Зная, что эти два человека убийцы, ты взял их к себе на службу, вместо того чтобы публично казнить. Ты не должен занимать пост римского магистрата даже самого низкого ранга. Ты не мой коллега, ты — мой враг и враг всех честных римлян. Ты за это заплатишь, Антоний, я клянусь богом Юлием. Ты за это заплатишь.

— Ты участвовал в заговоре? — грозно спросила Клеопатра.

Антоний сделал вид, что обижен.

— Разумеется, не участвовал! Юпитер, со смерти Цезаря прошло десять лет! Спроси меня, что я предпочел бы: двух мертвых убийц или двух живых римских флотоводцев? Здесь и гадать нечего.

— Да, я понимаю твою логику. И все же...

— И все же что?

— Я не знаю, верить ли мне в то, что ты не участвовал в убийстве Цезаря.

— А мне наплевать, веришь ты или не веришь! Почему ты не уедешь домой, в Александрию, и сама не поуправляешь страной для разнообразия? Тогда я смогу спокойно спланировать свою кампанию.

Клеопатра поступила так, как предложил Антоний. Через нундину «Филопатор» отплыл в Александрию с фараоном на борту. Ее отъезд свидетельствовал об уверенности, что он окончательно оправился от запоя и что не только его тело, но и рассудок восстановились. Он действительно был необыкновенным! Любой другой человек его возраста не смог бы избавиться от последствий пьянства, но только не Марк Антоний! Как всегда, бодрый, определенно готовый к проведению своей нелепой кампании. Но на этот раз он не пойдет к Фрааспе, это точно. В отсутствие Канидия, который мог бы поддержать

ее, Клеопатре было тяжело, но она продолжала в течение нескольких месяцев усердно обрабатывать Антония, направляя его амбиции в другую сторону. Конечно, она ни словом, ни взглядом не дала понять, что он должен смотреть на запад, на Рим. Вместо этого она напирала на то, что Октавиан полон решимости двинуться на восток после победы над Секстом Помпеем, чья казнь была ее идеей. Жирная взятка Луцию Мунацию Планку, еще одна сыну его сестры Тицию — и дело сделано.

Теперь, когда Лепид отправлен в отставку, а Секст Помпей ушел навсегда, говорила она, никто уже не помешает Октавиану править миром, кроме Марка Антония. Оказалось нетрудно убедить Антония, что Октавиан *хочет* править миром, особенно после того, как она нашла неожиданного союзника. Словно носом чуя свободное пространство вокруг Антония, Квинт Деллий появился в Антиохии, чтобы занять место, освобожденное Гаем Фонтеем, и полить грязью Фонтя, который, по его заверениям, стал рабом Октавии, смешным и влюбленным. Поскольку у Деллия совершенно отсутствовали целостность и убедительность Фонтя, Деллий не мог полностью заменить его. Однако Деллия можно было купить, а если римский аристократ хоть раз продавал свои услуги, он отработывал деньги. Очевидно, это было делом чести, даже если эта честь мишурная. Клеопатра купила его.

Она поручила Деллию выполнять обязанности Фонтя. Он снова стал послом Антония. История с Вентидием и Самосатой испарилась из головы Антония. Больше она уже не казалась ему таким преступлением. Кроме того, после отъезда Фонтя Антоний скучал по мужской компании, и поэтому он ухватился за Деллия. Если бы Агенобарб был в Сирии, все пошло бы по-другому, но Агенобарб был занят в Вифинии. Ничто не стояло на пути Деллия. И на пути Клеопатры.

В настоящий момент Деллий был занят выполнением поручения, которое ему дала Клеопатра. Они вдвоем легко убедили Антония, что это очень ответственное задание. Как посланец Антония Деллий должен был появиться при дворе мидийского Артавазда и предложить союз между Римом и Мидией.

Сама Мидия со столицей Фрааспа принадлежала царю парфян. Артавазд правил Атропатеной, северной частью Мидии, меньшей по размеру и с менее благоприятным климатом. Поскольку все ее границы, кроме границы с Арменией, были парфянские, Артавазд пребывал в метаниях: инстинкт самосохранения диктовал, что ему не следует оскорблять царя парфян, в то время как амбиции заставляли его смотреть голодными глазами на Мидию. Когда началась неудачная кампания Антония, он и его армянский тезка были убеждены, что никто не может побить Рим, но к тому времени, как Антоний вышел из Артаксаты в тот ужасный поход, оба Артавазда придерживались уже другого мнения.

Посылая Деллия к мидийскому Артавазду, Клеопатра пыталась уладить ссору, сохранить союз, чтобы царь вел себя тихо, пока его армянского тезку завоевывают для Рима. Это было возможно благодаря неприятностям при дворе царя Фраата, против которого интриговали царевичи малого двора Аршакидов. Сколько бы родственников ни удалось тебе убить, размышляла Клеопатра, всегда есть такие, кто стоит так низко, что ты их не видишь, пока не становится поздно.

Заставить Антония понять, что он не сумеет воспользоваться ситуацией вокруг парфянского трона и не должен пытаться во второй раз взять Фрааспу, было намного труднее, но в конце концов Клеопатре это удалось, потому что она все время напоминала о деньгах. Те сорок восемь тысяч талантов, которые прислал ему Октавиан, поглотила война: жалование солдат, вооружение, покупка продуктов, входящих в рацион легионеров, от хлеба до гороховой каши, а также лошадей, мулов, палаток — великое множество необходимых вещей. А когда военачальник любой страны снаряжает новую армию, цены взлетают, и ему приходится переплачивать за все. Поскольку Клеопатра продолжала отказываться финансировать парфянские кампании, а у Антония больше не было территории, которую он мог бы уступить ей в обмен на золото, он попался в ее тщательно расставленную ловушку.

— Довольствуйся завоеванием всей Армении, — сказала она. — Если Деллий сумеет заключить предварительный до-

говор с мидийским Артаваздом, твоя кампания станет огромным успехом, о котором ты сможешь растрюбить сенату так, что балки зазвенят. Тебе больше нельзя потерять ни одного обоза и ни одного пальца твоих солдат, а это значит — никаких маршей в незнакомую страну, слишком далекую от римских провинций, откуда можно быстро получить помощь. Эта кампания — просто возможность поупражняться ветеранам, а новичкам закалиться. Они будут нужны тебе, чтобы встретиться с Октавианом. Никогда не забывай об этом.

Несомненно, он серьезно отнесся к ее словам, поэтому ей не нужно было оставаться в Сирии, пока он был занят вторжением в Армению.

Еще одна вещь заставила ее вернуться домой — письмо от Аполлодора. Письмо не содержало никаких особенных новостей, но оно показало ей, что Цезарион стал доставлять неприятности.

О Александрия, Александрия! Какой красивый город после грязных улочек и трущоб Антиохии! Признаться, в Александрии было не меньше бедняков и трущоб, даже больше, ведь и сам город был больше. Но зато улицы здесь шире, столько воздуха, и воздух этот свежий, сухой, ласковый, не слишком жаркий летом и не слишком холодный зимой. Трущобы были новые, Юлий Цезарь и его македонские враги, по сути, сровняли город с землей четырнадцать лет назад, и ей пришлось заново отстроить его. Цезарь хотел, чтобы она увеличила количество общественных фонтанов и дала народу бесплатные бани, но она этого не сделала — с какой стати? Если она войдет в Большую гавань, то сойдет на берег на территории Царского квартала, а если поедет по суше, будет двигаться по Канопской улице. Ни один маршрут не заставит ее пересекать суетливый и грязный Ракотис, а чего глаза не видят, о том сердце не болит. Чума уменьшила население с трех до одного миллиона. Но это было шесть лет назад. Откуда-то появился еще один миллион, в большинстве своем дети, в меньшей степени — приезжие. В Александрии нельзя было найти истинных египтян, но там жило огромное количество потомков египтян

и бедных греков. Они образовали большой класс слуг — свободных людей, но не граждан Александрии, хотя Цезарь и настаивал, чтобы Клеопатра дала всем жителям александрийское гражданство.

Аполлодор ждал на пирсе Царской гавани. Однако своего старшего сына царица не увидела. Свет в ее глазах погас, но она подала Аполлодору руку для поцелуя, когда он выпрямился после поклона, и не протестовала, когда он отвел ее в сторону. Ему не терпелось передать ей жизненно важную информацию прямо сейчас.

— В чем дело, Аполлодор?

— Цезарион.

— Что он сделал?

— Пока ничего. Дело в том, что он намерен сделать.

— Разве вы с Сосигеном не можете контролировать его?

— Мы пытались, воплощенная Исида, но это становится все труднее и труднее. — Он смущенно прокашлялся. — Мошонка его наполнилась, и он считает себя мужчиной.

Она замерла на месте, повернула голову и посмотрела на своего самого верного слугу.

— Но... но ему нет еще тринадцати лет!

— Тринадцать через три месяца, царица, и он растет, как сорняк. Его рост уже четыре с половиной локтя. У него ломается голос, и фигура скорее юношеская, чем детская.

— О боги, Аполлодор! Нет, не говори мне больше ничего, прошу тебя! Думаю, мне нужно все увидеть самой. — Она двинулась дальше. — Где он? Почему не встречает меня?

— Он занят разработкой законопроекта, который хотел закончить до твоего приезда.

— Разработкой законопроекта?!

— Да. Он сам все скажет тебе, дочь Ра, вероятно не дожидаясь твоего вопроса.

Даже заранее предупрежденная, Клеопатра почувствовала, как у нее перехватило дыхание при виде сына. За год ее отсутствия он из ребенка превратился в юношу, но без той неуклюжести, которая обычно присуща этому возрасту. У него была чистая загорелая кожа и густые золотые волосы, коротко под-

стриженные, а не длинные, как принято у подростков, а его тело, как и говорил Аполлодор, было телом мужчины. «Уже! Мой сын, мой красивый мальчик, что произошло с тобой? Я потеряла тебя навсегда, и мое сердце разбито. Даже твой взгляд изменился — такой суровый, уверенный, такой непреклонный».

Но все это было ничто по сравнению с его сходством с отцом. Это был Цезарь в юности, Цезарь, когда он носил накидку-*laena* и шлем-*арех* фламينا Юпитера Всеблагого Всесильного. Потребовался Сулла, чтобы в девятнадцать лет освободить его от этого ненавистного жречества. Но здесь стоял Цезарь, каким он мог бы стать, если бы Гай Марий не запретил ему военную карьеру. Удлиненное лицо, нос с горбинкой, чувственный смешливый рот. «Цезарион, Цезарион, только не сейчас! Я не готова».

Цезарион быстро преодолел широкое пространство, отделявшее его стол от того места, где неподвижно стояла Клеопатра. В одной руке он держал толстый свиток, другую протянул ей.

— Мама, я рад видеть тебя, — сказал он басом.

— Я оставила мальчика, а вижу мужчину, — удалось произнести ей.

Он передал ей свиток.

— Я только что закончил это, но, конечно, ты должна прочитать, прежде чем он вступит в силу.

Свиток был тяжелый. Клеопатра посмотрела на свиток, потом на сына.

— Ты меня не поцелуешь? — спросила она.

— Если хочешь.

Он клюнул ее в щеку. Потом, видимо решив, что этого недостаточно, клюнул в другую щеку.

— Вот. А теперь прочти это, мама, пожалуйста!

Пора показать свою власть.

— Позже, Цезарион, когда у меня будет время. Сначала я увижусь с твоими братьями и сестрой. Потом я хочу пообедать на твердой земле. И тогда встречусь с тобой, Аполлодором

и Сосигеном. Ты сможешь рассказать мне все, о чем ты написал в свитке.

Прежний Цезарион стал бы спорить. Новый Цезарион не возражил. Он только пожал плечами, взял у нее свиток.

— Это даже хорошо. Я еще немного поработаю над ним, пока ты будешь занята своими делами.

— Надеюсь, ты придешь на обед.

— Яства, которые я не люблю. Зачем заставляешь поваров придумывать что-то, чего я не могу оценить? Я предпочитаю свежий хлеб, масло, салат, немного рыбы или ягненка, к тому же я ем во время работы.

— Даже сегодня, в день моего возвращения?

Голубые глаза блеснули. Он усмехнулся:

— Я должен почувствовать себя виноватым? Ладно. Я приду на обед.

И он снова подошел к столу, развернул свиток, нащупал рукой кресло, сел и склонился над своим сочинением.

Ноги несли ее в детскую, словно они принадлежали какой-то другой женщине. Здесь, по крайней мере, все было как обычно. Ирада и Хармиона подбежали к Клеопатре, обняли, поцеловали, потом отошли в сторону и стали смотреть, как их любимая госпожа занимается младшими детьми. Птолемей Александр Гелиос и Клеопатра Селена составляли картину из цветов, травы и бабочек, нарисованных на тонкой деревянной доске, которую какой-то мастер разрезал лобзиком на мелкие кусочки разной формы. Гелиос стучал игрушечным молотком по кусочку, не вставившему на место, а его сестра Селена с гневом смотрела на него. Потом она вырвала молоток у брата и ударила его по голове. Гелиос взвыл, Селена радостно вскрикнула. Буквально сразу же они снова занялись составлением картины.

— Головка молотка сделана из пробки, — прошептала Ирада.

Какие же они хорошенькие! Им исполнилось по пять лет. Они настолько разные, что никто не догадался бы, что они двойняшки. Гелиос сверкает золотом волос, глаз, кожи, красивый, но скорее восточного, нежели римского типа. Ясно, что,

когда он вырастет, у него будет нос крючком и высокие скулы. У Селены густые курчавые черные волосы, тонкие черты лица и огромные глаза цвета янтаря в обрамлении длинных черных ресниц. Когда она повзрослеет, то будет очень красивой, ни на кого не похожей. Никто из них не напоминал Антония или их мать. Смешение двух очень разных типов породило детей, физически более привлекательных, чем их родители.

А вот маленький Птолемей Филадельф был Марком Антонием с ног до головы: крупный, плотный, с рыжими волосами и глазами, нос крючком словно тянется к подбородку над маленьким полным ртом. Он родился в римский октябрь прошлого года. Значит, ему уже восемнадцать месяцев.

— Он типичный младший ребенок, — прошептала Хармиона. — Даже не пытается говорить. Но походка у него как у его отца.

— Типичный? — спросила Клеопатра, стиснув в объятиях вырывавшегося ребенка, который явно не оценил этого.

— Самые младшие не говорят, потому что старшие говорят за них. Он что-то лепечет, они это понимают.

— О-о!

Она быстро отпустила Филадельфа, который вонзил свои молочные зубки в ее руку, и замахала рукой от боли.

— Он действительно вылитый отец! Решительный. Ирада, пусть придворный ювелир изготовит ему аметистовый браслет. Он ограждает от пьянства.

— Он сорвет его, царица.

— Тогда плотно прилегающее ожерелье, брошь — мне все равно, только бы на нем был аметист.

— Антоний носит аметист? — спросила Ирада.

— Теперь носит, — мрачно ответила Клеопатра.

Из детской она в сопровождении Ирады и Хармионы прошла в ванную комнату. В Риме ходили легенды о ее ванне: что она наполняется молоком ослицы, что она размером с пруд, что вода освежается с помощью миниатюрного водопада, что температуру воды проверяют, сначала погружая в нее раба. Ничто из этого не было правдой. Ванна, которую Юлий Це-

зрь нашел в палатке Лентула Круса после Фарсала, была намного роскошнее. Ванна Клеопатры, сделанная из неполированного красного гранита, была обычного размера и прямоугольной формы. Наполняли ее рабы обычной горячей и холодной водой из амфор. Соотношение было стандартным, поэтому температура почти не менялась.

— Цезарион общается со своими братьями и сестрой? — спросила она, когда Хармиона растирала ей спину, обливая ее водой.

— Нет, царица, — вздохнув, ответила Хармиона. — Они ему нравятся, но ему с ними неинтересно.

— Неудивительно, — сказала Ирада, приготавливая ароматное притирание. — Разница в возрасте слишком велика для тесного общения, а к нему никогда не относились как к ребенку. Такова судьба фараона.

— Ты права.

Цезарион присутствовал на обеде, но мысли его витали где-то в другом месте. Если кто-то клал ему что-нибудь на тарелку, он это съедал. Кушанья были самыми простыми. Слуги знали, что предложить ему. Он ел рыбу, ягненка, но мясо домашней птицы и молодого крокодила игнорировал. Подсушенный белый хлеб составлял основу его рациона. Он макал его в оливковое масло или, за завтраком, в мед.

— Мой отец предпочитал простую пищу, — сказал он матери в ответ на упрек, что он должен разнообразить свое питание, — и это ему не вредило, верно?

— Не вредило, — признала Клеопатра, сдаваясь.

Для советов у нее была отведена специальная комната. Там стоял большой мраморный стол, на одном конце сидели она и Цезарион, с каждой стороны размещались по четыре человека, дальний конец стола не занимал никто. Это было почетное место для Амона-Ра, который никогда не появлялся. Сегодня Аполлодор сидел напротив Сосигена и Каэма. Царица заняла свое место, недовольная отсутствием Цезариона. Но прежде чем она успела сказать что-нибудь едкое, он появился,

держа в руках пачку документов. Раздалось общее «ах!», когда Цезарион прошел к месту Амона-Ра и занял его.

— Сядь на свое место, Цезарион, — сказала Клеопатра.

— Это мое место.

— Оно принадлежит Амону-Ра, а даже фараон не Амон-Ра.

— Я заключил договор с Амоном-Ра, что я буду представлять его на всех советах, — спокойно произнес Цезарион. — Глупо сидеть на месте, откуда я не могу видеть одно лицо, которое хочу видеть больше других, фараон, — твое.

— Мы правим вместе, поэтому и сидеть должны вместе.

— Если бы я был твоим попугаем, фараон, мы могли бы сидеть вместе. Но теперь, когда я стал мужчиной, я не намерен быть твоим попугаем. Когда я сочту нужным не согласиться, я с тобой не соглашусь. Я чту твой возраст и твой опыт, но ты должна чтить меня как старшего партнера в нашем правлении. Я фараон мужчина, и последнее слово за мной.

После этой спокойной, ровной речи наступила тишина. Каэм, Сосиген и Аполлотор внимательно разглядывали поверхность стола, а Клеопатра смотрела на его дальний конец, где сидел ее мятежный сын. Это она виновата. Она возвысила его, короновала как фараона Египта и царя Александрии. Теперь она не знала, что делать, и сомневалась, что у нее есть достаточно влияния на этого незнакомца, чтобы сохранить за собой статус старшего партнера. «Ох, только бы это не стало началом войны между правящими Птолемеями! — подумала она. — Только бы это не стало войной Птолемея Фискона против Клеопатры-матери. Но я не вижу в нем задатков продажности, жадности, жестокости. Он — Цезарь, а не Птолемей! Это значит, он не подчинится мне, он считает себя умнее меня, несмотря на мой возраст и опыт. Я должна уступить. Я должна согласиться».

— Я поняла тебя, фараон, — бесстрастно сказала она. — Я буду сидеть на этом конце стола, а ты — на том.

Бессознательно она потеряла шею, где, как обнаружилось во время купания, появилась опухоль.

— Ты хочешь обсудить государственные дела за тот период, пока меня не было?

— Нет, все шло гладко. Я вершил суд, и мне даже не пришлось обращаться к прежним процессам, никто не оспаривал моих вердиктов. Казна Египта и казна Александрии в полном порядке. Я поручил магистратам Александрии выполнить необходимый ремонт городских зданий и разных храмов с прилегающими территориями по берегам Нила в соответствии с петициями. — Лицо его оживилось. — Если у тебя нет вопросов и ты не слышала жалоб по поводу моего поведения, можно познакомить тебя с моими планами на будущее для Египта и Александрии?

— До сих пор я не слышала никаких жалоб, — осторожно сказала Клеопатра. — Ты можешь продолжать, Птолемей Цезарь.

Он разложил свои свитки на столе и начал говорить, не заглядывая в них. В комнате было сумрачно, потому что день близился к концу, но последние лучи солнца еще танцевали с пылинками в такт покачиванию пальмовых листьев снаружи. Один неподвижный луч вдруг высветил диск Амона-Ра на стене за головой Цезариона. Каэм, впав в пророческий транс, издал гортанный звук и положил дрожащие руки на стол. Возможно, это гаснущий дневной свет был виноват в том, что кожа его показалась серой. Клеопатра была уверена, что, какое бы видение ни посетило его, она этого не узнает. А это означало, что видение было плохое.

— Сначала я буду говорить об Александрии, — живо начал Цезарион. — Нужно внести изменения, и немедленно. В будущем мы используем римскую практику раздачи бесплатного зерна бедным. Конечно, доходы будут проверяться. Далее о зерне. Цена зерна не должна меняться, в зависимости от его реальной стоимости, когда оно закупается в других местах в неурожайные годы. Дополнительные расходы будут компенсироваться из общественных денег Александрии. Но этот закон применим только к медимну зерна, то есть тому количеству, которое потребляет небольшая семья в течение одного месяца. Любой александриец, покупающий больше одного медимна в месяц, должен будет платить по рыночной цене.

Цезарион умолк, вскинув голову, с вызовом в глазах, но все молчали. Он снова заговорил:

— Те жители Александрии, кто в данный момент не имеет гражданства, получают его. Это относится ко всем свободным людям, включая вольноотпущенников. Будут составлены списки граждан, будут талоны на зерно — на бесплатное зерно или на месячный медимн по фиксированной цене. Все городские магистраты — от истолкователя и ниже — будут выбираться, и только на один год. Любой гражданин, будь он македонец, грек, еврей, метик или наполовину египтянин, будет иметь право выдвигать свою кандидатуру, и будут изданы законы, предусматривающие наказания за подкуп избирателей, а также за взятки должностным лицам.

Еще одна пауза, и опять молчание. Цезарион принял это как знак, что возражения будут жесткими.

— Наконец, — произнес он, — на каждом главном перекрестке я построю мраморный фонтан. Он будет иметь несколько струй для набора воды и просторный бассейн для стирки белья. Для тех, кто хочет помыться, я построю общественные бани в каждом районе города, кроме Беты, где в Царском квартале уже имеется все необходимое.

Время из мужчины снова превратиться в мальчика. Горящими глазами он оглядел сидящих за столом.

— Вот! — воскликнул он и засмеялся. — Разве все это не замечательно?

— Действительно замечательно, — сказала Клеопатра, — но только невозможно.

— Почему?

— Потому что Александрия не может позволить себе твою программу.

— С каких это пор демократическая форма правления стоит дороже, чем кучка пожизненных магистратов-македонцев, которые слишком заняты обустройством своих гнезд, чтобы тратить городские деньги на то, на что те должны быть потрачены? Почему общественный доход должен идти на их роскошную жизнь? И почему юношу надо кастрировать, чтобы

он получил высокую должность у царя или царицы? Почему женщины не могут охранять наших царевен-девственниц? Евнухи сегодня, в наш век? Это отвратительно!

— Неоспоримо, — промолвил Каэм, заметив выражение ужаса на лице Аполлодора, который был евнухом.

— И с каких пор всеобщее избирательное право стоит больше, чем избирательное право, доступное немногим? Ввод в действие избирательной системы будет стоить денег, да. Бесплатное зерно будет стоить денег. Дешевое зерно будет стоить денег. Фонтаны и бани будут стоить денег. Но если прогнать строителей своих гнезд с их самого высокого насеста в курятнике и каждый гражданин будет платить все полагающиеся налоги, я думаю, деньги можно найти.

— О, перестань быть ребенком, Цезарион! — устало произнесла Клеопатра. — Если тебе позволено тратить, сколько хочешь, это еще не значит, что ты разбираешься в финансах! Найти деньги, вздор! Ты — ребенок с детским представлением о том, как устроен мир.

Радость исчезла. Лицо Цезариона стало надменным.

— Я не ребенок! — сквозь зубы произнес он голосом, холодным, как Рим зимой. — Тебе известно, как я трачу свое огромное содержание, фараон? Я плачу жалованье десяти счетоводам и писцам. Девять месяцев назад я поручил им проверить доходы и траты Александрии. Наши магистраты-македонцы, от истолкователя до многочисленной армии чиновников, состоящей из племянников и родственников, поражены коррупцией. Гниль! — Он положил руку на свитки, темно-красным пламенем сверкнуло рубиновое кольцо. — Здесь есть все — все растраты, присвоения, мошенничества, мелкие кражи! Когда все данные были собраны, мне стало стыдно, что я царь Александрии!

Если тишина могла обрушиться, то она обрушилась. С одной стороны, Клеопатра радовалась поразительно раннему развитию сына, но, с другой стороны, ее охватил такой гнев, что ее правая ладонь горела от желания дать пощечину этому маленькому чудовищу. Как он посмел? Но как замечательно, что он посмел! И что ему ответить? Как ей выйти из этого поло-

жения, чтобы не пострадало ее достоинство, не была унижена ее гордость?

Сосиген вмешался, отсрочив этот неприятный момент:

— Я хочу знать, кто внушил тебе эти идеи, фараон. Определенно не я, и я отказываюсь верить, что они целиком зародились в твоей голове. Итак, откуда появились эти идеи?

Спрашивая, Сосиген почувствовал, как сердце у него сжалось. Ему было жаль потерянного детства Цезариона. Его всегда пугало стремительное развитие этого чуда, ибо, как и его отец, он был настоящим чудом.

А у чуда нет детства. Еще маленьким ребенком он строил правильные фразы. Все видели, какой могучий ум был в головке младенца Цезариона. Хотя его отец ни разу не отметил этого и, кажется, даже не обратил внимания. Может быть, воспоминания о собственных ранних годах мешали ему заметить. Каким был Юлий Цезарь в двенадцать лет? Как, скажем, относилась к нему его мать? Не так, как Клеопатра относилась к Цезариону, решил Сосиген, пока ждал ответа от Цезариона. Клеопатра относилась к сыну как к богу, так что глубина его интеллекта только увеличивала ее глупость. О, если бы только Цезарион был более... обычным!

Сосиген очень хорошо помнил, как он убеждал Клеопатру позволить шестилетнему мальчику играть с некоторыми детьми из семей высокородных македонцев, например писца и казначея. Но эти мальчики или в страхе убегали от Цезариона, или били его и жестоко смеялись над ним. Все это он переносил без жалоб, решив победить их, как он сегодня решил победить врагов Александрии. Видя их поведение, Клеопатра запретила всем детям, девочкам и мальчикам, любые контакты с ее сыном. Впредь, предписала она, Цезарион будет довольствоваться лишь обществом приближенных. Тогда Сосиген принес беспородного щенка. Пришедшая в ужас Клеопатра утопила бы его, но в этот момент вошел Цезарион, увидел собаку и — стал маленьким шестилетним мальчиком. Он заулыбался, протянул руки к шевелящемуся комочку. Так Фидон вошел в жизнь Цезариона. Мальчик знал, что Фидон не нравится его матери, и вынужден был скрывать от нее, что собака

очень дорога ему. И это было ненормально. Цезариону снова навязывали поведение взрослого человека. В нем жил обремененный заботами старик, а мальчик, каким ему никогда не позволяли быть, съезживался, кроме тех моментов, когда он оказывался вдали от матери и трона, который занимал с ней как равный. Равный ли? Нет, никогда! Цезарион выше своей матери во всем. И в этом трагедия.

Отвечая, Цезарион вдруг снова стал мальчиком. Лицо его засияло.

— Мы с Фидоном пошли охотиться на крыс на верхнем этаже дворца. Там ужасные крысы, Сосиген! Величиной с Фидона, клянусь! Они, наверное, любят бумагу, потому что они съели горы старых записей, иные из которых восходят ко второму Птолемею! Так вот, несколько месяцев назад Фидон нашел ящик, который им еще не удалось сжевать, — малахит, инкрустированный ляпис-лазурью. Красивый! Я открыл его и увидел документы моего отца, составленные, когда он был в Египте. Материалы для тебя, мама! Советы, а не любовные письма. Разве ты никогда не читала их?

Покраснев, Клеопатра вспомнила, как Цезарь заставил ее проехаться по Александрии на ишаке, чтобы она увидела, что надо сделать и в каком порядке. Сначала дома для простых людей. И только после этого храмы и общественные здания. И нескончаемые лекции! Как они раздражали ее, когда она хотела только любви! Жесткие инструкции, что надо делать, от гражданства для всех до бесплатного зерна для бедных. Из всего этого она выполнила лишь одно — предоставила гражданство евреям и метикам за то, что они помогли Цезарю сдерживать александрийцев до прибытия его легионов. Она хотела заняться всем этим. Но помешали ее божественность и его убийство. После смерти Цезаря она посчитала его реформы ненужными. Он пытался провести реформы в Риме, и его убили за высокомерие. Поэтому она положила списки, приказы и пояснения в малахитовый ящик, инкрустированный ляпис-лазурью, и отдала дворцовому слуге, чтобы тот убрал его куда-нибудь с глаз долой.

Но она не рассчитывала, что вмешается озабоченный мальчик и его собака-крысолов. Зачем он нашел этот ящик! Теперь Цезарион заразился отцовской болезнью. Он хочет изменить порядок вещей, столетиями соблюдаемый так свято, что перемены не хотят даже те, кто выиграет от этого. Почему она не сожгла эти бумаги? Тогда ее сын не нашел бы ничего, кроме крыс.

— Да, я читала их, — сказала она.

— Тогда почему ты ничего не сделала?

— Потому что Александрия имеет собственный *mos maiorum*, Цезарион. Свои обычаи и традиции. Правители города или государства не обязаны помогать бедным. Неимущие — это бич, и только голод может избавить от них. Римляне зовут своих бедняков пролетариями, потому что у них нет абсолютно ничего. Что они могут дать государству, кроме детей? Нет налогов — нет процветания. Но у римлян есть традиция — филантропия. Вот почему они кормят свою бедноту за счет государства. В Александрии и в других наших городах нет такой традиции. Да, я согласна, что наши магистраты продажные, но македонцы — представители коренного населения Александрии и считают себя вправе иметь привилегию занимать высокие должности. Попытайся лишить их должности, и тебя разорвут на куски на агоре. И сделают это не македонцы, а беднота. Гражданство Александрии — это драгоценность, которую имеют только достойные. А что касается выборов, это фарс.

— Слышала бы ты себя. Это все говно гиппопотама.

— Не груби, фараон.

Выражение его лица менялось. Сначала детское, сердитое, расстроенное, стропливое. Но постепенно его лицо становилось взрослым, каменным, холодным, непоколебимым.

— Я поступлю так, как решил, — сказал он. — Рано или поздно я сделаю все по-своему. Ты можешь пока помешать мне, у тебя для этого достаточно сторонников в Александрии. Я не дурак, фараон, я знаю силу сопротивления моим реформам. Но я их проведу! И не ограничусь Александрией. Мы — фараоны страны протяженностью в тысячу миль, но только десяти миль в ширину, за исключением Фаюмского оазиса, страны, где свободных граждан вообще нет. Они принадлежат

нам, как и земля, которую они возделывают, и урожай, который они собирают. Что касается денег, у нас их так много, что нам никогда их не потратить. И лежат они под землей в пригороде Мемфиса. Я использую их, чтобы облегчить участь египетского народа.

— Люди тебя не поблагодарят, — произнесла Клеопатра сквозь зубы.

— Зачем благодарить? По праву это их деньги, не наши.

— Мы, — сказала она, чеканя каждое слово, — это Нил. Мы — сын и дочь Амона-Ра, воплощенные Исида и Гор, хозяйка Верхнего и Нижнего Египта, Осоки и Пчелы. Наша цель — быть плодovitыми, приносить процветание как высшим, так и низшим. Фараон — бог на земле, бессмертный. Твой отец должен был умереть, чтобы стать богом, а ты был богом с момента зачатия. Ты должен верить!

Цезарион собрал свои свитки и поднялся из-за стола:

— Спасибо, что выслушала меня, фараон.

— Дай мне твои бумаги! Я хочу почитать их.

Это вызвало смех.

— Нет, — сказал он и вышел.

— Ну, по крайней мере, мы знаем, где стоим, — сказала Клеопатра оставшимся. — На краю пропасти.

— Он изменится, когда станет взрослее, — попытался успокоить ее Сосиген.

— Да, он изменится, — повторил Аполлотор.

Каэм не произнес ни слова.

— А ты, Каэм, согласен? — спросила она. — Или твое видение сказало тебе, что он не изменится?

— Мое видение не имело смысла, — прошептал Каэм. — Оно было туманно, неотчетливо. Правда, фараон, оно ничего не значило.

— Я уверена, для тебя оно что-то значило, но ты мне не скажешь, да?

— Я повторяю, мне нечего сказать.

И он ушел, сторбившись, словно старик, но как только оказался достаточно далеко, чтобы его никто не видел, он заплакал.

Клеопатра поужинала в своей комнате без служанок. День был длинный, Хармиона и Ирада, должно быть, устали. Молодая девушка — конечно, македонка — прислуживала ей, пока царица без всякого аппетита пыталась что-то съесть, потом помогла ей раздеться для сна. Среди людей зажиточных, имевших много слуг, было принято спать голыми. Те, кто спал одетым, были или стыдливы, как жена покойного Цицерона Теренция, или не имели возможности регулярно стирать простыни. В том, что она подумала об этом, был повинен Антоний. Он презирал женщин, спавших одетыми. Он рассказал ей почему и даже назвал имена. Октавия, скорее скромная, чем стыдливая, была не против того, чтобы голой заниматься любовью, рассказывал он, но потом, по окончании, надевала рубашку. Она оправдывалась (или так ему казалось) тем, что может срочно понадобиться ночью кому-нибудь из детей, а она не хочет, чтобы служанка, которая придет будить ее, увидела ее без одежды. Хотя, по словам Антония, тело у нее было восхитительное.

Исчерпав эту тему, Клеопатра обратилась мыслями к странным отношениям Антония с Октавией. Все, что угодно, только не думать о сегодняшнем дне!

Он отказался развестись с Октавией, упирался изо всех сил, когда Клеопатра пыталась убедить его, что развод — лучшая альтернатива. Теперь он был *ее* мужем; римский брак не имел смысла. Но потом она поняла, что Антонию все еще нравилась Октавия, и не просто потому, что она была матерью двух его детей-римлян. Две девочки не представляли интереса, во всяком случае для Клеопатры. Но не для Антония. Он уже планировал их браки, хотя Антонии было около пяти лет, а Тонилле не исполнилось еще и двух. Сын Агенобарба, Луций, должен был жениться на Антонии. А мужа для Тониллы он еще не нашел. Словно это имело значение! Как заставить его порвать все связи с Римом? Для чего они нужны мужу фараона и отчиму фараона? Для чего ему римская жена, пусть даже она сестра Октавиана?

Для Клеопатры отказ Антония развестись с Октавией был знаком, что он еще надеется заключить с Октавианом согла-

шение, в соответствии с которым каждый из них будет править своей половиной империи. Словно та граница по реке Дрина, отделяющая Запад от Востока, была вечным забором, по обе стороны которого собака Антоний и собака Октавиан могли рычать и скалить зубы друг на друга без необходимости вступать в драку. О, почему Антоний не понимает, что так не может длиться долго? Она знала это, и Октавиан знал это. Ее агенты в Риме докладывали ей об уловках Октавиана с целью дискредитировать ее в глазах римлян и всех италийцев. Он называл ее царицей зверей, распространял небылицы о ее ванне, ее личной жизни и обвинял в том, что она опаивает Антония всякими снадобьями и вином, делает из него свою марионетку. Ее агенты сообщили, что до сих пор зерна клеветы падали на сухую землю. Никто на самом деле не верил Октавиану — пока. Семьсот сенаторов Антония оставались верны ему, их любовь к нему подпитывалась ненавистью к Октавиану. Еле заметная трещина появилась в сплошной стене их преданности после правдивого рассказа о парфянской кампании, но только несколько человек покинули его. Большинство решили, что в восточной катастрофе Антоний не виноват. Признать его вину значило признать правоту Октавиана, а этого они не могли допустить.

Антоний... Сейчас он начинает свою кампанию против армянского Артавазда, которого ему придется позволить победить. Но прежде чем у него в голове появятся мысли о марше против Артавазда Мидийского, Квинт Деллий должен добиться союза, который не отверг бы ни один римский военачальник, включая Антония. Но кое-какие аспекты этого союза нельзя будет записать и даже сообщить о них Антонию. Это договоренность между Египтом и Мидией о том, что, когда Рим будет завоеван и войдет в состав новой египетской империи, мидийский Артавазд ударит по царю парфян всей мощью сорока-пятидесяти римских легионов и займет вожделенный трон. Цена Клеопатры — мир, который должен длиться, пока Цезарион не станет достаточно взрослым, чтобы занять место своего отца.

Вот. Имя все-таки слетело с ее губ, это было неизбежно. Если события, произошедшие в день ее возвращения в Александрию, свидетельствуют о необычном характере Цезариона, то он вырастет в такого же военного гения, каким был его отец. Им двигали желания его отца, а его отец был убит за три дня до начала своей пятилетней кампании против парфян. Цезарион захочет завоевать восточный берег Евфрата, и как только он добьется успеха, он будет править от Атлантического океана до реки Океан за Индией. Его царство по размеру превзойдет царство Александра Великого в период расцвета. Его армия не откажется продолжить поход на восток, и его сатрапии не пострадают от мятежных военачальников, у которых одна цель — разрушить империю и поделить ее между собой. Ибо полководцами будут его братья и двоюродные братья от брака Антония с Фульвией. Из свяжет кровное родство, объединяющее, а не разрушительное.

И все это она считала возможным. Для этого, правда, требовалась железная воля, но воли ей было не занимать. Если бы ее советники были более независимыми, по крайней мере, у кого-то возник бы вопрос, что будет с этими амбициями, если ее сын не унаследовал военный гений отца. На этот вопрос она все равно не ответила бы. Мальчик был не по годам развит, такой же одаренный, как его отец, и похожий на него, как горошины в стручке. В нем текла кровь Юлиев, правда лишь наполовину. А посмотрите, что сделал Октавиан, в котором крови Юлиев намного меньше, в восемнадцать, девятнадцать и в двадцать лет. Получил наследство Цезаря, совершил два похода на Рим, заставил сенат назначить его старшим консулом. Еще юноша. Но рядом с Цезарионом Октавиан бледнеет.

Только как примирить идеализм Цезариона с прагматизмом Цезаря? Планы Цезаря для Александрии и Египта были экспериментальными, он считал, что может осуществить их в Египте благодаря своему влиянию на его правительницу, Клеопатру. А потом, приведя пример его удачных реформ в Египте, он попытается провести такие же реформы в Риме более последовательно, чем раньше. Его одиночество стало причиной неудачи. Он не сумел найти тех, кто поверил бы в его

идеи. И Цезарион не найдет. Поэтому Цезариона надо отговорить от попытки осуществить свою программу.

Клеопатра поднялась с постели и прошла в лучшую комнату рядом с ее покоями, где стояли статуи Птаха, Гора, Исиды, Осириса, Сехмет, Хатхор, Собека Анубиса, Монту, Таурт, Тотта и еще десятка других богов. Все они представляли разные аспекты жизни по берегам Нила и не очень отличались от древних римских богов *numina* и сил стихий. Фактически они больше походили на них, чем на греческих богов, которые были гипертрофированными людьми. И разве римлянам по прошествии столетий не пора дать лица некоторым своим богам?

Отделанная золотом комната была уставлена этими статуями, расписанными с удивительным жизнеподобием, светившимися даже в слабом пламени ночных ламп. В центре лежал ковер из Персеполя, столицы Персиды. Клеопатра опустилась на него на колени, вытянув вперед руки.

— Отец мой, Амон-Ра, мои божественные братья и сестры, я смиренно прошу вас просветить вашего сына и брата Птолемея Цезаря, фараона. Я смиренно прошу вас дать мне, его земной матери, еще десять лет, чтобы я смогла привести его к славе, которую вы ему готовите. Я предлагаю вам свою жизнь в залог за его жизнь и умоляю помочь мне в моем трудном деле.

Вознеся молитву, она продолжила самоуничужение и так и уснула. Проснулась только с рассветом и появлением солнечного диска, сведенная судорогой, смущенная, оочечневшая.

По пути обратно к постели, торопясь дойти прежде, чем проснутся слуги, Клеопатра прошла мимо огромного зеркала из полированного серебра и остановилась, пораженная, глядя на женщину, отразившуюся в нем, тоненькую, маленькую, некрасивую. На теле у нее не было волос, она их тщательно выщипывала. Фигурой она больше походила на девочку, чем на женщину. Но не лицом. Форма лица изменилась, оно удлинилось, черты стали жестче, но морщин не было. Лицо женщины тридцати четырех лет, с печалью в золотисто-желтых глазах. Становилось светлее, но Клеопатра продолжала стоять,

глядя на себя. Нет, это не тело ребенка! Три беременности, одна двойней, превратили кожу ее живота в отвислый, сморщенный, матово-бурый мешок.

«Почему Антоний любит меня? — в изумлении спросила она свое отражение. — И почему я не могу любить его?»

Поздним утром она отправилась искать Цезариона, решив поговорить с ним. Как всегда, он ушел в бухту за дворцом, чтобы поплавать, и теперь сидел на камне, как идеальная модель для Фидия или Праксителя. На нем была только набедренная повязка, еще достаточно мокрая, и его мать поняла, что он действительно возмужал. Она пришла в ужас, но не подала виду. Она села на другой камень, откуда могла видеть его лицо. Лицо Цезаря, все более и более похожее.

— Я пришла не ругаться и не критиковать, — сказала Клеопатра.

Его улыбка обнажила ровные белые зубы.

— Я и не думал, что ты для этого пришла, мама. В чем дело?

— У меня просьба.

— Тогда изложи ее.

— Дай мне время, Цезарион, — начала она самым нежным голосом. — Мне нужно время. Но у меня его меньше, чем у тебя. Ты должен мне время.

— Время для чего? — осторожно спросил Цезарион.

— Подготовить народ Египта и Александрии к переменам.

Он нахмурился, недовольный, но промолчал. Клеопатра быстро продолжила:

— Я не собираюсь говорить тебе, что ты еще недостаточно прожил, чтобы набраться опыта общения с людьми, будь они подданные или твои товарищи. Ты будешь отрицать это. Но ты должен учесть мой возраст и опыт и выслушать меня! Сын мой, народ надо подготовить к реформам. Издавая эдикты, которые вызывают у людей потрясение, ты встретишься с ожесточенным сопротивлением. Я восхищаюсь тщательностью, с которой ты проделал свою работу, и признаю справедливость многого из того, что ты сказал. Но то, что знаем мы с тобой, на

самом деле не так очевидно для других. Обычные люди, да же македонские аристократы, привыкли жить так, как живут. Они противятся переменам, как мул, когда его пытаются запрячь. Мир наших подданных ограничен по сравнению с нашим миром — немногие из них путешествуют, а те, кто путешествует, едут на отдых не дальше Дельты или Фив, если у них есть деньги. Писец никогда не был дальше Пелузия, так как, по-твоему, он видит мир? Разве его волнует Мемфис, не говоря уже о Риме? И если это так в его случае, как отнесутся к этому простые люди?

Лицо его стало упрямым, но во взгляде появилась растерянность.

— Если дать бедным бесплатное зерно, мама, вряд ли они будут протестовать.

— Я согласна, поэтому советую тебе начать с этого. Но не сегодня, пожалуйста! Потрать следующий год на разработку того, что твой отец назвал бы «материально-техническим обеспечением». Запиши все это на бумаге и принеси на совет. Ты сделаешь это?

Очевидно, бесплатное зерно стояло первым в его списке. Она угадала.

— Это не займет много времени, — ответил Цезарион. — Месяц-два.

— Даже у великого Цезаря на составление законопроектов ушли годы, — возразила Клеопатра. — Ты не можешь подойти к этому безответственно, Цезарион. Каждое изменение разрабатывай правильно, тщательно, идеально. Возьми в качестве примера твоего кузена Октавиана — вот он настоящий перфекционист, и я не так нетерпима, чтобы не признать это! У тебя много времени, сын мой. Делай дела постепенно, пожалуйста. Сначала подробно растолковывай, потом действуй — людей надо осторожно готовить к переменам, чтобы они не почувствовали, что эти перемены обрушились на них неожиданно. Пожалуйста!

Он расслабился и заулыбался:

— Хорошо, мама, я понял тебя.

— Даешь слово, Цезарион?

— Даю слово. — Он засмеялся чистым приятным смехом. — По крайней мере, ты не заставила меня поклясться богами.

— Ты веришь в наших богов настолько, чтобы отнестись к такой клятве как к священной, которую надо сдержать даже ценой жизни?

— О да.

— Я считаю тебя человеком слова, которого нет необходимости связывать клятвой.

Цезарион соскочил с камня, обнял, поцеловал ее.

— Спасибо, мама, спасибо! Я сделаю, как ты говоришь!

«Вот, — подумала Клеопатра, глядя, как он прыгает с камня на камень с грацией танцовщика. — Вот как надо обращаться с ним. Предложить ему часть того, что он хочет, и убедить, что этого достаточно. На этот раз я поступила мудро, нашла верный способ».

Через месяц Клеопатра поняла, что она постоянно трогает горло, нащупывая ту опухоль. Она не выглядела шишкой, но когда Ирада обратила внимание на эту новую привычку госпожи и сама прощупала больное место, то настояла, чтобы ее хозяйка посоветовалась с врачом.

— Только не с противным греческим знахарем! Пошли за Хапд-эфане, — сказала Ирада. — Я серьезно говорю, Клеопатра! Если не позовешь ты, позову я.

Годы были милосердны к Хапд-эфане. Он мало изменился с тех пор, как следовал за Цезарем из Египта в Малую Азию, Африку, Испанию и до самого Рима, следя за приступами эпилепсии, которые случались у Цезаря, когда он забывал поесть. После смерти Цезаря Хапд-эфане вернулся в свою страну на корабле Цезариона и, пробыв год придворным врачом в Александрии, получил разрешение вернуться в Мемфис, в храм Птаха. Врачи находились под покровительством жены бога Птаха, Сехмет. Члены этой касты брили головы, носили белое льняное платье, начинающееся под сосками и закрывающее колени, и давали обет безбрачия. Путешествие расширило его кругозор и как человека, и как врача. Ныне он был признан лучшим диагностом в Египте.

Сначала он внимательно осмотрел Клеопатру, послушал пульс, понюхал ее дыхание, пощупал кости, оттянул вниз веки, заставил вытянуть вперед руки и пройти по прямой. Только тогда он сосредоточился на ее проблеме, щупая под челюстью, горло и шею.

— Да, фараон, это опухоль, а не шишка, — сказал он. — Сама опухоль не заключена в оболочку, как киста, — края проникли в окружающую здоровую ткань. Я видел подобную опухоль у тех, кто живет в Египте по берегам Нила, но редко в Александрии, Дельте и Пелузии. Это зоб, разрастание щитовидной железы.

— Она злокачественная? — спросила Клеопатра с пересохшим ртом.

— Нет, царица. Но это не значит, что она не будет расти. Большинство зобов растут, но очень медленно, на это уходят годы. Твоя опухоль появилась недавно, поэтому есть вероятность, что она будет расти быстро. В таком случае у тебя глаза будут навывкате, как у лягушки. Нет-нет, не паникуй! Сомневаюсь, что этот зоб даст такой эффект, но врач должен предупредить пациента о всех возможных последствиях. Однако у тебя есть кое-какие симптомы, царица. Появился еле заметный намек на дрожание рук, и твое сердце бьется чуть быстрее, чем нужно. Я хочу, чтобы по утрам, прежде чем ты встанешь с постели, Ирада проверяла твой пульс, — он приветливо улыбнулся Ираде и Хармионе, — потому что Хармиона слишком волнуется. Через месяц Ирада будет знать, насколько быстро бьется твое сердце, и сможет следить за ним. Видишь ли, сердце внутри грудной клетки покрыто кровеносными сосудами, поэтому его работу можно определить по пульсу на запястье. Если бы этих сосудов не было, сердце блуждало бы так, как, по мнению греков, блуждает матка.

— Есть какая-нибудь микстура, которую я могла бы принимать, и бог, которому я могу принести жертву?

— Нет, фараон. — Он помолчал, тихо кашлянул. — Как твое настроение, царица? Ты нервничаешь больше, чем обычно? Часто раздражаешься по мелочам?

— Да, Хапд-эфане, но только потому, что эти два года были очень трудными.

— Может быть, — только и сказал он, простираясь ниц.

Затем, пятясь, он выполз из комнаты.

— Хорошо, что она не злокачественная, — сказала Клеопатра.

— Да, действительно, но, если она будет расти, она обезобразит тебя, — заметила Ирада.

— Прикуси язык! — крикнула Хармиона, яростно набросившись на Ираду.

— Я специально это сказала, глупая старая дева! Ты слишком озабочена своей внешностью, боишься потерять всякую надежду найти мужа и не понимаешь, что царица должна быть готова к худшему.

Хармиона застыла, что-то бессвязно лепеча, а Клеопатра рассмеялась — впервые после возвращения домой.

— Ладно, ладно! — выговорила она наконец. — Вам по тридцать четыре, а не по四十四, и вы обе старые девы. — Она нахмурилась. — Я отняла у вас молодость и возможность выйти замуж. Я сознаю это. Кого вы видите, кроме евнухов и стариков, служа мне?

Хармиона, забыв об оскорблении, захихикала:

— Я слышала, что Цезарион что-то говорил о евнухах.

— Откуда ты узнала?

— Откуда еще мы можем узнать? Аполлодор очень расстроен.

— Ох этот несносный мальчишка!

21

У царя Армении Артавазда не было шанса победить огромную армию, которую Антоний вел против него. Но покорно он не сдался и дал Антонию несколько приличных сражений, в которых его новобранцы прошли боевое крещение, а опытные воины усовершенствовали свое мастерство. Теперь, когда Антоний совсем не пил, к нему вернулась способность командовать, а с нею и уверенность в себе.

Клеопатра была права: его настоящим врагом было вино. Трезвый и абсолютно здоровый, он признался, что в прошлом году ему следовало оставаться в Каране с остатками армии, чтобы Клеопатра приехала туда. Вместо этого он заставил солдат совершить еще один пятисотмильный марш, прежде чем они получили какую-то помощь. Но что сделано, то сделано. Бесплезно думать о прошлом, сказал себе выздоровевший Антоний.

Тиций управлял провинцией Азия вместо Фурния, Планк оставался в Сирии, а Агенобарб начал свою кампанию. Канидий, как всегда, был правой рукой Антония. Армия Антония стояла в удобном лагере в Артаксате. Настроение у него было хорошее, и он стал планировать поход против другого Артавазда. До зимы у него еще оставалось время совершить этот поход. Армения была завоевана, а ее царь стал его пленником уже к началу июля.

И вот, когда Антоний готов был начать свой марш в Мидию Атропатену, в Артаксату прибыл Квинт Деллий в сопровождении огромного каравана, включая самого царя Артавазда Мидийского, его гарем, детей, мебель, впечатляющее количество драгоценностей, сотню огромных мидийских коней и всю артиллерию и военные машины из обоза, утраченного Антонием.

Очень довольный собой, Деллий протянул Антонию проект договора, который он заключил с мидийским царем Артаваздом.

Антоний пришел в замешательство, медленно переходящее в ярость.

— Кто дал тебе право вести переговоры от моего имени? — потребовал он ответа.

Лицо Деллия, похожее на лицо фавна, изобразило крайнее удивление, желтовато-коричневые глаза расширились.

— Да ты же и дал это право! Марк Антоний, ты должен помнить! Ты согласился с царицей Клеопатрой, что лучший способ справиться с Мидией Атропатеной — склонить Артавазда на сторону Рима. Это ты, ты, я клянусь!

Что-то в его поведении убедило Антония.

— Я не помню, чтобы отдавал какой-то приказ, — озадаченно пробормотал он.

— Ты был очень болен, — сказал Деллий, вытирая пот со лба. — Наверное, поэтому ты отдал такой приказ.

— Да, я был болен, это я помню. Что произошло в Мидии?

— Я убедил царя Артавазда, что его единственный шанс — сотрудничать с Римом. Его отношения с царем парфян ухудшились, потому что Монес поехал в Экбатану и сказал Фраату, что мидийцы удрали с твоим обозом, а Монес надеялся поделить трофеи. Что еще хуже, Фраату угрожают соперники, в которых течет кровь мидийцев по женской линии. Для мидийского Артавазда было ясно, что ты победишь Армению, если он не придет на помощь. А этого он не мог сделать, учитывая ситуацию в своих владениях. Поэтому я говорил и говорил, пока он не понял, что лучшая альтернатива для него — союз с Римом.

Антоний успокоился. Он стал вспоминать. Это его беспокоило, хуже — пугало. Сколько других решений, приказов и важных разговоров он не помнил?

— Расскажи мне подробно, Деллий.

— Артавазд приехал сам, чтобы подтвердить свое решение, вместе с женами и детьми. Если ты согласен, он хочет предложить свою четырехлетнюю дочь Иотапу в жены твоему египетскому сыну Птолемею Александру Гелиосу. Пятеро детей, включая сына от его главной жены, будут переданы как заложники. Еще много подарков, от мидийских коней до золотых слитков и драгоценных камней — ляпис-лазурь, бирюза, сердолик и горный хрусталь. Вся твоя артиллерия, твои машины и материалы, даже восьмидесятифутовый таран.

— Значит, все, что я потерял, — это два легиона и их орлы, — стараясь говорить спокойно, сказал Антоний.

— Нет, их орлы у нас. Оказывается, Артавазд не послал их в Экбатану сразу, а когда он собрался это сделать, Монес повернул Фраата против него.

Настроение улучшилось, Антоний захихикал:

— Вот это дорогому Октавиану не понравится! Он ведь кричал на весь Рим о моих четырех потерянных орлах!

Встреча с мидийским Артаваздом порадовала Антония. Без разногласий, без затаенной злобы условия договора, записанные Деллием, были вновь обговорены, подтверждены, подписаны и скреплены печатями Рима и Мидии Атропатены. Все это произошло после того, как Антоний внимательно проверил подарки на пятидесяти повозках: золото, драгоценные камни, сундуки с парфянскими золотыми монетами, несколько сундуков с изысканными украшениями. Но ни один подарок не привел Антония в такой восторг, как сто огромных коней, достаточно высоких и сильных, чтобы выдержать вес катафракта. Артиллерию и военную технику поделили. Половина должна была впоследствии уйти в Каран вместе с Канидием, другая половина — в Сирию. Канидий должен был направиться в Каран, перезимовав с третьей армии в Артаксате.

Антоний сел писать письмо Клеопатре в Александрию.

Я очень скучаю по тебе, моя маленькая женошка, не могу дождаться, когда увижу тебя. Но сначала я поеду в Рим отмечать свой триумф. Какие трофеи! Их столько же, сколько Помпей Великий получил после победы над Митридатом. Эти восточные царства полны золота и драгоценностей, даже если там нет статуй, сравнимых с произведениями Фидия или любого другого грека. Статуя Анаит из цельного золота высотой шесть локтей поедет в Рим, в храм Юпитера Всеблагого Всесильного. И это лишь небольшая часть армянских трофеев.

Тебе будет приятно узнать, что Деллий заключил договор, который тебе был очень нужен. Да, Рим и Мидия Атропатена теперь союзники. Армянский Артавазд — мой пленник и будет идти в числе других на моем триумфе. Уже давно в триумфальной процессии римского военачальника не шествовал настоящий правящий монарх столь высокого статуса. Весь Рим изумится.

Осталось пятнадцать дней до календ секстилия, и я скоро отправлюсь в Рим. Отметив триумф, я вернусь в Александрию, зимой это будет или нет, мне все равно. Надо еще многое сделать, организовать большой гарнизон в Артаксате. Там я оставляю Канидия и треть моей армии. Остальные две тре-

ти я поведу обратно в Сирию и помещу в лагеря вокруг Антиохии и Дамаска. Девятнадцатый легион поплывет со мной в Рим, он будет представлять мою армию на триумфе. Их пики и штандарты будут обвиты лавром. Кстати, меня провозгласили императором на поле боя в Наксуане.

Чувствую себя хорошо, только немного беспокоят странные провалы в памяти. Ты знаешь, я не помнил, чтобы посылал Деллию к мидийскому Артавазду! Придется полагаться на тебя и в других вещах, если я не буду помнить о них.

Я посылаю тебе тысячу тысяч поцелуев, моя царица, и мечтаю сжать в объятиях твое хрупкое тело. Как твое здоровье? Здоровье Цезариона? И наших с тобой детей? Напиши мне в Антиохию. Времени будет достаточно, потому что я посылаю тебе это письмо со срочным курьером. Люблю тебя.

Заклучив тесный союз с одной армянкой, Публий Канидий не жалел, что зимовал там. Его возлюбленная, состоявшая в дальнем родстве с царской семьей, бегло говорила на греческом, была довольно начитанной и красивой, хотя и не первой молодости. Его римская жена не могла похвастать высоким происхождением, едва умела читать и не была интересной собеседницей. Поэтому Климена казалась Канидию подарком армянских богов, особым подарком, только для него.

Антоний и его две трети армии шли через Каран в Сирию. Агенобарб сопровождал их до Сирийских ворот Аманского хребта, потом по суше ушел в свою провинцию Вифиния. Только Деллий, Цинна, Скавр и внук казненного Красса сопровождали его в Антиохию.

Там Антония ждало письмо от Клеопатры.

Что ты имеешь в виду, Антоний, говоря о триумфе в Риме? Ты сошел с ума? Неужели ты все забыл? Позволь мне тогда освежить твою память.

Ты поклялся, что после армянской кампании вернешься ко мне, в Александрию, вместе с трофеями. Ты поклялся, что покажешь свои трофеи в Александрии. Не было сказано ни слова о триумфе в Риме, хотя я не могу помешать тебе сделать это, если ты должен. Но ты поклялся, что сначала Александрия,

потом Рим и что твои трофеи получу я как царица и фараон. Скажи, чем ты обязан Риму и Октавиану? Он неустанно интригует против тебя, а я — царица зверей, враг Рима. Каждый день он говорит об этом, каждый день римляне все больше и больше сердятся. Им я не сделала ничего дурного, но послушать Октавиана, так я — Медея и Медуза в одном лице. А теперь ты возвращаешься в Рим к Октавии, чтобы там подлизаться к брату своей жены и отдать свои тяжко завоеванные трофеи государству, которое использует их, чтобы уничтожить меня.

Я и впрямь считаю, что ты сошел с ума, Антоний, если прощаешь оскорбления Октавиана и Рима в мой адрес, лишь бы снискать расположение у врага Египта, отмечая триумф среди выводка римских змей. Где твоя честь, если ты отказываешься от меня, твоего самого преданного союзника, друга и жены, в пользу тех, кто потешается над тобой и надо мной, кто высмеивает тебя как мою марионетку, кто считает, что я надела на тебя женское платье и иду впереди тебя в мужских доспехах? Они говорят, что ты — Ахилл в гареме царя Ликомеда, с накрашенным лицом и в пышных юбках. Ты действительно хочешь показаться перед народом, который говорит такие вещи у тебя за спиной?

Ты поклялся, что приедешь в Александрию, и я требую, чтобы ты сдержал свою клятву, муж мой. Граждане Александрии и народ Египта видели Антония, да, но не как моего супруга. Я оставила свое царство, чтобы поехать к тебе в Сирию, захватив с собой целый флот помощи твоим римским солдатам. Позволь мне напомнить, что я заплатила за эту миссию милосердия!

О, Антоний, не покидай меня! Не отвергай меня, как ты отверг многих женщин. Ты говорил, что любишь меня, женился на мне. И от меня, фараона и царицы, можно отказаться?

Трясущимися руками Антоний отбросил письмо, словно оно было раскалено докрасна и причиняло невыносимую боль. Из открытых окон его кабинета доносилась какофония уличного шума. Остолбенев от ужаса, он смотрел на яркий прямоугольник солнечного света и чувствовал, как ледяной холод пробирал его до костей, хотя стояло жаркое сирийское лето.

«Я поклялся? Поклялся? Зачем бы ей говорить это, если я не клялся? Что случилось с моей памятью? Неужели мой ум сделался мягким, как альпийский сыр, весь в дырках? В последнее время мой ум был таким ясным, я снова стал прежним. Да, эти два провала случились, когда я был в Левке Коме и Антиохии и выходил из запоя. Именно тот период, и только тот я не помню. Что я делал, что говорил? В чем еще я поклялся?»

Он встал и начал ходить по комнате, чувствуя беспомощность, в чем мог винить только себя. В радостном возбуждении от вновь обретенной уверенности он ясно видел, что ему надо делать и как вновь обрести престиж в Риме. Египет? Александрия? Что это, как не чужие места, которыми правит чужая царица? Да, он любит ее, любит так, что женился на ней, но он не египтянин и не александриец. Он — римлянин. В Артаксате он подумал, что еще сумеет наладить отношения с Октавианом. Агенобарб и Канидий оба считали, что это возможно. Действительно, Агенобарб смеялся над словами Клеопатры о том, что Октавиан раздувает скандалы. Если это правда, спрашивал Агенобарб, почему семьсот из тысячи сенаторов Рима до сих пор верны Антонию? Почему плутократы и всадники-предприниматели так привязаны к Антонию? Признаться, он слишком долго готовился к походу на Восток, но теперь все позади, и римская торговля получит свою выгоду. Деньги потекут в казну. Дань наконец будут платить. Агенобарб и Канидий с этим соглашались.

Здесь, в Антиохии, не было ни того ни другого, чтобы поддержать его. Только Деллий и группа второстепенных лиц, внуки и внучатые племянники известных людей, давно уже умерших. Может ли он полагаться на Деллия? Вроде бы да, однако, когда Деллий оскорблен, он идет на поводу у своих эмоций, отбросив этику и мораль, как, например, в случае с Вентидием и Самосатой. Впрочем... данная ситуация не имеет ничего общего с тем делом. Если бы только Планк был здесь! Но он уехал в провинцию Азия навестить Тиция. Выходит, не к кому обратиться, кроме Деллия. «По крайней мере, — подумал Антоний, — Деллий знает, что одного эпизода я не помню. Он может вспомнить другие».

— Я давал клятву привезти в Александрию трофеи моей кампании? — спросил он Деллия несколько минут спустя.

Поскольку Деллий тоже получил письмо от Клеопатры, он точно знал, что надо говорить.

— Да, Марк Антоний, ты поклялся, — соврал он.

— Тогда во имя Юпитера, Деллий, почему ты не упомянул об этом в Артаксате или когда мы шли на юг?

Деллий покашлял:

— Пока мы не добрались до Амана, меня не было рядом с тобой. Гней Агенобарб не любит меня.

— А после Амана?

— Признаюсь, я забыл.

— И ты тоже, а?

— Это со всеми случается.

— Значит, я давал ту клятву?

— Да.

— Какими богами я клялся?

— Теллус, Индигетом и Либером.

У Антония вырвался стон:

— Но откуда Клеопатра их знает?

— Понятия не имею, Антоний, хотя она была женой Цезаря несколько лет, говорит на латыни как римлянка и жила в Риме. Определенно у нее была возможность узнать, какими богами клянутся римляне.

— Тогда я связан. Крепко связан.

— Боюсь, что да.

— Что я скажу другим?

— Ничего, — решительно ответил Деллий. — Помести двенадцатый легион в хороший лагерь в Дамаске — там замечательная погода — и скажи своим легатам, что ты идешь в Рим через Александрию. Ты скучаешь по своей жене и хочешь показать ей трофеи.

— Это отсрочка и ложь.

— Поверь мне, Марк Антоний, это единственный способ. Когда ты приедешь в Александрию, появится с десятков причин, почему ты не можешь отметить свой триумф в Риме: болезнь, какие-нибудь волнения.

— Почему я поклялся? — крикнул Антоний, сжав кулаки.
— Потому что Клеопатра попросила тебя, а ты был не в том состоянии, чтобы отказать ей.

«Вот! — подумал Деллий. — По крайней мере, хоть этим я отплатил тебе, египетская гарпия».

Антоний вздохнул, хлопнул себя по коленям:

— Ну, если я должен ехать в Александрию, мне лучше уехать до возвращения Планка. Он пристанет ко мне с вопросами хуже Цинны и Скавра.

— По суше?

— Со всей этой добычей? У меня нет выбора. Иерусалимский легион может встретить меня и быть моим эскортом. — Антоний зло усмехнулся. — Так я смогу повидать Ирода и узнаю, что происходит.

В сентябре обоз, растянувшийся на несколько миль, выехал из Антиохии в южном направлении, делая по десять миль в день. Жара стояла до самого конца октября, а может, и дольше. У реки Элевтер он ступил на территорию, ныне принадлежавшую Клеопатре. Чтобы пройти расстояние в восемьсот миль, потребовалось два с половиной месяца. Антоний то верхом, то пешком продвигался со скоростью обоза, не теряя даром времени. По пути он заезжал к местным правителям, включая александрийских чиновников, которых Клеопатра назначила управлять своими территориями. Таким образом, для тех, кто в изумлении следил за его одиссеей, он делал вид, что использует это путешествие как предлог для инспектирования южной части Сирии.

Этнархи Сидона и Тира выразили недовольство тем, что теперь они полностью окружены египетскими владениями. Клеопатра перегородила все дороги, ведущие из этих двух больших торговых центров, и взимала пошлины со всех товаров, вывозимых по суше.

Царь Набатей Малх проделал немалый путь до Птолемаиды, чтобы горько пожаловаться на Клеопатру, которой Антоний передал права на добычу асфальта.

— Мне все равно, что эта женщина — твоя жена, Марк Антоний, — гневно сказал Малх. — Она достойна презрения. Обнаружив, что накладные расходы делают добычу асфальта малоприбыльной, она набралась наглости и предложила продать мне обратно мою же добычу за двести талантов в год! Собирать которые должен был Ирод! Не для себя, а в ее пользу. Нечестно, нечестно!

— И каких шагов ты ожидаешь от меня? — спросил Антоний, зная, что ничего не сможет сделать, и поэтому злясь.

— Ты ее муж и триумвир Рима! Прикажи ей вернуть мне право на добычу! Оно принадлежало Набатее с незапамятных времен.

— Извини, я не могу помочь тебе, — сказал Антоний. — Рим уже не распоряжается добычей асфальта.

Ирод, вторая жертва этой истории, был приглашен к Антонию в Иоппу. Ирода постигла та же судьба. Он мог вернуть себе свои бальзамовые сады за двести талантов в год, но только если будет взимать с Малха в год по двести талантов.

— Это отвратительно! — кричал он Антонию. — Отвратительно! Эту женщину надо выпороть! Ты ее муж! Выпори ее!

— Если бы ты был ее мужем, Ирод, ее определенно выпорол бы, — ответил Антоний, восхищаясь хитростью Клеопатры, разжигающей вражду между Иродом и Малхом. — Римляне не порют своих жен. И жаловаться мне ты не можешь. Я отдал бальзамовые сады Иерихона царице Клеопатре, поэтому ты должен обращаться к ней, а не ко мне.

— Женщины! — гневно отреагировал на это Ирод.

— Это напомнило мне о других вещах, хотя они тоже касаются женщин. Я понимаю, что, заняв трон, ты назначил саддукея Ананила первосвященником евреев. Но твоя теща, царица Александра, хотела эту должность для своего шестнадцатилетнего сына Аристовула. Так?

— Да! — зло прошипел Ирод. — И кто же самая близкая подруга Александры? Та же Клеопатра! Эта пара сговорилась против меня, зная, что я совсем недолго на троне и не в силах

сделать то, чего очень хочу, — убить эту сующую везде нос старую свинью Александру! О, она очень быстро присосалась к Клеопатре! Гарантия долгой жизни! Только подумай, шестнадцатилетний первосвященник! Нелепо! Кроме того, он Хасмонеи, не саддукей. Первый ход Александры в ее игре с целью вернуть трон Аристовулу. — Ирод вскинул руки. — Поверь, Марк Антоний, я из кожи вон лез, чтобы примирить родственников моей жены!

— Но я слышал, что ты выполняешь все желания своей тещи.

— Да-да, в прошлом году я сделал Аристовулу первосвященником! Но ни ему, ни его матери это добра не принесло. — Ирод принял вид несправедливо осужденного узника. — Александра и Клеопатра сговорились представить все так, будто жизнь Аристовулы в опасности, — какая чушь! Он должен был бежать из Иерусалима и Иудеи и найти убежище в Египте. После краткого пребывания там ему надлежало возвратиться с армией и захватить мой трон — трон, который ты дал мне!

— Мне что-то говорили об этом, — осторожно сказал Антоний.

— Эта история настолько далека от правды! На самом деле юный Аристовул радостно принял мое приглашение отобедать на природе. — Ирод вздохнул и притворился, что опечален. — Вся семья пришла, включая Александру, ее дочь — мою жену, наших четверых маленьких сыновей, мою любимую мать. Веселая компания, уверяю тебя. Мы выбрали красивое место, где река образовала большой пруд, местами глубокий, но не опасный, если купающийся не заплывает далеко. Аристовул был слишком безрассуден. Он пошел купаться, не умея плавать. — Широкие плечи затряслись. — Нужно ли говорить еще? Наверное, он попал в водоворот, потому что вдруг стал звать на помощь. Несколько охранников поплыли его спасать, но было слишком поздно. Он утонул.

Антоний внимательно выслушал рассказ, зная, что Клеопатра будет задавать ему вопросы. Конечно, он был уверен, что это Ирод устроил «несчастный случай», но не было никаких доказательств этого, слава всем богам. Действительно, женщи-

ны! Этот поход на юг открывал все новые и новые грани Клеопатры не как женщины, а как монарха. Жадная до новых территорий, жадная до власти, способная сеять вражду между ее врагами, но при этом подружиться с вдовствующей царицей, чей муж и сыновья воевали против Рима. И как умно она обратила Антония, чтобы добиться своей цели!

— Не понимаю, как случайная смерть во время купания может быть делом твоих рук, Ирод, особенно если ты говоришь, что это случилось на глазах у матери парня и всей его семьи.

— А Клеопатра хотела судить меня и казнить. Разве не так?

— Она была раздражена, это верно. А мы с тобой... э-э... разминулись в Лаодикее. Если бы мы встретились тогда, я, наверное, действовал бы по-другому. А так у меня нет доказательств, что это сделал ты, Ирод. Более того, назначение первосвященника — твоя прерогатива. Ты волен поставить любого, кого захочешь. Но можно попросить тебя не делать этот пост пожизненным?

— Великолепно! — обрадовался Ирод. — На самом деле я пойду даже дальше. Я оставлю облачение у себя и буду выдавать его первосвященнику всякий раз, когда это требуется согласно закону Моисея. Говорят, оно обладает магической силой, поэтому я не хочу, чтобы он ходил в нем среди людей и будоражил народ. Я клянусь тебе, Антоний, что не отдам трон! Когда ты увидишь Клеопатру, скажи ей об этом.

— Уверю тебя, что Рим не потерпит возрождения Хасмонеев в Иудее, — сказал Антоний. — Царский двор Хасмонеев доставлял одни неприятности, спроси любого, начиная с Авла Габиния.

Обоз из повозок продолжал свой путь, особенно утомительный после того, как город Газа остался позади. Потом дорога пошла через сухую местность и стало трудно найти воду для многих сотен волов. Идти берегом нельзя было из-за Дельты Нила, представлявшей собой стопятидесятимильный «веер» непроходимых болот и речек. Единственный путь по

суше в Александрию лежал к югу от Мемфиса в обход Дельты, потом на север вдоль Канопского рукава Нила.

В последних числах ноября поход завершился. Антоний вступил в величайший город мира через ворота Солнца на восточном конце Канопской улицы, где шумная толпа чиновников взяла повозки под свою ответственность и отвела их в специально отгороженное место у озера Мареотида. Сам Антоний въехал в Царский квартал. Иерусалимский легион уже начал марш обратно в Иудею, и Антонию оставалось только надеяться, что страх перед Клеопатрой будет держать липкие пальцы подальше от повозок с сокровищами.

Царица не вышла встретить его у ворот Солнца. Этот факт говорил о том, что она чем-то недовольна. Клеопатра была единственным человеком, у кого агентов было больше, чем у Октавиана, думал Антоний, подходя к Главному дворцу. Ясно, она знала обо всем, что он делал.

— Аполлодор, дорогой мой бессемянный старина! — приветствовал он главного дворцового управляющего. — Где ее сердитое величество?

— В своей гостиной, Марк Антоний. Рад видеть тебя!

Антоний с усмешкой бросил плащ на пол и смело направился в логово зверя.

— С какой стати ты контролируешь моих сатрапов на территориях, уже не представляющих интереса для Рима? — строго спросила Клеопатра.

— Что за прием, — ответил он, падая в кресло. — Я подчинился приказу, я верен своей клятве, я привез мои трофеи к тебе в Александрию, и все, что я получаю за свои старания, — это неприятный вопрос. Предупреждаю тебя, Клеопатра, не заходи слишком далеко. За восемьсот миль пути я стал свидетелем твоих махинаций, того, как ты унижаешь людей, которые не являются египтянами. Ты казнишь, ты заключаешь в тюрьму, ты перегораживаешь дороги, чтобы брать пошлины, на которые не имеешь права, ты срамливаешь царей, ты сеешь вражду. Не пора ли вспомнить, что я нужнее тебе, чем ты мне?

Лицо ее застыло, в глазах мелькнул ужас. Несколько секунд она молчала, стараясь придать лицу выражение, которое успокоило бы его.

— Я трезвый, — сказал он, прежде чем она обрела дар речи, — и Марк Антоний сейчас уже не тот покорный раб, каким он становится, когда вино лишает его способности соображать. С тех пор как я в последний раз видел тебя, я не выпил ни капли. Я успешно закончил войну против хитрого врага. Я вновь обрел уверенность в себе. И я обнаружил много причин, почему как триумвир Востока и высший представитель Рима на Востоке я осуждаю действия Египта на этом Востоке. Ты вмешиваешься в управление римскими владениями и дела царей-клиентов, находящихся на службе у Рима! Ты важничаешь, словно Зевс в миниатюре, демонстрируя свою мощь, как будто у тебя армия в четверть миллиона и гениальность Гая Юлия Цезаря в зените его славы. — Антоний передохнул, глаза налились кровью и гневом. — А на самом деле без меня ты — ничто. У тебя нет армии. Ты не гений. Фактически между тобой и иудейским Иродом почти никакой разницы. Оба вы жестокие, жадные и хитрые, как крысы. Но сейчас, Клеопатра, мне больше нравится Ирод, и я больше его уважаю, чем тебя. По крайней мере, Ирод — бессовестный варвар и не скрывает этого. А ты сегодня притворяешься соблазнительницей, завтра — богиней милосердия, потом ты тиран, ненасытная захватчица, воровка. А затем — подумать только! — ты надеваешь маску кротости. Это закончится здесь и сейчас. Ты слышишь меня?

Клеопатра нашла подходящее выражение лица — скорбь. Молчаливые слезы потекли по ее щекам, она сжала свои красивые маленькие ручки.

Антоний искренне рассмеялся:

— Хватит, Клеопатра! Неужели у тебя нет других приемов, кроме слез? До тебя у меня было четыре жены, поэтому со слезами я знаком. Самое действенное оружие женщины — ее воспитывают в этой вере. Но на трезвого Марка Антония они влияют не больше, чем вода, капающая на гранит. Чтобы вода подточила гранит, потребуются тысячи лет, и это больше,

чем отведено даже богиням на земле. Предписываю тебе вернуть Ироду бальзамовые сады, безвозмездно, а Малху — его право добывать асфальт, тоже безвозмездно. Ты освободишь дороги из Тира и Сидона, а твои правители на территориях, которые я продал тебе, перестанут насаждать египетский закон. Их предупреждали, что они не имеют права казнить или сажать в тюрьму, если римский префект не вынесет соответствующего приговора. Как и все другие цари-клиенты, ты будешь платить Риму дань и свои действия в будущем ограничишь непосредственно территорией Египта. Это понятно, госпожа?

Она перестала плакать и теперь была очень сердита. Но не могла показать свой гнев *этому* Марку Антонию.

— Что, пытаешься придумать, как убедить меня выпить бокал вина? — насмешливо спросил он, чувствуя, что смог бы завоевать целый мир, раз у него хватило смелости противостоять Клеопатре. — Убеждай сколько хочешь, моя дорогая. Не добьешься. Как команда Улисса, я заткнул уши, чтобы не слышать твое пение сирены. И если ты вообразишь себя Цирцеей, тебе не удастся снова превратить меня в свинью, купающуюся в грязи твоего изготовления.

— Я рада видеть тебя, — прошептала Клеопатра, успокоившись. — Я люблю тебя, Антоний. Очень тебя люблю. И ты прав, я злоупотребила своей властью. Все будет сделано, как ты хочешь. Клянусь тебе.

— Клянешься Теллус, Индигетом и Либером?

— Нет, клянусь Исидой, оплакивающей мертвого Осириса.

— Тогда подойди и поцелуй меня.

Она покорно поднялась, но не успела она подойти к креслу Антония, как в комнату ворвался Цезарион.

— Марк Антоний! — закричал мальчик и бросился к нему, чтобы обнять. — О, Марк Антоний, это ужасно! Мне никто не сказал, что ты приехал, пока я не встретил в зале Аполлодора.

Антоний отстранил от себя Цезариона и с удивлением оглядел его.

— Юпитер, тебя можно было бы принять за Цезаря! — заметил он, целуя Цезариона в обе щеки. — Ты стал мужчиной.

— Я рад, что хоть кто-то заметил. Моя мать отказывается признать это.

— Матери не хотят видеть, что их сыновья вырастают. Прости ее за это, Цезарион. Вижу, у тебя все в порядке. Много дел в эти дни?

— Да, я сейчас очень занят. Работаю над порядком раздачи бесплатного зерна беднякам Александрии.

— Отлично! Покажи мне.

И они вместе ушли, почти одного роста, настолько вырос Цезарион. Конечно, он никогда не станет Геркулесом, как Антоний, но зато будет выше, подумала покинутая Клеопатра.

Мозг ее усиленно работал. Она подошла к окну, выходящему на море — Их море, которое и останется Их морем, если ее муж ничего не предпримет. Теперь она поняла, что действовала слишком поспешно, но она рассчитывала, что Антоний снова запьет. Но нет. Ни единого признака возврата к пагубному пристрастию. Если бы он не был свидетелем ее действий в южной части Сирии, его было бы легче одурачить. Но эти действия привели его в ярость, возбудили желание доминировать в их браке. Этот отвратительный червяк Ирод! Что он наговорил Антонию, отчего тот так взбесился? А Малх и эти два финикийских города? Значит, доклады ее агентов были неточны, ибо нигде не упоминалось, что Антоний отдавал какие-либо приказы относительно ее владений, ничего не говорилось о его встречах с Малхом и Иродом, о Сидоне или о Тире.

О, как он прав! Без него она — ничто. Ни армии, ни талантов. Сейчас она отчетливее, чем раньше, понимала, что ее первая, а возможно, единственная задача — отвлечь Антония от его преданности Риму. Всему причиной эта преданность.

«Я не чудовище, каким он меня изображает, — думала она. — Я — монарх, и судьба дала мне власть в тот момент, когда я могу получить полную автономию, вновь вернуть Египту потерянные территории, стать выдающимся деятелем на мировой сцене. Все это не ради меня, а ради сына! Сына Цезаря. Наследника не только его имени. Его уже обессмертил титул — Птолемей Пятнадцатый Цезарь, фараон и царь. Он должен исполнить свое предназначение, но все происходит

слишком быстро! Еще десять лет я должна бороться, чтобы защитить его и его судьбу. Я не могу тратить время на любовь к другим людям, таким как Марк Антоний. Он чувствует это. Долгие месяцы разлуки разрушили цепи, которыми я привязала его к себе. Что делать? Что делать?»

К тому моменту, как Антоний присоединился к ней, веселый, любящий, жаждущий любви, она приняла решение, как ей действовать. Надо уговорить Антония, заставить его понять, что Октавиан никогда не позволит ему стать Первым человеком в Риме, поэтому бесполезно хранить верность Риму. Она должна убедить его, трезвого, владеющего собой, что единственный способ добиться единоличного правления Римом — это начать войну с Октавианом, чтобы ликвидировать препятствие.

Прежде всего нужно было организовать для Антония парад в Александрии наподобие триумфа в Риме. Это было нетрудно, потому что единственным его товарищем здесь был Квинт Деллий, и Клеопатра приказала ему отговорить Антония отмечать триумф так, как это делают в Риме. В конце концов, у него не было с собой не то что легионов, но даже и когорты римских солдат. Не будет никаких роскошных платформ со сценами, решила она, только огромные плоскодонные повозки, которые будут тянуть украшенные гирляндами волю. На повозках будут выставлены все трофейные сокровища. И Антоний поедет не в древней четырехколесной колеснице римского триумфатора, а в двухколесной колеснице фараона в египетских доспехах. Не будет раба, держащего лавровый венок над его головой и шепчущего ему на ухо, что он лишь смертный человек. Лавров вообще не будет, ведь в Египте нет лавровых деревьев. Тяжелее всего было убедить Антония, что армянский царь Артавазд должен быть закован в золотые цепи и идти за ишаком как узник. Во время римского триумфального парада узники высокого ранга надевали свои царские регалии и шли, словно свободные люди. Антоний согласился на цепи, считая, что теперь все равно уже не осталось ни малейшего намека на римский триумф.

Он не знал, что Клеопатра велела Квинту Деллию написать письмо Попликоле в Рим.

Какой скандал, Луций! Царица зверей добила своего. Марк Антоний отметил триумф в Александрии, а не в Риме. О, конечно, были отличия, но не такие, о чем бы стоило писать. Вместе этого я вынужден сообщить о сходстве. Хотя он говорит, что у него трофеев больше, чем у Помпея Магна после победы над Митридатом, правда в том, что они действительно велики, но не настолько. В любом случае они принадлежат Риму, а не Антонию. А он в конце парада по широким улицам Александрии под оглушительные приветствия тысяч глоток вошел в храм Сераписа и посвятил трофеи — Серапису! Да, они останутся в Александрии как собственность ее царицы и мальчика-царя. Кстати, Попликола, Цезарион — копия божественного Юлия Цезаря, и мне страшно подумать, что может произойти с Октавианом, если Цезариона когда-нибудь увидят в Италии, не говоря уже о Риме.

Было много доказательств, что царица зверей ко всему приложила руку. Армянского царя Артавазда вели в цепях, можешь себе представить? А когда парад закончился, его не задушили, а посадили в тюрьму. Это совсем не в традициях Рима. Антоний не сказал ни слова ни о цепях, ни о том, что Артавазду сохранили жизнь. Попликола, Антоний ее жертва, ее раб. Я могу только думать, что она опасает его чем-то. Ее жрецы готовят какие-то снадобья, в которых мы с тобой, простые римляне, ничего не смыслим.

Оставляю тебе решать, в какой мере надо обо всем этом распространяться. Октавиан, боюсь, раздует эту новость до такой степени, что объявит войну своему коллеге-триумфатору.

«Вот! — подумал Деллий, положив тростниковое перо. — Это заставит Попликолу разболтать хоть часть того, что я сообщил, во всяком случае достаточно, чтобы слухи дошли до Октавиана. Это даст ему в руки оружие, но освободит Антония от обязательств. Если она хочет войны, пусть будет война. Но в случае победы в этой войне Антоний восстановит поло-

жение в Риме и сможет править единолично. Что касается царицы зверей, она будет предана забвению. Я знаю, что Антоний далеко не раб ее. Он все еще сам себе хозяин».

Деллий не обладал способностью понять самые потаенные намерения Клеопатры и почуять всю глубину пронизательности Октавиана. Платный слуга двойной короны, он делал все, что ему говорили, не задавая вопросов.

Пока он искал человека и корабль, чтобы послать свое письмо в Рим Попликоле, ему представилась возможность написать длинный постскриптум.

Ох, Попликола, дела идут от плохого к худшему! Совершенно одураченный Антоний участвовал в церемонии в гимнасии Александрии. После восстановления города гимнасий стал больше, чем агора, и в нем теперь проходят все публичные собрания. В гимнасии был возведен огромный подиум с пятью ступенями на его ступенях. На самой верхней ступени — один трон, ступенью ниже — второй трон, еще ниже — три маленьких трона. На самом высоком троне сидел Цезарион, в регалиях фараона. Я часто видел такое, но для тебя кратко опишу: на голове красно-белая двухъярусная штука, очень большая и тяжелая, называется двойной короной. Плиссированное белое льняное платье, широкое ожерелье из драгоценных камней и золота вокруг шеи и плеч, широкий золотой пояс, инкрустированный драгоценными камнями, много браслетов, ножные браслеты, кольца на пальцах рук и ног. Ладони и подошвы покрашены хной. Поразительно. Женищина-фараон, Клеопатра, сидела ступенью ниже. Такие же регалии, только ее платье было сделано из золотой ткани и прикрывало грудь. Еще ниже сидели трое детей, которых она родила от Антония. Птолемей Александр Гелиос был одет как царь Парфии: тиара, золотые кольца вокруг шеи, цветастая блуза, украшенная драгоценностями, и юбка. Его сестра, Клеопатра Селена, была одета в греческое платье с богатыми египетскими украшениями. Она сидела в середине. С другой стороны от нее сидел маленький мальчик, которому нет еще и трех лет, одетый как царь Македонии:

широкополая пурпурная шляпа с диадемой, повязанной вокруг тульи, пурпурная хламида, пурпурная туника, пурпурная обувь.

Гимнасий был переполнен. Говорят, он вмещает сто тысяч, хотя я, видевший Большой цирк, сомневаюсь. Для простых граждан были отведены специальные места. Их напор сдерживали атлеты. Сначала Клеопатра и ее четверо детей стояли у подножия подиума. Марк Антоний въехал на великолепном мидийском коне, сером в яблоках, с черными мордой, гривой и хвостом. Его кожаная сбруя была пурпурного цвета, украшена тиснением и отделана золотой бахромой. Антоний спешился и прошел к возвышению. На нем была пурпурная туника и пурпурный плащ, но, по крайней мере, его золотые доспехи были римскими. Я, его легат, сидел недалеко и все хорошо видел. Антоний взял Цезариона за руку, подвел его к верхнему трону и посадил. Толпа громко приветствовала это. Когда Цезарион сел, Антоний поцеловал его в обе щеки, потом выпрямился и громко крикнул, что властью, данной ему Римом, он провозглашает Цезариона царем царей, правителем мира. Толпа взревела. Затем он подвел Клеопатру к ее трону и посадил ее. Она была провозглашена царицей царей, правительницей Египта, Сирии, островов Эгейского моря, Крита, Родоса, всей Киликии и Каппадокии. Александр Гелиос (его крохотная невеста стояла на ступени рядом с ним) был провозглашен царем Востока — всех земель восточнее Евфрата и южнее Кавказа. Клеопатра Селена была провозглашена царицей Киренаики и Кипра, а маленький Птолемей Филадельф — царем Македонии, Греции, Фракии и земель вокруг Эвксинского моря. Я упомянул Эпир? Он его тоже получил.

В течение всей этой церемонии Антоний вел себя так торжественно, словно он и правда верил в то, что говорил, хотя позднее он сказал мне, что сделал это, чтобы прекратить нытье Клеопатры. Поскольку упомянутые земли в большинстве своем принадлежат Риму или парфянам, трудно вообразить себе этих пятерых правителями тех мест, они никогда не будут — и не смогут — там царствовать.

Но александрийцы думали, что это на самом деле, и были в восторге! Я редко слышал такие аплодисменты. После окон-

чания церемонии «коронации» пять монархов сошли с возвышения и поднялись на повозку с плоским дном, на котором стояли пять тронов. Думаю, Египет купается в золоте, потому что все десять тронов были из цельного золота, инкрустированного множеством драгоценных камней. Они сверкали ярче, чем римская шлюха в стеклянных бусах. Эту невесомую для них повозку тянули десять белых мидийских коней. Повозка проехала по Канопской улице и остановилась у храма Сераписа, где главный жрец Казм провел какой-то религиозный ритуал. А потом александрийцев угощали на десяти тысячах огромных столов, стоящих под тяжестью еды. Я понимаю, что раньше такого в Египте не бывало, и сделано это было по просьбе Антония. Это был еще более дикий пир, чем публичное угощение в Риме.

Два события — «триумф» Антония и «раздел мира», как я это назвал, между Клеопатрой и ее детьми — меня напугали, Попликола. Бедный Антоний! Клянусь, он попал в сети этой женщины.

Опять я оставляю на твое усмотрение, что именно ты решишь обнародовать. Конечно, Октавиан получит доклады от своих агентов, поэтому я не думаю, что ты сможешь долго утаивать эту информацию. Если ты предупрежден, у тебя больше шансов победить в сражении.

Письмо отправилось в Рим. А Деллий остановился в маленьком дворце на территории Царского квартала, чтобы провести зиму с Антонием, Клеопатрой и ее детьми.

Антоний и Цезарион очень подружились и решили все делать вместе, будь это охота на крокодила или бегемота на Ниле, военные упражнения, гонки на колесницах на ипподроме или купание в море. Как ни старалась Клеопатра, она не могла опять втянуть Антония в запой. Он отказывался даже от глотка, открыто признаваясь, что если он хоть раз попробует вина, то не остановится. То, что он не доверял ей и знал о ее намерениях, было ясно по тому, как он нюхал содержимое бокала, чтобы удостовериться, что в нем вода.

Цезарион замечал все это и был глубоко опечален. Общаюсь с ними, он видел обе стороны. Его мать, он знал, делала все

не для себя, а для него, Цезариона. А Антоний, влюбленный в нее, энергично сопротивлялся ее попыткам отвернуть его от Рима. Плохо было то, размышлял юноша, что он не уверен, хочет ли той судьбы, которую готовит для него мать. Цезарион не чувствовал своего предназначения, хотя у его отца и матери это чувство было очень сильным. Полученный опыт говорил ему, что в Александрии и в Египте надо сделать столь многое, что ему хватит работы до конца дней своих, даже если он будет жить сто лет. Как ни странно, он больше походил на Октавиана, чем на Цезаря, ибо хотел выполнять все со скрупулезной тщательностью и не желал взваливать на свои плечи дополнительный груз, что неизбежно помешает сделать все так, как надо. Его мать, наоборот, не терпела ограничений, и в этом не было ничего удивительного. Рожденная и взращенная в гнезде гадюк, подобных Птолемею Авлету, она считала, что ежедневную административную работу правителя должны выполнять другие, а те другие были преуспевающими подхалимами, а вовсе не способными чиновниками.

Он правильно оценивал возможности своей матери. Он также знал, почему она старается отвлечь Антония от Рима, лишить его собственного мнения, независимости. Ее удовлетворяет только мировое господство, и в Риме она видела врага. И правильно. Такая могущественная империя, как Рим, не подчинится ей без войны. Был бы он старше, он мог бы противостоять Клеопатре как равный. Он твердо сказал бы ей, что не хочет той судьбы, которую она для него готовит. Но пока он будет молчать, понимая, что она проигнорирует его мнение как мнение ребенка. Но он уже не ребенок, да никогда и не был ребенком! Обладая преждевременно развившимся интеллектом отца и царственным статусом с самого раннего детства, он набросился на знания, как голодная собака на лужу крови, потому что ему нравилось учиться. Каждый факт он отмечал, хранил в памяти, чтобы вспомнить при необходимости. И когда знаний по предмету было накоплено достаточно, наступало время для анализа. Он не был помешан на власти и не знал, было ли это свойственно отцу. Иногда он подозревал, что да. Цезарь поднялся на высоту Олимпа, потому что в противном

случае его изгнали бы и вычеркнули бы его имя из всех анналов Рима. Такой судьбы Цезарь не мог вынести. Но он не цеплялся за жизнь. Цезарион чувствовал это. «Мой *tata*, которого я помню с тех пор, как начал ходить. И помню так хорошо, что и сейчас я могу представить как живого — его лицо, его сильное тело. Мой *tata*, которого мне отчаянно не хватает. Антоний замечательный человек, но он не Цезарь. Мне нужно, чтобы здесь был мой *tata*, способный дать мне совет, но это невозможно».

Набравшись смелости, он нашел Клеопатру и попытался рассказать ей о своих чувствах, но получилось так, как он и ожидал. Она посмеялась над ним, ущипнула его за щеку, нежно поцеловала и сказала, чтобы он занялся тем, чем занимаются мальчики его возраста. Уязвленный, одинокий, не имея никого, к кому он мог бы обратиться, Цезарион еще больше отдалился от матери и перестал являться к обеду. Ему ни разу не пришлось в голову обратиться к Антонию. Он видел в римлянке жертву Клеопатры и не думал, что реакция Антония будет отличаться от ее реакции. Чем сильнее она запугивала мужа, тем чаще Цезарион не обедал с ними. Она обращалась с Антонием скорее как с сыном, чем как с партнером.

Однако случались и хорошие дни, а иногда даже целые периоды. В январе царица вывела «Филопатора» из укрытия и поплыла по Нилу к первому порогу, хотя сезон для проверки нилометра еще не наступил. Для Цезариона это было замечательным путешествием. Он и раньше плывал по Нилу, но тогда он был младше. Теперь он стал достаточно взрослым и мог оценить каждый нюанс этой поездки. И свою божественность, и простоту жизни по берегам Нила. Факты он сохранял в памяти. Позднее, когда он станет настоящим фараоном, он даст этим людям лучшую жизнь. По его настоянию они остановились в Копте и по суше продолжили путь к Миос-Гормосу на Аравийском заливе. Цезарион хотел пройти еще дальше к югу, до Береники, но Клеопатра не пожелала. От Миос-Гормоса и Береники египетский флот плывал в Индию и Тапробану и возвращался сюда с грузом специй, перца, океанского жемчуга, сапфиров и рубинов. Здесь же в гавани останавливался

флот, который вез слоновую кость, корицу, мирру и фимиам с африканского побережья вокруг мыса Горн. Особый флот вез домой золото и драгоценные камни, доставленные к заливу по суше из Эфиопии и Нубии, поскольку местность была труднопроходимой, а Нил изобиловал порогами и водоскатами и не годился для судоходства.

По пути домой, плывя по течению, они остановились в Мемфисе и вошли на территорию Птаха. Им показали тоннели с драгоценностями, которые разветвлялись, направляясь к пирамидам. Ни Цезарион, ни Антоний раньше их не видели. Каэм, их проводник, постарался, чтобы Антоний не подсмотрел, где вход и как его открывать. Ему завязали глаза. Он думал, что это просто забавная шутка, но, когда повязку сняли, был ослеплен сокровищами Египта. Для Цезариона это стало еще большим потрясением. Он не знал, что богатство столь огромно. Весь обратный путь домой он поражался скупости своей матери. Она могла досыта накормить всю Александрию, а ей было жалко отдать малую долю бесплатного зерна!

— Я не понимаю ее, — пробормотал он Антонию, когда «Филопатор» входил в Царскую гавань.

Антоний только рассмеялся.

22

Завоевание Иллирии заняло три года, причем первый из них — тот год, когда Антоний должен был стать старшим консулом, — оказался самым трудным, поскольку понадобилось время, чтобы понять, как лучше всего решить эту проблему. По своему обычаю Октавиан тщательно все продумал и разработал детальный план кампании. Гай Антистий Вет, наместник Итальянской Галлии на период кампании в Иллирии, должен был разобраться с беспокойными племенами, живущими в долине салассов на северо-западной границе. Хотя они обитали во многих сотнях миль от Иллирии, Октавиан не хотел, чтобы часть Итальянской Галлии

была отдана на милость варварским племенам, а салассы все еще доставляли неприятности.

Сама кампания в Иллирии была поделена на три отдельных театра действий — один на море и два на суше.

Снова снискавший расположение Менодор был назначен командовать флотом на Адриатике. Ему было поручено отвоевать острова вдоль побережья Истрии и Далмации и прогнать либурнийских пиратов с моря. Статилий Тавр командовал группой легатов, которые шли восточнее Аквилеи через перевал горы Окры к городу Эмона и затем к верховьям реки Сав. Здесь жили тавриски и их союзники, которые постоянно совершали набеги на Аквилею и Тергесту. Агриппа должен был войти юго-западнее Тергесты в земли далматов и в город Сеня. Там Октавиан возьмет командование на себя, повернет на восток, пересечет горы и спустится к реке Колапис. От реки он пойдет к Сисции, стоящей в месте слияния Колаписа и Сава. Это была самая дикая, малоизведанная местность.

Пропаганда началась задолго до начала кампании, ибо подчинение Иллирии было частью плана Октавиана показать народу Рима и Италии, что лишь он один заботится об их безопасности и благополучии. Когда Италийская Галлия будет освобождена от всякой внешней угрозы, весь раструб италийского «сапога», окруженный Альпами, окажется в безопасности.

Оставив Мецената управлять Римом при полном бездействии консулов, Октавиан поплыл из Анконы к Тергесте и оттуда поехал по суше к легионам Агриппы как их номинальный командующий. Иллирия потрясла его. Хотя ему доводилось бывать в густых лесах, он чувствовал, что эти леса — влажные, мрачные, почти непроходимые — больше напоминали чащобы германцев, чем рощи в Италии или в других цивилизованных землях. Неровная земля под кронами гигантских деревьев была лишена солнечного света, и там могли расти только папоротники и грибы. Люди охотились на оленей, медведей, волков, туров, диких кошек, не только ради еды, но и защищая свои жилища. Лишь на немногих просеках они разрабатывали землю и выращивали просо и пшеницу-спельту, из которой делали белый хлеб. Женщины держали немногочисленных кур,

но в целом пища была однообразная и не особо питательная. Единственным центром торговли был Навпорт. Торговали медвежьими шкурами, мехом и золотым песком, который намывали в реках Коркора и Колапис.

Октавиан нашел Агриппу в Авендоне, городе, сдавшемся при виде легионов и ужасных осадных машин.

Авендону суждено было стать их последней бескровной победой. Когда легионы начали переходить горный хребет Капелла, на их пути встал такой густой подлесок, что пришлось прорубать себе дорогу.

— Неудивительно, — сказал Октавиан Агриппе, — что страны, расположенные намного дальше от Италии, были укрощены, а Иллирия оставалась непокоренной. Я думаю, даже мой божественный отец побледнел бы при виде этого ужасного места. — Он вздрогнул. — Мы тоже идем — если можно употребить это слово, — рискуя подвергнуться нападению. Из-за подлеска невозможно увидеть ловушки, поджидающие нас.

— Правильно, — кивнул Агриппа и стал ждать, что предложит Цезарь.

— Что, если мы пошлем вперед несколько когорт по обе стороны нашего продвижения? У них может появиться шанс заметить нападающих, которые пересекают просеки.

— Хорошая тактика, Цезарь, — сказал довольный Агриппа.

Октавиан усмехнулся:

— Думал, что я на это неспособен, да?

— Меня нельзя упрекнуть в том, что я тебя недооценивал, Цезарь. Ты полон сюрпризов.

Посланные вперед когорты обнаружили несколько ловушек. Терпон пал, впереди лежал Метул, самое большое поселение на этой территории, с неприступной деревянной крепостью на вершине двухсотфутовой скалы. Население закрыло ворота и отказалось сдаться.

— Думаешь, ты сможешь ее взять? — спросил Агриппа Октавиана.

— Не уверен, но ты точно сможешь.

— Не смогу, потому что меня здесь не будет. Тавр не знает, продолжать ли ему идти на восток или повернуть на север к Паннонии.

— Поскольку Рим нуждается в мире и на востоке, и на севере, Агриппа, тебе лучше пойти к нему на помощь. Но мне будет не хватать тебя!

Октавиан внимательно осмотрел местность и решил, что самое лучшее будет построить насыпь от долины до бревенчатых стен крепости на высоте двухсот футов. Легионеры быстро соорудили насыпь из земли с камнями до нужной высоты. Но жители Метула, несколько лет назад захватившие у Авла Габиния осадные машины и механизмы, умело использовали их и сделали несколько подкопов под насыпью. В результате она рухнула. Октавиан восстановил насыпь, но не вплотную к утесу. Теперь она возвышалась отдельно и с каждой стороны была обнесена крепкими досками. Рядом с ней была сделана вторая насыпь. Мастера на все руки, армейские механики начали строить деревянные леса между утесом и двумя насыпями. Когда леса достигли высоты стен, на них положили по два продольных моста с насыпей до стен крепости. На каждый мост могли встать в ряд восемь человек, что позволяло сделать штурм массированным и эффективным.

Агриппа вернулся как раз вовремя, чтобы стать свидетелем атаки на стены Метула. Он внимательно осмотрел осадные работы.

— Аварик в миниатюре, и намного слабее, — сказал он.

Октавиан был обескуражен.

— Я сделал все неправильно? Это не то, что надо? О, Марк, не будем напрасно терять жизни! Если это неправильно, давай все снесем! Ты придумаешь что-нибудь получше.

— Нет-нет, все хорошо, — успокоил его Агриппа. — В Аварике стены были галльской кладки, и даже богу Юлию понадобился месяц, чтобы построить бревенчатую платформу. А для Метула достаточно и этой.

Для Октавиана эта иллирийская кампания имела не только политическое значение. Восемь лет прошло после Филипп, но, несмотря на победу над Секстом Помпеем, некоторые по-прежнему считали, что он трус и боится встретиться лицом

к лицу с врагом. Астма наконец прошла, и Октавиан надеялся, что в этом влажном лесном воздухе она вряд ли возобновится. Он верил, что брак с Ливией Друзиллой исцелил его, ибо он помнил, как египетский врач его божественного отца, Хапдэфане, говорил, что счастливая домашняя жизнь — лучшее лекарство.

Здесь, в Иллирии, ему необходимо завоевать репутацию храброго воина. Не военачальника, а человека, который сражается с мечом и щитом в руках. Так же, как неоднократно сражался его божественный отец. Нужно найти возможность биться в первых рядах, но до сих пор это ему не удавалось. Поступок должен быть спонтанным и геройским, настоящим подвигом, о котором молва разлетится от легиона к легиону. Если это случится, позорное клеймо будет стерто. Его боевые шрамы должны увидеть все.

Такая возможность появилась, когда на рассвете следующего дня после возвращения Агриппы начался штурм Метула. Отчаянно желавшие избавиться от присутствия римлян, жители незаметно прорыли путь из своей крепости и посреди ночи проникли к основанию лесов. Они подпилили главные опоры, но не до конца. И утром мосты рухнули под весом легионеров.

Три из четырех мостов не выдержали, солдаты попадали на землю. К счастью, Октавиан находился близко к уцелевшему мосту. Когда его солдаты дрогнули и начали отступать, он схватил щит, меч и побежал к передней линии.

— Давай, ребята! — крикнул он. — Здесь Цезарь, вы сможете это сделать!

Вид его сотворил чудо. Призвав на помощь Марса Непобедимого, солдаты сплотились и с Октавианом во главе двинулись по мосту. Они почти сделали это, но под самой стеной мост с грохотом провалился. Октавиан и солдаты попадали на землю.

«Я не могу умереть!» — мысленно повторял Октавиан, но голова его оставалась ясной. Падая с сооружения, он ухватился за конец обломанной распорки и держался за нее, пока

не нашел другую под собой. Так постепенно он спустился с высоты двухсот футов. У него было вывихнуто плечо, ладони и руки в занозах, правое колено сильно повреждено, но когда он лежал на мшистой земле под грудой древесины, он был очень даже живой.

Испугавшиеся за него солдаты разрыли эту грудку и сообщили своим товарищам, что Цезарь поранился, но жив. Когда они бережно вытащили его, прибежал побледневший Агриппа.

Испытывая сильную боль, но стараясь не показать себя неженкой, Октавиан взглянул на кольцо лиц, склонившихся над ним.

— Что это? — спросил он. — Что ты здесь делаешь, Агриппа? Постройте еще мосты и возьмите эту проклятую маленькую крепость!

Агриппа, знавший о кошмаре, преследующем Октавиана, усмехнулся.

— Цезарь тяжело ранен, но приказывает взять Метул! — громко крикнул он. — Давайте, парни, начнем сначала!

Для Октавиана сражение закончилось. Его положили на носилки и понесли к палатке хирурга, уже переполненной пострадавшими. Не вмещавшиеся туда ложились прямо на землю вокруг палатки. Некоторые были пугающе неподвижны, другие стонали, выли от боли, громко кричали. Когда носильщики стали расталкивать раненых, чтобы врач немедленно осмотрел Октавиана, он остановил их.

— Нет! — крикнул он. — Поставьте меня в очередь! Я подожду своей очереди.

И разубедить его не удалось.

Кто-то туго перевязал ему ногу, чтобы остановить кровь. Потом он лежал и ждал. Солдаты старались дотронуться до него на удачу. Кто мог, подползал к нему, чтобы взять его за руку.

Это не значило, что, когда подошла его очередь, его сбыли помощнику хирурга. Главный хирург Публий Корнелий лично осмотрел его колено, а помощник стал вынимать занозы из ладоней и рук.

Сняв повязку, Корнелий хмыкнул.

— Плохая рана, Цезарь, — заметил он, осторожно щупая колено. — Ты раздробил коленную чашечку, и осколки торчат наружу. К счастью, главные кровеносные сосуды не порваны, но кровотечение сильное. Я должен вынуть фрагменты. Это болезненный процесс.

— Вынимай, Корнелий, — усмехнувшись, сказал Октавиан, понимая, что все присутствующие в палатке наблюдают и слушают. — Если я закричу, садись на меня.

Откуда у него взялись силы вынести эту процедуру, длившуюся целый час, он не знал. Пока Корнелий занимался его коленом, Октавиан разговаривал с другими ранеными, шутил, не показывая своих страданий. Фактически, если бы не эта сильная боль, все случившееся можно было бы считать приключением. «Сколько командиров приходит в палатку хирурга, чтобы своими глазами посмотреть, что может сделать война с людской плотью? — думал он. — Увиденное мною сегодня — еще одна причина, почему, став неоспоримым Первым человеком в Риме, я сверну горы, лишь бы не было войны ради войны, ради того, чтобы обеспечить себе триумф по окончании срока наместничества. Мои легионы будут гарнизонными, они не будут вторгаться в чужие земли. Они будут сражаться, только если иначе нельзя. Эти люди очень храбрые и не заслуживают напрасных страданий. Мой план взятия Метула был плохим. Я не рассчитывал на то, что враг догадается проделать такое. А значит, я дурак. Но дурак удачливый. Поскольку я был тяжело ранен вследствие моей плохой работы, солдаты не поставят мне это в вину».

— Теперь ты должен вернуться в Рим, — сказал Агриппа, когда Метул сдался.

Мосты снова были построены на более прочных лесах, а для пущей уверенности, что жители Метула не повторяют своих вылазок, была выставлена охрана. Ранение Цезаря придало людям силы взять крепость, которая сгорела вместе с жителями. Ни трофеев, ни пленных для продажи в рабство.

— Боюсь, ты прав, — с трудом выговорил Октавиан, сжимая руками одеяло. Боль стала еще сильнее, чем сразу после

падения. Лицо у него осунулось, глаза запали. — Тебе придется продолжать без меня, Агриппа. — Он криво усмехнулся. — Я знаю, никаких препятствий к успеху не будет. Ты сделаешь это даже лучше.

— Пожалуйста, не вини себя, Цезарь, — нахмурился Агриппа. — Корнелий сказал, что колено воспалилось, и просил меня убедить тебя принять маковый сироп, чтобы уменьшить боль.

— Может быть, когда я буду далеко от этого места, но не раньше. Я не могу. Для рядового легионера маковый сироп недоступен, а некоторые из них еще в худшем положении, чем я. — Октавиан поморщился, шевельнувшись на походной кровати. — Если я хочу изгладить из памяти Филиппы, я должен держаться.

— До тех пор, пока это не грозит твоей жизни, Цезарь.

— Я выживу!

Потребовалось пять нундин, чтобы перевезти носилки с Октавианом в Тергесту, и еще три — чтобы доставить его в Рим через Анкону. В рану попала инфекция, и во время перехода через Апеннины он бредил. Но помощник хирурга, который сопровождал его, вскрыл образовавшийся абсцесс, и к тому времени, когда его внесли в собственный дом, он уже чувствовал себя лучше.

Ливия Друзилла покрыла его слезами и поцелуями и объявила, что будет спать в другом месте, лишь бы ему ничто не угрожало.

— Нет, — решительно запротестовал он, — нет! Меня поддерживала только мысль, что я буду лежать рядом с тобой.

Довольная, но озабоченная Ливия Друзилла согласилась разделить с ним постель, но при условии, что из тростника соорудят наколенник.

— Цецилий Антифан знает, как вылечить колено, — сказала она.

— Насрать мне на Цецилия Антифана! — разозлился Октавиан. — Если за эту кампанию я понял что-то, моя дорогая, так это то, что наши армейские хирурги бесконечно более

талантливы, чем любой врач-грек в Риме. Публий Корнелий отдал мне Гая Лициния, и Гай Лициний будет продолжать лечить меня, это ясно?

— Да, Цезарь.

То ли благодаря заботам Гая Лициния, то ли потому, что Октавиан в двадцать девять лет был значительно крепче, чем в двадцать, но, находясь в своей постели рядом с Ливией Друзиллой, он быстро поправлялся. Когда он впервые вышел на улицу и прошел к Римскому форуму, ему пришлось опираться на две палки. Но еще через две недели он уже ходил, опираясь на одну палку, да и ту быстро отбросил.

Люди приветствовали его. Никто, даже самые преданные Антонию сенаторы, больше не вспоминал о Филиппах. Колено (удобное место для неприятной раны, как он понял) можно было всем продемонстрировать, а после снятия повязки люди, увидев рану, охали и ахали над ней. Даже шрамы на ладонях и руках производили впечатление, поскольку некоторые занозы были огромными и глубокими. Героизм Октавиана был налицо.

Вскоре после его выздоровления пришла новость, что в Сицилии неспокойно. Агриппа, взявший этот город, оставил Фуфия Гемина командовать гарнизоном, и вот теперь япиды восстали. Октавиан и Агриппа отправились на помощь, но Фуфий Гемин уже подавил восстание без них.

Таким образом, в первый день нового года можно было провести церемонию, как было запланировано. Октавиан стал старшим консулом, а Агриппа, хотя и консуляр, взял на себя обязанности курульного эдила.

В некотором роде это был год величайшей славы Агриппы. Он начал с того, что произвел инспекцию водоснабжения и канализации Рима. Была закончена реконструкция акведука Марция и введен в строй акведуки Юлия, чтобы увеличить подачу воды на холмы Квиринал и Виминал, жители которых до сих пор брали воду из ручьев. Хорошо, да, но не так значительно по сравнению с тем, что Агриппа сотворил с канализацией Рима. Три подземных потока позволили построить сис-

тому из арочных туннелей. Имелось три стока: один как раз ниже Тригария у Тибра, где река была чистой для купания, один в Римском порту и один, самый большой, там, где вытекала Большая клоака с одной стороны Деревянного моста. Здесь выходное отверстие (когда-то место впадения в Тибр реки Спиннон) было достаточно широким. В Клоаку можно было даже въехать на гребной лодке. Весь Рим восхищался, когда Агриппа проехал в такой лодке по Клоаке, нанося на карту систему канализации и отмечая те места, где стены требовали ремонта. Агриппа обещал, что Клоака больше не потечет вспять, когда Тибр разольется. Этот удивительный человек говорил еще, что он не перестанет следить за канализацией и водоснабжением после окончания своих полномочий эдила. Пока Марк Агриппа будет жить, он будет, как черная собака, держать в страхе компании, отвечающие за воду и дренаж, которые слишком долго тиранили Рим. Только Октавиану удалось сравниться в популярности с Агриппой. Затем Агриппа выгнал из Рима всех магов, пророков, гадалок и знахарей. Он заставил всех продавцов использовать в торговле систему мер и весов, а потом принялся за строителей. Некоторое время он пытался добиться, чтобы высота многоквартирных инсул не превышала ста футов. Но это, как он вскоре понял, оказалось задачей, непосильной даже для Агриппы. Зато он сумел сделать так, чтобы все отводы от водопроводных труб были одинакового диаметра. Больше не будет лишней воды для роскошных апартаментов на Палатине и в Каринах.

— Меня поражает, — сказала Ливия Друзилла мужу, — как Агриппе все это удается, и при этом он еще ведет кампанию в Иллирии! До этого года я думала, что ты — самый неутомимый труженик в Риме, но как бы сильно я ни любила тебя, Цезарь, я должна признать, что Агриппа делает больше.

Октавиан стиснул ее в объятиях, поцеловал в лоб:

— Я не обижаюсь, *теит мел*, потому что знаю, отчего Агриппа такой деятельный. Если бы у Агриппы была такая жена, как ты, ему не нужно было бы так много работать. Он ищет любой предлог, чтобы не проводить время с Аттикой.

- Ты прав, — печально согласилась она. — Что мы можем сделать?
- Ничего.
- Один выход — развод.
- Это он должен решить сам.

Затем мир Ливии Друзиллы перевернулся так, как не ожидали ни она, ни Октавиан. Тиберий Клавдий Нерон внезапно умер в возрасте пятидесяти лет, сидя за рабочим столом. Управляющий так и обнаружил его в этой позе. В завещании, которое прочел Октавиан, говорилось, что Нерон оставляет все своему старшему сыну Тиберию, но там не было ни слова о том, что делать с его мальчиками. Тиберию было восемь лет, его брату Друзу, родившемуся после брака его матери с Октавианом, только что исполнилось пять.

— Я думаю, моя дорогая, что мы должны взять их к себе, — сказал Октавиан ошеломленной Ливии Друзилле.

— Цезарь, нет! — ахнула она. — Их воспитывали в ненависти к тебе! И меня они не любят, как я догадываюсь. Я же ни разу не видела их! О нет, пожалуйста, не делай этого ради меня и ради себя!

Октавиан никогда не питал иллюзий относительно Ливии Друзиллы. Несмотря на ее уверения в противном, материнской любви она не испытывала. Она почти не думала о детях, а когда кто-нибудь интересовался, как часто она навещает их, она ссылалась на запрет Нерона, не желавшего, чтобы она виделась с сыновьями. Иногда Октавиан спрашивал себя, действительно ли она старается забеременеть от него. Но ее бесплодие не огорчало его. И как ему теперь повезло! Боги дали ему сыновей Ливии Друзиллы. Если маленькая Юлия не родит сыновей, у него будут наследники.

— Это решено, — сказал он твердо, давая ей понять, что он не уступит. — У бедных мальчиков нет никого, кроме дальних родственников. Ни Клавдии Нероны, ни Ливии Друзы не будут хорошими приемными родителями. Ты мать этих детей. Люди ждут от нас, что мы их возьмем.

— Я не хочу этого, Цезарь.

— Я знаю. Тем не менее я послал за ними, и они в любой момент могут появиться здесь. Бургунд готовит для них комнаты — гостиную, две спальни, классную комнату и личный сад. Вероятно, эти комнаты принадлежали когда-то Гортензию-младшему. Я не возьму их педагога, даже если они очень привязаны к нему. Мне хочется, чтобы они избавились от их неприязни к нам. А этого легче добиться, если их будут окружать новые люди.

— Почему ты не поселишь их у Скрибонии с маленькой Юлией?

— Потому что там одни женщины, к чему они не привыкли. Нерон в своем доме не держал женщин, даже прачки у него не было, — объяснил Октавиан и подошел к Ливии Друзилле, чтобы поцеловать, но она резко отвернула голову. — Не глупи, дорогая моя, пожалуйста. Прими свою судьбу с достоинством, как должно жене Цезаря.

Ее мозг усиленно работал. Как странно, что он хочет взять к себе ее сыновей! А он хотел, это очевидно. Поэтому, любя его и понимая, что ее будущее зависит от него, она пожалала плечами, улыбнулась и сама поцеловала его.

— Надеюсь, мне не обязательно будет часто видеть их, — сказала она.

— Столько, сколько положено хорошей римской матери. Когда меня не будет в Риме, я надеюсь, ты займешь мое место рядом с ними.

Мальчишкам было не по себе, но они не плакали, и, поскольку глаза у них не покраснели, непохоже было, что они уже выплакали все слезы. Они не помнили матери и ни разу не видели своего отчима, даже на Форуме. Нерон держал их в доме под строгим надзором.

У Тиберия были черные волосы и глаза, оливковая кожа и правильные черты лица. Для своего возраста он был высокий, но очень худенький. Октавиан подумал, что это, наверное, из-за отсутствия упражнений. Друз был хорошенький. То, что Октавиан сразу полюбил его, объяснялось его сходством с матерью, хотя глаза были еще синее. Густые черные кудри, пол-

ный рот, высокие скулы. Как и Тиберий, он был высокий и худенький. Неужели Нерон никогда не позволял своим детям бегать и играть, чтобы развить мускулы?

— Мне жаль, что ваш *tata* умер, — произнес Октавиан серьезным тоном, стараясь быть искренним.

— А мне не жаль, — сказал Тиберий.

— И мне не жаль, — пискнул Друз.

— Вот ваша мама, мальчики, — сказал растерявшийся Октавиан.

Они поклонились, глядя во все глаза.

Тиберию эти мужчина и женщина показались дружелюбными, спокойными, совсем не такими, какими с презрением описывал их отец. Если бы Нерон был добрым и отзывчивым, его слова упали бы на благодатную почву. А так все, что он говорил, наоборот, казалось ложью. Испытывая боль от нещадной порки, скрывая слезы и обиду, Тиберий мечтал, мечтал, мечтал освободиться от своего ужасного отца, человека, который пил слишком много вина и уже забыл, что сам когда-то был мальчиком. Наконец освобождение пришло, но Тиберий ожидал, что попадет из огня да в полымя. А вместо этого он нашел Октавиана очень приятным, может быть, из-за его необычной красоты, этих огромных, спокойных серых глаз.

— У вас будут свои комнаты, — сказал Октавиан с улыбкой, — и красивый сад, в котором вы будете играть. Конечно, вы должны учиться, но я хочу, чтобы у вас было достаточно времени на игры. Когда вы подрастаете, я буду брать вас с собой в поездки. Важно, чтобы вы увидели мир. Вам это нравится?

— Да, — кивнул Тиберий.

— У тебя лицо слишком серьезное, — сказала Ливия Друзилла, слегка прижав его к себе. — Ты когда-нибудь улыбаешься, Тиберий?

— Нет, — ответил он, найдя ее запах изысканным, а мягкость такой успокаивающей.

Он прижал голову к ее груди и закрыл глаза, чтобы лучше почувствовать ее, втянуть в себя этот душистый аромат.

Друз во все глаза смотрел на Октавиана, как на блестящую золотую статую. Наклонившись к ребенку, Октавиан погладил его по щеке, вздохнул, смахнул слезу.

— Дорогой малыш Друз... — Он упал на колени и схватил мальчика в объятия. — Будь счастлив с нами!

— Теперь моя очередь, Цезарь, — сказала Ливия Друзилла, не отпуская Тиберия. — Подойди, Друз, дай мне обнять тебя. Но Друз отказался подойти, прильнув к Октавиану.

За обедом потрясенные новоиспеченные родители узнали кое-что о том, почему мальчики у Нерона не прониклись его ненавистью к ним. Признания оказались невинными, но ужасающими. Их детство было холодным, безликим, полным безразличия. Педагог у них был самый дешевый, судя по бухгалтерским книгам Стиха, поэтому мальчики не умели хорошо читать и писать. Хотя сам педагог их не бил, но ему было велено сообщать о всех проступках отцу, который получал огромное удовольствие, наказывая их прутком. Чем больше он напибался, тем сильнее были побои. У них совсем не было игрушек, и это вызвало слезы у Октавиана. Его самого заваливала игрушками его мама, безумно его любившая. У него было вселучшее, что имелось в доме Филиппа.

Холодный и бесстрастный человек, которого многие называли ледышкой, Октавиан таил в себе мягкость и нежность, которые проявлялись всякий раз, когда он был с детьми. Во время своего пребывания в Риме он каждый день выделял пусть даже несколько минут, чтобы навестить маленькую Юлию, очаровательную девочку теперь уже шести лет. Хотя он не переживал по поводу отсутствия сыновей — это было бы не по римски, — ему нужна была компания детей. Черта, общая у него с сестрой, в чьей детской часто появлялся дядя Цезарь, смешной, веселый, полный идей для новых игр. Теперь, глядя на своих пасынков за обедом, он снова сказал себе, как ему повезло. Ясно было, что Тиберий больше тянется к Ливии Друзилле, которая, похоже, совершенно избавилась от неприязни к первенцу. «Ах, но дорогой малыш Друз! Мы с тобой вместе», — думал Октавиан и был так счастлив, что опасался взорваться от переполнявших его чувств.

Даже сам обед стал чудом для детей, и они жадно поглощали еду, невольно давая понять, что Нерон кормил мальчиков невкусно и недосыта. Ливия Друзилла предупредила их, чтобы

они не передали, а Цезарь просил их попробовать то, попробовать это. К счастью, веки их сомкнулись раньше, чем подали сладкое. Октавиан отнес Друза, а Бургунд — Тиберия в их спальни, укутав заботливо в одеяла. Зима еще не кончилась.

— Ну и как ты себя чувствуешь сейчас, жена? — спросил Октавиан Ливию Друзиллу, когда они готовились лечь спать.

Она сжала его руку:

— Намного лучше! Мне стыдно, что я не навещала их, но я не ожидала, что ненависть Нерона к нам не передастся сыновьям. Как плохо он относился к ним! Цезарь, они же патриции! У него были все возможности превратить их в наших непримиримых врагов, и что он сделал? Он порол их так, что они возненавидели его. Он не заботился об их благополучии, морил голодом и вообще не обращал внимания. Я очень рада, что он умер и что мы сможем воспитать наших мальчиков как положено.

— Завтра мне нужно будет провести его похороны.

Она положила его руку себе на грудь:

— О, дорогой, я и забыла! Наверное, Тиберий и Друз должны пойти?

— Боюсь, что да. Я произнесу речь с ростры.

— Интересно, у Октавии есть черные тоги для детей?

Октавиан хихикнул:

— Наверняка. Во всяком случае, я послал Бургунда спросить. Если у нее нет лишней пары, он купит в портике Маргаритария.

Прижавшись к нему, она поцеловала его в щеку:

— Цезарь, наверное, с тобой удача Юлия! Кто бы мог подумать, что мальчишки появятся у нас как раз в это время? Сегодня мы получили двух важных союзников в нашем деле.

На следующий день после похорон Октавиан взял мальчиков познакомиться с их двоюродными братьями и сестрами. Октавия, присутствовавшая на похоронах, была рада принять их в семью.

Почти шестнадцатилетний Гай Скрибоний Курион, на пороге официального совершеннолетия, должен был покинуть

детскую и стать контуберналом. Рыжеволосый веснушчатый юноша, он хотел служить у Марка Антония, но Антоний отказал ему, зато его взял Агриппа. Антиллу, старшему из двоих сыновей Антония от Фульвии, было одиннадцать лет, он мечтал стать военным. Другому сыну, Юллу, исполнилось восемь. Это были красивые мальчики. У Антиллы рыжие волосы, как у отца, а Юлл — шатен, как мать. Только в доме Октавии их могли так хорошо воспитать, ибо оба мальчика были порывистыми, смелыми, воинственными. Ласковой, но твердой рукой Октавия растила их, как она сама говорила, «членами *gens humana*».

Ее собственной дочери Марцелле было тринадцать лет, у нее уже начались менструации, и она обещала стать красавицей. Смуглая, как ее отец, характером она не пошла ни в отца, ни в мать — кокетливая, надменная, властная. Марцеллу стукнуло одиннадцать — еще один смуглый красивый ребенок. Он и Антилл были ровесниками, но не выносили друг друга и отчаянно дрались. Как Октавия ни старалась примирить их, ей не удавалось, поэтому каждый раз, когда дядя Цезарь находился в городе, она призывала его на помощь. Сам Октавиан считал Марцелла гораздо более приятным, ибо он был спокойнее и сообразительнее. Целлине, младшей дочери Октавии от Марцелла, исполнилось восемь. Она была золотоволосая, голубоглазая и очень хорошенькая. Они были похожи с маленькой Юлией, частой гостьей в детской Октавии, потому что Октавия и Скрибония стали добрыми подругами. У пятилетней Антонии были светлые волосы и зеленые глаза. Но, увы, она унаследовала нос и подбородок Антония, и ее нельзя было назвать красавицей. Она была гордой и надменной и считала обручение с сыном Агенобарба ниже своего достоинства. Неужели, часто жаловалась она, не нашлось никого получше? У самой младшей из всех, Тониллы, были рыжеватые волосы и янтарные глаза, хотя, к счастью, ее черты были скорее Юлиевы, чем Антониевы. Она обещала стать решительной, разумной и горячей. Юлл и Целлина были одного возраста с Тиберием, а Антонии и Друзу скоро должно было исполниться по шесть лет.

Какие бы интриги и ссоры ни случались в отсутствие Октавии, дети были жизнерадостными и хорошо воспитанными. Вскоре стало ясно, что Друзу трехлетняя Тонилла нравится больше, чем плаксивая Антония. Он взял ее под свое покровительство и стал покорять ее. Тиберию пришлось труднее. Он оказался застенчивым, неуверенным и не умел поддерживать разговор. Самая добрая девочка, Целлина, сразу подружилась с ним, чувствуя его неуверенность, а Юлл, обнаружив, что Тиберий ничего не знает о верховой езде, о поединках на игрушечных шпагах и об истории римских войн, отнесся к нему с явным презрением.

— Вы хотите еще раз прийти к тете Октавии? — спросил Октавиан, ведя мальчиков домой через Римский форум, где его приветствовали со всех сторон и часто останавливали, чтобы получить какую-то помощь или сообщить новую политическую сплетню.

Мальчики были поражены не только своей первой прогулкой по городу, но и эскортом Октавиана: двенадцать ликторов и германская охрана. Несмотря на злые выпады их отца против Октавиана, которые они выслушивали в течение нескольких лет, достаточно было одной этой прогулки, чтобы понять, что Октавиан — они должны научиться называть его Цезарем — намного важнее, чем был их отец Нерон.

У них появился новый педагог, племянник Бургунда Гай Юлий Кимбрик. Как и все потомки Бургунда, которого очень любил бог Юлий, он был высоким и мускулистым, светловолосым и круглолицым, с курносом носом и светло-голубыми глазами. Он старался познакомить детей со всем, что, по его мнению, было достойно внимания мальчиков. Он вызывал симпатию, его не надо было бояться. Он будет не только учить их в классной комнате, но и заниматься с ними упражнениями в саду, а со временем начнет обучать их военному искусству. И когда каждому исполнится по двенадцать лет, они будут уже немного подготовлены для военных занятий на Марсовом поле.

— Вы хотите еще раз прийти к тете Октавии? — повторил свой вопрос Октавиан.

— Да, Цезарь, — сказал Тиберий.

— О да! — воскликнул Друз.

— Вам нравится Кимбрик?

— Да! — хором ответили мальчики.

— Старайся преодолеть свою застенчивость, Тиберий. Как только ты привыкнешь к новой жизни, смущение пройдет. — Октавиан подмигнул пасынку. — Юлл — задира, но, когда ты нарастишь немного мускулов на свои длинные кости, ты одолеешь его.

Очень утешительная мысль. Тиберий поднял голову, посмотрел на Октавиана и впервые улыбнулся.

— Что касается тебя, молодой человек, — обратился Октавиан к Друзу, — я не заметил никаких признаков застенчивости. Ты прав, предпочтя Тониллу Антонии, но я надеюсь, что потом ты найдешь общий язык с Марцеллом, хотя он немного старше тебя.

Ливия Друзилла встретила мальчиков поцелуем и послала их с Кимбриком в классную комнату.

— Цезарь, у меня блестящая идея! — воскликнула она, как только они оказались одни.

— Какая? — осторожно спросил он.

— Награда Марку Агриппе! На самом деле две награды.

— Дорогая моя, награды Марка Агриппу не интересуют.

— Да-да, я знаю! Но все равно его надо наградить. С годами эти награды привяжут его к тебе еще сильнее.

— Наша связь никогда не порвется, потому что таков Агриппа.

— Да, да, да! Но может быть, для него будет лучше, если он женится на Марцелле?

— Ей всего тринадцать лет, Ливия Друзилла.

— Через четыре года ей будет семнадцать — достаточно для брака. Все меньше и меньше известных семей придерживаются старого обычая держать девочек дома до восемнадцати лет.

— Я подумаю.

— Есть еще дочь Агриппы, Випсания. Я знаю, что после смерти старого Аттика его состояние перейдет к Аттике, но я слы-

шала, что, если Аттика умрет, по его завещанию все должно перейти Агриппе, — возбужденно объясняла Ливия Друзилла. — Это делает девочку очень подходящей партией, а поскольку наследство Тиберия ничтожно, я думаю, он должен жениться на Випсании.

— Ему восемь, а ей нет еще и трех.

— О, я умоляю тебя, Цезарь, не будь таким болваном! Я знаю, сколько им лет, но они вырастут, не успеешь ты сказать «Аламмелех»!

— Аламмелех? — криво улыбнувшись, переспросил Октавиан.

— Это река в Филистии.

— Я знаю, но не знал, что ты знаешь.

— О, иди и прыгни в Тибр!

В то время как домашняя жизнь доставляла Октавиану все больше и больше радости, его общественная и политическая деятельность была не очень плодотворна. Какие бы сплетни ни разносили агенты Октавиана, какую бы клевету ни сочиняли на Марка Антония, им не удалось разубедить семьсот сенаторов в том, что Антоний тот человек, за которым надо следовать. Они искренне верили, что скоро он вернется в Рим, хотя бы ради того, чтобы отметить триумф за победы в Армении. В письмах из Артаксаты он хвастался огромными трофеями, от статуй из цельного золота высотой шесть локтей до сундуков с парфянскими золотыми монетами и сотнями талантов ляпис-лазури и хрусталя. Он вел с собой девятнадцатый легион и уже требовал, чтобы Октавиан нашел землю для солдат.

Если бы влияние Антония ограничивалось только сенатом, его можно было бы преодолеть, но представители первого и второго классов, а также многие тысячи людей, занятых предпринимательской деятельностью, превозносили Антония, его честность, его военный гений. Что еще хуже, дань поступала в казну со все возрастающей скоростью, откупщики налогов и плутократы всех мастей роились вокруг провинции Азия и Вифинии, как пчелы вокруг цветов, собирая нектар, и теперь казалось, что огромные трофеи Антония тоже поступят в каз-

ну. Статуя Анаит из цельного золота будет подарком Антония храму Юпитера Всеблагого Всесильного, а большинство других произведений искусства и драгоценности будут проданы. Военачальник, его легаты и легионы получают свои законные доли, но остальное пойдет в казну. Прошли годы с тех пор, как Антоний был в Риме дольше нескольких дней, — и последний раз это случилось пять лет назад, — но его популярность сохранилась среди влиятельных людей. Вдохновляла ли этих людей Иллирия? Нет. Она не сулила никакой прибыли для коммерции, и мало кого из живущих в Риме и владеющих виллами в Кампании и Этрурии волновало, будут ли Аквилея и Медиолан стерты с лица земли.

По сути, Октавиану удалось сделать только одно: имя Клеопатры стало известно по всей Италии, от высших слоев общества до самых низов. О ней все думали только дурное. К великому сожалению, нельзя было заставить их понять, что она управляет Антонием. Если бы вражда между Октавианом и Антонием не была так хорошо известна, Октавиан мог бы убедить их, но все, кому нравился Антоний, просто не обращали внимания на его слова, считая это злобной клеветой.

Потом в Рим прибыл Гай Корнелий Галл. Будучи хорошим другом Октавиана, этот обедневший поэт с военной жилкой извинился перед Октавианом и отправился служить легатом к Антонию, правда уже после отступления от Фрааспы. Он проводил время в Сирии и, пока Антоний пил, сочинял лирические оды в стиле Пиндара и время от времени отправлял письма Октавиану, в которых плакался по поводу того, что его кошелек не тяжелеет. Он оставался в Сирии, пока Антоний окончательно не протрезвел и не пошел в Армению. Галл люто ненавидел Клеопатру. Никто не радовался больше, когда она вернулась в Египет, оставив Антония одного.

Галлу исполнилось тридцать четыре года, он был очень красив какой-то варварской красотой, скорее внешней, чем внутренней. Его любовные элегии «Amores» уже сделали его знаменитым. Он был близким другом Вергилия, с которым у него нашлось много общего. Оба они были итальянскими галлами, следовательно, он не принадлежал к патрициям Корнелиям.

— Надеюсь, ты одолжишь мне немного денег, Цезарь, — сказал он, принимая бокал с вином, протянутый ему Октавианом, и печально улыбнулся. В уголках его великолепных серых глаз образовались морщинки. — Я не живу на чужой счет, просто потратил все, что имел, чтобы быстрее добраться из Александрии до Рима, зная, что зимой новости из Александрии будут идти долго.

Октавиан нахмурился:

— Александрия? Что ты там делал?

— Пытался добиться у Антония и у этого чудовища Клеопатры моей доли армянских трофеев. — Он пожал плечами. — Но ничего не добился. И никто ничего не получил.

— Последнее, что я слышал, — сказал Октавиан, садясь в кресло, — Антоний находится на юге Сирии, в землях, которые он не передал Клеопатре.

— Неверно, — мрачно произнес Галл. — Ручаюсь, никто в Риме еще не знает, что все трофеи из Армении до последнего сестерция он увез в Александрию. И провел там триумфальный парад, доставив удовольствие гражданам Александрии и их царице, которая сидела на золотом возвышении на перекрестке Царской и Канопской улиц. — Он вздохнул, выпил вино. — После триумфа он посвятил все Серапису — свою долю, доли его легатов, доли легионов и долю казны. Клеопатра отказалась отдать легионам их долю, хотя Антонию удалось убедить ее, что солдатам надо заплатить, и быстро. Люди вроде меня занимают столь низкое положение, что нас даже не пригласили на этот публичный спектакль.

— О боги! — тихо ахнул Октавиан, потрясенный до глубины души. — Он имел наглость отдать даже то, что ему не принадлежит?

— Да. Я уверен, что в конце концов армии заплатят, но казна не получит ничего. После триумфа я еще мог выносить Александрию, но когда Антоний проделал то, что Деллий назвал «разделом мира», я так захотел в Рим, что приехал, не дождавшись компенсации.

— «Раздел мира»?

— О, замечательная церемония в новом гимнасии! Как представитель Рима, Антоний от имени Рима публично провозгласил Птолемея Цезаря царем царей и правителем мира! Клеопатру назвал царицей царей, а ее троих детей от Антония получили большую часть Африки, Парфию, Анатолию, Фракию, Грецию, Македонию и все острова в восточной части Нашего моря. Поразительно, не правда ли?

Октавиан сидел с отвисшей челюстью, широко раскрыв глаза.

— Невероятно!

— Может быть, но тем не менее это так. Это факт, Цезарь, факт!

— Антоний дал легатам какие-то объяснения?

— Да, одно любопытное. Мне неизвестно, что знает Деллий — он занимает особое положение. А нам, младшим легатам, сказали, что Антоний поклялся отдать трофеи Клеопатре и что тут задета его честь.

— А честь Рима?

— Ее нигде не нашли.

В течение следующего часа Октавиан получил от Галла полный доклад, со всеми подробностями, представленными человеком, видящим мир глазами поэта. Уровень вина в графине понижался, но Октавиану не жаль было ни вина, ни внушительной суммы, заплаченной Галлу за эту информацию, которую получил прежде всех в Риме. Баснословная удача! Зима в этом году была ранняя и очень долгая. Неудивительно, что прошло так много времени. Триумф и «раздел мира» состоялись в декабре, а сейчас был апрель. Однако, предупредил Галл, у него есть основания считать, что Деллий уже сообщил Попликоле все эти новости месяца два назад.

Наконец последняя странность, о которой осталось упомянуть. Октавиан подался вперед, поставив локти на стол и уперев подбородок в ладони.

— Птолемей Цезарь занял место выше матери?

— Они называют его Цезарионом. Да, это так.

— Почему?

— О, эта женщина души в нем не чаёт! Сыновья от Антония ничего не значат для нее. Все для Цезариона.

— Он действительно сын моего божественного отца, Галл?

— Несомненно, — твердо сказал Галл. — Абсолютная копия бога Юлия во всем. Я не так стар, чтобы помнить Юлия Цезаря юношей, но Цезарион выглядит так, как выглядел бы божественный Юлий в его возрасте.

— Сколько ему?

— Тринадцать. В июне будет четырнадцать.

Октавиан расслабился:

— Еще ребенок.

— О нет, все, что угодно, только не ребенок! Он уже почти мужчина, Цезарь. У него низкий голос и вид взрослого человека с глубоким, рано развившимся интеллектом. И он не во всем согласен с матерью, как говорит Деллий.

— А-а!

Октавиан поднялся и крепко пожал руку Галлу.

— Не могу выразить словами, как я благодарен тебе за усердие. Поэтому моя благодарность будет более осязаемой. Сходи в банк Оппия в следующий рыночный интервал, там ты найдешь хороший подарок. Более того, поскольку я теперь опекун состояния моего пасынка, я могу предложить тебе дом Нерона на десять лет за минимальную арендную плату.

— И службу в Иллирии? — тут же спросил воин-поэт.

— Определенно. Трофеев не очень много, но подраться придется прилично.

Дверь закрылась за Гаем Корнелием Галлом, и он помчался к дому Вергилия, не чуя под собой ног. А Октавиан остановился посреди кабинета, сортируя в уме полученную информацию, чтобы правильно оценить ее. Услышанное ошеломило его. Непонятно, как Антоний мог совершить такую глупость! Октавиан подозревал, что никогда не узнает причину. Клятва? Это бессмысленно! Поскольку Октавиан никогда не верил в те слухи, которые распространяли его агенты, он не знал, что ему делать. Впрочем... Возможно, эта гарпия опоила Антония, хотя до сего момента Октавиан скептически относился ко всяким снадобьям, способным перечеркнуть основные принципы

существования. А что важнее для римлянина, чем Рим? Антоний бросил к ногам Клеопатры добычу Рима, даже не подумав, сможет ли он убедить ее заплатить его армии положенную долю трофеев. Неужели ему придется просить на коленях, прежде чем она согласится заплатить хотя бы простым солдатам? «Ох, Антоний, Антоний! Как ты мог? Что скажет моя сестра? Такое оскорбление!»

Но было кое-что намного более важное, чем все остальное, вместе взятое: Птолемей Цезарь. Цезарион. Конечно, это хорошо, что она так любит своего старшего сына. Но для Октавиана стало настоящим ударом то, что мальчик — копия своего отца, даже в его раннем развитии и интеллекте. Через два месяца ему будет четырнадцать. Всего пять лет до смелости Цезаря, до его проницательности. Никто не знал лучше Октавиана, чего стоит кровь Юлиев. Он сам в восемнадцать лет вступил в борьбу за власть. И добился успеха! У этого мальчика так много достоинств — он уже привык к власти и обладает характером, достаточно твердым, чтобы перечить матери. Несомненно, он говорит на латыни так же бегло, как и его мать, поэтому способен заставить Рим думать о нем как о настоящем римляnine.

К тому времени, как Октавиан открыл дверь кабинета и пошел искать Ливию Друзиллу, приоритеты были расставлены.

Умница, она сразу поняла суть дела.

— Что бы ты ни решил, Цезарь, ты не можешь позволить Италии или Риму увидеть этого мальчика! — сжав руки, воскликнула она. — Он все разрушит.

— Я согласен, но как я помешаю этому?

— Любым доступным тебе способом. Прежде всего, держать Антония на Востоке до тех пор, пока твое первенство не станет неоспоримым. Потому что, если он приедет, он привезет с собой Цезариона. Это логичное решение для него. Если мать так предана сыну, она не будет возражать и останется в Египте. Это ее сын — царь царей. О, все сенаторы Антония и всадники будут из кожи вон лезть, когда увидят кровного сына божественного Юлия! То обстоятельство, что его мать иностранка, а он даже не гражданин Рима, не остановит их, ты

это знаешь, и я это знаю. Поэтому ты должен любой ценой удержать Антония на Востоке!

— Александрийский триумф и «раздел мира» — это только начало. Мне повезло, что у меня есть безупречный свидетель — Корнелий Галл.

Ливия Друзилла забеспокоилась:

— Но будет ли он верен тебе? Он ведь покинул тебя ради Антония два года назад.

— Это из-за амбиций и нужды. Он вернулся разъяренный, и я хорошо ему заплатил. Галл может присматривать за домом Нерона — это еще одно преимущество. Я думаю, он понимает свою выгоду.

— Ты, конечно, созовешь сенат.

— Конечно.

— И заставишь Мецената и твоих агентов рассказать всей Италии, что сделал Антоний.

— Само собой. Моя мельница слухов сотрет в пыль царицу Клеопатру.

— А что с мальчиком? Есть какой-нибудь способ дискредитировать его?

— Оппий ездит в Александрию. Никто не знает, что Клеопатра отказывается встречаться с ним. Я попрошу Оппия написать памфлет о Цезарионе, в котором будет сказано, что мальчик не похож на моего божественного отца.

— И что на самом деле он рожден от египетского раба.

Октавиан засмеялся:

— Может быть, мне надо поручить тебе написать этот памфлет.

— Я написала бы, если бы хоть раз побывала в Александрии. — Ливия Друзилла схватила его за руку. — О, Цезарь, мы никогда не были в такой опасности!

— Не беспокойся о своей красивой головке, дорогая! Это я — сын бога Юлия. И другого не будет.

Новость о триумфе и «разделе мира» потрясла Рим. Мало кто сразу поверил в это. Но постепенно и другие люди, кроме Корнелия Галла, возвратились лично или написали письма,

которые долго шли по зимнему морю. Триста сенаторов Антония отвернулись от него и заняли нейтральную позицию в бурных дебатах, происходивших в сенате. Всадники-предприниматели также сотнями покидали ряды сторонников Антония. Но этого было недостаточно.

Если бы Октавиан сделал Антония мишенью своей кампании, он мог бы одержать внушительную победу, но он был слишком дальновидным. Это на Клеопатру были нацелены его стрелы, ибо он ясно видел свой путь. Если будет война, кажущаяся неизбежной, это будет война не с Марком Антонием. Это будет война с иноземным врагом — Египтом. Октавиану часто хотелось иметь кого-то вроде Клеопатры, чтобы раздавить Антония, не показывая при этом, что его истинная цель — Антоний. Теперь, присвоив трофеи и заставив Антония короновать ее и ее сыновей как правителей мира, Клеопатра стала врагом Рима.

— Но этого недостаточно, — мрачно сказал он Агриппе.

— Я думаю, это только первые струйки мелких камешков, которые в конце концов превратятся в лавину, и эта лавина снесет весь Восток, — успокоил его Агриппа. — Будь терпелив, Цезарь! И ты добьешься своего!

Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий прибыли в Рим в июне. Оба должны были стать консулами в следующем году, оба были сторонниками Антония, и это был его ход. Хотя все знали, что результаты выборов будут подтасованы, оба произвели сенсацию, появившись на улицах в белоснежных тогах с целью набрать побольше голосов.

Первым заданием Агенобарба было прочитать письмо Марка Антония сенату при открытых дверях. Было очень важно, чтобы как можно больше завсегдаев Форума услышали слова Антония.

Письмо оказалось очень длинным, и это заставило Октавиана (и других, даже тех, кто не всегда симпатизировал ему) подумать, что автор нуждался в помощи для составления такого послания. Естественно, надо было прочитать его полностью, а это значило, что многие будут дремать. Поскольку Агено-

барб в прошлом нередко засыпал на заседаниях, он хорошо знал эту тенденцию и понимал, как решить проблему.

Сам он несколько раз прочитал письмо и отметил места, которые сенаторы должны внимательно выслушать. Поэтому, пока содержание не имело большого значения или избыточно повторялось (большой недостаток этого письма), он читал монотонно, и люди дремали. А когда начиналось что-то важное, раздавался рев, заставлявший сенаторов вздрагивать и внимательно слушать, что там читает Агенобарб своим знаменитым громовым голосом. Затем он снова читал на одной ноте, тихо, и все могли еще подремать. Оба лагеря — и Октавиана, и Антония — были так благодарны за эту тактику, что Агенобарб завоевал много друзей.

Октавиан сидел в своем курульном кресле перед возвышением для курульных магистратов и очень старался не заснуть, хотя, когда все погружались в дрему, он чувствовал, что тоже может подремать. В здании обычно царил духота, если не дул сильный ветер через верхние отверстия в стенах. Но сегодня, в начале лета, ветра не было. Однако Октавиану легче было бодрствовать. Ему было о чем подумать, и ему не мешал этот фон тихого храпа. Для него начало письма представляло особый интерес.

— «Восток, — писал Антоний (или Клеопатра?), — совершенно чужд римскому *mos maiorum*, поэтому римляне не могут его понять. Наша цивилизация — самая передовая в мире. Мы свободно выбираем магистратов, которые управляют нами. И чтобы ни один магистрат не считал себя незаменимым, срок его службы ограничен одним годом. Только в периоды серьезной внутренней опасности мы прибегаем к более длительному, диктаторскому правлению, как в данный момент, когда у нас три... простите, почтенные отцы, два триумвира наблюдают за деятельностью консулов, преторов, эдилов и квесторов, а порой и плебейских трибунов. Мы живем, руководствуясь законом, строгим и справедливым...»

На всех рядах послышалось хихиканье. Агенобарб подождал, пока шум не утих, и возобновил чтение, словно его не прерывали:

— «...и просвещенным в части наказаний. Мы не сажаем в тюрьму за любое преступление. За мелкие нарушения — штраф. За серьезные преступления, включая измену, — конфискация имущества и изгнание на определенное расстояние от Рима».

Агенобарб подробно остановился на системе наказания, классификации граждан, разделении римского правления на исполнительную и законодательную власть и на месте женщины в римском обществе.

— «Отцы, внесенные в списки, я подробно остановился на *mos maiorum* и на том, как римлянин понимает мир. А сейчас представьте, если можете, римского наместника с полномочиями проконсула, получившего восточную провинцию, скажем, Киликию, Сирию или Понт. Он считает, что жители провинции должны думать как римляне, и когда он отправляет правосудие или издает приказы, он думает как римлянин. Но, — взревел Агенобарб, — Восток не римский! Там другой образ мысли! Например, только в Риме, и нигде больше, бедные питаются за счет государства. На Востоке к беднякам относятся как к неудобству, позволяя умирать с голоду, если им не на что купить хлеба. Мужчин и женщин держат в заточении в отвратительных темницах, иногда за проступок, за который с римлянина возьмут только небольшой штраф. Чиновники делают что хотят, ибо не следуют законам, а когда применяют закон, то делают это избирательно, в зависимости от экономического или социального статуса обвиняемого...»

— То же самое и в Риме! — крикнул Мессала Корвин. — Марк Как из Субуры заплатит целый талант штрафов за то, что, одетый женщиной, пристаёт к мужчинам у храма Венеры Эруцины, а Луций Корнелий Патриций в нескольких случаях даже оправдан.

В зале раздался хохот. Агенобарб ждал, не в силах сам справиться с охватившим его весельем.

— «Казни распространены. У женщин нет ни гражданства, ни денег. Они не могут наследовать, и их доходы должны быть записаны на имя мужчины. С ними могут разводиться, но они не могут подать на развод. Официальные посты можно занять

через выборы, но чаще это происходит по жеребьевке и еще чаще по праву рождения. Налоги взимают совсем по-другому, чем в Риме. Каждая провинция имеет собственную систему налогообложения».

Веки Октавиана опустились. Ясно, Антоний (или Клеопатра) сейчас остановится на мелочах. Амплитуда храпа увеличилась, Агенобарб стал читать монотонно. И вдруг он опять взревел:

— «Рим не может править Востоком! Правление должно осуществляться через царей-клиентов! Что лучше, почтенные отцы? Римский наместник, навязывающий римский закон людям, которые не понимают его, ведущий войны, которые ничего не дают местному населению, а обогащают только римлян? Или царь-клиент, который издает законы, понятные его народу, и которому вообще запрещено вести какие-либо войны? Чего Рим хочет от Востока? Это дань, и только дань. Было уже неоднократно доказано, что дань исправнее собирают цари-клиенты, чем римский наместник. Цари-клиенты знают, как собирать дань со своего народа, цари-клиенты не провоцируют восстаний».

Снова монотонное чтение. Октавиан зевнул, глаза заслезвились. Он решил дать поработать голове — придумать, как можно очернить царицу Клеопатру. Он был занят этими мыслями, когда Агенобарб опять начал кричать:

— «Пытаться поставить римскую армию на гарнизонную службу на Востоке — это глупость! Солдаты перенимают местные обычаи и образ жизни, почтенные отцы! Посмотрите, что произошло с четырьмя легионами Габиния, оставленными охранять Александрию от имени ее царя Птолемея Авлета! Когда покойный Марк Кальпурний Бибул призвал их на службу в Сирии, они отказались подчиниться. Его два старших сына под защитой ликторов попытались убедить их. В результате солдаты убили их — детей римского наместника! Царица Клеопатра поступила примерно — она казнила зачинщиков и отослала все четыре легиона обратно в Сирию...»

— Давай продолжай! — презрительно крикнул Меценат. — В четырех легионах двести сорок центурионов. Как уже ска-

зал Марк Антоний, центурионы — старшие офицеры легионов. Говорят, божественный Юлий плакал, когда погиб центурион, а не легат. А что сделала Клеопатра? Полетели десять наиболее некомпетентных голов, но оставшихся двести тридцать центурионов она не отослала в Сирию! Она держала их в Египте, чтобы они тренировали ее армию!

— Это ложь! — крикнул Попликола. — Возьми свои слова обратно, ты, надушенный сутенер!

— Порядок, — устало произнес Октавиан.

Сенаторы умолкли.

— «Некоторые территории романизированы или эллинизированы достаточно, чтобы принять прямое римское правление и гарнизонные римские войска. Это Македония, включая Грецию и береговую Фракию, Вифиния и провинция Азия. И это все. Все! Киликия никогда не считалась провинцией, как и Сирия, пока Помпей Магн не послал туда наместника. Но мы не пытались включить в число провинций такие территории, как Каппадокия и Галатия. И не должны этого делать! Когда Понтом управляли как частью Вифинии, такое правление было смехотворным. Сколько раз во время своего срока наместник Вифинии побывал в Понте? Один-два раза, если вообще был!»

«Вот! — подумал Октавиан, выпрямляясь. — Сейчас мы услышим, как Антоний будет извиняться за свои действия».

— «Я не приношу извинений за свои распоряжения на Востоке, ибо это правильные распоряжения. Я отдал некоторые из бывших римских владений под правление новых царей-клиентов и укрепил авторитет царей-клиентов, которые правили всегда. Прежде чем я сложу с себя обязанности триумвира, я закончу свою работу, отдав царям-клиентам всю Анатолию, кроме провинции Азия и Вифинии, а также всю материковую Малую Азию. Ими будут управлять способные люди, честные и преданные Риму, их сюзерену».

Агенобарб перевел дыхание и продолжил в полной тишине:

— «Египет — территория, зависимая от Рима больше, чем любое другое восточное государство. Он как двоюродный брат, слишком тесно связан с судьбой Рима, чтобы представлять

для него опасность. В Египте нет постоянной армии, Египет не ведет войн. Территории, которые я отдал Египту от имени Рима, будут лучше управляться Египтом, поскольку все они раньше веками принадлежали Египту. Пока царь Птолемей Цезарь и царица Клеопатра занимаются установлением постоянного правления в этих местах, никакой дани в Рим поступать не будет. Но через какое-то время поступление дани возобновится».

— Какое утешение, — пробормотал Мессала Корвин.

Теперь заключительная часть, подумал Октавиан. К счастью, она будет короткой. Агенобарб хорошо читает, но письмо никогда не заменит личную речь, особенно такого оратора, как Антоний.

— «Все, чего на самом деле Рим хочет от Египта, — загремел Агенобарб, — это торговля и дань! Мои распоряжения увеличат и то и другое».

Он сел под приветственные крики и аплодисменты, но те три сотни сенаторов, которые покинули Антония после александрийского триумфа и «раздела мира», не кричали и не аплодировали. Антоний потерял их навсегда после заключительной части письма, которую все истинные римляне посчитали свидетельством того, что Антоний в руках Клеопатры. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что остатки Анатолии и материковой Малой Азии должны перейти к этому замечательному двоюродному брату — Египту.

Октавиан поднялся, придерживая левой рукой складки тоги на левом плече, и стал искать глазами, куда падает луч солнца, проникавший в здание через небольшое отверстие в крыше. Найдя его, он встал на это место, и солнце осветило его волосы. Двигался луч — двигался и он. Никто, кроме Агриппы, не знал, что это он велел проделать в крыше отверстие.

— Какой удивительный документ, — сказал он, когда аплодисменты стихли. — Марк Антоний, этот безусловный авторитет на Востоке! Хочется сказать, уже почти восточный человек. Почему бы и нет, ведь он так любит возлежать на ложе, поглощая виноград как в жидком виде, так и в натуральном.

Он любит смотреть на полуобнаженных танцовщиц и вообще предпочитает все египетское. Но повторяю, я могу быть не прав, ибо я не знаток Востока. Хм. Дайте посчитать, сколько лет прошло после Филиппа, когда Антоний уехал на Восток? Около девяти. С тех пор он нанес три кратких визита в Италию, два раза заехал в Рим. И только один раз он оставался в Риме в течение какого-то времени. Это было пять лет назад, после Тарента, — конечно, вы помните, почтенные отцы! Затем он возвратился на Восток, оставив мою сестру, свою жену, на Коркире. Она была на последних месяцах беременности. Но к счастью, Гай Фонтей привез ее домой. Да, за девять лет Марк Антоний действительно стал экспертом по Востоку, должен признать это. В течение пяти лет он держал свою римскую жену дома, а свою другую жену, царицу зверей, у себя под боком, поскольку не может выносить долгой разлуки с ней. Она занимает почетное место в системе царей-клиентов Антония, ибо она, по крайней мере, продемонстрировала свою силу, свою решимость. Увы, я не могу сказать то же самое об остальных его царях-клиентах — жалком сборище. Аминта — секретаришка, Таркондимот — разбойник, Ирод — дикарь, Пифодор, зять Антония, — отвратительный грек, Клеон — бандит, Полемон — подхалим, Архелай Сисен — сын его любовницы. О, я мог бы продолжать и дальше!

— Хватит, Октавиан! — крикнул Попликола.

— Цезарь! Я — Цезарь! Да, жалкое сборище. Правда, что дань наконец начинает поступать из провинции Азия, Вифинии и римской Сирии, но где дань хоть от одного из царей-клиентов Антония? Особенно от этой великолепной драгоценности — царицы зверей? Той, которая предпочитает тратить свои деньги на покупку зелий, которыми она опаивает Антония, ибо мне трудно представить, чтобы Антоний в здравом уме мог отдать Египту трофеи Рима как подарок. Или отдать весь мир сыну царицы зверей и жалкого раба.

Никто его не прервал. Октавиан молчал, стоя точно под солнечным лучом, и терпеливо ждал комментариев, но их не было. Значит, надо продолжать, сказать о легионах и предложить свое решение проблемы солдат, «перенимающих восточ-

ные обычаи и образ жизни», — занять легионеров гарнизонной службой и перемещать из провинции в провинцию.

— Я не намерен превращать ваш день в тяжкое испытание, мои коллеги-сенаторы. Поэтому я закончу тем, что скажу: если легионы Марка Антония — *его* легионы! — уже обжились в Египте, почему он ждет от меня, что я найду им землю в Италии? Я думаю, они будут счастливее, если Антоний найдет им землю в Сирии. Или в Египте, где, кажется, он намерен сам осесть навсегда.

Впервые с тех пор, как он вошел в сенат десять лет назад, Октавиан услышал искреннее одобрение. Даже около четырехсот сенаторов Антония хлопали, а его собственные сторонники и триста человек, соблюдавших нейтралитет, устроили ему длительную овацию. И никто, даже Агенобарб, не посмел освистать его. Он всех задел за живое.

Октавиан покинул зал под руку с Гаем Фонтеем, который стал консулом-суффектом в майские календы. Свои консульские полномочия Октавиан сложил на второй день января, подражая Антонию, который поступил так же за год до этого. Будут еще консулы-суффекты, но Фонтей должен будет продолжать службу до конца года. Выдающаяся честь. Консульство превратилось в триумфальный подарок.

Словно читая мысли Октавиана, Фонтей вздохнул и сказал:

— Жаль, что каждый год сейчас так много консулов. Ты можешь представить Цицерона, отказавшегося от должности ради того, чтобы другой занял его место?

— Или божественного Юлия, коли на то пошло, — усмехнулся Октавиан. — Я согласен, несмотря на собственный поступок. Но то, что больше претендентов получают консульскую должность, умеряет блеск длительного триумvirата.

— По крайней мере, тебя нельзя упрекнуть в том, что ты рвешься к власти.

— Пока я триумvir, у меня есть власть.

— Что ты будешь делать, когда триумvirат закончится?

— Это произойдет в конце года. Я сделаю то, чего, полагаю, не сделает Антоний. Поскольку я больше не буду иметь этого

титула, я поставлю свое курульное кресло в первый ряд. Мои *auctoritas* и *dignitas* настолько неопровержимы, что я не буду страдать из-за потери полномочий. — Он хитро посмотрел на Фонтея. — Куда ты сейчас пойдешь?

— В Карины, к Октавии, — просто ответил Фонтей.

— Тогда я пойду с тобой, если ты не возражаешь.

— Я буду рад, Цезарь.

Путь через Форум, как всегда, преградила толпа, но Октавиан жестом подозвал ликторов, а германские охранники сомкнули ряды перед ними и позади них, и они пошли быстрее.

Проходя мимо резиденции царя священнодействий на Веллии, Гай Фонтей снова заговорил:

— Как ты считаешь, Цезарь, Антоний когда-нибудь вернется в Рим?

— Ты думаешь об Октавии, — сказал Октавиан, знавший, какие чувства Фонтей питает к его сестре.

— Да, но не только о ней. Неужели он не понимает, что все быстрее и быстрее теряет свое положение? Я знаю сенаторов, которые даже заболели, когда услышали об александрийском триумфе и «разделе мира».

— Он уже не прежний Антоний, вот и все.

— Ты серьезно веришь в то, что Клеопатра имеет власть над ним?

— Я признаю, что этот слух был пущен в политических целях, но получилось так, что желание стало реальностью. Его поведение трудно объяснить чем-то другим, кроме влияния Клеопатры. Но я так и не пойму, чем она держит его. Прежде всего я прагматик, поэтому склонен отвергнуть версию о зельях как невероятную. — Он улыбнулся. — Но я не знаток восточной премудрости, поэтому, возможно, такие зелья и существуют.

— Это началось во время его последнего похода, если не раньше, — сказал Фонтей. — Однажды на Коркире одной ненастной ночью он излил мне душу. Он говорил о своем одиночестве, растерянности, он был убежден, что потерял удачу. Даже тогда я считал, что Клеопатра его терзает, но не думал, что это так опасно. — Он презрительно фыркнул. — Умно приду-

мано, царица Египта! Мне она не нравилась. Но ведь и она не в восторге от меня. Римляне зовут ее гарпией, но я считаю ее сиреной — у нее очень красивый, завораживающий голос. Он зачаровывает, притупляет чувства, и человек верит всему, что она говорит.

— Интересно, — задумчиво произнес Октавиан. — Ты знал, что они выпустили монеты со своими портретами на обеих сторонах?

— С двойным портретом?

— Ага.

— Тогда он действительно пропал.

— Я тоже так думаю. Но как мне убедить в этом безмозглых сенаторов? Мне нужны доказательства, Фонтей, доказательства!

V ВОЙНА

32 г. до Р. Х. — 30 г. до Р. Х.

MARCUS VIPSANIUS AGRIPPA

— «Твои действия до сих пор не узаконены, — вслух читала Клеопатра письмо от Агенобарба. — Я сразу начал выступать в твою пользу, как только стал старшим консулом. Но у Октавиана есть ручной плебейский трибун, Марк Ноний Бальб, противный пиценец, который накладывает вето на все, что я пытаюсь сделать для тебя. Затем, когда в февральские календы фасции перешли от меня к Сосию, тот выступил с предложением осудить Октавиана, обвиняя его в том, что он блокирует твои восточные реформы. Отгадай с трех раз, что последовало: Ноний наложил вето».

Положив письмо, она взглянула на Антония. В ее желтых глазах горело холодное пламя, которое предупреждало, что львица готова к прыжку.

— Единственный способ сохранить твоё положение в Риме — выступить против Октавиана.

— Если я это сделаю, я буду агрессором в гражданской войне. Я буду предателем, и меня объявят *hostis*, врагом народа.

— Ерунда! Так делал Сулла, так делал Цезарь. В результате оба они правили Римом. Кто вспомнит о *hostis*, когда все успокоится? Декрет, объявляющий человека вне закона, беззубый.

— Сулла и Цезарь правили незаконно, как диктаторы.

— Это не имеет значения, Антоний! — резко возразила она.

— Я отменил диктаторство, — упрямо заметил Антоний.

— Когда ты победишь Октавиана, снова узаконь его! Проси как временную целесообразность, мой дорогой, — вкрадчиво посоветовала она. — Конечно же, ты понимаешь, Антоний, что, если Октавиана не остановить, он выступит с предложением не ратифицировать твои действия на Востоке. И ни один плебейский трибун не посмеет наложить вето на *его* предложение. После этого он сможет назначить своих клиентов, которые будут править во всех восточных владениях. — Она

перевела дыхание, глаза ее сверкали. — Он еще предложит аннексировать Египет как провинцию Рима.

— Он не посмеет! И я не позволю нарушать мои планы! — сквозь зубы возразил Антоний.

— Ты должен сам поехать в Рим, чтобы подбодрить твоих сторонников, а то они как-то сникли, — с иронией заметила она. — И в это путешествие тебе лучше захватить с собой армию.

— Октавиан потерпит крах. Он не сможет продолжать пользоваться правом вето.

В голосе Антония послышались нотки сомнения, и Клеопатра почувствовала, что начинает преодолевать его упорство. Она отказалась от мысли уговорить Антония напасть на Италию. Он не возражал, когда Октавиана называли врагом, но Рим оставался для Антония священным. Александрия и Египет нашли место в его сердце, но Рим они оттуда не вытеснили. Ну и ладно. Каков бы ни был мотив, лишь бы Антоний наконец выступил. Если он не выступит, тогда она действительно *ничто*. Ее агенты в Риме сообщали, что Октавиан расселил всех своих ветеранов на хорошей земле в Италии и Итальянской Галлии и что его поддерживают большинство итальянцев. Но пока он не сумел добиться господства над сенатом, разве что может манипулировать трибунским вето. С четырьмястами сторонниками и тремястами нейтральными сенаторами Антоний все еще имеет перевес. Но достаточно ли этого перевеса?

— Хорошо, — сказал Антоний спустя несколько дней, раздраженный сверх всякой меры. — Я размещу свою армию и флот ближе к Италии. В Эфесе. — Он исподлобья взглянул на Клеопатру. — То есть если у меня будут деньги. Это твоя война, фараон, значит тебе и платить за нее.

— Я буду счастлива заплатить — при условии, что стану сокомандующим. Я хочу присутствовать на всех военных советах, хочу иметь право голоса. Хочу равного статуса с тобой. Это значит, что мое мнение будет более весомым, чем мнение любого римлянина, кроме твоего.

Им овладела огромная усталость. Ну почему вечно какие-то условия? Неужели он никогда не освободится от Клеопатры-повелительницы? Она ведь могла быть такой обворожитель-

ной, ласковой, такой хорошей собеседницей! Но каждый раз, когда он думал, что эта ее сторона победила, вдруг проявлялась темная сторона. Клеопатра жаждала власти больше, чем любой мужчина, кого он знал, от Цезаря до Кассия. И все это ради сына Цезаря! Да, он чрезвычайно одаренный мальчик, но рожденный не для власти, — Антоний чувствовал это. Что она будет делать, когда Цезарион откажется от судьбы, уготованной ему Клеопатрой? Она совершенно не понимает своего ребенка.

И совершенно не понимает римлян, зная близко только двоих. Ни Цезарь, ни Антоний не были типичными римлянами. И она обнаружит это, если будет настаивать на праве командовать. Ему казалось вполне справедливым, что она получит равные с ним права, поскольку финансирует это предприятие. Но никто из его товарищей не согласится предоставить ей такую привилегию. Антоний открыл было рот, чтобы сказать ей, чего она добьется, но все же решил промолчать. Суровое выражение ее лица говорило, что она не потерпит возражений. В ее глазах зарождалась буря. Если он попытается намекнуть ей, чего стоит ожидать, последует одна из многочисленных ссор. Родился ли на свет человек, способный справиться с женщиной-деспотом, обладающей неограниченной властью? Антоний сомневался. Покойный Цезарь, быть может, но он знал Клеопатру, когда она была совсем юной. Вот он действительно имел на нее такое влияние, что она так и не смогла от него освободиться. Теперь, спустя годы, она превратилась в камень. Еще хуже то, что она видела Антония в его самом плохом состоянии, доходившем почти до беспамятства, и воспринимала это как демонстрацию слабости. Да, он мог возразить ей, что у нее нет ни армии, ни флота для достижения цели, но на следующий день она снова начинала его изводить.

«Я пойман, — думал он, — попал в ее сети, и нет способа выпутаться, не отказавшись от попытки получить власть. В каком-то смысле мы хотим одного и того же — падения Октавиана. Но она пойдет дальше, попытается уничтожить сам Рим. Я не позволю ей сделать это, но в данный момент не могу противостоять ей. Я должен выждать, сделать вид, что дам ей все, чего она хочет. Включая и совместное командование».

— Я согласен, — решительно сказал он.

Пусть все будет, как хочет Клеопатра, — некоторое время. Опыт научит ее. Его штаб отвергнет ее. Но может ли он сам отвергнуть ее? Живя с ней, проводя с ней ночи в одной постели, может ли он ее отвергнуть? Время покажет.

— Ты хочешь командовать, — продолжал он, — ты хочешь быть равной мне на военных советах.

Он чуть не всхлипнул.

— Я согласен, — повторил он.

Мосты были сожжены. Пусть все будет так, как хочет Клеопатра. Может быть, тогда он обретет покой.

Антоний сразу сел писать письмо Агенобарбу, используя свой теперь уже не существующий титул триумвира. В письме он подробно перечислил свои требования к сенату и народу Рима: полная власть на Востоке, независимость от сената; право собирать дань так, как он считает нужным, и назначать правителей-клиентов, командовать любыми легионами, которые Рим пошлет восточнее реки Дрина; ратификация всех его действий, и еще одна ратификация — земель и титулов, которые он дал царю Птолемею Цезарю, царице Клеопатре, царю Птолемею Александру Гелиосу, царице Клеопатре Селене и царю Птолемею Филадельфу.

— Я назначил царя Птолемея Цезаря царем царей и правителем мира. Никто не может возразить мне. Более того, я напомнил сенату и народу Рима, что царь Птолемей Цезарь — законный сын бога Юлия и его наследник. Я хочу, чтобы это признали официально.

Клеопатра была поражена. Темная сторона ее мгновенно исчезла.

— О, мой дорогой Антоний, они же перепугаются!

— Они обкакаются со страху, моя дорогая. А теперь подари мне тысячу поцелуев.

Она стала целовать его, вне себя от радости, что победила. Теперь все исполнится! Антоний начнет войну. Его письмо сенату было ультиматумом.

Два документа помчались в Рим: письмо и завещание Марка Антония. Гай Сосий отдал завещание весталкам, хранительницам завещаний всех римских граждан. Последняя воля счи-

талась священной, документ можно было открыть только после смерти завещателя. Весталки хранили завещания еще с царских времен. Но когда Агенобарб сломал печать на письме Антония и прочел его, он выронил свиток, словно обжегшись. Прошло какое-то время, прежде чем он молча передал его Сосию.

— О боги! — прошептал Сосий и тоже бросил письмо. — Он что, с ума сошел? Ни один римлянин не имеет права совершить даже половину того, что сделал он! Незаконный сын Цезаря — царь Рима? Гней, ведь он это хочет сказать! А Клеопатра будет править от его имени? Он действительно сумасшедший!

— Или сумасшедший, или постоянно под действием каких-то зелий.

Агенобарб принял решение:

— Я не буду читать это письмо, Гай, это невозможно. Я сожгу его, а вместо него произнесу речь. Юпитер! Какое оружие это дает в руки Октавиану! Весь сенат немедленно встанет на его сторону! Ему ничего не придется делать для этого!

— Ты не думаешь, — неуверенно предположил Сосий, — что Антоний специально поступает так? Это же объявление войны.

— Риму не нужна гражданская война, — устало проговорил Агенобарб, — хотя я подозреваю, что Клеопатра с удовольствием повоевала бы. Разве ты не понял? Не Антоний писал это, а Клеопатра.

Сосия охватила дрожь.

— Что нам делать, Агенобарб?

— Сделаем, как я сказал. Мы сожжем письмо, и я произнесу речь всей моей жизни перед этими жалкими, выжившими из ума стариками в сенате. Никто не должен знать, до какой степени Антоний во власти Клеопатры.

— Защищать Антония всеми силами, да. Но как освободить его от Клеопатры? Он слишком далеко от нас... О проклятый Восток! Это же все равно что пытаться достать радугу! Два года назад все выглядело так, словно возвратилось процветание, — сборщики налогов и предприниматели радовались

этому. Но в последние месяцы я заметил перемены. Цари-клиенты Антония вытесняют римскую коммерцию. Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как в казну поступала дань с Востока.

— Клеопатра, — мрачно промолвил Агенобарб. — Это Клеопатра. Если мы не сможем оторвать Антония от Клеопатры, мы погибли.

— И он тоже.

К середине лета Антоний двинул свою огромную военную машину из Карана и Сирии в Эфес. Кавалерия, легионы, осадное оборудование и обоз медленно продвигались по Центральной Анатолии, потом вдоль извилин реки Меандр и к Эфесу. Вокруг этого небольшого красивого городка были построены лагеря для размещения людей, животных и техники. Все постепенно успокаивалось, а местные купцы и крестьяне делали все возможное, чтобы извлечь хоть какую-то выгоду из той катастрофы, какой были армейские лагеря. Плодородная земля, на которой росла пшеница и паслись овцы, превращалась в бесплодную грязь и пыль в зависимости от погоды, а младшие легаты Антония были бесчувственными людьми и отказывались обсуждать состояние дел с местными жителями. Процветали грабеж и насилие, множились убийства из мести, потасовки — активное и пассивное сопротивление оккупантам. Цены подскочили. Началась эпидемия дизентерии. Каким образом римскому наместнику в прошлом удавалось выколачивать большие деньги? Он грозился, что в противном случае разместит свои легионы в городе. Пришедшие в ужас горожане кое-как собирали нужную сумму.

Антоний и Клеопатра плыли на «Филопаторе», который встал на якорь в гавани Эфеса, к большому удивлению жителей. Там Антоний покинул жену и корабль и пересел на меньший корабль до Афин, объяснив Клеопатре, что у него осталось в Афинах незаконченное дело. Клеопатра поняла, что не может удержать этого, трезвого Антония, как ей удавалось делать это в Александрии. Эфес был римской территорией, и она уже не была его правительницей, как ее предки. Поэтому там

не было традиции гнуть спину перед Египтом. Всякий раз, когда она покидала наместнический дворец, чтобы осмотреть город и один из лагерей, люди глядели на нее с недоумением, словно она наносила им смертельную обиду. И наказать их за грубость она не могла. Публий Канидий был старым другом, но остальные командиры и их легаты, наводнившие Эфес, считали ее появление кто шуткой, кто оскорблением. Никакой почтительности в провинции Азия!

Настроение у нее испортилось еще до того, как «Филопатор» покинул Александрию. Все началось в тот день, когда Цезарион устроил ей пренеприятную сцену. Она оставила его управлять Египтом, но он сопротивлялся этому. И не потому, что хотел пойти на войну со своей матерью и отчимом. Причина была в самой сути предприятия.

— Мама, — сказал он Клеопатре, — это безумие! Неужели ты не понимаешь? Ты бросаешь вызов могуществу Рима! Я знаю, Марк Антоний способный военачальник и у него огромная армия, но, если даже задействовать все его ресурсы, Рим нельзя победить. Понадобилось сто пятьдесят лет, чтобы разрушить Карфаген. И Карфаген был разрушен так основательно, что больше не поднялся! Рим терпелив, но ему не понадобятся сто пятьдесят лет, чтобы уничтожить Египет и Восток Антония! Пожалуйста, прошу тебя, не давай Цезарю Октавиану шанса пойти на Восток! Он сочтет объявлением войны стягивание армии Антония в Эфес, где и в помине нет никаких беспорядков. Пожалуйста, пожалуйста, мама, я прошу тебя, не делай этого!

Клеопатра ходила по комнате, наблюдая за укладкой вещей.

— Ерунда, Цезарион, — спокойно сказала она. — Антония нельзя победить ни на суше, ни на море. Я позаботилась об этом, снабдив его внушительной суммой. Если мы отложим поход, Октавиан только станет сильнее.

Цезарион остановился рядом со своим последним бюстом, высеченным по распоряжению матери Дорифеем из Афродисиады, и невольно раздвоился в глазах своей матери. Херил расписал бюст, точно передав цвет кожи и волос, великолепно очертил глаза. Скульптура выглядела настолько живой, что ка-

залось, она вот-вот откроет рот и заговорит. Но рядом с реальным юношей, возбужденным, пылким, статуя меркла.

— Мама, — упрямо продолжал он, — Октавиан даже еще не начинал использовать свои ресурсы. И как бы мне ни нравился Марк Антоний, он не ровня Марку Агриппе ни на суше, ни на море. Октавиан может номинально занимать командирскую палатку, но вести войну он предоставит Марку Агриппе. Я предупреждаю тебя, Агриппа — стержень всего! Он страшный! В Риме не было равного ему после моего отца.

— О, Цезарион, перестань! Ты так волнуешься из-за всего, что я уже не обращаю внимания на твои слова. — Клеопатра остановилась, держа в руках любимую одежду Антония. — Кто такой этот Марк Агриппа? Никто и ничто. Равный Антонию? Конечно нет.

— Тогда хотя бы ты останься здесь, в Александрии! — попросил юноша.

Она очень удивилась:

— О чем ты думаешь? Я плачу за эту кампанию, а значит, я партнер Антония. Ты считаешь меня новичком в ведении войны?

— Да, считаю. Весь твой военный опыт ограничивается сидением на горе Касий, в ожидании Ахиллы и его армии. Из той заварушки тебя вытащил мой отец, а не твой несуществующий военный гений. Если ты будешь сопровождать Марка Антония, его римские коллеги будут думать, что он попал под твою власть, и возненавидят тебя. Римляне не привыкли, чтобы иноземцы занимали командирскую палатку. Я не дурак, мама. Я знаю, что говорят в Риме о тебе и об Антонии.

Она напряглась:

— И что же говорят о нас в Риме?

— Что ты колдунья, что ты опоила Антония, что он — твоя игрушка, твоя марионетка. Что ты толкаешь его на конфликт с сенатом и народом. Что, если бы он не был твоим мужем, ничего подобного не случилось бы, — храбро перечислил Цезарион. — Они называют тебя царицей зверей и считают тебя, а не Антония главным зачинщиком всего.

— Ты слишком далеко заходишь, — произнесла Клеопатра с опасными нотками в голосе.

— Нет, я не зашел слишком далеко, если мне не удалось отговорить тебя! Особенно от личного участия. Моя самая дорогая, самая хорошая мама, ты действуешь так, словно Рим — это Митридат Великий. У Рима не восточный склад ума! Рим — это Запад. Риму нужен контроль над Востоком ради собственной безопасности.

Клеопатра внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, как лучше поступить. Приняв решение, она сказала спокойным тоном:

— Цезарион, тебе еще нет пятнадцати. Да, я признаю, ты мужчина. Но все равно очень молодой и неопытный. Правь Египтом мудро, и я расширю твои полномочия, когда мы с Антонием вернемся с победными лаврами.

Цезарион сдался. Он посмотрел на нее глазами, полными слез, покачал головой и вышел из комнаты.

— Глупый мальчик, — с любовью сказала она Ираде и Хармионе.

— Красивый мальчик, — вздохнула Хармиона.

— Не мальчик и не глупый, — сурово возразила Ирада. — Неужели ты не поняла, Клеопатра, что его слова пророческие? Ты бы лучше прислушалась, чем отмахиваться.

И вот она отплыла на «Филопаторе», а слова Ирады продолжали звучать в ее ушах. Это ее слова, а не слова Цезариона сделали Клеопатру несчастной. Отношение к ней коллег Антония в Эфесе еще сильнее ухудшило ее настроение. Но она привыкла к неограниченной власти, и все это только сделало ее более надменной, грубой, властной.

Антоний был не виноват в том, что его корабль бросил якорь у Самоса. В корабле образовалась течь, с которой до Афин он не дошел бы, а Самос оказался ближайшим островом.

Общество поклонников Диониса выбрало в качестве места жительства Самос. Пока Антоний ждал, он подумал, что неплохо бы посмотреть, что происходит среди фокусников, танцоров, акробатов, уродов, музыкантов и других обитателей острова, которые от праздника до праздника проводили время в своих замечательных домах. Как сказал Каллимах, возглавлявший общество, в данный момент никакого праздника не было.

Он показал Антонию удивительный фокус — превратил земляных жуков в сверкающих бабочек.

— Но сегодня мы решили устроить угощение в твою честь. Ты придешь?

Конечно, он придет! Искушению выпить вина он еще мог противиться, но соблазн повеселиться в хорошей компании был слишком силен. Ведь трезвость лишила его развлечений и удовольствий. Он выпил бокал вина — и напился.

Что происходило в последующие дни, он не помнил. По правде говоря, чем старше он становился, тем хуже делалась его память. Только секретарь Луцилий сумел заставить Антония вернуться в унылый мир трезвости, сказав всего одну фразу:

— Царица обязательно об этом узнает.

— О Юпитер! — простонал Антоний. — *Cacat!*

Пробоину починили еще восемь дней назад. Антоний узнал об этом, когда Луцилий и его личные слуги принесли его на борт. Неужели он действительно так много пил? Или теперь ему достаточно небольшой дозы, чтобы свалиться с ног? Страдая от похмелья, он вдруг понял, к своему ужасу, что возраст все-таки начинает сказываться. Те дни, когда он поднимал наковальни, ушли в прошлое. Ему исполнился пятьдесят один год, и его бицепсы стали мягкими. Пятьдесят один! Почтенный возраст консулара. А Октавиану сейчас тридцать, и тридцать один ему исполнится только в конце сентября. Самое скверное то, что все лучшие полководцы Октавиана молоды, а у Антония — его ровесники, уже седеющие. Канидию за шестьдесят! О, куда ушло время? Ему стало дурно, он побежал к перилам, и его вырвало.

Слуга принес ему воды, вытер губы и подбородок.

— Ты заболел чем-то, господин?

— Да, — ответил Антоний, вздрогнув. — Старостью.

К тому времени, как корабль пришел в порт Пирей, Антоний немного восстановился физически. Но настроение у него было паршивое.

— Где моя жена Октавия? — спросил он управляющего во дворце наместника.

Управляющий растерялся, нет, очень удивился.

— Уже несколько лет прошло с тех пор, как госпожа Октавия была в резиденции, Марк Антоний.

— Как так — несколько лет? Она должна быть здесь вместе с двадцатью тысячами солдат своего брата!

— Я только могу повторить, господин, что ее нет. И нет никаких солдат где-либо поблизости от Афин. Если господин Октавиан посылал солдат, они, должно быть, поплыли в Македонию или ушли по суше в провинцию Азия.

Память возвращалась. Да, прошло пять лет с тех пор, как Октавия приехала с четырьмя когортами вместо четырех легионов. И он приказал ей прислать подарок Октавиана к нему в Антиохию, а самой возвращаться домой. Пять лет! Неужели так давно? Нет, наверное, прошло четыре года. Или три? Да какое это имеет значение!

— Я слишком долго живу вдали от Рима, — сказал он Луцилию, садясь за рабочий стол.

— Последний раз ты был в Таренте шесть лет назад, — уточнил Луцилий, сидевший за своим столом.

— Значит, Октавия приезжала в Афины четыре года назад.

— Да.

— Пиши, Луцилий...

Октавии от Марка Антония. Сим сообщаю, что я развожусь с тобой. Покинь мой дом в Риме. Ты лишаешься права жить на какой-либо из моих вилл в Италии. Я не возвращаю тебе твоего приданого и отказываюсь продолжать содержать тебя и моих римских детей. Прими это как мое окончательное решение, обязательное для исполнения.

Луцилий писал, не поднимая глаз от бумаги. Бедная госпожа! С этим разводом вся надежда спасти Антония потеряна... Он поднял голову, встал из-за стола, положил письмо перед Антонием. Помимо других достоинств, Луцилий обладал очень хорошим почерком, поэтому письмо не надо было переписывать профессиональному писцу.

Антоний быстро прочитал, свернул свиток.

— Воск, Луцилий.

Красный цвет воска был обычным цветом для официальных документов. Луцилий подержал восковую палочку над пламе-

нем свечи так умело, что копоть не запачкала воска. Капля размером с денарий упала как раз поперек нижней линии свитка. Антоний приложил свое кольцо-печатку и сильно нажал. Геркулес в окружении «ИМП. М. АНТ. ТРИ.».

— Отправь это со следующим кораблем в Рим, — резко сказал Антоний, — и найди мне корабль до Эфеса. Мои дела в Афинах закончены. — Он криво улыбнулся. — Их никогда и не было.

Покидая Пирей, Антоний думал, что не может точно определить, в какой именно момент он на самом деле порвал с Римом, сжег за собой мосты. Но это было после того, как он узнал, что поклялся посвятить себя и свои трофеи Клеопатре и Александрии. Его любовь к Октавии и ко всему римскому угасла, а вот любовь к Клеопатре стала всеобъемлющей. Почему так случилось, он не знал. Но она запала ему в душу, стала его стержнем. Он не мог противоречить ей, даже когда ее требования были абсурдными. Отчасти из-за провалов в памяти, но на память нельзя все списать. Может быть, великая царица завоевала его сердце, потому что только она смогла оценить его потенциал, сочла его великим и достойным своего внимания. Рим принадлежал Октавиану, так пусть пропадает пропадом. Вот к чему все шло. Если он хотел стать Первым человеком в Риме, он должен был победить Октавиана в сражении. И Клеопатра ясно видела это, всегда знала. Его опасный запой на Самосе и ужасные последствия болезни и новых провалов в памяти показали ему, что лучшие его годы в прошлом. Это был всего лишь кутеж, неодолимая тяга к вину, но истинная причина его поездки в Афины заключалась в желании убежать от своей любви, своей отравы, своих клятв Клеопатре.

Итак, подумал он, прибыв в Афины более или менее протрезвевшим, почему бы не порвать с Римом? Все, от Клеопатры до Октавиана, хотят этого, ожидают этого, не согласны на меньшее. Так что он должен вернуться в Эфес, прежде чем Клеопатра создаст новые проблемы.

Но еще до его приезда в Эфес присутствие Клеопатры привело к серьезным последствиям. Первыми уехали в Рим Сатурнин и Аррунций, объявив, что скорее они будут служить

человеку, которого ненавидят, чем женщине. По крайней мере, Октавиан — римлянин! Потом уехал Атратин вместе с группой младших легатов — те приходили в бешенство оттого, что Клеопатра позволяла себе проверять их лагерь, выискивая недостатки, ругая за грязь, оскорбляя старших центурионов за то, что они не вставали по стойке «смирно», когда она обращалась к ним.

Когда Атратин приехал в Рим, Агенобарб и Сосий даже растерялись, выслушав его жалобы.

В Риме тоже все было плохо. Казна почти опустела из-за цены на землю, которую пришлось найти для многих тысяч ветеранов. Миллионы миллионов сестерциев Секста Помпея были потрачены, каким бы невероятным это ни казалось. Земля была очень дорогая, и мало кто из легионеров согласился поселиться в чужих краях, таких как обе Испании, обе Галлии и Африка. Они ведь были римлянами, приросшими к итальянской почве. Да, отставники были удовлетворены, однако это стоило государству огромных денег.

Но нельзя было отрицать и того, что Октавиан медленно завоевывал доминирующее положение в сенате и среди плутократов и всадников-предпринимателей. Благоприятные возможности для них на Востоке Антония сокращались, а те люди и фирмы, что процветали два года назад, теперь терпели убытки. Полемон, Архелай Сисен, Аминта и более мелкие царь-клиенты, назначенные Антонием, стали слишком самоуверенными и начали издавать законы, препятствующие процветанию римской коммерции. Подстрекаемые, как всем было известно, Клеопатрой, этой паучихой в центре паутины.

— Что мы будем делать? — спросил Сосий Агенобарба, когда разъяренный Атратин ушел.

— Я думал об этом, Гай, с тех пор, как получил от Антония то письмо, и я считаю, что нам остается только одно.

— Говори! — нетерпеливо крикнул Сосий.

— Мы должны усилить позиции Антония на Востоке, сделав его правление по возможности римским. Это один зубец двузубой вилки, — сказал Агенобарб. — Второй зубец — сделать так, чтобы действия Октавиана сочли незаконными.

— Незаконными?! Как ты это сделаешь?

— Переведа правительство из Рима в Эфес. Мы с тобой — консулы этого года. Большинство преторов тоже за Антония. Я сомневаюсь, что мы сможем оторвать кого-нибудь из плебейских трибунов от их скамьи, но, если половина сената поедет с нами, мы будем бесспорным правительством в изгнании. Да, Сосий, мы уедем из Рима в Эфес! Таким образом мы сделаем Эфес центром правления и прибавим к окружению Антония еще, скажем, пятьсот верных римлян. Более чем достаточно, чтобы заставить Клеопатру возвратиться в Египет, где ей и положено быть.

— То же самое сделал Помпей Магн, после того как Цезарь — божественный Юлий! — перешел Рубикон и вступил в Италию. Он взял консулов, преторов и четыреста сенаторов в Грецию. — Сосий нахмурился. — Но в те дни сенат был меньше и в нем не было так много «новых людей». В сегодняшнем сенате тысяча человек, и две трети в нем — «новые люди». Большинство из них верны Октавиану. Если мы должны выглядеть как правительство в изгнании, нам нужно убедить хотя бы пятьсот сенаторов поехать с нами, а я не думаю, что нам удастся это сделать.

— На самом деле и я не думаю. Я рассчитываю на четыреста человек, до конца преданных Антонию. Не большинство, но достаточно, чтобы убедить народ, что Октавиан действует незаконно, если он попытается сформировать правительство с целью заменить нас, — сказал Агенбарб.

— Этим, Гней, ты начнешь гражданскую войну.

— Я знаю. Но гражданская война все равно неизбежна. По какой другой причине Антоний двинул всю свою армию и флот в Эфес? Ты думаешь, Октавиан этого не понял? Я ненавижу его, но хорошо знаю его образ мысли. Извращенное подобие ума Цезаря живет в голове Октавиана, поверь мне.

— Откуда ты знаешь, что он живет в голове?

— Кто? — не понял Агенбарб.

— Ум.

— Все, кто когда-нибудь побывал на поле сражения, Сосий, знают об этом. Спроси любого армейского хирурга. Ум в голо-

ве, в мозгу. — Агенобарб раздраженно взмахнул руками. — Сосий, мы не обсуждаем анатомию и местонахождение разумного начала! Мы говорим о том, как помочь Антонию выбраться из этой египетской трясины и вернуться в Рим!

— Да-да, конечно. Извини. Тогда нам надо действовать скорее. Если не поторопимся, Октавиан не даст нам уехать из Италии.

Но Октавиан им не помешал. Его агенты сообщили о внезапной судорожной деятельности отдельных сенаторов: они забирали вклады из банков, припрятавали имущество, спасая его от ареста, собирали в дорогу жен, детей, педагогов, воспитателей, нянь, управляющих, служанок, не забыли и парикмахеров, косметологов, белошвеек, прислугу, охранников и поваров. Но он ничего не предпринял, даже не сказал ни слова в сенате или на ростре Римского форума. Он отлучался из Рима ранней весной, но теперь вернулся, чтобы быть начеку.

Итак, Агенобарб, Сосий, десять преторов и триста сенаторов торопливо передвигались по Аппиевой дороге в Тарент, кто верхом, кто в двуколках. Домашние ехали в паланкинах среди сотен повозок со слугами, с мебелью, тканями, зерном, всякими мелочами и продуктами. В конце концов все отплыли из Тарента — ближайшего порта, откуда корабли направлялись в Афины вокруг мыса Тенар или в Патры в Коринфском заливе.

Только триста сенаторов! Агенобарб был разочарован, что не сумел убедить и четверти преданных Антонию людей, не говоря уже о тех, что придерживались нейтралитета. Но он был уверен, что это количество достаточно внушительное, чтобы не дать Октавиану возможности без больших усилий сформировать работоспособное правительство. Агенобарб считал себя исключительной личностью. Он был человеком с Палатина и полагал, что власть в Риме должна находиться в руках элиты.

Антоний обрадовался им и быстро сформировал антисенат в правительственном здании Эфеса. Возмущенных богачей со статусом *socius* выселили из их особняков. К счастью, Эфес

был большим городом и обеспечил Антонию достаточно зданий для размещения огромного притока важных людей и их семей. Местные плутократы переселились в Смирну, Милет, Приену. В результате торговые суда исчезли из гавани, и это было хорошо, больше военных галер сможет встать там на якорь. Что произойдет с городом, когда римляне уйдут, не беспокоило ни Антония, ни его коллег. А жаль. Эфесу понадобились годы, чтобы вернуться к процветанию.

Клеопатре совсем не нравились инициатива Агенобарба и это правительство в изгнании, которое решительно запретило ей присутствовать на заседаниях антисената. Разозлившись, она неосторожно заявила Агенобарбу:

— Ты пожалеешь об этом, когда я буду вершить суд на Капитолии!

— Меня ты не будешь судить, госпожа! — огрызнулся он. — Когда ты сядешь вершить суд на Капитолии, я уже буду мертв — и все истинные римляне со мной! Я предупреждаю тебя, Клеопатра: лучше выбрось эти идеи из головы, потому что этого никогда не будет!

— Не смей обращаться ко мне по имени! — ледяным тоном произнесла она. — Ты должен обращаться ко мне «царица», и с поклоном!

— Не дождешься, Клеопатра!

Она направилась напрямик к Антонию, который возвратился из Афин какой-то тусклый, унылый. Клеопатра решила, что это результат его кутежа на Самосе, о чем ей сообщил Луцилий.

— Я хочу присутствовать в сенате, и я хочу, чтобы этот мужлан Агенобарб был наказан! — кричала она с искаженным лицом, сжав кулаки.

— Дорогая моя, ты не можешь присутствовать в сенате. Он посвящен Квирину — богу римлян-мужчин. И я не имею права наказывать таких влиятельных людей, как Гней Домиций Агенобарб. Римом не правит царь. У нас демократия. Агенобарб равен мне, как и все римляне, какими бы бедными и непримечательными они ни были. Перед законом римляне равны. *Primus inter pares*, Клеопатра, я только могу быть первым среди равных.

— Тогда это надо изменить.

— Этого нельзя изменить. Никогда. Ты и впрямь сказала ему, что будешь вершить суд на Капитолии? — хмуро спросил Антоний.

— Да. Когда ты побьешь Октавиана и Рим будет наш, я буду сидеть там как заместитель Цезариона, пока он не повзрелеет.

— Даже Цезарион не сможет этого сделать. Он не римлянин. Это одна причина. А другая — ни один живой человек, мужчина он или женщина, не живет на Капитолии. Там обитают наши римские боги.

Клеопатра топнула ногой:

— Я не понимаю тебя! Ты объявляешь моего сына царем царей, но стоит тебе поговорить с кучкой римлян — и ты опять римлянин! Определись наконец! Или я буду продолжать платить за право моего сына владеть миром, или я укладываю вещи и возвращаюсь в Александрию? Ты дурак, Антоний! Большой, ленивый, нерешительный идиот!

В ответ Антоний отвернулся. Время докажет ей, что, даже когда он победит Октавиана, Рим останется таким, каким был всегда, — республикой без царя. А до того она будет платить по счету в полной мере. Это, конечно, не делало ее хозяйкой римской армии, но делало хозяйкой этой кампании. О, он мог бы заставить ее вернуться в Египет. Этого требовали все легаты, и с каждым днем все настойчивее. Но если он отошлет ее домой, она возьмет с собой все деньги — двадцать тысяч талантов золотом. Некоторые, например Атратин, открыто говорили ему, что он должен просто убить эту гадину, забрать ее деньги и аннексировать Египет. Зная, что сам он не может сделать ни того ни другого, он молча слушал диатрибы Клеопатры, а своим легатам напоминал, кто им платит. Но некоторые, например тот же Атратин, предпочли правление Октавиана правлению Клеопатры.

— Как я могу отослать ее домой? — спросил он Канидия, одного из двух ее сторонников.

— Ты не можешь, Антоний, я знаю это.

— Тогда почему так много людей требуют этого?

— Потому что они не привыкли к женщинам-командирам, и они не способны понять своими глупыми головами, что это она платит музыкантам за нужную мелодию.

— Поймут ли они когда-нибудь?

Канидий засмеялся в ответ на этот нелепый вопрос:

— Нет, никогда. Тут нужен изощренный греческий ум, которым они не обладают.

Другим сторонником Клеопатры был Луций Мунаций Планк, которого она купила за крупную сумму. Это денежное вложение дало ей еще Марка Тиция, его племянника, хотя Тицию, более строптивому, чем Планк, было труднее скрывать неприязнь и презрение к новой хозяйке своего дяди. Чего Клеопатра не знала, так это безошибочной способности Планка выбирать сторону победителя в любом столкновении между потенциальными первыми людьми Рима. Как дед сегодняшнего Луция Марция Филиппа, он был прирожденным ренегатом и не видел никакого позора в том, что он переходит из лагеря в лагерь всякий раз, когда инстинкт заставляет его сделать это.

— Я начинаю понимать, что у Антония словно поджилки подрезаны, когда дело касается общения с этой женщиной, — сказал он Тицию в конце месяца в Эфесе. — Думаю, это ерунда, что она опаивает его каким-то зельем или завораживает его, как фокусник змею. Нет, Антония привязывают к ней его недостатки. Он типичный подкаблучник, каких много. Он скорее украдет Цербера из Гадеса, чем возразит своей жене, будь это какой-нибудь пустяк или серьезный ультиматум. Когда я думал, что влюблен в Фульвию, я понял, что это такое. Шантажом, запугиванием или силой она могла заставить меня сделать все, что угодно. И, как Клеопатра, она пыталась занять палатку командира. Ее единственной наградой за это безрассудство стал развод с Антонием. Но Клеопатра? Она — его мама, его любовница, его лучший друг и его сокомандующий.

— Может быть, в этом весь секрет, — задумчиво сказал Тиций. — Весь Рим двадцать лет знал Антония как человека, полного жизненных сил. Он по десять раз за ночь мог взять

женщину, он оставил за собой целый шлейф разбитых сердец, бастардов и обманутых мужей. Он сталкивал головы, словно арбузы. Он ездил на колесницах, запряженных львами. Он — легенда, которая быстро превращается в миф. Он отличался от всех в сенате, он храбро сражался при Фарсале и блестяще победил у Филипп. Он был окружен подхалимами! А теперь все мы видим, что у нашего идола глиняные ноги. Клеопатра полностью подавила его. Сокрушительный удар.

— Неизбежная кара Немезиды... Он платит за жизнь-легенду. Тиций, мы должны наблюдать и ждать. У меня еще остались друзья в Риме, они будут сообщать мне, как Октавиан справляется с этим наступающим кризисом. Как только чаша весов склонится в пользу Октавиана, мы перейдем к нему.

— Может быть, лучше перейти прямо сейчас?

— Нет, я думаю, сейчас не надо, — ответил Планк.

Высокомерие и грубость Клеопатры в большой степени порождались ощущением ненадежности, новым и тревожным для нее. Культура ее народа и обстоятельства ее жизни не приучили ее к тому, что женщина, тем более царица, может быть ниже мужчины. Ей не приходило в голову, что в мире римлян-мужчин ни ее статус, ни ее сказочное богатство не заставят их видеть в ней ровню. Ее главная ошибка была в том, что она считала причиной их антипатии тот факт, что она не римлянка. Она ни разу не подумала о том, что она — женщина и в этом все дело. И, перенимая манеру поведения своих римских врагов из окружения Антония, она старалась выглядеть больше римлянкой, чем иностранкой. В шлеме с плюмажем, в кирасе поверх кольчуги и с коротким мечом на перевязи, усыпанной драгоценностями, она расхаживала по лагерям, грязно ругаясь, как какой-нибудь легат. И когда солдаты бросали в ее сторону презрительные взгляды, ей казалось, это из-за того, что ей не удастся стать римлянкой. Когда она еще до возвращения Антония из Афин появлялась в таком облачении среди солдат, легионеры открыто смеялись над ней, центурионы пытались сдерживать хохот, военные трибуны мерили ее взглядом, словно она была уродцем, младшие легаты бросали оскорбления в ее

адрес и продолжали игнорировать ее. Один раз она потребовала от командира легиона, чтобы он выпорол старшего центуриона за неподчинение. Тот наотрез отказался, не испугавшись.

— Беги играть с куклами, а не с солдатиками, — огрызнулся он.

Он дал ей подсказку, но она не поняла этого. Дело было не в том, что она иностранка, а в том, что женский рот изрыгал непристойную брань, а женское тело было облачено в доспехи. Женщины не должны вмешиваться в дела мужчин, тем более под самым носом у них.

Когда Антоний возвратился из Афин, Клеопатра потребовала возмездия, но он отказался наказывать кого-либо и посоветовал ей не ходить в лагерь, если она не хочет выглядеть душой. Ему и в голову не пришло, что она не понимает причины враждебности римлян. Она не пожелала следовать его совету, просто решила, что в дальнейшем будет посещать лагерь неримских союзников Антония. Ах, вот они-то знали, как обращаться с ней! Сын Полемона Ликомед (сам Полемон вернулся в Понт, чтобы защищать дальние рубежи от мидян и парфян), Аминта из Галатии, Архелай Сисен из Каппадокии, Дейотар Филадельф из Пафлагонии и остальные цари-клиенты, приехавшие в Эфес, отвешивали ей раболепные поклоны.

Она заметила, что Ирод Иудейский не приехал и не прислал армии. Поскольку Антоний проигнорировал ее жалобы на плохое отношение к ней, она обратила его внимание на отсутствие Ирода, и это обеспокоило его до такой степени, что он тут же написал письмо царю евреев. Ответ Ирода последовал незамедлительно, он был полон цветистых, уклончивых фраз, суть которых сводилась к тому, что обстановка в Иерусалиме не позволяет ему ни приехать самому, ни прислать армию. Назревает мятеж, поэтому тысяча извинений, но... Да, так оно и было, однако не в этом крылась истинная причина. Инстинкт самосохранения у Ирода был развит так же сильно, как и у Планка. А этот инстинкт говорил Ироду, что Антоний может не победить в этой войне. На всякий случай он послал очень любезное письмо Октавиану в Рим вместе с подарком для храма Юпитера Всеблагого Всесильного — сфинксом из

слоновой кости работы самого Фидия. Когда-то сфинкс принадлежал Гаю Верресу, который вывез его из своей провинции Сицилии и отдал Гортензию в качестве платы за защиту в суде (правда, безуспешную) по многочисленным обвинениям в вымогательстве. От Гортензия сфинкс перешел к одному из Перквитиниев за тысячу талантов. Обанкротившись, тот Перквитиний продал сфинкса за сто талантов финикийскому купцу, чья вдова, ничего не понимавшая в искусстве, продала его Ироду за десять талантов. Реальная стоимость сфинкса, по оценке Ирода, составляла где-то между четырьмя и шестью тысячами талантов. А он слышал, что Антоний осыпает Клеопатру произведениями искусства. Царица Александра знала, что у него есть этот сфинкс, и, если она проболтается об этом Клеопатре, долго он у него не останется. Ненавидя египетскую соседку всем своим существом, Ирод решил, что самое лучшее место для сфинкса — в Риме, в общественном здании, считающемся священным. Чтобы отнять сфинкса у Юпитера Всеблагого Всесильного, Клеопатре действительно придется сесть на Капитолии. Для Ирода сфинкс представлял собой вложение в собственное будущее и будущее его царства. Если бы Антоний победил... но этого не будет при такой его связи с Клеопатрой! Не зная, что он мыслит так же, как Атратин, Ирод решил, что у Антония есть только один способ выйти из этого неприятного положения — убить Клеопатру и сделать Египет частью империи.

Когда армия и флот отплыли из Эфеса в Грецию в конце лета, Антоний решил преподнести Клеопатре самый лучший подарок, чтобы отвлечь ее от постоянных ссор и борьбы в палатке командира. Он послал в Пергам письмо с приказом упаковать двести тысяч свитков из городской библиотеки и послать в Александрию.

— Небольшая компенсация за то, что Цезарь сжег твои книги, — сказал он. — Многие из них копии, но есть и подлинники, которые хранятся только в Пергаме.

— Глупый! — воскликнула она, лохматя его волосы. — Стогрело хранилище книг в порту, а не библиотека Александрии. Библиотека в Мусейоне.

— Тогда я отправлю все обратно в Пергам.

Она выпрямилась:

— Конечно, ты не сделаешь этого! Если они останутся в Пергаме, какой-нибудь римский наместник конфискует их для Рима.

24

— До меня дошел странный слух, — сказал Меценат Октавиану, когда тот в апреле вернулся в Рим.

Зная, что Агенобарб и Сосий преданы Антонию и решили остаться консулами до конца года, Октавиан считал благоразумным уехать из Рима сразу после Нового года и не возвращаться, пока не увидит, сможет ли эта доблестная парочка перетянуть к себе сенат. До сих пор успеха они не добились, и интуиция, исключительно развитая у Октавиана, говорила, что у них ничего не выйдет. Рим принадлежит и будет принадлежать ему.

— Слух? — переспросил он.

— Что Агенобарба и Сосия их хозяин в Александрии объявил ни на что не способными. Антоний приказал Агенобарбу прочитать его предательское письмо в сенате, но тот не посмел.

— Это письмо у тебя?

— Нет. Агенобарб сжег его и вместо письма произнес речь. Когда Сосий принял фасции в феврале, он выступил с речью. Слабый оратор.

— Слабый? Я слышал — пламенный!

— Его речь не достигла цели — перетянуть сенат на свою сторону. С карнизов курии Гостилия свисали сосульки, а Сосий весь вспотел. На самом деле оба наших консула такие же упрямые и нервные, как мулы в конюшне, почуявшие дым.

— Упрямые и нервные?

— Да, если сравнивать их с мулами. Пытаешься вести их — они упираются. Упрямые. Но они не могут стоять неподвиж-

но. Нервные. Есть еще один слух о них. Они намерены отправиться в изгнание, забрав с собой сенат.

— И оставив меня без законного правительства. Это повторение действий Помпея Магна, после того как божественный Юлий перешел Рубикон. Не оригинально. — Октавиан пожал плечами. — Но на сей раз это не сработает. У меня будет кворум в сенате, и я смогу назначить консулов-суффектов. Как ты думаешь, сколько сенаторов уговорила наша парочка уехать с ними?

— Не более трехсот, но большинство преторов поедут — это год правления Антония.

— Значит, сотня стойких сторонников Антония могут воткнуть мне кинжалы в спину.

— Они все уехали бы, даже те, что придерживаются нейтралитета, если бы не Клеопатра. Это ее ты должен благодарить за то, что сохранил кворум. Пока она с Антонием, как скверный запах, сторонники Антония с обнаженными кинжалами всегда будут стоять за твоей спиной, Цезарь, потому что они не хотят общаться с Клеопатрой.

— А это правда, что Антоний ведет свои легионы и флот в Эфес?

— О да. Клеопатра настаивает. Она едет с ним.

— Это значит, что она наконец развязала мешки с деньгами. Как счастлив должен быть Антоний! — Октавиан опустил веки, обрамленные длинными ресницами. — Но как это глупо! Неужели он действительно замышляет гражданскую войну? Или это лишь уловка, чтобы заставить меня двинуть легионы восточнее Дрины?

— Если честно, я не думаю, что планы Антония имеют большое значение. Это Клеопатра жаждет войны.

— Она иностранка. Если бы я мог вычеркнуть Антония, это стало бы войной против иноземного врага, который хочет вторгнуться в Италию и ограбить Рим. Особенно если армия Антония движется из Эфеса на запад, к Греции и Македонии.

— Конечно, война с иноземцами намного лучше. Однако это римская армия идет к Эфесу, и римская армия, возможно, идет в Грецию. У Клеопатры нет своей армии, только флот,

да и то не очень большой. Шестьдесят огромных «пятерок» и шестьдесят «троек» и «двоек» из пятисот военных кораблей.

— Мне нужно знать, Меценат, что было в том письме! Выпытай у Агенобарба! Почему именно он стал консулом в этом году? Он умный. Глупый прочитал бы письмо в сенате, несмотря на его предательское содержание.

— Сосий тоже неглуп, Цезарь.

— Тогда их лучше держать подальше от Рима и Италии. В Эфесе от них будет меньше вреда.

— Ты хочешь сказать, что не будешь возражать против их отъезда?

— Конечно. Если они останутся, то усложнят мне жизнь. Только где я найду денег для войны? И кто простит еще одну гражданскую войну?

— Никто, — ответил Меценат.

— Именно. Все посчитают это борьбой за первенство между двумя римлянами. Мы знаем, что это борьба с царицей зверей. Но мы не можем доказать это! Все наши обвинения в адрес Антония звучат так, словно мы оправдываемся за начало гражданской войны. На кону моя репутация! Все повторяют мои слова, что я никогда не буду воевать с Антонием. А теперь я выгляжу лицемером.

Заговорил Агриппа. До этого момента он все сидел и слушал.

— Я знаю, что гражданскую войну не простят, Цезарь, и я сочувствую тебе. Но я надеюсь, ты понимаешь, что тебе придется подготовиться к войне. Если события будут развиваться с такой же скоростью, как на Востоке, война начнется в будущем году. Это значит, что ты не можешь распустить иллирийские легионы. Надо еще собрать флот.

— Но чем я буду платить легионам? И на что я буду строить галеры? Я потратил все казенные деньги, расселив сто тысяч ветеранов на хорошей земле! — крикнул Октавиан.

— Займи у плутократов. Ты же делал это раньше, — посоветовал Агриппа.

— И снова ввергнуть Рим в огромные долги? Почти половина денег Секста Помпея не попала в казну — деньги пошли

на уплату займов с процентами. Я не могу снова проделать такое, просто не могу. Это дает всадникам слишком много власти в государстве.

— Тогда обложи их налогом, — сказал Меценат.

— Я не смею! Все равно это будет ничто по сравнению с той суммой, которая мне нужна.

— Ты уже все подсчитал? — спросил Меценат.

— Конечно подсчитал. Антоний ведь говорит, что я скорее счетовод, чем военачальник. Чтобы набрать тридцать легионов и получить четыреста кораблей, я должен обложить налогом всех граждан Рима. Мне придется забрать у всех, от высших слоев до низших, четверть их годового дохода, — сказал Октавиан.

Агриппа ахнул:

— Двадцать пять процентов?

— Это и есть четверть.

— На улицах прольется кровь, — сказал Меценат.

— Обложи налогом и женщин, — предложил Агриппа. — У Аттики доход двести талантов в год. Когда рак окончательно покончит с Аттиком — а это уже скоро, — у нее будет пятьсот талантов. И я его главный наследник, поэтому его деньги в твоём распоряжении, ты можешь спокойно их использовать.

— Ну что ты, Агриппа! Разве ты не помнишь, что сделали женщины, когда триумвиры попытались обложить их налогом одиннадцать лет назад? Гортензия все еще жива, она возглавит еще одно восстание. Ты хочешь дать женщинам право голоса? Потому что тогда мы вынуждены будем сделать это.

— Невелика разница, будет нами править Клеопатра или наши же римлянки, — сказал Агриппа. — Ты прав, Цезарь. Править должны только мужчины.

Теперь, имея внушительное большинство в сенате, Октавиан назначил новыми консулами Луция Корнелия Цинну и Марка Валерия Мессалу, родственника Мессалы Корвина. Вместо того чтобы назначать новых преторов, он закрыл суды. Конечно, это не означало, что все оставшиеся семьсот сенаторов были его сторонниками. Но Октавиан вел себя так, словно

все они его поддерживают. Он объявил, что сам будет старшим консулом в следующем году, а младшим консулом будет Мессала Корвин. Если в следующем году будет война, Октавиану понадобится вся власть, какую он может получить.

— Демократия — пустое слово, пока Клеопатра и ее любовник Марк Антоний угрожают Риму, — сказал Октавиан в сенате. — Но я клянусь вам, почтенные отцы, что, как только исчезнет угроза с Востока, я верну все полномочия сенату и народу Рима. Ибо сначала Рим, потом люди, какими бы ни были их имена или политические взгляды. В данный момент правлю я, потому что кто-то должен это делать! Хотя мой триумвират уже закончился, прошло немало времени с тех пор, как правили сенат и народ, а я стою у руля государства последние одиннадцать лет.

Он перевел дыхание, оглядел ряды с обеих сторон курульного возвышения, на которое снова поставил свое кресло.

— Сегодня я хочу обратить ваше внимание вот на что. Я не виню Марка Антония за нынешнюю ситуацию. Я виню Клеопатру. Ее, и только ее одну! Это она упорно идет на Запад, а не Антоний, ее марионетка. Он пляшет под египетскую дудку! В чем повинен я или Рим, чтобы грозить нам на суше и на море? Рим и я выполнили свои обязательства, ни разу не ущемили интересов Антония на Востоке! Так почему он хочет двинуть войска на Запад? Ответ: это не он, это Клеопатра!

И так далее и тому подобное. Октавиан не сказал ничего нового. И, не сказав ничего нового, не смог перетянуть на свою сторону сотню тех, кто придерживался нейтралитета, и сотню оставшихся сторонников Антония. А когда он объявил, что обложит доход всех римлян двадцатипятипроцентным налогом, сенат взорвался, сенаторы вышли на улицу и, к радости всадников-предпринимателей, возглавили последующие мятежи. Не видя другого выхода, Октавиан внес в проскрипционные списки триста четыре члена сената Антония в Эфесе. Аукцион и продажа их италийского имущества дали достаточную сумму, чтобы заплатить иллирийским легионам.

Агриппа, ставший намного богаче после того, как Аттик покончил со своей болезнью, упав на меч, которого он никогда

в жизни не брал в руки, настоял на том, что оплатит двести кораблей.

— Но не неуклюжие большие «пятерки», — сказал он Октавиану. — Я собираюсь использовать либурнийские корабли. Они маленькие, маневренные, быстроходные и дешевые. Навлох показал, насколько они хороши.

Сам невысокого роста, Октавиан усомнился:

— Разве размер не имеет значения?

— Нет, — решительно ответил Агриппа.

В середине лета началось обратное движение с Востока. Несколько сенаторов вернулись в Рим с рассказами о «той женщине» и ее пагубном влиянии на Антония. И они принесли делу Октавиана больше пользы, чем его ораторское искусство. Но никто из этих возвращенцев не мог представить железного доказательства, что грядущая война — идея Клеопатры. Все они вынуждены были признать, что Антоний по-прежнему принимает решения в командирской палатке. И действительно, казалось, будто это Антоний хочет гражданской войны.

Затем пришла сенсационная новость: Антоний развелся со своей римской женой. Октавия немедленно послала за бра-том.

— Он развелся со мной, — сказала она, передавая Октавиану короткую записку. — Я должна выехать из его дома вместе с детьми.

Слез не было, но в глазах — боль умирающего животного. Октавиан протянул ей руку:

— О, моя дорогая!

— У меня было два самых счастливых года в жизни. Сейчас меня тревожит только одно: у меня недостаточно денег, чтобы поселиться где-нибудь с семьей, разве что всем уютиться в доме Марцелла.

— Ты переедешь в мой дом, — тут же сказал Октавиан. — Дом достаточно просторный, и в твоём распоряжении будет отдельное крыло. Кроме того, Тиберию и Друзу понравится, что теперь будет с кем играть. В тебе материнский инстинкт больше развит, чем у Ливии Друзиллы, ты будешь заботиться

о детях. Я думаю, что заберу Юлию у Скрибонии и тоже поселю с нами.

— О! Но... если Юлия, Тиберий и Друз перейдут под мою опеку, мне понадобится еще одна пара рук — Скрибонии.

Октавиан насторожился:

— Вряд ли Ливия Друзилла это одобрит.

Сама Октавия не сомневалась, что Ливия Друзилла пойдет на что угодно, чтобы ее не беспокоило целое племя ребятишек.

— Спроси у нее, Цезарь, пожалуйста!

Ливия Друзилла сразу поняла суть просьбы Октавии.

— Отличная идея! — воскликнула она, загадочно улыбаясь. — Октавия не может нести этот груз одна, а на меня бесполезно рассчитывать. Боюсь, во мне материнские чувства развиты слабо. — Она сделала вид, что не решается что-то сказать. — Но может быть, ты не хочешь видеть здесь Скрибонию?

— Я? — удивился Октавиан. — *Edepol!* Что она значит для меня? После Клодии она мне, конечно, нравилась. Потом она стала сварливой, не знаю почему. Возраст, наверное. Но мы видимся всякий раз, когда прихожу к Юлии, и сейчас у нас очень хорошие отношения.

Ливия Друзилла хихикнула:

— Дом Ливии Друзиллы, кажется, становится похожим на гарем! Совсем по-восточному. Клеопатра одобрит.

Бросившись к ней, он в шутку укусил ее за шею, потом забыл и Скрибонию, и Октавию, и детей, и гаремы.

Но повлилась и ложка дегтя. Гай Скрибоний Курион, которому уже исполнилось восемнадцать, заявил, что он не будет переезжать. Он поедет на Восток, к Марку Антонию.

— Курион, стоит ли тебе ехать? — в смятении спросила Октавия. — Это очень огорчит дядю Цезаря.

— Цезарь мне не дядя! — презрительно отреагировал юноша. — Я принадлежу к лагерю Антония.

— Если ты уедешь, как мне убедить Антиллу остаться?

— Легко. Он еще не достиг совершеннолетия.

— Проще сказать, чем сделать, — поделилась она с Гаем Фонтеем, который выразил желание помочь ей переехать.

— Когда Антиллу исполнится шестнадцать?

— Не скоро. Он родился в год смерти божественного Юлия.
 — Значит, ему едва исполнилось тринадцать.
 — Да. Но он такой дикий, импульсивный! Он убежит.
 — Мальчишку поймают. Совсем другое дело с Курионом-младшим. Он уже совершеннолетний и вправе собой распоряжаться.

— Как я скажу Цезарю?

— Тебе не надо ничего говорить. Я сам скажу, — пообещал Фонтей, готовый на все, лишь бы избавить Октавию от боли.

Развод сделал ее свободной — теоретически, но Фонтей был слишком мудр, чтобы заговорить с ней о своей любви. Пока он будет молчать, он может рассчитывать на ее дружбу. Как только он признается в своих чувствах, она прогонит его. Поэтому лучше подождать, когда она оправится от этого удара. Если оправится.

Дезертирство Сатурнина, Аррунция и Атрагина среди прочих не нанесло большого урона группе сторонников Антония, но покинувшие его Планк и Тиций оставили заметную брешь.

— Это точная копия военного лагеря Помпея Магна, — сказал Планк Октавиану, приехав в Рим. — Я не был с Магном, но говорят, что тогда каждый имел свое мнение и Магну не удавалось их контролировать. Поэтому в событиях при Фарсале он оказался бессилён и не смог применить свою любимую тактику Фабия. Командовал Лабием и проиграл. Никто не мог побить божественного Юлия, хотя Лабием думал, что может. О, эти ссоры и перебранки! Все это ерунда по сравнению с тем, что происходит в военном лагере Антония, поверь мне, Цезарь. Эта женщина требует права голоса, излагает свое мнение с таким видом, словно оно важнее, чем мнение Антония, и совсем не думает о том, что выставляет его на посмешище перед легатами, сенаторами, даже перед центурионами. И все это он терпит! Виляет перед ней хвостом, бегаёт за ней, а она возлежит на его ложе, на *locus consularis*, как тебе это нравится? Агенобарб так ненавидит ее! Они ссорятся, как две дикие кошки! Брызжут слюной, огрызаются. И Антоний не ставит ее на место. Однажды за обедом ее ногу свело судорогой. Ты не

поверишь: Антоний встал перед ней на колени и начал растирать ей ногу! Слышно было, как муха пролетела, такая стояла тишина в столовой. Потом он снова занял свое место, словно ничего не случилось! Этот эпизод и заставил нас с Тицием уехать.

— До меня доходят такие странные слухи, Планк, и их так много, что я не знаю, чему верить, — сказал Октавиан, думая при этом, во сколько ему обойдутся эти сведения.

— Верь худшим из них, и ты не ошибешься.

— Тогда как мне убедить этих ослов здесь, в Риме, что это война Клеопатры, а не Антония?

— Ты хочешь сказать, они все еще думают, что командует Антоний?

— Да. Они просто не могут переварить идею, что иностранка способна влиять на великого Марка Антония.

— Я тоже не мог, пока не увидел сам, — хихикнул Планк. — Наверное, тебе нужно организовать для неверящих поездку на Самос — сейчас Антоний и Клеопатра как раз там на пути в Афины. Увидят — не забудут.

— Планк, легкомыслие тебе не идет.

— Тогда серьезно, Цезарь. Я мог бы сообщить тебе полезную информацию, но это будет кое-чего стоить.

Дорогой прямолинейный Планк! Идет прямо к цели, не ходит вокруг да около.

— Назови свою цену.

— Должность консула-суффекта на будущий год для моего племянника Тиция.

— Он не очень популярен в Риме с тех пор, как казнил Секста.

— Он сделал это по приказу Антония.

— Я, конечно, могу обеспечить должность, но не сумею защитить его от клеветников.

— Он наймет охрану. Мы договорились?

— Да. А теперь что ты можешь предложить мне взамен?

— Когда Антоний был в Антиохии, на последней стадии выхода из запоя, он составил завещание. Остается ли оно его последней волей, я не знаю, но Тиций и я были свидетелями.

Думаю, он взял его с собой в Александрию, когда поехал туда. Во всяком случае, Сосий отправил его в Рим.

Октавиан помрачнел:

— Какое значение имеет его завещание?

— Большое, — просто сказал Планк.

— Расплывчатый ответ. Уточни.

— Он был в хорошем настроении, когда мы засвидетельствовали завещание, и произнес несколько фраз, которые заставили Тиция и меня думать, что это очень подозрительный документ. Фактически предательский, если последняя воля, которую нельзя обнародовать до смерти завещателя, может таковой считаться. Антоний, конечно, не думал, что существует такое понятие, как «посмертная измена», отсюда его неосторожные замечания.

— Давай поконкретнее, Планк, пожалуйста!

— Я не могу. Антоний был слишком скрытен. Но Тиций и я думаем, что тебе полезно взглянуть на это завещание.

— Но как? Последняя воля человека священна.

— Это твоя проблема, Цезарь.

— Разве ты ничего не можешь сказать мне о его содержании? Что именно говорил Антоний?

Планк поднялся и стал сосредоточенно поправлять складки тоги.

— Мы определенно должны придумать одежду, в которой было бы удобнее сидеть... О том, как он любит Александрию и ту женщину... Да, тоги неудобны... О том, что ее сын должен иметь свои права... О проклятье! Тут пятно!

И он ушел, продолжая поправлять тогу.

Значит, ничего особенного. Однако Планк, вероятно, думает, что завещание Антония будет полезно Октавиану. Поскольку возможность стать консулом-суффектом Тицию не представится еще несколько месяцев, Планк, конечно, понимает, что, если наживка, которой он помахал перед носом Октавиана, окажется фальшивой, Тиций никогда не сядет на курьельном возвышении. Но как получить доступ к завещанию Антония? Как?

— Я помню, что божественный Юлий говорил мне о хранилище завещаний у весталок, в котором находятся около двух

миллионов документов, — сказал Октавиан Ливии Друзилле, единственной, с кем он мог поделиться такой новостью. — Свитки сложены на верхнем этаже, на нижнем и даже занимают часть подвала. У весталок разработана целая система. Завещания из провинций и других государств в одном месте, завещания италийцев — в другом, завещания римлян где-то еще. Но божественный Юлий не вдавался в подробности, а в то время я не знал, как это будет важно, поэтому не расспрашивал. Глупо, глупо!

Он стукнул кулаком по колену.

— Не волнуйся, Цезарь, ты получишь то, что хочешь. — Взгляд больших синих глаз стал задумчивым. Она тихо засмеялась. — Ты можешь сделать что-то очень хорошее для Октавии, а поскольку я ревнивая жена, то же самое ты должен сделать и для меня.

— Ты — и ревнуешь к Октавии? — недоверчиво спросил он.

— Но люди, не входящие в круг наших близких друзей, не знают, в каких мы с Октавией отношениях, так? Весь Рим возмущается этим разводом. Глупец, он не должен был выселять ее и детей! Это повредило ему больше, чем все твои слухи о влиянии на него Клеопатры. — На красивом лице появилось мечтательное выражение. — Было бы замечательно, если бы твои агенты могли рассказать народу Рима и Италии, как сильно ты любишь свою сестру и свою жену, с каким вниманием ты относишься к ним. Я уверена, что, если бы ты позволил Лепиду жить в Государственном доме, Лепид был бы так благодарен, что в знак признательности оказал бы честь Октавии и мне.

Октавиан смотрел на нее, пораженный. Так смотрел он на нее каждый раз, когда она оказывалась хитрее, чем он.

— Хотел бы я знать, куда ты клонишь, моя дорогая.

— Подумай о сотнях статуй Октавии, которые ты поставил по всему Риму и Италии, и о моих статуях. Может, было бы неплохо добавить к их надписям одну строчку? Что-нибудь очень почетное.

— Я все еще не понимаю.

— Убеди Лепида, великого понтифика, наградить Октавию и меня статусом весталок навечно.

— Но вы же не весталки! Кстати, и не девственницы.

— Почетные, Цезарь, почетные! Раструби об этом на рыночных площадях от Медиолана и Аквилеи до Регия и Тарента! Твоя сестра и твоя жена — женщины, примерные до такой степени, что их целомудрие и поведение в браке приравняют их к весталкам.

— Продолжай! — взволнованно попросил он.

— Статус весталки позволит нам приходить в Государственный дом на половину весталок, когда мы захотим. Нет нужды вовлекать в это Октавию, если и я буду иметь такую привилегию. Я сама смогу узнать для тебя, где хранится завещание Антония. Аппулея ничего не заподозрит — с чего бы? Ее мать — твоя сводная сестра, она часто обедает у нас. Я очень нравлюсь ей. Я не смогу украсть для тебя завещание, но, если найду, где оно, ты сумеешь быстро получить его.

Октавиан стиснул ее в объятиях с такой силой, что у нее перехватило дыхание и чуть не треснули ребра. Ничто не радовало Ливию Друзиллу так, как возможность дать ему совет в тех случаях, когда сам Цезарь оказывался в тупике.

— Ливия Друзилла, ты умница! — воскликнул он, отпуская ее.

— Я знаю, — сказала она, слегка оттолкнув его. — А теперь начинай действовать, любовь моя! На это дело уйдет немало дней, а мы не можем позволить себе ждать слишком долго.

Страдания, которые Лепид испытывал от потери статуса триумвира, были несравнимы с душевной болью, причиненной ему изгнанием из Рима, поэтому, когда его посетил Октавиан и сказал, что он должен сделать, чтобы иметь возможность вернуться в Государственный дом, Лепид не раздумывая согласился возвести Октавию и Ливию Друзиллу в ранг весталок. И это не просто почетное звание. Отныне они могут свободно ходить везде без сопровождения, поскольку ни один мужчина, даже самый отъявленный грабитель, не посмеет дотронуться до них, иначе он будет проклят как нечестивец, лишен гражданства, высечен и обезглавлен, а все его имущество, вплоть до самого дешевого глиняного кубка, будет конфисковано. Его жена и дети умрут с голоду.

Весь Рим и Италия радовались. Тот факт, что радовались они больше за Октавию, чем за Ливию Друзиллу, ничуть не задел жену Октавиана. Она напросилась на обед к весталкам, чтобы познакомиться со своими подругами-жрицами.

Старшая весталка Аппулея была родственницей Октавиана и хорошо знала Ливию Друзиллу еще с того времени, когда, молодая и беременная, она жила у весталок до брака с Октавианом.

— Это знак, — сказала ей Аппулея, когда семь весталок заняли свои места вокруг стола. — Теперь я могу признаться, что очень беспокоилась. Какое это было облегчение, когда стало ясно, что твое пребывание здесь не вызвало никаких несчастий! Это было предзнаменование, я уверена.

Аппулея не была особенно умна, но огромное почтение, которое оказывалось старшей весталке, помогло ей должным образом выполнять свою роль. Она была одета в белое платье с длинными рукавами и тунику с прорезями по бокам. На шее — амулет-булла на цепочке, волосы спрятаны под головным убором из семи скрученных шерстяных валиков, расположенных друг над другом. И все это покрывала вуаль, такая тонкая, что казалась воздушной. Аппулея железной рукой управляла своим маленьким стадом, зная, что целомудрие весталок олицетворяет удачу Рима. Время от времени какой-нибудь мужчина (например, Публий Клодий) ставил под сомнение целомудрие какой-нибудь весталки, и она была вынуждена предстать перед судом. Но при Аппулее такого случиться не могло.

Все весталки сидели вокруг стола, который буквально ломился от вкусных кушаний, вокруг графина искристого белого вина из Альбы Фуценции. Две самые маленькие весталки пили воду из источника Ютурны, а другие три, одетые как Аппулея, могли при желании выпить вина. Ливия Друзилла не стала одеваться, как весталки, но тем не менее выбрала белое платье.

— Мой муж рассказывал мне кое-что о том, сколько завещаний вы храните, — сказала Ливия Друзилла, когда дети ушли. — Не могли вы как-нибудь провести для меня экскурсию?

Аппулея засияла:

— Конечно! В любое время.

— А-а... сейчас?

— Если хочешь.

Итак, Ливия Друзилла повторила путь божественного Юлия, который он проделал, когда стал великим понтификом. Ей показали множество полок с пергаменами, где регистрировались поступающие завещания, провели наверх в хранилище, потом вниз, в подвал. Это было удивительно, особенно для такой женщины, как Ливия Друзилла, педантичной, любящей порядок во всем.

— А для сенаторов у вас отведено особое место? — спросила она после того, как обошла все и вдоволь наудивлялась.

— О да. Они здесь, на этом этаже.

— А завещания консулов вы храните отдельно от сенаторских?

— Конечно.

Ливия Друзилла напустила на себя заговорщический вид.

— Я бы никогда не посмела просить тебя показать завещание моего мужа, — сказала она, — но я очень хотела бы посмотреть какое-нибудь завещание человека того же статуса. Где, например, завещание Марка Антония?

— О, оно в особом месте, — сразу ответила Аппулея, ничего не заподозрив. — Хоть он консул и триумвир, он не принадлежит Риму. Поэтому его завещание хранится здесь, но отдельно от других.

Она подвела Ливию Друзиллу к стойке с множеством полочек, стоящей за экраном, отделяющим хранилище от территории весталок, и без колебания взяла с полки один-единственный лежащий там большой свиток.

— Вот, — сказала она, передавая документ Ливии Друзилле.

Жена Октавиана взвесила его в руке, повернула, посмотрела на красную печать: «Геркулес, ИМП. М. АНТ. ТРИ.». Да, это завещание Антония. Она сразу же со смехом отдала его обратно.

— Наверное, у него много распоряжений, — сказала она.

— Все великие люди так делают. Самое короткое завещание было у божественного Юлия — такое благоразумие, такая четкость!

— Значит, ты можешь прочитать их?

Аппулея пришла в ужас:

— Нет-нет! Мы узнаём содержание документа, когда завещатель умирает и к нам приходит душеприказчик. Он должен открыть завещание в нашем присутствии, потому что в конце каждого пункта мы ставим свою отметку.

— Отлично! — сказала Ливия Друзилла. Она чмокнула Аппулею в щеку, сжала ее руку. — Я должна идти, но еще один, последний, самый важный вопрос. Хоть одно завещание было вскрыто когда-нибудь до смерти завещателя, моя милая?

Снова ужас в глазах.

— Нет, ни разу! Это значило бы нарушить клятву, а этого мы никогда не сделаем.

Вернувшись домой, Ливия Друзилла нашла мужа в кабинете. Один взгляд на ее лицо — и он выслал вон писцов и секретарей.

— Ну? — спросил он.

— Я держала в руках завещание Антония, — ответила она, — и могу сказать тебе точно, где оно хранится.

— Значит, кое-что нам уже удалось. Как ты думаешь, Аппулея даст мне прочесть его?

— Нет, даже если ты обвинишь ее в потере целомудрия и бросишь ее в подземелье. Боюсь, ты должен будешь силой вырвать свиток у нее — и у других.

— *Sacat!*

— Я советую тебе явиться в атрий весталок с твоими германцами в середине ночи, Цезарь, и заблокировать всю площадь с внешней стороны. Времени терять нельзя, поскольку мне сказали, что Лепид скоро переедет в Государственный дом на половину великого понтифика. Наверняка будет шум, а ты ведь не хочешь, чтобы Лепид выбежал из своей половины посмотреть, что происходит. Завтра ночью, не позже.

Октавиан долго стучал в дверь, прежде чем в приоткрытой щели показалось испуганное лицо экономки. Два германца оттолкнули женщину и проводили своего хозяина до места,

освещающая дорогу факелами. Остальные германцы следовали за ними.

— Хорошо! — сказал Октавиан Арминию. — Если повезет, я получу его, прежде чем появятся весталки. Им еще надо одеться.

Ему почти удалось.

— Что это ты делаешь? — строго спросила Аппулея, появившись в дверях, ведущих в личные апартаменты весталок.

Сжав завещание Антония в руке, Октавиан заявил:

— Я конфискую предательский документ!

— Предательский? Как бы не так! — крикнула старшая весталка, загораживая ему выход. — Отдай, Цезарь Октавиан!

Вместо ответа он передал документ через ее голову Арминию, такому высокому, что, когда тот поднял вверх руку с завещанием, Аппулея не смогла дотянуться до него.

— Ты будешь проклят! — с ужасом произнесла она, когда появились еще три весталки.

— Ерунда! Я — консуляр, выполняющий свой долг.

Аппулея дико закричала:

— Помогите, помогите, помогите!

— Уйми ее, Корнелий, — велел Октавиан другому германцу.

Точно так же он усмирил и остальных трех весталок, после чего оглядел четырех женщин в мерцающем свете факелов. Глаза его блеснули холодно, как у пантеры.

— Я изымаю это завещание из вашего хранилища, — сказал Октавиан. — И вы никак не сможете помешать мне. Для вашей же безопасности я советую вам молчать о том, что здесь произошло. Если вы скажете кому-нибудь, я не отвечаю за своих германцев, которые не имеют ни малейшего почтения к весталкам и любят лишать девушек девственности, кем бы они ни были. Ведите себя тихо, дамы. Я говорю серьезно.

И он ушел, оставив удачу Рима всю в слезах.

В первый же удобный день он созвал сенат и пришел туда в очень хорошем настроении. Луций Геллий Попликола, который решил остаться в Риме, чтобы досаждать Октавиану, почувствовал, как у него встали дыбом волосы на затылке и на

руках, а по спине потек холодный пот. Что еще приготовил этот маленький червяк? И почему у Планка и Тиция такой вид, словно они сейчас лопнут от веселья?

— В течение двух лет я говорил членам римского сената о Марке Антонии и его зависимости от царицы зверей, — начал Октавиан, стоя перед своим курульным креслом с толстым свитком в правой руке. — Но какие бы аргументы я ни приводил, мне не удавалось убедить многих из вас, присутствующих здесь, что я говорил правду. Вы все время требуете доказательств. Очень хорошо, у меня есть доказательства! — Он поднял вверх свиток. — У меня в руке последняя воля Марка Антония, и в ней все доказательства, какие только могут потребоваться самым преданным сторонникам Антония.

— Последняя воля? — вскочив, спросил Попликола.

— Да, его завещание.

— Завещание человека священо, Октавиан! Никто не может вскрыть его, пока автор жив!

— Если оно не содержит предательских намерений.

— Даже в таком случае! Разве можно объявить человека предателем посмертно?

— Да, Луций Геллий. Определенно.

— Это незаконно! Я запрещаю тебе продолжать!

— Как ты можешь остановить меня? Если ты будешь вмешиваться, я велю своим ликторам вышвырнуть тебя. А теперь сядь и слушай!

Попликола огляделся, увидел лица, на которых было написано крайнее любопытство, и признал свое поражение. На данный момент. Пусть это молодое чудовище сделает худшее, но потом... И он сел, зло глядя на всех.

Октавиан развернул завещание, но не стал читать. Он знал его наизусть.

— Я слышал, что большинство из вас называют Марка Антония идеалом римлянина. Он заботится о процветании Рима, он храбр, смел, в высшей степени подходящая кандидатура для распространения римского правления на весь Восток. Вот почему он просил — и получил! — Восток после Филипп. Это было десять лет назад. В течение этих десяти лет Рим по-

чти не видел его, так тщательно и ревностно исполнял он свои обязанности. Во всяком случае, так считают некоторые из вас, например Луций Геллий Попликола. Но с какими бы благими намерениями он ни поехал на Восток, такой настрой продолжался недолго. Почему? Что случилось? Я могу ответить одним словом: Клеопатра. Клеопатра, царица зверей. Могущественная колдунья, поклоняющаяся темным силам, познавшая науку любви и ядов. Разве вы забыли царя Митридата Великого, который ежедневно травил себя сотней ядов и принимал сотню противоядий? Когда он попытался убить себя ядом, яд не подействовал. Одному из охранников пришлось заколоть его мечом. Я еще напомню вам, что царь Митридат был дедом Клеопатры. В ее жилах течет кровь врага Рима. Они с Антонием впервые встретились в Тарсе, где она очаровала его, но еще недостаточно. Хотя она родила ему близнецов, Антоний не был в ее власти до зимы этого года, когда он готовился к походу в Парфянское царство. Он вызвал ее в Антиохию, и она явилась. И ошивалась в его лагере, словно дешевая восточная потаскуха. Да она потащилась за Антонием и его гигантским войском к истокам Евфрата! Тут Антоний пришел в себя и велел ей отправиться домой — это был его последний самостоятельный поступок! Почему наш бравый Антоний спасовал перед ней? — Октавиан пожал плечами. — Вопрос, на который у меня нет ответа.

Попликола внезапно замер, скрестив на груди руки. Планк на передней скамье и Тиций на среднем ярусе все время ерзали от нетерпения. Октавиан заметил это. Он снова заговорил в полной тишине:

— Нет нужды останавливаться на катастрофической кампании, которую он развязал против Парфянской Мидии, ибо период после его ужасного отступления представляет для нас больший интерес, чем потеря трети римской армии. Антоний сделал то, что он делает лучше всего, — стал пить до потери памяти. Обезумевший и беспомощный, он обратился за помощью к Клеопатре. Не к Риму, а к Клеопатре. Она приехала в Левку Кому и привезла с собой подарки, поражающие воображение: деньги, провиант, оружие, лекарства, тысячи слуг и десятки

врачей. Из Левки Комы эта пара поехала в Антиохию, где Антоний наконец составил завещание. Одна копия находится здесь, в Риме, другая — в Александрии, где Антоний провел последнюю зиму. Но к этому времени он был уже полностью под влиянием Клеопатры, одурманенный, лишенный воли. Ему не нужно было больше пить вина, ему предлагалось кое-что гораздо более соблазнительное, — от зелий Клеопатры до ее льстивых речей. Каков результат? Весной этого года он двинул всю армию и флот в Эфес. Эфес! Это на тысячу миль западнее того места, где они действительно должны были находиться на линии от Малой Армении до юга Сирии, чтобы преградить путь парфянам. Почему тогда он повел армию и флот в Эфес? И почему потом двинулся в Грецию? Разве Рим представляет для него угрозу? Или Италия? Разве армия и флот западнее реки Дрина как-то его провоцировали? Нет. Мне даже не нужно вам об этом говорить — вы это и сами знаете.

Он посмотрел на задние ряды, где молча сидели заднескамеечники. Затем медленно спустился с курульного возвышения и вышел на середину.

— Я ни на секунду не поверю, что Марк Антоний по собственной воле стал бы угрожать отечеству. Ни один римлянин не сделал бы этого, кроме тех, кто был незаконно изгнан и искал способа вернуться, — Гай Марий, Луций Корнелий Сулла, божественный Юлий. Но разве Марк Антоний был объявлен *hostis*? Нет, не был! До сегодняшнего дня его статус остается прежним — римлянин, гражданин Рима, последний из многих поколений Антониев, служивших своей стране. Не всегда мудро, но всегда с патриотическим рвением. Так что же случилось с Марком Антонием?

Этот вопрос Октавиан задал звенящим голосом, хотя ему не требовалось будить сенаторов. Дремоты не было и в помине, все внимательно слушали.

— Опять ответ из одного слова: Клеопатра. Он — ее игрушка, ее марионетка. Да, все вы можете продолжить этот список, я знаю! Сегодня я предоставлю вам доказательства того, что то, о чем я говорю, лишь малая доля предательств Антония, совершенных по настоянию Клеопатры. Иностранки, жен-

щины, которая молится зверям! И могущественной колдуньи, способной опутать чарами могучего римлянина из римлян.

Вы знаете, что у этой женщины, иностранки, есть старший сын, отцом которого она объявила божественного Юлия. Сейчас юноше пятнадцать лет, он сидит рядом с ней на египетском троне как Птолемей Пятнадцатый Цезарь. Как вам это нравится! Для римлянина он — бастард, не римский гражданин. Ибо тем из вас, кто верит, что он — сын божественного Юлия, я могу доказать, что он сын раба, которого Клеопатра взяла для своих утех. Она сладострастна, и у нее всегда было много любовников. Она использует их сначала как сексуальных партнеров, а потом — как жертв ее ядов. Да, она оттачивает на них свое искусство, пока они не умирают! Как умер тот раб, отец ее старшего сына. Вы спрашиваете, какое это имеет значение? А вот какое: она обольстила бедного Антония до такой степени, что он объявил бастарда царем царей, а теперь она идет войной на Рим, чтобы посадить его на Капитолии. Здесь есть люди, почтенные отцы, кто может подтвердить под присягой, что ее любимая угроза такова: ее враги будут страдать, когда она поставит свой трон на Капитолии и будет вершить суд от имени своего сына! Да, она хочет использовать армию Антония, чтобы завоевать Рим и превратить его в царство Птолемея Пятнадцатого Цезаря!

Он прочистил горло.

— Но суждено ли Риму и впредь быть величайшим городом мира, центром закона, справедливости, коммерции и цивилизованного общества? Нет, не суждено! Столицей мира должна стать Александрия! Рим должен превратиться в ничто.

Свиток внезапно развернулся, свисая с высоко поднятой руки Октавиана до черно-белых плит пола. Несколько сенаторов вскочили, отреагировав на внезапный шум, но Октавиан не обратил на них внимания и продолжил:

— Доказательство — в этом документе. Это последняя воля, завещание Антония! Он оставляет все, что имеет, включая свое римское и италийское имущество, вложения и деньги, царице Клеопатре. Клянется, что любит ее, любит, любит! Она его единственная жена, центр его существования! Он подтвержд-

дает, что Птолемей Пятнадцатый Цезарь — законный сын божественного Юлия и наследник всего, что божественный Юлий оставил мне, его римскому сыну! Он требует, чтобы его знаменитый «раздел мира» получил законную силу, а это делает Птолемея Пятнадцатого Цезаря царем царей! В Риме, в котором царя нет!

Вокруг стали шептаться. Вскрыто завещание, и его может прочитать любой, кто хочет удостовериться, что Октавиан говорит правду.

— Что, отцы, внесенные в списки, вы оскорблены? Вы должны быть оскорблены. Но это еще не самое худшее, что содержится в завещании. Самое худшее — его распоряжение о собственных похоронах. Он распорядился так: где бы смерть его ни настигла, его тело надо отдать египетским жрецам, которые забальзамируют его. Поэтому эти жрецы повсюду ездят с ним, чтобы в случае кончины сделать из него мумию по египетским обычаям. Затем он говорит, что его нужно похоронить в его любимой Александрии! Рядом с его любимой женой Клеопатрой!

Поднялся шум, сенаторы вскочили со своих мест, потрясая кулаками и издавая вопли.

Попликола ждал, когда шум затихнет.

— Я не верю ни одному его слову! — крикнул он. — Завещание — подделка! Как еще ты мог получить его?

— Я выкрал его из хранилища весталок, хотя они проявили большую бдительность, — спокойно ответил Октавиан. Он бросил завещание Попликоле, который схватил его и попытался снова свернуть. — Обрати внимание на конец. Проверь печать.

С трясущимися руками Попликола проверил печать, нетронутую, потому что Октавиан осторожно вырезал ее. Потом стал читать пункт о похоронах Антония и о бальзамировании его тела. Хватая ртом воздух, дрожа, он отбросил эту полоску бумаги.

— Я должен поехать к нему и попытаться вразумить его, — сказал он, неуклюже поднимаясь на дрожащих ногах. Затем, не стесняясь слез, повернулся к рядам и поднял вверх руки. — Кто поедет со мной?

Немногие. Те, кто ушел с Попликолой, покинули сенат под свист и оскорбления. Сенаторы наконец убедились, что Марк Антоний больше не римлянин, что он околдован Клеопатрой и ради нее готов идти войной на свою страну.

— Какой триумф! — сказал Октавиан Ливии Друзилле, когда возвратился домой, сидя на плечах Агриппы и Корнелия Галла в роли двух лошадок.

Но у дверей он отпустил и их, и Мецената со Статилием Тавром, пригласив всех отобедать с ним завтра. Такую победу надо разделить сначала с женой, чей дьявольский план так упростил его задачу. Ибо он знал, что Аппулея и ее подружки ни за что не показали бы ему, где лежит завещание, а он не отважился бы обыскать хранилище. Он должен был точно знать, где находится свиток.

— Цезарь, я никогда не сомневалась в результате, — сказала она, прижимаясь к нему. — Ты всегда будешь держать Рим под контролем.

Он что-то проворчал, погрузился.

— Это все еще сомнительно, *teum mel*. Новость о предательстве Антония упростит сбор налогов, но мера останется непопулярной, если я не смогу убедить всю страну, что альтернатива — это власть Египта и жизнь по египетским законам. Что не будет бесплатного зерна, не будет цирка, не будет коммерции, римскому самоуправлению придет конец, и это почувствуют все слои общества. Они еще не поняли, и я боюсь, что не сумею им втолковать, прежде чем опустится египетский топор в умелых руках Антония. Их надо заставить понять, что это не гражданская война! Это война с другим государством под римской маской.

— Цезарь, пусть твои агенты неустанно повторяют это. Расскажи им о поведении Антония как можно проще. Если ты хочешь, чтобы люди поняли, им надо объяснить доступно, — посоветовала Ливия Друзилла. — Но ведь не только это тебя тревожит?

— Да. Я больше не триумвир, и, если в первые дни войны удача от меня отвернется, какой-нибудь честолюбивый волк на передних скамьях легко свалит меня. Ливия Друзилла, моя

власть еще так непрочно! Что, если Поллион снова появится, приведя за собой Публия Вентидия?

— Цезарь, Цезарь, не будь таким мрачным! Ты должен продемонстрировать всему народу, что эта война не гражданская. Есть какой-нибудь способ показать это?

— Один есть, но этого недостаточно. Когда Республика была еще очень молода, к иностранному агрессору для заключения соглашения посылали фециалов. Во главе их был *pater patratus*, которого сопровождал вербенарий — фециал с веточками вербены. Этот человек нес травы и землю, собранные на Капитолии. Травы и земля обеспечивали фециалам магическую защиту. Но потом это стало слишком затруднительно, и вместо этого начали проводить торжественную церемонию в храме Беллоны. Я хочу возобновить этот ритуал при большом стечении народа. Это начало, но ни в коем случае не конец.

— Откуда ты все это знаешь? — поинтересовалась Ливия Друзилла.

— Божественный Юлий рассказывал мне. Он очень хорошо знал древние религиозные обряды. У них была целая группа, интересующаяся этим предметом: божественный Юлий, Цицерон, Нигидий Фигул и Аппий Клавдий Пульхр, кажется. Божественный Юлий сказал мне, смеясь, что он всегда хотел провести эту церемонию, но у него вечно не хватало времени.

— Значит, вместо него это должен проделать ты.

— Я это сделаю.

— Хорошо! Что еще? — спросила Ливия Друзилла.

— Мне не приходит на ум ничего, кроме обычной пропаганды. Но это не укрепит мое положение.

Она вперила в пространство взгляд широко открытых глаз, потом вздохнула:

— Цезарь, я — внучка Марка Ливия Друза, плебейского трибуна, который почти предотвратил Италийскую войну, предложив закон о предоставлении римского гражданства всем италийцам. Только его убийство помешало ему завершить задуманное. Я помню, как мне показали нож — небольшой, странной формы, которым режут кожу. Друз умер не сразу. Несколько дней длилась агония, он кричал.

Октавиан внимательно смотрел на нее, не зная, куда она клонит, но чувствуя нутром, что ее слова будут иметь огромное значение. Иногда у его Ливии Друзиллы открывался дар ясновидения. Во всяком случае, некие пугающие сверхъестественные способности.

— Продолжай, — попросил он.

— Друз мог бы остаться в живых, если бы не сделал одного экстраординарного шага, который поднял его статус так высоко, что только убийство могло сбросить его с тех вершин. Он тайно потребовал от всех италийских неграждан дать ему священную клятву личной преданности. Если бы его закон прошел, вся Италия была бы его клиентом и он приобрел бы такую власть, что мог бы при желании править как вечный диктатор. А хотел ли он этого, уже никто не узнает. — Она втянула щеки и стала похожа на умирающую. — Интересно, сможешь ли ты попросить народ Рима и Италии дать клятву личной преданности тебе?

Он замер, потом его охватила дрожь. На лбу выступил пот, застлал глаза, едкий, как кислота.

— Ливия Друзилла! Что навело тебя на эту мысль?

— Поскольку я — его внучка, я умею думать, пусть даже мой отец был приемным сыном Друза. Это просто одна из семейных историй. Друз был храбрейшим из храбрых.

— Поллион... Саллюстий... кто-нибудь обязательно сохранил текст клятвы в хрониках тех времен.

Она улыбнулась:

— Нет нужды открывать карты. Я могу повторить эту клятву наизусть.

— Не надо! Еще рано! Напиши ее для меня, потом помоги мне выправить ее для моих целей. Как только представится возможность, я организую церемонию фециалов, и мои агенты начнут действовать. Я буду неустанно говорить о царице зверей, заставлю Мecenата выдумать пороки для нее, составить список любовников и отвратительных преступлений. Когда она будет идти в моем триумфальном шествии, никто не должен жалеть ее. Она такая тонкая штучка, что всякий, кто увидит ее, может проникнуться состраданием, если не будет

знать, что она — смесь гарпии, фурии, сирены и горгоны, настоящее чудовище. Я посажу Антония задом наперед на осла и прилажу ему на голову рога. Я не дам ему шанса выглядеть достойно — или римлянином.

— Ты отклоняешься от темы, — тихо напомнила Ливия Друзилла.

— Да-да. В следующем году я буду старшим консулом, так что к концу декабря я развешу объявления в каждом городе, большом или малом, в каждой деревне от Альп до «каблука» и «носка» италийского «сапога». Они будут содержать клятву и просьбу принести эту клятву, если кто-то захочет. Никакого принуждения, никаких наград. Это должно быть сделано добровольно, с чистыми намерениями. Если люди хотят освободиться от египетской угрозы, тогда они должны поклясться быть со мной, пока я не добьюсь своей цели. И если поклянется достаточно много народу, никто не посмеет сбросить меня, лишит полномочий. Если такие люди, как Поллион, не захотят дать клятву, я не стану их наказывать, ни сейчас, ни в будущем.

— Ты всегда должен быть выше возмездия, Цезарь.

— Я это знаю. — Он засмеялся. — Сразу после Филипп я много думал о Сулле и о моем божественном отце, пытаюсь понять, где они допустили ошибку. И я понял, что они любили жить напоказ, экстравагантно и железной рукой управлять сенатом и собраниями. А я решил жить тихо, не напоказ, и править Римом как добрый старый папочка.

Беллона была исконно-римской богиней войны еще в те времена, когда римские боги были лишь безличными и беспольными силами. Ее другое имя — Нерио, существо еще более таинственное, связанное с Марсом, вошедшим в римский пантеон гораздо позднее. Когда Аппий Клавдий Цек построил храм, чтобы Беллона поддержала его в войнах с этрусками и самнитами, он поставил в храме ее статую. И храм, и статуя хорошо сохранились. Яркие цвета регулярно подновлялись. Поскольку военные вопросы не обсуждались в пределах померия, территория Беллоны располагалась на Марсовом поле, за священ-

ными границами. И территория эта была большая. Как все римские храмы, этот стоял на высоком подиуме. Чтобы попасть внутрь, надо было подняться на двадцать ступеней, по десять в каждом пролете. На широкой площадке между пролетами, точно в середине, стояла квадратная колонна из красного мрамора высотой четыре фута. У подножия лестницы была мощеная площадка в один югер, где находились статуи великих римских военачальников: Фабия Максима Кунктатора, Аппия Клавдия Цека, Сципиона Африканского, Эмилия Павла, Сципиона Эмилиана, Гая Мария, божественного Юлия Цезаря и многих других, и каждая статуя была расписана так искусно, что все они казались живыми.

Когда коллегия фециалов, двадцать человек, появилась на ступенях храма богини Беллоны, они предстали перед толпой сенаторов, всадников, людей третьего, четвертого, пятого классов и неимущих. Сенат должен был присутствовать в полном составе, но остальные были тщательно отобраны Меценатом, чтобы известия об этом событии распространились во всех слоях общества. И потому обитателей Субуры и Эсквилина среди зрителей было не меньше, чем жителей Палатина и Карин.

Присутствовали и другие коллеги жрецов, а также все ликторы, находившиеся на службе в Риме, это было красочное скопление тог с красными и пурпурными полосами, круглых накидок и остроконечных шлемов из слоновой кости, понтифики и авгурь прикрывали головы складками тоги.

На бритоголовых фециалах были блекло-красные тоги, надетые на голое тело, согласно старинному обычаю. Вербенарий держал травы и землю, собранные на Капитолии, он стоял ближе всех к *pater patratus*, чья роль была ограничена финалом церемонии. Большая часть длинной церемонии проходила на языке столь древнем, что никто ничего не понимал, как и фециал, который без запинки произносил эту тарабарщину. Никто не хотел ошибиться, поскольку даже из-за малейшей ошибки все пришлось бы начинать сначала. Жертвенным животным был небольшой боров, которого четвертый фециал убил кремневым ножом, более древним, чем Египет.

Наконец *pater patratus* вошел в храм и снова появился, неся копьё с листовидным наконечником и древком, почерневшим от времени. Он спустился с верхнего пролета из десяти ступеней и встал перед небольшой колонной, подняв руку с копьём. Серебряный наконечник блеснул в холодных ярких лучах солнца.

— Рим, ты под угрозой! — крикнул он на латыни. — Здесь, передо мной, вражеская земля, на границах которой стоят военачальники Рима! Я объявляю название этой вражеской земли. Это Египет! Метнув это копьё, мы, сенат и народ Рима, начинаем священную войну против Египта в лице царя и царицы Египта!

Он метнул копьё, оно пролетело над колонной и уткнулось в открытое пространство, называемое вражеской землей. Одна плита была сдвинута. *Pater patratus* был хорошим воином, и копьё воткнулось, дрожа, в землю под приподнятой плитой. С громкими криками народ стал кидать в сторону копьё сделанных из шерсти куколок.

Стоя с остальными членами коллегии понтификов, Октавиан наблюдал за церемонией и был доволен. Древний, впечатляющий ритуал, абсолютно соответствующий *mos maiorum*. Теперь Рим официально находился в состоянии войны, но не с римлянином. Врагами были царица зверей и Птолемей Пятнадцатый Цезарь, правители Египта. Да-да! Какая удача, что ему удалось сделать Агриппу *pater patratus*, и разве плох был Меценат в роли вербенария, хотя и не очень впечатляющего?

Октавиан пошел домой в окружении сотен клиентов, очень довольный произошедшей переменой. Даже плутократы — почему самые богатые всегда больше других не хотят платить налоги? — кажется, сегодня не желают ему зла, хотя это продлится лишь до первых выплат. Он собирал налоги, пользуясь списком граждан с подробным указанием доходов, эти списки обновлялись каждые пять лет. По правилам, это должны делать цензоры, но цензоров не хватало уже несколько десятилетий. Будучи триумвиром Запада последние десять лет, Октавиан взял на себя обязанности цензора и проследил, чтобы были записаны доходы всех граждан. Трудно было собирать новый

налог, для этого понадобилось просторное здание — портик Минуция на Марсовом поле.

Он хотел превратить первый день сбора налогов в праздник. Никаких развлечений, но атмосфера должна быть патриотической. Колоннада и участок земли вокруг портика были украшены алыми флагами *SPQR* и плакатами, изображавшими женщину с голой грудью, с головой шакала и когтистыми пальцами, которые рвут на куски *SPQR*. На другом плакате был нарисован безобразный юноша с двойной короной на голове. Надпись внизу гласила: «ЭТО СЫН БОЖЕСТВЕННОГО ЮЛИЯ? НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

Как только солнце высоко поднялось над Эсквилином, появилась процессия во главе с Октавианом в тоге жреца и с лавровым венком на голове — знаком триумфатора. За ним шел Агриппа, тоже в лаврах, одетый в красную с пурпуром тогу и с изогнутым посохом авгура в руке. Затем шли Меценат, Статилий Тавр, Корнелий Галл, Мессала Корвин, Кальвизий Сабин, Домиций Кальвин, банкиры Бальбы и Опций и еще несколько самых преданных сторонников Октавиана. Но Октавиану этого оказалось недостаточно, он поместил между собой и Агриппой трех женщин. Ливия Друзилла и Октавия были в одеждах весталок, и на их фоне Скрибония, третья женщина, выглядела бледно. Октавиан устроил целое шоу, заплатив более двухсот талантов налога как свои двадцать пять процентов, хотя и без всяких мешков с монетами. Он представил лишь клочок бумаги — банковский чек.

Ливия Друзилла подошла к столу.

— Я — римская гражданка! — громко крикнула она. — Как женщина, я не плачу налоги, но я хочу заплатить этот налог, чтобы остановить Клеопатру Египетскую, которая мечтает превратить в пустыню наш любимый Рим, отобрать у него все деньги и убить всех жителей! Я плачу двести талантов!

Октавия произнесла такую же речь и заплатила такую же сумму, но Скрибония смогла заплатить только пятьдесят талантов. Не важно. К этому времени быстро растущая толпа кричала так громко, что заглушила Агриппу, который заплатил восемьсот талантов.

Хорошая работа. Но ее нельзя сравнить с тем упорным, кропотливым трудом, что был вложен Октавианом и его женой в составление клятвы верности.

— Ох! — вздохнул Октавиан, глядя на оригинал клятвы, которую принесли Марку Ливию Друзу шестьдесят лет назад. — Если бы я отважился заставить людей дать мне клятву быть моими клиентами, как посмел Друз!

— У италийцев в то время не было патронов, Цезарь, потому что они не были римскими гражданами. Сегодня у каждого есть свой патрон.

— Я знаю, знаю! Каких богов нужно призвать в свидетели?

— Не только Сола Индигета, Теллус и Либеры Патера. Друз упомянул больше богов, хотя я удивляюсь, что среди них был Марс, поскольку — в то время, во всяком случае, — о войне еще никто не думал.

— Я полагаю, он знал, что это приведет к войне, — сказал Октавиан, держа перо на весу. — Может быть, ларов и пенатов?

— Да. И божественного Юлия, Цезарь. Это поднимет твой статус.

Клятва была вывешена по всей Италии, от Альп до «носки» и «каблука» Италийского сапога, в первый день нового года. В Риме она украсила ростру со стороны Форума, трибунал городского претора, все перекрестки, на которых стояли алтари ларам, все рыночные площади, где торговали мясом, рыбой, фруктами, овощами, маслом, зерном, перцем и специями, а также все главные ворота, от Капенских до Квиринальских.

«Я клянусь Юпитером Всеблагим Всесильным, Солом Индигетом, Теллус и Либером Патером, Вестой, богиней очага, ларами и пенатами, Марсом, Беллоной и Нерио, божественным Юлием, богами и героями, которые основали Рим и Италию и помогали людям в их борьбе, что я буду считать моими друзьями и врагами тех, кого император Гай Юлий Цезарь, сын бога, считает своими друзьями и врагами. Я клянусь, что буду делать все на благо императора Гая Юлия Цезаря, божественного сына, в его войне против египетской царицы Клеопатры и царя Птолемея и на благо всех других, кто дает эту клятву, даже ценой моей жизни, жизни моих детей, моих роди-

телей и моей собственности. Если усилиями императора Гая Юлия Цезаря, божественного сына, народ Египта будет побежден, я клянусь, что буду верен императору не как его клиент, но как его друг. С этой клятвой я познакомлю как можно больше людей. Я клянусь, зная, что моя клятва принесет справедливые награды. И если я нарушу мою клятву, пусть я лишусь жизни, детей, родителей и имущества. Да будет так. Клянусь».

Обнародование клятвы вызвало сенсацию, ибо Октавиан не говорил об этом заранее. Она просто появилась. Около нее стоял агент Мецената или Октавиана, отвечал на вопросы и выслушивал клятву. Рядом сидел писец и записывал имена тех, кто поклялся. К этому времени новость о невольном предательстве Антония распространилась повсюду. Народ знал, что винить в этом надо не его, что война нужна Египту. Антоний попал в когти Клеопатры, она держит его в клетке, опаивает, чтобы он служил ей и на ложе, и на поле брани. Клеветнические слухи о ней множились до тех пор, пока ее не стали считать чудовищем, совокупающим даже со своим сыном-бастардом Птолемеем «Цезарем». Для египетских правителей инцест был делом обычным, а что может быть более чуждо римлянину? Если Марк Антоний прощал это, значит он больше не римлянин.

Клятва напоминала небольшую волну посреди моря. Сначала клятву дали немногие, а дав ее, убеждали других поступить так же, пока эта маленькая волна не стала приливной. Поклялись все легионы Октавиана, а также экипажи и гребцы его кораблей. И наконец, осознавая, что отказ от клятвы тут же становится доказательством предательства, поклялся весь сенат. Кроме Поллиона, который отказался. Верный своему слову Октавиан не стал его наказывать. Протесты против налогов утихли. Теперь люди хотели только поражения Клеопатры и Птолемея, понимая, что победа Рима облегчит налоговое бремя.

Агриппа, Статилий Тавр, Мессала Корвин и остальные военачальники и флотоводцы уехали к своим войскам, сам Октавиан тоже готовился покинуть Рим.

— Меценат, ты от моего имени будешь править Римом и Италией, — сказал Октавиан.

За последние несколько месяцев он сильно изменился. В прошлом сентябре ему исполнился тридцать один год. Черты стали тверже, выражение лица спокойнее. Он был красив мужественной красотой.

— Сенат никогда этого не допустит, — заметил Меценат.

Октавиан усмехнулся:

— Сенат не станет возражать, потому что его не будет. Я беру всех с собой в кампанию.

— О боги! — тихо воскликнул Меценат. — Сотни сенаторов — это же верный способ сойти с ума!

— Совсем нет. Я каждому дам работу, и пока они под моим присмотром, они не смогут готовить какие-нибудь пакости в Риме.

— Ты прав.

— Я всегда прав.

25

Клеопатра пребывала в ужасном расстройстве, которое лишь усилилось, когда они с Антонием отправились из Эфеса в Афины. Ее беспокоило, что Антоний не посвящал ее в свои планы до конца. Всякий раз, когда она начинала фантазировать о том, что будет вершить суд на Капитолии в Риме, в его глазах мелькала усмешка. Ей было ясно, что это кажется ему весьма сомнительным. Да, он пришел к заключению, что Октавиана надо остановить и что война — единственное средство это сделать, но какой ему виделась судьба Рима, она не знала. И хотя Антоний всегда принимал ее сторону в спорах в командирской палатке, делал он это так, словно споры эти не имели значения и ему было важнее угодить ей, чем своим легатам. Он также научился ловко уклоняться от обвинений в неверности, когда она высказывала свои подозрения. Пусть он старел и у него случались провалы в памя-

ти, но верил ли он в глубине души, что Цезарион станет царем Рима? Она не знала.

Только девятнадцать из тридцати римских легионов Антония поплыли в западную Грецию. Остальные одиннадцать должны были охранять Сирию и Македонию. Сухопутные силы Антония были увеличены на сорок тысяч пехотинцев и конников, присланных царями-клиентами, большинство из которых лично прибыли в Эфес — и там узнали, что им не надо сопровождать Антония и Клеопатру в Афины. Вместо этого они должны были самостоятельно прибыть к театру военных действий в Греции. А это никому из них не понравилось.

Марк Антоний принял решение отделаться от своих царей-клиентов, так как опасался, что если они поймут, что в командирской палатке заправляет Клеопатра, то еще сильнее усложнят ситуацию, приняв ее сторону против его римских военачальников. Только он один знал, насколько отчаянно его положение, ибо только он один знал, насколько его египетская жена настроена настаивать на своем. И все это было так глупо! Ведь и у Клеопатры, и у его римских командиров была одна цель. Беда в том, что ни она, ни они не хотели признать это.

Гай Юлий Цезарь сразу указал бы на слабости Антония как командира. Видел их и Канидий, но незнатного Канидия в большинстве случаев игнорировали. Попросту говоря, Антоний мог командовать сражением, но не кампанией. Его жизнерадостная беспечность подводила его, когда вопрос касался логистики и проблем снабжения, всегда остающихся вне поля его зрения. Антоний был слишком озабочен тем, как угодить Клеопатру, чтобы думать еще о снаряжении и продовольствии. Всю свою энергию он направлял на то, чтобы угодить ей. Окружение Антония расценивало это как слабость, но подлинной его слабостью была неспособность убить Клеопатру и забрать ее деньги. Любовь и чувство справедливости не позволяли ему поступить так.

А она, не понимая этого, гордилась своей властью над ним, намеренно провоцируя его военачальников, требуя от него то одно, то другое как доказательство его преданности, не осознавая, что ее поведение делает задачу Антония еще труднее, а ее присутствие становится с каждым днем все невыносимее.

На Самосе Антонию захотелось задержаться и покутить. Его легаты продолжили путь до Афин, а они с Клеопатрой остались. Если она будет считать его пьяным, тем лучше. Большую часть вина из кубка он тайком выливал в свой ночной горшок из цельного золота — ее подарок. На дне ее собственного горшка были изображены орел и буквы *SPQR*, поэтому она весело заявляла, что может насрать на Рим. Это стоило ей гневной тирады и разбитого горшка, но только после того, как слух об этом дошел до Италии и Октавиан воспользовался им на все сто процентов.

Еще одна трудность заключалась в ее растущем убеждении, что Антоний все-таки не военный гений, при этом она не понимала, что это ее поведение не позволяет Антонию начать эту войну с прежним пылом человека, обладающего властью и ратующего за правое дело. В конце концов он добивался своего, да, но постоянные ссоры изматывали его.

— Уезжай домой, — уныло говорил он ей снова и снова. — Уезжай домой и предоставь мне вести эту войну.

Но разве она могла это сделать, если видела его насквозь? Как только она уедет в Египет, Антоний договорится с Октавианом — и все ее планы рухнут.

В Афинах он отказался идти дальше на запад, страшаясь того дня, когда Клеопатра вновь присоединится к его армии. Канидий был отличным заместителем командира и мог хорошо выполнять свои обязанности в западной части Греции. А главной обязанностью самого Антония было защитить его легатов от царицы, и это было так необходимо, что он пренебрег перепиской с Канидием и не ответил ни на одно из его писем, в которых речь шла о снабжении.

Новость о том, что Октавиан прочитал его завещание, ошеломила Антония.

— Я — предатель? — с недоумением спросил он Клеопатру. — С каких это пор посмертные распоряжения человека дают право ставить на нем клеймо предателя? *Sacat!* Это уже слишком! Меня лишили законного триумvirата и всех моих полномочий! Как смеет сенат вставать на сторону этого презренного сосунка? Он совершил святотатство. Никто не мо-

жет вскрыть завещание человека, пока он жив, а он вскрыл!
И они простили его!

Потом везде появилась клятва верности. Поллион прислал ее копию в Афины вместе с письмом, в котором сообщал о своем отказе принести эту клятву.

Антоний, он так хитер! Отказавшихся поклясться он не наказывает. Он хочет, чтобы будущие поколения восхищались его милосердием, как восхищались милосердием его божественного отца! Он даже послал записки магистратам Бононии и Мутины — твоих городов, где полно твоих клиентов! — с сообщением, что никого не будут принуждать клясться. Я думаю, клятву распространят и в провинциях Октавиана, которым не так повезет. Каждый провинциал должен будет поклясться, хочет он этого или нет, — никакого выбора, как для Бононии и Мутины или для меня.

Я могу сказать тебе, Антоний, что люди клянутся толпами и совершенно добровольно. Жители Бононии и Мутины тоже клянутся, и не потому, что их запугали, а потому, что они сыты по горло неопределенностью последних лет и готовы дать клятву шуту, если считают, что это приведет к стабильности. Октавиан исключил тебя из предстоящей кампании — ты просто одурманенная, пьяная жертва обмана царицы зверей. Что меня больше всего восхищает, Октавиан не ограничился только царицей Египта. Он называет и царя Птолемея Пятнадцатого Цезаря таким же агрессором.

Клеопатра, бледная как смерть, дрожащими руками положила письмо Поллиона на стол.

— Антоний, как может Октавиан поступать так с сыном Цезаря? Его кровным сыном, его настоящим наследником и к тому же ребенком!

— Ты и сама это понимаешь, — сказал Агенобарб, тоже прочитав письмо. — Цезариону в июне исполнилось шестнадцать. Он — мужчина.

— Но он — сын Цезаря! Его единственный сын!

— И копия своего отца, — добавил Агенобарб. — Октавиан очень хорошо понимает, что, если Рим и Италия увидят парня, за ним пойдут все. Сенат постарается сделать его римским

гражданином, а также лишить Октавиана состояния его так называемого отца и всех его клиентов, что намного важнее. — Агенобарб свирепо посмотрел на нее. — Было бы намного разумнее, Клеопатра, если бы ты осталась в Египте и отправила вместо себя Цезариона. И на советах было бы меньше ненависти.

Конечно, она была не в том состоянии, чтобы спорить с Агенобарбом, но все-таки возразила:

— Если то, что ты говоришь, правда, я была права, оставив Цезариона в Египте. Я должна победить ради него, и только потом я покажу его всем.

— Ты делаешь ошибку, женщина! Пока Цезарион остается по ту сторону Нашего моря, он невидим. Октавиан выпускает листовки, где написано, что Цезарион совершенно не похож на Цезаря, и никто не может ему возразить. Если Октавиан дойдет до Египта, твой сын от Цезаря умрет и Рим так и не увидит его.

— Октавиан никогда не дойдет до Египта! — крикнула Клеопатра.

— Конечно не дойдет, — вступил в разговор Канидий. — Мы побьем его сейчас, в Греции. Я узнал из достоверного источника, что у Октавиана шестнадцать полных легионов и семнадцать тысяч германской и галльской конницы. Это все сухопутные силы, которыми он располагает. Его флот состоит из двухсот больших «пятерок», которые хорошо показали себя в Навлохе, и двухсот жалких маленьких либурн. Мы превосходим его во всех отношениях.

— Хорошо сказано, Канидий. Мы не проиграем. — Потом она вздрогнула. — Некоторые вопросы может решить только война, но ведь в исходе никогда нельзя быть уверенным? Взять, например, Цезаря. Он всегда был в меньшинстве. А говорят, Агриппа почти не уступает Цезарю.

Сразу после письма Поллиона они двинулись к Патрам в устье Коринфского залива на западе Греции. К этому времени вся армия и флот прибыли в Адриатику, обогнув самый западный полуостров Пелопоннес.

Даже притом что несколько сотен галер были оставлены для охраны Метоны, Коркиры и других стратегически важных островов, главный флот состоял из четырехсот восьмидесяти массивных квинквирем. Эти громады — по восемь человек на весло в трех рядах с каждого борта — имели палубы и носы-тараны из цельной бронзы и дуба, а их корпус был усилен поясом из обитых железом брусьев, скрепленных железными скобами, который служил защитой от ударов тарана. В длину корабли были двести футов, в ширину пятьдесят футов, возвышались над водой на десять футов в середине и на двадцать пять футов у кормы и у носа. На каждом было четыреста восемьдесят человек экипажа и сто пятьдесят морских пехотинцев плюс еще высокие башни с артиллерией. Все это делало их неприступными — ценное качество при защите. Но у них был очень медленный ход, а это не годилось для атаки. Флагман Антония «Антония» был еще больше. Шестьдесят кораблей Клеопатры имели такие же размеры и форму, но остальные шестьдесят были просторными триремами с четырьмя гребцами на весло в трех рядах с каждого борта. Они могли плыть с большой скоростью, особенно под парусами. Ее флагман «Цезарион», изящно украшенный и позолоченный, был быстроходным и подходил скорее для бегства, чем для сражения.

Когда все было готово, Антоний успокоился и начал отдавать приказы столь расплывчатые, что детали приходилось додумывать легатам, среди которых были и превосходные командиры, и посредственности, и вовсе безнадежные.

Он поставил свой корабль между островом Коркира и Мефоной, портом на Пелопоннесе севернее мыса Акритас. Богуд из Мавретании, убежавший от своего брата, был назначен командовать Мефоной, а другой крупной базой на острове Левкада командовал Гай Сосий. Даже в Киренаике находился гарнизон. Луций Пинарий Скарп, внучатый племянник божественного Юлия, имел там флот и четыре легиона. Это было необходимо для охраны грузов зерна и продовольствия из Египта. Огромные запасы продовольствия имелись на Самосе, в Эфесе и во многих портах на восточном побережье Греции.

ВХОД
В АМБРАКИЙСКИЙ
ЗАЛИВ

КАМПАНИЯ 31 Г. ДО Р. Х.
**БИТВА
ПРИ АКЦИИ**

Антоний решил поступиться западной частью Македонии и северной — Эпира. Пытаться удержать их значило бы растянуть фронт и уменьшить плотность войска и кораблей, поэтому пусть они достанутся Октавиану вместе с Эгнатиевой дорогой. Ужас перед чрезмерно длинным фронтом был так велик, что Антоний даже покинул Коркиру. Его основной базой был Амбракийский залив, большой, почти закрытый водоем с узким извилистым входом шириной в милю. Южный выступ возле входа в залив носил название мыс Акции, и здесь Антоний поставил свой лагерь. Легионы и вспомогательные войска расположились веером на много миль вокруг него на болотистых, нездоровых землях, где лютовали москиты. Хотя армия пробывала в лагере недолго, положение складывалось отчаянное. Началась настоящая эпидемия пневмоний и малярии, даже самые стойкие простужались, к тому же заканчивалось продовольствие.

У Антония было плохо налажено продовольственное снабжение, и все советы Клеопатры, направленные на то, чтобы выправить ситуацию, или игнорировались, или саботировались. Не то чтобы она или Антоний не позаботились о запасах, просто они были уверены, что правильнее хранить продовольствие на восточном побережье: Октавиану придется обогнуть Пелопоннес, чтобы добраться до зерна. Но они не приняли в расчет высокий, неровный, труднопроходимый горный хребет, протянувшийся от Македонии до Коринфского залива и отделявший восточную часть Греции от западной. Настоящих дорог там не было, разве что тропы.

Публий Канидий единственный среди легатов видел настоятельную необходимость доставить большую часть запасов зерна и других продуктов на кораблях вокруг Пелопоннеса, но заупрямившемуся Антонию понадобилось много дней, чтобы дать согласие отправить корабли на восток. А на это требовалось время.

Оказалось, что времени-то у них и нет. Было общеизвестно, что в конце зимы и начале весны преимущество имеют те, кто находится на восточной стороне Адриатического моря,

поэтому никто в палатке Антония не верил, что Октавиан и его армия смогут пересечь Адриатику до лета. Но в этом году все водяные боги, от Нептуна до морских лар, встали на сторону Октавиана. Дули сильные западные ветры, что было необычно в это время года. Это означало, что для Октавиана ветер будет попутный и волна попутная, а для Антония ветер будет встречный и волна встречная. Антоний был бессилен. Он не мог помешать Октавиану плыть или высаживаться, где тот пожелает.

Пока военные транспорты, выйдя из Брундизия, пересекали Адриатику, Марк Агриппа отделил половину из своих четырехсот галер и ударил по базе Антония в Мэфоне. Победа была полной, убив Богуда, он уничтожил половину его кораблей и включил вторую половину в состав своего флота. На этом Агриппа не остановился и проделал то же самое с Сосием у острова Левкада. Сам Сосий сбежал — ну и пусть. Отныне Антоний и Клеопатра были полностью отрезаны от зерна и продовольствия, поступающего к ним по морю, где бы они ни находились. Теперь единственным способом накормить пехоту и флот стало сухопутное снабжение, но Антоний твердо заявил, что римские солдаты сами не будут вьючными животными и не поведут вьючных животных. Пусть ленивые египтяне Клеопатры сделают хоть что-нибудь для разнообразия! Пусть они организуют снабжение по суше!

Все ослы и мулы на восточной стороне были конфискованы и нагружены по максимуму. Но оказалось, что египтянам было наплевать на животных, они не поили их и равнодушно смотрели, как те умирают во время перехода через горы Долопии. Под страхом смерти они заставили тысячи греков взвалить на себя мешки и кувшины с запасами и идти восемьдесят ужасных миль между Малийским и Амбракийским заливами. Среди этих несчастных носильщиков был грек по имени Плутарх, который выдержал все испытания и потом развлекал своих внуков потрясающими рассказами о том, как они тащили на себе пшеницу на протяжении восьмидесяти миль.

К концу апреля Агриппа контролировал Адриатику, и вся армия Октавиана благополучно высадилась вокруг Торина в Эпире, у подветренного берега Коркиры. Решив сделать Коркиру своей главной морской базой, Октавиан пошел на юг с пехотой, чтобы преподнести сюрприз Антонию в Акции.

До этого момента причиной всех неправильных решений Антония было вредное влияние Клеопатры на его легатов. Но теперь он сам совершил роковую ошибку: он сосредоточил в Амбракийском заливе все свои корабли — четыреста сорок судов, оставшихся после налетов Агриппы. При больших размерах и медлительности кораблей было невозможно — разве что в самых идеальных условиях — вывести все это скопище из бухты через пролив шириной меньше мили. И в то время как Антоний и Клеопатра не в силах были что-нибудь предпринять, остальные их базы сдавались Агриппе: Патры, весь Коринфский залив и западное побережье Пелопоннеса.

Замысел Октавиана двигаться быстро и застать Антония врасплох провалился. Шли дожди, земля была болотистой, люди простужались. Действуя в соответствии с донесениями своих разведчиков, Антоний и убийца Цезаря Децим Туруллий двинулись с несколькими легионами и галатийской конницей навстречу противнику и нанесли поражение передовым легионам Октавиана. Октавиан вынужден был остановиться.

Отчаянно нуждавшийся в победе Антоний сделал все, чтобы солдаты объявили его императором на поле сражения (четвертый раз за его карьеру) и сильно преувеличили его успех. Из-за болезней и скудного рациона моральный дух в его лагерях упал. Последние распоряжения Антония оказывались ужасающе неэффективными, и за это следовало благодарить Клеопатру. Она не пыталась держаться в тени, регулярно продолжала обходить территорию лагеря, чтобы придрататься к чему-нибудь и покритиковать, и вела себя в высшей степени высокомерно. По ее мнению, она не делала ничего плохого. Хотя она уже шестнадцать лет общалась с римлянами, ей до сих пор не удалось постичь римскую концепцию равенства, которая не предполагала врожденного почтения к кому-либо, даже если этот кто-то имел право носить диадему. Виня ее во всех

своих неприятностях, рядовые легионеры отпускали язвительные замечания в ее адрес, шикали, свистели, выли, как тысяча собак. И она не могла приказать, чтобы их за это наказали. Центурионы и легаты попросту не обращали на нее внимания.

Октавиан наконец поставил лагерь на хорошем, сухом участке неподалеку от северного конца бухты и соединил его с продовольственной базой на берегу Адриатического моря с помощью длинной фортификационной стены. Получился тупик: Агриппа заблокировал бухту с моря, а Октавиан лишил Антония возможности перенести свой лагерь в более здоровое место. Голод поднимал свою уродливую голову все выше, а вслед за ним наступило отчаяние.

В тот день, когда западный ветер немного затих, Антоний вывел часть своих кораблей под командованием Таркондимо-та. Агриппа поспешил встретить их со своими надежными либурнами и одержал победу. Сам Таркондимот был убит. Только внезапно сменившийся ветер дал возможность большей части флота Антония с боем отступить обратно в свою ловушку. Агриппу очень удивил тот факт, что этой вылазкой командовал царь-клиент и что ни на одном корабле не было римлян. Он объяснил это помрачением ума Антония, надеявшегося победить.

На самом деле причина была в разногласии на советах, которые все еще собирал упавший духом Антоний. Он и римляне хотели сражаться на суше, а Клеопатра и цари-клиенты уповали на морской бой. Обе стороны понимали, что они попали в ситуацию, когда победить невозможно, и им следует отказаться от вторжения в Италию, возвратиться в Египет, там перегруппироваться и выработать новую стратегию. Однако для осуществления этих намерений сначала нужно было нанести Октавиану достаточно тяжелое поражение, чтобы иметь возможность отвести войска.

Провиант поступал понемногу через горы, что позволяло избежать голода, но рацион пришлось урезать. В этом вопросе Клеопатра потерпела поражение, что сразу вызвало охлаждение к ней неримского контингента числом семьдесят тысяч. Антоний тайно распорядился выделить своим шестидесяти

пяти тысячам римлян больше продуктов. Но тайное стало явным, и цари-клиенты возмутились, возненавидев Антония и разочаровавшись в Клеопатре, которая не сумела убедить или заставить Антония покончить с такой несправедливостью.

С наступлением лета в лагерях разразились брюшной тиф и малярия. Ни одному командиру, будь он римлянин или неримлянин, не хватило предусмотрительности или воодушевления, чтобы взяться муштровывать пехоту и тренировать флот. Почти сто сорок тысяч солдат Антония сидели без дела, голодные, больные и недовольные, и ждали, когда кто-то сверху придумает выход. Они даже не требовали сражения, и это было верным признаком, что они уже сдались.

Потом Антоний придумал выход. Страхнув с себя уныние, он собрал своих легатов и объяснил.

— Нам повезло, мы находимся поблизости от реки Ахерон, — сказал он, показывая на карте. — Октавиан здесь, и ему не повезло вовсе. Он берет питьевую воду из реки Ороп, протекающей далеко от его лагерей. Вода подводится по половинам полых стволов деревьев, которые он заменил терракотовыми трубами, привезенными Агриппой из Италии. Но в данный момент ситуация с водой у него ненадежная. Мыотрежем ему водоснабжение и заставим переместиться ближе к реке. К сожалению, расстояние, которое мы должны пройти, чтобы обеспечить внезапность удара, сводит на нет полномасштабную атаку пехоты, по крайней мере в начале.

Он говорил очень уверенно, пальцем показывая на карте соответствующие территории. Настроение в палатке улучшилось, особенно благодаря тому, что Клеопатра молчала.

— Дейотар Филадельф, ты возьмешь свою и фракийскую кавалерию. Реметалк будет твоим заместителем и возглавит бой. Я знаю, тебе предстоит долгий путь по восточной стороне бухты, но Октавиан этого не ожидает, слишком далеко. Марк Лурий возьмет десять римских легионов и будет следовать за тобой буквально по пятам, по возможности. А тем временем я переправлю пехоту через бухту, и мы встанем лагерем прямо

у стен Октавиана. Он не очень встревожится, а когда я предложу сразиться, он проигнорирует меня. Его лагерь прекрасно укреплен, ему нечего бояться. После того как твоя пехота, Лурий, встретится с кавалерией Дейотара Филадельфа, вы выведете из строя водовод Октавиана и потом захватите его продовольственные склады на севере. Узнав, что случилось, он вынужден будет переместить лагерь на берег Оропа. И пока он будет этим занят — а Агриппе придется ему помогать, — мы вернемся в Египет.

Все повеселели. Это был отличный маневр с очень хорошим шансом на успех. Но недовольство по поводу того, что римляне питаются лучше, продолжало расти. Фракийский командир сбежал, перешел к Октавиану и во всех подробностях выдал план Антония. Октавиан смог перехватить кавалерию силами своих германцев. Сражения не было. Дейотар Филадельф и Реметалк сразу перешли к Октавиану и вместе с германцами напали на приближавшихся пехотинцев. Те повернулись и побежали в сторону Акция.

Услышав об этой катастрофе, Антоний направил туда остатки галатийской конницы под руководством Аминты и выступил сам, чтобы повернуть свои легионы обратно. Но когда Аминта встретился со своими сослуживцами и германцами, он перешел к Октавиану вместе с двумя тысячами своих конников.

Отчаявшийся Антоний отвел свои легионы обратно в Акции, убежденный, что в этом ужасном месте нельзя выиграть никакой сухопутной битвы.

— Я не знаю, как вырваться на свободу! — крикнул он Клеопатре, высохшей, как мумия. — Боги покинули меня, как и удача! Если бы ветер дул, как всегда в это время, Октавиан ни за что не смог бы пересечь Адриатику! Но ветер дул так, как нужно было Октавиану, и разрушил все мои планы! Клеопатра, Клеопатра, что мне делать? Все кончено!

— Успокойся, — тихо сказала она.

Глядя его жесткие курчавые волосы, она впервые заметила, что они седеют, словно тронутые морозом. Она тоже чувствовала бессилие, испытывала ужас оттого, что ее боги и боги Рима приняли сторону Октавиана. Как иначе смог бы он пересечь

Адриатическое море в это время года? И почему еще у него появился такой способный командующий, как Агриппа? Но самый главный вопрос: почему она не предоставила Марка Антония его судьбе, а сама не убежала домой, в Египет? Из-за верности? Конечно нет! Чем она обязана Антонию, в конце концов? Он был жертвой ее обмана, орудием, мечом! Она всегда это знала! Так почему теперь она прилепилась к нему? Для такого предприятия у него нет и никогда не было таланта, да и желания. Просто, любя ее, он пытался быть таким, каким она хотела. «Это Рим, — думала она, глядя его по голове. — И ни один монарх, даже такой могущественный, как египетская Клеопатра, не сможет вытравить римлянина из римлянина. Я почти преуспела. Но только почти. Мне не удалось проделать это с Цезарем и не удалось с Антонием. Тогда почему я здесь? Почему в последнее время я почувствовала, что с ним я становлюсь мягче, почему перестала унижать его?»

И вдруг с внезапностью стихийного бедствия — лавины, огромной волны, землетрясения — на нее нахлынуло прозрение: «Я люблю его!» Склонившись над ним, словно чтобы защитить, она стала целовать его лицо, руки, запястья. Ошеломленная, она узнала, как называется это чувство, которое тайком подкралось к ней, заполнило ее, победило. «Я люблю его, я люблю его! О бедный Марк Антоний, наконец-то ты отомстил мне! Я люблю тебя так, как любишь меня ты, всем сердцем, безгранично. Мое замурованное сердце содрогнулось, распахнулось, чтобы принять Марка Антония. Это клин, который он вбил в меня своей любовью. Он отдал мне свою римскую душу и оказался в ночи, такой черной, что, кроме меня, он никого и ничего не видит. И я, приняв его жертву, полюбила его. Что бы ни ждало нас в будущем, оно у нас общее. Я не могу бросить его».

— О, Антоний, я люблю тебя! — воскликнула она, обнимая его.

Летом легаты десятками покидали Антония, сенаторы сотнями уходили к Октавиану. Это было очень легко сделать — как переплыть через бухту, ибо Антоний, впавший в отчаяние, не останавливал их. Все они обвиняли «эту женщину», при-

чину краха. Один шпион сообщил Клеопатре странную вещь. Оказывается, когда Реметалк Фракийский с особой язвительностью критиковал Антония, Октавиан резко прервал его, крикнув: «*Quin taces!* Если я допускаю измену, это еще не значит, что мне нравятся предатели!»

Самый тяжелый удар постиг Антония в конце июня: уехал Агенобарб, не скрывавший своей ненависти к Клеопатре, говоривший об этом открыто.

— Даже ради тебя, Антоний, я и дня больше не вынесу этой женщины. Ты знаешь, что я болен, но ты, вероятно, не знаешь, что я умираю. И я хочу умереть среди римлян, на римской земле, чтобы даже духа этой женщины не было. Какой же ты дурак, Марк! Без нее ты победил бы. С ней у тебя нет шанса.

Плача, Антоний смотрел, как гребная лодка уносит Гнея Домиция Агенобарба через бухту. Потом отослал за ним все его вещи, не слушая энергичных протестов Клеопатры.

На следующий день после отъезда Агенобарба уехал Квинт Деллий со всеми оставшимися сенаторами.

Еще через день Октавиан прислал Антонию письмо.

«Твой самый преданный друг Гней Домиций Агенобарб мирно скончался прошлой ночью. Я хочу, чтобы ты знал, я был рад его приезду и отнесся к нему с большим уважением. Его сын Луций помолвлен с твоей старшей дочерью от моей сестры Октавии. Помолвка не будет расторгнута, я дал слово Агенобарбу. Интересно будет наблюдать за отпрыском пары, соединившей кровь божественного Юлия, Марка Антония и Агенобарбов, правда? Метафорическое перетягивание каната, притом что Агенобарбы всегда были в оппозиции к Юлиям».

— Мне его недостает, мне его недостает, — сказал Антоний, не стыдясь слез.

— Он был моим непримиримым врагом, — сквозь зубы процедила Клеопатра.

В иды секстилия Клеопатра созвала военный совет. «Так мало нас, так мало!» — думала она, заботливо усаживая Марка Антония в его курульное кресло из слоновой кости.

— У меня есть план, — сказала она Канидию, Попликоле, Сосию и Марку Лурию, оставшимся старшим легатам. — Но может быть, у кого-то еще есть план. Если так, то я хотела бы сначала выслушать его, а потом озвучу свой.

Ее тон был смиренным. Казалось, она говорила искренне.

— У меня есть план, — заговорил Канидий, благодарный за эту неожиданную возможность огласить свои соображения без необходимости самому созывать совет.

Уже несколько месяцев он не мог поделиться ими с Антонином, от которого осталась лишь тень. Это ее вина, больше ничья. Подумать только, когда-то он защищал ее! Но этого больше не будет.

— Говори, Публий Канидий, — разрешила она.

Канидий тоже выглядел постаревшим, несмотря на хорошую физическую форму. Однако он не потерял способности говорить откровенно.

— Первое, что нам надо сделать, — это отказаться от флота, — начал он. — Я говорю не о том, чтобы оставить только флагманы. Нет, надо бросить все корабли, включая корабли царицы Клеопатры.

Клеопатра напряглась, открыла рот, чтобы что-то сказать, но закрыла. Пусть Канидий закончит излагать свой странный план, потом ударит она.

— Мы отвезем пехоту в македонскую Фракию, где у нас будет пространство для маневра и возможность самим выбрать место для сражения на суше. У нас будет идеальная позиция для набора дополнительных войск из Малой Азии, Анатолии и даже Дакии. Мы сможем использовать семь македонских легионов, в настоящее время находящихся вокруг Фессалоники. Это хорошие воины, Антоний, как ты знаешь. Я советую выбрать территорию за Амфиполисом, где воздух чистый и сухой. В этом году было много дождей, поэтому песчаных бурь, как у Филипп, не предвидится. К тому времени, как мы дойдем туда, урожай уже будет собран, и урожай хороший. Поход даст больным солдатам время набраться сил, и настроение улучшится уже потому, что мы покинем это гиблое место. К тому же я сомневаюсь, что Октавиан и Агриппа смогут двинуться со скоростью, с какой двигался Цезарь. Я слышал,

у Октавиана кончаются деньги. Возможно, он решит не проводить кампанию так далеко от Италии, поскольку зима на носу и со снабжением возникнут трудности. Мы пойдем по суше, а ему придется увести свой флот из Адриатики в верхнюю часть Эгейского моря. Нам флот не нужен, но, когда мы заблокируем Эгнатиеву дорогу, продовольствие ему смогут доставлять только морем.

Канидий замолчал, но когда Клеопатра открыла было рот, он так резко поднял руку, что она осеклась. Остальные ловили каждое его слово, дураки!

— Царица, — обратился к ней Канидий, — ты знаешь, что я был твоим самым преданным сторонником. Но это в прошлом. Время доказало, что на войне женщине не место, особенно когда эта женщина занимает командирскую палатку. Твое присутствие посеяло разногласия, гнев, раздоры. Из-за тебя мы потеряли ценных людей и еще более ценное — время. Ты лишила римскую армию ее боеспособности, воли к победе. Тот факт, что ты — женщина, создал так много проблем, что, даже будь ты Юлием Цезарем — а ты им определенно не являешься, — твое присутствие стало страшным бременем для Антония и его командующих. Поэтому я решительно требую, чтобы ты немедленно возвратилась в Египет.

— Ничего подобного я не сделаю! — крикнула Клеопатра, вскакивая. — Как ты смеешь, Канидий! Это мои деньги дали возможность начать войну, а мои деньги — это я! Я не вернусь домой, пока мы не победим!

— Ты меня не поняла, царица. Я говорю, что мы не сможем победить в этой войне, пока ты здесь. Ты — женщина, которая попыталась примерить мужские доспехи и не преуспела. Ты и твои капризы очень дорого обошлись нам, и пора тебе понять это. Если нам надо победить, ты немедленно вернешься домой.

— Я не поеду! — сквозь зубы ответила она. — Более того, как ты смеешь советовать мне оставить флот? Он стоит в десять раз дороже пехоты, и ты хочешь передать корабли Октавиану и Агриппе? Это все равно что передать им целый мир!

— Я не говорил, что флот надо отдать врагу, царица. Я имел в виду, что его надо сжечь.

— Сжечь? — ахнула она и схватилась за горло, ощутив увеличившуюся опухоль. — Сжечь? Все это дерево, все труды, деньги — все пустить на ветер? Никогда! Нет, нет и нет! У нас больше четырехсот квинквирем в боевой готовности и еще больше транспортов! У нас не осталось кавалерии, идиот! Это значит, пехота не может сражаться — она совершенно парализована! Если надо чем-то пожертвовать, пусть это будет пехота!

— Исход сражения на суше решает пехота, а не кавалерия, — сказал Канидий, не желавший уступать этой сумасшедшей и ее стремлению получить то, что она желает за потраченные ею деньги. — Мы сожжем корабли и пойдем в Амфиполис.

Во время этой словесной перепалки Антоний сидел молча. Клеопатра была одна против Канидия, которого поддержали Попликола, Сосий и Лурий. Их речи казались ему чем-то нереальным, как волны, набегающие на берег и снова отступающие.

— Я не поеду домой, и ты не сожжешь мои корабли! — кричала она с пеной у рта.

— Уезжай домой, женщина! Мы должны сжечь корабли! — кричали легаты, сжав кулаки, а некоторые даже хватались за мечи.

Наконец Антоний словно ожил. Он стукнул кулаком по столу так, что стол зашатался.

— Заткнитесь! Все! Заткнитесь и сядьте!

Они сели, дрожа от гнева и разочарования.

— Мы не будем сжигать корабли, — устало сказал Антоний. — Царица права, корабли надо сберечь. Если мы сожжем флот, ничто не будет стоять между Октавианом и восточным концом Нашего моря. Египет падет, потому что Октавиан просто обойдет нас у Амфиполиса. Он поплывет прямо в Египет, и мы не сможем дойти туда первыми, если двинемся по суше. Подумайте о расстоянии! Тысяча миль до Геллеспонта, еще тысяча миль по Анатолии и три тысячи миль до Александрии. Наверное, Цезарь мог пройти такое расстояние за три-четыре месяца, но его солдаты готовы были умереть за него, в то

время как наши через месяц устанут от форсированных маршей и дезертируют.

Его аргументы были неопровержимы. Канидий, Попликола, Сосий и Лурий затихли. Клеопатра сидела, опустив глаза и не ощущая никакого триумфа. Внезапно она поняла, что двигало этими дураками: они не могли смириться с тем, что она женщина. Все это не потому, что она иностранка и что деньги принадлежат ей, — вся их ненависть была направлена против женщины. Римлянам не нравились женщины, поэтому они оставляли их дома, даже если не были заняты ничем особенно важным, просто уезжали на свои виллы! Наконец-то она разгадала загадку.

— Я не знала, что во всем виноват мой пол, — сказала она Антонию, после того как его легаты ушли, недовольно ворча, но понимая, что он прав. — Почему я была такой слепой?

— Потому что твоя жизнь не давала тебе прозреть.

Наступило молчание. Клеопатра чувствовала в Антонии перемену, словно ожесточенность долгого спора между нею и его четверьмя оставшимися друзьями дошла до его сознания и частично вернула ему энергию.

— Я больше не хочу обсуждать мой план с Канидием и другими, — сказала она. — Но я хотела бы поделиться с тобой. Ты выслушаешь меня?

— С удовольствием, любовь моя. С удовольствием.

— Я знаю, что здесь мы победить не можем, — оживленно начала она, словно это ее не волновало. — И еще я поняла, что пехота бесполезна. Твои римские войска верны тебе, как всегда, и среди них не было дезертиров. Поэтому их нужно по возможности сберечь. Я хочу уйти из Амбракии и быстро добраться до Египта. И есть только один способ сделать это. Наш флот должен дать сражение. Сражением должен командовать ты лично, с борта «Антонии». Ты и твои друзья проработаете все детали, потому что я в морском деле ничего не понимаю. Я только хочу погрузить на мои транспорты как можно больше твоих римских солдат, а остальных ты посадишь на свои самые быстроходные галеры. Пусть тебя не волнуют квинквиремы. Они такие медленные, что их захватят.

Он внимательно слушал, пристально глядя на нее.

— Продолжай.

— Это наш секрет, Марк, любовь моя. Ты не скажешь об этом даже Канидию, которому поручишь на суше командовать оставшейся пехотой. Командовать флотом назначь Попликолу, Сосия и Лурия. Это их займет. Пока они уверены, что мы там, они не почувствуют подвоха. Я буду на борту «Цезариона», достаточно далеко позади линий, чтобы видеть, где образуется брешь. И как только такая брешь появится, мы с твоим войском быстро уйдем в Египет! Тебе нужно держать баркас около «Антоний». Когда ты увидишь, что я уплываю, ты последуешь за мной. Быстро догонишь меня и перейдешь на борт «Цезариона».

— Я буду выглядеть дезертиром, — хмурясь, сказал Антоний.

— Нет, если все будут знать, что ты действовал так, чтобы спасти легионы.

— Я хочу улучшить твой план, любимая. У меня в Киренаике есть флот и четыре хороших легиона с Пинарием Скарпом. Дай мне один корабль, и я поплыву в Паретоний, чтобы забрать Пинария и моих людей. Мы снова увидимся в Александрии.

— Паретоний? Это в Ливии, а не в Киренаике.

— Поэтому я пошлю сейчас корабль в Киренаику. Я прикажу Пинарию немедленно идти в Паретоний.

— Если мы не сумеем спасти все твои одиннадцать легионов здесь, у нас есть еще четыре, — с удовлетворением произнесла Клеопатра. — Пусть будет так, Марк. Тот корабль будет ждать рядом с «Цезарионом». Но прежде чем ты перейдешь на него, ты попрощаешься со мной на «Цезарионе», хорошо?

— Это нетрудно, — сказал он, смеясь, и поцеловал ее.

Секрет раскрылся, когда в сентябрьские календы солдаты были погружены — набиты, как сельди в бочке, — на транспорты Клеопатры и другие быстроходные корабли. Перед этим было замечено свидетельство того, что подготовка ведется не только к морскому бою: на всех кораблях, кроме массивных «пятерок», приготовили паруса, кроме того, туда погрузили

большой запас воды и провизии. Канидий, Попликола, Сосий, Лурий и остальные легаты заподозрили, что сразу же после боя они поплывут в Египет. Их подозрения усилились, когда все ненужные корабли были вытаснены на берег и сожжены подальше от Амбракии, чтобы дым рассеялся, прежде чем Октавиан сможет увидеть его. Никто не думал, что само сражение — лишь для отвода глаз, что никакого боя не будет. Гордые римляне Попликола, Сосий и Лурий не смогли бы смириться с этим. Канидий, разглядевший истину сквозь дымовую завесу, ничего не сказал своим товарищам, только подумал, сколько легионеров не успеют погрузиться на транспорты к тому моменту, как Октавиан поймет, что происходит.

26

В конце лета ветер на Адриатике был более предсказуем, чем в любое другое время года. Утром он дул с запада, а ближе к полудню менял направление на северо-западное, и чем севернее он поворачивал, тем больше набирал силу.

Октавиан и Агриппа внимательно следили за подготовкой к сражению, хотя ни один разведчик не сообщил им о парусах и запасах воды и провизии на борту каждого транспорта Антония и Клеопатры. Если бы они знали об этом, то приняли бы меры, чтобы перекрыть противнику пути к отступлению. А так они посчитали, что Антоний устал сидеть тихо и решил поставить все на поражение Агриппы на море.

— Стратегия Антония проста, — сказал Агриппа Октавиану в их палатке. — Он должен повернуть мою линию кораблей на самом северном конце и гнать их на юг, то есть прочь от твоего лагеря на суше и моей базы в гавани Комарос. Его пехота нападет на твой лагерь и на мою базу с хорошим шансом на победу. Моя стратегия тоже проста. Мне нужно не дать повернуть мою линию с подветренной стороны. Кому первому удастся повернуть, тот и победит

— Тогда ветер скорее на твоей стороне, — заметил Октавиан, очень довольный.

— Да. Размер тоже на моей стороне, Цезарь. Эти чудовищные «пятерки» Антония слишком неповоротливые. Он — гигант Антей, а мы — Геркулес, карлик по сравнению с ним, — с усмешкой сказал Агриппа. — Но он, кажется, забыл, что Геркулес оторвал Антея от матери-земли. Ну что ж, в сражении на воде Антей попросту не сможет черпать силу из земли.

— Найди мне флотилию, которой я смогу командовать на южном конце твоей линии, — велел Октавиан. — Я отказываюсь пережидать это сражение на суше, не хочу, чтобы все называли меня трусом. Но если я буду достаточно далеко от главного удара, то не смогу помешать твоей тактике даже самой невинной ошибкой. Сколько легионеров ты планируешь использовать, Агриппа? Если Антоний победит, он ведь нападет на наш лагерь и порт?

— Тридцать пять тысяч. На каждом корабле есть *harpax*, чтобы тянуть этих слонов, и множество лестниц с крюками. Наше преимущество в том, что у нас экипажи хорошо обучены, а Антоний не побеспокоился об этом. Но, Цезарь, бесполезно сидеть на южном конце нашей линии. Лучше тебе быть на моей либурне моим заместителем. Я надеюсь, ты не будешь отменять мои приказы.

— Спасибо за доверие! Когда это произойдет?

— Завтра, судя по всем признакам Мы будем готовы.

Во второй день сентября Марк Антоний вышел в Амбракский залив с шестью эскадрами, взяв под начало самую северную. Его правое, северное, крыло состояло из трех эскадр, в каждой эскадре пятьдесят пять массивных «пятерок». Попликола был его заместителем. Агриппа расположился на веслах дальше от берега, чем ожидал Антоний, а это означало, что придется грести дольше, чем он рассчитывал. Поздним утром он подошел на нужное расстояние и остановился, дав отдохнуть гребцам. Только к полудню, когда ветер подул с севера, стало возможно начать бой. Клеопатра и ее транспорты воспользовались преимуществом большого расстояния и подошли к вы-

ходу из залива, словно они были в резерве. Она надеялась, что, находясь так далеко от них, Агриппа не догадается, что на ее кораблях находится войско.

Ветер стал меняться. Противники отчаянно гребли на север, галеры на северном конце обеих сторон выстроились в линию, в результате между «пятерками» Антония интервалы были больше, чем между либунами Агриппы.

Состязаться было трудно. Ни одной стороне не удавалось повернуть другую сторону под ветер. Вместо этого две крайние эскадры оказались заблокированными.

«Антония» и флагман Агриппы «Божественный Юлий» первыми вступили в бой, и буквально через несколько минут шесть проворных маленьких либурн зацепили «Антонию» и притянули к себе. Через какое-то время Антоний увидел, что десять из его галер в опасности: к ним тоже «прицепились» либуры. Некоторые корабли горели; не имело смысла таранить и топить их, если все сделает огонь. Солдаты с шести либурн устремились на палубу «Антонии», и Антоний решил покинуть корабль. Он видел, что Клеопатра и ее транспорты вырвались из бухты и под парусами двинулись на юг, подгоняемые северо-западным ветром. Антоний прыгнул в баркас и помчался за ними, лавируя между либунами.

Никто на борту «Божественного Юлия» не заметил это суденышко. Антоний был уже на расстоянии полумили, когда «Антония» сдалась. Луций Геллий Попликола и другие две эскадры Антония сдались без боя, а Марк Лурий, командующий центром, повернул свои корабли и пошел обратно в бухту. Левый фланг под командованием Гая Сосия последовал примеру Лурия.

Это был разгром, посмешище, а не битва. Из более чем семисот кораблей на море столкнулись менее двадцати.

Собственно, это было невероятно до такой степени, что Агриппа и Октавиан пришли к убеждению, что этот странный исход не более чем трюк и что утром Антоний выберет другую тактику. Поэтому всю ту ночь флот Агриппы провел в открытом море, упустив возможность догнать Клеопатру и сорок тысяч римских солдат.

Поскольку на следующий день никакого хитроумного маневра предпринято не было, Агриппа отплыл обратно в Комарос, и они с Октавианом пошли посмотреть на пленных.

От Попликолы они узнали шокирующую правду: Антоний дезертировал и последовал за убегающей Клеопатрой.

— Во всем виновата та женщина! — кричал Попликола. — Антоний и не думал драться! Как только с «Антонией» было покончено, он перепрыгнул через борт и погнался за Клеопатрой.

— Невероятно! — воскликнул Октавиан.

— Говорю тебе, я видел это сам! И, увидев, подумал: зачем подвергать опасности своих солдат и экипажи? Мне казалось, что честнее будет сдаться. Я надеюсь, ты оценишь мое здравомыслие.

— Я высеку это на твоём памятнике, — добродушно промолвил Октавиан и обратился к своим германцам: — Я хочу, чтобы его немедленно казнили. Проследите.

Пощадил только Сосия. Аррунций просил за него, и Октавиан прислушался к его просьбе.

Как выяснилось, Канидий пытался убедить пехоту атаковать лагерь Октавиана, но никто, кроме него самого, не хотел драться. И войска не хотели сворачивать лагерь и идти на восток. Сам Канидий исчез, пока представители легионов вели переговоры о мире с Октавианом. Октавиан отослал иностранных наемников домой, а для римлян нашел землю в Греции и Македонии.

— Я не потерплю, чтобы кто-то из вас отравлял Италию своими рассказами, — сказал Октавиан переговорщикам. — Милосердие — моя политика, но вы никогда не вернетесь домой. Будьте как ваш хозяин Антоний и учитесь любить Восток.

Гая Сосия заставили дать клятву верности и предупредили, чтобы он не посмел возражать, какой бы ни была излагаемая Октавианом версия событий при Акции.

— Я помиловал тебя при одном условии — молчание до конца дней твоих. И помни, что я в любой момент могу зажечь твой погребальный костер.

— Я хочу прогуляться, — сказал Октавиан Агриппе через две нундины после Акция. — И мне нужна компания, так что извинений не приму. Уборка идет своим чередом, и ты здесь не нужен.

— Ты всегда впереди всех и всего, Цезарь. Куда ты хочешь пойти?

— Куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда. Тьфу! Вон дерьма и мочи и столько мужчин — это отвратительно! Я мог бы вынести все это, если бы хоть немного крови было пролито, но этого не случилось. Бескровная битва при Акции!

— Тогда сначала проедем верхом на север, пока не окажемся достаточно далеко от Амбракии, и там подышим чистым воздухом.

— Отличная идея.

Они ехали два часа и добрались до бухты Комарос. Когда за их спинами сомкнулся лес, Агриппа остановился у ручья. Под лучами солнца вода искрилась, от поросшей мхом земли исходил сладковатый запах.

— Здесь, — сказал Агриппа.

— Здесь негде гулять.

— Я знаю, но вон там я вижу два замечательных камня. Мы можем сесть на них лицом к лицу и поговорить. Поговорить, а не погулять. Разве ты не этого хотел на самом деле?

— Храбрый Агриппа! — засмеялся Октавиан и сел. — Ты прав, как всегда. Здесь покой, уединение, можно подумать. Единственный источник шума — ручей, а это все равно что музыка.

— Я захватил мех разбавленного фалернского вина, которое ты любишь.

— Верный Агриппа! — Октавиан выпил, потом передал мех другу. — Превосходно!

— Выкладывай, Цезарь.

— По крайней мере, в эти дни не было никаких признаков астмы. — Он вздохнул, вытянул ноги. — Бескровное сражение у Акция: из четырехсот вражеских кораблей лишь десять участвовали в бою и только два из них горели, пока не затонули. Погибло, вероятно, сто человек, а может, и меньше. И ради это-

го я обложил налогом народ Рима и Италии, взял двадцать пять процентов! До сих пор налог собирают. Будь я проклят, разорван на куски, если все, что я смогу показать за их деньги, — это сражение, которое и сражением-то назвать нельзя. Я даже не могу показать им Антония или Клеопатру! Он обманул меня, уплыл. Я, дурак, лучше думал об Антонии, мешкал, хотел победить его, вместо того чтобы догонять.

— Успокойся, Цезарь, дело сделано. Я тебя знаю, а это значит, что ты сможешь превратить Акции в триумф.

— Я все ломал голову и хочу опробовать мои идеи на тебе, потому что ты честно мне ответишь. — Октавиан подобрал с земли несколько камешков и стал раскладывать их на камне. — Я не вижу другого варианта, кроме как представить битву при Акции великим сражением, достойным Гомера. Два флота сошлись, как титаны, столкнулись по всей линии с севера на юг — вот почему погибли Попликола, Лурий и остальные. Выжил только Сосий. Пусть Аррунций думает, что это его заступничество спасло Сосия. Антоний дрался героически на борту «Антонии» и уже побеждал, когда краем глаза увидел, что Клеопатра предательски покидает сражение — и его самого. Он был настолько одурманен ее зельями, что внезапно запаниковал, прыгнул в баркас и поплыл за ней, как не помнящий себя от вожделения кобель за сукой. Многие его военачальники видели, как он бежал за Клеопатрой, крича ей... — Голос Октавиана возвысился до фальцета. — «Клеопатра, не оставляй меня! Умоляю тебя, не оставляй меня!» Везде плавали мертвые тела, море было красным от крови, на поверхности качались мачты и обломки кораблей, но баркас с Марком Антонием стремительно продвигался сквозь эту кровавую баню вслед за Клеопатрой. После этого флотоводцы Антония утратили мужество. И ты, Агриппа, непревзойденный военачальник, сокрушил своих противников.

— Пока неплохо, — прокомментировал Агриппа, сделав еще глоток из меха с вином. — Что случилось потом?

— Антоний догоняет корабль Клеопатры и поднимается на борт. Прошу прощения за настоящее время. Это всегда помогает мне приукрасить события, правда о которых не должна

выйти наружу, — пояснил мастер художественного вымысла. — Внезапно он приходит в себя, представляет себе катастрофу, от которой он так трусливо сбежал. Я научу этого *irrumator* Антония, как обвинять меня в трусости у Филипп! Он воет в растерянности, покрывает голову палудаментом и сидит на палубе три дня без движения. Клеопатра опаивает его зельями, умоляет сойти вниз, в ее каюту, но он неподвижен, ошеломленный своей трусостью. Тысячи солдат мертвы по его вине!

— Звучит как те дрянные эпические поэмы, которые обожают молодые девицы, — сказал Агриппа.

— Да, звучит. Но ты готов поспорить, что весь Рим и Италия не купятся на это?

— Я не такой дурак. Они раскупят это даже на дорогой бумаге. Если Меценат добавит несколько цветистых фраз, все будет безупречно.

— Это, разумеется, должно унять недовольство, вызванное этой войной. Люди не любят зря тратить деньги.

— Щекотливый вопрос, Цезарь. Как ты собираешься платить долги? Теперь, когда Клеопатра потерпела поражение, у тебя нет причины продолжать собирать налоги. Однако, пока она жива, покоя тебе не будет. Она начнет вооружаться, чтобы предпринять еще одну попытку, с Антонием или без него. Ведь она хочет, чтобы миром правил так называемый сын божественного Юлия, а не Антоний. Итак, откуда брать деньги?

— Я собираюсь выжимать их из царей-клиентов Антония, пока они не посинеют и у них глаза не выскочат из орбит. В конце концов я приду в Египет.

Агриппа посмотрел на солнце между деревьями и поднялся с камня.

— Пора возвращаться, Цезарь, иначе нас застигнет здесь темнота. Если верить Аттику — а он был человеком сведущим, — в лесу полно медведей и волков.

Все транспорты ушли с Клеопатрой, но оставшиеся триста боевых кораблей Антония были в полном порядке. Сначала Октавиан хотел сжечь их все. Он буквально влюбился в эти

смертоносные маленькие либуры и решил, что в грядущих сражениях будут участвовать только такие корабли. Массивные квинквиремы устарели. Потом он решил оставить шестьдесят «левиафанов» Антония как средство устрашения и использовать их против пиратов, появившихся на западном конце Нашего моря. Он послал их в Форум Юлия, морской порт Цезаря, колонию ветеранов на берегу, где Галльская провинция граничит с Лигурией. Остальные суда вытащили на берег и сожгли. Носов-таранов осталось столько, что многие тоже пришлось сжечь. Самые внушительные сохранили, чтобы украсить ими колонну перед храмом божественного Юлия на Римском форуме, а другие провезли по Италии в качестве напоминания налогоплательщикам о грозившей всем опасности.

Агриппе нужно было вернуться в Италию и успокоить отслуживших ветеранов, которые в последние годы всегда становились агрессивными и требовательными, когда серьезная кампания оканчивалась победой. Сенаторов тоже отослали домой, и они с благодарностью уехали; им это заморское житье давно опостылело, в том числе и тем, кто составил анти-сенат Антония. Милосердие стало лозунгом дня. Поскольку флотоводцы Антония были казнены, неоспоримый правитель Рима объявил, что только три человека, все еще находящиеся на свободе, будут обезглавлены: Канидий, Децим Туруллий и Кассий Пармский, причем эти два — потому, что они последние убийцы бога Юлия, оставшиеся в живых.

Сам Октавиан планировал вести свои легионы по суше в Египет и по пути навещать царей-клиентов. Но этому не суждено было случиться. Из Рима дошел безумный слух: сын Лепида Марк замышляет узурпировать власть. Отправив легионы на восток под командованием Статилия Тавра, сам Октавиан, несмотря на зимние шторма на Адриатике, возвратился в Италию. Морское путешествие было самым тяжелым с того памятного плавания после убийства божественного Юлия, но теперь, когда астма уже не мучила Октавиана, он неплохо перенес это испытание.

Из Брундизия он отправился по Аппиевой дороге в Рим в двуколке, запряженной четырьмя мулами, а возле Теана Си-

дицинского свернул на Латинскую дорогу, чтобы объехать маллярийные Помптинские болота. Через восемь дней он уже был в Риме, но понял, что напрасно спешил. Гай Меценат подавил восстание еще до прибытия Агриппы. Марк Лепид и его жена Сервилия Ватия покончили с собой.

— Как странно, — сказал Октавиан Меценату и Агриппе. — Сервилия Ватия была когда-то помолвлена со мной.

Действительно, ветераны волновались и поговаривали о бунте. Октавиан справился с ситуацией. В тоге и лавровом венке он бесстрашно ходил по лагерям вокруг Капуи, улыбаясь и помахивая приветственно рукой, громко говоря о героизме и верности солдат всем, кто мог слышать его. Он отобрал правильных людей и приступил к переговорам. Поскольку переговорщики всегда выдвигались из наиболее слабых солдат, ленивых и жадных, он говорил о деньгах и земле.

— Еще через семь-восемь лет демобилизованные ветераны не будут получать землю, — сказал он, — так что будьте благодарны, что все вы здесь сегодня получите хорошие наделы. Я организую военное казначейство, отдельное от казначейства при храме Юпитера в Риме. Средства на военные расходы будут инвестироваться под десять процентов. Солдаты могут также делать вклады. Сейчас мои секретари определяют, сколько денег должно быть в военной казне, чтобы она не опустела, даже когда будут выплачиваться пенсии. Это будут хорошие пенсии плюс еще крупная сумма, зависящая от послужного списка.

— Все это болтовня на будущее! — нарочито грубо произнес Торнатий, возглавлявший делегацию. — Мы здесь, чтобы получить землю и большие премии наличными и прямо сейчас, Цезарь.

— Я знаю, — мягко сказал Октавиан, — но я не могу рассчитывать с вами, пока не приду в Египет и не побью царицу зверей. Трофеи позволят выполнить ваши требования. — Он поднял руку. — Нет, Торнатий, нет! Спорить неразумно, и еще более неразумно вести себя агрессивно. В данный момент Рим и я не можем дать вам ни сестерция. Пока вы находитесь в лагере, у вас будет еда и хорошие условия, но, если кто-нибудь

из вас начнет буяннить, вас посчитают предателями. Подождите! Терпение! Вы все получите, но не сейчас.

— Этого недостаточно, — пробормотал Торнатий.

— Вполне достаточно. Я издал эдикт, касающийся всех городов в Кампании, больших и малых: если солдаты попытаются грабить их, любые ответные меры будут одобрены сенатом и народом Рима. Никто не станет терпеть бесчинства мятежных солдат, Торнатий, и я сомневаюсь, что у тебя хватит влияния, чтобы поднять серьезное восстание.

— Ты блефуешь, — пробормотал Торнатий.

— Нет, не блефую. Мои эдикты оглашаются по всем лагерям вокруг Капуи даже сейчас, когда мы разговариваем. Я информирую солдат о моем трудном положении и прошу их быть терпеливыми. Большинство людей разумны, они поймут меня.

Торнатий и его товарищи умолкли и ступевались, когда поняли, что основная масса солдат готова дать Октавиану двухгодичную отсрочку, о которой он просил.

— Ты записал их имена? — спросил он Агриппу.

— Конечно, Цезарь. Они тихо исчезнут.

— Я надеялась, что ты побудешь дома, — сказала мужу Ливия Друзилла.

— Нет, моя дорогая, это невозможно. Я не могу позволить Клеопатре начать вооружаться. Теперь, когда сенат вернулся, восстания можно не бояться. Когда войска в Капуе поймут, что их представители не вернулись, они буду вести себя хорошо. А поскольку Агриппа регулярно посещает Капую, ни один амбициозный сенатор не сможет поднять армию.

— Люди начинают привыкать к тому, что ты правишь Римом, — сказала она, улыбаясь. — Я даже слышу, как некоторые говорят, что ты — их удача, что тебе удалось справиться со всеми неприятностями и защитить их. Называют Секста Помпея, а теперь и Клеопатру. Антония даже не упоминают.

— Не имею понятия, где он сейчас, потому что в Александрии с этой женщиной его нет.

Через несколько дней все стало ясно, когда пришло письмо от Гая Корнелия Галла из Киренаики.

Как только я прибыл в Кирену, Пинарий сдал мне свой флот и четыре легиона. Он получил приказ от Антония идти на восток через Ливию в Паретоний. Но похоже, его не прельщала перспектива соревноваться с Катоном Утическим, преодолевая сотни миль по пустынному берегу. Поэтому он остался. Когда Пинарий показал мне приказ Антония, я понял, почему он никуда не пошел. Антоний хочет большого сражения, он еще не отказался от своего замысла. Я послал за транспортными, Цезарь, и, когда они придут, погружу легионы и поплыву в Александрию в сопровождении флота Пинария. Но только после наступления весны и не прежде, чем получу от тебя ответ, когда отплыть. Я забыл сказать тебе, что Антоний сам намерен встретить Пинария и его силы в Паретонии.

— Типичный поэт, — сказал Агриппа, усмехаясь. — Никакой логики.

— Как Аттика? — спросил Октавиан, меняя тему.

— Плохо с тех пор, как ее отец покончил с собой. Чудно. Она ведет себя скорее как его вдова, чем как дочь. Не ест, слишком много пьет, не обращает внимания на маленькую Випсанию, словно совсем не любит ребенка. Я приказал следить за ней, поскольку не хочу, чтобы она перерезала себе вены. Ее деньги перейдут ко мне. Я пытался убедить ее оставить их Випсании — было бы нетрудно обеспечить освобождение от *lex Voconia de mulierum hereditatibus*, — но она отказалась. Впрочем, если с ней что-нибудь случится, я Випсанию обеспечу.

Так и вышло, что Октавию достался еще один ребенок. Аттика выпила яд и умерла в муках через три дня после того, как Агриппа говорил о ней с Октавианом. Будучи человеком слова, Агриппа перевел деньги Аттики на девочку, что сделало ее завидной невестой.

Октавиан обнаружил в себе новое качество — любовь к детям, стремление их защищать, хотя он не мог соперничать с Октавией в этом отношении. Когда Антиллу поймали после попытки побега, его не стали наказывать. И всякий раз, как Окта-

виан обедал дома, все дети приглашались к столу. Поскольку с появлением Випсании их стало двенадцать, Октавия не превеличивала, когда говорила своему брату, что ей нужна еще пара материнских рук.

Для Ливии Друзиллы настало время строить matrimониальные планы. Она приперла к стене Октавиана и заставила его выслушать ее.

— Конечно, Антилл и Юлл должны будут искать жен где-нибудь в другом месте, — сказала она с тем выражением лица, которое говорило Октавиану, что возражать бессмысленно. — Тиберий может жениться на Випсании. У нее огромное состояние, и она нравится ему.

— А Друз? — спросил он.

— На Тонилле. Они тоже нравятся друг другу. — Она откашлялась, приняла суровый вид. — Марцелл должен жениться на Юлии.

Он нахмурился:

— Они двоюродные брат и сестра, Ливия Друзилла. Божественный Юлий не одобрял таких браков.

— Твоя дочь, Цезарь, некоронованная царица. Ее муж, если он не будет членом семьи, станет угрозой для тебя. Тот, кто женится на дочери Цезаря, будет твоим наследником.

— Ты права, как всегда. — Октавиан вздохнул. — Очень хорошо, пусть это будет Марцелл.

— Об Антонии мы уже подумали. Это Луций Агенобарб. Я бы его не выбрала, но она находилась под опекой отца, когда их помолвили, и ты обещал не расторгать помолвки.

— А Марция, дочь Атии? — Ему все еще была неприятна мысль о ней и о предательстве его матери.

— Я оставляю это на твое усмотрение.

— Тогда она выйдет замуж за какого-нибудь провинциала. Может быть, даже за простого *socius*, неримлянина. В конце концов, Антоний выдал свою дочь замуж за такого человека, Пифодора из Тралл. Остается Марцелла.

— Я подумала, что ей подошел бы Агриппа.

— Агриппа? Он же в отцы ей годится!

— Я знаю это, глупый! Но она влюблена в него, ты не заметил? Мечтает о нем, вздыхает, весь день проводит, глядя на его бюст, который купила на рынке.

— Этот брак будет недолгим. Агриппа не годится для молодой девушки.

— *Gerrae!* Она темноволосая, а у Аттики волосы были мышиного цвета. Она приятная, а Аттика была нескладной. Она яркая, а Аттика была... невзрачной. И к тому же посредством этого брака он породнится с первым семейством Рима. Ведь иного способа не существует?

Она знала, как его убедить.

— Очень хорошо, моя дорогая. Марцелла выйдет замуж за Агриппу. Но только когда ей исполнится восемнадцать. У нее будет еще год, чтобы разлюбить его. Если она разлюбит, Ливия Друзилла, брак не состоится, поэтому пока мы говорить об этом не будем. Это понятно?

— Совершенно, — промурлыкала она.

Без денег, но надеясь получить какую-то сумму от царей-клиентов, Октавиан поплыл в Эфес и добрался туда в мае одновременно с легионами и кавалерией.

Все цари-клиенты были там, включая Ирода, излучавшего обаяние и достоинство.

— Я знал, что ты победишь, Цезарь, поэтому сопротивлялся всем уговорам и запугиваниям Марка Антония, — сказал он, еще больше похожий на жирную жабу.

Октавиан весело взглянул на него.

— Никто не может отрицать, что ты умный человек, — заметил он. — Полагаю, ты рассчитываешь на награду?

— Конечно, но только не в ущерб Риму.

— Назови ее.

— Бальзамовые сады в Иерихоне, добыча асфальта в Мертвом море, Галилея, Идумея, оба берега Иордана и берег Вашего моря от реки Элевтер до Газы.

— Другими словами, вся Келесирия.

— Да. Но дань тебе я платить буду вовремя, и мои сыновья и внуки будут посланы в Рим и получают римское образование. Ни один царь-клиент не будет преданнее тебе, чем я, Цезарь.

— И хитрее. Хорошо, Ирод, я согласен на твои условия.

Архелаю Сисену, который так ничем и не помог Антонию, было разрешено сохранить за собой Каппадокию, ему отдали также Киликию Трахею, часть территории Клеопатры. Аминта сохранил за собой Галатию, но Пафлагония была включена в римскую провинцию Вифиния, а Писидия и Ликаония отошли к провинции Азия. Полемону Понтийскому, которому удалось удержать восточные границы против мидян и парфян, тоже разрешили сохранить свое царство, которое теперь включало Малую Армению.

Остальные так легко не отделались, а некоторые даже лишились головы. Сирия должна была стать римской провинцией до самых новых границ Иудеи, но города Тир и Сидон были освобождены от прямого правления в обмен на дань. Малх Набатейский потерял только добычу асфальга. За столь мягкое наказание Малх должен был следить за египетским флотом у Аравийского полуострова и подавлять любую необычную активность там.

Кипр был присоединен к Сирии, Киренаика — к Греции, Македонии и Криту. Территория Клеопатры уменьшилась до размеров самого Египта.

В июне Октавиан и Статилий Тавр погрузили армию на транспорты и поплыли в Пелузий — вход в Египет. Южный ветер запаздывал, поэтому плавание прошло нормально. Корнелий Галл должен был двинуться к Александрии из Киренаики. Все было готово для того, чтобы нанести окончательное поражение Клеопатре, царице зверей.

27

Антоний и Клеопатра вместе приплыли в Паретоний. Антоний еще не покинул «Цезарион», когда Кассий Пармский поднялся на борт и сообщил, что солдаты на переполненных кораблях пьют гораздо больше воды, чем рассчитал *praefectus fabrum*. Поэтому всему флоту придется зайти в Паретоний, чтобы наполнить бочки.

Настроение у Антония было лучше, чем ожидала Клеопатра. Не было признаков той меланхолии, в которую он впадал в эти последние месяцы в Акции, и сдаваться он был не намерен.

— Ты только подожди, любовь моя, — весело сказал он, готовясь отплыть из Паретония с наполненными бочками и солдатами, накормленными хлебом, недоступным на море. — Ты подожди. Пинарий не может быть далеко. Как только он прибудет, Луций Цинна и я последуем за тобой в Александрию. Морем. У Пинария достаточно транспортов, чтобы погрузить на них его двадцать четыре тысячи человек, и хороший флот, который вольется во флот Александрии.

Крепко поцеловав ее, он ушел, обреченный томиться в ожидании в Паретонии, пока Пинарий не покажется на горизонте.

Всего двести миль до Александрии и Цезариона — как Клеопатра соскучилась по нему! «Еще не все потеряно, — говорила она себе. — Мы еще можем победить в этой войне». Оглядываясь назад, она понимала, что Антоний не был флотоводцем, но на суше, она верила, у него есть шанс. Они пойдут в Пелузий и там, на границе Египта, победят. Вместе с римскими солдатами и ее египетской армией у них будет сто тысяч человек — более чем достаточно, чтобы сокрушить Октавиана, который не знает местности. Можно будет разделить его силы пополам и разбить по отдельности в двух сражениях.

Только как подавить негодование среди александрийцев? Хотя в последние годы они были более смиренными, она знала их прежнее непостоянство и страшилась восстания, если их царица прибудет в гавань проигравшей в сопровождении не египетского флота, а спасающейся от правосудия римской армии. Так что, прежде чем город появился в поле зрения, она собрала своих капитанов и легатов Антония и дала краткие инструкции, возлагая надежды на тот факт, что новости из Акции еще не достигли александрийцев.

Украшенные гирляндами транспорты вошли в Большую гавань под звуки воинственных песнопений мнимых победителей, возвращающихся домой. Однако Клеопатра не стала рис-

ковать. Флот был поставлен на рейде, и солдаты не покидали кораблей, пока не был организован лагерь около ипподрома. Она сама плыла на «Цезарионе» вдоль береговой полосы гавани, стоя высоко на носу корабля, ее платье из золотой ткани соперничало с блеском ее драгоценностей. Александрийцы бросились в гавань, оглашая ее приветственными криками. Клеопатра стояла, чувствуя облегчение оттого, что ей удалось их обмануть.

Как только корабль вошел в Царскую гавань, она увидела Цезариона и Аполлодора, стоявших у причала в ожидании ее.

О, как он вырос! Он стал выше своего отца, широкий в плечах, стройный, мускулистый, его густые волосы не потемнели, но лицо, удлиненное, с высокими скулами, потеряло все следы юношеской мягкости. Это был живой Гай Юлий Цезарь! Любовь захлестнула ее, это было чувство сродни благоговению. Колени ее дрожали так, что она не могла стоять самостоятельно. Слезы застилали глаза. Поддерживаемая Хармионой с одной стороны и Ирадой с другой, она сошла по трапу и обняла сына.

— О, Цезарион, Цезарион! — проговорила она, рыдая. — Мой сын, как же я рада видеть тебя!

— Ты потерпела поражение.

Она затаила дыхание.

— Как ты узнал?

— Это очевидно, мама. Если ты победила, где твой флот и почему эти суда ведут римляне? Более того, где Марк Антоний?

— Я оставила его и Луция Цинну в Паретонии, — ответила она и взяла его под руку, заставив тем самым идти рядом с ней. — Он ждет, когда Пинарий прибудет туда из Киренаики со своим флотом и еще четырем легионами. Канидий оставлен в Амбракии. Остальные дезертировали.

Он ничего не сказал в ответ, просто вошел с ней в большой дворец, затем передал ее Хармионе и Ираде.

— Прими ванну и отдохни, мама. Встретимся во время ужина.

Ванну она приняла, но быстро. Об отдыхе не могло быть и речи, до ужина она должна была сделать то, что считала необходимым. Только Аполлодор и дворцовые евнухи были посвящены в ее секрет, который надо было любой ценой сохранить от Цезариона. Он никогда этого не одобрит. Истолкователь, писец, начальник ночной стражи, казначей, судья и все их родственники, занимавшие те или иные посты, были собраны и казнены. Главари банд исчезли из трущоб Ракотиса, демагоги — с агоры. У нее была готова история в ответ на вопросы Цезариона, которые он обязательно задаст, когда заметит, что все чиновники — новые люди. Прежние, объяснит она, вдруг почувствовали прилив патриотизма и ушли служить в рядах египетской армии. Он, конечно, не поверит ни единому слову, но, не в состоянии понять ход ее мыслей, он посчитает, что они попросту бежали от римской угрозы.

Ужин был роскошным. Повара были в приподнятом настроении, как и все александрийцы. Конечно, они удивились, когда большая часть блюд была возвращена нетронутой на кухню. Но никто им ничего не объяснил.

После казней Клеопатра почувствовала себя лучше и выглядела спокойной. Она рассказала о событиях в Эфесе, Афинах и Акции, не пытаясь извинять собственное безрассудство. Аполлодор, Каэм и Сосиген тоже слушали. Они были тронуты рассказом больше, чем Цезарион, чье лицо оставалось бесстрастным. «Он повзрослел лет на десять, слушая эти ужасные новости, — подумал Сосиген, — но он никого не винит».

— Римские друзья и легаты Антония не считались со мной, — сказала она, — и хотя они твердили о том, что я женщина, я думала, что их враждебность вызвана тем, что я иностранка. Но я ошиблась! Во всем виноват мой пол. Они были против того, чтобы ими командовала женщина, какое бы высокое положение она ни занимала. Поэтому они все требовали от Антония, чтобы он отослал меня обратно в Египет, и не понимали, почему я отказывалась уезжать.

— Ну, это все в прошлом и теперь не имеет значения, — вздохнув, сказал Цезарион. — Что ты будешь делать дальше?

— А что я должна делать? — вдруг с любопытством спросила она.

— Пошли Сосигена с посольством к Октавиану и попытайся заключить мир. Предложи ему столько золота, сколько он хочет, чтобы он оставил нас в покое в нашем маленьком уголке Их моря. Передай ему заложников как гарантию и разреши римлянам регулярно посылать проверяющих, чтобы он был уверен, что мы тайно не вооружаемся.

— Октавиан не оставит нас в покое, поверь моему слову.

— А чего хочет Антоний?

— Перегруппироваться и продолжить войну.

— Мама, это бессмысленно! — воскликнул юноша. — Антоний уже не тот, и у меня нет отца, чтобы его заменить. Если предположения насчет твоего пола верны, тогда те римские войска, что здесь, в Александрии, никогда не пойдут за тобой. Сосиген должен возглавить делегацию в Рим или в любое другое место, где сейчас находится Октавиан, и попытаться договориться о мире. И чем скорее, тем лучше.

— Давай подождем, пока Антоний возвратится из Паретония, — попросила она, положив ладонь на руку Цезариона. — А потом решим.

Покачав головой, Цезарион встал:

— Это надо сделать сейчас, мама.

Она сказала «нет».

Отношение сына о многом ей сказало, открыло ей глаза на то, что она должна была видеть еще до отъезда в Эфес. Вся ее энергия и ум ушли на составление планов относительно его будущего, блестящего, триумфального, славного будущего как царя царей, правителя мира. Теперь она впервые поняла, что ему ничего этого не нужно. Это она, Клеопатра, страстно желала такой судьбы, действуя от его имени и ошибочно полагая, что никто не может противиться соблазну, и меньше всего юноша божественного происхождения, с царской родословной и гениальным умом. Его военные упражнения доказали, что он не трус, значит не страх за свою жизнь тому причина. У Цезариона совершенно отсутствуют амбиции. И при их отсутствии он никогда не будет фактическим царем царей, разве

только номинальным. Он не завоеватель. Ему достаточно Египта и Александрии. Больше ему ничего не надо.

«О Цезарион, Цезарион! Как ты можешь так поступать со мной? Как ты можешь отвернуться от власти? Как смешение моей крови с кровью Цезаря могло дать такой результат? Два самых амбициозных человека, когда-либо живших на земле, произвели на свет храброго, но мягкого, сильного, но не амбициозного ребенка. Все было напрасно, и я даже не могу утешиться мыслью, что можно заменить моего первенца Александром Гелиосом или Птолемеем Филадельфом. У них достаточно амбиций, но не хватает ума. Они посредственности. Это Цезарион — Гор и Осирис. И он отказывается от своего предназначения. Он, который никогда не был заурядным ребенком, жаждет обычной судьбы. Какая ирония. Какая трагедия».

— Когда я прежде говорила, что он — ребенок, которого нельзя испортить, я не понимала, что это значит, — сказала она Каэму, после того как ужин закончился и Аполлодор с Сосигеном ушли с побледневшими лицами.

— Но теперь ты понимаешь, — тихо сказал он.

— Да. Цезарион ни к чему не стремится, потому что он ничего не хочет. Если бы Амон-Ра дал ему тело отпрыска египтянки и грека и заставил печь хлеб или подметать улицы, он принял бы свою судьбу с благодарностью и смирением, счастливый уже тем, что достаточно зарабатывает, чтобы не голодать и снять небольшой домик в Ракотисе, жениться и иметь детей. И если какой-нибудь наблюдательный пекарь или дворник заметит его хорошие качества и немного повысит его в должности, он будет рад не за себя, а за своих детей.

— Ты поняла истину.

— А ты, Каэм? Ты понял характер Цезариона и его сущность в тот день, когда лицо у тебя вдруг побелело и ты отказался открыть мне, что ты увидел?

— Вроде того, дочь Ра. Вроде того.

Антоний возвратился в Александрию месяц спустя, как раз после того, как александрийцы узнали о поражении при Акции. Никто не устраивал демонстраций на улицах, никто не

подначивал толпу идти к Царскому кварталу. Они только плакали, хотя некоторые потеряли братьев, сыновей, племянников, служивших на египетских кораблях. Клеопатра издала указ, в котором объясняла, что погибли немногие. Если Октавиан захочет продать уцелевших в рабство, она выкупит их, а если Октавиан освободит их, она как можно скорее привезет их домой.

В течение того месяца, пока она ждала Антония, она боялась за него как никогда раньше. Любовь завладела ее сердцем, а это означало страх, сомнения, постоянное беспокойство. Здоров ли он? Какое у него настроение? Что происходит в Паретонии?

Все это ей пришлось выпытывать у Луция Цинны. Антоний отказался подходить к дворцам. Он прыгнул через борт корабля на мелководе и вброд прошел к берегу, узкой полосе рядом с Царской гаванью. Он ни с кем не разговаривал с тех пор, как они вышли из Паретония, сказал Цинна.

— Правда, госпожа, я никогда не видел его таким подавленным.

— Что случилось?

— Мы узнали, что Пинарий сдался Корнелию Галлу в Киренаике. Ужасный удар для Антония, но потом стало еще хуже. Галл плывет в Александрию со своими четырьмя легионами и четырьмя, принадлежавшими Пинарию. У него много транспортов и два флота, его собственный и Пинария. В итоге восемь легионов и два флота направляются в Александрию с запада. Антоний хотел остаться в Паретонии и дать бой Галлу там, но... ты сама понимаешь, почему он не смог, царица.

— Недостаточно времени, чтобы перебросить войско из Александрии. Поэтому он винит себя, что не оставил свои легионы в Паретонии. Но чтобы принять такое решение, Цинна, он должен быть провидцем!

— Мы все пытались убедить его, госпожа, но он не хотел слушать.

— Я должна пойти к нему. Пожалуйста, найди Аполлодора и скажи ему, чтобы он устроил тебя.

Клеопатра похлопала Цинну по руке и пошла в бухту, где увидела согнувшуюся фигуру Марка Антония. Он сидел,

обхватив колени руками и положив на них голову. Одинокий. Один.

«Все знаки против нас», — подумала Клеопатра. Сильный ветер развеивал полы ее плаща. День был облачный, и дул необычайно холодный для Александрии ветер, пробиравший до костей. Белая пена покрывала серую воду Большой гавани, облака пробегали низко и плотно с севера на юг. Собирался дождь.

От Антония пахло потом, но, слава богам, не вином. Он оброс колючей бородой, а нестриженные волосы торчали во все стороны. Ни один римлянин не носил бороды или длинных волос, только в знак траура. Марк Антоний был в трауре.

Она опустила около него, дрожа:

— Антоний! Посмотри на меня, Антоний! Посмотри на меня!
В ответ он накрыл голову палудаментом и спрятал лицо.

— Антоний, любовь моя, поговори со мной!

Но он молчал, не открывая лица.

Прошел час, если не больше; начался дождь, сильный ливень, промочивший их насквозь. Наконец Антоний заговорил, но, вероятно, только чтобы отделаться от нее.

— Видишь вон тот маленький мыс?

— Да, любимый, конечно вижу. Мыс Сотер.

— Построй мне на нем хижину с одной комнатой. Достаточно просторной для меня. Никаких слуг. Я не хочу ни мужчин, ни женщин. Даже тебя.

— Ты хочешь соревноваться с Тимоном Афинским? — в ужасе спросила Клеопатра.

— Да. Новый Марк Антоний, мизантроп и женоненавистник. Точно как Тимон из Афин. Хижина станет моим тимониумом, и никто не должен даже подходить к нему. Ты слышишь меня? Никто! Ни ты, ни Цезарион, ни мои дети.

— Ты же умрешь от холода, прежде чем его построят, — сказала она, радуясь дождю, который скрыл ее слезы.

— Тем более есть причина поторопиться. А теперь уходи, Клеопатра! Просто уйди, оставь меня одного!

— Позволь прислать тебе пищу и воду, пожалуйста!

— Не надо. Я ничего не хочу.

Цезарион ждал сообщений с таким нетерпением, что не покидал ее комнату, и ей пришлось переодеваться в сухую одежду за ширмой. Она разговаривала с ним, пока Хармиона и Ирада растирали ее холодное тело грубыми льняными полотенцами, чтобы согреть ее.

— Скажи мне, мама! — все повторял он, и Клеопатра слышала, как он меряет шагами комнату. — Где правда? Скажи мне, скажи мне!

— Правда в том, что он превратился в Тимона Афинского, — в десятый раз повторяла она из-за ширмы. — Я должна построить ему хижину на мысе Сотер. Он собирается назвать ее тимониумом. — Она вышла из-за ширмы. — Нет, он не хочет видеть ни тебя, ни меня, не хочет ни есть, ни пить, даже отказывается от слуги. — Она опять заплакала. — О, Цезарион, что мне делать? Его солдаты знают, что он вернулся, но что они подумают, если он не придет к ним, не возглавит их?

Цезарион вытер ее слезы, обнял ее:

— Успокойся, мама, успокойся! Слезами горю не поможешь. Когда вы находились там, он тоже был таким? Я знаю, он хотел покончить с собой после возвращения из Фрааспы. И пытался утопить себя в вине. Но ты не сказала мне, каким он был, когда в его палатке разгорался спор. Какими были его друзья и легаты, что не одно и то же. Расскажи мне о себе и об Антонии как можно честнее. Я уже не мальчик ни в каком смысле.

Очнувшись от своего горя, она в недоумении посмотрела на него:

— Цезарион! Ты хочешь сказать, что у тебя были женщины?

Он засмеялся:

— А ты предпочла бы, чтобы это были мужчины?

— Мужчины были хороши для Александра Великого, но в этом отношении римляне очень странные. Твой отец хотел бы, чтобы твоими любовницами были женщины, это ясно.

— Тогда я ему угодил. Иди сюда, сядь. — Он посадил ее в кресло, а сам сел на пол, скрестив ноги. — Расскажи мне.

— Он поддерживал меня во всем, сын мой. Преданнее мужа, чем он, не было на земле. О, как они напирали на него!

День за днем, день за днем требовали, чтобы он отослал меня домой, в Египет. Они не потерпят присутствия женщины в командирской палатке, тем более иностранки, — тысяча тысяч причин, почему я не должна быть с ним. А я была глупа, Цезарион. Очень глупа. Я сопротивлялась, отказывалась уезжать. И я тоже угрожала ему. Они не хотели, чтобы над ними стояла женщина. Но Антоний защитил меня и ни разу не уступил им. И когда даже Канидий отвернулся от меня, Антоний все-таки отказался отослать меня домой.

— Его отказ был продиктован верностью или любовью?

— Я думаю, и тем и другим. — Она судорожно схватила его руки. — Но это было не самое худшее, Цезарион. Я... я... я не любила его, и он знал это. Это было огромное горе для него. Я не считалась с ним! Помыкала им, унижала его перед легатами, которые не понимали его. Будучи римлянами, они смотрели на него с презрением, потому что он позволял помыкать собой женщине! При них я заставляла его вставать передо мной на колени, я подзывала его щелчком пальцев. Я прерывала совещания, заставляла его устраивать пикники. Неудивительно, что они ненавидели меня! Но он никогда не испытывал ко мне ненависти.

— Когда ты поняла, что любишь его, мама?

— В Акции, во время массового дезертирства царей-клиентов и его легатов и после нескольких второстепенных поражений на суше. Пелена спала с моих глаз, иначе я не могу описать это. Я взглянула на его голову и увидела, что всего за одну ночь он поседел. Внезапно я почувствовала такое сострадание к нему, словно он — это я. И — пелена спала. В один миг, с одним вдохом. Да, я понимаю теперь, что любовь постепенно росла во мне, но в тот момент она явилась для меня полной неожиданностью. Потом события стали развиваться так стремительно, что у меня не было достаточно времени, чтобы показать ему всю глубину моего чувства. А теперь, наверное, этого времени у меня никогда не будет, — печально закончила она.

Цезарион поднял ее с кресла, обнял и стал гладить по спине, словно ребенка.

— Он придет в себя, мама. Это пройдет, и у тебя появится случай показать ему свою любовь.

— Когда ты стал таким мудрым, сын мой?

— Мудрым? Я? Нет, вовсе не мудрым. Просто я способен видеть картину ясно. На моих глазах нет шор, и никогда не было. Теперь отправляйся спать, мама, моя дорогая, любимая мама. Я построю ему хижину с единственной комнатой за день.

Цезарион сдержал слово. Маленький тимониум для Марка Антония был построен за один день. Человек, чье лицо было Антонию незнакомо, крикнул ему издали, что еду и питье будут ставить у двери, и ушел.

Голод и жажда придут, конечно, но сейчас он еще не сильно ощущал их. Он открыл дверь и остановился на пороге, глядя на эту тюремную камеру. Ибо это была камера. И выйти он сможет, только когда совладеет со своими душевными муками. Входя внутрь, Антоний не знал, сколько продлится его заточение.

Словно в ярком свете увидел он все, что делал неверно, но каждый шаг надо было осмыслить.

Бедная, глупая Клеопатра! Цеплялась за него как за спасителя, хотя все в его мире видели, что Марк Антоний никого не может спасти. Если он не смог спасти себя, был ли у него шанс спасти других?

Цезарь — настоящий Цезарь, а не тот мальчишка-позер в Риме — всегда это знал, конечно. Почему же еще он пренебрег тем, кого все считали его наследником? Все началось с того, что Цезарь признал его ни на что не годным. Реакция Антония была предсказуемой: он пойдет на Восток драться с парфянами, сделает то, что не успел сделать Цезарь. Покроет себя славой и станет равным Цезарю.

Но он потерпел крах, погряз в своих пороках. Почему-то ему всегда казалось, что еще достаточно времени для кутежей, и он вовсю предавался веселью. Но времени-то и не было. Ведь вопреки всему дела у Октавиана в Италии шли хорошо. Октавиан, всегда Октавиан! Глядя на голые стены своего тимониума, Антоний понял наконец, почему его мечты не сбылись. Ему надо было плюнуть на Октавиана и продолжить

кампанию против парфян, а не преследовать наследника Цезаря. Впустую потраченные годы! Напрасные интриги, нацеленные на свержение Октавиана; год за годом тратил он на то, чтобы поощрять Секста Помпея в его тщетных замыслах. Антонию незачем было оставаться в Греции. Если Октавиану суждено было победить Секста Помпея, Антоний не смог бы это предотвратить. И не предотвратил, в конце концов. Октавиан обхитрил его, победил вопреки ему. А годы шли, и парфяне становились сильнее.

Ошибки, одна за другой! Деллий первым ввел его в заблуждение, потом Монес. И Клеопатра. Да, Клеопатра...

Почему он поехал в Афины, вместо того чтобы остаться в Сирии той весной, когда вторглись парфяне? Потому что боялся Октавиана больше, чем настоящего исконного врага. Подвергая опасности свое положение в Риме, он лишил себя духовной опоры. И теперь, спустя одиннадцать лет после Филипп, у него не осталось ничего, кроме стыда.

Как он может посмотреть в глаза Канидию? Цезариону? Тем из его римских друзей, кто остался в живых? Столько соратников погибло из-за него! Агенобарб, Попликола, Лурий... А такие люди, как Поллион и Вентидий, были вынуждены уйти в отставку из-за его ошибок... Как он снова посмотрит в глаза столь достойному человеку, как Поллион?

Шагая по земляному полу, он все думал, думал, вспоминая о еде, только когда уже шатался от изнеможения или останавливался, удивляясь, что за когтистый зверь терзает его желудок. Стыд, стыд! Он, которым так восхищались, которого так любили, всех их подвел, задумав погубить Октавиана, хотя это не было ни его долгом, ни его лучшей идеей. Стыд, стыд!

Только с наступлением зимы, необычно холодной в этом году, он успокоился настолько, что смог думать о Клеопатре.

А о чем было думать? Бедная, глупая Клеопатра! Ходила по палатке, подражая поседевшим в сражениях римским командирам и считая себя равной им в военном искусстве только потому, что платила по счетам.

И все это ради Цезариона, царя царей. Цезарь в новом обличье, кровь от крови ее. Но разве мог он, Антоний, противоре-

чить ей, если все, чего он хотел, — это угодить ей? Зачем еще он пошел на эту сумасшедшую авантюру — завоевать Рим, если не из-за любви к Клеопатре? В его голове она заняла место той парфянской кампании после отступления от Фрааспы.

«Она была не права. Я был прав. Сначала сокрушить парфян, потом идти на Рим. Это был лучший вариант, но она не понимала этого. О, я люблю ее! Как мы можем ошибаться, когда изменяем нашим ценностям! Я уступил ей, хотя не должен был этого делать. Я позволил ей разыгрывать роль царицы перед моими друзьями и соратниками, а мне нужно было просто конфисковать военную казну и отослать ее саму в Александрию! Но у меня не хватило силы, и в этом тоже мой стыд, унижение. Она использовала меня, потому что я позволил себя использовать. Бедная, глупая Клеопатра! Но насколько же беднее и глупее это делает Марка Антония?»

Когда наступил март и погода в Александрии опять стала мягкой, Антоний открыл дверь своего тимониума.

Чисто выбритый, с коротко стриженными волосами — о, сколько в них седины! — он появился внезапно во дворце, громко призывая Клеопатру и ее старшего сына.

— Антоний, Антоний! — заплакала она, покрывая его лицо поцелуями. — Теперь я снова могу жить!

— Я изголодался по тебе, — шепнул он ей на ухо, потом мягко отстранил ее и обнял Цезариона, который был вне себя от радости. — Я не буду говорить тебе того, мой мальчик, что, должно быть, ты слышишь от всех вокруг, но ты заставляешь меня снова почувствовать себя юнцом, и моя задница все еще болит от пинка Цезаря. Теперь я седой, а ты взрослый.

— Недостаточно взрослый, чтобы служить старшим легатом, но ведь и Курион и Антилл тоже еще недостаточно взрослые. Они оба здесь, в Александрии, ждут, когда ты выйдешь из своей тимониевой раковины.

— Сын Куриона? И мой старший? *Edepol!* Они тоже уже мужчины!

Цезарион засиял.

— Мы все встретимся за отличным обедом, но только завтра. Сначала вы с мамой должны побыть вместе.

После самых упоительных часов любви, которые когда-либо выпадали ей, Клеопатра лежала рядом со спящим Антонием, словно козявка, пытающаяся обхватить древесный ствол, подумала она с горькой иронией. Сгорая от любви, она обрушила на него поток слов, потом отдалась ему, утонула в блаженстве, которое ей довелось испытать лишь в объятиях Цезаря. Но это была предательская мысль, она отбросила ее и постаралась показать Антонию, как она его любит.

Он рассказал ей все, что собирался, стремясь заверить ее, что он не пил, что его тело осталось прежним, а ум — все таким же ясным.

— Я ждал, что небо обрушится на меня, — закончил он. — Одинокий, потерянный, сломленный. А сегодня утром, на рассвете, я проснулся исцеленный. Не знаю, почему и как. Просто проснулся, думая, что, хотя мы не можем выиграть эту войну сейчас, Клеопатра, мы можем измотать Октавиана, оставив его без денег. Ты говоришь, мои легаты, прибывшие сюда, верны мне, а твоя армия находится в лагере у Пелузия. Значит, когда Октавиан придет, мы будем готовы.

Идиллия длилась недолго. Вмешалась жизнь и разрушила ее.

Хуже всего были известия, принесенные Канидием в начале марта. Канидий путешествовал один по суше из Эпира в Геллеспонт, потом пересек его и попал в Вифинию, добрался до Каппадокии и перевалил через Аманские горы, никем не признанный. Даже последний отрезок пути через Сирию и Иудею остался без происшествий. Канидий тоже постарел, его волосы поседели, голубые глаза поблекли, но его верность Антонию осталась прежней, и он смирился с присутствием Клеопатры.

— При Акции ты проиграл в самом колоссальном морском сражении из тех, что когда-либо случались, — сказал он за обедом, на котором присутствовали молодой Курион, Антилл и Цезарион. — Многие тысячи твоих римских солдат были убиты, Антоний. Ты знал это? Так много, что только горстка уцелела. И их взяли в плен. Но ты сам продолжал сражаться,

даже когда «Антония» была объята пламенем. Потом ты увидел, что царица покидает тебя и возвращается в Египет, и тогда ты прыгнул в баркас и кинулся за ней вдогонку, оставив твоих людей. Ты пробирался сквозь сотни умирающих римских солдат, не обращая внимания на их мольбы, ты лишь хотел догнать Клеопатру. Когда ты догнал ее и взошел на борт, ты был, как раненая собака, три дня сидел на палубе, покрыв голову и отказываясь двинуться с места. Царица взяла у тебя меч и кинжал. Ты был как безумный, чувствуя себя виноватым в том, что покинул своих людей. Конечно, Рим и Италия теперь абсолютно убеждены, что в лучшем случае ты — раб Клеопатры. Твои самые преданные сторонники покинули тебя. Даже Поллион, хотя сражаться против тебя он не будет.

— Октавиан в Риме? — спросил Цезарион, прерывая пугающее молчание.

— Он был там, но недолго. Он выступает с легионами и флотом, чтобы присоединиться к войскам, которые ждут его в Эфесе. По слухам, у него будет тридцать легионов, хотя не более семнадцати тысяч кавалерии. Кажется, он должен плыть из Эфеса в Антиохию, может быть, даже до Пелузия. Пассаты дуть не будут, но южные ветры в последние годы запаздывают.

— Как ты думаешь, когда он прибудет? — спокойно, невозмутимо спросил Антоний.

— В Египет, наверное, в июне. Ходят слухи, что он не станет пересекать Дельту по морю. Из Пелузия до Мемфиса он пойдет по суше и приблизится к Александрии с юга.

— Мемфис? Это странно, — произнес Цезарион.

Канидий пожал плечами:

— Я только могу предположить, Цезарион, что он хочет осадить Александрию, чтобы она не могла получить помощь. Это разумная стратегия, предусмотрительная.

— А мне она кажется неправильной, — заметил Цезарион. — Эту стратегию выбрал Агриппа?

— Не думаю, что Агриппа участвует в этой кампании. Стабий Тавр — заместитель Октавиана, а Корнелий Галл подойдет из Киренаики.

— Захват в клещи, — сказал Курион, демонстрируя свои знания.

Антоний и Канидий подавили улыбки, Цезарион надулся. Неужто! Клещи! Какой проницательный этот Курион.

Теперь, когда Антоний пришел в себя, с плеч Клеопатры свалился огромный груз, но прежняя энергия и отвага не возвращались. Опухоль немного выросла, ноги в подъеме и лодыжках стали опухать, появилась одышка, а иногда ею овладевало непонятное беспокойство. Во всем этом Хапд-эфане винил зоб, но не знал, как его лечить. Лучшее, что он мог сделать, — посоветовать ей ложиться на кровать или на ложе, приподняв ноги каждый раз, когда они отекали, особенно после долгого сидения за рабочим столом.

Из-за своей мстительности и высокомерия она нажила себе двух непримиримых врагов на сирийской границе — Ирода и Малха, а Корнелий Галл заблокировал Египет с запада. Поэтому Клеопатра вынуждена была искать союзников далеко от дома. Посольство к царю парфянам со многими подарками и обещанием помощи, когда в следующий раз парфяне вторгнутся в Сирию. Но что она могла сделать для мидийского Артавазда? Его власть продолжала неуклонно расти по мере того, как он медленно продвигался в Парфянскую Мидию, используя в своих интересах людей при дворе парфянского царя. Армянский Артавазд, которого привезли в Александрию для триумфального парада Антония, все еще считался пленником. Клеопатра казнила его и послала его голову в Мидию, дав послам наказ заверить царя, что его маленькая дочь Иотапа останется помолвленной с Александром Гелиосом и что Египет полагается на Мидию, которая сдерживает римлян вдоль армянских границ. Чтобы подкрепить такую политику, она послала золото.

Время шло, и приходили сообщения, что Октавиан в пути. Это побуждало Клеопатру строить все более и более безумные планы. В апреле она приказала волоком перетаскать небольшой флот быстроходных военных кораблей через пески из Пелузия в Геронполис на Аравийском заливе. Больше всего

теперь ее беспокоила безопасность Цезариона, единственный выход она видела в том, чтобы послать его на Малабарский берег Индии или на большой, грушевидной формы остров Тап-робана. Что бы ни случилось, Цезариона надо отослать в такое место, где он повзрослеет. Только полностью созревшим мужчиной может он вернуться и победить Октавиана. Но не успел флот встать на якорь в Героонполисе, как набатейский Малх сжег все галеры до единой. Это не остановило Клеопатру, она переправила еще несколько кораблей в Аравийский залив, но уже в Беренику, где Малх не мог до них добраться. С ними шли пятьдесят самых верных ее слуг с приказом ждать в Беренике, пока не придет фараон Цезарь. Потом они должны будут плыть в Индию.

Поскольку было невозможно возродить Союз неподражаемых, Клеопатра задумала создать Союз смертников. Цель была та же — веселиться, пить, есть, а главное — хоть на несколько часов забыть о стремительно наступающей их судьбе. Однако это общество, как и следовало из названия, было всего лишь бледной тенью прежнего разгульного Союза неподражаемых. Пустое, натужное, безумное.

Антоний оставался трезв, несмотря на умеренное употребление вина, ибо предпочитал проводить время с легионами, тренируя солдат, совершенствуя их мастерство. Цезарион, Куррион и Антилл всегда находились при нем, когда он был в таком воинственном настроении. У них не было желания становиться членами Союза смертников. Они были в том возрасте, когда смерть представляется чем-то невероятным. Любой может умереть, но только не они.

В начале мая из Сирии пришло сообщение, которое потрясло Антония. Еще на пути в Афины он обнаружил сотню римских гладиаторов, оказавшихся на Самосе, и нанял их, чтобы они сразились в победных играх, которые он был намерен устроить после разгрома Октавиана. Он заплатил им и дал два корабля, но Акций нарушил его планы. Услышав о поражении Антония, гладиаторы решили ехать в Египет и драться за него там, но не на арене, а как настоящие солдаты. Они доехали

до Антиохии, где их задержал Тит Дидий, новый наместник, поставленный Октавианом. Потом прибыл Мессала Корвин с первыми легионами Октавиана и приказал их всех распять. Таким способом Корвин хотел сказать, что любые гладиаторы, сражающиеся на стороне Марка Антония, — рабы, а не свободные люди.

По какой-то причине, непонятной Клеопатре, эта печальная новость подействовала на Антония так, как не подействовали события при Акции и Паретонии. Несколько дней он безутешно плакал, а когда пароксизм горя прошел, Антоний, казалось, утратил интерес и волю к борьбе. Наступила депрессия, но под маской лихорадочного веселья на пирушках Союза смертников, которые он посещал регулярно, напиваясь до бесчувствия. Легионы были забыты, египетская армия забыта, и когда Цезарион напоминал ему, что он должен образумиться и сохранить боевой дух в обеих армиях, Антоний не обращал на него внимания.

Именно в этот момент жрецы и номархи Нила от Элефантины до Мемфиса — тысяча миль — пришли к фараону Клеопатре и предложили биться насмерть до последнего египтянина. «Пусть весь Египет по Нилу встанет на защиту фараона!» — кричали они, стоя на коленях и уткнувшись лбами в золотой пол ее зала для аудиенций.

Решительная, несгибаемая, она всем отказывала, и наконец они отправились домой в отчаянии, убежденные, что римское правление будет концом Египта. Но ушли они, только увидев ее слезы. Нет, плакала она, она не превратит Египет в кровавую баню ради двух фараонов, в жилах которых едва ли течет египетская кровь.

— Эту бессмысленную жертву я не могу принять, — сказала она, плача.

— Мама, ты не имела права отказать им без меня, — упрекнул ее Цезарион, когда узнал об этом. — Мой ответ был бы таким же, но, не потребовав моего присутствия, ты лишила меня моих прав. Почему ты думаешь, что твое поведение избавляет меня от боли? Оно не избавляет. Как я могу править сам, если ты все время отстраняешь меня? Мои плечи шире твоих.

Пытаясь вывести Антония из депрессии и присматривая за тремя молодыми людьми — Цезарионом, Курионом и Антилом, Клеопатра еще и следила за строительством своей пирамиды, которое она начала, следуя обычаям и традиции, когда в семнадцать лет взойшла на трон. Пирамида располагалась в пределах Семы, большой территории внутри Царского квартала, где были похоронены все Птолемеи и где в прозрачном хрустальном саркофаге покоился Александр Великий. Там лежал и один из ее братьев-мужей, которого она убила, чтобы посадить на трон Цезариона. Другой утонул в водах Нила у Пелузия. Каждый Птолемей имел свой склеп, как и все правившие Береники, Арсинои и Клеопатры. Это были небольшие, но достойные фараонов сооружения: сам саркофаг, канопы, охраняющие статуи, три комнаты с запасами еды, напитками, мебелью и изящная тростниковая лодка для плавания по реке ночи.

Поскольку в пирамиде Клеопатры должен был лежать и Антоний, она была вдвое больше других. Ее половина была закончена. Рабочие торопились завершить погребальную камеру Антония, прямоугольную по форме, отделанную темно-красным нубийским мрамором, отполированным как зеркало. Внешние стены украшали только картуши ее и Антония. Две наружные массивные бронзовые двери со священными символами вели в помещение, откуда через две двери можно было попасть в обе половины пирамиды. Переговорная трубка проходила сквозь пятифутовую кладку рядом с левой створкой внешней двери.

Пока ее и Антония, забальзамированных, не положат там, высоко в стене останется большое отверстие, до которого можно подняться по бамбуковым лесам. Лебедка и просторная корзина позволят доставлять людей и инструменты. Процесс бальзамирования занимает девяносто дней, так что пройдет полных три месяца между смертью и замуровыванием отверстия. Жрецы-бальзамировщики будут спускаться и подниматься со своими инструментами и помощниками. Кислые соли они получали из озера Тритонида на краю римской провинции Африка. Даже это уже было приготовлено. Жрецы жили в специальном здании, где хранили и свои инструменты.

Погребальная камера Антония соединялась с ее камерой дверью. Обе камеры были украшены стенными росписями, золотом, драгоценными камнями. Там было все, что может понадобиться фараону и ее супругу в царстве мертвых. Книги, забавные сцены из их жизни, все египетские боги до одного, изумительное изображение Нила. Еда, мебель, напитки и лодка были уже там. Клеопатра знала, что ждать осталось недолго.

В помещении Антония стоял его рабочий стол и его курьезное кресло из слоновой кости, лучшие доспехи, несколько тог и туник, столы из тетраклиниса на ножках из слоновой кости, инкрустированной золотом. Ларцы в виде миниатюрных храмов с восковыми масками всех его предков, достигших преторской должности, и бюст его самого на колонне, который он особенно любил. Греческий скульптор покрыл его голову пастью львиной шкуры, так что лапы льва были сцеплены на груди, а над головой Антония блестили два красных глаза. Не хватало лишь одного комплекта искусно сделанных доспехов и тоги с пурпурной каймой, которые еще могли понадобиться ему.

Конечно, Цезарион знал, что она делает, и должен был понять, что это означает: она думает, что они с Антонием скоро умрут. Но он ничего не сказал и не попытался разубедить ее. Только самый глупый фараон не будет думать о смерти. Это не значило, что его мать и отчим думают о самоубийстве. Это значило, что они войдут в царство мертвых, имея все необходимое, независимо от того погибнут ли они в результате вторжения Октавиана или проживут еще сорок лет. Его собственная гробница строилась по всем правилам. Клеопатра поставила ее рядом с Александром Великим, но Цезарион велел перенести ее на более скромное место.

Цезарион испытывал двойственное чувство. Он был возбужден, предвкушая сражение, но в то же время страшился за судьбу своего народа, который может остаться без фараона. Уже достаточно взрослый, чтобы помнить голод и чуму, случившиеся между смертью его отца и рождением двойняшек, он чувствовал огромную ответственность и знал, ему необходимо выжить, что бы ни случилось с его матерью и ее мужем.

Он был уверен, что ему сохранят жизнь, если он умело проведет переговоры и отдаст Октавиану столько сокровищ, сколько тот потребует. Живой фараон намного важнее для Египта, чем тоннели, битком набитые сокровищами. У него сложилось свое представление об Октавиане. Цезарион никогда не говорил об этом с Клеопатрой, которая не согласилась бы с ним и только осудила бы его. Цезарион понимал стоявшую перед Октавианом дилемму и не мог винить его за предпринятые им действия. Мама, мама! Сколько высокомерия, сколько амбиций! Рим пошел на Египет, потому что она посягнула на мощь Рима. Для Египта вот-вот начнется новая эра, и он должен контролировать события. Ничто в поведении Октавиана не обличало в нем тирана. Цезарион полагал, что Октавиан видит свою миссию в том, чтобы победить врагов Рима и обеспечить своему народу безопасность и процветание. Имея такие цели, он будет делать все, что должен, но не больше. Разумный человек, которого можно убедить, что стабильный Египет при сильном правителе никогда не будет угрозой. Египет, друг и союзник римского народа, самое верное Риму царство-клиент.

Двадцать третьего июня Цезариону исполнилось семнадцать лет. Клеопатра собралась устроить в его честь большой прием, но он и слышать об этом не хотел.

— Что-нибудь поскромнее, мама. Семья, Аполлодор, Каэм, Сосиген, — твердо сказал он. — Никаких «смертников», пожалуйста! Попытайся отговорить Антония!

Это оказалось не так сложно, как она ожидала. Марк Антоний был измотан, он устал.

— Если мальчик этого хочет, пусть будет так. — Рыже-карие глаза блеснули. — Сказать по правде, моя дорогая жена, сейчас я скорее смертник, нежели союзник. — Он вздохнул. — Теперь, когда Октавиан дошел до Пелузия, осталось недолго. Еще месяц, может, чуть больше.

— Моя армия не устояла, — сквозь зубы сказала Клеопатра.

— Хватит, Клеопатра, почему она должна была устоять? Безземельные крестьяне, несколько поседевших римских центурионов времен Авла Габиния — я бы не стал больше просить их отдавать жизнь, если Октавиан их пощадит. Нет, действительно, я рад, что они не дрались. — Его лицо исказила гримаса. — И еще больше я рад, что Октавиан отослал их домой. Он поступает скорее как путешественник, чем как завоеватель.

— Что его остановит? — с горечью спросила она.

— Ничего, и это неоспоримый факт. Я думаю, нам надо немедленно послать к нему переговорщика и спросить об условиях сдачи.

Еще накануне она накинулась бы на него, но это было вчера. Один взгляд на лицо ее сына в день рождения сказал ей, что Цезарион не хочет, чтобы землю его страны пропитала кровь ее подданных. Он согласился на оборону до последнего солдата римского легиона в лагере на ипподроме, но только потому, что те войска жаждали сражения. В Акции им было отказано в этом, поэтому они хотели драться здесь. Победа или поражение — не важно, лишь бы был шанс подраться.

Да, в итоге все согласилось с мнением Цезариона, что необходимо заключить мир. Пусть будет так. Мир любой ценой.

— Кто встретится с Октавианом? — спросила Клеопатра.

— Я думаю, Антилл, — сказал Антоний.

— Антилл? Он ведь еще ребенок!

— Вот именно. Более того, Октавиан хорошо его знает. Я не могу придумать лучшей кандидатуры.

— Да, я тоже не могу, — подумав, согласилась она. — Но это значит, что ты должен написать письмо. Антилл недостаточно сообразительный, чтобы вести переговоры.

— Я знаю. Да, я напишу письмо. — Он вытянул ноги, провел рукой по волосам, теперь уже побелевшим. — Дорогая моя девочка, я так устал! Скорее бы все закончилось!

Она почувствовала комок в горле. Проглотила его.

— И я тоже, любовь моя, жизнь моя. Я умоляю простить меня за ту пытку, которой я подвергла тебя, но я не понимала... Нет-нет, я должна перестать искать себе оправдания! Я должна смело признать свою вину, не уклоняться, не увили-

вать. Если бы я осталась в Египте, все сложилось бы иначе. — Она прижалась лбом к его лбу — слишком близко, чтобы видеть его глаза. — Я недостаточно любила тебя, поэтому сейчас я страдаю. О, это ужасно! Я люблю тебя, Марк Антоний. Люблю больше жизни. Я не буду жить, если тебя не станет. Все, чего я хочу, — это оказаться навечно вместе с тобой в царстве мертвых. Мы будем соединены в смерти так, как никогда не были в жизни, там покой, согласие, истинная свобода. — Она подняла голову. — Ты веришь в это?

— Верю. — Блеснули его мелкие белые зубы. — Вот почему лучше быть египтянином, чем римлянином. Римляне не верят в жизнь после смерти, поэтому они не боятся смерти. Цезарь всегда говорил, что смерть — это вечный сон. И Катон, и Помпей Магн, и все остальные. Ну что ж, пока они спят, я буду гулять в царстве мертвых с тобой. Вечно.

Октавиан, я уверен, ты не хочешь больше проливать римскую кровь, а судя по тому, как ты обходишься с армией моей супруги, ты не желаешь смерти и египтянам.

Я полагаю, мой старший сын застанет тебя в Мемфисе. Он везет это письмо, поскольку я уверен, в этом случае оно ляжет на твой стол, а не на стол какого-нибудь легата. Мальчик очень хотел быть полезным, и я с радостью позволил ему оказать мне эту услугу.

Не стоит продолжать этот фарс. Я признаю, что в этой войне, если ее можно так назвать, агрессором был я. Да, Марку Антонию не удалось ярко блеснуть, и теперь он хочет все закончить.

Если ты позволишь царице Клеопатре управлять ее царством как фараону и царице, я упаду на меч. Хороший конец жалкой борьбы. Пошли свой ответ с моим сыном. Я буду ждать ответа три рыночных интервала. Если к тому времени известий не будет, я пойму, что ты мне отказал.

Три рыночных интервала миновали, но ответа от Октавиана не пришло. Антония беспокоило, что его сын не вернулся, но он решил, что Октавиан задержит мальчика до своей полной победы. Что делают потом с сыновьями тех, кто занесен

в проскрипционные списки? Обычно их удел — изгнание. Но Антилл много лет жил у Октавии. Ее брат не прогонит ее пасынка. И не откажет ему в доходе, чтобы сын Антония мог достойно жить.

— Ты действительно думаешь, что Октавиан примет условия, которые ты выдвинул в письме? — спросила Клеопатра.

Она не видела письма и не просила показать его ей. Новая Клеопатра понимала, что дела мужчин касаются лишь мужчин.

— Думаю, что не примет, — ответил Антоний, пожав плечами. — Хоть бы Антилл дал мне знать.

Как сказать ему, что мальчик мертв? Октавиан не хочет договариваться, ему нужны сокровища Птолемеев. Знает ли он, где их найти? Нет, конечно. Поэтому он выкопает в песке Египта больше дыр, чем звезд на небе. А Антилл? Живой, он может создать проблемы. Шестнадцатилетние мальчишки — как ртуть, и хитрые. Октавиан не будет рисковать и сохранять ему жизнь, опасаясь, что он убежит и сообщит отцу его диспозиции. Да, Антилл мертв. Имеет ли значение, скажет она об этом его отцу или промолчит? Нет, не имеет. Поэтому она не станет взваливать еще и эту горестную ношу на его и без того слабые плечи. (О боги, неужели она подумала так о Марке Антонии?)

Вместо этого она заговорила о другом юноше — Цезарионе.

— Антоний, у нас, наверное, есть еще три рыночных интервала до прихода Октавиана в Александрию. Я думаю, что где-нибудь поблизости от города ты дашь ему бой, да?

Он пожал плечами:

— Солдаты этого хотят, поэтому — да.

— Нельзя позволять Цезариону участвовать в сражении.

— Боишься, что его убьют?

— Да. Я совершенно уверена, что Октавиан не позволит мне править Египтом, но и Цезариону он тоже не позволит. Я должна отправить его в Индию или на Тапробану, прежде чем Октавиан начнет охотиться за ним. У меня есть пятьдесят надежных людей и небольшой быстроходный флот в Беренике. Каэм дал моим слугам достаточно золота, чтобы обеспе-

чить Цезариона. Когда он станет взрослым мужчиной, он сможет возвратиться.

Антоний внимательно смотрел на нее, хмурия лоб. Цезарион, всегда Цезарион! Но она была права. Если он останется, Октавиан выследит его и убьет. Обязательно убьет. Ни один соперник, так похожий на Цезаря, как этот египетский сын, не должен жить.

— Что требуется от меня? — спросил он.

— Поддержка, когда я скажу ему об этом. Он не захочет уезжать.

— Не захочет, но должен. Да, я поддержу тебя.

Они оба удивились, когда Цезарион сразу согласился.

— Мама, Антоний, я понимаю вас. — Голубые глаза его расширились. — Кто-то из нас должен жить, но никому из нас жить не позволят. Если я пробуду в Индии лет десять, Октавиан оставит Египет в покое. Как провинцию, а не как царство-клиент. Но если люди Нила будут знать, что фараон жив, они обрадуются, когда я вернусь. — Глаза его наполнились слезами. — О мама, мама! Никогда больше я не увижу тебя! Я должен ехать, но не могу. Ты будешь идти в триумфальном шествии Октавиана, а потом тебя задушат. Не могу я уехать!

— Ты должен, Цезарион, — решительно сказал Антоний, взяв его за руку. — Я не сомневаюсь в твоей любви к матери, но я также верю, что ты любишь свой народ. Поезжай в Индию и оставайся там, пока не наступит время вернуться. Пожалуйста!

— Я поеду. Это разумно.

Он улыбнулся им улыбкой Цезаря и вышел.

— Не могу поверить, — сказала Клеопатра, поглаживая свой зоб. — Он сказал, что поедет, да?

— Да, он так сказал.

— Он должен уехать завтра же.

На следующий день, одетый как банкир или как чиновник среднего класса, Цезарион отбыл с двумя слугами. Все трое — на хороших верблюдах.

Клеопатра стояла на стене Царского квартала, махала красным шарфом и улыбалась, пока могла видеть сына на Мемфисской дороге. Сославшись на головную боль, Антоний остался во дворце.

Там Канидий и нашел его. Остановившись на пороге, он увидел Марка Антония, который растянулся на ложе, ладонью прикрыв глаза.

— Антоний!

Антоний свесил ноги на пол и сел, моргая.

— Ты нездоров? — спросил Канидий.

— Голова болит, но не от вина. Жизнь тяготит меня.

— Октавиан не примет твоих условий.

— Что ж, мы поняли это в тот момент, когда царица послала ему свой скипетр и диадему в Пелузий. Жаль, что, в отличие от армии, город оказал сопротивление. Много хороших египтян погибло. Как они могли подумать, что сумеют выдержать римскую осаду?

— Он не мог позволить себе осаду, Антоний, вот почему он взял город штурмом. — Канидий в недоумении посмотрел на Антония. — Разве ты не помнишь? Ты болен!

— Да-да, я помню! — отрывисто засмеялся Антоний. — Просто у меня голова занята совсем другим, вот и все. Он в Мемфисе, да?

— Был в Мемфисе. А теперь подходит к Канопскому рукаву Нила.

— Что говорит о нем мой сын?

— Твой сын?

— Антилл!

— Антоний, мы уже месяц ничего не слышали об Антилле.

— Да? Как странно! Наверное, Октавиан задержал его.

— Да, наверное, так и есть, — тихо сказал Канидий.

— Октавиан послал письмо со слугой, да?

— Да, — с порога ответила Клеопатра.

Она вошла и села напротив Антония, взглядом предостерегая Канидия.

— Как зовут человека?

— Тирс, дорогой.

— Освежи мою память, Клеопатра, — явно смущенный, попросил Антоний. — Что было в письме, которое прислал тебе Октавиан?

Канидий рухнул в кресло, пораженный.

— В открытом письме он приказывает мне разоружиться и сдаться. В личном послании сказано, что Октавиан подумает о решении, удовлетворяющем все стороны, — ровным голосом произнесла Клеопатра.

— Да! Да, конечно, я помню... Ах... я должен был что-то сделать для тебя? Что-то в отношении командира гарнизона в Пелузии?

— Он послал свою семью в Александрию, чтобы они были в безопасности, и я их арестовала. Почему его семья должна избежать страданий оставшихся в Пелузии? Но потом Цезарион... — она запнулась, стиснула руки, — сказал, что я слишком строга, что поступаю несправедливо и что я должна перестать их тебе.

— О-о! И я поступил справедливо с семьей?

— Ты освободил их. И это было несправедливо.

Канидий слушал все это, словно его ударили боевым топором. Все кончено, все в прошлом! О боги, Антоний полупомешанный! Он уже ничего не помнит. И как он, Канидий, будет обсуждать военные планы с потерявшим память стариком? Разбит! Распался на тысячу осколков! Он не может командовать.

— Чего ты хочешь, Канидий? — спросил Антоний.

— Октавиан совсем близко, Антоний, а у меня семь легионов на ипподроме, требующих сражения. Мы будем сражаться?

Антоний вскочил, моментально превратившись из старика-склеротика в военачальника, энергичного, умного, решительного.

— Да! Конечно мы будем драться, — сказал он и заорал: — Карты! Мне нужны карты! Где Цинна, Туруллий, Кассий?

— Ждут, Антоний. Очень хотят сразиться.

Клеопатра проводила Канидия.

— Как давно это началось? — спросил Канидий.

— С тех пор, как он вернулся из Фрааспы. Уже четыре года.

— Юпитер! Почему я этого не замечал?

— Потому что это случается эпизодически и обычно, когда у него болит голова. Цезарион уехал сегодня, так что день тяжелый, но не беспокойся, Канидий. Он уже приходит в себя и к завтрашнему утру будет таким, каким был у Филипп.

Клеопатра знала, что говорила. Антоний воспрянул духом, когда авангард кавалерии Октавиана прибыл в окрестности Канопа, где находился ипподром. Это был прежний Антоний, полный решимости и огня, всегда находящий решение. Смяв кавалерию, семь легионов Антония ринулись в бой, распевая гимны Геркулесу Непобедимому, покровителю рода Антониев и богу войны.

С наступлением сумерек он возвратился в Александрию. Его встретила торжествующая Клеопатра.

— Ох, Антоний, Антоний, ты достоин всего! — кричала она, покрывая его лицо поцелуями. — Цезарион! Как я хочу, чтобы Цезарион мог видеть тебя сейчас!

Бедная женщина, она так ничего и не поняла. Когда Канидий, Цинна, Децим Туруллий и другие прибыли в таком же состоянии, потные, покрытые кровью, как Антоний, она бежала от одного к другому, так широко улыбаясь, что даже Цинна нашел это зрелище отвратительным.

— Это было не главное сражение, — попытался вразумить ее Антоний, когда она промелькнула мимо него. — Прибереги свою радость для решающей битвы, которая еще предстоит.

Но нет, она не хотела слышать. Весь город ликовал так, словно это было генеральное сражение, а Клеопатра занялась организацией праздника в честь их победы, который должен был состояться в гимнасии на следующий день. Вся армия будет там, она наградит самых храбрых солдат, легатов надо устроить в золоченом павильоне на пышных подушках, центурионов — чуть менее шикарно...

— Они оба сумасшедшие, — сказал Цинна Канидию. — Сумасшедшие!

Он пытался остановить ее, но Антоний, муж, возлюбленный, не стал разубеждать ее в том, что победа в этой малой битве положила конец войне, что ее царство спасено, что Октавиан перестал быть угрозой. Профессиональные воины, легаты наблюдали, как бессильный Антоний, поддавшись безумной радости Клеопатры, тратил последнюю энергию, пытаясь втолковать ей, что семь легионов никогда не поместятся в гимнасии.

На праздник были приглашены лишь те, кто заслужил награды, независимо от ранга, однако пришли также четыреста с лишним центурионов, военные трибуны, младшие легаты и те из александрийцев, кто сумел втиснуться. Были также пленные. По настоянию Клеопатры они были закованы в цепи и стояли на месте, где александрийцы могли под громкие крики закидывать их тухлыми овощами. Если до этого ничто не могло отвернуть от нее легионы, то зрелище сделало свое дело. Не по-римски, по-варварски. Оскорбление для любого римлянина.

Клеопатра не хотела слушать советов относительно наград, которые собиралась раздавать сама. Вместо простого венка из дубовых листьев за храбрость, которым награждался воин, спасший жизни товарищей и удержавший позицию до конца боя, легионер получил золотой шлем и кирасу, преподнесенные ему некрасивой маленькой женщиной с глазами навывкате, да при этом еще и поцеловавшей его!

— Где мои дубовые листья? Дай мне дубовые листья! — потребовал солдат, глубоко оскорбленный.

— Дубовые листья? — засмеялась она, словно колокольчик зазвенел. — О, дорогой мой мальчик, дурацкий венок из дубовых листьев вместо золотого шлема? Будь же благоразумным!

Он швырнул золотые доспехи в толпу и немедленно ушел в армию Октавиана в такой ярости, что боялся убить ее, если останется. Армия Антония не была римской армией, это было сборище танцовщиц и евнухов.

— Клеопатра, Клеопатра, когда ты образумишься? — с болью вопрошал Антоний той ночью, после того как закончилось это смешное представление и александрийцы разошлись по домам, удовлетворенные.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты опозорила меня перед моими людьми!

— Опозорила? — Клеопатра выпрямилась, приготовившись защищаться. — Что ты имеешь в виду?

— Это не твое дело — устраивать военные праздники, соваться в *mos maiorum* Рима, награждать воина золотом вместо дубовых листьев. И заковывать римских солдат в кандалы. Ты знаешь, что сказали эти пленные, когда я предложил им вступить в мои легионы? Они сказали, что предпочтут умереть. Умереть!

— О, ну если они так хотят, я предоставлю им такую возможность!

— Ничего подобного ты не сделаешь. Последний раз говорю, женщина: не суй нос в дела мужчин! — взревел Антоний, дрожа. — Ты превратила меня в сутенера, в *saltatrix tonsa*, которая ловит клиентов у храма Венеры Эруцины!

Ее гнев мгновенно угас. Рот открылся, глаза наполнились слезами. Она взглянула на него с искренним отчаянием.

— Я... я думала, ты захочешь этого, — прошептала она. — Я думала, это упрочит твое положение, когда твои рядовые солдаты, центурионы и трибуны увидят, как велики будут награды, если мы победим в этой войне. И разве мы не победили? Ведь это была победа?

— Да, но маленькая победа, не главная. И ради Юпитера, женщина, оставь золотые шлемы и кирасы для египтян! Римские солдаты предпочтут венки из трав.

И они разошлись, чтобы поплакать, но поплакать по разным причинам. Наутро они поцеловались и помирились. Не время было ссориться.

— Если я поклянусь моим отцом Амоном-Ра, что не буду вмешиваться в твои военные дела, Марк, ты согласишься на решающую битву? — спросила она с ввалившимися от бессонницы глазами.

Ему удалось выдавить улыбку. Он притянул ее к себе и вдохнул пьянящий запах ее кожи, этот мягкий цветочный аромат, который придавал телу иерихонский бальзам.

— Да, любовь моя, я дам свой последний бой.

Она напряглась, откинулась, чтобы посмотреть на него.

— Последний бой?

— Да, последний бой. Завтра на рассвете. — Он глубоко вздохнул, посуровел. — Я не вернусь, Клеопатра. Что бы ни случилось, я не вернусь. Мы можем победить, но это будет единственная битва. Октавиан уже выиграл войну. Я хочу умереть на поле сражения, как храбрый воин. Таким образом, римский элемент исчезнет, и ты сможешь вести переговоры с Октавианом самостоятельно, уже без меня. Ему мешаю я, а не ты. Ты — иноземный враг, и он, скорее всего, поступит с тобой по римскому обычаю. Он может потребовать, чтобы ты шла в его триумфальном параде, но не казнит ни тебя, ни наших детей. Я сомневаюсь, что он позволит тебе править Египтом, а это означает, что после его триумфа он заставит тебя и детей жить в италийском городе-крепости, например в Норбе или Пренесте. Вполне комфортно. И там ты можешь дожждаться возвращения Цезариона.

Лицо ее побелело, весь цвет сконцентрировался в огромных глазах.

— Антоний, нет! — прошептала она.

— Антоний, да. Вот чего я хочу, Клеопатра. Ты можешь попросить мое тело, и он отдаст тебе его. Он не мстительный человек. Все, что он делает, целесообразно, рационально, тщательно продумано. Не отнимай у меня возможности достойно умереть, любовь моя, пожалуйста!

Слезы жгли, стекая по щекам в уголки рта.

— Я не лишу тебя этого, любимый. У меня есть только одна просьба — последняя ночь в твоих объятиях.

Он поцеловал ее и ушел на ипподром, чтобы подготовиться к сражению.

Без всякой цели, уже мертвая внутри, она прошла по дворцу к двери, которая вела через пальмовый сад в Сему, как всегда, ее сопровождали Хармиона и Ирада. Они не задавали вопросов, в этом не было необходимости, после того как они увидели лицо фараона. Антоний погибнет, сражаясь. Цезарион уехал в Индию. И фараон быстро приближалась к тому неяс-

ному горизонту, который отделял Нил живых от царства мертвых.

Придя к своей гробнице, она велела рабочим, еще трудившимся на половине Антония, завершить все к наступлению сумерек завтрашнего дня. Сделав это распоряжение, она стояла в маленькой передней, глядя на массивные бронзовые двери, потом повернулась и посмотрела в дальний конец ее собственных покоев, где стояла великолепная кровать и ванна, отгороженный ширмой туалет, стол и два кресла, рабочий стол, на котором лежала тончайшая папирусная бумага, тростниковые перья, чернильницы, стул. Все, что фараону может понадобиться в той, другой жизни. Но вдруг она подумала, что вполне могла бы поселиться тут уже сейчас.

Эта мысль не давала ей покоя. Она была словно загнана в клетку, не в состоянии повлиять на ход событий. С одной стороны, смерть Антония, с другой — решение Октавиана относительно ее судьбы и судьбы ее детей. Она должна спрятаться! И скрываться до тех пор, пока не узнает, какое решение примет Октавиан. Если ее найдут, то возьмут в плен, посадят в тюрьму, а ее детей, наверное, сразу же убьют. Антоний утверждал, что Октавиану не чуждо милосердие, но для Клеопатры он был василиском, смертоносной рептилией. Конечно, он хочет, чтобы она участвовала в его триумфальном шествии. Следовательно, смерть царицы зверей ему невыгодна. Но если она сейчас покончит с собой, ее дети, без сомнения, будут страдать. Нет, она не могла убить себя, не обеспечив безопасность детей. Цезарион еще не достиг гавани в Аравийском заливе. Пройдет несколько дней, прежде чем он отплывет в Индию. Что касается детей Антония, она — их мать и связана с ними незримыми узами.

Взглянув на кровать, она подумала вдруг: а почему бы не укрыться в гробнице? Конечно, сейчас в нее можно попасть через отверстие, но, прежде чем Октавиан прикажет своим людям войти, она закричит в переговорную трубку, что если они это сделают, то она примет яд. Такой смерти Октавиан ей не простит. Все его многочисленные враги будут кричать, что это он отравил ее. Но она должна оставаться живой до тех пор,

пока не заставит его поклясться, что ее дети смогут достойно жить и не будут зависеть от Рима. Если хозяин Рима откажется, она отравит себя публично и так ужасно, что бесчестье ее смерти навсегда разрушит образ милосердного властителя.

— Я останусь здесь, — сказала она Хармионе и Ираде. — Положите кинжал вон на тот стол, а другой кинжал около переговорной трубки и немедленно идите к Хапд-эфане. Скажите ему, что мне нужен пузырек смертельного яда. Октавиан никогда не дотронется до живой Клеопатры.

Хармиона и Ирада решили, что их госпожа хочет умереть прямо сейчас. Так же понял намерение Клеопатры и Аполлодор, когда две плачущие женщины пришли во дворец.

— Где царица?

— В гробнице, — рыдая, ответила Ирада и поспешила на поиски Хапд-эфане.

— Она хочет покончить с собой еще до того, как Октавиан подойдет к Александрии, — сквозь слезы выговорила Хармиона.

— Но Антоний! — воскликнул потрясенный Аполлодор.

— Антоний намерен погибнуть завтра в сражении.

— К тому времени дочь Ра будет уже мертва?

— Я не знаю! Может быть... наверное... я не знаю!

И Хармиона поспешила найти свежую еду для своей хозяйки в гробнице.

Через час все во дворце знали, что фараон готовится к смерти. Ее появление в столовой удивило Каэма, Аполлодора и Сосигена.

— Царица, мы слышали... — произнес Сосиген.

— Сегодня я не умру, — почти весело сказала Клеопатра.

— Пожалуйста, царица, не торопись, подумай еще! — умолял Каэм.

— Что, никаких видений по поводу моей смерти, сын Птаха? Успокойся! Не надо бояться смерти. Никто не знает этого лучше, чем ты.

— А господин Антоний? Ты скажешь ему?

— Нет, не скажу. Все-таки он римлянин, он не поймет. Я хочу, чтобы наша последняя ночь была упоительной.

Ту последнюю ночь Антоний и Клеопатра провели в объятиях друг друга. Они ни о чем не думали, каждой клеточкой своего тела отдаваясь любви. Все ощущения были невыносимо обострены. Боги покидали Александрию. Они возвестили о своем уходе еле уловимой дрожью, вздохом, громким стоном, который постепенно затих, как затихает гром вдалеке.

— Это Серапис и боги Александрии уходят, как мы, мой дорогой Антоний, — прошептала она, уткнувшись ему в шею.

— Это лишь дрожь, — пробормотал он в полудреме.

— Нет, боги отказываются оставаться в римской Александрии.

Антоний уснул, но Клеопатре не спалось. Комната была слабо освещена лампами, и царица приподнялась на локте, чтобы посмотреть на своего мужа, запечатлеть в памяти черты его любимого лица, почти серебряные кудри, красиво контрастирующие с розовой кожей, заострившиеся скулы. «Ох, Антоний, что я сделала с тобой! В моих поступках не было ничего хорошего, доброго. Я не понимала тебя. Сегодняшняя ночь была такая мирная, что я верю — ты меня простил. Ты никогда не укорял меня за мои поступки. Я все удивлялась, почему так, но теперь понимаю: твоя любовь была так велика, что прощала все. В ответ я могу лишь предложить тебе вечность, золотую идиллию в царстве Амона-Ра, недоступную чувствам смертных».

Но потом она, наверное, задремала и сквозь дрему видела, как он поднялся — неясный темный силуэт на фоне бледного жемчуга рассвета. Она смотрела, как слуга помогает ему надеть доспехи: подбитая алая туника поверх алой набедренной повязки, алая кожаная безрукавка, простая кираса и рукава из красных кожаных полос, туго зашнурованные короткие сапоги, их языки, украшенные стальными львами, перегнулись вперед, закрывая шнурки. Широко улыбнувшись ей, Антоний взял под мышку свой стальной шлем, откинул за спину палудамент, свободно спадающий с плеч.

— Пойдем, жена, — сказал он. — Проводи меня.

Она сунула свой носовой платок, надушенный ее духами, в пройму его кирасы и вышла с ним на чистый, холодный воздух, наполненный пением птиц.

Канидий, Цинна, Децим Туруллий и Кассий Пармский уже ждали. Антоний сел в седло со скамьи, пнул пятками в ребра своего серого в яблоках государственного коня и галопом поскакал на ипподром в пяти милях от дворца. Это был последний день июля.

Как только он исчез из виду, она пошла в свою гробницу в сопровождении Хармионы и Ирады. Войдя внутрь, они втроем опустили брусья на двойные двери. Только знаменитый восьмифутовый таран Антония мог выбить их. Клеопатра увидела очень много свежей еды, корзины с фигами, оливками, булочками, испеченными по специальному рецепту, что позволяло им не черстветь несколько дней. Но она не собиралась долго тут жить.

Худшее случится сегодня, когда принесут тело Антония. Его положат в погребальной камере с саркофагом, чтобы там его забальзамировали жрецы. Но сначала она посмотрит на его мертвое лицо. О Амон-Ра и все твои боги, пусть оно будет мирным, не искаженным гримасой боли! Пусть его жизнь закончится мгновенно!

— Я рада, — сказала Хармиона, дрожа, — что в отверстие проникает свежий воздух. Здесь так мрачно!

— Зажги больше ламп, глупая, — ответила практичная Ирада.

Антоний и его легаты направлялись в Канопу, с улыбкой предвкушая предстоящий бой. Территория уже много лет была заселена зажиточными иноземными торговцами, но их дома не были разбросаны между гробницами, как на западной стороне города, в районе некрополя. Здесь раскинулись сады, плантации, каменные особняки с бассейнами и фонтанами, рощи черного дуба и пальм. За ипподромом лежали низкие дюны. Около моря — что вовсе не радовало богачей — был расположен римский лагерь, построенный квадратом со стороной в две мили, с траншеями, рвами, обнесенный стенами.

«Хорошо!» — подумал Антоний, когда они приблизились. Он увидел, что солдаты уже вышли из лагеря и построились.

Между передними рядами Антония и передними рядами Октавиана было полмили. Орлы сияли, разноцветные флаги когорт развевались на ветру, алый сигнальный флаг был воткнут в землю рядом с государственным конем Октавиана, которого окружали его военачальники. «Ох, как я люблю этот момент! — думал Антоний, проезжая по рядам своих солдат. На флангах били копытами кони. Ощущалось обычное перед боем возбуждение. — Я люблю разлитое в воздухе напряжение, люблю смотреть на лица моих солдат, чувствовать концентрацию этой мощи».

И вдруг в один миг все закончилось. Его вексилларий с силой воткнул в землю свой флаг и пошел в сторону армии Октавиана. Все аквилиферы сделали то же самое со своими орлами. Вслед за ними все его солдаты подняли вверх мечи и копыя, древки которых были перевязаны белыми шарфами.

Как долго Антоний сидел на своем гарцующем коне, он не знал, но когда его ум достаточно прояснился, он посмотрел по сторонам, ища взглядом своих легатов, — но они уже ушли. Исчезли. И он не знал куда. Резким движением, словно марионетка, он повернул седую голову и галопом помчался в Александрию. Слезы заливали его лицо и слетали, как капли дождя от порыва ветра.

— Клеопатра, Клеопатра! — крикнул он, как только вошел во дворец и бросил шлем, со звоном скатившийся по лестнице. — Клеопатра!

Появился Аполлодор, за ним Сосиген и, наконец, Каэм. Но Клеопатры не было.

— Где она? Где моя жена? — кричал он.

— Что случилось? — спросил Аполлодор, съезжившись.

— Моя армия дезертировала, а это значит, что и флот мой тоже не будет драться, — резко ответил он. — Где царица?

— В своей гробнице, — ответил Аполлодор.

Вот! Он побледнел, покачнулся.

— Умерла?

— Да. Она не думала, что увидит тебя живым.

— И не увидела бы, если бы моя армия сражалась. — Он пожал плечами, развязал тесемки палудамента, и тот упал на пол ярким красным пятном. — Да какая разница.

Он развязал ремни кирасы — она упала на мрамор, звякнув, — выхватил меч из ножен, меч аристократа с эфесом из слоновой кости в форме орла.

— Помоги мне снять безрукавку, — приказал он Аполлодору. — Ну же, я не прошу тебя проткнуть меня мечом! Просто раздень меня до туники.

Но это Каэм вышел вперед, снял с него кожаную одежду и птериги. Три старика стояли в оцепенении, глядя, как Антоний направил острие своего меча на диафрагму, нащупывая пальцами левой руки нижнее ребро грудной клетки. Нащупав, он обеими руками схватил рукоять, шумно втянул в себя воздух и со всей силой пронзил себя. Только тогда, когда он стал опускаться на пол, ловя ртом воздух, моргая, хмурый не от боли, а от гнева, трое стариков подбежали, чтобы помочь ему.

— *Sacat!* — воскликнул он, оскалив зубы. — Я ударил мимо сердца. Оно должно быть там...

— Что мы можем сделать? — спросил Сосиген, плача.

— Во-первых, перестань реветь. Меч в моей печенке или в легких, поэтому через какое-то время я все-таки умру. — Он застонал. — *Sacat*, больно! Так мне и надо... Царица... Отнесите меня к ней.

— Оставайся здесь до конца, Марк Антоний, — попросил его Каэм.

— Нет, я хочу умереть, глядя на нее. Отнесите меня к ней.

Два бальзамирощика поднялись в корзине со своими инструментами и встали на уступ у отверстия, ожидая, пока другие два жреца-бальзамирощика уложат Антония в корзину, дно которой застилали белые простыни. Затем они подняли корзину лебедкой. У отверстия они поставили корзину на рельсы, и она скатилась в гробницу, где первые два жреца приняли ее.

Клеопатра стояла, ожидая увидеть безжизненное тело Антония, красивого в смерти, без зияющих кровавых ран.

— Клеопатра! — ахнул он. — Они сказали, что ты мертва.

— Любовь моя, любовь моя! Ты еще жив!

— Так это шутка? — спросил он, пытаясь засмеяться сквозь кашель. — *Cacat!* Я чувствую кровь на груди.

— Положите его на мою кровать, — приказала она жрецам и ходила вокруг, мешая им, пока они не уложили его так, как она хотела.

На алой тунике кровь была не так заметна, как на белых простынях, на которых он лежал. Но за свои тридцать девять лет Клеопатра видела много крови и не пришла в ужас. До тех пор, пока жрецы-врачи не сняли с него тунику, чтобы ту же перевязать рану и остановить кровотечение. Увидев его великолепное тело с длинным тонким разрезом под ребрами, она усилием воли стиснула зубы, чтобы сдержать крик, первый взрыв горя. Антоний умирал... Что ж, она ожидала этого. Но не ожидала, что будет смотреть, как он умирает. Боль в его глазах, спазм, внезапно согнувший его дугой, когда жрецы стали бинтовать его. Его рука сдавила ее пальцы так, что она подумала: сейчас он их сломает. Но она знала, что это прикосновение дает ему силы, поэтому стерпела.

Когда его положили как можно удобнее, Клеопатра подвинула кресло к кровати, села и тихо и ласково заговорила с ним, а он не отводил взгляда от ее лица. Время шло час за часом, помогая ему пересечь реку, как сказал он, в душе оставаясь римлянином.

— Мы действительно будем вместе гулять в царстве мертвых?

— Теперь уже очень скоро, любовь моя.

— Как я найду тебя?

— Это я найду тебя. Просто сядь где-нибудь в красивом месте и жди.

— Лучшая судьба, чем вечный сон.

— О да. Мы будем вместе.

— Цезарь тоже бог. Я должен буду делить тебя с ним?

— Нет. Цезарь принадлежит к римским богам. Нас там не будет.

Прошло много времени, прежде чем он собрался с силами и смог рассказать ей, что случилось на ипподроме.

- Мои воины дезертировали, Клеопатра. Все до единого.
- Значит, сражения не было.
- Нет, я сам себя заколол.
- Лучше умереть от своего меча, чем от меча Октавиана.
- Я тоже так думаю. Да, но это утомительно. Медленно,

слишком медленно.

— Скоро все будет кончено, любимый. Я говорила, как сильно я люблю тебя?

- Да, и теперь я верю тебе.

Переход от жизни к смерти был таким тихим, что она не поняла, когда это произошло, пока не посмотрела близко в его глаза и не увидела огромные зрачки, покрытые золотой патиной. Марк Антоний покинул ее. У нее на руках была лишь оболочка, та его часть, которую он оставил.

Крик разорвал воздух. Ее крик. Она выла, как зверь, рвала на себе волосы, разорвала лиф платья и стала ногтями царапать грудь, плача и причитая, словно безумная.

Хармионе и Ираде показалось, что она может нанести себе серьезный вред, они позвали жрецов-бальзамировщиков, и те насильно влили в горло Клеопатры маковый сироп. И только когда она впала в ступор, жрецы смогли отнести тело Марка Антония в комнаты, где стоял саркофаг, чтобы приступить к бальзамированию.

Наступила темнота. Антоний умирал одиннадцать часов. Но в конце он был прежним Антонием, великим Антонием. В смерти он наконец обрел себя.

28

Цезарион спокойно продолжал путь по дороге, ведущей в Мемфис, хотя двое его слуг, пожилые македонцы, настоятельно советовали ему ехать до Схедии и там сесть на паром до Леонтополя на Пелузийском рукаве Нила. Это позволит избежать риска встречи с армией

Октавиана, говорили они. К тому же это более короткий путь к Нилу.

— Какая ерунда, Праксис! — засмеялся молодой человек. — Кратчайший путь до Нила — это дорога на Мемфис.

— Только когда на ней нет римских легионов, сын Ра.

— Не называй меня так! Я — Парменид из Александрии, младший банкир, еду инспектировать счета царского банка в Копте.

«Жаль, что мама настояла, чтобы я взял с собой двух сторожевых псов», — подумал Цезарион. Хотя, в конце концов, они ни на что не влияли. Он точно знал, куда направляется и что будет делать. Не оставить маму в беде — это первое и самое главное. Какой сын согласится на это? Они были связаны нитью, по которой ее кровь поступала к нему, когда он плавал в мягкой, теплой жидкости, которую мама приготовила для него. И даже после того, как эту нить перерезали, остались невидимые узы, связывающие их, как бы далеко друг от друга они ни находились. Конечно, она думала о нем, когда отсылала его на другой конец света, совершенно ему чуждый. Ну а он думал о ней, когда покидал ее, намереваясь отправиться совсем в другое место и поступить совершенно иначе.

На развилке, где сходились дороги на Схедию и Мемфис, он радостно простился с попутчиками, стегнул хлыстом своего верблюда и галопом помчался по дороге на Мемфис. «Брр! Брр!» — понукал он животное, скрестив ноги перед седлом, чтобы не упасть. Для верблюдов характерна иноходь. А это качка посильнее корабельной во время шторма.

— Мы должны догнать его! — вздохнув, сказал Праксис.

«Брр! Брр!» И оба кинулись вдогонку быстро удалявшемуся Цезариону.

Еще несколько миль — и как раз когда слуги уже нагнали его, Цезарион увидел армию Октавиана. Он осадил верблюда, потом съехал с дороги. Никто его не заметил. Солдаты и офицеры пели свои походные песни, ибо знали, что тысячемильный марш заканчивается и их ждет хороший лагерь, хорошая солдатская еда, девочки Александрии к их услугам, доброволь-

но или не очень, и, без сомнения, масса небольших золотых вещичек, которых никто не пропустит.

Раз-два, раз-два,
 Антоний, мы твоя судьба!
 Три-четыре, три-четыре,
 Открывай-ка дверь пошире!
 Пять-шесть, пять-шесть,
 Антоний, вот мы уже здесь.
 Семь-восемь, семь-восемь,
 Выходи навстречу, просим!
 Девять-десять, девять-десять,
 Мы пришли покуролесить!
 Цезарь, Цезарь!
 Всех хотим мы, и женщин и мужчин!
 Александрия!
 Александрия!
 Александрия!

Восхищенный Цезарион отметил, как солдаты меняют ритм, чтобы он соответствовал ритму марша.левой-правой, левой-правой! Медленно двигаясь вдоль линии, он понял, что у каждой когорты своя песня и что какой-то голосистый остроумец сочинил новые слова и поет свое. Он видел армию Антония здесь, в Египте, и в Антиохии, но его войска никогда не пели походных песен. Может быть, потому что они не были на марше. Обычай понравился Цезариону, хотя в этих песенках доставалось его матери, которая, похоже, стала любимой темой. Колдунья, сука, свинья, корова, царица зверей, шлюха жрецов...

Ах! Он увидел алый *vexillum proponere* командующего. Древко флага держал человек в львиной шкуре. Когда палатку командующего установят, флаг будет развеваться над ней. Октавиан, наконец-то! Как и все его легаты, он шел пешком, одетый в забрызганную грязью кожаную безрукавку коричневого цвета. Золотые волосы выдавали его даже и без алого знамени. Такой маленький! Не выше пяти с половиной футов, подумал пораженный Цезарион. Стройный, загорелый, лицо привлекательное, но не женственное. Его маленькие некра-

сивые руки двигались в такт приличной песне, которую пели впереди.

— Цезарь Октавиан! — крикнул Цезарион, сдернув капюшон. — Цезарь Октавиан, я пришел заключить соглашение!

Октавиан резко остановился, половина армии, следующая за ним, тоже остановилась, а та половина, что шла впереди него, продолжала идти, пока младший легат, ехавший верхом, не выехал вперед и не остановил солдат.

На какой-то момент Октавиан искренне подумал, что перед ним божественный Юлий, нарядившийся греком. Потом его изумленный взгляд задержался на неброской светло-коричневой одежде, отметил юность божественного Юлия, и Октавиан понял, что перед ним Цезарион. Сын Клеопатры от его божественного отца. Птолемей Пятнадцатый Цезарь, царь Египта.

Два человека постарше, тоже на верблюдах, догоняли Цезариона. Вдруг Октавиан повернулся к Статилию Тавру:

— Тавр, схвати их и накрой капюшоном голову мальчика. Немедленно!

Пока солдаты освобождались от груза, который они несли на натруженных спинах и плечах, и группами уходили к ближайшему озеру Марейотида за водой, была срочно поставлена палатка для Октавиана. Не могло быть и речи о том, чтобы позвать кого-то в палатку для предстоящего разговора, во всяком случае вначале. Перед Мессалой Корвином и Статилием Тавром только мелькнула золотоволосая голова божественного Юлия — привидение?

— Уведите двух других и немедленно убейте их, — сказал он Тавру. — Потом вернитесь ко мне. Никто не должен говорить с ними. Поэтому оставайтесь при них, пока они не умрут. Понятно?

С Октавианом путешествовали три человека, которых он выбрал вовсе не за военную доблесть. Один был аристократом, двое других — его вольноотпущенниками. Гай Прокулей был сводным братом зятя Мецената, Варрона Мурены, известного своей эрудицией. Гай Юлий Тирс и Гай Юлий Эпафродит были рабами Октавиана и служили ему так хорошо, что после их

освобождения он не только оставил их при себе, но и сделал своими доверенными лицами. Ибо такого человека, как Октавиан, грубая компания военных вроде его старших легатов просто свела бы с ума через несколько месяцев. Отсюда Прокулей, Тирс и Эпафродит. Поскольку все военачальники Октавиана, от Сабина и Кальвина до Корвина, держали своего господина за большого оригинала, никто не обижался на то, что Октавиан во время кампании обедает один, то есть с Прокулем, Тирсом и Эпафродитом.

Шок, испытанный Октавианом, прошел не сразу по многим причинам, первой и главной из которых было то, что он обнаружил местонахождение сокровищницы Птолемеев, следуя описанию, которое дал ему его божественный отец. Поисками он занимался со своими двумя вольноотпущенниками. Ни один римский аристократ никогда не увидит, что лежало в сотнях маленьких комнат по обе стороны лабиринта тоннелей, начинавшегося на территории Птаха. Войти в него можно, нажав определенный картуш и спустившись в темные недра. Подобно рабу, которому позволили несколько часов погулять по Елисейским полям, блуждал он по подземному лабиринту. Потом стал изымать то, что, по его мнению, было необходимо, чтобы поставить Рим на ноги: в основном золото, ляпис-лазурь, горный хрусталь, алебастр для скульпторов, которые создадут замечательные произведения искусства для украшения римских храмов и общественных мест. В качестве вьючных животных он использовал египтян, которым перед входом в тоннели завязали глаза. После того как они поднялись на поверхность, его собственная когорта убила всех носильщиков и взяла под охрану повозки, двинувшиеся в Пелузий, откуда ценный груз должен был отправиться домой. Солдаты могли догадаться о содержании корзин по их весу, но никто не посмел бы открыть их, потому что все они были запечатаны печатью с изображением сфинкса. Когда Октавиан увидел это превосходящее воображение богатство, с его плеч свалился огромный груз. Настроение его улучшилось, он почувствовал себя таким свободным и беззаботным, что его легаты не могли понять, с чем же столкнулся он в Мемфисе, что

так изменило его. Он пел, насвистывал, чуть ли не прыгал от радости, когда армия возобновила марш в логово царицы зверолей, в Александрию. Конечно, со временем они догадаются, что произошло в Мемфисе, но к тому времени они — и все то золото — уже вернутся в Рим, и ни у кого не будет возможности припрятать что-нибудь в складке тоги.

В тот момент, когда Цезарион окликнул его в пяти милях от ипподрома в окрестностях Александрии, у него еще не было выработано никакой стратегии. Золото на пути к Риму, да, но что ему делать с Египтом и его царской семьей? С Марком Антонием? Как лучше всего защитить сокровища Птолемеев? Сколько людей знали, как их найти? Кому из своих вероломных союзников, от царя парфян до армянского Артавазда, говорила о них Клеопатра? Ох, будь проклят этот мальчишка за его неожиданное, внезапное появление! Да еще перед всей его армией!

Когда Статилий Тавр вернулся, Октавиан резко кивнул.

— Приведи его, Тавр. Сам.

Он вошел со все еще покрытой головой, но быстро скинул верхнюю одежду и остался в простой кожаной тунике для верховой езды. Такой высокий! Выше даже, чем был божественный Юлий. Военачальники Октавиана дружно вздохнули и затаили дыхание, ошеломленные.

— Что ты делаешь здесь, царь Птолемей? — спросил Октавиан со своего курульного кресла.

Не будет никаких рукопожатий, сердечных приветствий, никакого лицемерия.

— Я пришел вести переговоры.

— Тебя послала твоя мать?

Молодой человек засмеялся, продемонстрировав еще большее сходство с Цезарем.

— Нет, конечно! Она думает, что я на пути в Беренику, откуда должен отплыть в Индию.

— Ты сделал бы лучше, если бы подчинился ей.

— Нет. Я не могу оставить ее — позволить ей одной встретиться с тобой лицом к лицу.

— У нее есть Марк Антоний.

— Если я правильно его понял, он будет уже мертв.

Октавиан потянулся, зевнул до слез.

— Очень хорошо, царь Птолемей. Я буду вести с тобой переговоры. Но не при стольких свидетелях. Мои легаты, вы можете идти. Помните клятву, которую вы дали мне. Я хочу, чтобы даже шепота вашего об этом никто не услышал. И не смейте обсуждать появление этого юноши даже между собой. Понятно?

Стагилий Тавр кивнул и ушел с остальными.

— Садись, Цезарион.

Прокулей, Тирс и Эпафродит, едва дыша от ужаса, встали у стены палатки на таком расстоянии, чтобы их не видели оба участника драмы.

Цезарион сел, его зелено-голубые глаза оказались единственным, что отличало его от божественного Юлия.

— Что же ты можешь предложить, чего не может Клеопатра?

— Для начала — спокойную атмосферу. Ты не испытываешь ненависти ко мне. Как ты можешь ненавидеть меня, если мы никогда не встречались? Я желаю мира тебе и Египту.

— Огласи свои предложения.

— Моя мать удалится как частное лицо в Мемфис или Фивы. Ее дети от Марка Антония поедут с ней. Я буду править в Александрии как царь и в Египте как фараон. Я буду самым преданным царем-клиентом Гая Юлия Цезаря, божественного сына. Я дам тебе столько золота, сколько ты попросишь, а также пшеницу, чтобы кормить всю Италию.

— Почему ты будешь более мудрым правителем, чем твоя мать?

— Потому что я — кровный сын Гая Юлия Цезаря. Я уже начал исправлять ошибки, которые на протяжении многих поколений совершала династия Птолемеев. Я учредил бесплатную раздачу зерна для бедных, я сделал гражданами Александрии всех ее жителей, а сейчас я работаю над процедурой демократических выборов.

— Хм. Очень по-цезарски, Цезарион.

— Понимаешь, я нашел его бумаги с проектами, как вывести Александрию и Египет из застоя, который длился в Египте тысячелетия. Я понял, что его идеи верны, что мы погрязли в безжалостном болоте привилегий для высших классов.

— О, ты говоришь как он!

— Благодарю.

— Мы оба — сыновья божественного отца, это правда, — сказал Октавиан, — но ты намного больше похож на него.

— Так всегда говорит моя мать. И Антоний тоже.

— Ты никогда не думал, что это значит, Цезарион?

Молодой человек не понял.

— Нет. Что это может значить, помимо того, что это реальность?

— Реальность. По сути, в этом вся проблема.

— Проблема?

— Да. — Октавиан вздохнул, соединил пальцы пирамидкой. — Если бы ты сейчас не предстал передо мной, царь Птолемей, я, возможно, и заключил бы с тобой соглашение. Но теперь у меня нет выбора. Я должен тебя убить.

Цезарион ахнул, приподнялся с кресла, но снова сел.

— Ты хочешь сказать, что я пойду с моей матерью в твоём триумфальном параде, а потом нас задушат? Но почему? Почему мне необходимо умереть? Кстати, зачем казнить мою мать?

— Ты неправильно меня понял, сын Цезаря. Ты никогда не будешь идти среди участников моего триумфа. Собственно говоря, я не разрешил бы тебе даже на тысячу миль приближаться к Риму. Разве тебе никто не объяснил?

— Чего именно? — спросил Цезарион, потрясенный. — Перестань играть со мной, Цезарь Октавиан!

— Твое сходство с божественным Юлием представляет для меня угрозу.

— Я — угроза из-за сходства? Это же бред!

— Все, что угодно, только не бред. Выслушай меня. Как странно, что твоя мать тебе не сказала! Может, она думала, что если ты будешь знать, то никогда не дашь ей царствовать на Капитолии. Нет, сиди и слушай! Я откровенно говорю о Клео-

патре не для того, чтобы досадить тебе, а потому, что она была моим заклятым врагом. Дорогой мой мальчик, я должен был руками и ногами драться, не щадя сил, чтобы возвыситься в Риме. Четырнадцать лет! Я начал, когда мне было восемнадцать, будучи усыновленным моим божественным отцом как римский сын. Я стал наследником и старался соответствовать этому статусу, хотя многие были против меня, включая Марка Антония. Теперь мне тридцать два года, и, когда ты умрешь, я наконец буду в безопасности. У меня не было такой юности, как у тебя. Я был болен и слаб. Люди считали меня трусом. Я стремился подражать божественному Юлию: учился улыбаться, как он, носил обувь на толстой подошве, чтобы казаться выше ростом, копировал его речь, стиль его риторики. И когда земной образ божественного Юлия погас в памяти людей, они стали думать, что в мои годы он, наверное, был похож на меня. Ты начинаешь понимать, Цезарион?

— Нет. Я сожалею, что тебе пришлось страдать, но не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет моя внешность.

— Внешность — это ось, на которой вращалась моя карьера. Ты не римлянин и не был воспитан римлянином. Ты — иноземец. — Октавиан подался вперед, сверкая глазами. — Я скажу тебе, почему римляне, прагматичный и разумный народ, обожествили Гаю Юлию Цезаря. Самый неримский поступок. Они любили его! О многих полководцах говорили, что солдаты готовы умереть за них, но только о Гае Юлии Цезаре говорили, что все жители Рима и всей Италии готовы за него умереть. Когда он ходил по Римскому форуму, по улицам и трущобам Рима или любого другого города Италии, он относился ко всем как к равным себе. Он шутил с ними, он выслушивал рассказы об их горестях, он старался помочь. Рожденный и выросший в трущобах Субуры, он вел себя с неимущими как неимущий: он говорил на их жаргоне, спал с их женщинами, целовал их дурно пахнущих младенцев и плакал, тронутый их положением. И когда те тщеславные и отъявленные снобы, жадные до денег, убили его, народ Рима и Италии не мог пережить эту потерю. Это они сделали его богом, а не сенат! Фактически сенат — ведомый Марком Антонием! — пытался всеми

известными ему способами помешать обожествлению Цезаря. Не удалось. Клиентов у него был легион, и я наследовал их вместе с его состоянием.

Он поднялся, обошел стол и встал перед испуганным юношей, глядя на него сверху.

— Позволить народу Рима и Италии увидеть тебя, Птолемей Цезарь, — и они забудут обо всем. Они полюбят тебя сразу и будут безумно рады. А я? Меня завтра же забудут. Весь мой четырнадцатилетний труд пойдет прахом. Льстивый сенат начнет подлизываться к тебе, сделает тебя римским гражданином и, может быть, на следующий же день назначит консулом. Ты будешь править не только Египтом и Востоком, но и Римом, несомненно, сможешь назвать себя хоть пожизненным диктатором, хоть царем. Сам божественный Юлий начал уже смягчать наши *mos maiorum*, потом мы, три триумвира, почти сломали традиции, и теперь, когда Антоний уже не соперник мне, я — неоспоримый хозяин Рима. То есть при условии, что ни Рим, ни Италия никогда тебя не увидят. Я намерен править Римом и его владениями как автократ, молодой Птолемей Цезарь. Ибо Рим находится сейчас в таком положении, что готов согласиться с подобным правлением. Если народ увидит тебя в Риме, он примет тебя. Но ты будешь править так, как научила тебя твоя мать, — царь, сидящий на Капитолии и вершащий суд, словно Минос у ворот Гадеса. Ты не видишь в этом ничего предосудительного, несмотря на все твои либеральные программы реформ в Александрии и Египте. А мое правление будет невидимым. На мне не будет диадемы или тиары — знака моей власти, и я не разрешу моей любимой жене носить ее. Мы будем продолжать жить в нашем доме, и пусть Рим думает, что правление в нем демократическое. Вот почему ты должен умереть. Чтобы Рим оставался римским.

Выражение лица Цезариона все время менялось: удивление, горе, задумчивость, гнев, печаль, понимание. Но не было ни смущения, ни замешательства.

— Я понимаю, — медленно проговорил он. — Я действительно понимаю и не могу винить тебя.

— Ты на самом деле сын божественного Цезаря и наследовал его блестящий интеллект. Жаль, что я никогда не увижу, наследовал ли ты его военный гений, но у меня есть несколько очень хороших полководцев, и я не боюсь царя парфян, с которым я намерен заключить мир. Одним из краеугольных камней моего правления будет мир. Война, по сути, самое расточительное занятие — от жизней до денег, и я не позволю римским легионам диктовать форму правления в Риме или выбирать правителя.

Цезарион чувствовал, что теперь он продолжает говорить, чтобы оттянуть момент казни.

«О мама! Почему ты мне не доверяла? Разве ты не знала того, что объяснил мне только что римский сын Цезаря? Антоний, конечно, должен был сказать, но Антоний был твоей марионеткой. Не потому, что ты опаивала его, а потому, что он любил тебя. Ты должна была сказать мне. Но может быть, ты сама этого не понимала, а Антоний был слишком занят, доказывая, что он достоин твоей любви, и не считал важным мое положение».

Цезарион закрыл глаза и заставил себя думать, направив свой интеллект на решение этой проблемы. Есть ли хоть крохотная возможность сбежать? Он вздохнул, осознавая безнадежность ситуации. Нет, сбежать не удастся. Самое большее, что он может сделать, — это затруднить для Октавиана его убийство. Выбежать из палатки, крича, что он — сын Цезаря. Неудивительно, что Тавр так смотрел на него! Но того ли захотел бы его отец от своего неримского сына? И потребовал бы Цезарь от него этой жертвы? Зная ответ, он снова вздохнул. Октавиан был настоящим сыном Цезаря согласно его последней воле. Он даже не упомянул о своем другом, египетском сыне. И что же сам Цезарь ценил превыше всего? Его *dignitas*. *Dignitas!* Это самое римское из всех качеств, личные достижения человека, его деяния, его сила. Даже в свои последние моменты Цезарь сохранил *dignitas* незапятнанным. Вместо того чтобы сопротивляться, он прикрыл тогой лицо и ноги так, чтобы Брут, Кассий и остальные не видели ни выражения

сведенного смертной судорогой лица, ни того, что осталось от его гениталий.

«Да, — подумал Цезарион, — я тоже сохраню мое *dignitas*! Я умру, владея собой, своим лицом, и с прикрытыми гениталиями. Я буду достоин своего отца».

— Когда я умру? — спокойно спросил он.

— Сейчас, в этой палатке. Я должен сделать это сам, потому что никому не могу доверить такое поручение. Если моя неопытность в этом деле причинит тебе больше боли, я прошу простить меня.

— Мой отец говорил: «Пусть это будет внезапно». Держи это в уме, Цезарь Октавиан, и я буду удовлетворен.

— Я не могу обезглавить тебя. — Октавиан сильно побледнел, ноздри его расширились, он криво улыбнулся, сдерживая дрожь губ. — Я не так силен, и твердости мне не хватает. И я не хочу видеть твоего лица. Тирс, передай мне ткань и шнур.

— Тогда как? — спросил Цезарион, встав с кресла.

— Ударом меча в сердце. Не пытайся бежать, это не изменит твою судьбу.

— Я понимаю. Это будет на виду у всех и затруднит твою задачу. Но я побегу, если ты не согласишься на мои условия.

— Назови их.

— Ты окажешь милость моей матери.

— Да.

— И моим маленьким братьям и сестре.

— С их голов не упадет ни один волос.

— Ты клянешься?

— Клянусь.

— Тогда я готов.

Октавиан накрыл материей голову Цезариона и обвязал шнуром вокруг шеи, чтобы самодельный капюшон не слетел. Тирс передал ему меч. Октавиан проверил лезвие и нашел его острым как бритва. Затем он посмотрел на земляной пол палатки и нахмурился, кивнул Эпафродиту, белому как полотно:

— Помоги мне, Дит.

Он взял Цезариона за руку.

— Пойдем с нами, — сказал он и посмотрел на белую материю на голове Цезариона. — Какой ты храбрый! Твое дыхание глубокое и ровное.

Из-под капюшона послышался голос, похожий на голос Марка Антония:

— Хватит болтать, кончай с этим, Октавиан!

В четырех шагах от них лежал ярко-красный персидский ковер. Эпафродит и Октавиан поставили на него Цезариона, больше нельзя было откладывать. «Кончай с этим, Октавиан, кончай с этим!» Он нацелил меч и вонзил его одним быстрым ударом с большей силой, чем предполагал в себе. Цезарион вздохнул и опустил на колени. Октавиан тоже не устоял на ногах. Его руки еще держали рукоять из слоновой кости в форме орла, потому что он не мог разжать пальцы.

— Он умер? — спросил он, подняв голову. — Нет-нет, только не открывай его лица!

— Артерия на его шее не пульсирует, Цезарь, — ответил Тирс.

— Значит, я справился. Заверни его в ковер.

— Выдерни меч, Цезарь.

Дрожь прошла по всему его телу. Пальцы наконец разжались, и он отпустил рукоять.

— Помоги мне.

Тирс завернул тело в ковер, но оно оказалось таким длинным, что ступни вылезли наружу. Большие ступни, как у Цезаря.

Октавиан рухнул в ближайшее кресло и уткнул голову в колени, тяжело дыша.

— О, я не хотел этого!

— Это надо было сделать, — сказал Прокулей. — Что теперь?

— Пошли за шестью нестроевыми с лопатами. Они смогут выкопать ему могилу. Прямо здесь.

— В палатке? — спросил бледный Тирс.

— А почему бы и нет? Действуй, Дит. Я не хочу провести здесь ночь и не могу отдавать приказы, пока мальчик не будет похоронен. У него есть кольцо?

Тирс пошарил в ковре и вынул кольцо.

Взяв перстень в руку — хорошо, хорошо, рука не дрожит! — Октавиан стал пристально разглядывать его. На нем была выгравирована вздыбленная кобра, которую египтяне называли уреем. Камень был изумруд, по краям что-то написано иероглифами. Птица, слеза, капающая из глаза, несколько волнистых линий, еще одна птица. Хорошо, пригодится. Если надо будет показать что-то как доказательство смерти Цезария, это подойдет. Он опустил кольцо в карман.

Час спустя легионы и кавалерия снова были на марше по дороге в Александрию. Октавиан решил поставить лагерь на несколько дней и заставить Клеопатру поверить, что ее сын спасся и находится на пути в Индию. Позади них, где так недолго стояла палатка, осталось ровное, тщательно утрамбованное место. Там, на глубине полных шести локтей, лежало тело Птолемея Пятнадцатого Цезаря, фараона Египта и царя Александрии, завернутое в ковер, пропитанный кровью.

«Чему быть, того не миновать, — думал Октавиан той ночью в той же палатке, но уже в другом месте, несколько не обеспокоенный поражением его авангарда. — У той женщины уже есть легенда: ее тайком привезли на встречу к Цезарю, завернув в ковер. Правда, если верить Цезарю, это была дешевая тростниковая циновка, но историки превратили ее в очень красивый ковер. Теперь все ее надежды рухнули, тоже завернутые в ковер. И я наконец могу отдохнуть. Величайшей угрозы больше не существует. Хотя умер он достойно, нужно это признать».

После той катастрофы в последний день июля, когда армия Антония сдалась, Октавиан решил не входить в Александрию как победитель, во главе легионов, растянувшихся на несколько миль, и огромной конницы. Нет, он войдет в город Клеопатры спокойно, тихо. Только он, Прокулей, Тирс и Эпафродит. И его германская охрана, конечно. Ради анонимности не стоит рисковать получить удар кинжалом.

Он оставил старших легатов на ипподроме, чтобы они занялись переписью солдат Антония и установили хоть подобие порядка. Однако он заметил, что жители Александрии не пытаются бежать. Это значило, что они примирились с присутствием Рима и останутся в городе, чтобы послушать глашатаев Октавиана, которые будут говорить о судьбе Египта. Он получил сообщение от Корнелия Галла, находящегося в нескольких милях западнее Александрии, и послал ему приказ: пусть его флот пройдет мимо двух гаваней Александрии и встанет на рейде у ипподрома.

— Как красиво! — воскликнул Эпафродит, когда они вчетвером подошли к воротам Солнца вскоре после рассвета, в первый день секстилия.

И действительно, было красиво, ибо ворота Солнца на восточном конце Канопской дороги представляли собой два массивных пилона, соединенных перемычкой, квадратные и очень египетские для всякого, кто видел Мемфис. Их блеск слепил глаза. В лучах восходящего солнца простой белый камень казался покрытым золотом.

Публий Канидий ждал посреди широкой улицы прямо в воротах, верхом на гнедом коне. Октавиан подъехал к нему и остановился.

— Ты хочешь снова скрыться, Канидий?

— Нет, Цезарь, я больше не буду бегать. Передаю себя в твои руки, только с одной просьбой. Ты оценишь мою смелость, и смерть моя будет быстрой. В конце концов, я мог бы сам упасть на меч.

Холодные серые глаза задумчиво смотрели на легата Антония.

— Обезглавливание, но без порки. Это подойдет?

— Да. Я останусь гражданином Рима?

— Нет, боюсь, не останешься. Есть еще несколько сенаторов, которых надо напугать.

— Пусть будет так. — Канидий пнул коня под ребра и тронулся с места. — Я сдамся Тавру.

— Подожди! — резко крикнул Октавиан. — Марк Антоний — где он?

— Мергв.

Горе нахлынуло на Октавиана сильнее и внезапнее, чем он ожидал. Он сидел на своем замечательном маленьком кремевом государственном коне и горько плакал. Его германцы отвернулись, притворяясь, что любят красоту Канопской дороги и окрестностями, а его три друга-компаньона мечтали очутиться где-нибудь в другом месте.

— Мы были родственниками, и такого конца не должно было быть. — Октавиан вытер слезы платком Прокулея. — Ох, Марк Антоний, несчастная ты жертва!

Изысканно украшенная стена Царского квартала отделяла Канопскую улицу от лабиринта дворцов и зданий. Там, где стена упиралась в скалистую стену театра, который когда-то был крепостью, возвышались ворота Царского квартала. Ворота стояли открытыми. Любой мог войти.

— Нам действительно нужен проводник по этому лабиринту, — сказал Октавиан, остановившись посмотреть на окружающее великолепие.

Словно каждое высказанное им желание должно было тут же исполниться, между двумя небольшими мраморными дворцами в греческом дорическом стиле появился пожилой человек. Он подошел к ним, держа в левой руке длинный золотой посох. Очень высокий и красивый мужчина, одетый в плиссированное льняное платье пурпурного цвета, подпоясанное в талии широким золотым поясом, инкрустированным драгоценными камнями. Такое же ожерелье-воротник, закрывающее плечи. Браслеты на обеих голых жилистых руках. Голова не покрыта. Длинные седые локоны стянуты широкой полосой пурпурной материи с золотым шитьем.

— Пора спешиться, — сказал Октавиан и соскользнул с коня на землю, покрытую полированным желтовато-коричневым мрамором. — Арминий, охраняй ворота. Если ты мне понадобишься, я пошлю Тирса. Больше никому не верь.

— Цезарь Октавиан, — произнес человек, низко кланяясь.

— Просто Цезарь. Только враги зовут меня Октавианом. Кто ты?

— Аполлодор, приближенный царицы.

— О, это хорошо. Проведи меня к ней.

— Боюсь, это невозможно, *domine*.

— Почему? Она сбежала? — спросил он, сжав кулаки. — О, чума на эту женщину! Я хочу, чтобы с этим делом было покончено!

— Нет, *domine*, она здесь, но в своей гробнице.

— Мертва? Мертва? Она не может умереть, я не хочу, чтобы она умерла!

— Нет, *domine*. Она в гробнице, но жива.

— Проведи меня туда.

Аполлодор повернулся и углубился в замысловатый лабиринт зданий, Октавиан и его друзья последовали за ним. Вскоре они подошли еще к одной стене, покрытой яркими двумерными изображениями и любопытными значками. В Мемфисе Октавиану сказали, что это иероглифы. Каждый символ означал слово, но для него они были непонятны.

— Мы сейчас войдем в некрополь Сема, — пояснил Аполлодор, остановившись. — Здесь похоронены члены дома Птолемеев и Александр Великий. Гробница царицы находится у морской стены, здесь.

Он показал на странное строение из красного камня.

Октавиан взглянул на огромные бронзовые двери, потом на леса, подъемный механизм и корзину.

— Ну что ж, по крайней мере, нетрудно будет поднять ее наверх, — сказал он. — Прокулей, Тирс, поднимитесь наверх этих лесов и войдите внутрь через отверстие.

— Если ты сделаешь это, господин, она услышит, что ты идешь, и умрет, прежде чем твои люди приблизятся к ней, — предупредил Аполлодор.

— *Sacat!* Мне надо поговорить с ней, и я хочу, чтобы она была жива!

— Есть переговорная трубка, вот, около дверей. Подуй в нее, и это даст знать царице, что кто-то снаружи хочет ей что-то сказать.

Октавиан подул.

Послышался голос, удивительно четкий, но пронзительный:

— Да?

— Я — Цезарь, и я хочу поговорить с тобой. Открой дверь и выйди.

— Нет, нет! — воскликнула она в ответ. — Я не буду говорить с Октавианом! Пусть это будет кто угодно, только не Октавиан! Я не выйду, а если ты попытаешься войти, я убью себя.

Октавиан обратился к Аполлодору, который стоял с видом мученика:

— Скажи ее несносному величеству, что здесь со мной Гай Прокулей, и спроси, будет ли она говорить с ним.

— Прокулей? — спросил высокий голос. — Да, я буду говорить с Прокулеем. Антоний говорил мне на смертном одре, что я могу доверять Прокулею. Пусть он говорит.

— На таком расстоянии она не сможет отличить один голос от другого, — шепнул Октавиан Прокулею.

Но очевидно, она все-таки различала голоса, потому что, когда Октавиан, позволив ей говорить с Прокулеем, попытался сам продолжить этот странный разговор, она узнала его и отказалась отвечать. И не согласилась говорить ни с Тирсом, ни с Эпафродитом.

— Я не верю этому! — крикнул Октавиан и повернулся к Аполлодору. — Принеси вино, воду, еду, кресло и стол. Если мне придется выманивать ее несносное величество из этой крепости, то, по крайней мере, надо устроиться поудобнее.

Но для бедного Прокулея удобств не предусматривалось. Трубка находилась на стене слишком высоко, и сидеть в кресле он не мог, но спустя несколько часов появился Аполлодор с высоким стулом, который, как заподозрил Октавиан, был спешно сделан именно для этой цели. Отсюда и задержка. Прокулею было приказано заверить Клеопатру, что с ней ничего не случится, что Октавиан не намерен убивать ее и что ее дети будут целы и невредимы. Больше всего ее беспокоили дети, и не только их безопасность, но и судьба. Пока Октавиан не согласится позволить одному из них править в Александрии, а другому в Фивах, она не выйдет. Прокулей спорил, умолял, задабривал, упрасивал, убеждал, снова спорил, подлизывался, дразнил — все напрасно.

— Зачем этот фарс? — спросил Тирс Октавиана, когда стало уже темно и пришли дворцовые слуги с факелами, чтобы осветить место действия. — Она ведь понимает, что ты не можешь обещать ей то, чего она просит! И почему она не хочет говорить с тобой? Она же знает, что ты здесь!

— Она боится, что, если она заговорит со мной, никто больше не услышит нашего разговора. Это способ как-то увековечить ее слова. Она знает, что Прокулей — ученый, писатель, хронист.

— Мы, конечно, сможем войти сверху с наступлением темноты?

— Нет, она еще недостаточно устала. Я хочу так измотать ее и утомить, чтобы она потеряла бдительность. Только тогда мы сможем войти.

— В данный момент, Цезарь, твоя главная проблема — я, — сказал Прокулей. — Я очень устал, голова кружится. Я готов сделать для тебя что угодно, но тело отказывается мне повиноваться.

В этот момент прибыл Гай Корнелий Галл. Его красивое лицо было свежим, серые глаза — настороженными. У Октавиана появилась идея.

— Спроси у ее несносного величества, будет ли она говорить с другим, таким же известным автором, — сказал он. — Скажи ей, что ты плохо себя чувствуешь или что я отозвал тебя, — что-нибудь, все, что угодно!

— Да, я буду говорить с Галлом, — ответил голос, уже не такой сильный спустя двенадцать часов.

Разговор продолжался, пока не взошло солнце и все утро — двадцать четыре часа. К счастью, небольшой участок перед дверьми был хорошо защищен от летнего солнца. Ее голос совсем ослаб. Теперь он звучал так, словно у нее уже не осталось сил приказывать. Но, имея такую сестру, как Октавия, Октавиан знал, как женщина может сражаться за своих детей.

Наконец, уже к концу дня, Октавиан кивнул.

— Прокулей, смени Галла. Это ее взбодрит. Заставит сосредоточиться на переговорах. Галл, возьми моих двух вольноотпущенников и войди в гробницу через отверстие. Я хочу,

чтобы вы это сделали украдкой. Никакого стука, скрипа, громкого шепота. Если ей удастся убить себя, вы по самый нос в дерьме с моей помощью.

Корнелий Галл был ловкий, как кошка, тихий и гибкий. Когда все трое встали на стену с отверстием, он по собственной инициативе решил спуститься вниз по веревке. В слабом свете факела он увидел Клеопатру и ее двух компаньонов вокруг переговорной трубы. Царица оживленно жестикулировала, что-то говоря, все ее внимание было сосредоточено на Прокулее. Одна служанка поддерживала ее справа, другая — слева. Галл спустился как молния. Клеопатра громко вскрикнула и схватила кинжал, лежащий рядом с ней. Но Галл выхватил у нее кинжал и держал ее без всяких усилий, хотя две выбившиеся из сил девушки царапали и били его. Затем к нему присоединились Тирс и Эпафродит, и царица со служанками оказались у них в руках.

Тридцативосьмилетний воин в расцвете сил, Галл оставил женщин на попечение вольноотпущенников, а сам поднял два массивных бронзовых бруса и отворил двери. Хлынул поток света. Он даже зажмурился, ослепленный.

К тому времени, как женщин вывели на улицу, поддерживая под руки, сам Октавиан исчез. В его планы не входило встречаться с царицей лицом к лицу в ближайшие несколько дней.

Галл на руках отнес Клеопатру в ее покои, двое вольноотпущенников несли Хармиону и Ираду. Старший легат, «новый человек», был потрясен, когда увидел Клеопатру при дневном свете. Одежда колом стояла на ней, пропитанная кровью, голые груди были покрыты глубокими царапинами, волосы спутаны. Виден был кровотокающий скальп.

— У нее есть врач? — спросил он растерянного Аполлодора.

— Да, господин.

— Тогда немедленно пошли за ним. Цезарь хочет, чтобы ваша царица была цела и невредима.

— Нам разрешат ухаживать за ней?

— Что сказал Цезарь?

- Я не осмелился спросить.
- Тирс, иди и узнай, — приказал Галл.

Ответ пришел быстро: царице нельзя покидать ее личные покои, но любой, кто ей будет нужен, может войти к ней, и она получит все, что попросит.

Клеопатра лежала на кушетке. Огромные золотистые глаза запали, вид у нее был далеко не царственный.

Галл подошел к ней:

- Клеопатра, ты слышишь меня?
- Да, — прохрипела она.
- Кто-нибудь, дайте ей вина! — крикнул он и подождал, пока она не отпила немного. — Клеопатра, у меня к тебе послание от Цезаря. Ты свободно можешь ходить по своим комнатам и есть, что ты хочешь. У тебя будут ножи для фруктов или мяса, ты сможешь видеться, с кем захочешь. Но если ты покончишь с собой, твои дети будут немедленно убиты. Это ясно? Ты поняла?

— Да, я поняла. Скажи Цезарю, что я ничего с собой не сделаю. Я должна жить ради моих детей. — Она поднялась на локте, когда вошел бритоголовый египтянин-жрец в сопровождении двух помощников. — Можно мне видеть детей?

- Нет, это невозможно.

Она упала на спину, закрыла глаза изящной рукой.

- Но они еще живы?
- Я и Прокулей даем слово, что они живы.

— Если женщины хотят править как монархи, — сказал Октавиан своим четырем компаньонам за поздним обедом, — они не должны выходить замуж и рожать детей. Редкая женщина сумеет переступить через материнскую любовь. Даже Клеопатрой, которая, наверное, убила сотни людей, включая сестру и брата, можно управлять, угрожая ее детям. Царь царей способен убить своих детей, но только не царица царей.

— Какова твоя цель, Цезарь? Почему бы не получить выкуп за ее жизнь? — спросил Галл, в уме сочиняя оду. — Или все это для того, чтобы она приняла участие в твоём триумфе?

— Она последняя, кого я хочу видеть на моем параде! Представь, что наши сентиментальные бабушки и мамы на всем пути шествия будут разглядывать эту несчастную, худенькую, трогательную маленькую женщину! Это она-то — угроза Риму?! Это она-то — колдунья, соблазнительница, шлюха? Мой дорогой Галл, они будут оплакивать ее, а не ненавидеть. Ведра слез, реки слез, океаны слез. Нет, она умрет здесь, в Александрии.

— Тогда почему не сейчас? — спросил Прокулей.

— Потому что, Гай, сначала я должен сломить ее. Я должен опробовать на ней новый вид войны — войны нервов. Я буду играть на ее уязвимости, терзать ее беспокойством о судьбе детей, держать ее на острие ножа.

— Я все еще не понимаю, — хмуро сказал Прокулей.

— Все это имеет отношение к тому, как она умрет. Как бы она ни покончила с собой, весь мир узнает, что это был ее выбор, а не убийство по моему приказу. Я должен выйти из этой истории чистым, римским аристократом, который хорошо относился к ней, предоставлял ей полную свободу во дворце и ни разу не пригрозил ей смертью. Если она примет яд, винить будут меня. Если она заколется, обвинят меня. Если она повесится, я виноват. Ее смерть должна быть настолько египетской, чтобы никто не заподозрил моего участия в ней.

— Ты ее не видел, — сказал Галл, протягивая руку за голубем с хрустящей корочкой, начиненным необычными специями.

— Нет, и не хочу видеть. Пока. Сначала я должен сломить ее.

— Мне нравится эта страна, — сказал Галл, пробуя странную смесь вкусов.

— Приятно это слышать, Галл, потому что я оставляю тебя здесь править от моего имени.

— Цезарь! Ты можешь это сделать? — спросил благодарный поэт. — Это будет провинция под контролем сената и народа Рима?

— Нет, этого нельзя допустить. Я не хочу, чтобы какой-нибудь казнокрад проконсул или пропретор был послан сюда

с благословения сената, — сказал Октавиан, жуя то, что он счел египетским эквивалентом сельдерея. — Египет будет принадлежать лично мне, как Агриппа в действительности сейчас владеет Сицилией. Небольшая награда за мою победу над Востоком.

— Сенат позволит тебе?

— Будет лучше, если позволит.

Четверо смотрели на него и видели в каком-то ином свете. Это был уже не тот человек, который несколько лет тщетно боролся против Секста Помпея и поставил все на желание своей страны дать клятву служить ему. Это был Цезарь, божественный сын, уверенный, что настанет день — и он сам будет богом и неоспоримым хозяином мира. Твердым, холоднокровным, отстраненным, дальновидным, неутомимым защитником Рима, не опьяненным властью.

— Так что мы будем делать сейчас? — поинтересовался Эпафродит.

— Ты расположишься в большом коридоре у покоев царицы и будешь записывать всех, кто входит к ней. Никто не должен приводить к ней детей. Пусть она потомится несколько недель.

— Разве тебе не нужно было срочно уехать в Рим? — спросил Галл, мечтающий, чтобы его скорее предоставили самому себе в этой замечательной стране.

— Я не двинусь, пока не достигну цели. — Октавиан поднялся. — На улице еще светло. Я хочу увидеть гробницу.

— Очень красиво, — отметил Прокулей, когда они проходили по помещениям, ведущим к комнате с саркофагом Клеопатры. — Но во дворце намного больше красивых вещей. Ты думаешь, она сделала это намеренно, чтобы мы позволили ей сохранить свои украшения для жизни после смерти, в которую они верят?

— Может быть.

Октавиан осмотрел комнату с саркофагом и сам саркофаг из алебаstra с искусно нарисованным портретом царицы на крышке.

Из двери в дальнем конце комнаты донесся зловонный запах. Октавиан прошел в комнату с саркофагом для Антония и в ужасе остановился как вкопанный. Что-то напоминающее Антония лежало на длинном столе, его тело было погружено в раствор натриевой соли, лицо еще оставалось на поверхности, потому что мозг надо было вынуть по кусочкам через ноздри, а потом полость черепа заполнить миром, кассией и крошками фимиама.

Октавиана чуть не вырвало. Жрецы-бальзамировщики вскинули головы и вернулись к прерванной работе.

— Антоний, мумифицированный! — поразился он. — Со всем не по-римски, но именно такой смертью он хотел умереть. Я думаю, на эту процедуру уйдет месяца три. Только потом они удалят раствор и завернут его в бинты.

— Клеопатра захочет того же?

— О да.

— И ты разрешишь продолжать этот отвратительный процесс?

— А почему бы и нет? — равнодушно ответил Октавиан и повернулся, чтобы уйти.

— Вот для чего отверстие в стене. Чтобы жрецы могли приходить и уходить. Когда работа будет закончена — с ними обоими, — двери запрут и отверстие заделают, — сказал Галл, показывая дорогу Октавиану.

— Да. Я хочу, чтобы из них сделали мумии. Тогда они будут принадлежать Древнему Египту и не станут лемурами, вредящими Риму.

Проходили дни, а Клеопатра отказывалась идти на уступки. Корнелий Галл вдруг понял, почему Октавиан не хочет видеть царицу: он ее боялся. Его безжалостная пропагандистская кампания против царицы зверей подействовала даже на него. Он опасался, что, если встретится с ней лицом к лицу, сила ее колдовства возьмет над ним верх.

На каком-то этапе она начала голодать, но Октавиан прекратил это, пригрозив убить ее детей. Старая хитрость, но она всегда срабатывала. Клеопатра снова стала есть. Безжалост-

ная война нервов и воли продолжалась. Ни одна сторона не хотела сдаваться.

Однако непреклонность Октавиана действовала на Клеопатру сильнее, чем она сознавала. Если бы она смогла отвлечься от этой невыносимой ситуации, она поняла бы, что Октавиан не имел права убивать ее детей, поскольку они были несовершеннолетними. Вероятно, ее ослепляла уверенность, что Цезариону удалось бежать. Но какова бы ни была причина, она продолжала считать, что ее дети в опасности.

Только в конце секстилия, когда сентябрь уже грозил экваториальными штормами, Октавиан навестил Клеопатру в ее покоях.

Она с равнодушным видом лежала на ложе. Царапины, синяки и другие следы ее горя по поводу смерти Антония прошли. Когда он появился, она открыла глаза, посмотрела на него и отвернула голову.

— Уйдите, — коротко приказал Октавиан Хармионе и Ираде.

— Да, уйдите, — подтвердила Клеопатра.

Он подвинул кресло к ложу и сел, оглядываясь по сторонам. По всей комнате были расставлены бюсты божественного Юлия и один великолепный бюст Цезариона. Бюст явно был сделан незадолго до его смерти, ибо Цезарион больше походил на мужчину, чем на юношу.

— Как Цезарь, правда? — спросила она, проследив за его взглядом.

— Да, очень похож.

— Лучше пусть остается в этой части мира, в безопасности, вдали от Рима, — произнесла она своим мелодичным голосом. — Отец всегда хотел, чтобы его судьбой был Египет. Это я взяла на себя смелость расширить его горизонты, не зная, что у него нет желания править империей. Октавиан, он никогда не будет угрозой для тебя — он счастлив править Египтом как твой царь-клиент. Для тебя нет лучше способа защитить свои интересы в Египте, чем посадить его на оба трона и запретить всем римлянам появляться в стране. Он проследит,

чтобы ты имел все, что хочешь: золото, зерно, дань, бумагу, лен. — Она вздохнула и слегка потянулась, почувствовав боль. — Никто в Риме даже не должен знать, что Цезарион существует.

Он перевел взгляд с бюста на ее лицо.

«О, я и забыла, какие красивые у него глаза! — подумала она. — Серебристо-серые, светящиеся, в окружении таких густых, длинных ресниц. Тогда почему они никогда не выдают его мыслей, как и его лицо? Симпатичное лицо, напоминающее лицо Цезаря, но не угловатое, скулы более сглажены. И в отличие от Цезаря, он сохранит эту копну золотых волос».

— Цезарион мертв. — Октавиан повторил: — Цезарион мертв.

Она ничего не сказала. Их взгляды встретились, и она впилась в него глазами, цвета застоявшегося пруда. Краска мгновенно сошла с ее лица и шеи, красивая кожа стала пепельно-серой.

— Он встретил меня, когда я шел по Александрийской дороге из Мемфиса. Он ехал на верблюде с двумя пожилыми сопровождающими. Голова его была полна идей, он хотел убедить меня пощадить тебя и двойное царство. Такой молодой! Так плохо разбирающийся в людях! Такой уверенный, что сумеет меня уговорить! Он сказал, что ты отослала его в Индию. И поскольку я уже нашел сокровища Птолемеев — да, госпожа, Цезарь предал тебя и незадолго до своей смерти рассказал мне, как их найти, — мне не пришлось выпытывать их местоположение у Цезариона. Конечно, он не открыл бы секрета, как бы жестоко я его ни пытал. Очень храбрый юноша, я это сразу понял. Однако я не мог сохранить ему жизнь. Одного Цезаря вполне достаточно. И я — этот Цезарь. Я сам его убил и похоронил у дороги, ведущей в Мемфис, в ничем не помеченной могиле. Его тело завернуто в ковер.

Он порывлся в кошельке у пояса и что-то протянул ей.

— Его кольцо.

— Ты убил сына Цезаря?!

— Сожалея об этом, но — да. Он был моим родственником, и я виноват в том, что убил кровного родственника. Но я готов жить с муками совести.

— Что заставляет тебя говорить мне все это: желание причинить боль или политика?

— Конечно политика. Живая ты для меня ужасная помеха, царица зверей. Ты умрешь, но меня ни в коем случае не должны считать причастным к твоей смерти. Трудная задача!

— Ты не хочешь, чтобы я участвовала в твоём триумфальном параде?

— *Edepol!* Нет! Если бы ты выглядела как амазонка, я бы с удовольствием заставил тебя пройти по улицам Рима. Но мне не нужен полумертвый котенок, с которым жестоко обращались.

— А что с другими юношами — Антиллом и Курионом?

— Они умерли вместе с Канидием, Кассием Пармским, Децимом Туруллием. Я пощадил Цинну. Он — ничтожество.

Слезы хлынули по щекам Клеопатры.

— А что с детьми Антония? — прошептала она.

— Они целы и невредимы. Их не тронули. Но они остались без отца, без матери, без старшего брата. Я сказал им, что вы все умерли. Пусть они выплачут все слезы сейчас, пока еще позволяет возраст.

Он посмотрел на статую Цезаря, божественного Юлия в образе египетского фараона — очень необычно.

— Ты знаешь, это доставляет мне мало радости. Я не хочу причинять тебе так много страданий. Но тем не менее я это делаю. Я — наследник Цезаря. И я намерен править миром вокруг всего Нашего моря. Не как царь и даже не как диктатор, но как простой сенатор, наделенный всеми полномочиями плебейского трибуна. И это правильно! Миром должен править римлянин, и только римлянин, человек, который любит не власть, а работу, сможет править миром так, как должно.

— Власть — это привилегия правителя, — сказала Клеопатра, не понимая его.

— Чуть! Власть — это инструмент наподобие денег. Вы, восточные автократы, дураки. Никто из вас не любит работать.

— Ты забираешь Египет.

— Естественно. Но не как провинцию, наполненную римлянами. Я должен правильно распорядиться сокровищами Птолемея. Со временем народ Египта — в Александрии, Дельте и по берегам Нила — будет думать обо мне так, как думает о тебе. И я буду управлять Египтом лучше тебя. Ты истощила эту богатейшую страну ради войн и личных амбиций, ты тратила деньги на корабли и солдат, ошибочно думая, что числом можно победить. Побеждает труд. Плюс, сказал бы божественный Юлий, организация.

— Какие вы, римляне, самоуверенные! Ты убьешь моих детей!

— Вовсе нет! Я собираюсь сделать их римлянами. Когда я поплыву в Рим, они отправятся со мной. Их воспитает моя сестра Октавия, самая восхитительная и самая добрая из женщин! Я не мог простить этому болвану Антонию, что он причинил ей боль.

— Уйди, — сказала Клеопатра, отвернувшись от него.

Он хотел было уйти, но она снова заговорила:

— Скажи, Октавиан, можно попросить, чтобы мне прислали фруктов?

— Нет, если они будут отравлены, — резко ответил он. — Я заставлю твоих служанок попробовать их по моему выбору. Малейший намек, что ты умерла от яда, — и меня обвинят. И не строй никаких грандиозных планов! Если ты попытаешься представить все так, будто я тебя убил, я задушу всех троих твоих оставшихся детей. Я говорю серьезно! Раз уж меня будут винить в твоей смерти, какая разница, если я прикончу и твоих отпрысков? — Он о чем-то подумал и добавил: — Они не очень-то приятные дети.

— Никакого яда, — заверила его Клеопатра. — Я придумала такой способ умереть, что тебя никто не обвинит в моей смерти. Мир поймет, что этот способ я выбрала сама, добровольно. Я умру как фараон Египта, как подобает фараону, и моя смерть будет достойной.

— Тогда ты можешь послать за фруктами.

— Еще одно.

— Да?

— Я съем фрукты в гробнице. После моей смерти ты сможешь проверить, от чего я умерла. Но я требую, чтобы ты позволил бальзамировщикам закончить свою работу с Антонием и со мной. Потом пусть гробницу запечатают. Если тебя не будет в Египте, это должен сделать твой заместитель.

— Как ты пожелаешь.

Она смотрела только на бюст Цезариона. Слез больше не было. Время слез прошло. «Мой красивый, красивый мальчик! До какой же степени ты был сыном своего отца, но как недолго! Ты так умно меня обманул, что я ничего не заподозрила. Верить Октавиану? Ты был слишком наивен, чтобы понять, какую угрозу представляешь для него. В тебе почти ничего не было от римлянина. А теперь ты лежишь в незаметной могиле, над тобой не высится гробница, нет лодки, чтобы переплыть реку ночи, нет еды, нет питья, нет удобного ложа. Хотя я думаю, что могу простить Октавиану все, кроме ковра. Этой маленькой мести. Но он не знает, что все равно этот ковер стал тебе саркофагом. Хоть на некоторое время он сохранит твою ка».

— Пошлите за Каэмом, — сказала она, когда вошли Хармиона и Ирада.

Жрец бога Птаха всегда выглядел так, словно годы над ним не властны, но в эти дни он больше походил на мумию.

— Мне не надо тебе говорить, что Цезарион мертв.

— Не надо, дочь Ра. В тот день, когда ты допытывалась у меня, что я увидел, я увидел, что он доживет только до восемнадцати лет.

— Они завернули его в ковер и похоронили у дороги, ведущей в Мемфис, где должны остаться признаки лагерной стоянки. Конечно, теперь ты вернешься в храм Птаха, сопровождая свои тележки и носилки и нагруженных ослов. Найди его, Каэм, и спрячь в мумию быка. Они не будут тебя долго задерживать, если вообще будут. Привези его в Мемфис для тайного погребения. Мы все равно побьем Октавиана. Когда я буду в царстве мертвых, я должна увидеть моего сына во всей его славе.

— Я сделаю это, — сказал Каэм.

Хармиона и Ирада плакали. Клеопатра позволила им выразить горе, потом знаком приказала замолчать.

— Тихо! Время приближается, и мне нужно кое-что еще. Пусть Аполлодор пришлет мне корзину священных фиг. Полную. Вы понимаете?

— Да, царица, — прошептала Ирада.

— Как тебя одеть? — спросила Хармиона.

— Двойная корона. Мое лучшее ожерелье, пояс и браслеты. Плиссированное белое платье и расшитый плащ, которые я надевала для Цезаря несколько лет назад. Обуви не надо. Покрасьте хной мои руки и ноги. Дайте все это жрецам к тому дню, когда они должны будут положить меня в саркофаг. У них уже есть доспехи моего любимого Антония, те, что были на нем, когда он короновал моих детей.

— А дети? — спросила Ирада. — Что с ними?

— Уедут в Рим, чтобы жить с Октавией. Я ей не завидую.

Хармиона улыбнулась сквозь слезы:

— Но это не относится к Филадельфу! Интересно, он повиновался Октавиану?

— Наверное.

— О, госпожа! — воскликнула потрясенная Хармиона. — Это не должно было так кончиться!

— И не кончилось бы, если бы моим противником был не Октавиан. Кровь Гая Юлия Цезаря очень сильна. А теперь оставьте меня.

Клеопатра ходила по комнате, не отрывая глаз от бюста Цезариона.

«В этот момент положено вспоминать всю свою жизнь, — думала она, — но я так не хочу. У меня на уме только Цезарион, его головка с мягкими золотыми волосками у моей груди, когда он большими глотками пил мое молоко. Цезарион, играющий со своим Троянским конем, — он знал имя каждой из тридцати кукол, спрятанных в животе коня. Цезарион, оставляющий права фараона. Цезарион, протягивающий ручки отцу. Цезарион, смеющийся с Антонием. Всегда и вечно Цезарион.

Но я рада, что все кончено! Я не могу больше выносить этот поток слез. Ошибки, неприятности, потрясения, борьба. Вдовство. А ради чего? Ради сына, которого я не понимала, и ради двух мужчин, которых я не понимала. Да, жизнь — это юдоль слез. Я так благодарна, что могу умереть так, как хочу».

Корзину с фигами доставили вместе с запиской от Каэма, где говорилось, что все сделано так, как она приказала, что Гор будет встречать ее, когда она придет, что сам Птах помог это осуществить.

Клеопатра тщательно вымылась, надела простое платье, прошла с Хармионой и Ирадой к своей гробнице. С наступившим рассветом запели птицы, подул мягкий душистый бриз Александрии.

Поцелуй для Ирады. Поцелуй для Хармионы. Клеопатра скинула одежду и осталась обнаженной. Когда она подняла крышку корзины с фигами, они зашевелились. Огромная королевская кобра выползла по стенкам из своей тюрьмы. Вот! Сейчас! Когда ее голова показалась из корзины, Клеопатра обеими руками схватила кобру прямо под капюшоном и положила ее голову себе на грудь. Удар был так силен, что она пошатнулась и выронила змею. Рептилия немедленно уползла и спряталась в темном углу. В конце концов она нашла выход через трубу.

Хармиона и Ирада сидели с ней, пока она не умерла. Это было недолго, но мучительно. Оцепенение, конвульсии, потеря сознания. Когда она умерла, обе женщины стали готовиться к смерти.

Из тени вышли жрецы-бальзамировщики, взяли тело фараона и положили его на голый стол. Нож, которым они сделали разрез в ее боку, был из обсидиана. Через разрез они вытащили печень, желудок, легкие и кишечник. Каждый орган вымыли, свернули и набили мелко нарубленными травами и специями, кроме запрещенного ладана, потом положили в канопу с раствором натрия и канифоли. За мозг они примутся после того, как римский завоеватель нанесет визит.

К тому времени, как он пришел с Прокулеем и Корнелием Галлом, она была покрыта натрием, кроме груди и головы. Бальзамировщики знали, что римляне захотят увидеть, как она умерла.

— О боги, посмотрите на размер укусов! — воскликнул Октавиан, показывая на них. Потом обратился к старшему бальзамировщику: — Куда ты положил ее сердце? Я бы хотел посмотреть ее сердце.

— Сердце не удалено, о великий, как и почки, — ответил тот, низко кланяясь.

— Она даже не похожа на человека.

На Октавиана это явно не произвело впечатления, но Прокулей побледнел, извинился и ушел.

— Все высыхают, когда жизнь покидает их, — сказал Галл. — Я знаю, она была миниатюрной женщиной, но сейчас она как ребенок.

— Это варварство!

Октавиан вышел.

Он почувствовал сильное облегчение и был доволен ее решением их дилеммы. Змея! Идеально! Прокулей и Галл видели следы укусов и смогут публично засвидетельствовать способ смерти Клеопатры. «Каким чудовищем должна быть эта змея, — подумал Октавиан. — Хотел бы я увидеть ее, но только с мечом в руке».

Поздним вечером, немного навеселе — это был мучительный месяц — Октавиан позволил своему слуге снять покрывало с постели, чтобы лечь. Там, свернувшись клубком, лежала кобра длиной в семь футов, толщиной с руку человека. Октавиан закричал.

VI
ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΑ

29 г. до Р. X. — 27 г. до Р. X.

CAESAR AUGUSTUS

ALTA 15 XXXVI

Трое детей Клеопатры, отправленные в Рим под присмотром вольноотпущенника Гая Юлия Адмета, поплыли одни. Как и божественный Юлий, когда тот уезжал из Египта, Октавиан решил, что, прежде чем вернуться в Рим, ему стоит навести порядок в Малой Азии и Анатолии. Определенное количество золота из того, которое он послал в казну, надо продать и купить серебро, чтобы отчеканить денарии и сестерции — не слишком много и не слишком мало. Октавиану совсем не нужна была инфляция после стольких лет депрессии.

Утомительное занятие, моя дорогая девочка, но я чувствую, что ты одобришь мое благоразумие. Ведь в благоразумии соперничать со мной можешь только ты. Храни твои желания в заветном месте, приготовь их для меня, когда я вернусь домой. Увы, пройдет еще много месяцев. Если я правильно организирую правление в Египте, мне не надо будет возвращаться туда несколько лет.

Трудно поверить, что царица зверей мертва и лежит в гробнице, превращенная в фигуру, сделанную из чего-то вроде склеенных листов пергамента. Похоже на одну из тех кукол, которые так любит народ, когда в город приходит бродячий цирк. Я видел несколько мумий в Мемфисе, все забинтованы. Жрецам не понравилось, когда я приказал снять бинты, но они подчинились, потому что это не были мумии аристократов. Просто зажиточный торговец, его жена и их кошка. Я не могу понять, усыхают ли мускулы или растворяется жир. Но безусловно, или то или другое происходит, оставляя лицо ввалившимся, как случилось с Аттиком. Видно, что это останки человека, и можно судить о характере умершего, красоте и т. д. Я везу в Рим несколько таких мумий и выставлю их на платформе на моем триумфальном шествии вместе с несколькими жрецами,

чтобы народ мог видеть каждую стадию этого жуткого процесса.

Царицу зверей постигла та же участь. И это правильно. Но мысль об Антонии не дает мне покоя. Без сомнения, мумифицированный Марк Антоний порастил всех нас, кто был в Египте. Прокулей говорит мне, что Геродот описал эту процедуру в своем трактате, но, поскольку он писал на греческом, я его не читал.

Я оставил Корнелия Галла править Египтом в качестве префекта. Он очень доволен, так доволен, что поэт в нем исчез, по крайней мере временно. Он говорит только об экспедициях, которые хочет провести, — на юг в Нубию и дальше на запад в Мероз, туда, где вечная пустыня. Он также убежден, что Африка — огромный остров, и намерен плыть вокруг него на египетских кораблях, построенных для плавания в Индию. Я не имею ничего против этих головокружительных планов, поскольку это займет его. Лучше пусть плавает, чем тратит свое время, рыская вокруг Мемфиса в поисках зарытых сокровищ. Государственными делами будет заниматься команда чиновников, которых я лично назначил.

Письмо это прибудет к тебе вместе с младшими детьми Клеопатры. Страшная троица миниатюрных Антониев с выскомерием Птолемеев. Им необходима строгая дисциплина, на которую Октавия неспособна. Но я не беспокоюсь. Несколько месяцев общения с Юллом, Марцеллом и Тиберием укротят их. Потом посмотрим. Я надеюсь выдать Селену замуж за какого-нибудь царя-клиента, когда она вырастет, а вот с мальчиками труднее. Я хочу, чтобы у них изгладилась память об их происхождении, поэтому ты должна сказать Октавии, что Александр Гелиос превращается в Гая Антония, а Птолемей Филадельф — в Луция Антония. Надеюсь на то, что мальчики туповаты. Поскольку я не конфискую собственность Антония в Италии, Юлл, Гай и Луций будут иметь приличный доход. К счастью, очень многое было отдано за долги или продано, поэтому они никогда не станут чрезмерно богатыми, и, следовательно, для меня они не опасны.

Только трое из военачальников Антония были казнены. Остальные ничего из себя не представляют — внуки известных людей, давно умерших. Я простил их при условии, что они дадут мне клятву в несколько измененном виде. Это не значит, что их имена не будут записаны в моем секретном списке. За каждым, разумеется, будет наблюдать агент. Я — Цезарь, но не тот Цезарь, который был милостив. Что касается твоей просьбы привезти кое-что из одежды и драгоценностей Клеопатры, моя дорогая Ливия Друзилла, все это будет отправлено в Рим и продемонстрировано на моем триумфе. После парада вы с Октавией сможете выбрать некоторые вещи, и я куплю их для вас. Таким образом, казна не пострадает. Больше я не допущу казнокрадства.

Будь здорова. Я снова напишу из Сирии.

Из Антиохии Октавиан поехал в Дамаск и оттуда отправил посла к царю Фраату в Селевкию-на-Тигре. Человек по имени Аршак, претендующий на парфянский трон, не хотел класть голову в пасть льва, но Октавиан был тверд. Поскольку по всей Сирии стояли римские легионы, Октавиан был уверен, что царь парфян не сделает никаких глупостей и не причинит вреда послу римского победителя.

С началом зимы в конце того года, когда мечты Клеопатры не осуществились, Октавиан встретился в Дамаске с дюжиной парфян-аристократов и заключил новый договор: все к востоку от Евфрата будет принадлежать Парфянской империи, а все к западу от Евфрата отойдет Римской империи. Вооруженная армия никогда не пересечет эту водную границу.

— Мы слышали, Цезарь, что твои поступки мудры, — сказал старший посол парфян, — и наш новый договор подтверждает это.

Они прохаживались по благоухающему саду, какими славился Дамаск. Весьма любопытная пара: Октавиан в тоге с пурпурной каймой, Таксил в цветастой юбке и блузе, с несколькими золотыми кольцами вокруг шеи и в маленькой круглой шапочке без полей, украшенной океанским жемчугом, на спиралевидных черных кудрях.

— Мудрость — это в основном здравый смысл, — улыбнулся Октавиан. — Моя карьера была столь неровной, что десятки раз могла бы потерпеть крах, если бы не мой здравый смысл и моя удача.

— Такой молодой! — изумился Таксил. — Твоя юность восхищает моего царя больше, чем что-либо другое в тебе.

— В прошлом сентябре исполнилось тридцать три года, — самодовольно сообщил Октавиан.

— Ты будешь во главе Рима десятилетия.

— Определенно. Я надеюсь, что могу то же самое сказать о Фраате?

— Между нами, Цезарь, нет. Двор неспокоен с тех пор, как Пакор появился в Сирии. Я предсказываю, что сменится много парфянских царей, прежде чем закончится твое царствование.

— Они будут соблюдать договор?

— Да, безусловно. Он дает им возможность справляться с претендентами на трон.

Армения ослабела со времен сражения при Акции. Октавиан начал изнурительный поход вверх по Евфрату до Артаксаты, за ним следовали пятнадцать легионов, думая, что этот марш никогда не кончится. Но это было в последний раз.

— Я передал ответственность за Армению царю парфян, — сказал Октавиан мидийскому Артавазду, — при условии, что он останется на своей стороне Евфрата. С твоей частью мира нет полной определенности, потому что она лежит к северу от верховьев Евфрата, но согласно договору граница пролегает между Колхидой на Эвксинском море и Матианским озером. Что дает Риму Каран и земли вокруг горы Арарат. Я возвращаю тебе твою дочь Иотапу, царь мидян, потому что она должна выйти замуж за сына царя парфян. Твой долг — сохранить мир в Армении и Мидии.

— Все сделано, — сообщил Октавиан Прокулею, — я цел и невредим.

— Ты не должен был сам идти в Армению, Цезарь.

— Правильно, но я хотел своими глазами увидеть расположение страны. В последующие годы, когда я буду сидеть в Риме, мне может пригодиться знание восточных земель. Иначе какой-нибудь новый воин, желающий прославиться, сумеет обмануть меня.

— Никто никогда этого не сделает, Цезарь. Как ты поступишь со всеми царями-клиентами, которые были на стороне Клеопатры?

— Конечно, не потребую от них денег. Если бы Антоний не пытался обложить налогом доходы этих людей, которых у них нет, все могло бы повернуться по-другому. Антоний прекрасно распределил территории, и я не вижу необходимости менять что-либо просто из желания показать свою власть.

— Цезарь — загадка, — сказал Статилий Тавр Прокулею.

— Почему, Тит?

— Он ведет себя не как завоеватель.

— Я не думаю, что он считает себя завоевателем. Он просто соединяет куски мира, чтобы передать их сенату и народу Рима как нечто целое, завершенное.

— Хм! — усмехнулся Тавр. — Сенату и народу Рима, как бы не так! Он никогда не выпустит из рук вожжи. Нет, меня озадачивает, старина, как он намерен править, поскольку править ему придется и дальше.

Он уже пятый раз был консулом, когда встал лагерем на Марсовом поле с двумя любимыми легионами — двадцатым и двадцать первым. Здесь он должен был оставаться, пока не отметит свои триумфы, всего три: за завоевание Иллирии, за победу при Акции и за войну в Египте.

Хотя ни один из трех не мог соперничать с некоторыми триумфами прошлого, каждый из них перещеголял всех предшественников в плане пропаганды. В его живых картинах Антониев изображали престарелые гладиаторы, еле волочившие ноги, а Клеопатр — гигантские германские женщины, которые вели своих Антониев в ошейниках и на поводках.

— Замечательно, Цезарь! — сказала Ливия Друзилла после триумфа за Египет, когда ее муж пришел домой после щедрого угощения в храме Юпитера Всеблагого Всесильного.

- Да, я тоже так думаю, — ответил он, довольный.
- Конечно, некоторые из нас помнят Клеопатру еще со времени ее пребывания в Риме и были поражены тем, как она выросла.
- Да, она высосала силу из Антония и стала как слон.
- Какое интересное сравнение!

Потом началась работа — самое любимое занятие Октавиана. Он выдвинулся из Египта, имея семьдесят легионов — астрономическое количество, и только золото из сокровищ Птолемеев помогло им без особых трудностей покинуть эту страну. После тщательного обдумывания Октавиан решил, что в будущем Риму понадобится не более двадцати шести легионов. Ни одного легиона не оставит он в Италии или Итальянской Галлии, а это значит, что ни один амбициозный сенатор, вознамерившийся занять его место, не будет иметь войска под рукой. И наконец, эти двадцать шесть легионов составят постоянную армию, которая будет служить под орлами шестнадцать лет и под флагами еще четыре года. Остальные сорок четыре легиона он расформировал и расселил по всему периметру Нашего моря, на землях, конфискованных у городов, которые поддерживали Антония. Эти ветераны никогда не будут жить в Италии.

Сам Рим приступил к преобразованиям, обещанным Октавианом: от кирпича к мрамору. Каждый храм был заново покрашен в свои цвета, площади и сады сделались еще красивее, а все привезенное с Востока — дивные статуи и картины, потрясающая египетская мебель — пошло на украшение храмов, форумов, цирков, рыночных площадей. Миллион свитков поступил в общественную библиотеку.

Естественно, сенат проголосовал за все виды почестей для Октавиана. Он принял немногие, и ему не понравилось, когда сенаторы настаивала на том, чтобы называть его *dux* — вождь. Тайные желания у него были, но не столь вульгарные. Меньше всего он хотел выглядеть деспотом. Поэтому он жил так, как подобает сенатору его ранга, но без чрезмерной пышности. Он знал, что не сможет править без молчаливого согласия се-

ната, но он также отлично понимал, что необходимо выдрать у сената зубы и при этом не показать, что сам отрастил клыки. Контроль над казной и армией давал ему власть, от которой он не хотел отказываться, но не гарантировал личной неприкосновенности. Для этого ему нужны были полномочия плебейского трибуна, и не на год или десятилетие, а пожизненно. Чтобы добиться этого, он должен работать, постепенно получая все больше прав, пока наконец не приобретет самое важное право — право вето. Он, самый немзыкальный из всех, должен убаюкать сенаторов, словно сирена, чтобы они навсегда уснули на своих веслах.

Когда Марцелле исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за Марка Агриппу, во второй раз занявшего пост консула. Она не разлюбила своего угрюмого, необщительного героя и вступила в брак, убежденная, что покорит его.

Казалось, детская Октавии никогда не уменьшится в раз-мере, несмотря на уход Марцеллы и Марцелла, двоих ее стар-ших детей. У нее оставались еще Юлл, Тиберий и Марция — все четырнадцати лет; Целлина, Селена, брат-близнец Селены под новым именем Гай Антоний и Друз — все двенадцати лет; Антония и Юлия — одиннадцати лет; Тонилла — девяти лет; переименованный Луций Антоний — семи лет и Випсания — шести лет. Всего двенадцать детей.

— Мне жаль расставаться с Марцеллом, — сказала Окта-вия Гаю Фонтею, — но у него есть свой дом, и он должен жить там. На будущий год он будет служить контуберналом у Аг-риппы.

— А что теперь будет с Випсанией, после того как Агриппа женился?

— Она останется со мной. Я думаю, это мудрое решение. Марцелла не захочет, чтобы ей постоянно напоминали о ее пребывании в детской последние несколько лет, а Випсания станет таким напоминанием. Кроме того, Тиберию будет оди-ноко.

— Как чувствуют себя дети Клеопатры? — спросил Фон-тей.

— Намного лучше!

— Значит, Гай и Луций Антонии наконец устали драться с Тиберием, Юллом и Друзом?

— Когда я перестала обращать на это внимание, да. Это был хороший совет, Фонтей, хотя в то время он мне не понравился. Теперь мне надо только убедить Гая Антония не переехать. Он такой обжора!

— Во многих отношениях таким был и его отец.

Фонтей прислонился к колонне в новом, изысканном саду, который Ливия Друзилла разбила вокруг карповых прудов старого Гортензия, и скрестил руки на груди, словно защищаясь. Теперь, когда Марк Антоний был мертв и гробница в Александрии запечатана навсегда, он решил поговорить с Октавией, уже много лет оплакивавшей своего последнего мужа. В свои сорок, вероятно, она уже не сможет родить, и в детской больше не будет пополнений, если, конечно, там не появятся внуки. Почему не попытаться? Они стали очень хорошими друзьями, и вряд ли она отвернется от него ради памяти об Антонии.

«Такой красивый мужчина!» — думала Октавия, глядя на него. Она чувствовала, что у него есть что-то на уме.

— Октавия... — начал он и замолчал.

— Да? — помогла она ему, испытывая любопытство. — Ну, говори же!

— Ты должна знать, как сильно я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж?

От изумления зрачки ее расширились, тело напряглось. Она вздохнула и покачала головой:

— Я благодарю тебя за предложение, Гай Фонтей, и прежде всего за любовь. Но я не могу.

— Ты не любишь меня?

— Люблю. Любовь росла во мне от года к году, а ты был так терпелив. Но я не могу выйти замуж ни за тебя, ни за кого другого.

— Император Цезарь, — сквозь зубы произнес он.

— Да, император Цезарь. Он возвысил меня перед всем миром как воплощение преданной жены и материнской забо-

ты. И я хорошо помню, как он отреагировал, когда наша мать согрешила! Если я снова выйду замуж, Рим разочаруется во мне.

— Но возможно, мы можем быть любовниками?

Она подумала, улыбнулась.

— Я спрошу у него, Гай, но его ответ будет «нет».

— Тем не менее спроси! — Он прошел и сел на край пруда, его красивые глаза светились, он улыбался ей. — Мне нужен ответ, Октавия, даже если это будет «нет». Спроси у него сейчас же!

Ее брат работал за столом — а когда он не работал? Он поднял голову и удивился, увидев Октавию.

— Можно мне поговорить с тобой наедине, Цезарь?

— Конечно. — Он жестом приказал писцам выйти. — Ну?

— Мне сделали предложение.

Октавиан недовольно нахмурился:

— Кто?

— Гай Фонтей.

— А-а! — Он сложил пальцы пирамидкой. — Хороший человек, один из самых верных моих сторонников. Ты хочешь выйти за него замуж?

— Да, но только с твоего согласия, брат.

— Я не могу согласиться.

— Но почему?

— Октавия, ты же сама знаешь. Не потому, что этот брак сильно возвысит его, а потому, что он сильно унизит тебя.

Октавия сникла. Она села в кресло, опустила голову:

— Да, я это понимаю. Но это жестоко, маленький Гай.

Детское имя вызвало у него слезы. Он сморгнул их и спросил:

— Почему жестоко?

— Я очень хочу выйти замуж. Я отдала тебе много лет своей жизни, Цезарь, не жалуясь и не ожидая награды. — Она подняла голову. — Я — не ты, Цезарь. Я не хочу быть выше других. Я хочу снова ощутить мужские руки. Я хочу быть желанной, нужной не только детям.

— Это невозможно, — произнес он сквозь зубы.

— А если мы станем любовниками? Никто не узнает, мы будем очень осторожны. Дай мне хотя бы это!

— Я бы хотел, Октавия, но мы живем словно в прозрачном пруду. Слуги сплетничают, мои агенты разносят слухи. Этого нельзя допустить.

— Нет, можно! Сплетни о нас ходят постоянно — о твоих любовницах, о моих любовниках. Рим гудит! Ты думаешь, что Рим еще не считает Фонтея моим любовником, после того как мы столько времени провели вместе? Что изменится, кроме того, что вымысел станет фактом? Это уже старо, Цезарь, настолько старо, что вряд ли стоит обращать внимание.

Октавиан слушал с непроницаемым лицом, прикрыв глаза. Потом взглянул на нее и улыбнулся самой очаровательной улыбкой маленького Гая.

— Хорошо. Пусть Гай Фонтей будет твоим любовником. Но никто другой, и никогда публично — ни взглядом, ни жестом, ни словом. Мне это не нравится, но ты не страдаешь неразборчивостью. — Он хлопнул себя по коленям. — Я привлеку Ливию Друзиллу. Ее помощь будет бесценна.

Октавия вся сжалась:

— Цезарь, нет! Она не одобрит!

— Одобрит. Ливия Друзилла никогда не забывает, что в нашей семье есть только одна мать.

Конец того года был ознаменован кризисами, каких не предвидели ни Октавиан, ни Агриппа. Как всегда, источником была одна известная семья. На сей раз это были Лицинии Крассы, клан столь же древний, как Республика, и его теперешний глава так умно стал добиваться власти, что не сразу сумел понять, почему же он терпит неудачу. Но этот выскочка, этот мошенник Октавиан блестяще справился с ним — и совершенно законно, через сенат, на поддержку которого Марк Лициний так надеялся и который его не поддержал.

Сестра Красса, Лициния, была женой Корнелия Галла, и таким образом он оказался вовлечен в эти события. Будучи наместником Египта, он много сделал как исследователь. Его

успех так вскружил ему голову, что он написал об этом на пирамидах, в храмах Исиды и Хатхор и на разных памятниках в Александрии. Он воздвиг гигантские статуи себе везде, а это запрещалось всем римлянам, чьи статуи не должны были превышать рост человека. Даже Октавиан тщательно соблюдал это правило. То, что его друг и сторонник Галл пренебрег этим, стало скандалом. Вызванные в Рим ответить за свое высокомерие, Корнелий Галл и его жена покончили с собой во время слушаний дела об измене в сенате.

Всегда извлекающий для себя уроки, Октавиан с этого времени стал посылать для управления Египтом только людей низкого происхождения. Он также следил, чтобы проконсулов, управляющих провинциями, посылали в те регионы, где нет больших армий. Армии доставались экс-преторам, а поскольку они хотели быть консулами, то следовало ожидать, что они будут вести себя пристойно. Право на триумфы будет иметь только семья Октавиана, и никто больше.

— Умно, — заметил Меценат. — Твои сенаторские овцы ведут себя как ягнята: бя-я-я, бя-я-я.

— Новый Рим не может позволить возвышаться амбициозным людям, да еще посвящать в свои намерения всадников, не говоря уже о простом народе. Пусть они завоевывают военные лавры — пожалуйста, но на службе у сената и народа Рима, а не для того, чтобы усилить свои семьи, — сказал Октавиан. — Я придумал, как кастрировать аристократов — старых или новых, без разницы. Пусть живут как хотят, но не стремятся к публичной славе. Я разрешу им набивать брюхо, но — никакого величия.

— Тебе нужно еще одно имя, кроме Цезаря, — сказал Меценат, глядя на красивый бюст божественного Юлия, привезенный из дворца Клеопатры. — Я заметил, что тебя не привлекает ни «вождь», ни «принцепс». Разумеется, «император» лучше, чем «вождь», а «божественный сын» уже не актуален. Но какое имя?

— Ромул! — тут же предложил Октавиан. — Цезарь Ромул!

— Невозможно! — горячо возразил Меценат.

— А мне нравится Ромул!
— Пусть это тебе нравится, Цезарь, но это имя основателя Рима — и первого царя Рима.

— Я хочу, чтобы меня называли Цезарь Ромул!

Октавиан продолжал стоять на своем, несмотря на все доводы Мецената и Ливии Друзиллы. Наконец они пошли к Марку Агриппе, который находился в Риме, потому что был консулом уходящего года и должен был снова занять консульский пост в новом году.

— Марк, убеди его, что он не может быть Ромулом.

— Я попытаюсь, — сказал Агриппа, — но ничего не обещаю.

— Я не знаю, о чем весь этот спор, — угрюмо произнес Октавиан, когда снова зашел разговор об имени. — Мне нужно имя, соответствующее моему статусу, и я не могу придумать что-то хоть наполовину отвечающее ему, кроме Ромула.

— Ты передумашь, если кто-нибудь найдет более подходящее имя?

— Конечно! Я не слепой и понимаю, что имя Ромул связано с представлением о царе!

— Найди ему лучшее имя, — велел Агриппа Меценату.

Имя нашел Вергилий, поэт.

— А как насчет Августа? — осторожно спросил Меценат.

Октавиан удивился:

— Август?

— Да, Август. Это значит «высочайший из высших, самый славный из славных, величайший из великих». И это имя никогда никем не использовалось как когномен.

— Август, — произнес Октавиан, вслушиваясь в звучание. — Август... Да, оно мне нравится. Очень хорошо, пусть будет Август.

В тринадцатый день января, когда Октавиану исполнилось тридцать пять лет и он был консулом уже в седьмой раз, он созвал сенат.

— Для меня настало время сложить полномочия, — сказал он. — Опасности больше нет. Несчастный Марк Антоний уже

два с половиной года как мертв, а с ним и царица зверей, которая подло подкупала его. Паника и ужасы того времени ушли в прошлое. Они ничто по сравнению с мощью и славой Рима. Я был верным стражем Рима, его неустанным защитником. Поэтому сегодня, почтенные отцы, я объявляю, что отказываюсь от всех моих провинций. Это острова, дающие нам зерно, обе Испании, обе Галлии, Македония и Греция, провинция Азия, Африка, Киренаика, Вифиния и Сирия. Я передаю их сенату и народу Рима. Все, что я хочу сохранить, — это мое *dignitas*, статус консуляра и главы сената и личное звание почетного плебейского трибуна.

Сенат взорвался.

— Нет, нет! — слышалось отовсюду все громче и громче.

— Нет, великий Цезарь, нет! — раздался громкий голос Планка. — Умоляем тебя, останься правителем Рима, мы доверяем тебе!

— Да, да, да! — со всех сторон.

Фарс продолжался несколько часов. Октавиан пытался протестовать, говорил, что он больше не нужен, а сенаторы настаивали на его незаменимости. Наконец Планк, известный ренегат, отложил рассмотрение этого вопроса на три дня, до следующего собрания сената.

В шестнадцатый день января Луций Мунаций Планк обратился от лица сената к его самому яркому представителю.

— Цезарь, твоя твердая рука всегда будет нам нужна, — произнес Планк елейным голосом. — Поэтому мы просим тебя сохранить твой *imperium maius* над всеми провинциями Рима и хотим, чтобы ты продолжал быть старшим консулом и в будущем. Твое скрупулезное внимание к благосостоянию Республики мы все отметили, и мы рады, что благодаря твоей заботе Республика вновь обрела мощь, восстановила силы на все времена.

Он продолжал говорить еще час и закончил громовым голосом, который эхом отозвался в помещении:

— В качестве особого знака благодарности сената мы хотим дать тебе имя Цезарь Август и рекомендуем принять закон, по которому больше ни один человек никогда не будет

носить это имя. Цезарь Август, величайший из великих, храбрый из храбрых! Цезарь Август, величайший человек в истории Римской республики!

— Я согласен.

Что еще тут можно было сказать?

— Цезарь Август! — взревел Агриппа и обнял его.

Первый среди его приверженцев, первый среди его друзей.

Август вышел из курии Гостилия божественного Юлия в окружении сенаторов, но рука об руку с Агриппой. В вестибюле он обнял жену и сестру, потом подошел к лестнице и поднял руки вверх, отвечая на приветствия толпы.

«Ромул уже был, — подумал он, — а я — Август, единственный».

Глоссарий

Авгур — член жреческой коллегии, состоявшей в то время из пятнадцати человек. Обязанностью авгура было не предсказание будущего, а истолкование определенных явлений и знаков, указывающих, одобряют ли боги то или иное начинание: собрание, новый закон и другие общественные дела. Авгуры давали ответы, сверяясь со священными книгами, и не претендовали на обладание сверхъестественными способностями. Носили особую тогу в красную и пурпурную полоску и имели при себе особый жезл — литуус, изогнутый на конце.

Агора — открытое пространство в греческом городе, служившее местом собраний. Как правило, окруженное колоннадой.

Анатолия. — Приблизительно совпадает с современной Турцией.

Аполлония — город, являвшийся конечным пунктом Эгнатиевой дороги, на Адриатическом побережье Македонии. Аполлония располагалась неподалеку от устья современной Вьосы в Албании. Конечным пунктом на севере был Диррахий.

Апулия — историческая область на юго-востоке Италии, «шпора» итальянского сапога, где Апеннины выравниваются. Ее жители, апулийцы, считались бедными и отсталыми.

Арабы-скениты — арабское племя, обитавшее к востоку от Евфрата, в окрестностях Зевгмы и Никефория. Это были кочевники, жившие в пустынных землях и не питавшие ни малейшего пиетета к римлянам.

Армения Парва — Малая Армения. Лежала к западу от собственно Армении, в верховьях Евфрата. Это была высокогорная и суровая страна.

Арретий — современный Ареццо в Италии на реке Арно.

Асфальтовое, или Мертвое, море (*лат.* palus Asphaltites). — В древности крупнейший источник асфальта, который поднимался на поверхность, так что его можно было «вылавливать» из воды. Асфальт ценился весьма высоко.

Ауксиларии — не имевшие римского гражданства солдаты вспомогательных войск. Кавалерия чаще всего состояла из ауксилариев.

Базилика — здание в Риме, где проходили общественные мероприятия, например заседания судов. Освещались базилики окнами по бокам второго яруса.

Баллиста — во времена Республики артиллерийское орудие, предназначенное для метания камней и булыжников. Снаряд помещался в ложе на конце метательного рычага, оттянутого при помощи скрученного жгута. Когда жгут отпускали, рычаг взлетал вверх и ударялся в мощный упор, посылая снаряд на значительное расстояние. В умелых руках баллиста стреляла довольно точно.

Белги — группа воинственных племен смешанного германо-кельтского происхождения, населявших северо-западную и прирейнскую части Галлии. К ним относились нервии, которые сражались пешими, и треверы, выставлявшие конницу.

Бонония — город на Эмилиевой дороге в Итальянской Галлии. Современная Болонья на севере Италии

Бурдигала — галльский город в устье Гарумы (Гаронны). Современный Бордо во Франции.

Вилла — римское загородное поместье с садом-перистилем. Старый музей Гетти в Малибу (Калифорния) является блестящей реконструкцией виллы Пизона, тестя Юлия Цезаря, в Геркулануме, настоящего чуда света.

Вольноотпущенник — получивший свободу раб, обязанный носить особый головной убор, так называемый колпак свободы. Хотя формально вольноотпущенник становился свободным (и римским гражданином, если таковым был его хозяин), между ним и бывшим хозяином устанавливались отношения клиента и патрона. Вольноотпущеннику едва ли удавалось полноценно реализовать свое избирательное право. Однако если он обладал деловой хваткой, то мог подняться по экономической лестнице.

Всадники (*лат.* *ordo equester*) — римские граждане первого класса. В эпоху царей и ранней Республики это была конница в римской армии, а поскольку лошади были дороги, их оплачивало государство. Однако ко времени действия данной книги «всадниками» в основном называли коммерсантов, принадлежавших к первому классу. А слово стало обозначать экономический и социальный статус.

Гадес — современный Кадис в Испании.

Галатия — в III в. до н. э. анклав галлов, осевших в Анатолии, на богатых пастбищах между Вифинией и рекой Галис. Его древняя столица, Анкира, — теперь Анкара, столица Турции.

Галис (река) — ныне Кызылырмак в центральной Турции.

Галлия, Галлии — любые территории, населенные кельтскими племенами. Римляне называли эти народы не кельтами, а галлами.

Гарпия — мифологическое чудовище женского пола с телом хищной птицы и головой женщины.

Гарум — рыбный соус, высоко ценимый в Древнем Риме. Насколько нам известно, соус имел весьма неприятный запах. Лучший гарум делали в Испании.

Геллеспонт — пролив между Европой и Азией, соединяет Мраморное море с Эгейским. Современные Дарданеллы

Герма — четырехгранный столб, традиционно украшавшийся скульптурным изображением эрегированного фаллоса. В христианские времена изображения мужских гениталий, считавшиеся непристойными, уничтожались.

Горгона — мифологическое чудовище женского пола. Вместо волос на ее голове извивались живые змеи, а взгляд обращал в камень. Из трех сестер-горгон только Медуза могла превращать своих жертв в камень.

Государственный конь — в древности конь, покупавшийся на государственные средства. Хотя со временем римляне отказались от собственной кавалерии, представители знаменитых семей продолжали награждаться государственным конем.

Двуколка — двухколесная повозка, в которую запрягали от одного до четырех мулов.

Денарий — римская монета небольшого размера, около 2 см в диаметре, как правило чеканившаяся из серебра. Денарий составляли 4 сестерция, 6250 денариев составляли серебряный талант.

Диадема — знак власти монархов эллинистических государств. Головная повязка в виде белой ленты около 2,5 см шириной. Диадему повязывали посередине лба, делая узел на затылке и опуская по плечам концы.

Дионис — греческий бог, чей культ, вероятно, пришел из Фракии, где он был кровавым и экстатическим. Во время, описываемое в данной

книге, бог уже не был столь свирепым и покровительствовал вину и веселью.

Длинноволосая, или Косматая, Галлия. — Получила свое название, поскольку ее обитатели носили длинные волосы, что считалось признаком варварства. Приблизительно совпадала с современной Францией и Бельгией, за исключением долины Роны и Средиземноморского побережья. Населяли ее племена кельтов и белгов.

Друидизм — религия кельтов, которой свойственны мистицизм и вера в одушевленность природы. Была совершенно чужда римлянам, осуждавшим непонятные культы и человеческие жертвоприношения.

Дуумвир — один из двух ежегодно избиравшихся старших магистратов города или муниципия.

Душа (*лат.* *animus*). — В «Оксфордского словаре латинского языка» есть следующее определение: «Разум, противопоставляемый телу, разумное начало или дух, составляющие с телом единую личность». Скорее всего, древние римляне не верили в бессмертие души, которую считали животворящей силой.

Елисейские поля. — Римляне не верили в личное бессмертие, однако они признавали существование загробного мира, где обитали лишенные сознания и индивидуальных черт тени. Елисейские поля служили пристанищем самых добродетельных теней, ибо там, испив крови, тень умершего на краткое время могла вновь обрести человеческие чувства и желания.

Иды — один из трех ключевых дней римского месяца. Иды приходились на тринадцатое января, февраля, апреля, июня, секстилия (августа), сентября, ноября и декабря. В марте, мае, июле и октябре иды выпадали на пятнадцатое число.

Илион — Троя.

Иллирия — дикий горный край на восточном побережье Адриатического моря, куда входили Истрия, Либурия и Далмация.

Император — буквально: главнокомандующий римской армией. Во время действия книги так называли только полководца, провозглашенного «императором» на поле боя. Император имел право на триумф.

Империй — полнота власти, которой наделялся курульный магистрат, промагистраты тоже обладали империем, но не обязательно того же достоинства. Число ликторов варьировалось в соответствии с достоинством империя: шесть у претора, двенадцать у консула.

Инсула (*букв.* остров). — Такое название получило отдельно стоящее строение, как правило окруженное со всех сторон улицами или аллеями.

Италийская Галлия — земли к северу от рек Арно и Рубикон и до Альп. Орошаемая водами реки Пад (совр. По), это была очень богатая и плодородная область. Однако с экспортом ее богатств в Италию возникали трудности из-за Апеннинских гор и встречных ветров на море.

Италия — полуостров к югу от рек Арно и Рубикон.

Июль — римский месяц квинтилий был переименован в июль после убийства и обожествления Юлия Цезаря.

Календы — одна из трех ключевых дат месяца. Первый день месяца.

Калиги — обувь legionera, более закрытая, чем обыкновенные сандалии. Толстая кожаная подошва, подбитая металлическими гвоздями, защищала стопу от попадания гравия или песка. Открытая вентилируемая конструкция помогала сохранять ноги здоровыми. В холодную погоду legionеры надевали толстые носки и вкладывали в калиги стельки из кроличьих шкурок.

Кампания — сказочно богатая область на западе Италии с плодородными почвами вулканического происхождения. Находилась между Самнием и Тирренским морем, простиралась от Таррацины на севере до Неаполитанского залива на юге. Из-за самнитского и греческого населения в регионе всегда были сильны мятежные настроения.

Капуя — один из самых больших городов внутренней части Кампании. Многократно нарушала союзнические обязательства по отношению к Риму, ко времени действия этой книги стала центром огромной военной индустрии, обслуживая окружавшие ее военные лагеря и гладиаторские школы.

Карры — ныне Харран на юге Турции около сирийской границы. Место, где войско, состоявшее из семи легионов, под командованием Марка Красса потерпело сокрушительное поражение от парфян.

Катапульта — в республиканские времена артиллерийская машина, предназначенная для метания тяжелых деревянных стрел. По принципу действия катапульта схожа с арбалетом. Небольшие катаapultы назывались **скорпионами**.

Квестор — самая младшая магистратура. Квестор не обладал империем, однако эта должность открывала доступ в сенат. Квестор отве-

чал за государственные финансы: он мог служить в римском казначействе, отвечать за казну наместника, портовые сборы и т. д.

Квинквирема — распространенная форма древней боевой галеры. Хотя она была слишком медленной и неуклюжей, у нее имелись преимущества: вес и возможность разместить артиллерию и солдат. Квинквирема, или «пятерка», вероятно, называлась так, потому что на ней веслом управляли пять человек, или же пять гребцов распределялись на три весла одной скамьи. Верхний ряд весел всегда крепился в выносных уключинах; если на корабле было три ряда скамеек, тогда средний ряд весел пропускался в отверстия высоко над водой, а нижний ряд — почти на уровне воды, так что уключины приходилось снабжать кожаными манжетами. Квинквиремы всегда были палубными и вмещали 120 солдат. Команда состояла из 270 профессиональных гребцов. Рабская сила на галерах стала использоваться только в христианскую эпоху. 30 моряков управлялись со снастями, и 5 человек — с тяжелым парусом.

Классы. — Все римские граждане делились на классы с первого по пятый в зависимости от дохода и величины имущества, определявшихся цензорами.

Клиент, клиентела — свободный человек или вольноотпущенник (не обязательно гражданин Рима), который отдавал себя под покровительство патрона. Клиент должен был всегда действовать в интересах патрона и исполнять его поручения; патрон, в свою очередь, обязывался оказывать поддержку своему клиенту (денежные подарки, получение какого-либо места или юридическая помощь). Целые города могли быть клиентами одного человека, например, Бонония и Мутина были клиентами Антония.

Клиент-царь — иностранный монарх, признавший Римское государство или римского гражданина своим патроном.

Когорта — тактическая единица римского легиона. Когорта включала шесть центурий, легион обычно состоял из десяти когорт.

Комиций (*лат., ед. ч. comitium, мн. ч. comitia*) — собрание римских граждан, имеющих право голоса. Комиции могли собираться для принятия законов и плебисцитов, для слушания судебных дел, вынесения юридических решений, например об усыновлении, и проведения выборов. Они имели право отзывать магистратов; в их ведении находились и религиозные вопросы, например избрание жрецов и авгуров.

Консул — высший магистрат в Риме, наделенный империем. Ежегодно избирались два консула сроком на один год. Старшим консулом становился кандидат, первым набравший в центуриях необходимое число голосов. В должность консулы вступали 1 января. Старший консул получал фасции на январь, и это означало, что властью обладал он, в то время как младший консул только наблюдал. Полномочия каждый месяц переходили от одного к другому в течение года. Консульский империй превосходил империй любого магистрата, кроме империя диктатора, а во время действия данной книги обладателя *imperium maius*.

Консул-суффект — консул не избранный, а назначенный сенатом. Обычно консул-суффект назначался в тех случаях, когда избранный консул умирал в год службы, или в другой сложной ситуации. Но во время триумvirата такое назначение стало наградой за преданность.

Консульт (сенатский консульт) — постановление сената, не являвшееся законом, а носившее рекомендательный характер.

Консуляр — бывший консул.

Контубернал — юноша из знатной семьи, проходивший в течение года обязательную военную службу при командующем. Служба в таком качестве обычно была первым шагом политической, а не военной карьеры.

Коркира — ныне Корфу, остров в Адриатическом море у берегов Греции.

Корнелия, мать Гракхов. — Немногие женщины эпохи Республики сумели прославиться, но Корнелии поклонялись как богине, хотя ее культ не был утвержден официально. Дочь Сципиона Африканского и Эмилии Павлы, она вышла замуж за Тиберия Семпрония Гракха и родила ему двенадцать детей, из которых выжили только трое. Два мальчика были знаменитые братья Гракхи. Один сын ее был убит, другого вынудили покончить с собой. Ее внучка вышла замуж за Фульвия и произвела на свет Фульвию, которая была замужем за Клодием, затем за Курионом и, наконец, за Марком Антонием. Несмотря на все трагедии, постигшие Корнелию, она никогда не жаловалась. Ее глубоко почитали за стойкость. Она была примером для всех римских женщин, которому, правда, редко кому удавалось следовать.

Курульное кресло — кресло из слоновой кости, предназначенное исключительно для высших, курульных, магистратов. Ножки курульного кресла перекрещивались в виде буквы «X», подлокотники были низкие, спинка отсутствовала. Вероятно, оно было складным, чтобы

его удобно было носить. Консулы и преторы определенно имели право на курульное кресло, по поводу курульных эдилов ученые пока не пришли к единому мнению.

Лазерпиций — снадобье, которое получали из североафриканского растения под названием «сильфий». Использовалось как средство, улучшающее пищеварение при переедании, и было очень дорогим.

Лары и пенаты — римские божества дома и поля, охранявшие амбары и кладовые, буквально все, отчего зависели безопасность и благополучие семьи.

Латифундия — обширный участок земли, обычно общественной, который, как правило, использовался под пастбище и не возделывался. Латифундии были главной причиной, по которой Италия не могла обеспечить себя пшеницей, поскольку мелкие крестьянские хозяйства лишились земли. Из-за латифундий количество наемных сельскохозяйственных рабочих сокращалось, и крестьяне уходили в город.

Легат — чин из высшего командного состава, заместитель главнокомандующего.

Легион — самая маленькая организационная единица римской армии, способная сражаться самостоятельно, полностью укомплектованная, вооруженная и оснащенная для ведения войны. Легион состоял из 4800 солдат, разделенных на десять когорт по шесть центурий в каждой, из 1200 нестроевиков, набравшихся из римских граждан, из 60 центурионов, а также из оружейников и отряда артиллеристов. На легион полагалось 600 вьючных мулов и 60 повозок, которые тянули волю.

Лемуры — тени умерших, обитатели подземного мира.

Либуры — военные корабли, изначально служившие либурнийским пиратам. Трудно строить предположения об их точных размерах, но, поскольку Агриппа использовал либуры в морском сражении, они должны были быть приблизительно с трирему, или «тройку». Это значило, что они были палубными и вмещали достаточно большое число моряков. Разумеется, они были быстрыми и маневренными.

Лигурия — горная прибрежная область, простиравшаяся от Итальянской Галлии до Заальпийской Галлии. Бедный регион, славившийся шерстью, из которой делали непромокаемую верхнюю одежду.

Мавретания — современное Марокко.

Македония — простиралась от восточного побережья Адриатического моря, на севере гранича с Иллирией, на восток через Кандавские горы до реки Стримон. В древности была гораздо больше, чем ныне. Через Македонию проходила Эгнатиева дорога.

Манипула — в древности тактическая единица легиона, включавшая две центурии. Гай Марий сделал основной тактической единицей когорту. Манипулы использовались лишь во время парадов.

Массилия — современный Марсель.

Морские лары (*lares permarini*). — Защищали путешественников от опасностей, таившихся в открытом море и в морской пучине.

Муниципий — область с правом самоуправления, однако по римским представлениям не обладавшая полной автономией.

Мутина — город на Эмилиевой дороге в Итальянской Галлии. Современная Модена. Входила в клиентелу Марка Антония.

Наше море (*лат.* Mare nostrum) — Средиземное море.

Неимущие — беднейшие римские граждане назывались *capite censi*, сосчитанные по головам, поскольку во время переписи единственным, что они могли предъявить цензорам, были их головы. Такие люди не принадлежали ни к одному из пяти имущественных классов, хотя имели право голосовать и носить тогу.

Ноны — одна из трех ключевых дат римского месяца. Ноны выпадали на пятнадцатый день, если иды выпадали на тринадцатый; и на семнадцатый, когда иды приходились на пятнадцатый.

Нумены (*лат.* numen, *мн. ч.* numina) — исконные римские божества, лишённые обличья и пола, скорее силы, нежели существа. С ними не было связано никакой мифологии. В их ведении находилось все: от дверей до дождя и ветра, войны и общественного блага. Каналами для действия этих сил служили отношения между миром людей и миром богов, выстроенные по принципу: ты мне — я тебе. Отсюда римский обычай заключать с богами договоры.

Нундина — римская восьмидневная неделя (*nundinum*), каждый восьмой день был рыночный (*nundinus*). Календарь прибывал к росте на Римском форуме.

Оппид — галльская крепость, считавшаяся римлянами очень уродливой.

Отцы, внесенные в списки (*лат.* patres conscripti) — уважительное обращение к сенаторам. Цари Рима называли своих советников

«отцы». Когда списки членов сената начали пополняться цензорами, сенаторы стали именоваться «отцы, внесенные в списки».

Пад — современная река По на севере Италии.

Паретоний — возможно, современный Мерса-Матрух на северо-западе Египта.

Парфянское царство. — Парфянское царство не следует путать с Парфией, небольшой областью к северо-востоку от Каспийского моря. Земли, находившиеся под властью парфянского царя, простирались от Инда до Евфрата. Местность была весьма негостеприимной.

Пилум (лат. pilum) — копьё легионера. Стальной стержень заканчивался маленьким зазубренным наконечником и вставлялся в деревянное древко. Поскольку соединение древка и стержня было непрочным, копьё, вонзившись в щит противника, ломалось и становилось бесполезным для вражеских воинов. Это было изобретением Гая Мария.

Пицен — область на восточном побережье Адриатического моря. «Икроножная мышца итальянской ноги». Из Пицена были родом многие скандальные политики. Римляне смотрели на пиццев сверху вниз, как и на галлов. Что всегда оставалось большим вопросом для Помпея Великого.

Плеbei (плебс) — подавляющее большинство римских граждан. Ко времени действия данной книги патрициев осталось совсем немного.

Плебейский (народный) трибун — выборный магистрат, который представлял не весь римский народ, а только плебс. Это означало, что плебейские трибуны не имели права совершать ауспиции и не обладали империем. Однако они пользовались неприкосновенностью при выполнении своих обязанностей и у них имелось сильное политическое оружие — право вето. Плебейские трибуны могли наложить вето на принятие закона, проведение какого-либо мероприятия или предложение магистрата. Они принимали много законов, но ко времени описываемых событий их законотворческая деятельность уже не была столь бурной.

Плетр — мера длины, равная 29,6 м.

Померий — священная граница города Рима, отмеченная камнями (*sippi*). Померий не совпадал с Сервиевой стеной, Авентин и Капитолий находились за его пределами. Согласно религиозной традиции истинный Рим существовал лишь в пределах померия; остальная территория — просто римская земля.

Понтифик — римский жрец, член коллегии понтификов. Глава коллегии понтификов, великий понтифик, жил в Государственном доме, который он делил с весталками. Понтифики носили тогу в красную и пурпурную полоску.

Претор — второй по важности пост в иерархии римских магистратов, обладавших империем. В его ведении было отправление правосудия. Срок службы претора составлял один год. Ему полагались шесть ликторов.

Провинция — область, находившаяся под прямым правлением Рима.

Промагистрат, проконсул, пропретор, проквестор — лицо, наделенное империем этих магистратов, после того как истек срок пребывания в выборной должности. Проконсулы и пропреторы обычно отправлялись управлять провинциями.

Проскрипции — список лиц, объявленных вне закона. Люди, включенные в такой список, лишались имущества и часто жизни. Обычно это были проигравшие в гражданской войне. Проскрипционные списки вывешивались на ростре на Римском форуме.

Публиканы — частные компании, заключавшие с казначейством контракт на сбор налогов в провинциях. Они всегда выжимали из провинций больше того, что было оговорено в контракте. Сбор налогов был очень доходным делом.

«**Пятерки**» — разговорное название квинквирем.

Регий — современный Реджо в Калабрии.

Римский орел — серебряное знамя в виде орла. Гай Марий ввел такой штандарт в каждом легионе, чтобы у его неимущих солдат появился патриотический символ. Серебряный орел для легионеров был почитаемой святыней. Эта хитрость сработала блестяще.

Родан — современная Рона во Франции.

Ростра — ораторская трибуна на Форуме. Получила свое название от стоявшей рядом колонны с прибитыми на ней таранами вражеских кораблей.

Рубикон — восточная граница Италии. Современные ученые не пришли к единому мнению, что это была за река, поскольку в более поздние времена вокруг Равенны велись интенсивные осушительные работы.

Сатрапия — территория, зависимая от центра, но управлявшаяся как отдельная административная единица. Правитель такого региона

назывался сатрапом. Парфянский или восточный эквивалент царства-клиента.

Сенат — так сказать, верхняя палата. Ко времени действия данной книги сенат состоял из тысячи человек. Некоторые становились сенаторами, выдвигая свою кандидатуру на должность квестора, другие назначались цензорами или триумвирами. Сенат не принимал законы, а лишь давал рекомендации комициям, к этому времени фактически переставшим функционировать. Законы издавались триумвирами, которые поддерживали комиции только на словах.

Серapis — синкретическое божество, созданное александрийцами времен первых Птолемеев при участии верховного жреца Птаха Манефона. Целью было соединение греческой и египетской традиций, чтобы у Александрии появилось свое местное божество, культ которого был бы приемлем для греческого населения. Посвященная Серapisу территория находилась в Ракотисе, беднейшем районе города, что дает основание полагать, что Серapisу поклонялись низшие классы.

Сестерций — мелкая серебряная монета, в которой, как правило, производились расчеты в Риме. Четыре сестерция составляли денарий, а 25 000 сестерциев — талант.

Сирены — мифологические существа женского пола, обитавшие на опасных утесах и скалах в море. Они завораживали мореплавателей своими прекрасными песнями, так что те теряли бдительность и разбивали о камни свои корабли.

Сол Индигет, Теллус, Либер Патер — три древних римских божества-нумена. Клятва их именами считалась страшной и нерушимой. Даже самые циничные из римлян оставались верными такой клятве, чего бы им это ни стоило.

Субура — впадина между римскими холмами Виминалом и Эсквилином. В эпоху Республики был самый неблагополучный и бедный район Рима. Светоний утверждал, что в Субуре провел детство Цезарь.

Тактика Фабия — получила название по имени Фабия Максима Кунктатора, который в течение семнадцати лет преследовал армию Ганнибала в Италии, избегая генерального сражения.

Талант — вес, который человек может унести на спине. Около 25 килограммов.

Тапробана — Шри-Ланка (Цейлон).

Таран (*лат. gostrum*). — Тараны, которыми были снабжены боевые корабли, делались из дуба или бронзы и выступали ниже ватерлинии, чтобы делать пробоины во вражеских судах.

Тирский пурпур. — Из всех цветов в Древнем мире выше всего ценился пурпур. Самым редким и дорогим был краситель, который делался из моллюсков *tirex* в сирийском Тире. Он был таким темным, что казался почти черным с красноватым отливом.

Транспорт — корабль для перевозки войск. Если такие суда шли пустыми, греб экипаж, если с легионерами, то приходилось грести солдатам. Поскольку римские легионеры боялись моря, командиры считали, что полезное занятие отвлечет их от страхов.

Триумф. — Римский военачальник, чьи войска провозгласили его императором на поле сражения, мог обратиться в сенат за разрешением отметить триумф и чаще всего получал согласие. По возвращении в Рим он возглавлял грандиозную процессию, демонстрировавшую населению его подвиги и трофеи. Некоторые триумфы были зрелищными, другие — заурядными.

Тур (*bos primigenia*) — тур, или европейский дикий бык. Животное, вымершее около тысячи лет назад, черного окраса, высотой около 180 см в холке, с длинными изогнутыми рогами.

Фалера — круглый диск из золота или серебра, 75–100 мм в диаметре, украшенный гравировкой. Награда за проявленное мужество. Обычно воин получал комплект из девяти фалер (три ряда по три фалеры в каждом). Носили их на ремнях поверх кольчуги или кирасы.

Фанниева бумага — изобретение римлянина Фанния, подвергнувшего самый дешевый папирус специальной обработке, что существенно повысило его качество. Изобретение принесло ему огромное состояние.

Фарсал — небольшая долина в греческой Фессалии, где Цезарь победил Помпея Великого.

Фасты — присутственные дни в римском календаре, а также список консулов.

Фасции — связки из березовых прутьев, по традиции перетянутых крест-накрест красными кожаными ремешками. Ликторы, шествуя перед курульными магистратами, несли фасции как знак их империя — шесть полагалось претору, двенадцать консулу. В границах города Рима фасции состояли из одних лишь прутьев (вероятно, их

было тридцать, по одному на каждую курию); за пределами поме-
рия в связку прутьев вставляли топор, символизировавший право
курульного магистрата не только пороть, но и казнить. Муссолини
избрал фации символом своей партии, откуда произошло современ-
ное слово «фашист».

Фламин — римский жрец, исполнявший особые обязанности. Всего
было три старших фламينا, служивших Юпитеру Всеблагому Все-
сильному (*flamen Dialis*), Квирина (*flamen Quirinalis*) и Марсу (*flamen
Martialis*). На фламينا налагались определенные ограничения, осо-
бенно на фламينا и фламиника Юпитера. *Flamen Dialis* не мог дотра-
гиваться до железа, завязывать узлы, смотреть на мертвое тело. Фла-
мин носил круглую накидку, *laena*, и *apex*, плотно прилегающий к го-
лове остроконечный шлем, на который был насажен диск из шерсти.

Форум — площадь для народных собраний в римском городе, а так-
же рынки — рыбные, мясные, зеленные.

Фрааспа — древний город в окрестностях современного Зенджана
в Иране.

Фракия — область, длинной полосой протянувшаяся от реки Стри-
мон, вдоль Геллеспонта и Боспора Фракийского. Она простиралась
вглубь континента и, за исключением Средиземноморского побере-
жья, была населена варварскими племенами.

Хламида — верхняя одежда у греков, род плаща.

Царь священнодействий (*лат. rex sacrorum*) — главный жрец Рима
в эпоху царей, функции которого выполнял сам царь. После возник-
новения Республики была изобретена должность великого понтифи-
ка, занимавшего более высокое положение. Типично римское решение
проблемы.

Цензор — магистрат самого высокого ранга, хотя и не обладавший
империем. На эту должность мог претендовать только бывший кон-
сул, становились цензорами лишь самые знаменитые консуляры. Два
цензора избирались сроком на пять лет (так называемый люстр).
Они пересматривали списки римских граждан, проверяли принадлеж-
ность к тому или иному классу, регулировали членство в сенате. Осу-
ществляли перепись римских граждан по всему миру. Обычно цензо-
ры плохо ладили друг с другом и складывали полномочия задолго до
истечения пятилетнего срока.

Центурион — командир в римской армии. Центурионы занимали от-
носительно привилегированное положение вне зависимости от соци-

ального расслоения. Среди центурионов существовала столь сложная иерархия, что современные ученые не могут установить, ни сколько в ней было ступеней, ни строгую их последовательность. Обычный центурион (*centurio*) командовал группой из восьмидесяти солдат и двадцати нестроевиков, называемой центурией. *Pilos prior* командовал когортой, и *primipilus* — легионом.

Эвксинское море — ныне Черное море.

Эгнатиева дорога — длинная восточная дорога. Две ветви, отходящие от Диррахия и Аполлонии на Адриатическом побережье, вскоре соединялись, и дорога шла почти на тысячу миль через Македонию и по побережью Фракии до Византия в северном направлении и до Геллеспонта, ответвляясь на юг. Она была построена около 146 г. до н. э. римлянами, чтобы облегчить передвижение войск.

Экбатана — современный Хамадан в Иране.

Эпир — прибрежная область Западной Греции. Приблизительно совпадает с современной Албанией.

Эфир — верхний слой воздуха, пронизанный божественными энергиями, или же окружающая богов аура. Может также означать небо, особенно синее небо в ясный день.

Югер — древнеримская мера площади, равная 2518,2 кв. метра, что составляет приблизительно $\frac{1}{4}$ гектара.

Словарь латинских терминов

Aedes — дом божества, в котором во время освящения не проводились ауспиции. У Весты, божества женщин, был *aedes*, а не *templum*. Он был круглой формы и располагался на Римском форуме.

Boni — буквально: «хорошие люди». Словосочетание использовалось со времен Плавта для обозначения ультраконсервативной фракции в сенате.

Cacat! — Дерьмо!

Centunculus — костюм клоуна из ярких лоскутьев.

Confarreatio — самый древний и строгий из трех видов бракосочетания. *Confarreatio* не пользовался популярностью по двум причинам: во-первых, женщина не имела никакой свободы и независимости; во-вторых, обряд не допускал развода.

Cunnus (*мн. ч.* cunni) — оскорбительное латинское ругательство, означающее женские гениталии.

Curator annonae — магистрат, отвечающий за снабжение зерном.

Domine, domina — мой господин, моя госпожа (звательный падеж).

Ecastor! — Самое сильное выражение удивления, приличествовавшее женщинам.

Edepol! — Самое сильное выражение удивления, допустимое правилами хорошего тона для мужчин.

Gens humana — человеческий род.

Gerrae! — Полная ерунда, совершенная чушь!

Hostis — враг Римского государства. Человек, объявленный *hostis*, лишался гражданства, собственности и часто жизни.

Imperium maius — неограниченный империй, ставивший его обладателя над всеми магистратами, за исключением диктатора, как в самом Риме, так и за его пределами. До этого времени был сравнительно редким явлением, но в последние десятилетия Республики сенат предоставлял *imperium maius* довольно многим.

Inepte — дурак, идиот.

Irrumator — смертельное оскорбление. Мужчина, сосущий член, стоя на коленях.

Lectus medius. — Римские обеденные ложа обычно ставились в форме латинской буквы «U», их могло быть от трех до пятнадцати. Ложе хозяина, *lectus medius*, служило нижней частью «U».

Lex (*мн. ч.* *leges*) — закон. Обычно назывался по имени обнаружившего его магистрата.

Lex Voconia de mulierum hereditatibus — принятый в 169 г. до н. э. закон, ограничивающий права женщин в делах наследования больших состояний. Однако сенат мог отменить его своим постановлением.

Locus consularis — самое почетное место во время трапезы. Находилось на правом конце центрального, хозяйского обеденного ложа.

Maiestas — «маленькая» измена. «Большая» измена — **perduellio** — однозначно влекла смертный приговор, наказанием же за *maiestas* могла быть ссылка и конфискация имущества.

Mentula — грубое латинское ругательство, обозначающее член.

Mentulam caco — грязное латинское ругательство: «Я сру на твой член!»

Meretrix — проститутка.

Meum mel — ласковое обращение, *буквально*: «мой мед».

Mos maiorum (*лат.* обычаи предков) — понятие, которое с трудом поддается определению. Установленный порядок вещей, традиции. Как было всегда и должно быть впредь. Неписаная конституция.

Nefas — святотатство.

Praefectus fabrum — ответственный за обеспечение римских легионов всем необходимым — от колышков для палаток до мулов, кольчуг, провианта и обмундирования. Обычно эту должность занимали гражданские лица, чаще всего банкиры.

Proletarii — беднейшие слои римских граждан, которые ничего не могли дать государству, кроме потомства. Но после Гая Мария это было уже не совсем верно, поскольку пролетарий мог стать солдатом.

Pronuba — главная дружка невесты, распорядительница на свадебном торжестве.

Quin taces! — Заткнись!

Saltatrix tonsa — «бритая танцовщица». Мужчина-гомосексуалист, наряжавшийся в женские одежды и продававший свои сексуальные услуги. Согласно *lex Scantinia*, это преступление каралось смертью.

Senatus consultum — декрет сената, не имевший силы закона.

Socius — свободный человек или вольноотпущенник, живший на римской территории, но не имевший гражданства.

Sui iuris — человек, который обладает полнотой гражданских прав и сам распоряжается своей жизнью. Так говорили о женщинах, распоряжавшихся своим состоянием.

Tace, quin taces! — Заткнись! (*ед. ч.*)

Tacetel — Заткнитесь! (*мн. ч.*)

Tata — папа.

Verpa — грубое ругательство, означающее мужской половой орган и крайнюю плоть.

Маккалоу К.

М 15 Антоний и Клеопатра : роман / Колин Маккалоу ; пер. с англ. А. Костровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 736 с. : ил. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-18288-2

«Антоний и Клеопатра» — седьмой, и последний роман знаменитого цикла Колин Маккалоу «Владыки Рима». Цезарь убит, и Рим снова разделен. Лепид отступил в Африку, Антоний правит изобильным Востоком, Октавиан властвует над Западом, сердцем Римского государства. Это напряженное перемирие не дает разразиться гражданской войне, но Рим, похоже, уже готов приветствовать нового императора — подлинного наследника Юлиев, который сможет продолжить дело Цезаря. Будет ли это Антоний, в руках которого несметные богатства Востока, — закаленный воин, чью жажду власти превосходит только его страсть к женщинам, пирам и хианскому вину? Или же его соперник Октавиан — худощавый золотоволосый юноша, настолько сдержанный, хладнокровный и проницательный, насколько Антоний безудержен и импульсивен? Клеопатра, золотоглазая царица с холодным сердцем и изощренным умом, приветствует Антония в своем дворце и на своем ложе, но желает лишь одного: посадить сына на освободившийся трон отца, Юлия Цезаря? Ближится развязка, на драматическом фоне последних дней Республики разыгрывается вневременная человеческая драма, в которой любовь и политика сплетаются в неразделимый узел.

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

КОЛИН МАККАЛОУ
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27 05 2021 Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆
Печать офсетная Тираж 4000 экз Усл печ л 46 Заказ № 3596/21

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436 ФЗ от 29 12 2010 г)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г Москва, ул Павловская, д 7, эт 2, пом III, ком № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г Санкт-Петербург, Воскресенская наб , д 12, лит А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел /факс (044) 490-99-01 E-mail sale@machaon kiev ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт» 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А www.pareto-print ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail sales@atticus-group ru, info@azbooka-m ru

В Санкт-Петербурге Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60 E-mail trade@azbooka spb ru

В Киеве ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел /факс (044) 490-99-01 E-mail sale@machaon kiev ua

Информация о новинках и планах на сайтах

www azbooka ru, www atticus-group ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу www azbooka ru/new_authors/

V BBH-26879 01-R

«Владыки Рима» — монументальная серия исторических романов, без преувеличения шедевр в области художественной литературы на тему Древнего Рима.

Реальные исторические факты в них искусно переплетаются с художественным вымыслом, но главное, благодаря чему романы этой серии уже без малого три десятилетия популярны у читателей, — мастерски воссозданный писательницей дух Древнего Рима.

Главные действующие лица эпопеи — знаменитые исторические деятели Гай Марий, Сулла, Помпей, Цицерон, Антоний, Октавиан, Гай Юлий Цезарь, их жены и дети, которые на страницах книг Маккалоу оживают, воплотившись в невероятно объемные образы. Что и неудивительно: на изучение истории Древнего Рима, систематизацию этой бездны информации и создание серии монументальных романов Маккалоу потребовалось почти двадцать лет.

S · P · Q · R

ISBN 978-5-389-18288-2 01

9 785389 182882

© Diomedea.com / Mary Evans